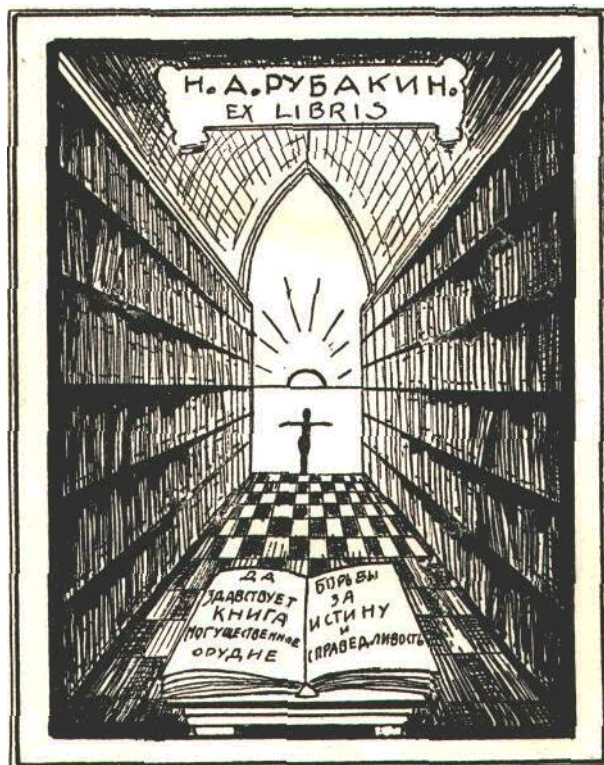

БѢЛОЕ ДѢЛО

V

И-ВО „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

МАТЕРІАЛЫ, СОБРАННЫЕ И РАЗРАБОТАННЫЕ

БАРОНОМЪ П. Н. ВРАНГЕЛЕМЪ†,
ГЕРЦОГОМЪ Г. Н. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИМЪ и
СВѢТЛ. КНЯЗЕМЪ А. П. ЛИВЕНОМЪ,

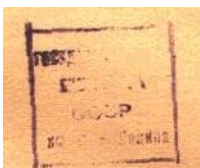
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. ФОНЪ-ЛАМПЕ

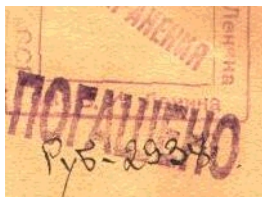

V

К-ВО „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Книга эта отпечатана въ
юль 1928 года въ г.
Берлинѣ въ типографіи
Зинабургъ и Ко., въ коли-
чествѣ двухъ ты-
сячъ пятисотъ экземп-
ля
ровъ

Перепечатка и переводы допускаются лишь съ разрѣшенія
наслѣдниковъ Генерала Барона П.Н. Врангеля.

Содержаніе ранѣе вышедшихъ книгъ Лѣтописи:

КНИГА I.

Отъ редакціи. А. фонъ-Лампе. — Бѣлая Идея. (Вмѣсто предисловія). И. А. Ильинъ. СѢВЕРЪ РОССІИ: Годъ на Сѣверѣ. (Часть 1—1918 годъ). В.В. Марушевскій. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Мартъ, 1920 года. П.Н.Врангель. — Документы: Письмо генерала Алексѣева къ генералу Дидерихсу. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Симбирская операція.

А.П.Степановъ. — Первое порученіе адмирала Колчака. М. А. Иностранцевъ. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Начало Сѣверо-Западной арміи. К. К. Смирновъ. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: Контрабандисты. (Отрывки изъ впечатлѣній). В. В. Шулъгинъ. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ. ПРИЛОЖЕНІЕ: Сравнительная хронологическая таблица борьбы на бѣлыхъ фронтахъ.

КНИГА II.

Быховскій альбомъ. С. Р. СѢВЕРЪ РОССИИ: Годъ на Сѣверѣ. (Часть II — 1919 годъ). В. В. Марушевскій. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Кубанцы (1917-1918г.г.). А. П. Филимоновъ. — Убіеніе генерала Романовскаго. В. П. Агапѣевъ. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Уральское казачье войско въ борьбѣ съ большевиками. И. Г. Акулининъ. — Документы: Обстоятельства, сопровождавшія выдачу адмирала Колчака революціонному правительству въ Иркутскѣ. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Даниловы. Л. Ф. Зуровъ. — Документы: Справка о балтійскомъ ландесверѣ. Сообщение офицера Сѣв.-Зап. арміи о бояхъ подъ Петроградомъ. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: На службѣ у большевиковъ. Е. М. Гаугъ. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

КНИГА III.

СѢВЕРЪ РОССИИ: Образование Сѣверной области. С.Н.Городецкій. — Годъ на Сѣверѣ. (Часть III — окончаніе). В. В. Марушевскій. — Документы: рѣчь генерала Айронсайда 12 ноября 1918 года. Бесѣда съ посланникомъ Линдлеемъ. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Смѣшное въ страшномъ. А. П. Брагинъ. — Съ Корниловымъ. С. М. Пауль. — Бредовскій походъ. Б. А. Штейфонъ. — Документы: Румыны — рапортъ офицера, командированнаго 23 февраля 1920 года изъ Константинополя въ Бугазъ. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Два возстанія. А. Я. Гутманъ (Анатолій Ганъ). — Письмо въ редакцію, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ выдачу адмирала Колчака. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Въ Южной Прибалтикѣ (1919 г.). Свѣтл. князь А. П. Ливень. — Передъ занятіемъ Риги. Д. Н. Потоцкій. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: Взрывъ порохового погреба. Г. Н. Детиллотъ. — Въ пасти Че-Ка. Атаман Дергачъ. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

КНИГА IV.

СѢВЕРЪ РОССИИ: Борьба за Россію на Сѣверѣ. Е. К. Миллеръ. — два переворота на Сѣверѣ. Г. Е. Чаплинъ. — Документы: Объявленія Верховнаго управленія Сѣверной области. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: въ дни Каледина. Н. Бѣлогорскій. — На Дону. Д. Н. Потоцкій. — Воспоминанія добровольца. Е. Емельяновъ. — Документы: Памятная записка о Крымской эвакуаціи. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Послѣдняя Россія. Н. А. Андрушкевичъ. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Крестоносцы. И. С. Коноплинъ-Горный. — Корпусъ генерала Довбортъ Мусницкаго. В. П. Агапѣевъ. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: Заговоры въ Петроградѣ. Н. Д. Нелидовъ. — Документы: Переход Семеновскаго полка. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦИЮ. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ. ПРИЛОЖЕНІЕ: Указатель книгъ и статей напечатанныхъ на бѣлой сторонѣ, въ которыхъ имѣется матеріалъ по исторіи Бѣлой Борьбы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТЪ РЕДАКЦИИ.....	6
ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ.....	9
Записки. (Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.). Генераль П. Н. Врангель. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (31 схема).....	9
Глава II. Освобожденіе Сѣвернаго Кавказа.....	56
Глава III На Москву.....	99
Глава IV. Крамола на Кубани.....	171
Глава V Развалъ.....	194

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ очередныхъ пятой и шестой книгахъ лѣтописи редакція временно отходитъ отъ своего намѣренія посвящать каждую книгу пяти фронтамъ борьбы противъ коммунизма и отдаетъ обѣ книги одному Южному фронту и въ частности «Запискамъ» Главнокомандующаго Русской Арміей генерала барона Петра Николаевича Врангеля.

Исключительная личность автора печатаемыхъ записокъ, его руководящая роль во время самой борьбы, всеобъемлющее значеніе, которое имѣлъ онъ въ исторіи бѣлой борьбы, и наконецъ олицетвореніе въ немъ для большинства русскихъ людей, какъ находящихся за рубежомъ, такъ и оставшихся въ Россіи, самой идеи бѣлой борьбы, которая всѣмъ имъ представляется неоконченной и по сей день, даетъ редакціи увѣренность въ томъ, что рѣшеніе ея отойти отъ установленнаго порядка, покоится на правильномъ основаніи.

Редакція не считаетъ себя компетентной давать характеристику и оценку личности генерала П. Н. Врангеля. При жизни онъ всецѣло принадлежалъ родинѣ, теперь онъ принадлежитъ исторіи. Его записки обрисовываютъ его исключительно кипучую дѣятельность съ ноября 1916 года по ноябрь 1920 года. Подвигъ его по сохраненію русскаго бѣженства и возглавлявшейся имъ Арміи послѣ эвакуаціи Крыма, несомнѣнно, найдетъ своихъ историковъ. Редакція только почитаетъ своимъ долгомъ въ краткой замѣткѣ привести исторію печатаемыхъ въ лѣтописи «Записокъ».

Послѣ каждой главы записокъ приведены даты, указывающія на день, когда данная глава была закончена. Отсюда видно, что, начавъ писать первую главу на яхтѣ «Лукуллѣ» и закончивъ ее къ 28-му іюля 1921 года; генераль Врангель кончилъ послѣднюю главу своихъ воспоминаній уже въ Сербіи, въ Сремскихъ Карловцахъ 30-го декабря 1923 года.

Матеріалъ для каждой главы подготавливался, по указаніямъ автора, его личнымъ секретаремъ Н. М. Котляревскимъ, изучался и продумывался генераломъ Врангелемъ, который потомъ диктовалъ текстъ главы своему секретарю и послѣ того еще нѣсколько исправлялъ написанное и только въ февралѣ 1928 года, то есть за два, мѣсяца, до своей безвременной кончины, генераль Врангель принялъ рѣшеніе окончательно подготовить свою рукопись къ печати.

Для этого вся работа была вновь пересмотрѣна Главнокомандующимъ совмѣстно съ редакторомъ лѣтописи, находившимся тогда въ Брюсселѣ и была сокращена примѣрно на $\frac{1}{8}$ своего объема. Послѣ этого генераль Врангель, какъ бы предчувствуя, что ему надо спѣшить съ рѣшеніемъ вопроса объ изданіи его труда, передалъ всю свою работу въ распоряженіе редакціи лѣтописи, отказавшись отъ какого либо гонорара и вмѣсто него поставилъ редакціи условіе, чтобы части Арміи, воинскіе союзы и отдѣльные чины ихъ, при покупкѣ книгъ, заключающихъ его работу, пользовались бы возможно большей скидкой.

Въ процессѣ редакціонной обработки рукописи, редакція предполагала внести въ работу рядъ тѣхъ или иныхъ измѣненій, путемъ непосредственныхъ сношеній съ генераломъ Врангелемъ...

Но судьба, какъ и всегда, была жестока къ бѣлымъ, и 25-го апрѣля послѣдній Главнокомандующій Русской Арміей, послѣ продолжительной болѣзни, скончался... Съ одра болѣзни, уже въ мартѣ 1928 года онъ прислалъ еще рядъ указаній о тѣхъ измѣненіяхъ въ рукописи, которыя онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать, тогда же онъ съ удовлетвореніемъ высказалъ увѣренность, что его записки скоро увидятъ свѣтъ...

Собственноручно написанное имъ предисловіе носитъ на себѣ дату 1-го марта 1928 года... это одна изъ послѣднихъ подписей почившаго вождя. Это во всей книгѣ единственная дата по новому стилю — всѣ остальные сдѣланы по стилю старому, который, какъ извѣстно, былъ принятъ на Югѣ Россіи во время Гражданской войны.

Послѣ кончины генерала Врангеля, подготавливая рукопись его къ печати, редакція ограничилась только самыми необходимыми редакціонными исправленіями, сдавая въ печать рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она была принята отъ автора. Кромѣ того экземпляра рукописи, который былъ переданъ въ лѣтопись, существовалъ второй, въ которомъ сохранено

все то, что было изъято изъ рукописи, во время переработки ея въ февраль 1928 г. Экземпляръ этотъ хранился въ личномъ архивѣ генерала Врангеля.

Портретовъ генерала Петра Николаевича Врангеля, печатаемыхъ въ началѣ пятой и шестой книгъ лѣтописи, при рукописи не было. Они помѣщены уже по инициативѣ редакціи.

Посвященные почившему герою двѣ книги нашей лѣтописи да будутъ основой для описанія того какъ жилъ и боролся за счастье Россіи одинъ изъ лучшихъ ея сыновъ. Дальнѣйшее, мы увѣрены, сдѣлають его соратники и спасенные имъ отъ лютой смерти русскіе люди!

А. Фонъ-Лампе.

Настоящія записки не представляютъ на память
и всесторонности историческаго наблюденья. Я
записывалъ то, чему былъ участникомъ или сви-
дѣтелемъ. Но много того, чего и отъ меня было
въ дѣлѣхъ событий, мною въ запискахъ отъ себя
выраженными много и на первомъ планѣ во-
спрашивать вопросы государственности.
Записки то или иное событие, и стараюсь
каждый разъ подкрѣпить историческими свѣдѣ-
тельствами документами. Докладываю свѣдѣ-
дствъ далеко не только чуждымъ. Это отъ
отражаетъ любовь историческую, но обеспечиваетъ
безпристрастность.
Записки охватываютъ время отъ начала рус-
ской войны до завершенія вооруженной борьбы
на Днѣ Россіи. Въ оставшіяся дѣлѣхъ войны
самая борьба приняла новую форму. Эта борьба
продолжается и понинѣ и будетъ продолжаться
пока не падетъ ненавистная русскому народу
власть.

1 Марта 1928.
П. Врангель.

(Уменьшено съ оригинала въ 1 1/2 раза).

Главнокомандующій Русской Арміей
Генераль Баронъ Петръ Николаевичъ Врангель.

Снято въ, 1924 году.

ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ.

З а п и с к и .
(Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.).

Генераль П. Н. Врангель.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (31 схема).

Г л а в а I .
Смута и развалъ арміи.

Наканунъ переворота.

Послѣ кровопролитныхъ боевъ, лѣта и осени 1916 года, къ зимѣ на большей части фронта операціи затихли. Войска укрѣпляли съ обѣихъ сторонъ занятые ими рубежи, готовились къ зимовкѣ, налаживали тылъ и пополняли убыль въ людяхъ, лошадяхъ и матеріальной части за истекшій боевой періодъ.

Двухлѣтній тяжелый опытъ войны не прошелъ даромъ: мы многому научились, а дорого обошедшіеся намъ недочеты были учтены. Значительное число старшихъ начальниковъ, оказавшихся не подготовленными къ веденію боя въ со временныхъ условіяхъ, вынуждены были оставить свои посты; жизнь выдвинула рядъ способныхъ военачальниковъ. Однако, протекціонизмъ, свившій сѣбѣ гнѣздо во всѣхъ отрасляхъ русской жизни, попрежнему сплошь и рядомъ, выдвигаль, на командные посты лицъ далеко недостойныхъ. Шаблонъ, рутина, боязнь нарушить принципъ старшинства, все еще царили, особенно въ высшихъ штабахъ.

Составъ, арміи за два года успѣлъ существенно измѣниться, выбыла большая часть кадровыхъ офицеровъ и солдатъ, особенно въ пѣхотѣ.

Новые офицеры ускоренныхъ производствъ, не получившіе воинскаго воспитанія, чуждые военнаго духа, воспитателями солдатъ быть не могли. Они умѣли столь же красиво, какъ и кадровое офицерство, умирать за честь родины и родныхъ знаменъ, но, оторванные отъ своихъ занятій и интересовъ, глубоко чуждыхъ духу арміи, съ трудомъ перенося неизбѣжныя лишенія боевой жизни, ежеминутную опасность, голодъ, холодъ и грязь, они быстро падали духомъ, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать духъ сво ихъ солдатъ.

Солдаты послѣ 2-хъ лѣтъ войны, въ значительной массѣ, также были уже не тѣ. Немногіе оставшіеся въ рядахъ старые солдаты, несмотря на всѣ перенесенныя тягости и лишенія, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, тѣ пополненія, которыя непрерывно вливались въ войсковыя части несли съ собой совсѣмъ иной духъ. Состоя въ значительной степени изъ запасныхъ старшихъ сроковъ, семейныхъ, оторванныхъ отъ своихъ хозяйствъ, успѣвшихъ забыть пройденную ими когда-то воинскую школу, они неохотно шли на войну мечтали о возвращеніи домой и жаждали мира. Въ послѣднихъ бояхъ сплошь и рядомъ наблюдались, случаи «самострѣловъ», пальцевыя раненія съ цѣлью отправки въ тылъ стали особенно часты. Наиболе слабые по составу были третьеочередныя дивизіи.

Подготовка пополненій въ тылу, обученіе ихъ въ запасныхъ частяхъ стояли въ общемъ весьма низко. Причинъ этому было много: неправильная постановка дѣла, тѣснота и необорудованность казармъ, рассчитанныхъ на значительно меньшее количество запасныхъ кадровъ, а главное отсутствіе достаточнаго количества опытныхъ и крѣпкихъ духомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ инструкторовъ. Послѣдніе набирались или изъ инвалидовъ, или изъ зеленой молодежи которой самой надо было учиться военному дѣлу. Особенно рѣзко всѣ эти недочеты сказывались въ пѣхотѣ, гдѣ, потери и убыль кадровыхъ элементовъ были особенно велики.

Со всѣмъ этимъ армія все еще представляла собою грозную силу, духъ ея былъ все еще силенъ и дисциплина держалась крѣпко. Мнѣ неизвѣстны случаи какихъ-либо безпорядковъ или массовыхъ выступленій въ самой арміи и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено самое понятіе о власти и данъ наглядный примѣръ сверху возможности нарушить связывающую офицеровъ и солдатъ присягу.

Двухлѣтняя война не могла не расшатать нравственные устои арміи. Нравы огрубѣли; чувство законности было въ значительной мѣрѣ утеряно. Постоянныя реквизиціи, —

неизбѣжное следствие каждой войны, — поколебали понятіе о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжиганія въ массахъ низменныхъ страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожаръ, была бы брошена извнѣ.

Въ этомъ отношеніи много старались тѣ многочисленные элементы, которыми за послѣдніе мѣсяцы войны обростала армія, особенно въ ближайшемъ тылу «земгусары», призывного возраста и отличнаго здоровья, но питающіе не преодолимое отвращеніе къ свисту пуль или разрыву снаряда, съ благосклоннаго покровительства и помощью оппозиціонной общественности, заполнили собою всякіе комитеты, имѣвшіе цѣлью то устройство какихъ-то читаленъ, то осушеніе окоповъ. Всѣ, эти господа облекались во всевозможныя формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы арміи, главнымъ образомъ, прапорщиковъ, писарей, фольдшеровъ и солдатъ техническихъ войскъ

Офицерство и главная масса солдатъ строевыхъ частей, передъ лицомъ смертельной опасности, поглощенные мелочными заботами повседневной боевой жизни, почти лишены газетъ, оставались чуждыми политикѣ. Часть строевого офицерства лишь слабо отражала настроенія, слухи и разговоры ближайшихъ крупныхъ штабовъ. Конечно, высшій командный составъ не могъ оставаться безъ участнымъ къ той волнѣ общаго политическаго неудовольствія и тревоги, которая грозно нарастала въ тылу, и несомнѣнно грозила отразиться на нашемъ военномъ положеніи.

Становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что тамъ въ Петербургѣ неблагополучно. Безпрерывная смѣна министровъ, непрекращающіеся конфликты между правительствомъ и Думой, все растущее количество петицій и обращеній къ Государю различныхъ общественныхъ организацій, требовавшихъ общественнаго контроля, наконецъ, тревожные слухи о нравственномъ обликѣ, окружавшихъ Государя лицъ, — все это не могло не волновать тѣхъ, кому дороги были Россія и армія.

Одни изъ старшихъ начальниковъ, глубоко любя родину и армію, жестоко страдали при видѣ роковыхъ ошибокъ Государя, видѣли ту опасность, которая нарастала и, искренно заблуждаясь, вѣрили въ возможность «дворцоваго переворота» и «безкровной революціи». Яркимъ сторонникомъ такого взгляда являлся начальникъ Уссурійской конной дивизіи генераль Крымовъ, въ дивизіи котораго я въ, то время командовалъ I-ымъ Нерчинскимъ казачьимъ Наслѣдника Цесаревича полкомъ. Выдающагося ума и сердца человекъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ приходилось мнѣ встрѣчать на своемъ пути, онъ послѣдующей смертью своею и предсмертными словами: «я умираю потому, что слишкомъ люблю родину», доказалъ свой патріотизмъ. Въ неоднократныхъ спорахъ со мною въ длинныя зимніе вечера, онъ доказывалъ мнѣ, что такъ, дальше продолжаться не можетъ, что мы идемъ къ гибели и что должны найтись люди, которые нынѣ же, не медля, устранили бы Государя «дворцовымъ переворотомъ»...

Другіе начальники сознавали, что измѣнить положеніе вещей необходимо, но сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякій переворотъ, всякое насильственное выступленіе въ то время, когда страна ведетъ кровавую борьбу съ внѣшнимъ, врагомъ, не можетъ имѣть мѣста, что такой переворотъ не пройдетъ безболѣзненно и что это будетъ началомъ, развала арміи и гибели Россіи.

Наконецъ среди старшаго команднаго состава было не малое число и «пріемлющихъ революцію» въ чаяніи найти въ ней удовлетвореніе для своего честолюбія, или свести счеты съ тѣмъ или другимъ неугоднымъ начальникомъ. Я глубоко убѣжденъ, что ежели бы съ первыхъ часовъ смуты ставка и всѣ коман дующіе фронтами были бы тверды и единомыслны, отрѣшившись отъ личныхъ интересовъ, развалъ фронта, разложеніе арміи и анархію въ тылу можно было бы еще остановить.

Зима 1916 года застала меня командиромъ 1-го Нерчинскаго казачьяго Наслѣдника Цесаревича полка, входившаго въ составъ Уссурійской конной дивизіи генерала Крымова. Кромѣ моего въ составъ дивизіи входили Приморскій драгунскій полкъ, который только что сдалъ старый его командиръ генераль Одинцовъ, оказавшійся впоследствии однимъ изъ видныхъ генераловъ красной арміи, Уссурійскій и Амурскій казачьи полки. Уссурійская дивизія, составленная изъ сибирскихъ уроженцевъ, отличныхъ солдатъ, одинаково хорошо

дерущихся какъ на конѣ, такъ и въ пѣшемъ строю подѣ начальствомъ генерала Крымова успѣла пріобрѣсти себѣ въ арміи заслуженную славу. Полкъ, которымъ я командовалъ уже болѣе года, только что за блестящую атаку 22 августа въ Лѣсистыхъ Карпатахъ былъ награжденъ, высокимъ отличіемъ. — Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ назначенъ шефомъ полка.

Съ отходомъ дивизіи въ армейскій резервъ, въ Буковину, въ районъ мѣстечка; Радауць, я долженъ былъ во главѣ депутаціи отъ полка отправиться въ Петербургъ для представленія молодому шефу. Депутація вела съ собой маленькаго забайкальскаго коня, отличныхъ формъ, который долженъ былъ быть подведенъ Наслѣднику, и везла съ собой полную форму Нерчинскаго полка для поднесенія Цесаревичу.

Въ составъ депутаціи входили: старшій полковникъ полка Маковкинъ блестящій офицеръ, потерявшій въ теченіе войны глазъ, кавалеръ Георгіевскаго оружія, отличный спортсменъ, дважды бравшій Императорскій призъ на Красносельскихъ скачкахъ: командиръ 3-ей сотни, наиболѣе отличившейся въ упомянутой атакѣ, есауль Кудрявцевъ и полковой адъютантъ сотникъ Влесковъ.

Выбрать офицеровъ въ составъ депутаціи было нелегко, всѣмъ хотѣлось удостоиться этой чести, да и общій составъ офицеровъ былъ таковъ, что трудно было намѣтить наиболѣе достойныхъ. Нерчинскій казачій полкъ отличался и до войны прекраснымъ офицерскимъ составомъ. Полкомъ долго командовалъ полковникъ Павловъ, б. Лейбъ-Гусарь, оставившій родной полкъ въ началѣ японской войны и послѣ кампаніи продолжавшій службу на Дальнемъ Востокѣ. Въ описываемое время генерал Павловъ стоялъ во главѣ кавалерійскаго корпуса на Сѣверномъ фронтѣ. Блестящій офицеръ, выдающійся спортсменъ и знатокъ лошади полковникъ Павловъ сумѣлъ командуя Нерчинскимъ казачьимъ полкомъ, въ суровыхъ условіяхъ и на далекой окраинѣ, поднять полкъ на исключительную высоту. Горячій сторонникъ чистокровной лошади, полковникъ Павловъ сумѣлъ акклиматизировать чистокровнаго коня и въ суровомъ климатѣ Сибири. Онъ посадилъ всѣхъ офицеровъ полка на чистокровныхъ лошадей, завелъ офицерскую скаковую конюшню и, за послѣдніе передъ войной годы, рядъ офицерскихъ скачекъ на петроградскомъ ипподромѣ, былъ выигранъ офицерами полка на лошадяхъ полковой конюшни. Высоко поддерживая уровень строевой службы, полковникъ Павловъ требовалъ отъ офицеровъ и соответствующихъ моральныхъ качествъ, тщательно подбирая составъ полка. Ко времени назначенія моего командиромъ полка, большинство старыхъ офицеровъ были офицеры, начавшие службу при полковникѣ Павловѣ. Со своей стороны мнѣ удалось привлечь въ полкъ рядъ прекрасныхъ офицеровъ.

Большинство офицеровъ Уссурийской дивизіи и въ, частности Нерчинскаго полка во время гражданской войны оказались въ рядахъ арміи адмирала Колчака, собравшись вокруг атамана Семенова и генерала Унгерна. Въ описываемое мною время оба эти генерала, коимъ суждено было впоследствии играть видную роль въ гражданской войнѣ, были въ рядахъ Нерчинскаго полка, командовавъ 6-ой и 5-ой сотнями; оба въ чинѣ подѣсаула.

Семеновъ, природный забайкальскій казакъ, плотный коренастый брюнетъ съ нѣсколько бурятскимъ типомъ лица, ко времени принятія мною полка, стоялъ полковымъ адъютантомъ и въ этой должности прослужилъ при мнѣ мѣсяца четыре, послѣ чего былъ назначенъ, командиромъ сотни. Бойкій, толковый съ характерной казацкой сметкой, отличный строевикъ, храбрый, особенно на глазахъ начальства, онъ умѣлъ быть весьма популярнымъ среди казаковъ и офицеровъ. Отрицательными свойствами его были значительная склонность къ интригѣ и неразборчивость въ средствахъ для достиженія цѣли. Не глупому ловкому Семенову не хватало ни образованія (онъ кончилъ съ трудомъ военное училище), ни широкаго кругозора и я никогда не могъ понять какимъ образомъ могъ онъ выдвинуться впоследствии на первый планъ гражданской войны.

Подѣсауль баронъ Унгернъ-Штернбергъ или подѣсауль «баронъ», какъ звали его казаки, былъ типъ несравненно болѣе интересный.

Такіе типы, созданные для войны и эпохи потрясеній съ трудомъ могли ужиться въ обстановкѣ мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпѣвъ крушеніе, они переводились въ пограничную стражу или забрасывались судьбою какіе-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, гдѣ обстановка давала удовлетвореніе ихъ безпокойной натурѣ.

Изъ прекрасной дворянской семьи лифляндскихъ помѣщиковъ, баронъ Унгернъ съ ранняго дѣтства оказался предоставленнымъ самому себѣ. Его мать, овдовѣвъ, молодой вышла вторично замужъ и, повидимому, перестала интересоваться своимъ сыномъ. Съ дѣтства мечтая о

войнѣ, путешествіяхъ и приключеніяхъ, баронъ Унгернъ, съ возникновеніемъ японской войны бросаетъ корпусъ и зачисляется волноопредѣляющимся въ армейскій пѣхотный полкъ, которымъ рядовымъ проходитъ всю кампанію. Неоднократно раненый и на гражданскій солдатскій Георгіемъ, онъ возвращается въ Россію и, устроенный родственниками въ военное училище, съ превеликимъ трудомъ кончаетъ таковое.

Стремясь къ приключеніямъ и избѣгая обстановки мирной строевой службы, баронъ Унгернъ изъ училища выходитъ въ Амурскій казачій полкъ, расположенный въ Пріамурьѣ, но тамъ остается не долго. Необузданный отъ природы, вспыльчивый и неуравновѣшенный, къ тому же любящій запивать и буйный во хмелю, Унгернъ затѣваетъ ссору съ однимъ изъ сослуживцевъ и ударяетъ его. Оскорбленный шашкой ранитъ Унгерна въ голову. Слѣдъ отъ этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнѣйшія головныя боли и несомнѣнно періодами отражаясь на его психикѣ. Вслѣдствіе ссоры оба офицера вынуждены были оставить полкъ.

Возвращаясь въ Россію, Унгернъ рѣшаетъ путь отъ Владивостока до Харбина продѣлать верхомъ. Онъ оставляетъ полкъ въ сопровожденіи охотничьей собаки и съ охотничьимъ ружьемъ за плечами. Живя охотой и продажей убитой дичи Унгернъ около года проводитъ въ дѣбряхъ и степяхъ Пріамурья и Маньчжуріи и, наконецъ, прибываетъ въ Харбинъ. Возгорѣвшаяся Монголо-китайская война застаётъ его тамъ. Унгернъ не можетъ оставаться безучастнымъ зрителем. Онъ предлагаетъ свои услуги монголамъ и предводительствуя монгольской конницей, сражается за независимость Моноліи. Съ началомъ Русско-Германской войны, Унгернъ поступаетъ въ Нерчинскій полкъ, и съ мѣста проявляетъ чудеса храбрости. Четыре раза раненый въ теченіе одного года, онъ получаетъ орденъ Св. Георгія, Георгіевское оружие и ко второму году войны представленъ ужѣ къ чину есаула.

Средняго роста, блондинъ, съ длинными, опущенными по угламъ рта рыжеватыми усами, худой и изможденный съ виду, но желѣзнаго здоровья и энергіи, онъ живетъ войной. Это не офицеръ въ общепринятомъ значеніи этого слова, ибо онъ не только совершенно не знаетъ самыхъ элементарныхъ уставовъ и основныхъ правилъ службы, но сплошь и рядомъ грѣшитъ и противъ внѣшней дисциплины и противъ воинскаго воспитанія — это типъ партизана-любителя, охотника-слѣдопыта изъ романовъ Майнъ-Рида. Оборванный и грязный, онъ спитъ всегда на полу, среди казаковъ сотни, ѣстъ изъ общаго котла и, будучи воспитанъ въ условіяхъ культурнаго достатка, производитъ впечатлѣніе чловѣка совершенно отъ нихъ отрѣшившагося. Тщетно пытался я пробудить въ немъ сознаніе необходимости принять хоть внѣшний офицерскій обликъ.

Въ немъ были какіе-то странныя противорѣчія: несомнѣнный, оригинальный и острый умъ и рядомъ съ этимъ поразительное отсутствіе культуры и узкій до чрезвычайности кругозоръ, поразительная застѣнчивость и даже дикость и, рядомъ съ этимъ, безумный порывъ и необузданная вспыльчивость, незнающая предѣловъ, расточительность, и удивительное отсутствіе самыхъ, элементарныхъ требованій комфорта.

Этотъ типъ долженъ былъ найти свою стихію въ условіяхъ настоящей русской смуты. въ теченіе этой смуты онъ, не могъ не быть хоть временно выброшеннымъ на гребень волны и съ прекращеніемъ смуты, онъ также неизбежно долженъ былъ исчезнуть.

* * *

Я выѣхалъ въ Петербургъ въ срединѣ ноября: нѣсколькими днями позже должны были выѣхать офицеры, входившіе въ составъ депутаціи.

Последний разъ я былъ въ Петербургѣ около двухъ, мѣсяцевъ назадъ, когда пріѣзжалъ лѣчиться послѣ раны, полученной при атакѣ 22 августа. Общее настроеніе въ столицѣ еще ухудшилось со времени послѣдняго моего посѣщенія: во всѣхъ слояхъ общества чувствовались растерянность, сознаніе неизбежности въ ближайшее время чего-то огромнаго и важнаго, къ чему роковыми шагами шла Россія. Въ то же время, если въ средѣ круговъ близкихъ къ Думѣ и Государственному Совѣту, среди такъ называемой «общественности» и была видимость какой-то напряженной работы, въ сущности не шедшей дальше словопрений и политической борьбы, если въ рабочей средѣ и въ тыловыхъ воинскихъ частяхъ и велась глухо болѣе планомѣрная разрушительная работа, конечно, не безъ участія нѣмецкаго золота, то широкіе слои населенія проявляли обычную инертность, погрязши всецѣло въ мелкихъ заботахъ повседневнои жизни.

Также стояли хвосты у лавокъ, также полны были кинематографы и театры, тѣ же сѣрые обывательскіе разговоры слышались въ толпѣ.

Въ верхахъ близкихъ къ Государю и двору, повидимому, продолжали не отдавать себѣ, отчета въ надвигающейся грозѣ. Высшее общество и высшая бюрократія были, казалось, всецѣло поглощены обычными «важными» вопросами, кто куда будетъ назначенъ, что говорится въ партіи Великаго Князя или Императрицы... Свѣтская жизнь шла своей обычной чередой, и, казалось, что кругомъ меня не участники грядущей драмы, а посторонніе зрители.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда я назначенъ былъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Мнѣ много разъ доводилось близко видѣть Государя и говорить съ Нимъ. На всѣхъ видѣвшихъ Его вблизи, Государь производилъ впечатлѣніе чрезвычайной простоты и неизмѣннаго доброжелательства. Это впечатлѣніе являлось слѣдствиемъ отличительныхъ чертъ характера Государя — прекраснаго воспитанія, и чрезвычайнаго умѣнія владѣть собой.

Умъ Государя былъ быстрый, Онъ схватывалъ, мысль собесѣдника съ полуслова, а память его была совершенно исключительная. Онъ не только отлично запоминалъ событія, но и лица, и карту: какъ-то, говоря о Карпатскихъ бояхъ, гдѣ я участвовалъ со своимъ полкомъ, Государь вспомнилъ совершенно точно въ какихъ пунктахъ находилась моя дивизія въ тотъ или иной день. При этомъ бои эти происходили мѣсяца за полтора до разговора моего съ Государемъ, и участокъ, занятый дивизіей, на общемъ фронтѣ арміи имѣлъ совершенно второстепенное значеніе.

Я вступилъ въ дежурство въ Царскомъ Селѣ въ субботу, смѣнивъ флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергскаго. Государь въ этотъ день завтракалъ у Императрицы. Мнѣ поданъ былъ завтракъ въ дежурную комнату. Послѣ завтрака Государь гулялъ, а затѣмъ принялъ нѣсколькихъ лицъ, сколько я помню, вновь назначеннаго министромъ здравоохраненія, профессора Рейна и министра финансовъ Барка.

Обѣдали на половинѣ Императрицы. Кромѣ меня постороннихъ никого не было, и я обѣдалъ и провелъ вечеръ одинъ въ Семьѣ Государя. Государь былъ веселъ и оживленъ, подробно спрашивалъ меня о полку, о послѣдней блестящей атакѣ полка въ Карпатахъ. Разговоръ велся частью на русскомъ, частью, въ тѣхъ случаяхъ, когда Императрица принимала въ немъ участіе, на французскомъ языкахъ. Я былъ пораженъ болѣзненнымъ видомъ Императрицы. Она значительно осунулась за послѣдніе два мѣсяца, что я Ея не видѣлъ. Ярко выступали красныя пятна на лицѣ. Особенно поразило меня болѣзненное, и какъ бы отсутствующее выраженіе ея глазъ. Императрица, главнымъ образомъ, интересовалась организаціей медицинской помощи въ частяхъ, подробно спрашивала о новомъ типѣ, только что введенныхъ противогазовъ. Великія Княжны и Наслѣдникъ были веселы, шутили и смѣялись. Наслѣдникъ, недвно назначенный шефомъ полка, нѣсколько разъ задавалъ мнѣ вопросы — какія въ полку лошади, какая форма... Послѣ обѣда перешли въ гостиную Императрицы, гдѣ пили кофе и просидѣли еще часа полтора.

На другой день, въ воскресенье, я сопровождалъ Государя, Императрицу и Великихъ Княженъ въ церковь, гдѣ Они присутствовали на обѣднѣ. Маленькая, расписанная въ древнерусскомъ стилѣ, церковь была полна молящихся. Видя какъ молится Царская Семья, я невольно сравнивалъ спокойное, полное глубокаго религіознаго настроенія лицо Государя съ напряженнымъ, болѣзненно экзальтированнымъ выраженіемъ Императрицы. По возвращеніи изъ церкви, я засталъ уже во дворцѣ, прибывшаго смѣнить меня, флигель-адъютанта графа Кутайсова.

26 ноября, въ день праздника кавалеровъ ордена Св. Георгія, всѣ кавалеры Георгіевскаго креста и Георгіевскаго оружія были приглашены въ Народный домъ, гдѣ долженъ былъ быть отслуженъ въ присутствіи Государя торжественный молебенъ и предложенъ обѣдъ всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ. Имѣя орденъ Св. Георгія и Георгіевское оружіе, я былъ среди присутствующихъ.

Громадное число Георгіевскихъ кавалеровъ, офицеровъ и солдатъ, находившихся въ это время въ Петроградѣ, заполнили театральныя залы дома. Среди нихъ было много раненыхъ. Доставленные изъ лазаретовъ тяжело-раненые располагались на сценѣ на носилкахъ. Свита и приглашенные стояли въ партерѣ въ плотную къ сценѣ. Вскорѣ прибылъ Государь съ Императрицей. По отслуженіи молебна, генералъ-адъютантъ Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій взошелъ на сцену, поднялъ чарку и провозгласилъ здравицу Государю

Императору и Августѣйшей Семѣ. Государь Императоръ выпилъ чарку и провозгласилъ «ура» въ честь Георгіевскихъ кавалеровъ, послѣ чего, Онъ и Императрица обходили раненыхъ, бесѣдуя съ ними. Я вновь, наблюдая за Императрицей, бесѣдовавшей, наклонившейся надъ носилками тяжело-раненаго, обратилъ вниманіе на болѣзненное выраженіе ея лица. Она, внимательно спрашивая больного, въ то же время казалось отсутствовала гдѣ-то. Видимо выполняя что-то обязательное и неизбежное, Она мыслями была далеко.

Наконецъ, прибыли въ Петербургъ офицеры депутаціи. Представленіе было назначено въ Царскомъ днѣмъ 4-го декабря передъ самымъ, назначеннымъ въ этотъ день отъѣздомъ Государя въ ставку.

Отправивъ утромъ предназначенную быть подведенной Наслѣднику лошадь, поѣзданную маленькимъ казачьимъ сѣдломъ, я выехалъ съ депутаціей по желѣзной дорогѣ, везя заказанную для Наслѣдника форму полка. Поѣздъ нашъ долженъ былъ прибыть въ Царское за полчаса, до назначеннаго для представленія Государю депутаціи часа, и я рассчитывалъ, что успѣю до представленія депутаціи доложить Государю о моихъ офицерахъ, дабы Государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вслѣдствіе какой-то неисправности пуги поѣздъ нашъ опоздалъ и мы едва успѣли, сѣвъ въ высланныя за нами кареты, прибыть къ назначенному часу во дворецъ. Встрѣченные дежурнымъ флигель-адъютантомъ, мы только что вошли въ залъ, какъ Государь въ сопровожденіи Наслѣдника, вышелъ къ намъ. Я представилъ Государю офицеровъ и сверхъ моего ожиданія Государь совершенно свободно, точно давно ихъ зналъ, каждому задалъ нѣсколько вопросовъ; полковника Маковкина Онъ спросилъ, въ которомъ году онъ взялъ Императорскій призъ; есаулу Кудрявцеву сказалъ, что знаетъ какъ онъ во главѣ сотни 22-го августа первый ворвался въ окопы противника... Я лишній разъ убѣдился какой острой памятью обладалъ Государь — во время послѣдняго моего дежурства я вскользь упомянулъ объ этихъ офицерахъ и этого было достаточно, чтобы Государь запомнилъ эти подробности.

Послѣ представленія Государь съ Наслѣдникомъ вышли на крыльцо, гдѣ осматривали подведеннаго депутаціей коня. Тутъ же на крыльцѣ Царскосельскаго дворца Государь съ Наслѣдникомъ снялся въ группѣ съ депутаціей.

Это, вѣроятно, одно изъ послѣднихъ изображеній Государя во время Его царствованія и это послѣдній разъ, что я видѣлъ Русскаго Царя.

На Румынскомъ Фронѣ.

Наканунѣ представленія Государю депутаціи, я получилъ телеграмму отъ генерала Крымова съ сообщеніемъ о переброскѣ Уссурійской конной дивизіи въ Румынію и приказаніе немедленно прибыть въ армію всѣмъ офицерамъ и солдатамъ дивизіи, находящимся въ командировкахъ и отпускахъ.

На другой день послѣ представленія депутаціи, я собравъ моихъ офицеровъ и казаковъ, находившихся въ Петербургѣ по разнаго рода причинамъ выехалъ на фронтъ. По дороге къ намъ присоединилось еще нѣсколько офицеровъ и казаковъ, вызванныхъ изъ отпусковъ или командировокъ и слѣдовавшихъ въ армію.

До границы Румыніи мы ѣхали безпрепятственно, но уже на самой границѣ стало ясно, что добраться до дивизіи будетъ не такъ-то легко. Поспѣшная и беспорядочная эвакуація забила поѣздными составами всѣ пути. Румынскія войска продолжали на всемъ фронтѣ отходить и новые и новые поѣздные составы съ ранеными, бѣженцами и войсковыми грузами непрерывно прибывали, все болѣе и болѣе загромождая тѣль. Пассажирское движеніе было пріостановлено, въ сутки отправлялся къ югу лишь одинъ пассажирскій поѣздъ, цѣлыми часами простаивавшій на всѣхъ станціяхъ. Здѣсь впервые увидѣлъ я, ставшее впоследствии столь обыкновеннымъ, путешествіе на крышахъ вагоновъ. Не только крыши вагоновъ, но и буфера и паровозы были облѣплены пассажирами. Со мной было человѣкъ шесть офицеровъ и человѣкъ двадцать солдатъ. Я рѣшилъ обратиться къ румынскому коменданту, оказавшемуся чрезвычайно любезнымъ офицеромъ, отлично говорившимъ по-французски (вообще французскій языкъ широко распространенъ въ Румыніи). Послѣ какихъ-то переговоровъ по аппарату съ Яссами, онъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе два вагона, изъ коихъ одинъ II класса для офицеровъ, другой III класса для солдатъ.

Прицѣпляясь къ слѣдовавшимъ на югъ эшелонамъ мы, хотя и весьма медленно, стали продвигаться къ фронту. Буфеты на станціяхъ оказались совершенно пустыми, все было

съдено, въ нетопленныхъ вагонахъ холодъ былъ неописуемый и мы считали часы, когда, наконецъ, окончится нашъ тяжелый путь. На станціи Бырлатъ мы узнали, что черезъ полчаса въ направленіи на станцію Текучи (я уже зналъ, что въ этомъ пунктѣ стоятъ обозы дивизіи) идетъ пассажирскій экспрессъ. Комендантъ станціи обѣщаль мнѣ прицѣпить мои вагоны къ поѣзду и пригласилъ пока къ себѣ обогрѣться и выпить чаю. Я просилъ прицѣпить мои вагоны непосредственно за паровозомъ, дабы возможно быстро прогреть ихъ, что онъ и обѣщаль сдѣлать. Однако, по какому-то недоразумѣнію вагонъ, въ которомъ я слѣдовалъ съ офицерами, оказался прицѣпленнымъ въ хвостъ поѣзда. Это спасло намъ жизнь. Не доходя 15 верстъ до станціи Текучи экспрессъ нашъ на шестидесятиверстной скорости врѣзался въ слѣдовавшій на сѣверъ эшелонъ. Четырнадцать переднихъ вагоновъ было разбито въ щепы и нѣсколько сотъ человѣкъ было убито и ранено. Нашъ вагонъ оказался висѣвшимъ надъ насыпью и всѣ мы попадали съ нашихъ мѣстъ; однако, никто не пострадалъ. Трудно передать жуткую картину; въ полной темнотѣ изъ-подъ обломковъ вагоновъ неслись крики, стоны и плачь. Нѣкоторые вагоны загорѣлись и много несчастныхъ раненыхъ погубило въ огнѣ.

Оставивъ при вещахъ двухъ казаковъ, мы пѣшкомъ дошли до станціи Текучи, откуда розыскавъ нашъ обозъ, выслали за багажемъ. Въ тотъ же день я на автомобилѣ съ адъютантомъ выѣхаль на Фокшаны по ужасному, разбитому непрерывнымъ движеніемъ обозовъ и распутицей шоссе.

Мы двигались едва со скоростью 4-5 верстъ часъ; шоссе и вся мѣстность по сторонамъ его были покрыты тянущимися на сѣверъ обозами, толпами жителей и оборванныхъ, большей частью безъ винтовокъ, солдатъ. Я видѣлъ характерный отходъ разбитой и стихійно отступавшей арміи. Вперемешку съ лазаретными линейками, зарядными ящиками и орудіями, слѣдовали коляски, телѣжки съ женщинами и детьми среди горъ свертковъ, коробокъ и всякаго домашнего скарба.

Не могу забыть элегантнаго ландо съ двумя отлично одѣтыми румынскими офицерами и нѣсколькими нарядными дамами, запряженнаго уносными артиллерійскими конями въ артиллерійскомъ уборѣ...

Поздней ночью я встрѣтилъ дивизію, отходившую на линію рѣки Серета. Мы простояли нѣсколько дней на этой линіи, а затѣмъ смѣненные пѣхотой, усиленными переходами перешли въ районъ Галаца, гдѣ сосредотачивалась крупная масса, конницы, объединить которую долженъ былъ генераль-отъ-кавалеріи графъ Келлеръ. На нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ шли жестокіе бои, намѣчался прорывъ нашей пѣхотой непріятельскаго фронта и конницу нашу предполагалось бросить въ тылъ Макензену. Прорывъ не удался и, напрасно простоявъ сутки подъ открытымъ небомъ, подъ проливнымъ дождемъ, конница вновь была оттянута въ тылъ. Наша дивизія отошла въ районъ Текучи — Бырлатъ.

Какъ-то на одномъ изъ переходовъ во время привала ко мнѣ прибылъ отъ генерала Крымова, шедшаго въ головномъ полку, ординарецъ и передалъ мнѣ, что начальникъ дивизіи просить меня къ себѣ.

Подѣхавъ къ головѣ колонны, я увидѣлъ группу офицеровъ штаба дивизіи, грѣвшихся вокругъ костра и разбиравшихъ только что привезенную почту. Генераль Крымовъ, держа въ рукѣ нѣсколько скомканныхъ газетъ, нетерпѣливыми большими шагами ходилъ въ сторонѣ. Увидѣвъ меня, онъ еще издали, размахивая газетами, закричалъ мнѣ:

«Наконецъ-то, подлеца Гришку ухлопали...»

Въ газетахъ былъ рядъ свѣдѣній объ убійствѣ Распутина. Прибывшія одновременно письма давали подробности.

Изъ трехъ участниковъ убійства я близко зналъ двухъ — Великаго Князя Дмитрія Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова.

Какія чувства руководили ими? Почему, истребивъ вреднаго для Отечества человѣка, они не объявили объ этомъ громко, не отдали себя на судъ властей и общества, а бросивъ въ прорубь трупъ, пытались скрыть следы? Трудно вѣрилось полученнымъ сообщеніямъ...

10-го января я получилъ извѣстие о состоявшемся назначеніи моемъ командиромъ 1-ой бригады Уссурийской конной дивизіи, въ составъ которой входили Приморскій драгунскій и мой Нерчинскій казачій полки. Грустно было разставаться съ полкомъ, которымъ я командовалъ болѣе 14-ти мѣсяцевъ, съ которымъ дѣлилъ и тягости боевой жизни и рядъ славныхъ побѣдъ. Полкъ принималъ старшій полковникъ полка Маковкинъ, о назначеніи

которого моимъ замѣстителемъ, я еще въ Петербургѣ просилъ Государя и Походнаго Атамана Великаго Князя Бориса Владимировича.

Сдавъ полкъ, я, воспользовавшись нахожденіемъ дивизіи въ армейскомъ резервѣ, проѣхалъ на нѣсколько дней въ Яссы.

Я остановился въ Яссахъ у посланника нашего А. А. Мосолова, однополчанина моего по Конной Гвардіи. Квартиру въ Яссахъ почти невозможно было найти, городъ былъ забитъ массой бѣженцевъ и тыловыхъ армейскихъ учреждений. Ожидался пріѣздъ Великой Княгини Викторіи Феодоровны, сестры Королевы.

Не будучи близко къ Великой Княгинѣ, я не считалъ нужнымъ ей представиться. Однако, въ день ея пріѣзда ко мнѣ заѣхалъ завѣдующій дворомъ Великой Княгини, Гартунгъ, и передалъ приглашеніе Великой Княгини на другой день въ 10 часовъ утра прибыть къ ней во дворецъ Королевы, гдѣ она остановилась.

В Яссахъ румынскій дворъ не могъ найти достаточно большого помѣщенія и Король и королева съ дѣтьми помѣщались въ разныхъ домахъ. Королева занимала небольшой двухэтажный особнякъ на главной улицѣ города; у воротъ стоялъ караулъ въ формѣ, напоминающей нашихъ Кавалергардовъ.

Я засталъ у Великой Княгини занимавшаго постъ русскаго коменданта города генерала Казакевича, бывшаго Преображенца и флигель-адъютанта. Великая Княгиня задержала насъ болѣе часа. Она подробно рассказывала намъ о всѣхъ послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ, объ арестѣ и высылкѣ въ Персію Великаго Князя Дмитрія Павловича, о коллективномъ письмѣ, обращенномъ всѣми членами императорской Фамиліи Государю съ мольбой о помилованіи Великаго Князя, объ отказѣ въ этомъ Государя, о немилости постигшей Великаго Князя Николая Михайловича, за рѣзкое письмо его къ Государю, въ которомъ высказывалась горькая и неприкрашенная правда. По ея словамъ, всѣ ближайшіе къ Государю члены Его Семьи ясно видѣли, какая опасность грозитъ династіи и самой Россіи, одна Государыня не видѣла, или не хотѣла этого видѣть. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Сестра Государыни, сама Великая Княгиня Викторія Феодоровна, княгиня Юсупова, мать убійцы Распутина, князя Юсупова, мужа Княжны Ирины Александровны, пытались открыть Императрицѣ глаза, но все было тщетно.

«Я знаю Россію долѣе и лучше тебя», - сказала Императрица Великой Княгинѣ Викторіи Феодоровнѣ, — «ты слышишь только то, что говорится въ Петербургѣ, среди испорченной и далекой отъ народа аристократіи. Ежели бы ты поѣхала съ Государемъ и со Мной въ одну изъ поѣздокъ нашихъ на фронтъ, ты бы увидѣла, какъ народъ и армія обожаютъ Государя».

Апрѣль 1917 г.

Въ штабѣ армій Юго-Западнаго фронта.

Въ центрѣ — А. И. Гучковъ. По правую его руку — генералы Сухомлинъ и Щербачевъ, по лѣвую руку генералы Балугевъ, Брусиловъ, Калединъ, Гуторъ, Шуваевъ и Духонинъ; на ступенькахъ вагона генералъ Эльснеръ.

Императрица, открывъ ящикъ стола, показала Великой Княгинѣ пачку связанныхъ писемъ:

«Вотъ все это письма офицеровъ и солдатъ, простыхъ русскихъ людей. Я получаю много такихъ писемъ каждый день, всѣ они обожаютъ Государя и просятъ объ одномъ, чтобы Онъ былъ твердъ и не уступалъ всѣмъ проискамъ Думы...»

Великая Княгиня давала понять, что большинство членовъ Императорской Семьи и, главнымъ образомъ, семья Великой Княгини Маріи Павловны, признаютъ необходимость изменить существующій порядокъ вещей и что въ этомъ отношеніи съ ними единодушень рядъ наиболее видныхъ членовъ Думы... Продолжительный разговоръ съ Великой Княгиней Викторіей Феодоровной произвелъ на меня тягостное впечатлѣніе. Я, встрѣчая Великую Княгиню постоянно въ Петербургѣ, никогда къ ней не былъ близокъ и самое желаніе ея видѣть меня и откровенное посвященіе Ею во всѣ эти подробности, показались мнѣ нѣсколько странными.

Дальнѣйшія событія и выступленіе Великаго Князя Кирилла Владиміровича во главѣ «революціоннаго» морского экипажа въ одинъ изъ первыхъ дней переворота объясняютъ, быть можетъ, многое.

На слѣдующій день я былъ приглашенъ обѣдать къ Королевѣ. Кромѣ Королевы съ дочерьми и Великой Княгини обѣдали статсъ-дама Королевы и дежурный флигель-адъютантъ, гофмейстерина Великой Княгини С. П. Дурново и я. Я сидѣлъ съ Королевой, которая была также мила, какъ и красива. Глядя на Нее трудно было повѣрить, что взрослая Великія Княжны Ея дочери. Послѣ обѣда перешли въ гостиную, заваленную привезенными Великой Княгиней подарками для солдатъ. Я душевно былъ радъ, что разговоръ не возвращался къ тяжелымъ вопросамъ, затронутымъ наканунѣ.

Вернувшись домой, я нашёл телеграмму о состоявшемся производствѣ меня за боевое отличіе въ генераль-маіоры. Генераль Крымовъ, заболѣвшій за нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Яссы, выѣхалъ для лѣченія въ Петербургъ и въ командованіе дивизіей вступилъ временно командиръ второй бригады старый полковникъ Желѣзновъ, уральскій казакъ. Съ производствомъ моимъ въ генералы мнѣ надлежало вступить въ командованіе дивизіей и я выѣхалъ на фронтъ.

Въ двадцатыхъ числахъ января дивизія получила приказаніе перейти въ районъ г. Кишинева. Здѣсь сосредотачивалась большая часть русской конницы съ Румынскаго фронта. Богатая мѣстными средствами и, главнымъ образомъ, фуражемъ, Бессарабія давала возможность нашей конницѣ занять широкое квартирное расположеніе и въ теченіе зимняго затишья на фронтѣ подправиться и подкормиться.

Я повелъ дивизію крупными переходами. Стояла чрезвычайно снѣжная зима съ обычными въ этой части Румыніи мятелями. Однако, привычные къ зимнему походу забайкальскіе кони шли легко и переходъ нашъ во вновь назначенный районъ мы сдѣлали быстро и безъ особыхъ затрудненій.

Небольшой чистый и благоустроенный губернской городъ Кишиневъ, обыкновенно тихій и молчаливый, былъ необычайно оживленъ. Помимо моей дивизіи въ ближайшемъ къ городу районѣ расположены были весь конный корпусъ генерала Келлера, Туземная, такъ называемая дикая дивизія, князя Багратіона... Масса офицеровъ всевозможныхъ кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ наполняли театры и рестораны.

Радужное кишиневское общество радо было случаю оказать гостепрѣимство нашимъ частямъ и самому повеселиться. Представители мѣстнаго дворянства и крупнаго купечества наперерывъ устраивали обѣды, ужины и балы и военная молодежь послѣ двухъ лѣтъ тяжелой походной жизни веселилась отъ души. Черезъ несколько дней послѣ прибытія дивизіи кишиневское дворянство устроило для офицеровъ въ Дворянскомъ собраніи балъ. Послѣ танцевъ перешли въ столовую, гдѣ на отдѣльныхъ столахъ былъ сервированъ ужинъ, причемъ дамы сами подавали, присаживаясь къ тому или другому столу. Черезъ неделю дивизія давала въ томъ же Дворянскомъ собраніи отвѣтный балъ кишиневскому обществу. Изъ окрестныхъ стоянокъ прибыло два хора трубачей и пѣсенники. Разошлись только съ разсвѣтомъ. Среди беззаботнаго веселья и повседневныхъ мелочныхъ заботъ, казалось, отлетѣли далеко тревоги послѣднихъ долгихъ мѣсяцевъ и ничто не предвѣщало близкую грозу.

Одиннадцатаго февраля прибылъ изъ Петербурга генераль Крымовъ и далъ новый поводъ мѣстному обществу устроить въ честь его рядъ обѣдовъ и вечеровъ. Онъ также былъ далеко отъ сознанія, что роковой часъ почти пришелъ и гроза готова разразиться. Негодуя на ставку и правительство, осуждая «безумную и преступную» политику, приводя цѣлый рядъ новыхъ, одинъ другого возмутительнѣе, примѣровъ произвола, злоупотребленій и бездарности власти, онъ все же не отдавалъ себѣ отчета, что капля, долженствующая переполнить чашу терпѣнія страны, уже повисла въ воздухѣ.

На Фронтѣ и въ тылу въ дни переворота.

Штабъ дивизіи расположился въ 18-ти верстахъ отъ Кишинева въ господскомъ дворѣ «Ханкн». Въ самомъ городѣ Кишиневѣ для чиновъ штаба, пріѣзжавшихъ въ городъ по дѣламъ, была отведена небольшая квартира. Части дивизіи располагались въ окрестныхъ деревняхъ въ 10—12 верстахъ отъ города. Первые дни по пріѣздѣ, генераль Крымовъ жилъ большей частью въ городѣ, я же помѣщался при штабѣ дивизіи въ господскомъ дворѣ «Ханки». Перваго или втораго марта въ городѣ впервые стали передаваться слухи о какихъ-то беспорядкахъ въ Петербургѣ, о демонстраціяхъ рабочихъ, о вооруженныхъ столкновеніяхъ на улицахъ города. Ничего опредѣленнаго, однако, извѣстно не было и слухамъ не придавали особаго значенія.

4-го или 5-го марта, въ то время, какъ я сѣлъ ужинать, вернулся изъ города ординарецъ штаба дивизіи Приморскаго драгунскаго полка корнетъ Квитковскій и передалъ мнѣ, о слышанныхъ имъ въ городѣ слухахъ о всеобщемъ возстаніи въ Петербургѣ и о томъ, что «изъ среды Думы выдѣлено будто бы Временное Правительство». Болѣе подробныхъ свѣдѣній онъ дать не могъ. Часовъ въ восемь вечера меня вызвалъ изъ города къ телефону генераль Крымовъ. По голосу его я понялъ, что онъ сильно взволнованъ:

«Въ Петербургѣ возстаніе. Государь отрекся отъ престола, сейчасъ я прочту вамъ манифестъ, его завтра надо объявить войскамъ».

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова манифеста. Генераль Крымов читал, я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение манифеста Государя, генераль Крымов стал читать манифест Великого Князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба:

«Это конец, это анархия».

Конечно, самый факт отречения Царя, хотя и вызванный неудовлетворенностью общества, не мог, тем не менее, не потрясти глубоко народ и армию. Но главное было не в этом. Опасность была в уничтожении самой идеи монархии, исчезновении самого Монарха. Последние годы царствования отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает престол. Передача Им власти Сыну или Брату была бы принята народом и армией не очень болезненно. Присягнув новому Государю, русские люди также как испокон веков продолжали бы служить Царю и родине и умирать за «Вѣру, Царя и Отечество».

Но в настоящих условиях, с падением Царя, пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ничем соответствующим замѣнены.

Что должен был испытать русский офицер или солдат, с малых лет воспитанный в идее ненарушимости присяги и верности своему Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны...

Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей, для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть с верха психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно должен был произойти целый ряд недоразумений. Разногласия, подчас совершенно бессмысленные, толкования отречения Государя и Великого Князя (так один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что «Государь сошел с ума»), еще больше спутали и затемнили в понятии войск положение. Я решил сообщить войскам оба манифеста и с полной откровенностью рассказать все то, что было мне известно — тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими Государя и тем затруднявшими проведение в стране реформ, необходимых в связи с настоящей грозной войной. Обстоятельства, сопровождавшие отречение Государя мне неизвестны, но манифест, подписанный Царем, мы «присягнувшие Ему» должны безпрекословно выполнить, так же как и приказ Великого Князя Михаила Александровича, коему Государь доверил Свою власть.

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом — недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоры были сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состава некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смеха, возбужденные речи и пение.

Через день, объехав полки, я проехал к генералу Крымову в Кишинев. Я застал его в настроении приподнятом, он был весьма оптимистически настроен. Несмотря на то, что в городе повсеместно уже шли митинги и по улицам проходили какие-то демонстрировавшие толпы с красными флагами, где уже попадались отдельные солдаты из местного запасного батальона, он не придавал этому никакого значения; он искренно продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Он горячо доказывал, что армия, скованная на фронт, не будет увлечена в политическую борьбу, и «что было бы гораздо хуже, ежели бы все это произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия просто бы разбжалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядок».

От него я узнал впервые список членов Временного Правительства. Из всех них, один Гучков был относительно близок к армии, — он находился в составе

Краснаго Креста въ Японскую кампанію, а послѣдніе годы состоялъ въ Думѣ предсѣдателемъ комиссіи военной обороны, съ 1915 же года во главѣ военно - промышленнаго комитета. Однако, назначеніе военнымъ ми нистромъ челоуѣка не военнаго, да еще во время войны, не могло не вызвать многихъ сомнѣній. Генераль Крымовъ, близко знавшій Гучкова, возлагалъ на него огромныя надежды:

«О, Александръ Ивановичъ — это государственный челоуѣкъ, онъ знаетъ армію не хуже насъ съ вами. Неужели же, всякіе Шуваевы только потому, что всю жизнь просидѣли въ военномъ министерствѣ лучше его. Да они ему въ подметки по годятся...»

Имя князя Львова было извѣстно, какъ предсѣдателя Земскаго Союза, онъ имѣлъ репутацію честнаго челоуѣка и патріота. Милюковъ и Шингаровъ были извѣстны, какъ главные представители кадетской паріи — талантливые ораторы... Были и имена совсѣмъ неизвѣстныя — Терещенко, Некрасовъ... Дѣйственаго, сильнаго челоуѣка, способнаго схватить и удержать въ своей рукѣ колеблющуюся власть, среди всѣхъ этихъ именъ не было.

Крымовъ передалъ мнѣ и первая петербургскія газеты. Свѣдѣнія о всемъ происходившемъ тамъ, приведенныя рѣчи нѣкоторыхъ членовъ Думы и самочинно образовавшагося совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, предвѣщали мало хорошаго. Съ мѣста образовалось двоевластіе и Временное Правительство, видимо, не чувствовало въ себѣ силы съ нимъ бороться. Въ рѣчахъ даже наиболѣе правыхъ ораторовъ чувствовалось желаніе поддѣлаться подъ революціонную демократію... Больно ударили меня по сердцу, впервые прозвучавшія слова о необходимости «примирить» солдатъ и офицеровъ, потребовать отъ офицеровъ «уваженія къ личности солдата». Объ этомъ говорилъ Милюковъ, въ своей рѣчи 2-го марта, когда въ залахъ Таврическаго дворца, онъ впервые упоминалъ объ отреченіи Государя въ пользу Брата...

Послѣдующіе дни подтвердили мою тревогу; все яснѣе становилось, что смута и развалъ въ тылу растутъ, что чуждые арміи и слабые духомъ люди, ставшіе во главѣ страны, не сумѣютъ уберечь армію отъ попытокъ увлечь ее въ водоворотъ. Появился и приказъ № 1.

Какъ-то рано утромъ генераль Крымовъ вызвалъ меня къ телефону, онъ просилъ меня немедленно прибыть въ Кишиневъ: «Заберите съ собой необходимыя вещи», — предупредилъ онъ, — «я прошу васъ сегодня же выѣхать въ Петербургъ».

Я засталъ генерала Крымова за письмомъ. Въ красныхъ чакчирахъ, сбросивъ китель, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, вокругъ него на столѣ, креслахъ и на полу лежалъ рядъ скомканныхъ газетъ:

«Смотрите», — ткнувъ пальцемъ въ какую-то газету, заговорилъ онъ, — «они съ ума сошли, тамъ чортъ знаетъ, что дѣлается. Я не узнаю Александра Ивановича¹, какъ онъ допускаетъ этихъ господъ залѣзать въ армію. Я пишу ему. Я не могу выѣхать самъ безъ вызова и оставить въ эту минуту дивизію. Прошу васъ поѣхать и повидать Александра Ивановича...»

Онъ сталъ читать мнѣ письмо. Въ горячихъ, дышащихъ глубокой болью и негодованіемъ строкахъ, онъ писалъ объ опасности, которая грозитъ арміи, а съ нею и всей Россіи. О томъ, что армія должна быть внѣ политики, о томъ, что тѣ, кто трогаютъ эту армію, творять передъ родиной преступленіе... Среди чтенія письма онъ вдругъ, схвативъ голову обѣими руками, разрыдался... Онъ заканчивалъ письмо, прося А. И. Гучкова выслушать меня, предупреждая, что все то что будетъ мною сказано, онъ проситъ считать, какъ его собственное мнѣніе. Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Петербургъ.

На станціи Жмеринка мы встрѣтили, шедшій съ сѣвера, курьерскій поѣздъ. Среди пассажировъ оказалось нѣсколько очевидцевъ послѣднихъ событій въ столицѣ. Между ними начальникъ 12-ой кавалерійской дивизіи свиты генераль баронъ Маннергеймъ (командовавшій впоследствии въ Финляндіи бѣлыми войсками). Отъ него перваго, какъ очевидца, узналъ я подробности столичныхъ народныхъ волненій, измѣны правительству воинскихъ частей, имѣвшіе мѣсто въ первые же дни случаи убійства офицеровъ. Самъ баронъ Маннергеймъ долженъ былъ въ теченіе трехъ дней скитаться по городу, мѣняя квартиры. Среди жертвъ обезумѣвшей толпы и солдатъ, оказалось несколько знакомыхъ: престарѣлый графъ Штакельбергъ, бывшій командиръ Кавалергардскаго полка графъ Менгденъ, Лейбъ-Гусарь графъ Клейнмихель... Послѣдніе два были убиты въ Лугѣ своими же солдатами запасныхъ частей гвардейской кавалеріи.

¹ Гучковъ.

Въ Кіевѣ между поѣздами, я поѣхалъ навѣстить семью губернскаго предводителя Безака. По дорогѣ видѣлъ сброшенный толпой съ пьедестала, въ первые дни послѣ переворота, памятникъ Столыпина. Безаки оставили обѣдать. За обѣдомъ я познакомился съ только что прибывшимъ изъ Петербурга, членомъ Думы барономъ Штейгеромъ и отъ него узналъ подробности того, что происходило въ рѣшительные дни въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Отъ него впервые услышалъ я хвалебные отзывы о Керенскомъ. По словамъ барона Штейгера, это былъ единственный темпераментный человекъ въ составѣ правительства, способный владѣть толпой. Ему Россія была обязана тѣмъ, что кровопролитіе первыхъ дней во время остановилось.

На станціи Бахмачъ къ намъ въ вагонъ сѣлъ адъютантъ Великаго Князя Николая Николаевича, полковникъ графъ Менгденъ. Онъ оставилъ въ Бахмачѣ поѣздъ Великаго Князя, направлявшагося изъ Тифлиса въ Могилевъ, гдѣ Великій Князь долженъ былъ принять главное командованіе. Графъ Менгденъ ѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ у него оставалась семья — жена, дѣти и братъ. Онъ ничего еще не зналъ о трагической смерти послѣдняго. Пришлось выполнить тяжелую обязанность сообщить ему объ этомъ. Графъ Менгденъ передалъ мнѣ, что Великій Князь уже предупрежденъ о желаніи Временнаго Правительства, чтобы Онъ передалъ главное командованіе генералу Алексѣеву и что Великій Князь рѣшилъ, избѣгая лишннихъ осложнений, этому желанію подчиниться. Я считалъ это рѣшеніе Великаго Князя роковымъ. Великій Князь былъ чрезвычайно популяренъ въ арміи какъ среди офицеровъ, такъ и среди солдатъ. Съ Его авторитетомъ не могли не считаться и всѣ старшіе начальники: главнокомандующіе фронтами и командующіе арміями. Онъ одинъ еще могъ оградить армію отъ грозившей ей гибели, на открытую съ Нимъ борьбу Временное Правительство не рѣшилось бы.

Въ Царскомъ дебаркадеръ былъ запруженъ толпой солдатъ гвардейскихъ и армейскихъ частей, большинство изъ нихъ были разукрашены красными бантами. Было много пьяныхъ. Толкаясь, смѣясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поѣздной прислуги, лѣзли въ вагоны, забивъ всѣ корридоры и вагонъ-ресторанъ, гдѣ я въ это время пилъ кофе. Маленькій рыжеватый Финляндскій драгунъ съ наглымъ лицомъ, папирской въ зубахъ и краснымъ бантомъ на шинели, безцеремонно сѣлъ за сосѣдній столикъ, занятый сестрой милосердія и пытался вступить съ ней въ разговоръ. Возмущенная его поведеніемъ, сестра стала ему выговаривать. Въ отвѣтъ раздалась площадная брань. Я вскочилъ, схватилъ негодяя за шиворотъ, и, протаскивъ къ выходу, ударомъ колѣна выбросилъ его въ корридоръ. Въ толпѣ солдатъ загудѣли, однако, никто не решился заступиться за нахала.

Первое, что поразило меня въ Петербургѣ, это огромное количество красныхъ бантовъ, украшавшихъ почти всѣхъ. Они были видны не только на шатающихся по улицамъ, въ разстегнутыхъ шинеляхъ, безъ оружія, солдатахъ, студентахъ, курсисткахъ, шофферахъ таксомоторовъ и извозчикахъ, но и на щеголеватыхъ штатскихъ и значительномъ числѣ офицеровъ. Встречались элегантныя кареты собственниковъ съ кучерами разукрашенными красными лентами и владельцами экипажей съ приколотами къ шубамъ красными бантами. Я лично видѣлъ нѣсколько старыхъ, заслуженныхъ генераловъ, которые не побрезгали украсить форменное пальто моднымъ революціоннымъ цвѣтомъ. Въ числѣ прочихъ, я встрѣтилъ одного изъ лицъ свиты Государя, тоже украсившаго себя краснымъ бантомъ; вензеля были спороты съ погонь; я не могъ не выразить ему моего недоумѣнія увидѣть его въ этомъ видѣ. Онъ явно былъ смущенъ и пытался отшучиваться: «Что дѣлать, я только одѣтъ по формѣ — это новая форма одежды...» Общей трусостью, малодушіемъ и раболѣпіемъ передъ новыми властителями многіе перестарались. Я всѣ эти дни постоянно ходилъ по городу пѣшкомъ въ генеральской формѣ съ вензелями Наследника Цесаревича на погонахъ (и, конечно, безъ краснаго банта) и за все время не имѣлъ ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболѣпіе русскаго общества ярко сказались въ первые дни смуты и не только солдаты, младшіе офицеры и мелкіе чиновники, но и ближайшія къ Государю лица и сами члены Императорской Фамиліи были тому примѣромъ. Съ первыхъ же часовъ опасности Государь былъ оставленъ всѣми. Въ ужасные часы пережитые Императрицей и Царскими Дѣтьми въ Царскомъ, никто изъ близкихъ къ Царской Семѣ лицъ, не поспѣшилъ къ Нимъ на помощь. Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ самъ привелъ въ Думу гвардейскихъ моряковъ и поспѣшилъ «явиться» М. В. Родзянкѣ. Въ рядѣ газетъ появились «интервью» Великихъ Князей Кирилла Владиміровича и Николая Михайловича, гдѣ они

самым недостойным образом порочили отрешагося Царя. Безъ возмущенія нельзя было читать эти интервью.

Борьба за власть между Думой и самочиннымъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ продолжалась, и Временное Правительство, не находившее въ себѣ силъ къ открытой борьбѣ, все болѣе становилось на пагубный путь компромиссовъ.

Гучковъ отсутствовалъ изъ Петербурга. Я рѣшилъ его ждать и, зайдя въ военное министерство, оставилъ свой адресъ, прося увѣдомить, когда военный министръ вернется. Черезъ день ко мнѣ на квартиру дали знать по телефону, что министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милоковъ, освѣдомившись о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ съ порученіемъ къ А. И. Гучкову, просилъ меня къ себѣ. На другой день утромъ, я былъ принятъ весьма любезно Милоковымъ:

«Александръ Ивановичъ Гучковъ отсутствуетъ», — сказала мнѣ министр, — «но я имѣю возможность постоянно съ нимъ сношаться. Я могу переслать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы пожелали бы мнѣ сообщить. Мы съ Александромъ Ивановичемъ люди разныхъ партій», — прибавилъ улыбаясь Милоковъ, — «но теперь, какъ вы понимаете, разныхъ партій нѣтъ, да и быть не можетъ».

Передавъ письмо генерала Крымова министру, я постарался возможно подробнѣе высказать ему свой взглядъ на опасность для арміи создавагося положенія. Я указалъ ему, что въ настоящую минуту, когда особенно необходима твердая дисциплина, надлежитъ всѣми мѣрами поддерживать престижъ начальниковъ, что послѣдніе приказы расшатываютъ дисциплину въ арміи и сами создаютъ пропасть между офицерскимъ составомъ и солдатами, что требованіе дисциплины «лишь только въ строю» вредно и бессмысленно.

«Сейчасъ война и мы всѣ воины, и офицеры и солдаты, гдѣ бы мы не находились въ окопахъ, въ резервѣ, или въ глубокомъ тылу, мы все время, въ сущности, несемъ службу и находимся «въ строю». Новыя права солдата, требованіе обращеніе къ солдатамъ на «вы», право посѣщать общественныя мѣста, свободно курить, и т. д., хорошему солдату въ настоящее время не нужны. Русскій простолюдинъ сызмальства привыкъ къ обращенію на «ты» и въ такомъ обращеніи онъ не видитъ для себя обиды; въ окопахъ и на привалахъ русскіе офицеры и солдаты живутъ вмѣстѣ, ѣдятъ изъ одного котла и закуриваютъ отъ одной папироски — свободнымъ посѣщеніемъ публичныхъ мѣстъ, куреніемъ и прочими свободами воспользуются лишь такіе солдаты, какъ тѣ, что шатаются нынѣ по улицамъ столицы».

Министръ слушалъ меня весьма внимательно, дѣлая помѣтки все время въ блокнотѣ.

«То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передамъ все это Александру Ивановичу Гучкову. Однако, долженъ замѣтить, что тѣ свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ, то, что мы слышимъ здѣсь отъ представителей арміи, освѣщаетъ вопросъ нѣсколько иначе».

«Это возможно», — отвѣтилъ я, — «но позвольте спросить васъ о какихъ представителяхъ арміи вы изволите говорить. О тѣхъ, что засѣдаютъ въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, неизвѣстно кѣмъ выбранные, и кѣмъ назначенные, или о тѣхъ, которыхъ видѣлъ я только что на улицахъ города, разукрашенныхъ красными бантами. Повѣрьте мнѣ, что изъ хорошихъ офицеровъ и солдатъ въ Петербургѣ сейчасъ находятся лишь тѣ, что лежатъ въ лазаретахъ, и едва ли они могутъ быть вашими освѣдомителями. Я не сомнѣваюсь, что всѣ прочіе, кто случайно находился здѣсь, сейчасъ уже успѣли вернуться въ свои родныя части».

«Конечно, я не берусь судить, Александръ Ивановичъ Гучковъ въ этомъ вопросѣ компетентнѣе меня. Вѣроятно, по его возвращеніи, онъ пожелаетъ лично васъ видѣть. Пока будьте увѣрены, я въ точности передамъ ему все вами сказанное...»

Вернувшись домой, я нашелъ телеграмму генерала Крымова, онъ сообщалъ мнѣ, что вызванъ военнымъ министромъ въ Петербургъ, что я назначенъ временно командующимъ дивизіей и долженъ немедленно вернуться въ Кишиневъ. Съ большимъ трудомъ доставъ билетъ, я въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Петербурга.

15-го марта я прибылъ въ Кишиневъ. Генераль Крымовъ, не дождавшись меня, наканунѣ выѣхалъ, съ нимъ уѣхалъ и начальникъ штаба дивизіи полковникъ Самаринъ. Полковникъ Самаринъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ назначенъ начальникомъ кабинета военнаго министра; его замѣстителемъ оказался генеральнаго штаба подполковникъ Полковниковъ, донской казакъ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда прибывшій къ мѣсту службы. Подполковникъ Полковниковъ, оказавшійся впоследствии, послѣ корниловскихъ дней, во главѣ Петербургскаго военнаго округа и сыгравшій въ дни паденія

Временного Правительства столь печальную роль, въ должности начальника штаба дивизіи оказался способнымъ, толковымъ и дѣльнымъ работникомъ.

Мы переживали тяжелое время. Власть изъ рукъ Временного Правительства все болѣе и болѣе ускользала. Это правительство оказывалось безсильнымъ противостоятъ притязаніямъ самочиннаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Въ арміи ясно чувствовали всѣ грозныя послѣдствія этой слабости и колебанія власти, и инстинктивно стремились эту власть подкрѣпить. Рядъ войсковыхъ частей обращался съ заявленіями къ предсѣдателю правительства, въ коихъ указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всѣми попытками внести анархію въ страну. Такого характера заявленія вынесли и всѣ полки Уссурийской дивизіи.

Къ сожалѣнію, Временное Правительство не сумѣло, да повидимому, и не рѣшалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь. Александръ Ивановичъ Гучковъ, который въ это время объѣзжалъ главнокомандующихъ фронтами, принимая депутаціи отъ разнаго рода частей, неизмѣнно громко заявлялъ, что правительство ни въ какой помощи не нуждается, что никакого двоевластія нѣтъ, что работа правительства и совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ происходитъ въ полномъ единеніи.

Не было твердости и единства и въ верхахъ арміи. вмѣсто того, чтобы столкнуться и встать единодушно и рѣшительно на защиту вѣранныхъ имъ войскъ, старшіе военачальники дѣйствовали вразбродъ каждый за себя, не считаясь съ пользой общаго дѣла. Въ то время, какъ генераль графъ Келлеръ, отказавшись присягнуть Временному Правительству, пропускалъ мимо себя, прощаясь съ ними, свои старые полки подъ звуки національнаго гимна, генерала Брусилова несли передъ фронтомъ войскъ, въ разукрашенномъ красными бантами креслѣ, революціонные солдаты...

17-го марта былъ день полкового праздника Амурскаго казачьяго полка. Полкъ этотъ былъ включенъ въ составъ дивизіи сравнительно недавно — весной 1916 года, и по внутреннему порядку своему невыгодно отличался отъ другихъ полковъ дивизіи. Годъ тому назадъ, когда полкъ находился въ Петербургѣ неся охрану, въ полку была громкая исторія — убійство казаками своего офицера. Амурскіе казаки, отличные солдаты, были, въ большинствѣ случаевъ, народъ буйный и строптивый. Полкомъ командовалъ Амурскаго казачьяго войска полковникъ Сычевъ. Подѣхавъ къ выстроеному для парада полку, я съ удивленіемъ увидѣлъ, вмѣсто сотенныхъ значковъ, въ большинствѣ сотенъ красные флаги. Для флаговъ этихъ казаки видимо использовали «подручный матеріалъ» и на флагъ одной изъ сотенъ очевидно пошла юбка изъ краснаго ситца съ какими-то крапинками. Командиръ подсказалъ съ рапортомъ, оркестръ заигралъ марсельезу. Принявъ рапортъ командира полка, я спросилъ его, что значить этотъ маскарадъ и услышалъ неожиданный для меня отвѣтъ, — «казаки этого потребовали». Я объявилъ полковнику Сычеву, что не допускаю никакихъ «требованій» подчиненныхъ, что уставомъ ясно указано о порядкѣ встречи старшихъ начальниковъ, что при встрѣчѣ полкъ обязанъ играть полковой маршъ и что цвѣтъ значковъ каждой сотни установленъ. Проѣхавъ по фронту, поздравившись съ сотнями и поздравивъ ихъ съ войсковымъ праздникомъ, я, ставъ передъ фронтомъ полка, обратился къ казакамъ:

«Я ожидалъ встрѣтить славный вашъ полкъ подъ старымъ своимъ знаменемъ, а сотни съ ихъ боевыми значками, вокругъ которыхъ погибло геройской смертью столько славныхъ амурскихъ казаковъ. Подъ этими значками хотѣлъ я собрать сегодня васъ и выпить за славу Амурскаго войска и Амурскаго полка круговую чарку, но подъ красной юбкой я сидѣть не буду, и сегодняшній день съ вами провести не могу».

Круто повернувъ коня, я поскакалъ домой.

Въ тотъ же день я отдалъ приказъ по дивизіи, гдѣ объявилъ выговоръ командиру Амурскаго полка за допущенный беспорядокъ въ строю. Полковникъ Сычевъ, поддержанный завѣдующимъ хозяйствомъ есауломъ Гордѣевымъ, пьяницей и плохимъ офицеромъ, пытался вызвать неудовольствіе полка противъ меня, стараясь внушить офицерамъ и казакамъ, что я оскорбилъ полкъ и въ лицѣ его все амурское казачество, что я самъ не казакъ, а потому и обижаю казаковъ — однимъ словомъ раздался тотъ припѣвъ, который впослѣдствіи напѣвали такъ часто вожди «самостійнаго» казачества. Какъ только я узналъ о недопустимыхъ дѣйствіяхъ командира полка и его помощника, я безъ лишнихъ словъ отдалъ приказъ объ отрѣшеніи обоихъ отъ должности и предписалъ имъ въ тотъ же день выѣхать изъ предѣловъ дивизіи. Приѣхавъ въ Амурскій полкъ, я собралъ офицеровъ, разъяснилъ имъ дѣло и высказалъ свой

взглядъ на вещи. Въ командованіе полкомъ я приказалъ вступить Полковникову (въ этой должности онъ былъ въ послѣдствіи утверждёнъ по ходатайству генерала Крымова), а о дѣйствіяхъ полковника Сычева и есаула Гордѣева приказалъ командиру 2-ой бригады, генералу Желѣзнову, произвести разслѣдованіе для преданія ихъ суду.

Послѣ этого дня никакихъ революціонныхъ демонстрацій въ частяхъ дивизіи не было, несмотря на то, что въ самые ближайшіе дни въ Нерчинскомъ казачьемъ полку произошелъ случай, который, казалось бы, могъ дать къ этому болѣе чѣмъ достаточный поводъ. Въ числѣ другихъ офицеровъ Нерчинскаго полка состоялъ прикомандированный къ полку, недавно произведенный въ офицеры, почти мальчикъ, корнетъ Зоринъ. Чрезвычайно нервный и впечатлительный, онъ болѣзненно переживалъ все происходившее въ арміи. Какъ-то ночью, будучи дежурнымъ по полку, онъ, обходя расположеніе полка, услышалъ въ одной изъ избъ шумъ и крики. Въ ту минуту, какъ, отворивъ дверь, онъ готовился переступить порогъ, на него изъ сѣней выскочилъ какой-то казакъ, и, толкнувъ его, попытался проскочить въ дверь. Ошеломленный неожиданностью, вообразивъ, что на него нападаютъ, корнетъ Зоринъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ казака, убивъ его наповаль. Черезъ минуту все разъяснилось. Оказалось, никто нападать на офицера не хотѣлъ, казаки пьянствовали въ избѣ и услышавъ снаружи шаги, и опасаясь быть застигнутыми въ неурочный часъ, бросились вразсыпную, одинъ изъ нихъ и наткнулся на входящаго Зорина. Несчастный Зоринъ, опомнившись, едва самъ не покончилъ самоубійствомъ. Я узналъ о происшествіи рано утромъ и немедленно поѣхалъ въ полкъ. Дознаніе было уже закончено. Изъ него явствовало, что офицеръ не имѣлъ никакихъ основаній употребить оружіе. вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны казаковъ было явное нарушеніе внутренняго порядка. Я собралъ полкъ и тутъ же объявилъ свое рѣшеніе: «Корнетъ Зоринъ предается суду за употребленіе оружія безъ достаточныхъ къ тому основаній. Командиру сотни, гдѣ былъ безпорядокъ, объявляется выговоръ, вахмистръ и взводные разжалуются». Одновременно я откомандировалъ корнета Зорина въ его родной полкъ, дабы дать возможность разобрать его дѣло въ болѣе безпристрастной обстановкѣ. Тутъ же я сдѣлалъ полку горячее конное ученіе и, поблагодаривъ казаковъ, вернулся въ штабъ Похороны казака, за гробомъ котораго шли всѣ офицеры во главѣ съ командиромъ полка, прошли совсѣмъ спокойно и случай этотъ никакихъ послѣдствій не имѣлъ.

30-го марта вернулся генералъ Крымовъ, назначенный командиромъ 3-го коннаго корпуса, вмѣсто графа Келлера.

Первые шаги Александра Ивановича Гучкова въ роли военнаго министра ознаменовались массовой смѣной старшихъ начальниковъ — однимъ взмахомъ пера были вычеркнуты изъ списковъ арміи 143 старшихъ начальника, взаменъ которыхъ назначены новые, не считаясь со старшинствомъ. Мѣра эта была глубоко ошибочна. Правда, среди уволенныхъ было много людей недостойныхъ и малоспособныхъ, сплошь и рядомъ, державшихся лишь оттого, что имѣли гдѣ-то руку, но тѣмъ не менѣе смѣна такого огромнаго количества начальниковъ отъ дѣльныхъ частей и высшихъ войсковыхъ соединеній одновременно и замѣна ихъ людьми чуждыми этимъ частямъ, да еще въ столь отвѣтственное время, могли не отразиться на внутреннемъ порядкѣ и боеспособности арміи.

Отъ генерала Крымова я узналъ подробности кровавыхъ кронштадтскихъ дней, стоившихъ жизни лучшимъ офицерамъ балтійскаго флота, погибшимъ отъ руки матросовъ. Генералъ Крымовъ, повидавши Гучкова, М. В. Родзянко, Терещенко и другихъ своихъ политическихъ друзей, вернулся значительно подбодренный. По его словамъ, Временное Правительство, несмотря на кажущуюся слабость, было достаточно сильно, чтобы взять движеніе въ свои руки. Необходимость этого якобы въ полной мѣрѣ учитывалась членами Временнаго Правительства. Главной поддержкой Временнаго Правительства, помимо широкихъ круговъ общественности и значительной части арміи, должны были быть, по мнѣнію генерала Крымова, казаки. На казачество возлагалъ онъ огромныя надежды, и прямо объявлялъ, что «теперь надо дѣлать ставку на казаковъ». Желая сохранить въ своемъ командованіи родную дивизію и рѣшивъ «ставить на казаковъ», генералъ Крымовъ выхлопоталъ включеніе въ составъ 3-го коннаго корпуса Уссурійской конной дивизіи взаменъ доблестной 12-ой кавалерійской дивизіи.

Съ утвержденіемъ генерала Крымова командиромъ 3-го коннаго корпуса, я назначался на должность начальника Уссурійской конной дивизіи.

Надеждь, возлагаемых генераломъ Крымовымъ на казаковъ, я не раздѣлялъ. Проживъ дѣтство и юность на Дону, проведя Японскую войну въ рядахъ Забайкальскаго казачьяго полка, командуя въ настоящую войну казачьимъ полкомъ, бригадой и дивизіей, въ составъ коихъ входили полки трехъ казачьихъ войскъ — я отлично зналъ казаковъ. Я считалъ, что они легко могутъ стать орудіемъ въ рукахъ извѣстныхъ политическихъ казачьихъ круговъ. Свойственное казакамъ испоконъ стремленіе обособиться, представляло въ настоящую минуту, когда значительная часть арміи состояла изъ не казаковъ, а казачьи части были вкраплены въ цѣлый рядъ регулярныхъ дивизій, не малую опасность.

Я считалъ, что борьба съ разваломъ должна вестись иными путями, не ставкой на какую-либо часть арміи, а дружнымъ единеніемъ верховъ арміи и сплочѣнностью самой арміи. Но генерала Крымова трудно было переубѣдить. Онъ весь былъ увлеченъ новой идеей. Это съ мѣста учли нѣкоторые элементы — въ полкахъ стало замѣтно среди офицеровъ дѣленіе на казаковъ и не казаковъ. Въ Нерчинскомъ казачьемъ полку, гдѣ особенно было много офицеровъ, переведенныхъ изъ регулярныхъ частей, этотъ вопросъ сталъ наиболѣе остро. Нѣсколько офицеровъ подали рапорта о переводѣ ихъ въ регулярныя части.

Я рѣшилъ откровенно переговорить съ генераломъ Крымовымъ:

«Я не раздѣяю, Александръ Михайловичъ, возлагаемой вами надежды на казаковъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ разъ вы дѣлаете эту ставку, то слѣдуетъ избѣгать всего, что такъ или иначе можетъ помѣшать. Самъ я не казакъ, большую часть службы провель въ регулярныхъ частяхъ, едва ли при этихъ условіяхъ я буду полезенъ дѣлу, какъ вашъ ближайшій помощникъ...»

Генераль Крымовъ видимо понималъ меня и не особенно удерживалъ. Онъ предложилъ написать военному министру и начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ходатайствуя о предоставленіи мнѣ въ командованіе регулярной дивизіи.

Попрощавшись съ Приморскимъ драгунскимъ и роднымъ Нерчинскимъ полкомъ, устроившимъ мнѣ горячія проводы, я, 5-го апрѣля, въ первый день Пасхи, выѣхалъ въ Петербургъ.

Первые шаги новаго правительства.

Я засталъ Петербургъ необыкновенно оживленнымъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи улицы города были наполнены толпами народа. Большую часть ихъ составляли воинскіе чины. Занятія въ казармахъ нигдѣ не велись и солдаты цѣлый день и большую часть ночи проводили на улицахъ. Количество красныхъ бантовъ, утерявъ прелесть новизны, по сравненію съ первыми днями революціи, поуменилось, но зато неряшливость и разнузданность какъ будто еще увеличились. Безъ оружія, большей частью въ разстегнутыхъ шинеляхъ, съ папиросой въ зубахъ и карманами полными сѣмячекъ, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожихъ. Щелканье сѣмячекъ въ эти дни стало почему-то непремѣннымъ занятіемъ «революціоннаго народа», а такъ какъ со времени «свободъ» улицы почти не убирались, то тротуары и мостовыя были сплошь покрыты шелухой. Съ большинства аптекъ и вывѣсокъ придворныхъ поставщиковъ, въ стремленіи уничтожить «ненавистные признаки самодержавія», толпой въ первые дни революціи были сорваны орлы, и отсутствие на привычныхъ мѣстахъ вывѣсокъ производило впечатлѣніе какого-то разгрома.

Въ Таврическомъ дворцѣ, городской думѣ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, на площадяхъ и на углахъ улицъ ежедневно во всѣ часы шли митинги. Это была какая-то вакханалія словоизверженія. Казалось, что столѣтіями молчавшій обыватель, нынѣ спѣшилъ наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядомъ, въ какомъ-либо ресторанѣ, театрѣ, кинематографѣ, во время антракта, или между двумя музыкальными номерами, какой-нибудь словоохотливый ораторъ влѣзалъ на стулъ и начиналъ говорить. Ему отвѣчалъ другой, третій и начинался своеобразный митингъ. Страницы прессы сплошь заняты были рѣчами членовъ Временнаго Правительства, членовъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, рѣчами разнаго рода делегации. Темы были всегда однѣ и тѣ же: осужденіе стараго режима, апологія «безкровной революціи», провозглашеніе «продолженія борьбы до побѣднаго конца», (до «мира безъ аннексій и контрибуцій» тогда еще не договорились), восхваленіе «завоеваній революціи». Спасать Россію уже не собирались, говорили лишь о спасеніи «завоеваній революціи». Формула эта стала наиболѣе ходячей и въ невольномъ стремленіи сдѣлать ее болѣе

удобоваримой, договорились до «спасения революции», получилось что-то безграмотное и бессмысленное.

Борьба между Временным Правительством и советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась. Надо отдать справедливость левым элементам, они действовали решительно, и определенно шли к намеченной цели. Временное Правительство, в правой его части, наоборот, все время явно избегало решительных действий и слов, искало «компромисса» и подыгрывалось под «революционную демократию»... В то время как «широкая амнистия» покрыла не только бывших революционеров, но и явных агентов германского генерального штаба; в то время, как прибывшие, во главе с Лениным прямо из Германии большевики, среди была дня, захватив дом балерины Кшесинской на Каменноостровском проспекте, обращались с балкона к толпе слушателей, призывая их к позорному миру и Временное Правительство не смело их арестовать, — в Петропавловскую крепость заключались бывшие министры, сановники и другие лица, лишь потому, что они не угодны революционной демократии. В то время, как левая печать открыто вела разлагающую армию пропаганду, правые газеты конфисковались и закрывались. В Крыму, по приказанию Временного Правительства, распоряжением полковника Верховского, производились обыски у членов Императорской Фамилии.

Не избежала обыска и престарелая Императрица Мария Феодоровна. Агенты вошли к ней в спальню и шарили в ее вещах, не взирая на то, что Императрица находилась в постели. Одновременно с обыском у членов Императорской Семьи, подвергся обыскам и ряд частных лиц, проживающих в Ялте, в том числе и моя жена. У нее отобрали мои письма, в которых, конечно, ничего найти не могли.

Те, кто вчера обвинял старое правительство в слабости, произволе и неспособности справиться с разрухой, сегодня, ставши у власти, сами оказались не в силах вести страну. Маниловы или Хлестаковы, они дальше красивых и звучных слов идти были неспособны и, неизбежным ходом событий, должны были уступить власть более действительным силам.

20-го апреля впервые произошло выступление красной гвардии — вооруженных заводских рабочих. Правительство не решилось двинуть против них войска. Отдельные столкновения красной гвардии с толпой на углу Михайловской и Невского стоили нескольких жизней. Во время столкновения я находился как раз в Европейской гостинице. Услышав первые выстрелы, я вышел на улицу. Толпа в панике бежала к Михайловской площади, нахлестывая лошадей скакали извозчики. Кучки грязных оборванных фабричных в картузах и мягких шляпах, в большинстве с преступными, озверевшими лицами, вооруженные винтовками, с пением интернационала, двигались посреди Невского. В публике кругом слышались негодующие разговоры — ясно было, что в большинстве решительные меры правительства встряли бы только сочувствие.

Я пешком по Мойке прошел в дом военного министра, дабы повидать полковника Самарина, начальника кабинета А. И. Гучкова. У него я застал полковника Барановского (занявшего впоследствии этот пост при Керенском). Я подлился с ними только что виденным и выразил недоумение по поводу бездельности военных властей.

«Правительство не может допустить пролития русской крови», — ответил мне Самарин, — «если бы по приказанию правительства была бы пролита русская кровь, то вся моральная сила правительства была бы утеряна в глазах народа».

Я понял, что нам больше говорить не о чем...

На другой день совет рабочих и солдатских депутатов объявил, что войска не могут быть выведены из казарм, если приказ военных властей не будет скреплен согласием совета. 5-го мая состоялись грандиозные манифестации в пользу правительства частей, имевших целью поддержать правительство против советов. Манифестация эта произошла без всяких столкновений и еще раз ясно показала, что революционная демократия поддерживается далеко не всеми. Но и на этот раз бездарная и безвольная власть не сумела этим воспользоваться.

Нужно сказать правду, что за исключением социалистических элементов, с одной стороны, и отдельных лиц, главным образом из военных, с другой, бездарность и безволие проявляло в равной мере все общество. Растерянность, безразличие, столь свойственные русским людям, неумение договориться и соорганизоваться, какое-то непопятное легкомыслие и болтливость наблюдались кругом. Все говорили о необходимости

организоваться, всё на словах конспирировали, но серьезной работы не было. Пробовали соорганизоваться и офицеры; но если вновь возникший союз офицеров в ставке, в непосредственной близости фронта и под руководством генерала Алексеева и генерала Деникина и вел полезную и действительную работу, то в Петербурге его работа велась в атмосфере, могущей лишь только подорвать престиж армии.

С первых же дней среди членов союза возникла группа «примемлющих революцию», рѣшивших на этой революции сдѣлать свою карьеру. Одним из главных действующих лиц в этой группе был генеральный штаба полковник Гуцинъ, донской казакъ, товарищ мой по академіи генерального штаба. Съ ухватками дурного тона фата, полковникъ Гуцинъ, читавшій в это время лекціи в академіи генерального штаба, в первые же революціонные дни, появился на кафедре, разукрашенный краснымъ бантомъ, и съ пафосомъ обращаясь къ слушателямъ, заявилъ: «Маска снята, передъ вами офицеръ-республиканецъ». В петроградскомъ союзе онъ вел самую недостойную демагогическую игру. Обращаясь в своихъ рѣчахъ къ солдатамъ, онъ отъ имени русскаго офицерства просилъ солдата «не отталкивать отъ себя во многомъ виноватаго передъ нимъ русскаго офицера». Онъ говорил трескучія рѣчи, билъ себя в грудь и гаерствовалъ...

«Поставившимъ на революцію» оказался и бывший мой однополчанинъ, а в это время начальник 1-ой кавалерійской дивизіи, генералъ Бискупскій. Лихой и способный офицеръ, весьма не глупый и съ огромнымъ честолюбіемъ, непреодолимымъ желаніемъ быть всегда и всюду первымъ, Бискупскій былъ долгое время в полку коноводомъ, пользуясь среди товарищей большимъ вліяніемъ. Онъ женился на извѣстной исполнительницѣ романсовъ, Вяльцевой, и долго сумѣлъ скрывать этотъ бракъ, оставаясь в полку. Такое фальшивое положеніе все же продолжаться не могло и за два года до войны Бискупскій полковникомъ ушелъ в отставку. Онъ бросился в дѣла, основывалъ какія-то акціонерныя общества по разработкѣ нефти на Дальнемъ Востоке, вовлекъ в это дѣло рядъ бывшихъ товарищей и, в концѣ концовъ, жестоко поплатился вмѣстѣ съ ними. Овдовѣвъ, онъ поступилъ в Иркутскій гусарскій полкъ и, быстро двигаясь по службѣ, черезъ два года войны командовалъ уже дивизіей. В Петербурге онъ попалъ делегатомъ в совѣтъ солдатскихъ депутатовъ отъ одной изъ армій. Онъ постоянно выступалъ съ рѣчами, по уполномочію совѣта совмѣстно съ нѣсколькими солдатами, ѣздилъ для переговоровъ съ революціоннымъ кронштадтскимъ гарнизономъ и мечталъ быть выбраннымъ предсѣдателемъ военной секціи совѣта. Какъ и слѣдовало ожидать, изъ этого ничего не вышло, выбраннымъ оказался какой-то фельдшеръ, и Бискупскій вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга.

Я жилъ в Петербурге, ожидая назначенія в армию. Близко присматриваясь ко всему происходящему, я видѣлъ, что лишь твердой и непреклонной рѣшимостью можно было положить предѣлъ дальнѣйшему развалу страны. Ни в составѣ правительства, ни среди окружавшихъ его общественныхъ дѣятелей, человека способнаго на это не было. Его надо было искать в армии, среди не многихъ популярныхъ вождей. Къ голосу такого вождя, опирающагося на армию, не могла не прислушаться страна и достаточно рѣшительно заявленное требованіе его, опирающееся на штыки, было бы выполнено. Считаюсь съ условіями времени, имя такого вождя должно было быть достаточно «демократичнымъ». Такихъ именъ я зналъ только два: извѣстнаго всей армии, честнаго, строгаго къ себѣ и другимъ, твердаго и храбраго командующаго IX-ой арміей генерала Лечицкаго, и любимаго войсками, героя карпатскихъ боевъ, недавно совершившаго легендарный побѣгъ изъ вражескаго плѣна, генерала Корнилова. Первый, не примирившись съ новыми порядками, только что оставилъ армию и жилъ в солицѣ частнымъ лицомъ; второй, в описываемое время, стоялъ во главѣ Петроградскаго военнаго округа и это положеніе его было для дѣла особенно благопріятнымъ.

Военная организація в столицѣ, располагавшая хотя бы небольшими военными силами и могущая выступить в нужную минуту, казалась мнѣ для успѣха дѣла совершенно необходимой. Ко мнѣ обращался рядъ лицъ частью изъ существующихъ уже военныхъ организацій, частью, находящихся в частяхъ столичнаго гарнизона. Мнѣ скоро удалось войти в связь съ офицерами цѣлаго ряда частей. На цѣлый рядъ этихъ частей мы могли вполне рассчитывать.

Свѣдѣніями своими я рѣшилъ подѣлиться со старымъ однополчаниномъ и другомъ моимъ графомъ А. П. Паленомъ² Ожидая со дня на день назначенія въ армію, я предполагалъ оставить его во главѣ дѣла въ Петербургѣ. Графъ Палень очень подходилъ для намѣченнаго дѣла; онъ легко могъ, не возбуждая особыхъ подозрѣній, вести свою работу въ столицѣ. Онъ всю жизнь прослужилъ въ гвардіи въ Петербургѣ, его знала почти вся гвардія и среди офицеровъ петроградскаго гарнизона онъ пользовался общимъ уваженіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ его сравнительно небольшой чинъ, свойственная ему молчаливость и замкнутость давали возможность рассчитывать, что ему удастся вести работу съ достаточной скрытностью.

Въ помощь намъ мы привлекли нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Намъ удалось раздобыть кое-какія средства. Мы организовали небольшой штабъ, прочно наладили связь со всѣми военными училищами и нѣкоторыми воинскими частями, расположенными въ столицѣ и пригородахъ, организовали рядъ боевыхъ офицерскихъ дружинъ. Развѣдку удалось поставить отлично. Былъ разработанъ подробный планъ занятія главнѣйшихъ центровъ города и захвата всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя могли бы оказаться опасными.

Неожиданно, въ первыхъ числахъ мая, генераль Корниловъ, окончательно разойдясь съ совѣтомъ, оставилъ свой постъ. Онъ принялъ только что освободившуюся VIII-ую армію, стоящую на границѣ Галиціи. Среди именъ его замѣстителей нѣкоторые называли имя генерала Лечицкаго, однако, генераль, по слухамъ, отказывался отъ назначенія. Я рѣшилъ поѣхать къ нему. Я зналъ генерала Лечицкаго еще съ Буковины. Уссурийская дивизія входила въ составъ его арміи и я былъ съ нимъ лично достаточно знакомъ. Генераль Лечицкій жилъ въ Сѣверной гостиницѣ, противъ Николаевскаго вокзала. Я просилъ его принять меня и онъ назначилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ время для разговора. Я изложилъ ему всѣ мои мысли, сказалъ о томъ, что удалось мнѣ съ графомъ Паленомъ сдѣлать за послѣднее время и, упомянувъ о томъ, что знаю о сдѣланномъ ему предложеніи стать во главѣ Петербургскаго военного округа, предложилъ использовать нашу работу; при этомъ въ виду ожидаемаго моего отъѣзда въ армію я рекомендовалъ ему графа Палена.

«Все, что вы говорите — совершенно вѣрно», — сказалъ мнѣ генераль Лечицкій, — «мы всѣ такъ думаемъ. Но я замѣстителемъ генерала Корнилова не буду. Я и изъ арміи ушелъ, такъ какъ не могъ примириться съ новыми порядками. Я старый солдатъ. Здѣсь же нуженъ человекъ не только твердый и честный, но и гибкій. Кто-либо болѣе молодой будетъ, вѣроятно, подходящее».

Зная генерала Лечицкаго, я не сомнѣвался, что онъ не измѣнитъ своего рѣшенія.

Замѣстителемъ генерала Корнилова былъ назначенъ начальникъ штаба Туземной дивизіи, генераль Половцевъ.

Въ виду отхода генерала Лечицкаго отъ всякой дѣятельности, я рѣшилъ, несмотря на оставленіе генераломъ Корниловымъ чрезвычайно выгоднаго для намѣченнаго нами дѣла, поста главнокомандующаго Петербургскимъ военнымъ округомъ, все же войти съ нимъ въ связь. Другого лица, кромѣ генерала Корнилова, подходящаго для намѣченной мною цѣли, я, среди старшихъ воено начальниковъ, найти не могъ.

Генераль Корниловъ, уѣхавъ въ армію, продолжалъ поддерживать связь съ цѣлымъ рядомъ лицъ въ Петербургѣ. Связь эту онъ поддерживалъ черезъ близкаго своего ординарца, Завойко. Завойко, бывший помѣщикъ, кажется Подольской губерніи, послѣдніе годы до войны, разорившись на хозяйствѣ, занялся финансовыми дѣлами. Онъ былъ управляющимъ нефтяной фирмы братьевъ Ліанозовыхъ, директоромъ и членомъ правленія цѣлаго ряда коммерческихъ предприятий. Послѣ переворота онъ, оставивъ дѣла, занялся политической работой. Послѣднее время, зачислившись въ ряды арміи, состоялъ ординарцемъ при главнокомандующемъ Петербургскимъ военнымъ округомъ, а съ назначеніемъ генерала Корнилова командующимъ арміей, послѣдовалъ за нимъ.

Узнавъ о прѣздѣ Завойко въ Петербургъ, я, черезъ работавшаго со мной и Паленомъ поручика графа П. П. Шувалова, вошелъ съ нимъ въ связь. Мы условились встрѣтиться на квартирѣ Завойко, жившаго въ то время на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста. Я пріѣхалъ съ графомъ Паленомъ и графомъ Шуваловымъ. Завойко произвелъ на меня впечатлѣніе весьма бойкаго, не глупаго и способнаго человека, въ то же время въ значительной мѣрѣ фантазера. Мы говорили очень мало, почти все время говорилъ самъ Завойко. Съ моими мыслями онъ

² Впослѣдствіи командиръ корпуса въ Сѣверо-Западной арміи генерала Юденича.

согласился съ первыхъ словъ. По его словамъ, также смотрѣлъ на дѣло и генераль Корниловъ. Въ концѣ разговора Завойко предложилъ намъ прочесть выпускаемую имъ въ печать краткую біографію генерала Корнилова, корректура которой была прислана ему для просмотра. Біографія эта вскорѣ появилась въ арміи. Мы условились о дальнѣйшей связи. Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ видѣлъ Завойко во время его пріѣздовъ въ Петербургъ. Какъ-то разъ, зайдя къ нему, я увидѣлъ сложенные въ углу какіе-то разноцвѣтные флаги. На мой вопросъ, что это такое, онъ сообщилъ мнѣ, что арміи готовятся къ на ступленію, что армія генерала Корнилова должна вторгнуться въ предѣлы Галиціи. Надписи на замѣченныхъ мною флагахъ — призывъ славянскимъ народамъ Карпато-Россіи къ возстанію противъ австрійскаго ига, въ борьбѣ за свободу, которую несетъ имъ армія русскаго генерала Корнилова. Надписи были на языкахъ мѣстныхъ галиційскихъ народностей. Въ этомъ заказѣ знаменъ, въ этихъ надписяхъ, сказался весь Завойко...

Предстоящій переходъ въ наступленіе скоро пересталъ быть секретомъ и для широкой публики, да, конечно, и для врага. Новый министръ «революціонной арміи» Керенскій, непрерывно метался на фронтъ, произносилъ истерическія рѣчи и призывалъ «революціонныя войска спасать завоеванія революціи». Маршевыя пополненія шли на фронтъ, неся красныя плакаты съ призывами: «война до побѣднаго конца», «всѣ на фронтъ», «лучше смерть, чѣмъ рабство» и т. д. Несмотря на «революціонный порывъ», эти маршевыя пополненія, большей частью, разбѣгались по дорогѣ.

Въ серединѣ іюня я получилъ телеграмму за подписью дежурнаго генерала VIII-ой арміи, полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласіе мое на назначеніе меня «впредь до освобожденія дивизіи» командиромъ бригады 7-ой кавалерійской дивизіи. Я отвѣтилъ согласіемъ. Однако, проходили дни, все болѣе и болѣе приближался часъ перехода арміи въ наступленіе, а приказа о назначеніи не было.

18-го іюня арміи Юго-Западнаго фронта атаквали противника. VIII-ая армія генерала Корнилова вторглась въ Галицію, фронтъ противника былъ прорванъ, наши войска овладѣли Галичемъ и Станиславовымъ. Казалось, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, побѣда вновь озаряла русскія знамена.

Наконецъ, 30-го іюня, я получилъ телеграмму о назначеніи меня командующимъ, но не бригадой, а 7-ой кавалерійской дивизіей. Черезъ день я выѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ.

Наступленіе революціонной арміи.

6-го іюля я прибылъ въ Каменецъ-Подольскъ. Здѣсь узналъ я послѣднія новости. «Прорывъ революціонной арміи», о которомъ доносили предсѣдателю правительства князю Львову «военный министръ», закончился измѣной гвардейскихъ гренадеръ, предательски уведенныхъ съ фронта капитаномъ Дзевалтовскимъ. За ними, бросая позиціи, стихійно побѣжала въ тылъ вся XI-ая армія. Противникъ занялъ Тарнополь, угрожая флангу и тылу сосѣдней VIII-ой арміи генерала Корнилова.

Геройская гибель ударныхъ батальоновъ, составленныхъ, большей частью, изъ офицеровъ, оказалась напрасной. «Демократизированная армія» не желая проливать кровь свою для «спасенія завоеваній революціи», бѣжала какъ стадо барановъ. Лишенные власти начальники безсильны были остановить эту толпу. Передъ лицомъ грозной опасности безвольное и бездарное правительство, какъ будто прозрѣло, оно поняло, казалось, необходимость для арміи иной дисциплины, кромѣ «революціонной». Назначеніе генерала Корнилова главнокомандующимъ юго-западнаго фронта, вмѣсто генерала Брусилова, назначеннаго незадолго верховнымъ главнокомандующимъ, казалось, подтверждало это.

Я спѣшилъ застать генерала Корнилова еще въ арміи и, не теряя ни минуты, получилъ въ штабѣ фронта автомобиль, выѣхалъ черезъ Черновицы на Коломыю. Со мной ѣхалъ поручикъ графъ Шуваловъ, который долженъ былъ остаться при генералѣ Корниловѣ для связи его съ организаціей графа Палена къ Петербургѣ. Я пріѣхалъ въ Коломыю уже къ вечеру.

Генераль Корниловъ былъ на фронтѣ и его ожидали лишь поздно ночью. Я зашелъ къ и. д. дежурнаго генерала полковнику графу Гейдену съ цѣлью получить необходимыя мнѣ свѣдѣнія о моей новой дивизіи. По словамъ полковника графа Гейдена, порядокъ въ дивизіи былъ въ общемъ на должной высотѣ. Правда, кой-какія недоразумѣнія съ команднымъ составомъ уже имѣли мѣсто; начальникъ дивизіи, начальникъ штаба и одинъ изъ командировъ полковъ должны были уже уйти, но въ общемъ, части были въ полномъ порядкѣ, офицерскій

составъ отличный и новому начальнику дивизіи, по словамъ графа Гейдена, взять въ руки дивизію будетъ не трудно.

Въ дивизію входили: Ольвіопольскій уланскій, Кинбурнскій драгунскій, Бѣло русскій гусарскій и 11-ый Донской казачій полки. Дивизіей временно командовалъ командиръ 1-ой бригады генераль Зыковъ, а должность начальника штаба исполнялъ, впредь до назначенія новаго начальника штаба, генеральнаго штаба полковникъ фонъ-Дрейеръ.

Во время разговора моего съ графомъ Гейденомъ въ кабинетъ вошелъ средняго роста молодой человекъ, въ модномъ френчѣ и англійской кепкѣ. Полковникъ графъ Гейденъ насъ познакомилъ. Вошедшій оказался комиссаромъ VIII-ой арміи, Филоненко. Съ большимъ апломбомъ Филоненко сталъ высказывать свое мнѣніе о послѣднихъ операціяхъ, о необходимости немедленнаго принятія ряда мѣръ, дабы помѣшать противнику использовать опасное выдвинутое положеніе VIII-ой арміи. Обратившись ко мнѣ Филоненко началъ говорить, что онъ, какъ бывшій офицеръ, признаетъ необходимость проведенія немедленныхъ мѣръ для укрѣпленія подорванной дисциплины; что онъ всячески поддерживалъ генерала Корнилова въ его усиліяхъ поднять дисциплину въ VIII-ой арміи и что онъ, Филоненко, все время настаивалъ на назначеніи генерала Корнилова главнокомандующимъ юго-западнаго фронта. Мы вмѣстѣ вышли и направились въ штабную столовую. За обѣдомъ Филоненко продолжалъ съ прежнимъ апломбомъ говорить о военномъ и политическомъ нашемъ положеніи. Онъ очень любезно предложилъ мнѣ помочь удаленію изъ войсковыхъ комитетовъ моей дивизіи тѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые, по моему мнѣнію, оказались бы нежелательными.

Я съ трудомъ нашелъ въ переполненномъ городѣ комнату, въ которой помѣстился вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ. Рано утромъ мнѣ дали знать, что генераль Корниловъ вернулся и проситъ меня къ себѣ.

Генераль Корниловъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ маленькаго двухъ этажнаго дома по близости отъ штаба. Тамъ же наверху жилъ Завойко. Я зашелъ къ послѣднему въ ожиданіи приѣма меня генераломъ. Я засталъ Завойко за писаніемъ. Заноса что-то на бумагу, онъ прихлебывалъ изъ стакана чай. Не желая ему мѣшать, я, взявъ переданный мнѣ стаканъ чая, сѣлъ въ сторонѣ и взялъ для чтенія какую-то книгу. Однако, Завойко, не прерывая писанія, сталъ задавать мнѣ рядъ вопросовъ: «Я могу одновременно дѣлать нѣсколько вещей», — заявилъ онъ, — «нашъ разговоръ не мѣшаетъ мнѣ писать». И дѣйствительно, продолжая спрашивать меня и подавая реплики, Завойко, не останавливаясь, быстро набрасывалъ что-то на бумагѣ. Кончивъ, онъ, видимо довольный своей работой, посмотрѣлъ на меня:

«Вы, конечно, знаете, что генераль назначенъ главнокомандующимъ фронтомъ. Онъ поручилъ мнѣ написать прощальный приказъ арміи. Желаете прослушать?»

Завойко прочелъ мнѣ извѣстный приказъ генерала Корнилова. Я былъ чрезвычайно пораженъ этой способностью такъ легко, почти не сосредотачиваясь, излагать на бумагѣ мысли. Мнѣ дали знать, что генераль Корниловъ меня ждетъ.

Я зналъ генерала Корнилова очень мало, познакомившись съ нимъ годъ тому назадъ за Царскимъ столомъ въ Могилевѣ, куда онъ прибылъ представиться Государю послѣ своего побѣга изъ плѣна. Въ одномъ вагонѣ мы тогда доѣхали отъ Могилева до Петербурга. Онъ нисколько не измѣнился съ той поры; маленькій, сухой, смуглый и загорѣлый, съ небольшой бородкой и жесткими черными усами, съ лицомъ, замѣтно выраженнаго монгольскаго типа, онъ говорилъ выразительными отрывистыми фразами. Въ немъ чувствовался особый порывъ, какая-то скрытая, ежеминутно готовая къ устремленію, сила. Онъ очень спѣшилъ, уѣзжая черезъ нѣсколько часовъ въ штабъ фронта. Я вкратцѣ сообщилъ ему о томъ, что извѣстно мнѣ было о положеніи въ Петербургѣ, далъ свѣдѣнія о моей тамъ работѣ, и предложилъ использовать графа Шувалова для связи съ столицей. Генераль Корниловъ тутъ же приказалъ зачислить графа Шувалова ординарцемъ. Генераль пригласилъ меня обѣдать и мы вмѣстѣ пошли въ столовую.

Во время обѣда прибылъ вновь назначенный командующимъ арміей, герой Галича, генераль Черемисовъ. Маленькій, худенькій, съ бѣгающими черными глазками и пріятнымъ, нѣсколько вкрадчивымъ голосомъ, генераль Черемисовъ произвелъ на меня впечатлѣніе живого, неглупаго человека. Разговоръ за обѣдомъ велся на общія темы. Генераль Корниловъ вспоминалъ о своей службѣ, въ Туркестанѣ, генераль Черемисовъ рассказывалъ о послѣднихъ бояхъ своего корпуса. Вопросы политическіе совсѣмъ не затрагивались.

Послѣ обѣда генераль Корниловъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, выѣхалъ на автомобиль въ Каменецъ, я же также на автомобиль отправился въ Станиславовъ, откуда на слѣдующее утро выѣхалъ въ дивизию, расположенную въ 20—30 верстахъ отъ города въ направленіи на Галичъ.

Дивизія занимала значительный фронтъ, неся охраненіе. Въ резервѣ находился Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный въ небольшой деревушкѣ, недавно оставленной австрійцами, тутъ же помѣщался штабъ дивизиі. Я просидѣлъ съ временно командующимъ дивизіей и начальникомъ штаба до поздней ночи, знакомясь съ дѣлами.

Съ утра, принявъ доклады и отдавъ рядъ нужныхъ распоряженій, я послѣ обѣда намѣревался объѣхать полки, а къ восьми часамъ вечера назначилъ у себя въ штабѣ совѣщаніе командировъ частей. Однако, и то и другое я не успѣлъ сдѣлать. Я осмотрѣлъ только гусаръ и доѣхалъ до казаковъ, какъ мнѣ дали знать, что генераль Черемисовъ требуетъ меня немедленно въ штабъ арміи въ Станиславовъ, куда только что штабъ перешелъ. Я вернулся въ штабъ дивизиі и здѣсь нашелъ приказаніе, въ виду общаго отхода фронта, моей дивизиі немедленно отходить на Станиславовъ, прикрывая флангъ VIII-ой арміи. Приказавъ командиру бригады, вступивъ въ командованіе дивизіей, снимать охраненіе и двигаться ночнымъ переходомъ на Станиславовъ, я на автомобиль выѣхалъ въ городъ.

Я прибылъ въ Станиславовъ уже въ темнотѣ и засталъ штабъ, готовившимся къ отѣзду. Слѣшно грузились штабные грузовики, снимались телефоны, вы носилось канцелярское имущество. Поѣздъ для штаба уже стоялъ на станціи. По всѣмъ улицамъ города тянулись безконечные обозы, направляясь въ тылъ.

Генераль Черемисовъ привезъ съ собой новаго начальника штаба и новаго генераль-квартирмейстера. Оба были совсѣмъ молодые, но обнаружившіе большую политическую гибкость офицеры генеральнаго штаба (тогда это качество признавалось имѣющимъ первостепенное значеніе). Начальникомъ штаба былъ назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Меншовъ, а генераль-квартирмейстеромъ — полковникъ Левитскій. Генераль Черемисовъ вкратцѣ ознакомилъ меня съ обстановкой: наши арміи по всему фронту отходили, не оказывая сопротивленія. Противникъ шель по пятамъ. Ближайшій рубежъ, гдѣ можно было надѣяться задержаться, былъ рѣка Збручъ. Мнѣ приказывалось, объединивъ командованіе моей 7-ой кавалерійской и 3-ей кавказской казачьей дивизіей, дѣйствовать со своднымъ коннымъ корпусомъ въ стыкѣ VII-ой и VIII-ой армій, прикрывая ихъ отходъ и обезпечивая фланги. Тутъ же генераль Черемисовъ лично продиктовалъ мнѣ заданіе и соотвѣтствующее предписаніе, которое подписалъ. Я рѣшилъ, обождавъ подходъ головы моей дивизиі къ городу и лично отдалъ дивизиі необходимыя приказанія, самому ѣхать къ 3-ой кавказской дивизиі, оперировавшей въ районѣ Монастержиска, куда я намѣтилъ сосредоточить корпусъ. Пройдя въ отведенный мнѣ въ гостиницѣ номеръ, я легъ спать.

Среди ночи я былъ разбуженъ страшными криками. Черезъ окно было видно небо, объятое заревомъ пожара. Съ улицы неслись крики, слышался какой-то трескъ и шумъ, звонъ стеколь, изрѣдка раздавались выстрѣлы. Наскоро одѣвшись, я вышелъ въ коридоръ. Навстрѣчу мнѣ шель мой офицеръ-ординарецъ: «Ваше превосходительство, въ городѣ погромъ, отступающія войска разбиваютъ магазины», — доложилъ онъ. Я спустился въ вестибюль гостиницы. Прислонившись къ стѣнѣ стоялъ блѣдный, какъ смерть, старикъ, кровь текла по длинной сѣдой бородѣ. Рядомъ съ нимъ растерзанная и простоволосая молодая женщина громко всхлипывала, ломая руки. Увидѣвъ меня, она бросилась ко мнѣ и, говоря что-то непонятное, стала ловить мои руки и цѣловать. Я подозвалъ швейцара и спросилъ въ чемъ дѣло; оказалось, что старикъ еврей, владѣлецъ часового магазина, а женщина его дочь. Солдаты магазинъ разграбили и владѣлецъ его, жестоко избитый, едва могъ спастись. Въ моемъ распоряженіи ни какой воинской силы не было, со мной былъ лишь одинъ офицеръ и два гусара ординарца. Взявъ ихъ съ собой я вышелъ на улицу.

Городъ горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, толпа солдатъ, разбивъ желѣзныя шторы, громила магазины. Изъ оконъ домовъ неслись вопли, слышался плачь. На тротуарѣ валялись разбитые ящики, изломанныя картонки, куски матерій, ленты и кружева вперемѣшку съ битой посудой, пустыми бутылками изъ-подъ коньяка. Войсковые обозы сплошь запрудили улицы. На площади застряли артиллерійскіе паркы. Огонь охватывалъ сосѣдніе дома, грозя ежеминутно взрывомъ снарядовъ. Я съ трудомъ разыскалъ командира парка и, взявъ у него нѣсколько солдатъ, лично сталъ наводить порядокъ. Въ какомъ-то магазинѣ мы застали

грабителей, занятых опоражниванием ящиков с чайной посудой. Схватив первого попавшегося, я ударом кулака сбил его с ног, громко крича: «Казачи, сюда, в нагайки всю эту сволочь». В одну минуту магазин был пуст...

Через два часа удалось очистить улицу. Обозы тронулись и артиллерия получила возможность двинуться вперед. На соседних улицах грабеж продолжался. От непрерывного крика я совсем потерял голос.

К шести часам утра на улице показался разъезд, подходил полк польских улан. Я приказал командиру полка, не стесняясь мбрами, восстановить порядок. Тут же было поймано и разстреляно на месте несколько грабителей и к утру в город было совсем спокойно.

К восьми часам подошла голова моей дивизии. Отдав необходимые распоряжения для дальнейшего следования к пункту сосредоточения корпуса, я с полковником Дрейером и двумя офицерами выехал к 3-ей казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал Одинцов, бывший командир Приморского драгунского полка. Мы одновременно командовали полками одной бригады больше года и я отлично знал генерала Одинцова. Это был храбрый и толковый начальник, но нравственности низкой — сухой и безпринципный, эгоист, не брезговавший ничем ради карьеры.

В состав дивизии входили: 1-ый Екатеринодарский полк, Кизляро-Гребенской, Дагестанский и Осетинский. Наилучшими были первые два, состоящие из кубанских и терских казаков.

Отъехав верст 30, мы разыскали штаб дивизии. Полки дивизии, ведя разведку, были разбросаны на широком фронте. Ознакомившись с обстановкой, я отдал генералу Одинцову необходимые распоряжения и занялся организацией своего штаба. Формировать штаб приходилось за счет обих дивизий, заимствуя оттуда и личный состав штаба и средства связи и канцелярское имущество...

За ужином я познакомился с А. И. Гучковым. Оставив пост военного министра и окончательно разойдясь с правительством, он прапорщиком зачислился в армию и был прикомандирован к штабу 3-ей казачьей дивизии. Он поразил меня своим сумрачным, подавленным видом.

Наша конница постепенно отходила, теснимая на всем фронте противником. Одновременно с подходом частей 7-ой дивизии было получено донесение о наступлении значительной колонны германцев на Монастержиско, занятое Осетинским конным полком.

В городе находились огромные склады артиллерийского имущества и штабом армии было приказано при отходе склады эти взорвать. Из штаба армии прибыл с этой задачей в город офицер с подрывной командой. Я кончал обедать, когда пришло донесение о завязавшейся у занимавших Монастержиско осетин перестрелке. Я приказал подать моторь и в сопровождении начальника штаба поехал в город. Мы были от города в 4—5 верстах, когда неожиданно огромный столб пламени и дыма поднялся над Монастержиско. Раздался оглушительный взрыв, затемнел второй и третий. Огромные столбы пламени взвивались над городом. Было видно, как летят какие-то обломки. В пол бжали вперемешку люди и скот. Оказалось, что, видя приближение противника, офицер саперной команды, присланной из штаба армии, думая лишь о выполнении своей задачи преступно поджег склады, не предупредив осетин, продолжавших драться на окраинах города. Несколько десятков всадников и сам командир полка пали жертвой этой возмутительной небрежности.

В сумерки противник вошел в город. Я занял позицию в нескольких верстах восточнее. С разсветом наступление возобновилось, скоро бой велся на всем фронте. Весь день корпус удерживал свои позиции. Около 2-х часов дня немцам удалось отбить Кинбурнцев и захватить занятую ими деревню, угрожая разрезать фронт корпуса. Я приказал дивизиону Кинбурнцев остановить противника в конном строю. Драгуны под начальством ротмистра Стаценко блестящей атакой выбили противника, захватив несколько десятков пленных и пулемет. Положение было восстановлено. С наступлением темноты, оставив на фронте для наблюдения разъезды, я оттянул корпус верст на пятнадцать и, заняв намеченный рубеж, заночевал.

Пехота наша на всем фронте продолжала отходить, не оказывая врагу никакого сопротивления. В день фронт наш откатывался на 20—30 верст. Дисциплина в отходящих

частяхъ была совсѣмъ утеряна. Войска оставляли массу отсталыхъ и грабили безпощадно по пути своего слѣдованія. Маневрируя въ стыкѣ фланговъ VII-ой и VIII-ой армій, мой корпусъ держался въ переходѣ впереди, непрерывно ведя аррьергардный бой. Я старался все время держаться въ непосредственной близости частей, дабы ознакомиться съ работой полковъ, начальниками и солдатами. Переправившись черезъ Збручъ, войска задержались и стали устраиваться на занятыхъ позиціяхъ, удерживая въ районѣ г. Барщова плацдармъ на правомъ берегу рѣки. Корпусъ ночевалъ въ полупереходѣ къ западу отъ линіи рѣки Збруча. Я находился при 7-ой дивизіи.

На разсвѣтѣ я получилъ донесеніе, что ночевавшая сѣвернѣе кавказская дивизія отгѣснена противникомъ и ведя бой, медленно отходитъ къ востоку. Я имѣлъ приказаніе удерживаться на занимаемой линіи въ теченіе дня, дабы дать время устроиться пѣхотѣ, а съ наступленіемъ темноты, мнѣ было приказано отойти за рѣку и стать въ резервѣ командующаго арміей. Поднявъ по тревогѣ дивизію я вывелъ ее изъ деревни и занявъ однимъ спѣшеннымъ полкомъ опушку небольшого лѣса и выставивъ артиллерію, остальные три полка держалъ въ резервномъ порядкѣ.

Вскорѣ пришло донесеніе о движеніи въ охватъ праваго фланга дивизіи, въ разрѣзъ между нами и кавказцами, бригады непріятельской конницы. Взявъ нѣсколько человекъ изъ моего конвоя, я выѣхалъ впереди и, поднявшись на небольшой холмикъ, ясно увидѣлъ шедшую на рысяхъ въ походномъ порядкѣ колонну конницы. Видно было, какъ она перестраивалась въ резервный порядокъ. Одновременно батарея противника открыла огонь и снарядъ, прогудѣвъ, разорвался за дивизіей. Непритель, видимо, насъ замѣтилъ и вскорѣ пули стали посвистывать около насъ. Я поскакалъ къ дивизіи, приказалъ артиллершій открыть бѣглый огонь и, построивъ боевой порядокъ, пустил дивизію въ атаку. Противникъ атаки не принялъ и, издали увидѣвъ развертывающіеся полки, снялъ батарею и сталъ быстро уходить. Въ это время я получилъ донесеніе, что въ охватъ моего лѣваго фланга, почти въ тылъ, двигается новая колонна непріятельской конницы силою также въ бригаду. Приказавъ одному полку продолжать преслѣдовать отходящую колонну и, отправивъ генералу Одинцову приказаніе немедленно перейти его дивизіей въ наступленіе я, повернувъ батарею на 180°, перенесъ огонь на новую колонну и, посадивъ спѣшенный полкъ, тремя полками вновь атаковалъ противника. И на этотъ разъ, не принявъ ударъ, непріятельская кавалерія повернула и стала поспѣшно отходить. Скоро пришло донесеніе отъ начальника кавказской дивизіи. Дивизія перешла въ наступленіе, сбита противника и выдвинулась на прежнія позиціи. Въ теченіе дня мы удерживались на мѣстѣ, ведя перестрѣлку, противникъ въ наступленіе вновь не рѣшался переходить.

Къ вечеру нѣмцы подтянули тяжелую артиллерію и открыли по нашему расположенію рѣдкій огонь. Одна изъ нашихъ батарей, расположенная за небольшой рощицей, слабо отвѣчала. Въ рощицѣ стояли спѣшенные полки 7-ой дивизіи. Пославъ генералу Одинцову распоряженіе съ наступленіемъ темноты оттягиваться къ переправамъ, я проѣхалъ къ начальнику 7-ой дивизіи. Лѣсная дорожка вела къ полянкѣ среди лѣса. У небольшого дома лѣсника я увидѣлъ группу офицеровъ. Изъ избы былъ вынесенъ столъ, скамьи и стулья и офицеры пили чай. Кругомъ полянки среди деревьевъ виднѣлись кони. Здѣсь стояла спѣшенная бригада. Едва я слѣзъ съ лошади и направился къ столу, какъ послышался характерный гулъ приближающагося снаряда. Мгновеніе и раздался взрывъ. Снарядъ упалъ тутъ же за избой. Послышались стоны, по полянкѣ съ сбитымъ сѣдломъ и окровавленнымъ крупомъ проскакала лошадь. Среди спѣшенныхъ полковъ стало замѣтно движеніе. Отдѣльные люди съ лошадьми потянулись въ лѣсъ. Я понялъ, что еще минута и начнется безпорядочный отходъ. Въ лѣсу шрапнельный огонь противника не могъ быть очень дѣйствительнымъ. Необходимо было сохранить порядокъ. Я скомандовалъ "смирно" и, сѣвъ за столъ, потребовалъ себѣ чая. Новый снарядъ прогудѣлъ въ воздухъ и ударившись гдѣ-то вблизи, разорвался. Одинъ осколокъ, громко жужжа, упалъ у самага стола такъ, что я, не вставая со стула, могъ нагнувшись его взять. Я поднялъ осколокъ и повернувшись къ ближайшему полку, крикнулъ солдатамъ: «Бери ребята, горяченькій, къ чаю на закуску» и бросилъ осколокъ ближайшему солдату. Въ одну минуту лица просвѣтлѣли, послышался смѣхъ, недавней тревоги не осталось и слѣда.

Выпустивъ еще два-три снаряда, противникъ прекратилъ огонь. Мы потеряли всего два человека и нѣсколько лошадей ранеными. Солнце совсѣмъ склонилось къ западу, стало смеркаться и я приказалъ дивизіи начать отходъ. Полки вытянулись изъ лѣса, а я задержался нѣсколько, диктуя, какое-то приказаніе. Окончивъ, я сѣлъ на лошадь и пошелъ широкимъ

галопомъ, обгоняя колонну. На ходу я благодарилъ эскадроны и сотни за сегодняшній бой. Едва я поблагодарилъ первую сотню, какъ громкое единодушное «ура» прогремѣло въ отвѣтъ. Остальные эскадроны подхватили. Съ этого дня невидимое духовное единеніе установилось между мною и моими людьми. Съ этого дня я почувствовалъ, что полки у меня въ рукахъ, что та психологическая связь между начальникомъ и подчиненными, которая составляетъ мощь каждой арміи, установилась.

Это явленіе мнѣ за мою службу приходилось испытывать не разъ. Такъ, однажды, во время усиленной рекогносцировки въ Крейцбургскихъ болотахъ я непреложно и ясно ощутилъ неожиданно, мгновенно родившуюся эту духовную связь съ моимъ полкомъ. Такъ въ послѣдствіи создавалась эта связь начальника съ частями на Кубани и въ степяхъ Маныча въ гражданскую войну.

Отойдя за рѣку Збручъ, корпусъ сталъ въ резервъ командующаго арміей въ верстахъ 20 отъ Каменецъ-Подольска, гдѣ находился штабъ арміи. На слѣдующій день я получилъ телеграмму отъ генерала Корнилова: «Прошу принять лично и передать всѣмъ офицерамъ, казакамъ и солдатамъ Своднаго Коннаго корпуса особенно же Кинбурнскимъ драгунамъ и Донцамъ мою сердечную благодарность за лихія дѣйствія корпуса 12-го іюля, обезпечившія спокойный отходъ частей на стыкъ армій. *Корниловъ*».

Въ резервѣ намъ пришлось простоять всего нѣсколько дней. Несмотря на прекрасныя позиціи и то, что противникъ дѣйствовалъ сравнительно небольшими силами, наши части были уже почти неспособны оказывать какое бы то ни было сопротивление. Какъ-то вечеромъ начальникъ штаба арміи вызвалъ меня къ телефону. Кавказскій пѣхотный полкъ, прикрывавшій переправы у Хотина оставилъ свои позиціи и противникъ могъ использовать прорывъ, угрожая переправамъ и самому Каменцу. Штабъ арміи былъ въ готовности къ отъѣзду, мнѣ приказывалось спѣшно выдвинуться къ мѣсту прорыва и возстановить положеніе. Черезъ два дня ожидался подходъ 79-ой пѣхотной дивизіи, которая должна была меня смѣнить и обезпечить Хотинскія переправы.

Я по тревогѣ поднялъ части корпуса и приказалъ дивизіямъ ночнымъ переходомъ выдвинуться къ мѣсту прорыва. При корпусѣ находился автомобильный санитарный отрядъ, гдѣ имѣлось до 30 машинъ. Изъ штаба арміи мнѣ обѣщали 10 грузовиковъ. Я использовалъ всѣ машины для переброски стрѣлковаго полка 7-ой дивизіи. Отдавъ всѣ распоряженія и отправивъ стрѣлковъ, я на автомобилѣ проѣхалъ за дивизіей. Я засталъ головной полкъ спѣшившимся и перестрѣливающимся съ противникомъ, занимавшимъ только что оставленную кавказцами деревню. Кавказцы, отойдя версты на четыре, стояли на привалѣ, выставивъ сторожевое охраненіе. Вскорѣ подошла и 3-я дивизія. Я послалъ приказаніе кавказцамъ наступать и одновременно перешелъ въ наступленіе спѣшенной бригадой 7-ой дивизіи.

Вскорѣ все поле усяялось нашими наступающими цѣпами. Противникъ вель ружейный огонь. Но вотъ со стороны непріятеля прогремѣла артиллерія. Дымки шрапнелей взвились надъ нашей пѣхотой. Цѣпи залегли. Еще два, три снаряда и вдругъ я увидѣлъ, что на всемъ фронтѣ кавказскаго полка цѣпи отступаютъ. Въ бинокль видно было, какъ люди бѣгутъ, обгоняя другъ друга; отступленіе обращалось въ общее бѣгство. Я находился на батарее и отдалъ приказаніе командиру открыть по бѣгущимъ бѣглый огонь. Батарея дала очередь, попадания были ясно видны. Но люди не только не остановились, но какъ будто еще быстрѣ двинулись въ тылъ. Я поскакалъ къ Ольвіопольскимъ уланамъ, стоящимъ въ резервѣ и приказалъ командиру полка полковнику Семенову остановить бѣгущихъ и пиками гнать ихъ обратно. Семеновъ развернулъ полкъ и лава уланъ стала гнать пиками отступающую пѣхоту, собирая людей какъ стадо барановъ.

Противникъ, видимо малочисленный, въ наступленіе не переходилъ. На конецъ, я получилъ донесеніе, что Кавказскій полкъ собранъ. Я проѣхалъ къ полку. Приказалъ полку отдыхать, а людямъ выдать обѣдъ. Собравъ офицеровъ, поговорилъ съ ними, а затѣмъ обошелъ батальоны, говоря съ людьми.

Давъ людямъ успокоиться и придти въ себя, я самъ повелъ полкъ въ атаку. Кавказцы пошли сперва вяло и неувѣренно, а затѣмъ отлично. Выбили противника изъ занятой имъ деревни, захватили 300 плѣнныхъ и 4 пулемета и освободили нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ утромъ. Къ сожалѣнію, во время этой атаки мой штабъ сильно пострадалъ: былъ раненъ старшій адъютантъ штаба дивизіи капитанъ Любимскій, два офицера ординарца, изъ нихъ одинъ тяжело и командиръ радіо-телеграфной роты.

«Ну теперъ, Владиміръ Николаевич³» — сказалъ я начальнику штаба, — «за кавказцевъ мы можемъ быть спокойны. Послѣ такого успѣха полкъ будетъ драться хорошо».

Однако, я ошибся. Среди ночи насъ разбудили, сообщивъ, что кавказцы безъ всякой видимой причины оставили шозиціи и отходятъ въ тылъ. Пришлось выслать для защиты брошеннаго кавказцами участка послѣднюю бригаду. Въ резервѣ у меня не оставалось ни одного полка. Я приказалъ оттянуть на ночь части артиллеріи и обозы за переправу, а самъ со штабомъ остался ночевать на правомъ берегу рѣки, дабы имѣть возможность использовать телефонную сѣть со сторожевыми участками. На разсвѣтѣ насъ вновь разбудили. Противникъ сбиль жидкое охраненіе корпуса. Перестрѣлка шла уже въ занятой нами деревнѣ. Мы быстро одѣлись и вышли на дворъ къ нашимъ лошадямъ. Бой шель на улицахъ. Пули все время щелкали по каменному забору и стѣнамъ хатъ. Дорога къ переправѣ была въ рукахъ противника. Въ ворота выѣхать было уже нельзя. Улица обстрѣливалась продольнымъ огнемъ. Мы стали пробираться садомъ къ рѣкѣ, рѣшивъ переправиться вплавъ. Въ послѣднюю минуту кто-то изъ ординарцевъ разыскалъ крестьянина, указавшаго намъ бродъ — удалось переправиться не только коннымъ, но и телѣжкѣ съ офицерскими вещами. Во время переправы у насъ былъ только одинъ раненый.

Наша батарея съ лѣваго берега рѣки открыла огонь. Вправо были видны переправляющіяся вбродъ части кавказской дивизіи. Удерживая лѣвый берегъ рѣки я выдѣлил часть силъ и бросилъ ихъ на усиленіе второй бригады 7-ой дивизіи, прикрывающей главную переправу и мостъ у Хотина. Намъ удалось удержать Хотинскій тетъ-де-понъ. Къ вечеру подошла бригада 79-ой дивизіи, я приказалъ немедленно генералу Серебрянникову, командиру 2-ой бригады 7-ой кавалерійской дивизіи, перейти въ наступленіе. Къ девяти часамъ вечера корпусъ полностью возстановилъ положеніе. На слѣдующій день части корпуса были смѣнены подошедшей 79-ой дивизіей и корпусъ отошелъ къ Каменцу въ резервъ командующаго арміей. Отсюда черезъ нѣсколько дней мы перешли далѣе и стали близъ Румынской границы. Я получилъ отъ генерала Черемисова телеграмму: «Честъ и слава Сводному корпусу. *Черемисовъ*».

Черезъ нѣсколько дней генералъ Черемисовъ былъ смѣненъ и мѣсто его заступилъ генералъ Соковнинъ. Одновременно съ генераломъ Черемисовымъ, ушелъ начальникъ его штаба полковникъ Меншовъ, замѣненный генераломъ Ярономъ.

Генералъ Корниловъ еще 16-го іюля былъ назначень Верховнымъ главнокомандующимъ.

Корниловскіе дни.

Со вступленіемъ генерала Корнилова въ должность Верховнаго главнокомандующаго, въ арміи стала ощущаться крѣпкая рука. Начальники, почувствовавъ за собою поддержку сверху, приободрились и стали увѣреннѣе, солдаты подтянулись. Цѣлымъ рядомъ приказовъ власть войсковыхъ комитетовъ была ограничена и введена въ извѣстныя рамки. Полки, утерявшіе всякую дисциплину, стали приходить въ нѣкоторый порядокъ. Воспользовавшись боевымъ затишьемъ, я постарался возможно ближе ознакомиться, не только съ корпуснымъ и дивизионными, но и полковыми комитетами. Составъ ихъ оказался въ общемъ не плохой. Я подолгу бесѣдовалъ съ членами комитетовъ, подчасъ присутствовалъ на засѣданіяхъ и постепенно мнѣ удалось направить дѣятельность комитетовъ въ сторону отъ политики и привлечь ихъ къ чисто хозяйственной работѣ. Послѣ продолжительныхъ боевъ обмундированіе, конское снаряженіе и вся матеріальная часть корпуса сильно поистрепались. Попытки мои получить бѣлье, сапоги и прочіе необходимые предметы вещевого довольствія черезъ армейское интендантство, оказались тщетными. И вотъ тамъ, гдѣ командиръ корпуса оказался безсильнымъ чего-либо достичъ, корпусной комитетъ добился, пославъ куда-то, какихъ-то делегатовъ, добыть для частей все необходимое...

За это время я имѣлъ нѣсколько писемъ изъ ставки отъ Завойко. Изъ нихъ я зналъ о той борьбѣ, которую велъ генералъ Корниловъ, настаивавшій на срочномъ проведеніи въ жизнь, необходимыхъ для поднятія въ арміи дисциплины мѣръ — предоставленіе начальникамъ дисциплинарной власти, ограниченіе правъ войсковыхъ комитетовъ, наконецъ, установленіе смертной казни въ тылу для измѣнниковъ и дезертировъ. Я, со своей стороны, писалъ

³ Дрейеръ.

нѣсколько разъ, указывая на необходимость незамедлительно провести всѣ эти мѣры, пока еще не поздно и армія не развалилась совсѣмъ.

Въ первыхъ числахъ августа я получилъ письмо отъ Завойко. Онъ писалъ о томъ, что, повидимому, длительная борьба генерала Корнилова въ скоромъ времени увѣнчается успѣхомъ, что въ ближайшіе дни ожидается проведеніе въ жизнь всѣхъ намѣченныхъ по усилению дисциплины въ арміи мѣръ, что въ тылу авторитетъ Верховнаго главнокомандующаго огромный и что недалекъ уже тотъ часъ, когда отъ имени арміи онъ будетъ имѣть возможность продиктовать свои условія: «генераль проситъ Васъ, главное, не торопиться и не упрекать насъ въ бездѣйствіи», — заканчивалъ онъ свое письмо, — «раньше января, февраля никакихъ рѣшительныхъ выступленій ожидать нельзя...»

10 или 12-го я неожиданно получилъ телеграмму съ сообщеніемъ что, «въ виду предстоящаго въ ближайшее время новаго назначенія», я зачисляюсь въ распоряженіе главнокомандующаго Румынскимъ фронтомъ «съ оставленіемъ командующимъ своднымъ коннымъ корпусомъ». Необычная по содержанію телеграмма эта меня не мало удивила и я поручилъ начальнику штаба вызвать къ аппарату изъ ставки графа Шувалова и справиться, что значить полученное мною сообщеніе и что это за ожидающее меня назначеніе. Шуваловъ отвѣчалъ, что въ дежурствѣ ничего не извѣстно, главнокомандующій же находится въ Москвѣ, откуда вернется лишь черезъ день, два. Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму отъ Завойко: «Главнокомандующій очень доволенъ вашей рабоой. Телеграмма вызвана ожидающимъ васъ въ ближайшіе дни виднымъ назначеніемъ». Одновременно пришло приказаніе ставки о погрузкѣ бригады 3-ей кавказской дивизіи — Дагестанскаго и Осетинскаго полковъ, для переброски на присоединеніе къ Туземной дивизіи въ районѣ станціи Дно.

27-го августа, имѣя надобность въ, какихъ то указаніяхъ, я проѣхалъ верхомъ въ штабъ арміи. Въ штабѣ я засталъ большое волненіе. Только что получена была телеграмма генерала Корнилова, гдѣ онъ, обращаясь къ арміи, говорилъ о «свершившимся великомъ предательствѣ...» (Телеграмма Керенскаго, объявляющая главнокомандующаго измѣнникомъ, была получена нѣсколькими часами позже). вмѣстѣ съ тѣмъ, ставкой приказывалось снять радіо и не принимать никакихъ телеграммъ отъ предсѣдателя правительства. Армейскій комитетъ противъ послѣдняго протестовалъ, его поддерживалъ и. д. генераль-квартирмейстера, «пріемлющій революцію», полковникъ Левитскій. Командующій арміей генераль Соковнинъ и начальникъ штаба генераль Яронъ казались совершенно растерянными. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ получить копію съ телеграммы главнокомандующаго, причемъ командующій арміей предложилъ мнѣ не объявлять телеграммы этой впредь до выясненія обстановки и полученія указаній отъ главнокомандующаго фронтомъ генерала Щербачева.

Командующій арміей не нашелъ въ себѣ силъ вступить въ борьбу съ армейскимъ комитетомъ и отдалъ приказаніе полковнику Левитскому «съ распоряженіемъ о снятіи радіо повременить». Въ то время какъ я, выйдя изъ штаба, сѣлся на лошадь, полковникъ Левитскій съ торжествующимъ видомъ объявилъ это стоящимъ тутъ же представителямъ армейскаго комитета. Я не сдержался и рѣзко заявилъ полковнику Левитскому, что невыполненіе приказа главнокомандующаго при настоящихъ условіяхъ считаю совершенно преступнымъ и, что касается моего корпуса, то немедленно по прибытіи въ штабъ, отдамъ распоряженіе о снятіи радіо-станціи.

Часовъ въ шесть вечера ко мнѣ заѣхалъ генераль Одинцовъ, онъ сообщилъ мнѣ о полученной армейскимъ комитетомъ телеграммѣ Керенскаго, объявляющей Корнилова измѣнникомъ. По его словамъ командующій арміей и начальникъ штаба совсѣмъ растерялись и всѣ распоряженія отдастъ полковникъ Левитскій, поддерживаемый армейскимъ комитетомъ. Генераль Одинцовъ совершенно неожиданно предложилъ мнѣ «поднять по тревогѣ корпусъ, арестовать штабъ и вступить въ командованіе арміей». Я могъ только недоумѣнно развести руками.

Рано утромъ адъютантъ доложилъ мнѣ, что дивизионный комитетъ 3-ей кавказской казачьей дивизіи, вызываетъ въ дивизію членовъ дивизионнаго комитета 7-ой дивизіи, что въ 3-ю дивизію прибыли представители армейскаго комитета и что генераль Одинцовъ, по требованію армейскаго комитета, задержалъ готовящуюся къ отправкѣ на погрузку 2-ую бригаду 3-ей дивизіи, которая наканунѣ получила указаніе о направленіи въ Одессу. Я приказалъ подать себѣ автомобиль и поѣхалъ въ расположеніе 3-ей дивизіи. Я засталъ собранными во дворѣ штаба дивизіи всѣ войсковые комитеты. Предсѣдательствовали полковой

священникъ одного изъ полковъ о. Феценко, объ отозваніи котораго изъ дивизіи за его попытки къ демагогіи мною недавно было возбуждено ходатайство. Тутъ же присутствовалъ генераль Одинцовъ и представители отъ армейскаго комитета — какой то молодой человекъ въ кепкѣ и кожанной курткѣ и вольноопредѣляющійся одного изъ кавказскихъ казачьихъ полковъ. Меня поразилъ видъ Одинцова: въ черкескѣ, безъ кинжала, красный, потный и растерянный, онъ производилъ какое то жалкое впечатлѣніе.

Войдя въ толпу я поздоровался:

«Здорово, молодцы казаки». Казаки отвѣтили. Неожиданно я услышалъ голосъ о. Феценки:

«Господинъ генераль, я долженъ вамъ замѣтить, что здѣсь нѣтъ, ни молодцовъ, ни казаковъ — здѣсь есть только граждане». Я съ трудомъ сдержался.

«Вы правы батюшка», отвѣтилъ я, «мы всѣ граждане. Но то, что мы граждане, не мѣшаетъ мнѣ быть генераломъ, вамъ священникомъ, а имъ молодцами казаками. Что они молодцы, я знаю, потому что водилъ ихъ въ бой, что они казаки я также знаю, я самъ командовалъ казачьимъ полкомъ, носилъ казачью форму и горжусь тѣмъ, что я казакъ». Затѣмъ, повернувшись къ казакамъ:

«Здорово еще разъ, молодцы казаки».

— «Здравія желаемъ ваше превосходительство», раздался дружный отвѣтъ.

Я сѣлъ за столъ, и, обращаясь къ генералу Одинцову, спросилъ, что здѣсь происходитъ. Генераль Одинцовъ доложилъ, что обсуждается резолюція, предложенная представителями армейскаго комитета, выражающая поддержку Керенскому, телеграмма котораго была прочитана представителями армейскаго комитета:

«Отлично», громко сказалъ я, «а телеграмму генерала Корнилова вы читали?» Тутъ вмѣшался господинъ въ фрэнчѣ:

«По постановленію армейскаго комитета эта телеграмма объявленію не подлежитъ».

— «Я получилъ эту телеграмму отъ командующаго арміей, она передана мнѣ подъ мою личную отвѣтственность. Я не считаю возможнымъ скрыть ее отъ моихъ войскъ. Отвѣтственность за это всецѣло принимаю на себя». Я вынулъ телеграмму. Члены армейскаго комитета пытались протестовать, но изъ толпы послышались возгласы: «Прочитать, прочитать». Я прочелъ телеграмму.

«Теперь вы знаете, казаки, все. Вѣрю, что вы исполните долгъ солдата и рѣшите по совѣсти и воинскому долгу. Что касается меня, то я, какъ солдатъ, политикой не занимаюсь. Приказъ моего главнокомандующаго для меня законъ. Увѣренъ, что и вашъ начальникъ дивизіи скажетъ вамъ тоже самое». Я посмотрѣлъ на Одинцова. Онъ что то бормоталъ; глаза бѣгали во всѣ стороны:

«Я — какъ мои дѣти, какъ мои казаки», наконецъ вымолвилъ онъ. Съ превеликимъ трудомъ я удержался, чтобы не обозвать его подлецомъ. Вставъ и попрощавшись съ казаками, направился къ автомобилю. Въ минуту когда я садился, подбѣжалъ Одинцовъ: «Какъ же такъ, какъ же такъ», бормоталъ онъ, «я совсѣмъ растерялся. Ты съ твоимъ вопросомъ засталъ меня врасплохъ...» Я махнулъ рукой и приказалъ шофферу ѣхать.

Послѣ продолжительныхъ разговоровъ, 3-я дивизія вынесла резолюцію поддерживать Керенскаго, 7-я, до вечера ничего не рѣшивъ, отъ резолюціи уклонилась. Черезъ день было получено приказаніе штаба арміи — надъ всѣми телеграфами и телефонами устанавливался контроль войсковыхъ комитетовъ, всѣ приказанія начальниковъ вступали въ силу лишь по скрѣпленіи подписью одного изъ членовъ войскового комитета.

Этого я перенести не могъ. Съвѣ верхомъ я проѣхалъ въ штабъ арміи и просилъ командующаго арміей меня принять. Я засталъ генерала Соковнина въ саду, гдѣ онъ гулялъ съ начальникомъ штаба и адъютантомъ. Попросивъ разрѣшенія говорить съ глазу на глазъ, я вынулъ изъ кармана только что полученное приказаніе:

«Это приказаніе, ваше превосходительство, я считаю оскорбительнымъ для начальниковъ. Выполнить его я не могу. Прошу немедленно отчислить меня отъ командованія корпусомъ...» Генераль Соковнинъ сталъ меня уговаривать взять мое рѣшеніе обратно. Я стоялъ на своемъ:

«Я не могу выполнить этого приказанія. Ежели вы меня не отчислите, то мнѣ не останется ничего другого дѣлать, какъ по тревогѣ поднять 7-ую дивизію и говорить непосредственно съ армейскимъ комитетомъ». Генераль Соковнинъ видимо испугался.

Убѣжденный, что я не остановлюсь передъ выполненіемъ своего рѣшенія и боясь осложненій, онъ обѣщаль мнѣ тутъ же переговорить съ армейскимъ комитетомъ. Я прошелъ въ штабную столовую. Черезъ часъ ординарецъ принесъ мнѣ приказаніе командующаго арміей, гдѣ «разъяснялся» предыдущій приказъ. «Разъясненіями этими» пунктъ приказа о скрѣпѣ подписи начальниковъ совсѣмъ отмѣнялся. Контроль надъ войсковою связью все еще оставался. Я, вернувшись въ штабъ корпуса, приказаль телеграфный и телефонный аппараты перенести въ свою квартиру. Корпусный комитетъ не рѣшился прислать ко мнѣ свое наблюденіе.

5-го сентября былъ полковой праздникъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка. Я рѣшилъ придать ему особую торжественность, чтобы поднять духъ частей, — отправить черезъ границу въ Румынію купить вина, и выдалъ по боченку въ каждый эскадронъ; изъ обозовъ II разряда выписаль красныя чакчиры. Послѣ молебна сказаль полку нѣсколько горячихъ словъ, а затѣмъ эскадронамъ былъ выданъ обѣдъ. Я прошелъ по эскадронамъ и въ каждомъ выпилъ чарку и говориль съ людьми, послѣ чего обѣдалъ въ офицерскомъ собраніи. Играли трубаچی, пѣли пѣсенники и на нѣсколько часовъ мы перенеслись мыслями въ старую полковую жизнь.

6-го изъ штаба фронта было получено приказаніе мнѣ немедленно прибыть въ Яссы. Одна бригада кавказской казачьей дивизіи была уже отправлена на сѣверъ по желѣзной дорогѣ, другая получила приказаніе слѣдовать въ районъ Одессы. Штабъ корпуса и 7-ая дивизія оставались на мѣстѣ. Оставивъ своимъ замѣстителемъ недавно произведеннаго изъ полковниковъ, генерала Дрейера, я выѣхаль въ штабъ фронта.

Я не видѣль генерала Щербачева съ самаго начала войны — и нашель его значительно постарѣвшимъ и видимо сильно подавленнымъ. Работа штаба лежала почти исключительно на начальникѣ штаба генералѣ Головинѣ, умномъ и весьма талантливомъ офицерѣ. Въ штабѣ фронта, хотя и въ меньшей степени чѣмъ въ штабѣ арміи, чувствовались слабость и нерѣшительность. Разложеніе, нашихъ войскъ, находящихся въ Румыніи, коснулось нѣсколько меньше, чѣмъ на остальныхъ участкахъ фронта, однако и здѣсь, въ Яссахъ, солдаты ходили толпами, неряшливо одѣтые, не отдавали чести и курили на улицѣ. Румынская армія наоборотъ, оттянутая въ теченіе предыдущей зимы въ тылъ, отдохнувшая и реорганизованная подъ руководствомъ французскаго генеральнаго штаба поражала своей выправкой и внѣшней дисциплиной.

Генераль Щербачевъ сказаль мнѣ, что вызваль меня, зная о томъ, что я находился въ письменныхъ сношеніяхъ съ генераломъ Корниловымъ, и, опасаясь, что въ связи съ послѣдними событиями мнѣ могутъ грозить осложненія. Здѣсь, въ Румыніи, по его словамъ, я буду въ безопасности.

Черезъ два дня послѣ моего пріѣзда въ Яссы, получена была изъ ставки телеграмма, за подписью начальника штаба о состоявшемся 9-го сентября назначеніи моемъ, приказомъ верховнаго главнокомандующаго, командиромъ 3-го коннаго корпуса.

Все послѣднее время я жилъ подъ тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ. Участь генерала Корнилова, самоубійство генерала Крымова, возглавленіе арміи «революціоннымъ главверхомъ», «заложникомъ демократіи» во Временномъ правительствѣ, адвокатомъ Керенскимъ, всѣ событія послѣднихъ дней глубоко потрясли армію. Остановившійся было процессъ разложенія возобновился, грозя совсѣмъ развалить фронтъ, а съ нимъ и Россію. Однако, рѣшеніе генерала Алексѣева принять должность начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, казалось говорило, что не все потеряно. Если генераль Алексѣевъ рѣшилъ стать начальникомъ штаба «главверха изъ Хлестаковыхъ» то, видимо, есть еще надежда на какой то исходъ. Въ минуту когда я могъ ежечасно ожидать ареста, назначеніе мое командиромъ корпуса, расположеннаго въ окрестностяхъ столицы, корпуса, въ составъ котораго входила родная мнѣ Уссурийская дивизія, казалось мнѣ перстомъ Провидѣнія. Я не зналь, насколько еще уцѣлѣли отъ разложенія части корпуса и удастся ли мнѣ взять корпусъ въ руки; не зналь, какая участь постигла объединенныя графомъ Паленомъ офицерскія организаціи въ столицѣ. Я рѣшилъ немедленно ѣхать въ Петербургъ.

Наканунъ большевиковъ.

Я прибыль въ Петербургъ утромъ. Заѣхавъ домой переодѣться, я отправился въ штабъ округа. Въ дверяхъ штаба я столкнулся съ генераломъ Красновымъ, старымъ знакомымъ моимъ еще съ японской войны, послѣднее время командовавшимъ 2-ой сводной казачьей дивизіей. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ о назначеніи моемъ командующимъ 3-имъ коннымъ

корпусомъ. Оказалось, что онъ почти одновременно со мной также допущенъ ставкой къ командованію этимъ корпусомъ и уже въ командованіе вступилъ. Въ послѣднее время при массовой постоянной смѣнѣ лицъ команднаго состава такія недоразумѣнія случались часто. Я ничего не имѣлъ противъ неожиданнаго осложненія и рѣшилъ не торопиться съ принятіемъ корпуса и предварительно ознакомиться съ обстановкой.

Во главѣ округа стоялъ только что назначенный на эту должность полковникъ Полковниковъ, бывшій начальникъ штаба Уссурійской дивизіи, послѣднее время командовавшій Амурскимъ полкомъ и съ полкомъ участвовавшій въ движеніи генерала Крымова на Петербургъ. Я передалъ ему о слышанномъ отъ генерала Краснова и спросилъ его, не извѣстно ли ему что либо. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что также ничего не знаетъ, что здѣсь видимо недоразумѣніе и, такъ какъ изъ двухъ мое назначеніе приказомъ главнокомандующаго является послѣднимъ, то, по его мнѣнію, я и долженъ принять корпусъ. Я отвѣтилъ, что впредь до точнаго выясненія всего недоразумѣнія, я дабы не ставить генерала Краснова въ неловкое положеніе, въ корпусъ не поѣду, и буду въ Петербургѣ ждать разрѣшенія вопроса.

Отъ полковника Полковникова узналъ я впервые и подробности послѣднихъ дней генерала Крымова. По словамъ Полковникова, разрывъ предсѣдателя правительства съ главнокомандующимъ былъ для частей корпуса и самага генерала Крымова полной неожиданностью. Телеграмма Керенскаго, объявляющая генерала Корнилова измѣнникомъ, стала извѣстна лишь на ст. Дно. По словамъ Полковникова, прими генераль Крымовъ въ эту минуту твердое рѣшеніе безостановочно продолжать движеніе на Петербургъ, городъ былъ бы взятъ. Къ сожалѣнію генераль Крымовъ, застигнутый врасплохъ, послѣднее время сильно изнервничавшійся, переживавшій тяжелую семейную драму, и, въ значительной мѣрѣ, потерявшій прежнюю рѣшимость, заколебался, сталъ запрашивать указаній ставки и потерялъ драгоцѣнное время. Порывъ ослабъ, полки заколебались и подъ вліяніемъ преступной агитации началось броженіе. Ближайшіе помощники генерала Крымова, безвольный начальникъ Туземной дивизіи князь Багратіонъ и мягкій начальникъ Уссурійской дивизіи Губинъ — окончательно выпустили части изъ рукъ. Черезъ день стало ясно, что на успѣхъ рассчитывать нельзя. Генераль Крымовъ, къ которому, по порученію Керенскаго, прибылъ начальникъ кабинета военнаго министра Самаринъ съ предложеніемъ отправиться для переговоровъ въ Петербургъ, рѣшилъ ѣхать. Онъ прибылъ къ Керенскому, имѣлъ съ нимъ чрезвычайно рѣзкій разговоръ, послѣ котораго отправился на квартиру поручика Журавскаго, бывшаго своего ординарца, въ послѣднее время служившаго въ канцеляріи военнаго министра. Генераль Крымовъ попросилъ дать ему бумаги и перо и оставить его одного. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ. Самоубійцу нашли на полу съ прострѣленной грудью. Онъ оставилъ письмо на имя жены. На вопросъ, что побудило его къ такому шагу онъ отвѣтилъ: «Я рѣшилъ умереть, потому что слишкомъ люблю Родину». Попытка спасти его путемъ операціи оказалась тщетной, къ вечеру онъ скончался.

Я спросилъ Полковникова, какимъ образомъ онъ, участвовавшій въ наступленіи Корнилова на Петербургъ, могъ быть назначенъ командующимъ войсками Петербургскаго округа. Полковниковъ отвѣтилъ, что онъ самъ былъ удивленъ назначеніемъ и добавилъ:

«Вотъ вы же назначены командиромъ 3-го корпуса и также вѣроятно назначенія не ожидали».

Изъ штаба округа я прошелъ на Дворцовую набережную въ Новый Клубъ, чтобы узнать что либо о графѣ Паленѣ, участь котораго меня сильно беспокоила. Я узналъ что онъ послѣдніе дни изъ города отсутствовалъ и вернулся лишь на канунѣ. Вечеромъ я заѣхалъ къ нему. Оказалось, что въ первые дни послѣ разрыва ставки съ правительствомъ графу Палену и большинству работавшихъ съ нимъ офицеровъ пришлось, во избѣжаніе ареста скрываться; наиболѣе скомпрометированные бѣжали изъ города. За послѣдніе дни аресты, прекратились, наблюденіе ослабло и нѣкоторые скрывавшіеся рѣшили вернуться. Графъ Паленъ укрывался въ окрестностяхъ города въ имѣніи Всеволожскаго «Рябово». По словамъ Палена, движеніе Крымова на Петербургъ застало его организацію совершенно врасплохъ. Конфликта правительства со ставкой, въ эти дни никто не ожидалъ, и въ предвидѣніи его ничего сдѣлано не было. Уже послѣ разрыва къ Палену прибылъ какой то неизвѣстный ему полковникъ, отказавшійся себя назвать и не предъявившій никакихъ документовъ. Полковникъ, якобы, былъ посланъ Крымовымъ и имѣлъ цѣлю предупредить о движеніи послѣдняго на Петербургъ. Графъ

Палень, опасаясь провокації, въ переговоры съ полковникомъ вступить отказался. Онъ и понынѣ не зналъ, была ли это провокація или нѣтъ.

На другой день утромъ ко мнѣ заѣхали командиръ Приморскаго полка полковникъ Шепуловъ и Нерчинскаго Маковкинъ. Они наканунѣ въ Царскомъ, гдѣ стояла дивизія, узнали о моемъ назначеніи и пріѣздѣ въ Петербургъ и поспѣшили навѣстить меня. Узнавъ, что назначеніе мое еще подъ сомнѣніемъ, они просили меня не отказываться отъ корпуса и мнѣ пришлось это обѣщать. Они не скрывали, что въ корпусѣ сильное разложеніе, въ нѣкоторыхъ полкахъ казаки арестовывали офицеровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ словамъ, духъ въ частяхъ и порядокъ можно было еще поднять. Они объяснили неудачу генерала Крымова тѣми же причинами, что и Полковниковъ, однако роль послѣдняго, по ихъ словамъ, рисовалась нѣсколько иначе.

Вечеромъ Полковниковъ позвонилъ мнѣ по телефону и просилъ зайти въ штабъ округа. Отъ него я узналъ, что «по условіямъ политическаго момента и въ виду моей политической фигуры» военный министръ Верховскій не находитъ возможнымъ назначеніе меня командиромъ корпуса, расположеннаго въ окрестностяхъ столицы, что «верховный главнокомандующій» съ нимъ согласился и что мнѣ будетъ предложено другое назначеніе. Я отвѣтилъ, что никакого другого назначенія не приму и буду ходатайствовать объ увольненіи меня въ отставку. Полковниковъ замѣтилъ, что увольненіе въ отставку старшихъ начальниковъ нынѣ не производится и что имѣется приказъ военного министра, запрещающій возбужденіе такихъ ходатайствъ. Я заѣхалъ къ Самарину, который также утверждалъ что отставку мнѣ получить не удастся. Оставалась ставка. Новаго начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, генерала Духонина, я совсѣмъ не зналъ. Генераль-квартирмейстеръ и дежурный генераль были также новыя и неизвѣстныя мнѣ лица, но помощникомъ начальника штаба по гражданской части состоялъ В. В. Вырубовъ, товарищъ мой по студенческимъ годамъ и одновременной службы вольноопредѣляющимся, моей — въ Конной Гвардіи, а его въ Кавалергардскомъ полку. Я послалъ ему телеграмму, прося помочь мнѣ получить отставку.

Утромъ мнѣ дали знать что, прибывшій въ Петербургъ главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, генераль Черемисовъ желаетъ меня видѣть и проситъ пріѣхать къ двѣнадцати часамъ дня въ Зимній дворецъ, гдѣ онъ долженъ быть въ это время у Керенскаго. Послѣ Каменца я видѣлъ генерала Черемисова впервые. Генераль Черемисовъ предложилъ мнѣ зачислиться въ его распоряженіе и ѣхать съ нимъ въ Псковъ. Я благодарилъ его за предложеніе и сказалъ, что твердо рѣшилъ службу оставить.

Въ тотъ же день я получилъ телеграмму генерала Духонина, вызывающаго меня въ ставку.

По пріѣздѣ въ Могилевъ, я явился къ генералу Духонину. Я видѣлъ его впервые. Средняго роста, полный, румяный, съ густыми вьющимися черными волосами, чрезвычайно моложавый, онъ производилъ впечатлѣніе очень мягкаго, скромнаго человѣка. Онъ сталъ уговаривать меня отмѣнить мое рѣшеніе, доказывая, что, при настоящихъ условіяхъ, долгъ старшихъ начальниковъ оставаться въ арміи, что только ихъ присутствіе въ арміи еще даетъ возможность бороться съ разваломъ. Я твердо стоялъ на своемъ. Въ тотъ же день я подалъ на имя генерала Духонина рапортъ. Я писалъ, что, будучи назначенъ командиромъ 3-го корпуса, къ командованію корпусомъ допущенъ не былъ. Въ виду всей прежней моей службы, причину этому могу видѣть лишь въ моихъ политическихъ убѣжденіяхъ «не всѣмъ угодныхъ», что «убѣжденій своихъ никогда не мѣнялъ и въ угоду кому бы то ни было мѣнять не буду» и ходатайствовалъ объ увольненіи меня въ отставку.

Черезъ нѣсколько дней генераль Духонинъ передалъ мнѣ черезъ Вырубова, что «верховный главнокомандующій» не нашелъ возможнымъ увольненіе въ отставку одного изъ старшихъ кавалерійскихъ начальниковъ. Еще черезъ нѣсколько дней мнѣ, была предложена должность командующаго войсками Минскаго округа, на что я, конечно, отвѣтилъ отказомъ.

Я попалъ въ довольно странное положеніе: дѣла у меня не было и въ то же время я не могъ располагать собой. Я рѣшилъ ждать, не принимая во всякомъ случаѣ, никакихъ назначеній. Мнѣ съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что ежедневно увеличивающійся въ арміи развалъ уже остановить нельзя.

Я поселился въ вагонѣ Вырубова. Самъ Вырубовъ жилъ въ верхнемъ этажѣ дворца. Жуткое чувство охватило меня, когда я впервые зашелъ къ нему въ кабинетъ. Здѣсь годъ тому назадъ видѣлъ я Государя. Комната съ тѣхъ поръ почти не измѣнилась. Вагонъ, въ которомъ я

жилъ, принадлежалъ когда то Великому Князю Сергѣю Михайловичу и былъ оборудованъ съ большимъ комфортомъ. Я выписалъ двухъ своихъ лошадей и ежедневно дѣлалъ большія проѣздки. Обѣдалъ и ужиналъ я обыкновенно вмѣстѣ съ Вырубовымъ у общаго пріятеля нашего графа К. А. Бенкендорфа, брата убитаго моего однополчанина и друга, и племянника гофмаршала. Графъ Бенкендорфъ состоялъ при военныхъ представителяхъ иностранныхъ державъ. Мы проводили длинные осенніе вечера въ безконечныхъ злословныхъ спорахъ. Въ этихъ спорахъ Вырубовъ неизмѣнно подвергался нападкамъ нашимъ за соглашательство и «компромиссную политику». Мнѣ показалась бы совершенно абсурдной въ то время мысль, что Бенкендорфъ черезъ два года окажется въ Грузіи дипломатическимъ представителемъ совѣтской власти.

Какъ то разъ разговоръ зашелъ о томъ, что необходимо реорганизовать армію на новыхъ началахъ, что безъ этого оздоровить армію не удастся. По словамъ Вырубова, этимъ вопросомъ заняты были въ штабѣ верховнаго главнокоманду ющаго. Въ основу организациі предполагалось будто бы, территоріальное начало, на чемъ особенно настаивалъ генераль-квартирмейстеръ, генераль Дидерихсъ. Я сталъ доказывать, что одной территоріальной системой ничего не достигнуть, что въ настоящихъ условіяхъ территоріальная организациа могла повести бы лишь къ расчлененію арміи и съ нею и страны и что въ то время, какъ война продолжается, эту организацию практически провести нельзя. По моему мнѣнію, для оздоровленія арміи, если еще не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось отъ такъ называемой «демократизациі арміи» и «революціонной дисциплины», чтобы была проведена въ жизнь, такъ называемая «Корниловская программа». При этихъ условіяхъ я видѣлъ возможность начать въ арміи работу. Пользуясь зимнимъ затишьемъ и оттяжкой германцами значительныхъ силъ на западный фронтъ, можно было, оттягивая постепенно часть корпусовъ въ тылъ, выдѣлить изъ частей наиболѣе слабый элементъ; остающимся пополнить выдѣленные въ дивизіяхъ ударные батальоны, кои могли быть развернуты въ полки и бригады. По этому расчету число пѣхотныхъ дивизій должно было уменьшиться, сколько мнѣ помнится, вдвое, но зато дивизіи эти были бы боеспособны. Выдѣленные изъ полковъ негодные элементы, могли бы быть сведены въ рабочія роты съ особо строгой дисциплиной. Эти роты могли бы употребляться на тыловую службу и возвращеніе изъ нихъ обратно въ строй должно было быть допускаемо по прошествіи нѣкотораго времени и соответствующей аттестаціи начальства. Служба въ строю, по моей мысли, должна была быть обставлена рядомъ служебныхъ и матеріальныхъ преимуществъ по сравненію съ тыловой. Конечно, всѣ эти мѣры могли дать соответствующіе результаты лишь при условіи измѣненія общаго порядка въ арміи.

Вырубовъ, какъ всегда увлекающійся, сталъ просить меня взять на себя разработку подробно этого вопроса. Я, не придавая этому никакого значенія, отшучивался. Однако, черезъ нѣсколько дней Вырубовъ, вновь заговоривъ объ этомъ, передалъ мнѣ, что онъ говорил о моихъ соображеніяхъ Духонину и Дидерихсу и что оба чрезвычайно заинтересовались этимъ вопросомъ. Дидерихсъ просилъ меня зайти къ нему. Черезъ нѣсколько дней генераль Дидерихсъ повторилъ приглашеніе и лично просилъ меня письменно разработать вопросъ. Я взялъ себѣ въ помощники генеральнаго штаба подполковника Яковлева, и дней черезъ десять представилъ соответствующій докладъ.

Гражданская часть (нынѣ даже вопросы реорганизациі арміи обсуждали штатскіе люди) потребовала ряда измѣненій, однако противъ главныхъ основаній не возражала. Проектъ отправили въ Петербургъ. Я, конечно, совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность проведенія въ жизнь всѣхъ намѣченныхъ проектомъ мѣръ, — выдвигая этотъ проектъ, я имѣлъ въ виду другое, — возможность войти въ связь съ многочисленными войсковыми частями и, въ частности, съ ударными батальонами, составленными изъ добровольцевъ, главнымъ образомъ, офицеровъ. Одинъ такой батальонъ, подъ командой подполковника генеральнаго штаба Манакина — находился въ ставкѣ. Это была образцовая часть. Въ случаѣ не избѣжнаго развала арміи, быть можетъ, удалось бы сохранить хоть небольшое и организованное крѣпкое ядро. 16-го октября Керенскій утвердилъ представленную Вырубовымъ докладную записку, въ основу которой вошелъ мой докладъ. Дежурству было приказано разработать штаты.

Начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго и помощникъ его по гражданской части, выѣзжали на имѣющее состояться въ Петербургѣ открытіе Предпарламента. Я воспользовался случаемъ проѣхать въ Петербургъ. Я помѣщался съ Вырубовымъ въ его вагонѣ.

Къ обѣду пришелъ генераль Духонинъ, просидѣвшій у насъ часовъ до десяти, онъ видимо радъ былъ отдохнуть отъ дѣлъ, рассказывалъ многое изъ прежней своей службы, съ особеннымъ удовольствиемъ вспоминалъ о времени, когда командовалъ 165-мъ Луцкимъ полкомъ. Полкъ подъ его начальствомъ имѣлъ не мало славныхъ дѣлъ и георгіевскіе кресты, украшавшіе грудь и шею генерала Духонина говорили объ этомъ.

Первое засѣданіе Предпарламента лишній разъ подчеркнуло безсиліе власти и отсутствіе единенія въ верхахъ.

25-го октября прогремѣли въ Петербургѣ первые выстрѣлы съ крейсера «Аврора». Керенскій бѣжалъ, прочіе члены Временнаго правительства засѣли въ Зимнемъ дворцѣ подъ охраной женскихъ батальоновъ и дѣтей-юнкеровъ. Въ столицѣ повторились февральскіе дни. По улицамъ шла стрѣльба, носились грузовые автомобили съ вооруженными солдатами.

Ставка эти дни была полна волненія. Безпрерывно засѣдалъ армейскій комитетъ. Генералы Духонинъ, Дидерихсъ и Вырубовъ не отходили отъ аппаратовъ Юза. Стало извѣстно о движеніи генерала Краснова съ 3-мъ корпусомъ на Петербургъ, за нимъ должны были двигаться еще войска. Но уже черезъ день заговорили объ «измѣнѣ генерала Черемисова». Въ штабѣ главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ уже велась недостойная игра. Генераль Черемисовъ довольно прозрачно давалъ окружающимъ понять, что въ ближайшіе дни онъ готовится стать верховнымъ главнокомандующимъ. Вызванные въ Петербургъ правительствомъ эшелоны были задержаны генераломъ Черемисовымъ въ пути; казаки Уссурийцы стали брататься съ большевиками. Еще разъ въ верхахъ арміи появилась растерянность, нерѣшительность, предательство и трусость.

Я не видѣлъ Въ эти дни неожиданно проѣздомъ черезъ Могилевъ прибылъ генераль Одинцовъ. его со времени недостойнаго его поведенія въ Корниловскіе дни. Онъ зашелъ ко мнѣ сильно сконфуженный. Я узналъ, что онъ получилъ назначеніе въ Петербургъ въ распоряженіе начальника генеральнаго штаба. Въ то время я далекъ былъ отъ мысли, что черезъ двѣ недѣли онъ вернется въ ставку предлагать отъ имени главоверха, прапорщика Крыленко, генералу Духонину сдать постъ.

1-го ноября Керенскій бѣжалъ, предавъ своихъ товарищей по кабинету, армію и Россію. 5-ого ноября, декретомъ совнаркома верховнымъ главнокомандующимъ назначенъ прапорщикъ Крыленко. Въ ставкѣ дѣлали еще потуги сформировать «демократическое правительство» предсѣдателемъ правительства намѣчался В. М. Черновъ. Я сидѣлъ у Вырубова, когда доложили о его приходѣ. Желая избѣгнуть встрѣчи съ этимъ господиномъ, я поспѣшилъ выйти изъ кабинета. Одновременно съ Черновымъ прибылъ и бывший военный министръ генераль Верховскій. Я имѣлъ случай его видѣть и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе самоувѣреннаго ничтожества.

Въ день когда мнѣ стало извѣстнымъ о назначеніи верховнымъ главнокомандующимъ прапорщика Крыленко, я рѣшилъ уѣхать изъ арміи. Генераль Духонинъ меня болѣе не удерживалъ. Получивъ нужныя бумаги я зашелъ къ Вырубову попрощаться. Я засталъ его сильно растроенымъ, онъ только что вернулся отъ Духонина, который получилъ извѣстіе объ отданномъ Крыленкой приказѣ войскамъ «вступить въ переговоры съ противникомъ», при этомъ Крыленко телеграфировалъ Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бончъ-Бруевичу. Бездарный, тупой и на рѣдкость безпринципный — Бончъ-Бруевичъ успѣлъ втереться въ довѣріе могилевского совдепа. Генераль Духонинъ предложилъ генералу Дидерихсу и Вырубову освободить ихъ отъ связывающаго ихъ слова не оставлять другъ друга. Вырубовъ отказался, рѣшивъ до конца раздѣлить участь съ главнокомандующимъ, Дидерихсъ же, хотя и рѣшилъ остаться, но въ качествѣ «частнаго человѣка», заручившись приказомъ за подписью Духонина объ откомандированіи въ Кавказскую армію. По словамъ Вырубова, генераль Духонинъ рѣшилъ ставку переносить въ Кіевъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ я выѣхалъ изъ арміи. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ Россія свергла своего Монарха. По словамъ ставшихъ у власти людей, государственный переворотъ имѣлъ цѣлью избавить страну отъ правительства, ведшаго его къ позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своемъ знамени: «Война до побѣднаго конца». Черезъ восемь мѣсяцевъ это правительство позорно отдало Россію на милость побѣдителя. Въ этомъ позорѣ было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Отвѣтственность съ нимъ раздѣляли и старшіе военачальники и весь русскій народъ. Великое слово «свобода» этогъ

народъ замѣнилъ произволомъ и полученную вольность претворилъ въ буйство, грабежъ и убійство.

Подъ большевицкой пятой.

Послѣ тревожной, нервной жизни въ ставкѣ, я пораженъ былъ найти въ Крыму совершенно иную мирную и, такъ сказать, глубоко провинціальную обстановку.

Еще съ первыхъ дней смуты сюда бѣжало изъ Петербурга, Москвы и Кіева громадное число семействъ. Люди въ большинствѣ случаевъ богатые и независимые, не связанные службой или покинувшіе ее и въ большинствѣ случаевъ чуждые политической жизни, они внесли съ собою въ Крымъ особую атмосферу столь далекую отъ политической борьбы и тревожныхъ переживаній большинства крупныхъ центровъ Россіи. Въ окрестностяхъ Ялты проживала послѣ переворота и большая часть Членовъ Императорской Семьи: престарѣлая Императрица Марія Федоровна съ дочерьми Великими Княгинями Ксеніей Александровной и Ольгой Александровной, Великіе Князья Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Александръ Михайловичъ съ Семьями. Въ самой Ялтѣ, Алупкѣ, Симеизѣ и Гурзуфѣ жилъ цѣлый рядъ лицъ петербургскаго общества, — старыхъ нашихъ знакомыхъ. Всѣ часто видѣлись между собой. Многіе старались перенести сюда привычный укладъ петербургской жизни.

Грозную дѣйствительность напоминали лишь извѣстія, довольно неаккуратно приходившія съ почтой. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, я узналъ изъ газетъ о трагической гибели генерала Духонина и бѣгствѣ Быховскихъ узниковъ. Изрѣдка доходили свѣдѣнія о продолжающемся уклонѣ влѣво демократической Украинской рады и о зрѣющей на Дону «контръ-революціи». Въ прочностъ послѣдней я, зная казаковъ, мало вѣрилъ, считая, что рано или поздно казачество должно быть увлеченнымъ въ революціонный вихрь и опомнится, лишь испытавъ на собственной шкурѣ прелести коммунистическаго режима.

Безпечная крымская жизнь продолжалась недолго. Вскорѣ изъ сѣверной Тавріи пришли первыя вѣсти о выступленіяхъ въ городахъ и деревнѣ всякаго сброда, спѣшившаго объединиться подъ краснымъ знаменемъ. Мѣстами происходили уже погромы помѣщичьихъ усадьбъ.

Будучи какъ то по дѣламъ имѣнія въ Мелитополь, я впервые на Мелитопольскомъ вокзалѣ увидѣлъ красныя войска; то возвращались послѣ кроваваго урока матросы Черноморскаго флота разбитые генераломъ Калединымъ подъ Ростовымъ Съ наглыми звѣрскими лицами, обвѣшанные пулеметными лентами и съ ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались въ Севастополь, врываясь въ пассажирскіе вагоны, выбрасывая женщинъ и дѣтей и избивая станціонныхъ служащихъ.

По примѣру Дона и Украины передъ лицомъ надвигавшейся красной волны, рѣшили соорганизоваться, въ лицѣ «Курултая» и крымскіе татары. Вновь сформированное татарское правительство носило коалиціонный характеръ, хотя преобладала «демократическая политика», яркимъ представителемъ которой былъ предсѣдатель правительства и военный министръ Сайдаметъ, по примѣру господина Керенскаго также изъ адвокатовъ. Сайдамета, кромѣ демократическихъ элементовъ, выдвигали еще и туркофильскія группы. Въ распоряженіи правительства имѣлась и горсточка вооруженной силы: занимавшій горнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты. Крымскій драгунскій полкъ, укомплектованный крымскими татарами, нѣсколько офицерскихъ ротъ и, кажется, двѣ полевыя батареи. Гарнизонъ Севастополя и Севастопольская крѣпостная артиллерія были уже въ явно большевицкомъ настроеніи. Въ Симферополь, мѣстопробываніи Курултая, былъ спѣшно сформированъ и штабъ арміи начальникомъ коего состоялъ генеральнаго штаба полковникъ Макуха. Совершенно для меня неожиданно, я получилъ въ Ялтѣ телеграмму за подписью послѣдняго, сообщающаго мнѣ, что крымское правительство предлагаетъ мнѣ должность командующаго войсками. Для переговоровъ мнѣ предлагалось прибыть въ Симферополь. Въ тотъ же день въ Крыму была объявлена всеобщая мобилизація, долженствующая, по расчетамъ штаба позволить въ кратчайшій срокъ сформировать цѣлый корпусъ и развернуть кавалерію въ бригаду. Я рѣшилъ проѣхать въ Симферополь и на мѣстѣ выяснитъ обстановку, прежде чѣмъ дать какой либо отвѣтъ на сдѣланное мнѣ предложеніе.

Въ Симферополь, столицѣ Крыма, засталъ я оживленіе необычайное: шла регистрація офицеровъ, какія то совѣщанія, непрерывно засѣдали разныя комиссіи. Начальникъ штаба полковникъ Макуха произвелъ на меня впечатлѣніе скромнаго и дѣльнаго офицера.

Поглощенный всецѣло технической работой онъ видимо былъ далекъ отъ политики. Послѣдняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армію, штатскій крымскій главковерхъ, такъ же какъ и коллега его въ Петербургѣ, мыслилъ имѣть армію демократизированную съ соотвѣтствующими комитетами и комиссарами. Съ первыхъ же словъ моего свиданія съ Сайдаметомъ, я убѣдился, что намъ не по пути, о чемъ откровенно ему и сказалъ, заявивъ, что при этихъ условіяхъ, я принять предлагаемую мнѣ должность не могу. Сайдаметъ учель, невидимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просилъ до отъѣзда не отказать присутствовать на имѣющемъ быть вечеромъ въ штабѣ совѣщаніи. На этомъ совѣщаніи долженъ былъ быть разсматриваемъ, предложенный генеральнаго штаба полковникомъ Достоваловымъ, планъ захвата Севастопольской крѣпости. Меня по этому вопросу просили дать заключеніе. Если бы я еще доселѣ и колебался въ своемъ отказѣ принять командованіе надъ войсками крымскаго правительства, то послѣ этого совѣщанія всѣ сомнѣнія мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковникомъ Достоваловымъ планъ и былъ всѣми присутствовавшими на совѣщаніи военными лицами, въ томъ числѣ и мною и начальникомъ штаба полковникомъ Макухой признанъ совершенно неосуществимымъ, тѣмъ не менѣе «военный министръ» выслушавъ присутствующихъ, заявилъ, что соглашается съ полковникомъ Достоваловымъ и предложилъ начальнику штаба отдать немедленно распоряженіе для приведенія предложеннаго полковникомъ Достоваловымъ плана въ исполненіе. На утро я выѣхалъ въ Ялту.

8-го января утромъ по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами Крымскихъ драгунъ, расположенныхъ въ Ливадійскомъ дворцѣ и мѣстной красной гвардіей, что крымцы отошли въ горы и власть въ городѣ захвачена совѣтами. Около полудня, отъ имени совѣтовъ, появились прокламаціи, указывающія на то, что отнынѣ единственною властью въ городѣ является мѣстный совѣтъ и требующія немедленной сдачи обывателями всякаго оружія. Подъ вечеръ прибыло въ городъ судно и высадившіеся матросы, руководимые членами мѣстнаго совѣта, приступили къ повальнымъ обыскамъ.

Эти обыски не миновали и насъ. Часовъ въ девять вечера къ намъ на дачу на Нижне-Массандровской улицѣ, явились человекъ шесть матросовъ, обвѣшанныхъ пулеметными лентами и гранатами, предъявили какой то мандатъ и требованіе допустить ихъ для производства обыска въ квартиру. Я отдалъ приказаніе ихъ впустить и предоставить полную свободу, наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы, воспользовавшись обыскомъ, представители «революціоннаго народа» чего либо не стянули. Все имѣвшееся у насъ оружіе еще съ утра было надежно спрятано въ подвалѣ и на чердакѣ. Самъ я во время обыска, дабы избѣгнуть необходимости разговаривать съ проходимцами, сѣлъ за карточный столъ и началъ играть въ пикетъ со своимъ сынишкой, совершенно не обращая вниманія на шарившихъ по столамъ и комодамъ матросовъ. Послѣдніе всячески видимо старались вывести меня изъ себя, дѣлая вслухъ дерзкія замѣчанія, намѣренно производя шумъ и передвигая мебель. Но убѣдившись, что ничто не дѣйствуетъ, оставили насъ въ покоѣ. Къ этому испытанному приему я впослѣдствіи прибѣгалъ не разъ во время обысковъ.

Около девяти часовъ 10-го января я проснулся отъ орудійной стрѣльбы. Отъ прислуги узналъ, что ночью спустились съ горъ Крымскіе драгуны, что западная часть города ими занята, что на разсвѣтѣ изъ Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстрѣливаютъ городъ. Одѣвшись, я вышелъ на балконъ вмѣстѣ съ гостившимъ у насъ братомъ жены. Въ городѣ слышалась сильная ружейная стрѣльба, часто рвались шрапнели, обстрѣливалась, главнымъ образомъ, центральная часть города. Отъ снарядовъ значительно пострадали нѣкоторыя зданія. Два снаряда попало въ сосѣдній съ нашей дачей домъ, а нѣсколько осколковъ упало у насъ въ саду.

Около полудня, мнѣ пришли доложить, что отрядъ матросовъ находится въ саду и посты выставлены у входа въ усадьбу. Я прошелъ въ садъ и увидѣлъ человекъ пятнадцать матросовъ и вооруженныхъ штатскихъ, столпившихся у балкона:

«Кто здѣсь старшій?» спросилъ я. Вышелъ какой то матросъ.

«Вотъ, заявляю вамъ что я генераль, а это», указалъ я на моего шурина «тоже офицеръ — ротмистръ. Знайте, что мы не скрываемся».

О нашемъ присутствіи матросы, видимо, уже знали.

«Это хорошо», сказалъ назвавшій себя старшимъ, «мы никого не трогаемъ, кромѣ тѣхъ, кто воюетъ съ нами».

«Мы только съ татарами воюемъ», сказалъ другой, «Матушка Екатерина еще Крымъ къ Россіи присоединила, а они теперь отлагаются...» Какъ часто впоследствии вспомнилъ я эти слова, столь знаменательныя въ устахъ представителя «сознательнаго» сторонника краснаго интернаціонала.

Къ вечеру крымцы оставили городъ, съ ними бѣжали очень многіе обитатели изъ жившихъ въ занятыхъ крымцами кварталахъ.

Одиннадцатаго января часовъ въ девять утра я былъ разбуженъ какимъ то шумомъ. Приподнявшись на кровати, я услышалъ громкіе голоса, топотъ ногъ и хлопанье дверей. Въ комнату ворвались человекъ шесть матросовъ, съ винтовками въ рукахъ, увѣшенные пулеметными лентами. Двое изъ нихъ, подбѣжавъ къ кровати, направили на меня винтовки, крича: «ни съ мѣста, вы арестованы». Маленькій прыщавый матросъ съ револьверомъ въ рукѣ, очевидно старшій въ командѣ, отдалъ приказаніе двумъ товарищамъ стать у дверей, никого въ комнату не пропуская.

«Одѣвайтесь», сказалъ онъ мнѣ.

— «Уберите вашихъ людей», отвѣтилъ я, «вы видите, что я безоруженъ и бѣжать не собираюсь. Сейчасъ я одѣнусь и готовъ идти съ вами».

— «Хорошо», сказалъ матросъ, «только торопитесь, намъ некогда ждать».

Матросы вышли и я, быстро одѣвшись, прошелъ въ корридоръ и окруженный матросами, пошелъ къ выходу. Въ дверяхъ я увидѣлъ жавшихся въ кучу, плачущихъ нашихъ служащихъ. Въ саду, у подъѣзда, насъ ожидали еще человекъ десять матросовъ и съ ними недавно выгнанный мною помощникъ садовника; пьяница и грубіянь, онъ незадолго передъ этимъ на какое то замѣчаніе жены моей отвѣтилъ грубостью. Я какъ разъ въ это время выходилъ въ садъ и, услышавъ какъ грубіянь дерзилъ женѣ, вытянулъ его тростью. На слѣдующій день онъ былъ уволенъ и теперь привелъ матросовъ.

«Вотъ, товарищи, этотъ самый генераль возился съ татарами, я свидѣтельствую, что онъ контръ-революціонеръ, врагъ народа», увидѣвъ меня, закричалъ негодяй.

Съ балкона, въ сопровожденіи двухъ матросовъ, спускался братъ моей жены также задержанный. Пройдя садомъ, мы вышли на улицу, гдѣ ждали присланные за нами два автомобиля; кругомъ стояла толпа народа. Слышались ругань и свистъ, нѣкоторые соболѣзновали. Какой то грекъ, подойдя къ матросамъ, пытался за насъ заступиться:

«Товарищи, я ихъ знаю», показывая на насъ, сказалъ онъ, «они ни въ чемъ не виноваты, и въ бою не участвовали».

«Ладно, тамъ разберутъ», отстранилъ его одинъ изъ матросовъ.

Мы стали садиться въ автомобиль, когда, расталкивая толпу, появилась моя жена. Подбѣжавъ къ автомобилю, она ухватилась за дверцу и пыталась сѣсть, матросы ее не пускали. Я также пробовалъ уговаривать ее остаться, но она ничего слушать не хотѣла, плакала и требовала, чтобы ее пустили ѣхать со мной. «Ну ладно, товарищи, пусть ѣдетъ», сказалъ наконецъ одинъ изъ матросовъ. Автомобили помчались по улицѣ по направленію къ молу. Тамъ виднѣлась большая толпа, оттуда слышались крики. Два миноносца, стоя у мола, изрѣдка обстрѣливали городъ. Автомобили остановились у пришвартовавагося миноносца. «Вотъ они, кровопійцы. Что тамъ разговаривать, въ воду ихъ» — слышались крики изъ толпы. Мнѣ бросились въ глаза лежавшіе на молу два трупа, кругомъ стояла лужа крови... Стараясь не смотрѣть на окружающія насъ звѣрскія лица, я быстро прошелъ по сходнямъ на миноносецъ, вмѣстѣ съ женой и шуриномъ. Насъ провели въ какую то каюту. У дверей остался одинъ матросъ, остальные поднялись на верхъ на палубу. Почти тотчасъ же въ каюту вошелъ какой то человекъ въ морской офицерской формѣ, но безъ погонь. Онъ поразилъ меня своимъ убитымъ и растеряннымъ видомъ. Жена бросилась къ нему и стала спрашивать, что съ нами будетъ; онъ пытался ее успокоить, отрекомендовался капитаномъ миноносца и общалъ съдѣлать все, чтобы скорѣе разобрать наше дѣло:

«Вамъ нечего бояться, если вы невиновны. Сейчасъ ваше дѣло разберутъ и, вѣроятно, отпустятъ», говорилъ онъ, но ясно было, что онъ самъ не вѣрилъ въ свои слова... Шумъ и топотъ раздались близъ каюты и толпа матросовъ появилась въ дверяхъ. Они требовали выдачи насъ и немедленной расправы. Съ большимъ трудомъ капитану и пришедшимъ къ нему на помощь двумъ, тремъ матросамъ удалось уговорить ихъ уйти и предоставить нашу участь суду.

Через полчаса привели еще одного арестованного — какого то инженеръ-полковника. По его словам, онъ былъ захваченъ также по навету служащаго, съ которымъ у него были денежные расчеты. Онъ больше всего беспокоился объ оставленныхъ имъ дома деньгахъ и важныхъ документахъ, которые могли пропасть.

Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привыкъ глядѣть смерти въ глаза, и меня не страшила опасность; но мысль быть разстрѣяннымъ своими же русскими солдатами, разстрѣяннымъ, какъ грабитель или шпионъ, была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала меня мысль, что самосудъ произойдетъ на глазахъ у жены и я рѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы ее удалить. Между тѣмъ, она упростила капитана провести ее въ судовой комитетъ и тамъ пыталась говорить и разжалобить. Наконецъ она вернулась, конечно, ничего не добившись. Я сталъ упрашивать ее пойти домой:

«Здѣсь ты помочь мнѣ не можешь», говорилъ я, «а тамъ ты можешь найти свидѣтелей и привести ихъ, чтобы удостовѣрили мое неучастіе въ борьбѣ». Послѣ долгихъ колебаній она рѣшилась. Я былъ увѣренъ, что уже больше ее не увижу. Снявъ съ руки часы-браслетъ, который она подарила мнѣ невѣстой и который я всегда носилъ, я сказалъ ей:

«Возьми это съ собой, спрячь. Ты знаешь какъ я ими дорожу, а здѣсь ихъ могутъ отобрать». Она взяла часы, и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минутъ, какъ она вернулась. На ней не было лица: «Я поняла, все кончено», сказала она, «я останусь съ тобой». На ея глазахъ только что толпа растерзала офицера.

Ежеминутно ожидая конца, просидѣли мы въ каютѣ до сумерокъ. Около пяти часовъ въ каюту вошли нѣсколько матросовъ и съ ними молодой человекъ въ кепкѣ и френчѣ, съ бритымъ лицомъ, державшійся съ большимъ апломбомъ. Обратившись къ сидѣвшему съ нами полковнику, онъ объявилъ ему, что онъ свободенъ — «вы же», сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ и къ моему шурина, «по рѣшенію судоваго комитета предается суду революціоннаго трибунала. "Вечеромъ васъ переведутъ въ помѣщеніе арестованныхъ". Полковникъ вышелъ, но минутъ черезъ десять мы увидѣли его вновь. Онъ горячо спорилъ съ сопровождавшимъ его матросомъ: «я требую, чтобы мнѣ вернули мои часы и мой бумажникъ, въ немъ важные для меня документы», горячился онъ. Матросъ казался смущеннымъ, «я ничего не знаю», говорилъ онъ, «обождите здѣсь, сейчасъ приглашу комиссара», онъ вышелъ. — «Моего освобожденія потребовали мои служаще, — портовые рабочіе. За васъ также пришла просить толпа народа», быстро проговорилъ полковникъ, «не беспокойтесь, Богъ дастъ и вамъ удастся отсюда выбраться...» Пришелъ комиссаръ и полковникъ вышелъ съ нимъ.

Вскорѣ за нами пришли. Подъ конвоемъ красногвардейцевъ, насъ повели въ зданіе таможни, гдѣ содержались многочисленные арестованные. Было темно, дулъ холодный вѣтеръ и шелъ дождь. Толпа разошлась и мы безпрепятственно прошли въ нашу новую тюрьму. Въ огромной залѣ съ выбитыми стеклами и грязнымъ заплеваннымъ поломъ, совершенно почти безъ мебели, помѣщалось человекъ пятьдесятъ арестованныхъ. Тутъ были и генералы и молодые офицеры, и студенты, и гимназисты, и нѣсколько татаръ, и какіе то оборванцы. Несмотря на холодъ и грязь здѣсь на людяхъ все же было легче. Хотя всѣ лежали, но никто видимо не спалъ, слышался тихій разговоръ, тяжелые вздохи. На лѣстницѣ стояла толпа матросовъ и красногвардейцевъ и оттуда доносилась площадная ругань. Вскорѣ стали вызывать къ допросу. Допросъ длился всю ночь, хотя допрашивали далеко не всѣхъ. Вскорѣ вызвали меня. Допрашивалъ какой то студентъ въ пенснѣ, маленькій и лохматый. Сперва задавались обычные вопросы объ имени, годахъ, семейномъ положеніи. Затѣмъ онъ предложилъ вопросъ, признаю ли я себя виновнымъ.

«Въ чемъ?» вопросомъ отвѣтилъ я. Онъ замялся.

«За что же вы арестованы?»

— «Это я долженъ былъ бы спросить васъ, но думаю что и вы этого не знаете. О настоящей причинѣ я могу только догадываться», и я рассказалъ ему о томъ, какъ побилъ нагрубившаго женѣ помощника садовника, изъ мести ложно донесшаго на меня:

«Я не знаю есть ли у васъ жена», добавилъ я — «думаю что если есть, то вы ее также въ обиду бы не дали».

Онъ ничего не отвѣтилъ и, записавъ мое показаніе, приказалъ конвойнымъ отвести меня въ камеру арестованныхъ. Съ утра стали приводить новыхъ арестованныхъ. Къ вечеру насъ собралось человекъ семьдесятъ. Между прочими привели стараго отставнаго генерала Ярцева, ялтинскаго старожила, семидесяти съ лишнимъ лѣтъ, совершенно больного. Къ вечеру

доставили хорошаго нашего знакомаго, молодого князя Мещерскаго, офицера Конно-Гренадерскаго полка, задержаннаго при попыткѣ бѣжать въ горы.

Часовъ около восьми въ комнату вошелъ матросъ крупнаго роста, красивый блондинъ съ интеллигентнымъ лицомъ; его сопровождали нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ допрашивавшій насъ ночью студентъ и видѣнный мною на миноносцѣ комиссаръ.

«Это предсѣдатель трибунала, товарищ Вакула», сказалъ одинъ изъ нашихъ сторожей, «сейчасъ будетъ васъ допрашивать».

«Революціонный трибуналъ» переходилъ отъ одного арестованнаго къ другому. Мы увидѣли какъ увели куда то стараго генерала Ярцева, князя Мещерскаго, какого то студента, еще кого то... Товарищ Вакула подошелъ къ намъ. Я слышалъ какъ студентъ, допрашивавшій меня наканунѣ, нагнувшись къ уху предсѣдателя «революціоннаго трибунала», сказалъ: «это тотъ самый, о которомъ я вамъ говорилъ».

«За что арестованы?», спросилъ меня послѣдній.

«Вѣроятно за то, что я русскій генераль, другой вины за собой не знаю».

— «Отчего же вы не въ формѣ, небось раньше гордились погонами. А вы за что арестованы?» обратился онъ къ женѣ.

— "Я не арестована, я добровольно пришла сюда съ мужемъ».

— «Вотъ какъ. Зачѣмъ же вы пришли сюда?»

— «Я счастливо прожила съ нимъ жизнь и хочу раздѣлить его участь до конца». Вакула, видимо предвкушая театральнй эффектъ, обвелъ глазами, obtупившихъ насъ арестованныхъ.

«Не у всѣхъ такія жены — вы вашей женѣ обязаны жизнью, ступайте», онъ театральнымъ жестомъ показавъ на выходъ.

Однако вечеромъ насъ не выпустили. Оказалось, что мы должны пройти еще черезъ какую то регистрацію и что изъ подъ ареста насъ освободятъ лишь утромъ. Вакула, обойдя арестованныхъ, вышелъ. Черезъ десять минутъ подъ окнами на молу затрещали выстрѣлы — три беспорядочныхъ залпа, затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ. Мы бросились къ окну, но за темнотою ночи, ничего не было видно. «Это разстрѣливаютъ», сказалъ кто то. Нѣкоторые крестились. Это дѣйствительно были разстрѣлы. Уже впоследствии я узналъ это, со словъ очевидца, стараго смотрителя маяка, — на его глазахъ за три дня было разстрѣляно болѣе ста человекъ. Трупы ихъ, съ привязаннымъ къ ногамъ грузомъ, бросались тутъ же у мола въ воду. По занятю нѣмцами Крыма часть труповъ была извлечена, въ томъ числѣ и трупъ молодого князя Мещерскаго. Трупъ стараго генерала Ярцева былъ выброшенъ на берегъ въ Симонзѣ черезъ нѣсколько недѣль послѣ разстрѣла.

Второй день арестованные ничего не ѣли. Къ вечеру принесли ведро съ какой то бурдой и одной общей ложкой. Намъ посчастливилось — тещѣ моей удалось черезъ нашихъ тюремщиковъ прислать намъ къ вечеру холодную курицу, подушку и два пледа. Мы устроились на полу. Пережитыя сильныя волненія отразились на старой моей контузии. Своевременно я пренебрегъ ею и не до кончивъ курса леченія вернулся, несмотря на предупрежденія врачей, въ строй. Съ тѣхъ поръ всякое сильное волненіе вызывало у меня сердечныя спазмы, чрезвычайно мучительныя. Послѣдніе полгода это явленіе почти прекратилось, однако теперь подъ вліяніемъ пережитаго, болѣзненное явленіе повторилось вновь. Всю ночь я не могъ заснуть, и къ утру чувствовалъ себя столь слабымъ, что съ трудомъ держался на ногахъ. Наконецъ, въ одиннадцать часовъ, насъ освободили и мы пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного красногвардейца, вернулись домой. Я слегъ немедленно въ постель и пролежалъ цѣлую недѣлю.

Черезъ нѣсколько дней въ городѣ наступило успокоеніе. Симферополь, Евпаторія, Ялта оказались въ рукахъ большевиковъ. Остатки крымцевъ скрылись въ горы. Болѣе тысячи человекъ, главнымъ образомъ офицеровъ, были разстрѣляны въ разныхъ городахъ. Особо кровавые дни пережилъ Симферополь. Здѣсь было разстрѣляно огромное число офицеровъ, въ томъ числѣ почти всѣ чины крымскаго штаба во главѣ съ звѣрски замученнымъ полковникомъ Макухой. Теперь красныя войска праздновали побѣду, всюду происходили торжественныя похороны павшихъ красногвардейцевъ. Въ Ялтѣ ихъ хоронили въ городскомъ саду.

Спѣша воспользоваться плодами побѣды, совѣты почти еженедѣльно производили повальныя обыски, отбирая драгоцѣнности, бѣлье, верхнее платье. Объявлена была денежная контрибуція, разложеніе наиболѣе состоятельныхъ лицъ. Надо замѣтить, что всѣ обыски, контрибуціи и прочія мѣры принудительнаго характера первое время проводились весьма беспорядочно, и легко обходились. Такъ въ спискѣ капиталистовъ, подлежащихъ обложенію,

третьим номером стояла моя теща (первым номером был известный крымский ростовщик, вторым — графиня Мордвинова). Моя теща отказалась что либо внести и несмотря на ряд угроз и предупреждений арестована не была. Проживавшая же в Ялте графиня Толстая, наоборот успела все внести, показала полностью свое имущество, укрыв лишь некоторые драгоценности. Последние она зашила в платье. Об этом донесла ей горничная, и старуха была арестована, последние драгоценности ей были отобраны и она с дочерью заключена в тюрьму.

На текущие счета был наложен арест и по ним можно было получать лишь сто рублей в неделю. Между тем вследствие разрушения транспорта и боязни постоянных реквизиций подвоз в город совершенно прекратился и цены на продукты страшно возросли. На сто рублей в неделю, имея большую семью, существовать было совершенно невозможно. Мы прибегали ко всевозможным уловкам, дабы спасти деньги и наиболее ценные вещи. Большинство нашей прислуги были давно служившие у нас и вполне нам преданные. Мы ими были отчасти обязаны нашим спасением, ибо они, присоединив некоторых бдительных нашего квартала, которым помогала жена, пришли в день нашего ареста требовать нашего освобождения и голос их был принят вероятно во внимание, как голос «революционного народа». С помощью наших служащих мы надежно спрятали вещи и деньги. Обыски в эти дни производились людьми неопытными и укрыть вещи не представляло большого затруднения. Деньги мы держали в металлических кронштейнах для портьер. Драгоценности жена зашила в дутские куклы; меха, кружева и белье в диванные тюфики и подушки; оружие свое я закопал в саду. Несмотря на частые обыски, у нас ни разу не были обнаружены все эти вещи.

Мы почти не выходили из дому. Видь улицы с толкающимся «революционным пролетариатом» был настолько противен, что без особой нужды не хотелось выходить. Жили все время под угрозой какого либо нового несчастья. Особенно тревожные дни переживал город во время наездов севастопольских матросов. Последние несколько раз приходили на миноносцы. В городской думе в эти дни происходили ночные собрания и неизменно, в связи с этими приездами, производились новые аресты. Дважды приходилось нам не ночевать дома. Предупрежденные через нашу прислугу о готовящихся ночью в нашем квартале арестах, мы, с наступлением темноты, уходили из дома, ночуя на дальней окраине города у наших знакомых. Их квартал, населенный татарами, был наиболее спокойный.

С приходом большевиков Крым оказался как бы отрезанным от всего мира. Газеты приходили чрезвычайно неаккуратно. Контр-революционная печать еще не была в России совершенно задушена и из разрозненных номеров разных газет мы изредка получали сведения о том, что делается в остальной России. Все эти события — позорный Брест-Литовский мир, падение Атаманской власти на Дону и Украинской рады в Киев, на Крым все же не отражались и казались известиями из другого мира. Эти случайные известия чередовались с самыми нелпыми слухами, неожиданно возникавшими и столь же быстро замывавшимися другими. То союзническая эскадра, форсировав Дарданеллы, ожидалась со дня на день в Крыму, то немцы присылали какой то корпус для захвата южных Загородных губерний. Все эти слухи еще более раздражали нервы.

Мы решили перебраться куда либо в окрестности Ялты, дабы быть дальше от города, где особенно остро чувствовалась пята хама. Жену удалось устроить мне гражданский паспорт, где я значился горным инженером, и мы в конце февраля переехали в Мисхорь. Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореиз был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебно коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним. Единственная разница была введенная для покупки продуктов карточная система, весьма стеснительная. Продуктов вообще, с прекращением подвоза из северной Таврии, в Крыму стало очень мало. Мы отпустили большую часть своей прислуги, оставив лишь совершенно верных нам людей и поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых.

Императрица Мария Федоровна и прочие Члены Императорской Фамилии были все поселены в имение Великого Князя Петра Николаевича «Дюльберь», где жили под охраной матросов. К ним, конечно, никого не допускали, хотя в марте молодой княгиня Юсуповой

удалось добиться разрѣшенія видѣть мать свою Великую Княгиню Ксенію Александровну и бабушку свою Императрицу Марію Феодоровну. Юсуповы жили вблизи отъ насъ и мы часто съ ними видѣлись. Отъ нихъ узнали мы, что команда охраняющая Императрицу и Великихъ Князей, относилась къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ и большой внимательностью. Начальникъ команды, матросъ Черноморскаго флота, проявлялъ подчасъ совершенно трогательное отношеніе къ заключеннымъ. По приходѣ въ Крымъ нѣмцевъ, тоже самое подтвердили мнѣ Великій Князь Александръ Михайловичъ и Великая Княгиня Ксенія Александровна.

Въ Мисхорѣ, Алупкѣ и Симеизѣ большевицкая пята ощущалась несравненно менѣе, нежели въ Ялтѣ. За два мѣсяца, которые мы прожили въ Мисхорѣ было всего два-три обыска у нѣкоторыхъ лицъ и то произведенные пріѣхавшими изъ Ялты красногвардейцами. Мы совершенно избѣгли обысковъ.

На страстной недѣлѣ распространился слухъ, что на Украину двинуты нѣмецкія войска, что Кіевъ и Одесса заняты нѣмцами и что въ районѣ Перекопа идетъ бой. Слуху этому сперва мало кто повѣрилъ, однако, въ послѣдніе дни, стали появляться все новыя и новыя свѣдѣнія; среди красноармейцевъ стало замѣтно безпокойство, многіе уѣзжали. Кажется въ среду или въ четвергъ, выходя изъ церкви, я встрѣтилъ, только что прибывшаго изъ Ялты, графа Ферзена. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ Ялтѣ въ прошлую ночь былъ произведенъ вновь рядъ обысковъ, между прочимъ искали и меня, пришли на нашу дачу и едва не разстрѣляли жившаго тамъ князя Гагарина, допытываясь, гдѣ нахожусь я. Когда графъ Ферзень уѣзжалъ изъ Ялты, къ молу подошло какое то судно, и онъ видѣлъ, какъ шла погрузка. Говорили, что грузятся семьи комиссаровъ. Утромъ татары изъ Кореиза пришли сказать намъ, что изъ Бахчисарая на Ялту идутъ нѣмецкія войска. Вечеромъ я отправился съ женой въ церковь. Подходя къ шоссе, мы увидѣли спѣшавшихъ къ шоссе людей, и узнали отъ нихъ, что черезъ Кореизъ проходитъ нѣмецкая пѣхота и артиллерія. Дѣйствительно, колонна артиллеріи, подъ прикрытіемъ пѣхоты, и длинная колонна обозовъ тянулась по шоссе. Трудно было принять за дѣйствительность это движеніе нѣмецкихъ войскъ на южномъ побережьи Крыма.

Я испытывалъ странное, какое то смѣшанное чувство. Радость освобожденія отъ унижительной власти хама и больное чувство обиды національной гордости.

На Украинѣ и въ Бѣлоруссіи.

Надо отдать справедливость нѣмцамъ, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сдѣлать присутствіе свое для обывателей наименѣе ощутимымъ. Съ ихъ приходомъ были отмѣнены всѣ стѣснительныя ограниченія, введенныя большевиками — карточная система, закрытіе текущихъ счетовъ и проч., но обязательное полученіе пропусковъ для выѣзда и въѣзда въ Крымъ осталось въ силѣ.

Нѣмецкая комендатура оказывала всяческое содѣйствіе къ возстановленію въ правахъ тѣхъ владѣльцевъ имуществъ или квартиръ, кои были захвачены большевиками. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ большевиковъ, не успѣвшихъ эвакуироваться, были по жалобамъ потерпѣвшихъ арестованы и заключены въ тюрьму нѣмецкими властями. Съ другой стороны, замѣшкавшимся въ Крыму болѣе виднымъ большевицкимъ дѣятелямъ немцы, несомнѣнно, сами давали возможность безпрепятственно убраться во-свои.

На слѣдующій день по занятіи Кореиза, представители нѣмецкаго командованія посѣтили Великаго Князя Николая Николаевича въ имѣніи «Дюльберъ», гдѣ находились всѣ Члены Императорской Семьи. Великій Князь Николай Николаевичъ черезъ состоящаго при Немѣ генерала барона Стала передалъ прибывшимъ, что, если они желаютъ видѣть Его, какъ военно-плѣннаго, то Онъ, конечно, готовъ этому подчиниться; если же ихъ пріѣздъ есть простой визитъ, то Онъ не находитъ возможнымъ ихъ принять. Пріѣхавшіе держали себя чрезвычайно вѣжливо, заявили, что вполне понимаютъ то чувство, которое руководитъ Великимъ Княземъ и просили указать имъ не могутъ ли быть чѣмъ нибудь полезны. Они заявили, что Великій Князь будетъ въ полной безопасности и что нѣмецкое командованіе приметъ мѣры къ надежной Его охранѣ. Баронъ Сталь, по порученію Великаго Князя, передалъ, что Великій Князь ни въ чемъ не нуждается и просить нѣмецкую охрану не ставитъ, предпочитая охрану русскую, которую нѣмцы и разрѣшили сформировать.

Понемногу улеглись тревоженія послѣднихъ дней и на пасхальной недѣлѣ замѣтно было давно невиданное въ Крыму оживленіе. Всѣ прятавшіеся по своимъ дачамъ, воспользовавшись хорошими весенними днями, повысыпали на пляжъ, ѣздили въ городъ и

стали собираться друг у друга. Престарѣлая Императрица Марія Федоровна почти ежедневно прїѣзжала въ Мисхорь къ своему старому другу княгинѣ Долгорукой и подолгу просиживала на берегу моря. Одинъ Великій Князь Николай Николаевичъ упорно отказывался оставить свой дворець, нигдѣ не бывалъ и никого не принималъ.

Съ приходомъ нѣмцевъ снова стали появляться газеты, главнымъ образомъ кїевскія. Переворотъ на Ураинѣ и образование гетманства были для насъ полной неожиданностью.

Генерала Скоропадскаго я зналъ исключительно близко. Мы провели службу въ одной бригадѣ — я въ Конной Гвардіи, онъ — въ Кавалергардскомъ полку, гдѣ долго былъ полковымъ адъютантомъ. Во время японской войны мы служили вмѣстѣ во 2-ой Забайкальской казачьей дивизіи. Въ 1911 году, прокомандовавъ недолго Финляндскимъ драгунскимъ полкомъ, онъ былъ назначенъ командиромъ Конной Гвардіи и съ полкомъ вмѣстѣ вышелъ на войну. Послѣдовательно онъ командовалъ нашей бригадой, а затѣмъ 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіей. Во время Августовскихъ боевъ, осенью 1914 года, я въ теченіе мѣсяца исполнялъ должность начальника штаба Сводной дивизіи, которой командовалъ генералъ Скоропадскій.

Средняго роста, пропорціонально сложенный, блондинъ, съ правильными чертами лица, всегда тщательно, точно соблюдая форму, одѣтый, Скоропадскій внѣшнимъ видомъ своимъ совершенно не выдѣлялся изъ общей среды гвардейскаго кавалерійскаго офицерства. Онъ прекрасно служилъ, отличался большой исполнительностью, рѣдкой добросовѣстностью и большимъ трудолюбіемъ. Чрезвычайно осторожный, умѣвшій молчать, отлично воспитанный, онъ молодымъ офицеромъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ и долгое время занималъ эту должность.

Начальники были имъ очень довольны и охотно выдвигали его по службѣ, но многіе изъ товарищей не любили. Ему ставились въ вину сухость и замкнутость. Въ послѣдствіи въ роли начальника, онъ проявилъ тѣ же основныя черты своего характера: большую добросовѣстность, работоспособность и настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли.

Порывъ, размахъ и быстрота рѣшеній были ему чужды.

Трудно вѣрилось, что стоя во главѣ края въ это, исключительное по трудности время Скоропадскій могъ бы справиться съ выпавшей на его долю непомѣрно трудной задачей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди моря анархіи на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи, какъ будто образовался первый крѣпкій островокъ. Онъ могъ бы, можетъ быть, явиться первой точкой приложенія созидательныхъ силъ страны и въ этомъ мнѣ хотѣлось убѣдиться. Я рѣшилъ проѣхать въ Кіевъ. Одновременно я хотѣлъ побывать въ нашемъ минскомъ имѣннїи, оккупированномъ польскими войсками, управляющій котораго писалъ намъ, прося прибыть для рѣшенія цѣлага ряда дѣлъ.

Въ Кіевъ я прибылъ вечеромъ.

На слѣдующее утро я позвонилъ во дворець гетмана справиться, когда Скоропадскій можетъ меня принять. Мнѣ отвѣтили, что гетманъ проситъ меня къ завтраку. Скоропадскій помѣщался въ бывшемъ домѣ генералъ губернатора на Институтской улицѣ. Входъ охранялся карауломъ офицерской роты. Первый этажъ былъ занятъ канцеляріей, верхній занимался гетманомъ. Въ прїемной мнѣ бросился въ глаза какой то полковникъ съ бритой головой и клокомъ волосъ на макушкѣ, отрекомендовавшійся войсковымъ писаремъ «Острица-Полтавецъ». Онъ говорилъ исключительно на «украинской мовѣ», хотя и былъ кадровымъ русскимъ офицеромъ. Дежурнымъ адъютантомъ оказался штабсъ-ротмистръ Кочубей, бывший кавалергардъ. Мы разговорились. Онъ разсказалъ мнѣ о переворотѣ, о той, будто бы безкорыстной помощи, которую оказываютъ Украинѣ нѣмцы, о популярности Скоропадскаго. По его словамъ, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ сформирована большая армія, средства на которую обѣщали нѣмцы. Во главѣ арміи долженъ былъ стать военный министръ генералъ Рагоза, бывший командующій IV-ой арміей. Начальникомъ генеральнаго штаба состоялъ полковникъ Сливинскій, способный офицеръ, котораго я зналъ по Румынскому фронту. Другія области управленія находились въ рукахъ лицъ, мнѣ большей частью совершенно неизвѣстныхъ, главнымъ образомъ связанныхъ съ Украиной. Я былъ чрезвычайно пораженъ, услышавъ среди именъ членовъ правительства имя товарища министра иностранныхъ дѣлъ Палтова, по словамъ Кочубея, имѣвшаго на гетмана исключительное вліяніе. Палтовъ былъ личностью съ весьма темнымъ прошлымъ, замѣшанный въ чрезвычайно грязныхъ денежныхъ дѣлахъ, за что своевременно лишень былъ камергерскаго мундира.

Я не успѣлъ закончить разговора, какъ вошелъ Скоропадскій. Мы расцѣловались и отправились завтракать. За завтракомъ разговоръ имѣлъ исключительно частный характеръ.

Скоропадскій разказаль о себѣ, я передалъ ему о томъ, что пережила моя семья, вспомнили общихъ знакомыхъ.

Послѣ завтрака мы перешли въ кабинетъ. Скоропадскій сталъ рассказывать о послѣднихъ событіяхъ на Украинѣ, о работѣ его по устройеню края, о намѣченныхъ формированіяхъ армии. «Я очень рассчитываю на тебя», сказалъ онъ «согласился ли бы ты идти ко мнѣ начальникомъ штаба?»

Я отвѣтилъ, что, не успѣвъ еще ознакомиться съ положеніемъ дѣла не могу дать какого либо отвѣта, но что во всякомъ случаѣ могъ бы работать исключительно какъ военный техникъ.

«Не будучи ничѣмъ связаннымъ съ Украиной, совершенно не зная мѣстныхъ условій я для должности начальника штаба конечно не гожусь».

Я поспѣшилъ повидать всѣхъ тѣхъ кто могъ мнѣ дать интересующія меня свѣдѣнія. Всѣ эти свѣдѣнія только подтвердили мои сомнѣнія. У Сливинскаго я подробно ознакомился съ вопросомъ формирования армии. Нѣмцы, все общая фактически никакихъ формированій не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и кажется одна «хлѣборобская» дивизія. Никакой правильной мобилизаціи произведено не было, да и самый мобилизаціонный планъ не былъ еще разработать. Ни матеріальной части, ни оружія для намѣченныхъ формированій въ распоряженіи правительства не было.

Я считалъ, что выступленіе Америки съ огромнымъ запасомъ живой силы и средствъ должно было склонить вѣсы побѣды въ сторону нашихъ бывшихъ союзниковъ. Несомнѣнные военныя преимущества нѣмцевъ — блестящая организація, стратегическіе таланты военначальниковъ и боевыя качества войскъ, въ концѣ концовъ не могли возмѣстить численнаго и матеріальнаго превосходства противника. Единственный шансъ нѣмцевъ могъ быть еще лишь въ учетѣ элемента времени — ежели бы нѣмцы успѣли до окончанія переброски американскихъ войскъ сосредоточить на Западномъ фронтѣ достаточную массу силъ и нанести рѣшительный ударъ прежде, чѣмъ противникъ окажется въ силѣ захватить въ свои руки военную инициативу. Это сосредоточеніе силъ могло быть сдѣлано исключительно за счетъ войскъ снятыхъ съ Восточнаго фронта. Передъ этой самодовлѣющей необходимостью нѣмцы должны были бы, казалось, отказаться отъ условій Брестъ-Литовскаго мира, предоставивъ русскимъ возможность собственными силами возстановить на родинѣ порядокъ, обезпечивъ тѣмъ самымъ базу снабженія въ тылу Германіи.

Съ нашей русской точки зрѣнія это могло быть только выгоднымъ. Тяжелое положеніе Германіи давало намъ право надѣяться на заключеніе выгоднаго для насъ договора. Что касается моральныхъ обязательствъ по отношенію нашихъ союзниковъ, то отъ таковыхъ, по моему мнѣнію, Россія была уже давно свободна. За минувшій періодъ борьбы она принесла неисчислимыя жертвы на общее дѣло, а участіе союзныхъ правительствъ въ «русской безкровной революціи», перекладывало отвѣтственность за выходъ Россіи изъ общей борьбы, въ значительной мѣрѣ, на иностранныхъ вдохновителей этой революціи.

Такимъ образомъ, съ государственной точки зрѣнія я допускалъ возможность «нѣмецкой оріентаціи». Однако, я не видѣлъ въ нѣмецко-украинскомъ союзѣ необходимыхъ двустороннихъ преимуществъ. Германія, казалось, не могла отрѣшиться отъ столь легкодавшихся ей только что богатыхъ русскихъ областей и не сознавала, что, желая быть всюду сильной, она можетъ оказаться всюду слабой. Украинскіе же сторонники этого союза не понимали, что они являются лишь слѣпымъ орудіемъ германскаго правительства. Большинство этихъ сторонниковъ были чужды идеи самостійной Украины и видѣли въ созданіи Украины лишь частичное возрожденіе Великой Россіи. Но нѣкоторые даже среди ближайшихъ совѣтниковъ гетмана были яркими сторонниками «щираго Украинства». Германцы усиленно поддерживали украинское самостійничество и самъ Скоропадскій, въ угоду ли могучимъ покровителямъ, или въ силу «политическихъ соображеній», явно игралъ въ «ширую Украину».

Черезъ день послѣ перваго моего посѣщенія я обѣдалъ у гетмана. Послѣ кофе мы просидѣли бесѣдуя до поздняго часа. Какъ и въ первый нашъ разговоръ Скоропадскій заговорилъ о томъ, что надѣется на согласіе мое ему помочь. Я вновь подтвердилъ сказанное въ первый разъ — возможность моей работы въ настоящей обстановкѣ лишь какъ техника:

«Я думаю, что могъ бы быть наиболѣе полезнымъ въ качествѣ военнаго чальника, хотя бы при созданіи крупной конницы. Къ сожалѣнію поскольку я успѣлъ ознакомиться съ дѣломъ, я сильно сомневаюсь, чтобы нѣмцы дали тебѣ эту возможность. Но это другой вопросъ. Я готовъ взять любую посильную работу, быть хотя бы околочнымъ, если это можетъ быть полезно

Россіи. Я знаю, что въ твоёмъ положеніи, истинныя намѣренія приходится, быть можетъ, скрывать, но не скрою отъ тебя, что многое изъ того, что дѣлается здѣсь для меня непонятно и меня смущаетъ. Вѣришь ли ты самъ въ возможность создать самостоятельную Украину, или мыслишь ты Украину, лишь какъ первый слогъ слова «Россія»?

Скоропадскій горячо сталъ доказывать мнѣ, что Украина имѣетъ всѣ данныя для образованія самостоятельнаго и независимаго государства, что стремленіе къ самостоятельности давно жило въ Украинскомъ народѣ, а за послѣднія много лѣтъ усиленно работала въ этомъ направленіи Австрія и плоды этой работы несомнѣнно значительны. Въ концѣ концовъ онъ сталъ доказывать, что объединеніе славянскихъ земель Австріи и Украины и образованіе самостоятельной и независимой Украины, пожалуй, единственная жизненная задача.

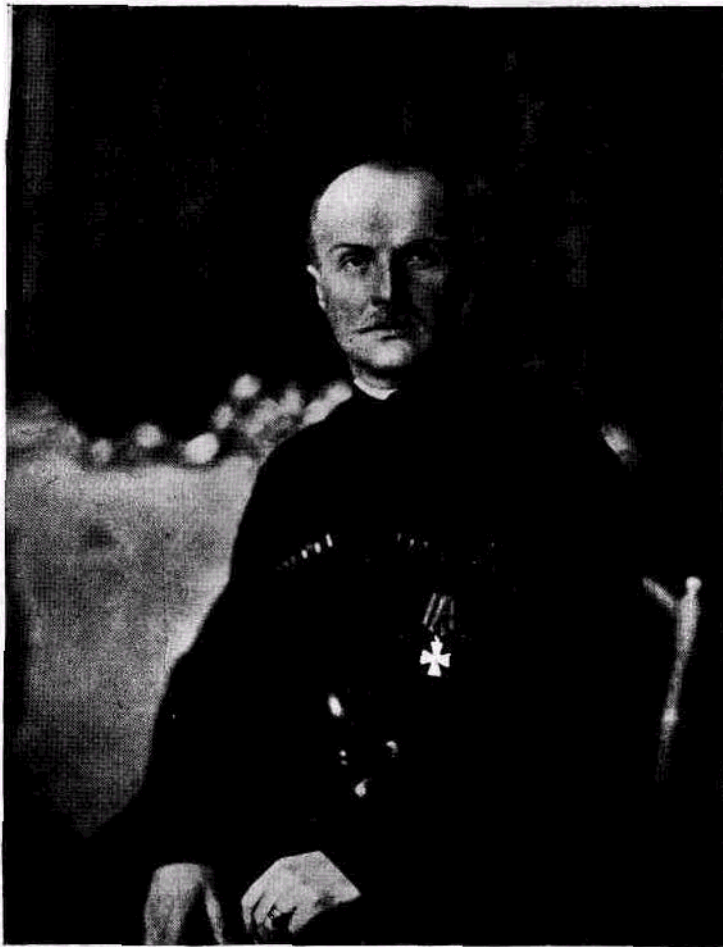
«Для меня еще большой вопросъ, куда мнѣ ориентироваться на Востокъ или на Западъ...»

Этотъ вечеръ окончательно укрѣпилъ меня въ моемъ рѣшеніи и на другой же день, я началъ хлопотать о билетахъ на Бобруйскъ и поспѣшилъ закончить всѣ мои дѣла въ Кіевѣ.

За эти послѣдніе нѣсколько дней проведенные здѣсь, я перевидаль массу лицъ, старыхъ знакомыхъ по прежней моей службѣ.

Какъ табунокъ разбитыхъ охотникомъ куропатокъ, собиралось сюда со всѣхъ сторонъ Россіи разсѣянное, большей частью скрывавшееся послѣ развала фронта, русское офицерство. Я не пережилъ въ рядахъ арміи полного развала войсковыхъ частей и только здѣсь я отдалъ себѣ въ полной мѣрѣ отчетъ о тѣхъ страданіяхъ, лишеніяхъ и униженіяхъ, которыя пережили за послѣдніе мѣсяцы русскіе офицеры. Безтрепетно выполняя свой долгъ до конца, большинство офицеровъ, сплотившись вокругъ родныхъ знаменъ, видѣло смерть родныхъ частей, предательство и трусость тѣхъ самыхъ солдатъ, которыхъ они еще недавно водили къ побѣдамъ, злобу и оскорбленіе со стороны недавнихъ своихъ подчиненныхъ, съ которыми вмѣстѣ переживали радости и невзгоды боевыхъ дней.

Какъ то доложили мнѣ о томъ, что меня желаетъ видѣть полковникъ артиллеріи Влесковъ. Я принялъ его и узналъ, что онъ братъ бывшаго офицера моего Нерчинскаго полка, сотника Влескова. Сотникъ Влесковъ, какъ не казакъ, вскорѣ послѣ переворота, перевелся въ регулярную конницу и до конца войны служилъ въ рядахъ Ингерманландскаго гусарскаго полка. Полкъ, какъ и прочія части арміи, развалился, солдаты разбѣжались, оставалось лишь небольшое число офицеровъ и нѣсколько старыхъ солдатъ. Оставшіеся рѣшили пробираться на Украину. На одномъ изъ ночлеговъ на нихъ напалъ проходившій вблизи большевицкій эшелонъ. Часть офицеровъ была убита, лишь немногіе успѣли спастись. Нѣкоторые передъ смертью подверглись жестокому истязаніямъ. У Влескова были перебиты обѣ руки и ноги и содрана кожа съ черепа. Онъ былъ подобранъ полуживой крестьянами, доставившими его въ ближайшій уѣздный городъ. Послѣ продолжительной болѣзни онъ былъ перевезенъ разыскавшимъ его братомъ въ Кіевъ. Я немедленно поѣхалъ навѣстить его. Блестящій офицеръ, рѣдкой красоты юноша, Влесковъ былъ теперь совсѣмъ незнаваемъ. Одна рука была по локоть ампутирована, пальцы другой были сведены, передвигаться онъ могъ лишь съ помощью костылей. Черепъ былъ до сего времени покрытъ незажившими рубцами. Я съ женой принялись немедленно хлопотать и намъ удалось устроить несчастнаго въ лучшій госпиталь. Отличный хирургъ, профессоръ Дитерихсъ, взялъ на себя о немъ попеченіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

Гетманъ П. П. Скоропадскій.

Влесковъ совсѣмъ поправился и даже женился на прелестной дѣвушкѣ, съ которой познакомился въ госпиталѣ, гдѣ она служила сестрой. Много позже, въ то время, какъ я во главѣ дивизіи билъ большевиковъ на Кубани, Влесковъ разыскалъ меня въ одной изъ кубанскихъ станицъ. Служить въ строю онъ, конечно, не могъ, и я чрезвычайно удивился его пріѣзду. Оказалось что онъ прибылъ изъ Кіева лишь только за тѣмъ, чтобы получить благословеніе мое, прежде чѣмъ вступить въ бракъ.

Пришлось мнѣ помочь и другому моему офицеру, есаулу Кудрявцеву, бывшему доблестному командиру 3-ей сотни Нерчинскаго полка. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ полка, благородный, честный и храбрый, онъ послѣ переворота состоялъ членомъ офицерскаго союза въ ставкѣ. Съ приходомъ большевиковъ онъ долженъ былъ бѣжать и скрываться на Украинѣ, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Съ украинскими войсками онъ дрался противъ большевиковъ и, во главѣ офицерскихъ дружинъ вступилъ въ Кіевъ. Назначенный губерніальнымъ старостой Полтавской губерніи онъ дѣлалъ все возможное для поддержанія въ ней порядка. Тамъ засталъ его гетманскій переворотъ. Чуждый всякой политики, Кудрявцевъ, сражавшійся въ рядахъ петлюровскихъ войскъ, счелъ измѣной своему долгу признаніе новой власти, былъ смѣщенъ съ должности и преданъ суду. Мнѣ удалось добиться прекращенія дѣла.

Въ Кіевѣ собралась и большая часть офицеровъ бывшей моей 7-ой дивизіи. Нѣкоторыхъ не досчитывали, многіе успѣли погибнуть, въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ дивизіи командиръ эскадрона Бѣлорусскаго гусарскаго полка ротмистръ Натанзонъ, доблестно погибшій въ Кіевѣ въ уличномъ бою. 7-ая дивизія должна была формироваться на Украинѣ и такъ до конца, конечно, сформирована не была. Большинство офицеровъ дивизіи впослѣдствіи перебрались ко мнѣ на Кавказъ.

Во время двукратнаго прихода въ Кіевъ большевиковъ погибло много офицеровъ, частью въ бояхъ, частью захваченныхъ и предательски разстрѣлянныхъ. Среди послѣднихъ было много моихъ товарищей по гвардіи: Кавалергардскаго полка князь Голицынъ, Скалонъ, Гернгроссъ, Долгоруковъ; Конной Гвардіи: князь Бѣлосельскій и друг.

Со всѣхъ сторонъ Россіи пробивались теперь на Украину русскіе офицеры. Частью по желѣзной дорогѣ, частью пѣшкомъ черезъ кордоны большевицкихъ войскъ, ежеминутно рискуя жизнью, старались достигнуть они того единственнаго русскаго уголка, гдѣ надѣялись поднять вновь трехцвѣтное русское знамя, за честь котораго пролито было столько крови ихъ соратниковъ. Здѣсь, въ Кіевѣ, жадно ловили они каждую вѣсть о возрожденіи старыхъ родныхъ частей. Одни зачислялись въ Украинскую армію, другіе пробирались на Донъ, гдѣ только что казаки очнулись отъ большевицкаго угара и выбрали атаманомъ «Царскаго» генерала Краснова, третьи, наконецъ, ѣхали въ Добровольческую армію. О послѣдней почти ничего извѣстно не было. Имена генерала Алексѣева, Корнилова и Деникина давали основаніе думать, что начатое ими на Кавказѣ дѣло несетъ въ себѣ зародыши дѣйствительнаго возрожденія чести и достоинства Россіи. Однако, дошедшія съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія представляли добровольческое движеніе, какъ безнадежный попытку, обреченныя заранѣе на неуспѣхъ за отсутствіемъ средствъ, поддержки широкихъ слоевъ и отсутствіемъ единства между руководителями.

Однажды я получилъ приглашеніе отъ бывшаго командира 2-го коннаго корпуса князя Туманова, пріѣхать къ нему на чашку чая. Только что прибывшій съ Дона генераль-лейтенантъ Свѣчинъ долженъ былъ дѣлать у него докладъ объ обстановки на Дону и Кавказѣ. Свѣдѣнія Свѣчина были мало утѣшительны. Правда, Донъ, испытавъ ужасы большевицкой волны, нынѣ опаматовалъ. Казаки отвернулись отъ краснаго знамени и вновь выбранный атаманъ генераль Красновъ горячо и успѣшно работаль по формированію арміи и возстановленію порядка въ странѣ. Однако, по словамъ Свѣчина, движеніе на Дону носило шовинистическій характеръ. Не только старшіе начальники, но и младшіе офицеры, не казаки, неохотно принимались генераломъ Красновымъ. Что же касается Добровольческой арміи, то Свѣчинъ считаль это дѣло, бывшее и безъ того безнадежнымъ, нынѣ, послѣ смерти генерала Корнилова, обреченнымъ на близкій конецъ. Остатки арміи, всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, потерпѣвъ на Кубани неудачу, нынѣ отошли въ Донскую область. Ни средствъ, ни оружія нѣтъ. Среди старшихъ и младшихъ начальниковъ будто-бы политическія разногласія... Докладъ Свѣчина произвелъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе, разсѣявъ не многія надежды.

За эти дни имѣлъ я и другую встрѣчу. Какъ то разъ въ то время когда я только что собирался выйти изъ номера, въ дверь постучали. На мой отвѣтъ «войдите» дверь отворилась и я увидѣлъ генерала Одинцова, бывшаго начальника 3-ей Кавказской казачьей дивизіи, одного изъ первыхъ предательски перешедшихъ на сторону красныхъ войскъ. Делегатомъ отъ Крыленко прибылъ онъ въ ставку, настаивая на сложеніи генераломъ Духонинымъ власти. Теперь совмѣстно съ другимъ предателемъ Сытинымъ, бывшимъ дежурнымъ генераломъ Румынскаго фронта и совѣтскимъ «дипломатомъ» Раковскимъ, онъ прибылъ въ Кіевъ, въ составѣ «мирной делегации». Я съ трудомъ узналъ его въ штатскомъ. Нимало не смущаясь, онъ направился ко мнѣ, протягивая обѣ руки:

«Здравствуй, я безконечно радъ тебя видѣть. Мнѣ говорили, что ты погибъ». Я всталъ, не протягивая ему руки.

«Очень благодаренъ за твои заботы. У меня ихъ касательно тебя не было. Я зналъ изъ газетъ, что ты не только живъ, но и дѣлаешь блестящую карьеру...» — Одинцовъ горячо меня прерваль.

— «Я вправѣ, какъ всякій человѣкъ, требовать, чтобы мнѣ дали оправдаться. Мнѣ все равно, что про меня говорятъ всѣ, но я хочу, чтобы тѣ, кого я уважаю и люблю, знали бы истину. Гораздо легче пожертвовать жизнью, чѣмъ честью, но и на эту жертву я готовъ, ради любви къ Родинѣ».

— «Въ чемъ же эта жертва?»

— «Какъ въ чемъ. Да въ томъ что съ моими убѣжденіями, я служу у большевиковъ. Я былъ и остался монархистомъ. Такихъ какъ я у большевиковъ сейчасъ много. По нашему убѣжденію исходъ одинъ — отъ анархіи прямо къ монархіи...»

— «И вы находите возможнымъ работать за одно съ германскимъ шпіономъ Троцкимъ. Я полагаю что то, что онъ германскій шпіонъ для васъ не можетъ быть сомнѣніемъ».

— «Да и не онъ одинъ, такихъ среди совѣтскихъ комиссаровъ нѣсколько. Но въ политикѣ не можетъ быть сантиментальностей и цѣль оправдываетъ средства».

— «Это все, что ты хотѣлъ мнѣ сказать, въ такомъ случаѣ я полагаю всякіе дальнѣйшіе наши разговоры излишни», и я открылъ передъ нимъ дверь.

Наконецъ, дѣла мои были закончены, билеты готовы и я могъ ѣхать. За два дня до отъѣзда, часовъ въ десять утра, городъ былъ потрясенъ колоссальнымъ взрывомъ. За первымъ послѣдовали еще два. Огромное пятиэтажное зданіе гостиницы тряслось какъ при землетрясеніи. Въ верхнемъ этажѣ ясно чувствовалось содраганіе пола, всѣ стекла полопались. Объятая ужасомъ публика выбѣгала на улицу, густые черные клубы дыма заволокли все небо. Взорвались огромные артиллерійскіе склады на Звѣринцѣ, подожженномъ, какъ выяснило слѣдствіе, большевиками. При взрывѣ погибло нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ и большое число обывателей. Цѣлая часть города, прилегающая къ Звѣринцу, была снесена; въ центрѣ города, на Крещатикѣ, Большой Владимирской и Липкахъ стекла въ большинствѣ домовъ полопались. Я видѣлъ громадный взрывъ артиллерійскихъ складовъ въ Монастержиско, но Кіевскій взрывъ, по силѣ, былъ много значительнѣе.

Маленьшій уѣздный городокъ Бобруйскъ, грязный и населенный въ значительной мѣрѣ евреями, оказался чрезвычайно переполненнымъ. Польскій корпусъ генерала Довборь-Мусницкаго, оккупировавшій часть Минской губерніи, былъ только что разоруженъ германскими войсками, части корпуса подлежали расформированію и матеріальная часть передавалась германскимъ властямъ. Въ городѣ располагались штабы польскаго и нѣмецкаго корпусовъ. Улицы пестрѣли красивыми формами польскихъ уланъ и сѣрыми тяжелыми фигурами нѣмецкой пѣхоты.

Здѣсь въ Бѣлоруссіи нѣмецкая пята была много тяжелѣе, нежели въ Крыму. Нѣмцы спѣшили взять на учетъ всѣ средства края, періодически производя тяжелыя продовольственныя раскладки. Всѣ отрасли производства и торговли подлежали регламентаціи строгому контролю, свобода передвиженія въ краѣ, въѣздъ и выѣздъ были крайне ограничены. Правда, многіе изъ мѣстныхъ обывателей находили эти стѣсненія менѣе тяжкими, чѣмъ полный произволъ польской оккупации. Но тѣмъ не менѣе этотъ постоянный надзоръ и полное стѣсненіе были весьма тяжелы. Съ теченіемъ времени и понятіе о законности среди представителей нѣмецкихъ властей въ значительной степени пошатнулось. Вслѣдствіе ли благопріятной обстановки, или въ связи съ общимъ паденіемъ нравственности, неизбѣжной въ каждой продолжительной войнѣ, среди представителей нѣмецкой комендатуры чрезвычайно развелось взяточничество. Быть можетъ въ этомъ сказалось и начало общаго разложенія нѣмецкой арміи.

Скоро я пересталъ уже сомнѣваться въ признакахъ начала распада нѣмецкихъ войскъ, столь знакомыхъ всѣмъ русскимъ. Среди служащихъ имѣнія было не мало поляковъ. Значительное число польскихъ уроженцевъ оказалось и среди расквартированныхъ въ имѣніи нѣмцевъ. Черезъ моихъ служащихъ я скоро освѣдомился о той пропагандѣ, которой въ значительной мѣрѣ разѣдались еще недавно стоймя нѣмецкія части. Отдѣльные, подчасъ самые незначительные, признаки не оставляли сомнѣній, что этотъ развалъ уже идетъ быстрыми шагами.

Въ концѣ іюля и въ началѣ августа я получилъ рядъ писемъ. Среди прочихъ новостей сообщалось о возобновившейся борьбѣ на Кавказѣ. Несмотря на пессимистическія свѣдѣнія Свѣчина, Добровольческая армія, передохнувши на Дону, возобновила борьбу, кубанцы возстали и подъ прикрытіемъ Дона, казалось, готовится подняться весь Кавказъ. Въ Сибири также разгоралась война. Дѣла мои въ имѣніи были закончены. Оставаться безучастнымъ зрителемъ начинавшейся борьбы было не подъ силу и я въ началѣ августа вернулся въ Кіевъ.

За два съ половиной мѣсяца моего отсутствія здѣсь мало что перемѣнилось. Увлеченіе нѣмцами казалось еще болѣе усилилось. Окръпли и самостоятельныя теченія. Что касается арміи, то таковая продолжала числиться лишь на бумагѣ.

Ко времени моего приезда Киевъ былъ подъ впечатлѣніемъ недавно полученныхъ извѣстій объ убійствѣ Царской Семьи. Отслуженная панихида вызвала рядъ патріотическихъ манифестацій, закончившихся кое гдѣ столкновениями съ самостійниками. Безсмысленное, подлое и кошмарное по жестокости убійство Царской Семьи не найдетъ себѣ равныхъ въ исторіи. Подробности не были еще извѣстны, но самый фактъ не подлежалъ сомнѣнію. Ловко используя монархическія симпатіи большинства офицерства, нѣмцы весьма искусно выдвинули проектъ формировація новой Астраханской противобольшевицкой арміи, лозунгъ которой долженъ былъ быть «За Вѣру, Царя и Отечество». Отличительные цвѣта были бѣлый, желтый и черный. Широко снабженная нѣмецкими средствами идея этой арміи пропагандировалась цѣлымъ рядомъ лицъ. Истинная цѣль формировація такой новой арміи мнѣ не могла не быть ясной — это было лишь отвлеченіе потока русскихъ офицеровъ, стремившихся подъ знамена Добровольческой арміи, продолжавшей геройскую борьбу противъ насильниковъ родины и поставившей въ основу этой борьбы вѣрность старымъ союзникамъ.

Въ день моего приезда и въ послѣдующіе я нѣсколько разъ завтракалъ у генерала Скоропадскаго. Онъ болѣе чѣмъ когда либо вѣрилъ въ свое дѣло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приезда я встрѣтилъ стараго однополчанина моего генерала Бискупскаго, котораго я не видѣлъ послѣ послѣдней неудачной попытки его «поставить на революцію». Теперь онъ носился съ новымъ планомъ — какихъ то украинскихъ формированій, долженствующихъ впослѣдствіи начать въ самой Украинѣ борьбу противъ самостійныхъ элементовъ. Конечно, и этотъ планъ долженъ былъ также рухнуть, какъ и ставка на революцію.

Я узналъ, что проживавшій въ Киевѣ генералъ А. М. Драгомировъ собирается ѣхать на Донъ и Кавказъ и въ тотъ же день зашелъ къ нему. Нашъ разговоръ рѣшилъ мою участь. Генералъ Драгомировъ передалъ мнѣ, что онъ только что получилъ письмо отъ генерала Алексѣева. Генералъ Алексѣевъ получилъ предложеніе объединить русскія противобольшевицкія силы на сибирскомъ фронтѣ, ему обѣщана широкая поддержка союзныхъ державъ. Генералъ Алексѣевъ при глашалъ генерала Драгомирова ѣхать съ нимъ и послѣдній черезъ нѣсколько дней выѣзжалъ въ Екатеринодаръ. Онъ звалъ меня съ собой, но мнѣ необходимо было заѣхать къ семьѣ въ Крымъ и мы рѣшили встрѣтиться въ Екатеринодарѣ.

Черезъ пять дней я былъ уже въ Ялтѣ, а черезъ пятнадцать, вмѣстѣ съ женой, рѣшившей раздѣлить мою судьбу, выѣхалъ пароходомъ въ Ростовъ.

Четыре года тому назадъ, въ эти самые дни, я съ эшелономъ Конной Гвардіи слѣдовалъ на границу Пруссіи. По призыву Царя русскій народъ поднялся на защиту родной земли и русскіе воины шли на бой съ германскими полками. Теперь тотъ же русскій народъ, убившій своего Царя, грабилъ и жегъ родную землю. На защиту этой земли стали немногіе честные сыны родины. Какъ преступники, скрытно пробирались они черезъ кордоны нѣмецкихъ войскъ, занявшихъ часть отечества, для того чтобы подъ старыми знаменами начать борьбу за честь и свободу родной земли. Эту честь и свободу попирали потерявшіе совѣсть русскіе люди, ихъ недавніе соратники.

Грозный призракъ междоусобной брани нависъ надъ Россіей.

28 Юля 1921 г.

Яхта «Лукулль».

Глава II.

Освобожденіе Сѣвернаго Кавказа.

На Кубани.

Мы вышли на пароходъ; Русскаго Общества «Король Альбертъ», чрезвычайно переполненномъ. Съ занятіемъ добровольческими войсками Екатеринодара и Новороссійска на Сѣверный Кавказъ и въ Черноморскую область спѣшило вернуться большое количество ранѣ бѣжавшихъ отъ краснаго ига. Въ числѣ пассажировъ было и нѣсколько нѣмцевъ, въ томъ числѣ нѣмецкій профессоръ съ ассистентомъ, объѣзжавшій по порученію военно-санитарнаго вѣдомства, окупационныя нѣмецкія войска на югѣ Россіи. Мы съ нимъ познакомились и это знакомство оказалось намъ полезнымъ. Нѣмецкое командованіе, не запрещающа официально

проїздъ на Донъ и Кавказъ стремившимся въ армію добровольцамъ, исподволь чинило їдущимъ всевозможныя препятствія. Въ Керчи производился детальный осмотръ документовъ пассажировъ и всѣ казавшіеся нѣмецкой комендатурѣ «подозрительными» задерживались. Наше знакомство съ нѣмецкимъ профессоромъ избавило насъ отъ осмотра. Въ Керчи мы простояли нѣсколько часовъ и, воспользовавшись остановкой, сходили на берегъ. По словамъ жителей, значительное количество бѣжавшихъ изъ Новороссійска комиссаровъ, при попустительствѣ нѣмцевъ, нашли убѣжище въ Керчи и отсюда безпрепятственно выѣзжали на сѣверъ.

Ростовъ мы нашли переполненнымъ и очень оживленнымъ. Какъ Кіевъ для Украины, такъ и Ростовъ для Юга Россіи стали временно столицами. Жизнь кипѣла ключомъ, общій порядокъ въ городѣ ничѣмъ не отличался отъ до-революціоннаго, даже желѣзнодорожныя жандармы были тѣ же, и лишь присутствіе на вокзалѣ нѣмецкой комендатуры и изрѣдка мелькавшая на улицахъ нѣмецкая форма напоминали дѣйствительность.

Проведя въ городѣ три дня и сдѣлавъ необходимыя покупки, мы выѣхали въ Екатеринодарь⁴.

Въ отличіе отъ Кіева и Ростова, Екатеринодаръ носилъ отпечатокъ прифронтового города. На улицахъ, въ гостиницахъ и ресторанахъ мелькали исключительно военныя формы. Въ войсковомъ собраніи, куда мы прямо съ вокзала поѣхали завтракать, я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Съ трудомъ получивъ черезъ коменданта города комнату и условившись по телефону съ генераломъ Драгомировымъ вечеромъ быть у него, я утромъ зашелъ въ штабъ арміи.

Начальника штаба генерала Романовскаго и и. д. генераль-квартирмейстера полковника Сальникова я не зналъ, но въ числѣ офицеровъ штаба оказалось нѣсколько моихъ старыхъ знакомыхъ, между прочимъ исполнявшій должность старшаго адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи, въ бытность мою въ ея составѣ, полковникъ Апрѣлевъ, старый сослуживецъ мой по гвардіи. Теперь онъ занималъ должность начальника связи. Въ составѣ развѣдывательнаго отдѣленія оказался бывший офицеръ моей 7-ой кавалерійской дивизіи поручикъ Асмоловъ. Асмоловъ и Апрѣлевъ участвовали въ борьбѣ Добровольческой арміи съ самого начала и оба принимали участіе въ, такъ называемомъ «Ледяномъ походѣ». Отъ Апрѣлева я узналъ, что генераль Корниловъ еще въ Ростовѣ дѣлалъ попытки разыскать меня и дважды писалъ мнѣ въ Петербургъ, зовя въ армію. Ни одно изъ этихъ писемъ до меня не дошло.

Ко времени моего приїзда въ Екатеринодаръ въ боевомъ составѣ арміи числилось около 35 000 штыковъ и шашекъ при 80 орудіяхъ. Списочный составъ былъ во много разъ больше, — большое число офицеровъ и солдатъ осѣло въ тылу и многочисленныхъ штабахъ и канцеляріяхъ. Штабъ верховнаго руководителя генерала Алексѣева, канцелярія помощника его по гражданской части генерала Драгомирова⁵, штабъ командующаго арміей генерала Деникина, съ многочисленными отдѣлами были переполнены офицерами. Большое число офицеровъ, особенно старшихъ начальниковъ, числились въ резервѣ командующаго арміей⁶, ожидая отправки на фронтъ.

Въ серединѣ августа вся западная часть Кубанской области и сѣверъ Черноморской губерніи были освобождены отъ большевиковъ. Новороссійскъ, Екатеринодаръ и Ставрополь были въ нашихъ рукахъ. Преодолевая сопротивление во много разъ сильнѣйшаго противника, наши части продолжали двигаться впередъ: на правомъ флангѣ, въ горахъ Черноморья работали пластуны генерала Геймана; 1-ая Кубанская казачья дивизія генерала Покровскаго, вела бои въ районѣ Майкопа, удерживавшагося большевиками; въ районѣ станицы Петропавловской дѣйствовала 1-ая Конная дивизія; 3-ья пѣхотная дивизія полковника Дроздовскаго наступала на городъ Армавиръ, упорно оборонявшійся красными; въ районѣ Невинномыской сражалась 2-ая пѣхотная дивизія генерала Боровскаго, имѣя на лѣвомъ флангѣ въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ

⁴ Въ Екатеринодаръ прибыли 25 августа 1918 г. (Ред.).

⁵ Предполагавшіяся отъѣздъ генерала Алексѣева въ Сибирь не состоялся и генералу Драгомирову по приїздѣ въ Екатеринодаръ была предложена эта должность.

⁶ Армія состояла изъ: 1-ой пѣхотной дивизіи (генераль Казановичъ), 2-ой пѣхотной (генераль Боровскій), 3-ей пѣхотной (полковникъ Дроздовскій), 1-ой Конной (генераль Эрдели), 1-ой Кубанской казачьей (генераль Покровскій), 2-ой Кубанской казачьей (полковникъ Улагай), Отдѣльной Кубанской казачьей бригады (полковникъ Шкуро) и Пластунской бригады (генераль Гейманъ).

партизановъ полковника Шкуро. Къ сѣверо-востоку отъ Ставрополя, прикрывая тылъ 2-ой пѣхотной дивизіи, дѣйствовала 2-ая Кубанская казачья дивизія, полковника Улагая. Въ резервѣ Главнокомандующаго находилась 1-ая пѣхотная дивизія, генерала Казановича. Составъ войскъ былъ сборный, — частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключеніемъ двухъ конныхъ полковъ, приданныхъ пѣхотнымъ дивизіямъ, состояла исключительно изъ казаковъ — кубанцевъ и черкесовъ.

Въ пѣхотѣ, артиллеріи и техническихъ войскахъ было исключительно большое число офицеровъ. Былъ рядъ чисто офицерскихъ частей.

Большинство старшихъ начальниковъ были мнѣ неизвѣстны. Я близко зналъ лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовскаго, приведшаго свои части съ Румынскаго фронта, я зналъ лишь по академіи генеральнаго штаба, курсъ которой онъ проходилъ одновременно со мной. Генерала Покровскаго, произведеннаго въ этотъ чинъ постановленіемъ Кубанскаго правительства, я зналъ по работѣ его въ Петербургѣ, въ офицерской организаціи, возглавляемой графомъ Паленомъ. Въ то время онъ состоялъ на службѣ въ авіаціонныхъ войскахъ въ чинѣ штабсъ-капитана. Незауряднаго ума, выдающейся энергіи, огромной силы воли и большого честолюбія, онъ въ то же время былъ мало разборчивъ въ средствахъ, склоненъ къ авантюрѣ. Наконецъ, полковника Шкуро я зналъ по работѣ его въ Лѣсистыхъ Карпатахъ во главѣ «партизанскаго отряда». Это былъ періодъ увлеченія ставки партизанщиной. Партизанскіе отряды, формируемые за счетъ кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ, дѣйствовали на фронтѣ какъ-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походнаго атамана. За немногими исключеніями туда шли, главнымъ образомъ, худшіе элементы офицерства, тяготившіеся почему-либо службой въ родныхъ частяхъ. Отрядъ есаула Шкуро во главѣ со своимъ начальникомъ, дѣйствуя въ районѣ XVIII-го корпуса, въ составъ котораго входила и моя Уссурійская дивизія, большей частью болтался въ тылу, пьянствовалъ и грабилъ и, наконецъ, по настоянію командира корпуса и генерала Крымова, былъ съ участка корпуса отозванъ. Генераловъ Боровскаго, Казановича и Геймана я совсѣмъ не зналъ.

Снабженіе арміи было чисто случайное, главнымъ образомъ за счетъ противника. Снабженіе огнестрѣльными припасами частью производилось съ помощью Дона, въ обмѣнъ на нѣкоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, въ медикаментахъ также ощущался крайній недостатокъ. Довольствіе производилось исключительно за счетъ населенія.

Силы противника исчислялись въ 80 000 штыковъ и шашекъ при 100 орудіяхъ. Располагая огромными запасами нашихъ бывшихъ армій, противникъ былъ несравненно сильнѣе и технически, однако, неумѣлое руководство и отсутствіе дисциплины сводили на нѣтъ это превосходство.

Вечеромъ я посѣтилъ генерала Драгомирова. Онъ откровенно признался мнѣ, что весьма тяготится чуждымъ ему родомъ дѣятельности; по его словамъ, онъ согласился принять должность помощника генерала Алексѣева по гражданской части лишь въ виду усиленныхъ настояній послѣдняго и не имѣя возможности приложить свои силы на близко знакомомъ ему чисто военномъ дѣлѣ. Онъ предложилъ мнѣ на слѣдующій день явиться къ генералу Алексѣеву и къ генералу Деникину. Однако, первый по нездоровью не могъ меня принять.

Генераль Деникинъ принялъ меня въ присутствіи начальника своего штаба генерала Романовскаго. Средняго роста, плотный, нѣсколько расположенный къ полнотѣ, съ небольшой бородкой и длинными черными съ значительной просѣдью усами, грубоватымъ низкимъ голосомъ, генераль Деникинъ производилъ впечатлѣніе вдумчиваго, твердаго, кряжистаго, чисто русскаго человѣка. Онъ имѣлъ репутацію честнаго солдата, храбраго, способнаго и обладавшаго большой военной эрудиціей начальника. Его имя стало особенно популярнымъ со времени нашей смуты, когда сперва въ должности начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, а затѣмъ главнокомандующаго юго-западнаго фронта, онъ независимо, смѣло и твердо подымалъ голосъ свой на защиту чести и достоинства родной арміи и русскаго офицерства.

До пріѣзда моего въ Добровольческую армію я почти не зналъ генерала Деникина. Во время Японской войны онъ недолго служилъ въ корпусѣ генерала Ренненкампа и я встрѣчалъ его нѣсколько разъ; въ минувшую войну я мелькомъ видѣлъ его въ Могилевѣ. Командующій арміей напомнилъ мнѣ о нашемъ знакомствѣ въ Маньчжуріи, сказалъ, что слышалъ обо мнѣ не разъ отъ генерала Корнилова:

— «Ну, какъ же мы васъ используемъ. Не знаю, что вамъ и предложить, войскъ вѣдь у насъ не много...»

— «Какъ вамъ извѣстно, ваше превосходительство, я въ 1917 году командовалъ кавалерійскимъ корпусомъ, по еще въ 1914 году я былъ эскадроннымъ командиромъ и съ той поры не настолько устарѣлъ, чтобы вновь не стать во главѣ эскадрона».

— «Ну, ужъ и эскадрона... Бригадиромъ согласны?»

— «Слушаю, ваше превосходительство».

— «Ну, такъ зайдите потомъ къ Ивану Павловичу», — сказала генераль Деникинъ, указывая на начальника штаба, — «онъ вамъ все расскажетъ».

Я оставилъ генералу Романовскому мой адресъ и онъ на другой день утромъ вызвалъ меня къ себѣ. Онъ передалъ мнѣ предложеніе командующаго арміей вступить во временное командованіе 1-ой конной дивизіей. Начальникъ этой дивизіи генераль Эрдели получилъ специальную командировку въ Грузію и его отсутствіе могло продолжиться значительное время. Между тѣмъ его замѣститель, командиръ одной изъ бригадъ дивизіи, генераль Афросимовъ, оказался не на должной высотѣ. Генераль Романовскій далъ мнѣ понять, что генераль Эрдели по возвращенію получить, вѣроятно, другое назначеніе и явится возможность окончательно оставить дивизію за мной.

Я задалъ генералу Романовскому нѣсколько вопросовъ объ общемъ нашемъ стратегическомъ положеніи, задачахъ, поставленныхъ дивизіи, ея составѣ и т. д. Со своей стороны, генераль Романовскій спросилъ меня о томъ, гдѣ находился я послѣднее время, по оставленіи рядовъ арміи, интересовался положеніемъ въ Крыму, Украинѣ, Бѣлоруссіи. Мой собесѣдникъ произвелъ на меня впечатлѣніе прекрасно освѣдомленнаго и очень неглупаго. Пріятное впечатлѣніе нѣсколько портилось свойственной генералу Романовскому привычкой избѣгать взгляда собесѣдника. При нашихъ послѣдующихъ частыхъ встрѣчахъ эта особенность всегда коробила меня. Отъ генерала Романовскаго я прошелъ въ отдѣлъ генераль-квартирмейстера, гдѣ познакомился съ исполняющимъ эту должность полковникомъ Сальниковымъ. Послѣдній, совсѣмъ молодой офицеръ, держалъ себя съ необыкновенной самоувѣренностью, и, въ то же время, оказался не въ состояніи отвѣтить мнѣ на рядъ вопросовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ кругу его дѣятельности.

Извѣстіе о моемъ назначеніи вызвало большое удивленіе среди знакомыхъ мнѣ офицеровъ штаба. Въ ставкѣ строго придерживались выдвигенія на командныя должности исключительно «первопоходниковъ», наиболѣе продолжительное время служившихъ въ Добровольческой арміи. Исключеніе для меня было сдѣлано, надо думать; въ виду отсутствія кавалерійскихъ, начальниковъ.

На другой день, 29-го августа, я выѣхалъ по Владикавказской желѣзной дорогѣ на присоединеніе къ дивизіи, оперировавшей въ Майкопокомъ отдѣлѣ.⁷

Высидившись на станціи Кавказская и переночевавъ въ расположенномъ въ станицѣ обозѣ офицерскаго коннаго полка, входившаго въ составъ дивизіи полковника Дроздовскаго, я утромъ выѣхалъ въ станицу Темиргоевскую, гдѣ находился штабъ моей дивизіи. Стоялъ прекрасный осенній день. По сторонамъ дороги тянулись недавно убранныя поля, безконечныя бахчи съ зелеными арбузами и золотистыми дынями, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадныя станицы съ каменными, покрытыми черепицей зданіями, паровыми мельницами, широкими площадями съ бѣлыми златоглавыми храмами посреди — все говорило о богатствѣ края. Нашъ возница, старый казакъ, всю дорогу рассказывалъ намъ о томъ, какъ ограбили его станицу большевики, какъ разстрѣляли стариковъ и какъ рады теперь казаки освобожденію. Не доѣзжая станицы Темиргоевской въ небольшомъ хуторѣ Зеленчуковскомъ, мы увидѣли группу казаковъ и лошадей. Оказалось, что это конвой командующаго дивизіей генерала Афросимова. Генераль Афросимовъ съ командиромъ 1-ой бригады полковникомъ Науменко и старшимъ адъютантомъ штаба дивизіи капитаномъ Роговымъ пили въ хатѣ чай. Моего приѣзда никто не ждалъ. Телеграмма о моемъ назначеніи и выѣздѣ запоздала. Отправивъ свои вещи съ ординарцемъ въ станицу Темиргоевскую, я остался на хуторѣ, рѣшивъ вмѣстѣ съ генераломъ Афросимовымъ проѣхать на лѣвый флангъ дивизіи, куда онъ направлялся. Дивизія вела наступленіе на станицу Петропавловскую, откуда наканунѣ наши части были вытѣснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проѣхали впередъ. Вскорѣ мы замѣтили

⁷ См. карту театра военныхъ дѣйствій на Сѣверномъ Кавказѣ въ 1918 г. въ концѣ книги. (Ред.).

маячившую вдали лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, тѣсняемые съ фронта 1-ой бригадой и обойденные съ фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись съ уманцами, я проѣхалъ далѣе по фронту и вскорѣ встрѣтилъ 1-ый Екатеринодарскій казачій полкъ. Полкъ этотъ входилъ въ составъ своднаго корпуса, которымъ я командовалъ въ Галиціи. Среди офицеровъ и казаковъ оказалось несколько старыхъ моихъ сослуживцевъ. Къ вечеру мы прибыли въ станицу Темиргоевскую и, наспѣхъ пообедавъ, я съ начальникомъ штаба дивизіи, старымъ сослуживцемъ моимъ по гвардіи, бывшимъ лейбъ-драгуномъ, полковникомъ Баумгартемомъ, засѣлъ знакомиться съ дѣлами.

1-ая конная дивизія состояла изъ Корниловскаго коннаго полка, укомплектованнаго казаками разныхъ отдѣловъ; 1-го Уманскаго и 1-го Запорожскаго изъ казаковъ Ейскаго отдѣла; 1-го Екатеринодарскаго изъ казаковъ Екатеринодарскаго отдѣла; 1-го Линейнаго изъ казаковъ лабинцевъ и 2-го Черкесскаго, пополняемаго черкесами зарѣчныхъ ауловъ Лабинскаго отдѣла. Въ дивизію входили 1-ая и 2-ая конно-горныя и 3-ья конная батареи. Всѣ три батареи имѣли почти исключительно офицерскій составъ. При дивизіи имѣлся и пластунскій батальонъ весьма слабаго состава. Техническія средства въ дивизіи почти отсутствовали. Ни телефоновъ, ни телеграфовъ не было, но имѣлась радіо-станція. Снабженіе огнестрѣльными припасами, какъ и во всей Добровольческой арміи, производилось исключительно за счетъ противника. Во время господства большевиковъ, большинство оружія и патроновъ въ станицахъ были запрятаны казаками и при освобожденіи той или иной станицы, казаки являлись въ части, въ большинствѣ случаевъ, вооруженными и съ нѣкоторымъ запасомъ патроновъ. Изрѣдка штабъ арміи присылалъ добытые съ Дона снаряды и патроны. При дивизіи имѣлась небольшая санитарная летучка съ докторомъ и нѣсколькими сестрами, однако, почти безъ всякихъ средствъ. Лѣкарствъ почти не было, перевязочный матеріалъ отсутствовалъ, бинты заготавливались изъ подручнаго матеріала. Безпрерывные походы и бои, постоянно мѣнявшійся составъ частей, съ одной стороны вслѣдствіе значительной убыли, съ другой — благодаря притоку новыхъ людей изъ освобожденныхъ станицъ; сборный, часто чисто случайный, составъ офицеровъ, дѣлали почти невозможнымъ правильное обученіе и планомѣрную подготовку войскъ. Казаки каждый въ отдѣльности дрались хорошо, но общее обученіе и руководство хромали.

По мѣрѣ очищенія области отъ красныхъ, въ станицахъ собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правленіе. Послѣднее брало на себя раскладку и доставку продовольствія и перевозочныхъ средствъ. Оно же производило судъ и расправу. По указанію станичнаго правленія комендантской командой дивизіи арестовывались причастные къ большевизму станичники и приводились въ исполненіе смертные приговоры. Конечно, тутъ не обходилось безъ несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть несомнѣнно сплошь и рядомъ играли роль, однако со всѣмъ этимъ приходилось мириться. Необходимость по мѣрѣ продвиженія впередъ прочно обезпечить тылъ отъ враждебныхъ элементовъ, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствіи правильнаго судебного аппарата, кару хотя бы подобемъ внѣшней законной формы, заставляли мириться съ этимъ порядкомъ вещей.

По даннымъ штаба дивизіи силы находившагося противъ насъ противника исчислялись въ 12—15 тысячъ человекъ, главнымъ образомъ пѣхоты, при 20—30 орудіяхъ. Конницы было лишь нѣсколько сотенъ. Противникъ былъ богато снабженъ огнеприпасами и техническими средствами. При красныхъ войскахъ имѣлось нѣсколько броне-автомобилей, достаточныя средства связи... Дрались красные упорно, но общее управленіе было изъ рукъ вонъ плохо.

Общая обстановка къ тому времени слагалась слѣдующимъ образомъ: правѣ насъ, въ Майкопскомъ отдѣлѣ, дѣйствовала 1-ая Кубанская дивизія генерала Покровскаго изъ второочередныхъ, одноименныхъ съ моими, полковъ. Связь съ нею мы поддерживали лишь дальними разъѣздами. Лѣвѣ насъ, вдоль линіи желѣзной дороги Кавказская — Армавиръ дѣйствовала 3-ья пѣхотная дивизія полковника Дроздовскаго, имѣя на правомъ флангѣ офицерскій конный полкъ, разъѣзды котораго связывались съ нами. 1-ая конная дивизія располагалась Черкесскимъ и Линейнымъ полками на лѣвомъ берегу рѣки Лабы, прочими четырьмя полками — на правомъ. Дивизіи ставилась задача разбить находящагося противъ нея противника и отбросить его за рѣку Урупъ.

Поздно ночью было получено донесеніе о занятіи станицы Петропавловской нашими частями. Противникъ отошелъ на 10 верстъ южнѣе къ станицѣ Михайловской, передъ которой и окопался. На утро я проѣхалъ въ станицу Петропавловскую, при вѣздѣ въ которую былъ

встрѣченъ крестнымъ ходомъ. Станичный сборъ поднесъ мнѣ хлѣбъ-соль и вынесъ постаповленіе о выборѣ меня почетнымъ старикомъ станицы. Черезъ нѣсколько дней станичный сборъ подвелъ мнѣ коня, отличныхъ формъ кабардинца, посѣдланнаго казачьимъ сѣдломъ.

Занятая красными позиція съ лѣваго фланга прикрывалась многоводнымъ русломъ рѣки Лабы, на лѣвомъ берегу которой противникомъ удерживался небольшой плацдармъ, обеспечивающій мостовую переправу близъ аула Кошь-Хабль. Къ сѣверу отъ станицы Михайловской позиція проходила по ряду холмовъ, прикрытая частью съ фронта заросшимъ камышемъ и болотистой балкой «Глубокой», вдоль которой она тянулась на востокъ верстъ на 10—12 параллельно Армавирь-Туапсинской желѣзной дорогѣ. Отсутствие удобныхъ подступовъ при подавляющей численности и огневомъ превосходствѣ противника, въ связи съ почти полнымъ отсутствіемъ у насъ патроновъ, дали возможность краснымъ остановить наше движеніе. Ограничиваясь пассивной обороной, красные удерживали насъ, неизмѣнно останавливая всѣ попытки наши продвинуться впередъ. Для дивизіи наступили тяжелые дни. Въ теченіи трехъ недѣль мы непрерывно вели бой, нащупывая уязвимый участокъ непріятельскаго фронта. Отчаявшись овладѣть Михайловской фронтальной атакой, я дважды, сосредоточивъ главную массу силъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, пытался нанести противнику ударъ, охватывая его съ востока. Мнѣ удалось, сбивши красныхъ, бросить бригаду въ тылъ станицъ Михайловской и достигнуть Армавирь-Туапсинской желѣзной дороги у станціи Андрей-Дмитріевка. Однако, присутствіе моей конницы въ ближайшемъ тылу все же не побудило противника къ отходу и красные лишь загнули свой флангъ, а затѣмъ съ помощью бронепоезда и двухъ броневиковъ, подтянувъ силы, перешли въ наступленіе, заставивъ казаковъ вернуться въ исходное положеніе.

Изъ ставки я ежедневно получалъ телеграммы, требующія отъ меня «рѣшительныхъ дѣйствій», настаивающія на наступленіи «минуя всѣ препятствія». Въ то же время, несмотря на всѣ просьбы мои о высылкѣ огнеприпасовъ, ставка таковыхъ прислать не могла. Отчаявшись овладѣть позиціей противника правильнымъ наступленіемъ, я, учитывая слабыя боевыя качества врага, рѣшилъ сдѣлать попытку прорвать фронтъ красныхъ внезапнымъ коннымъ ударомъ. Лично произведя рекогносцировку, я, съ наступленіемъ темноты, провелъ два полка въ бродъ черезъ протекавшій передъ фронтомъ врага болотистый ручей, противникомъ почти не наблюдаемый, и на разсвѣтѣ бросилъ ихъ въ конную атаку. Полки пронеслись сквозь линію врага и дошли до самой станицы, но здѣсь съ окраины были встрѣчены убійственнымъ пулеметнымъ огнемъ и, понеся тяжкія потери, должны были вернуться назадъ. Убитые и раненые были всѣ до одного вывезены.

Правѣ насъ дивизія генерала Покровскаго, овладѣвъ Майкопомъ, удачно продвигалась къ рѣкѣ Лабѣ. Лѣвѣе, части полковника Дроздовскаго, вели упорные бои, продвигаясь къ Армавиру.

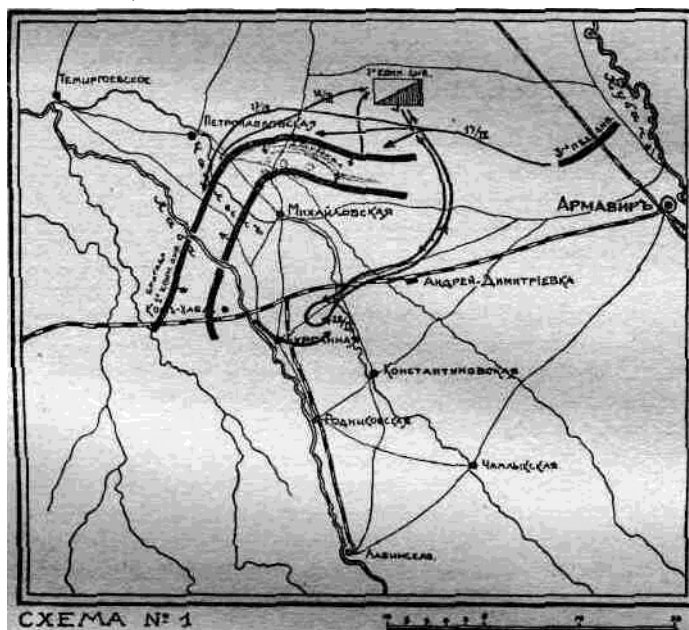
Все это время я старался возможно ближе стать къ своимъ частямъ, ежедневно объѣзжая позиціи, бесѣдуя съ офицерами и казаками.

Ближайшій мой помощникъ, начальникъ штаба, полковникъ Баумгартенъ, способный и дѣльный офицеръ генеральнаго штаба, неустанно помогалъ мнѣ въ моей работѣ. Изъ двухъ командировъ бригады я имѣлъ прекраснаго помощника въ лицѣ командира 1-ой бригады генеральнаго штаба полковника Науменко, храбраго и способнаго офицера. За то другой командиръ бригады престарѣлый генералъ Афросимовъ оказался совершенно неспособнымъ. Я вынужденъ былъ скорѣе отрѣшить его отъ должности. Въ командованіе бригадой вступилъ только что вернувшійся послѣ раненія командиръ Запорожскаго полка, доблестный полковникъ Топорковъ.

Начальникомъ артиллеріи былъ генералъ Бѣляевъ, прекрасной души человекъ, храбрый и добросовѣстный офицеръ. Командиры полковъ были большей частью молодые офицеры. Несмотря на большую доблесть, сказывалась ихъ неопытность, отчего значительно страдала общая работа частей. Я каждый разъ послѣ дѣла собиралъ офицеровъ, разбиралъ операціи, указывалъ на тѣ или иныя ошибки. Принялъ цѣлый рядъ мѣръ по улучшенію связи, лично провѣрялъ службу летучей почты. Съ превеликимъ трудомъ раздобылъ въ штабъ арміи нѣсколько телефонныхъ аппаратовъ и, захвативъ при одной изъ рекогносцировокъ запасъ телефонной проволоки, соединилъ штабъ дивизіи съ начальниками боевыхъ участковъ. Удалось получить въ штабъ арміи и одинъ автомобиль, что давало мнѣ возможность почти ежедневно

объезжать всё полки. Жена моя достала в Екатеринодаръ запасъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, привезла ихъ в дивизию и наладила работу летучки.

17-го сентября, выѣхавъ на позицію, я встрѣтилъ казака съ донесеніемъ. Наши лѣвофланговые разъѣзды доносили о движеніи намъ в тѣлъ колонны пѣхоты. По направленію это не могъ быть противникъ, о приходѣ же на мой участокъ какихъ-либо новыхъ нашихъ частей, мнѣ ничего извѣстно не было. Я рѣшилъ проѣхать лично, чтобы убѣдиться въ обстановкѣ. Вскорѣ я встрѣтилъ разъѣздъ 2-го коннаго полка, отъ котораго узналъ, что это подходит дивизія полковника Дроздовскаго. Проѣхавъ еще, я встрѣтилъ расположившійся на привалѣ авангардъ дивизиі, при немъ находился и самъ полковникъ Дроздовскій со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Чайковскимъ, котораго я зналъ еще по Германской войнѣ, в началѣ которой онъ исполнялъ должность старшаго адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерійской дивизиі. Оказалось, что полковникъ Дроздовскій получилъ изъ ставки приказаніе, оставивъ заслонъ в районѣ Армавира, атаковать Михайловскую группу красныхъ съ тыла. Двинувшись ночнымъ маршемъ, колонна сбилась съ пути и вышла в тѣлъ моимъ лѣвофланговымъ частямъ. О задачѣ, поставленной моему сосѣднему отряду, я предупрежденъ не былъ и прибытіе частей дивизиі полковника Дроздовскаго было для меня полной неожиданностью. (Схема № 1).

Обсудивъ положеніе, мы намѣтили съ полковникомъ Дроздовскимъ общій планъ дѣйствій: 3-ья пѣхотная дивизія должна была смѣнить мои полки на правомъ берегу Лабы и на разсвѣтъ 18-го сентября атаковать противника съ фронта. Одновременно, я съ дивизіей и офицерскимъ коннымъ полкомъ долженъ былъ выйти в тѣлъ противника в районѣ станицы Курганной и перехватить пути отхода между рѣками Чамлыкомъ и Лабой. Сосредоточивъ свои части, я до наступленія разсвѣта двинулся в охватъ праваго фланга позиціи противника и едва стало свѣтать, подошелъ своими передовыми частями къ линіи Армавирь-Туапсинской желѣзной дороги, выйдя на главный путь отхода противника, дорогу Михайловская — Константиновская. Я шель съ авангардомъ. Дозоры подходили къ переѣзду, когда въ предразсвѣтной мглѣ блеснулъ огонь прожектора — подходилъ бронепоездъ противника. Доблестный командиръ батареи, полковникъ Романовскій, снявшись съ передковъ, открылъ по бронепоезду бѣглый огонь. Орудія открыли огонь на разстояніи ружейнаго выстрѣла, однако, несмотря на удачныя попаданія (на мѣстѣ нахождения бронепоезда остались цѣлый рядъ вагонныхъ обломковъ и большіе куски стальной брони) бронепоездъ, давъ задній ходъ, быстро скрылся. Мы перешли полотно желѣзной дороги, взорвавъ путь в нѣсколькихъ мѣстахъ. Со стороны Михайловской слышалась сильная орудійная и ружейная стрѣльба — то вели наступленіе части полковника Дроздовскаго. Одинъ изъ нашихъ боковыхъ отрядовъ захватилъ большевицкій обозъ до тридцати повозокъ, груженныхъ овсомъ и хлѣбомъ. Со стороны Михайловской обнаружилось наступленіе цѣпей противника; одновременно, со стороны

станции Курганной въ охватъ нашего лѣваго фланга показалось около полка конницы. Вскорѣ бой шель на всемъ фронтѣ дивизіи. Мы остановили наступленіе противника, но продвинуться впередъ намъ не удалось. Я сообщилъ начальнику 3-ей дивизіи о томъ, что мнѣ удалось выполнить поставленную моею дивизіи задачу и съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ него донесенія. Около полудня огонь на фронтѣ 3-ей дивизіи сталъ какъ будто стихать. Со стороны Михайловской показались новыя густыя цѣпи красныхъ. Я находился на наблюдательномъ пунктѣ, откуда прекрасно было видно наступленіе противника. Наши части медленно отходили. Я приказалъ артиллеріи усилить огонь. Лежавшій рядомъ со мной полковникъ Романовскій взялъ трубку телефона, чтобы передать приказаніе и вдругъ ткнулся ничкомъ, громко хрипя, ружейная пуля пробилъ ему голову. Онъ прожилъ еще три дня и скончался въ Екатеринодарѣ, куда былъ отвезенъ. Это былъ на рѣдкость доблестный и талантливый офицеръ.

Около часу дня цѣпи красныхъ показались и со стороны Курганной, охватывая нашъ флангъ; одновременно, конница противника стала на рысяхъ обходить насъ, угрожая перехватить мостовую переправу черезъ рѣку Чамлыкъ. Въ резервѣ у меня были четыре сотни Корниловскаго полка. Я приказалъ имъ атаковать конницу красныхъ. Сотни развернули лаву, двинулись впередъ, но, попавъ подъ фланговый пулеметный огонь, смѣшались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положеніе становилось критическимъ. Съ захватомъ моста, имѣя въ тылу болотистый, трудно проходимый Чамлыкъ, мы могли оказаться въ тяжеломъ положеніи; нашей артиллеріи грозила гибель. Я послалъ приказаніе частямъ медленно отходить къ переправѣ и артиллеріи сниматься. Лава корниловцевъ быстро отходила. Въ сотняхъ замѣтно было замѣшательство. Я рѣшилъ личнымъ примѣромъ попытаться увлечь части за собой и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ къ отходящимъ корниловцамъ. Часть казаковъ повернула, другіе пріостановились. Стала отходить лава противника. Увлекая казаковъ криками, я бросился за противникомъ, однако, обернувшись, увидѣлъ, что за мной слѣдуетъ лишь небольшая часть казаковъ, остальная лава крутилась на мѣстѣ. Ружейный огонь былъ чрезвычайно силенъ. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль. Рѣдко мнѣ за мою продолжительную боевую службу пришлось бывать подъ такимъ огнемъ. Упалъ раненый мой значковый казакъ, у моего офицера-ординарца была убита лошадь. Батарея наша снялась и было видно какъ она отходить рысью къ переправѣ. Немногіе скакавшіе еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мнѣ. Выругавъ казаковъ, я приказалъ имъ спѣшиться и занять небольшой хуторокъ у переправы. Батарея благополучно перешла мостъ, полки медленно отходили къ переправѣ, частью переправлялись выше по рѣкѣ въ бродъ. На конецъ прибыло донесеніе отъ полковника Дроздовскаго; онъ сообщалъ, что атаки его дивизіи успѣхомъ не увѣнчались. Части понесли жестокія потери и онъ вынужденъ отъ дальнѣйшаго наступленія отказаться.

На душѣ у меня было мерзко. Операція, которая, казалось, неминуче сулила успѣхъ, не удалась. Противникъ, отбивъ наши атаки, несомнѣнно морально еще усилился. Недоволенъ былъ я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значить они не были еще въ рукахъ, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальникомъ и подчиненными, безъ которой не можетъ быть успѣха... Съ наступленіемъ темноты я отвелъ свои части, сосредоточивъ ихъ за лѣвымъ флангомъ 3-ей пѣхотной дивизіи.

3-ья дивизія понесла тяжелыя потери. Полковникъ Дроздовскій не считалъ возможнымъ въ ближайшіе дни возобновить атаки, между тѣмъ противникъ въ районѣ Армавира перешель въ наступленіе и оставшіяся на этомъ направленіи части полковника Дроздовскаго оказались въ тяжеломъ положеніи. Черезъ два дня, по приказанію ставки, 3-ья пѣхотная дивизія вновь двинулась на Армавиръ, а мои полки заняли прежніе свои участки. Несмотря на всю выгодность своего положенія, противникъ не сумѣлъ использовать своего успѣха и оставался пассивнымъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Петропавловскую командующій арміей со своимъ начальникомъ штаба, въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоуѣкъ конвоя. Генералъ Деникинъ прибылъ на автомобиль. Онъ завтракалъ въ штабѣ дивизіи, говорилъ со станичнымъ сборомъ и смотрѣлъ находящійся въ резервѣ Корниловскій полкъ. Генералъ Деникинъ былъ весьма недоволенъ дѣйствіями полковника Дроздовскаго въ Михайловской операціи. Онъ подробно спрашивалъ меня объ обстановкѣ на моемъ участкѣ. Части генерала Покровскаго, подойдя къ Лабѣ, создавали серьезную угрозу Михайловской группѣ красныхъ и генералъ Деникинъ

полагалъ, что въ ближайшіе дни можно ожидать отхода противника на этомъ направленіи. Эти соображенія раздѣлялъ и я.

За нѣсколько дней до пріѣзда командующаго арміей было получено свѣдѣніе о кончинѣ въ Екатеринодарѣ заболѣвшаго тифомъ полковника Баумгартена. Въ дивизіи его искренно жалѣли. Я просилъ генерала Деникина о назначеніи начальникомъ штаба, недавно прибывшаго въ Екатеринодаръ и писавшаго мнѣ оттуда, генерала Дрейера, бывшаго начальника штаба своднаго коннаго корпуса. Просьбу мою поддерживалъ и генералъ Романовскій; однако, генералъ Деникинъ рѣшительно отказалъ. Онъ имѣлъ свѣдѣнія о весьма будто бы неблаговидной дѣятельности генерала Дрейера въ Москвѣ, гдѣ, якобы, Дрейеръ выдалъ нѣмцамъ или большевикамъ какія-то офицерскія организаціи. Я зналъ генерала Дрейера за выдающейся храбрости и талантливости офицера генеральнаго штаба. На предательство его я не считалъ способнымъ. Впослѣдствіи Дрейеръ по требовалъ надъ собой суда. Послѣдній состоялся и Дрейеръ былъ оправданъ, однако, въ зачисленіи его на службу въ Добровольческую армію, генералъ Деникинъ все же отказалъ.

25-го сентября скончался основатель и верховный руководитель Добровольческой арміи генералъ Алексѣевъ. Съ нимъ закончилась яркая страница героической борьбы русскихъ патриотовъ. Его имя останется въ нашей исторіи на равнѣ съ именами лучшихъ русскихъ людей.

Со смертью генерала Алексѣева должность верховнаго руководителя упразднилась, а генералъ Деникинъ принялъ званіе главнокомандующаго Добровольческой арміей, помощникомъ его по гражданской части оставался генералъ Драомировъ, помощникомъ по военной части былъ назначенъ генералъ Лукомскій.

Въ послѣднихъ числахъ сентября противникъ на нашемъ фронтѣ сталъ проявлять замѣтную нервность. Части генерала Покровскаго достигли рѣки Лабы, мѣстами переправившись на правый берегъ въ районѣ станицъ Владимирской и Засовской, угрожая флангу и тылу находящагося противъ меня врага. По показанію нашихъ лазутчиковъ, въ станицу Михайловскую прибылъ «красный главковерхъ» Сорокинъ, бывший фельдшеръ, уроженецъ станицы Петропавловской. Въ его присутствіи состоялся рядъ митинговъ, гдѣ говорилось о необходимости отхода; въ тылъ потянулись непріятельскіе обозы. Я приказалъ войскамъ быть особенно бдительными и, дабы не дать противнику возможности оторваться, непрерывно тревожилъ его набѣгами и частичными наступленіями. За истекшій мѣсяць въ постоянныхъ стычкахъ и многихъ болѣе крупныхъ дѣлахъ дивизія понесла большія потери. Много выбыло больными. Особенно значительное число заболѣваній было въ частяхъ, расположенныхъ вдоль болотистой балки «Глубокой». Вѣроятно, вслѣдствіе дурнаго качества воды, наблюдалось много больныхъ желудочными заболѣваніями и маляріей; появилось значительное число чесоточныхъ. О напряженности боевой работы частей дивизіи за указанный періодъ свидѣтельствуютъ цифры потерь: дивизія за августъ и сентябрь потеряла 260 офицеровъ и 2 460 казаковъ, — почти 100 процентовъ своей численности. Эти потери непрерывно пополнялись прибывающими укомплектованіями изъ недавно освобожденныхъ Лабинскаго, Кавказскаго и Майкопскаго отдѣловъ.

Въ двадцатыхъ числахъ сентября прибыла ко мнѣ группа офицеровъ кавалеристовъ, большей частью бывшихъ офицеровъ Ингерманландскаго гусарскаго полка.

Изъ офицеровъ кавалеристовъ я сформировалъ при дивизіи ординарческій взводъ. Впослѣдствіи мнѣ удалось его развернуть и онъ послужилъ ядромъ къ возстановленію Ингерманландскаго гусарскаго полка.

Въ ночь на 1-ое октября я получилъ донесеніе отъ командира Линейнаго полка полковника Мурзаева, что противникомъ взорванъ желѣзнодорожный мостъ въ тылу Кошъ-Хабльскаго плацдарма и что непріятель оттягиваетъ свои части на правый берегъ Лабы. Я немедленно сообщилъ объ этомъ на сторожевые участки, приказалъ войскамъ при первыхъ признакахъ отхода противника переходить въ рѣшительное преслѣдованіе. На разсвѣтѣ отходъ обнаружился на всемъ фронтѣ и я отдалъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе.

Съ этого дня война перенеслась въ поле, гдѣ на первый планъ выдвигается не численность, а искусство маневра. Съ этого дня начинается побѣдоносное движеніе наше, закончившееся полнымъ пораженіемъ противника и очищеніемъ всего Сѣвернаго Кавказа.

Дивизія наступала двумя колоннами. Правая колонна, Корниловскій и Екатеринодарскій полки, подъ общимъ начальствомъ командира Екатеринодарскаго полка полковника Муравьева, командовавшаго бригадой, въ виду отсутствія уѣхавшаго въ отпускъ

полковника Науменко, двинулась через станцію Курганную, Родниковскую, Чамлыкскую и далѣе на станицу Безскорбную; лѣвая: Уманскій и Запорожскій полки, подѣ командой полковника Топоркова, через станцію Андрей-Дмитріевскую, хутора Синюхинскіе, на станицу Урупскую. Линейному и Черкесскому полкамъ, подѣ общимъ командованіемъ командира перваго, полковника Мурзаева, было приказано, переправившись въ районъ аула Кошъ-Хабль слѣдовать въ станицу Константиновскую, составивъ мой резервъ. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, я на автомобиль въ девять часовъ утра, выѣхалъ въ станицу Михайловскую. На площади меня ждали уже старики съ хлѣбомъ-солью. Огромная толпа запрудила площадь. Когда я говорилъ съ казаками, многіе плакали. Большевики, уходя, забрали съ собой изъ станицы заложниковъ. Были увезены наиболѣе богатые хозяева, семья инспектора мѣстнаго училища, одинъ священникъ. Нѣсколько стариковъ передъ отходомъ красныхъ были разстрѣляны.

1-ое октября было днемъ мѣстнаго храмоваго праздника. Я присутствовалъ на службѣ, которая была особенно трогательна. Молились на рѣдкость искренно и горячо. По окончаніи богослуженія я вышелъ на площадь, куда къ этому времени стали стягиваться линейцы и черкесы. На лѣвомъ флангѣ бригады построился подѣ зеленымъ знаменемъ отрядъ стариковъ черкесовъ залабинскихъ ауловъ. Командовалъ отрядомъ старикъ черкесъ, богатый коннозаводчикъ Шавгеновъ. Зарѣчные аулы жестоко пострадали отъ большевиковъ, нѣкоторые аулы были выжжены до тла, много черкесовъ разстрѣляно и замучено. Въ одномъ изъ ауловъ нѣсколько десятковъ черкесовъ были живьемъ закопаны въ землю. Старики черкесы обратились ко мнѣ съ просьбой вести далѣе на бой ихъ сыновъ, ихъ же просили отпустить въ родные аулы. При этомъ они свидѣтельствовали, что по первому зову готовы всѣ до одного стать рядомъ со своими сынами. Я отпустилъ ихъ, благодаря за службу, и выдалъ имъ нѣсколько десятковъ захваченныхъ нами плѣнныхъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ судилъ аульный судъ. Едва я отошелъ, направляясь съ бригадой въ станицу Константиновскую, какъ черкесы, набросившись на плѣнныхъ, тутъ же на глазахъ обывателей всѣхъ перерѣзали.

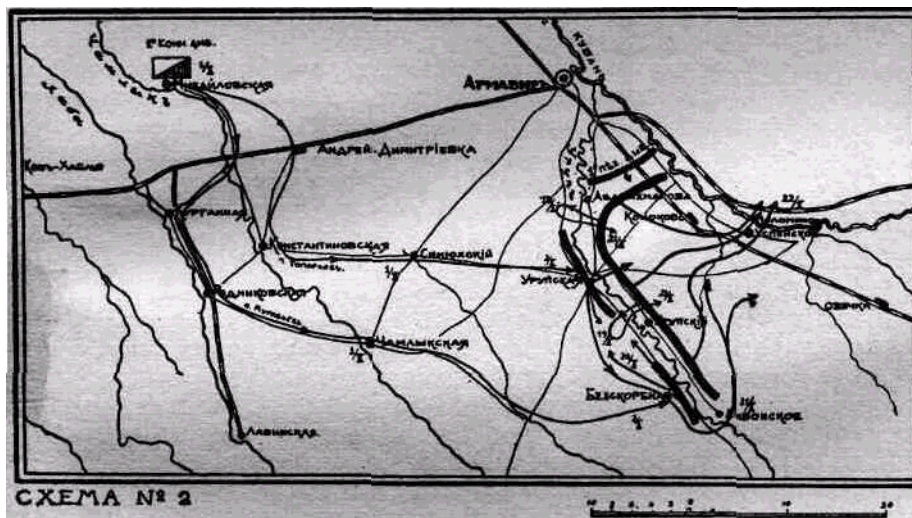
Въ станицѣ Курганной я засталъ, грабившихъ лавки и отбиравшихъ у иногородняго населенія лошадей, казаковъ дивизіи генерала Покровскаго. Къ моему негодованію во главѣ грабителей оказалось нѣсколько офицеровъ. Я приказалъ ихъ привести къ себѣ и предупредилъ, что ежели черезъ часъ они окажутся еще въ расположеніи моей дивизіи, то я предамъ ихъ тутъ же военно-полевому суду и разстрѣляю, какъ мародеровъ. Черезъ полчаса ни одного казака въ станицѣ уже не оказалось. Я телеграфировалъ генералу Покровскому о дѣйствіяхъ его людей.

Къ сожалѣнію, какъ мнѣ пришлось впоследствии убѣдиться, генералъ Покровскій не только не препятствовалъ, но отчасти самъ поощрялъ дурные инстинкты своихъ подчиненныхъ. Среди его частей выработался взглядъ на настоящую борьбу, не какъ не освободительную, а какъ на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно, было искоренить въ казакахъ, дочиста ограбленныхъ и разоренныхъ красными, желаніе отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти всѣ солдаты красной арміи имѣли при себѣ значительныя суммы денегъ, въ обозахъ красныхъ войскъ можно было найти все, начиная отъ мыла, табака, спичекъ и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, піанино и граммофонами. Въ этотъ первый періодъ гражданской войны, гдѣ одна сторона дралась за свое существованіе, а въ рядахъ другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность въ періодъ разложенія старой арміи, гдѣ страсти съ обѣихъ сторонъ еще не успѣли утихнуть и озлобленіе достигало крайнихъ предѣловъ, о соблюденіи законовъ войны думать не приходилось. Красные безжалостно разстрѣливали нашихъ плѣнныхъ, добывали раненыхъ, брали заложниковъ, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны, имѣя непріятеля и впереди и сзади, будучи ежедневно свидѣтелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Плѣнныхъ не брали. Живя исключительно мѣстными средствами, имѣя недостатокъ во всемъ и не получая казенныхъ отпусковъ, части невольнo смотрѣли на военную добычу, какъ на собственное добро. Борьба съ этимъ, повторяю, въ первый періодъ было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильнѣе распредѣлить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у плѣнныхъ деньги и все попавшее въ руки войсковой части имущество распредѣлялось бы между казаками особыми комиссіями изъ представителей сотенъ, а все имѣвшее исключительно боевое значеніе передавалось бы въ дивизионное интендантство. Позднѣе, когда съ помощью союзниковъ организовано было общее снабженіе нашихъ армій, я добился сдачи войсковыми частями всей безъ исключенія военной

добычи. Съ самыхъ первыхъ дней нашей борьбы, не исключая тотъ періодъ, когда мы жили только за счетъ военной добычи, я безжалостно наказывалъ всякій грабежъ населенія. Въ первые же дни прибытія моего въ дивизию, я повѣсилъ нѣсколькихъ мародеровъ.

Къ сожалѣнію, генералъ Покровскій, полковникъ Шкуро, да и многіе другіе изъ старшихъ войсковыхъ начальниковъ не пожелали, или не сумѣли положить необходимый предѣлъ въ первое время неизбѣжному злу, не провели рѣзко и непреклонно грань дозволеннаго и недозволеннаго и въ исторіи нашей борьбы это зло стало чреватомъ послѣдствіями.

Красные, имѣя пѣхоту на повозкахъ, отходили чрезвычайно быстро. Къ вечеру наши части достигли линіи — станица Чамлыкская, — хутора Синюхинскіе, пройдя за день 40—45 верстъ. Колонна полковника Топоркова нагнала въ районѣ Синюхинскихъ хуторовъ арьергардъ противника, нанесла ему пораженіе и захватила болѣе ста плѣнныхъ, пулеметы и большой обозъ. (Схема № 2).

Въ сумеркахъ прибылъ я въ станицу Константиновскую, мнѣ была отведена квартира въ домѣ богатаго домовладѣльца изъ иногороднихъ. Послѣдній, глубокій старикъ, встрѣтилъ меня у порога сѣней, упалъ мнѣ въ ноги, обливаясь слезами. Богатый человекъ, пользовавшійся среди всего населенія станицы какъ иногородняго, такъ и казачьяго, всеобщимъ уваженіемъ, старикъ особенно пострадалъ отъ большевиковъ. Изъ пяти сыновей его двое при самомъ приходѣ красныхъ бѣжали изъ станицы и объ участи ихъ отецъ ничего не зналъ, двое были разстрѣляны на глазахъ отца, старшій въ теченіе 4 1/2 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ четырнадцатью казаками скрывался въ самой станицѣ. Эти несчастные были укрыты родственниками въ подпольѣ, куда ночью домочадцы доставляли имъ пищу, съ величайшей опасностью выпуская ихъ въ горницы или во дворъ. Я видѣлъ этихъ людей — отъ четырехмѣсячнаго пребыванія въ спертомъ сыромъ подпольѣ безъ свѣта, ихъ лица приобрѣли какой-то землистый оттѣнокъ и всѣ они производили впечатлѣніе только что перенесшихъ тяжкую болѣзнь. Старикъ, неоднократно арестованный, избѣгъ участи быть увезеннымъ съ другими заложниками лишь тѣмъ, что послѣдніе три дня просидѣлъ на току, зарытый въ солому. На другой день старикъ разыскалъ одного изъ скрывшихся съ приходомъ красныхъ сыновей, оказавшагося въ моей комендантской сотнѣ. Другой сынъ его былъ также живъ въ одномъ изъ моихъ полковъ. Радость старика была безгранична.

Съ разсвѣтомъ преслѣдованіе возобновилось. Противникъ спѣша къ переправамъ быстро отходилъ передъ нашими частями. Главная масса красныхъ отступала къ главной переправѣ у станицы Урупской, другая колонна направлялась къ переправѣ у станицы Безскорбной. Приказавъ бригадѣ полковника Мурзаева слѣдовать черезъ хутора Синюхинскіе за лѣвой колонной дивизіи, я остался въ станицѣ Константиновской, дабы говорить съ станичнымъ сборомъ и отправить необходимыя телеграммы. Закончивъ дѣла, я часовъ около десяти выѣхалъ на автомобиль на хутора Синюхинскіе. Я засталъ тамъ линейцевъ и черкесовъ, расположившихся на привалѣ. Лошади были заведены во дворы, люди пили чай. Мнѣ передали донесеніе полковника Топоркова, онъ въ шести верстахъ велъ бой съ прикрывающимъ переправу арьергардомъ противника. Я рѣшилъ проѣхать къ нему.

Полковникъ Топорковъ со штабомъ находился на артиллерійскомъ наблюдательномъ пунктѣ, небольшомъ курганѣ, тутъ же за курганомъ стояли два горныхъ орудія, шаговъ въ двухстахъ за скирдами соломы расположились въ прикрытіе батареи двѣ сотни запорожцевъ, впереди маячила лава. Цѣпь противника залегла вдоль оврага, тянувшася въ полутора тысячахъ шагахъ передъ фронтомъ. Пули посвистывали, долетая до нашихъ батарей. Я оставилъ автомобиль близъ прикрытія и пѣшкомъ съ старшимъ адъютантомъ штаба дивизіи капитаномъ Роговымъ и ординарцемъ прошелъ къ батареѣ. Разспросивъ полковника Топоркова объ обстановкѣ, я взялъ бинокль и только сталъ разсматривать позицію красныхъ, какъ услышалъ крикъ: «конница». Лава запорожцевъ, повернувъ, скакала на батарею, за ней изъ оврага поднималась густая лава красной конницы. Командиръ батареи подаль команду «бѣглый огонь». Однако, запорожцы продолжали скакать, преслѣдуемые конницей противника; было ясно, что на плечахъ казаковъ красные ворвутся на батарею. Раздалась команда «на задки», но было поздно. Отдѣльные всадники уже проносились мимо насъ. Поддавшись общему бѣгству, стоявшія въ прикрытіи двѣ сотни запорожцевъ поскакали въ тылъ. Я, полковникъ Топорковъ и другіе офицеры пытались остановить скачущихъ казаковъ, но тщетно. Все несло неуправляемо. Отдѣльные непріятельскіе всадники стали подскакивать къ орудіямъ, одно орудіе опрокинулось. Я видѣлъ, какъ артиллерійскій офицеръ выстрѣлилъ въ одного изъ набросившихся на орудіе всадниковъ и какъ другой наотмашъ ударилъ его шашкой. Окруженный нѣсколькими красными кавалеристами, рубился полковникъ Топорковъ.

Я бросился къ своему автомобилю, но къ ужасу увидѣлъ, что машина, работая на холостомъ ходу, стоитъ, врѣзавшись передними колесами въ пахоть. Далеко впереди мелькали бросившіе машину шофферъ и его помощникъ. Я по бѣжалъ къ кукурузному полю, правѣй и лѣвѣй меня скакали вразсыпную казаки и бѣжали артиллеристы. Вокругъ второго орудія шла свалка, раздавались выстрѣлы, сверкали шашки. Ко мнѣ подскочилъ артиллерійскій офицеръ: «ваше превосходительство, возьмите мою лошадь», — я отказался, офицеръ настаивалъ, продолжая ѣхать рядомъ со мной. — «Лошади вашей я все равно не возьму, скачите въ хутора, ведите сюда линейцевъ и черкесовъ, а также мой конвой и моихъ лошадей...» Офицеръ поскакалъ. Я продолжалъ бѣжать. Оглянувшись, я увидѣлъ трехъ всадниковъ, скакавшихъ ко мнѣ. На ходу они нагнали какого-то бѣгущаго солдата, раздался выстрѣлъ и лошадь одного изъ всадниковъ упала, остальные набросились на солдата, я схватился за револьверъ, но къ своему ужасу увидѣлъ, что кобура пуста: наканунѣ я подарилъ мой револьверъ начальнику черкесскаго отряда въ обмѣнъ на поднесенный мнѣ имъ кинжалъ и совсѣмъ забылъ объ этомъ. Шашки на мнѣ не было, я былъ совсѣмъ безоружнымъ. Въ эту минуту правѣ меня показалась мчавшаяся во весь опоръ лазаретная линейка. Въ ней сидѣли двѣ сестры милосердія и лежалъ раненый офицеръ артиллеристъ полковникъ Фокъ. Напрягши всѣ силы я пустился бѣжать за линейкой, догнавъ ее на ходу и вскочилъ. Красные всадники стали отставать. Отчаяніе и злоба душили меня, гибель батареи, бѣгство запорожцевъ, безсиліе мое остановить казаковъ, сознание, что мнѣ досель не удалось взять мои части въ руки поднимали въ душѣ моей бурю негодованія и горечи. Я всячески гналъ лазаретную линейку и трепетно вглядывался впередъ — помощь не подходила. Наконецъ мы нагнали солдата верхомъ на артиллерійскомъ уносѣ. Взявъ у него одного изъ коней, я верхомъ на неосѣдланной лошади, бросивъ линейку, поскакалъ и вскорѣ встрѣтилъ идущихъ на рысяхъ линейцевъ. За ними шли черкесы. Развернувъ бригаду, я повелъ ее впередъ, противникъ сразу сталъ быстро отходить за свою пѣхоту. Онъ успѣлъ увести оба орудія и мой автомобиль, забравъ съ собой своихъ раненыхъ и догола раздѣтъ оставшіеся на мѣстѣ боя трупы нашихъ офицеровъ и солдатъ. Мы потеряли семь артиллерійскихъ офицеровъ и нѣсколько солдатъ артиллеристовъ, зарубленныхъ на самой батарее.

Къ вечеру наши части достигли рѣки Урупа, но объ переправы у станицъ Урупской и Безкорбной все еще были въ рукахъ противника. Послѣдній вель за нихъ упорный бой. Въ теченіе послѣдующихъ дней объ станицы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Наконецъ 7-го октября подъ ударами полковника Муравьева пала станица Безкорбная, а въ ночь на слѣдующій день полковникъ Топорковъ выбилъ противника изъ станицы Урупской и занялъ послѣднюю. Дивизія заняла двумя полками ст. Урупскую и четырьмя — ст. Безкорбную. Красные отошли на правый берегъ рѣки Урупа, гдѣ и закрѣпились на командующихъ высотахъ.

Правѣ насъ, въ раіонѣ станицъ Попутная, Отрадная дѣйствовали части генерала Покровскаго, на правомъ флангѣ котораго въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ дрались казаки

полковника Шкуро. Львѣ, между рѣками Урупомъ и Кубанью наступала отъ Армавира, выдвинутая въ этомъ направленіи 1-ая пѣхотная дивизія генерала Казановича;⁸ продвигаясь вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги, она вела упорные бои. Туда прибылъ генералъ Деникинъ. Мнѣ ставилась задача форсировать рѣку Урупъ, ударить во флангъ и тылъ дѣйствующихъ противъ генерала Казановича частей и отбросить ихъ за рѣку Кубань.

Тщетно въ теченіе почти двухъ недѣль, пытались части дивизіи форсировать рѣку Урупъ. Противникъ, прикрывшись рѣкой, крѣпко засѣлъ на высококомъ скалистомъ гребнѣ. Мѣстность чрезвычайно затрудняла дѣйствіе въ конномъ строю, въ патронахъ же ощущался огромный недостатокъ. Между тѣмъ, генералъ Казановичъ, выдвинувшійся было до станціи Овечки, вынужденъ былъ затѣмъ съ тяжелыми потерями отойти почти къ самому Армавиру; съ величайшимъ трудомъ онъ удержался лишь въ самомъ углу между Кубанью и Урупомъ. Противникъ овладѣлъ станціей Коноково въ пятнадцати верстахъ къ югу отъ Армавира. Приказомъ генерала Деникина моя дивизія была подчинена генералу Казановичу и послѣдній требовалъ моей помощи, настаивая между прочимъ, чтобы я держался вплотную къ его правому флангу, не соглашаясь съ моими доводами, что, занимая уступное положеніе, я маневромъ могу несравненно лучше обезпечить его.

На разсвѣтъ 19-го октября, обнаружилось наступленіе противника въ разрѣзъ между моими частями и дивизіей генерала Казановича. Къ вечеру того же дня противникъ переправился въ раіонѣ моей дивизіи на лѣвый берегъ Урупа между станицей и ауломъ Урупскими и продвинулся на 1 ½ - 2 версты къ западу отъ рѣки. Оставивъ у станицы Безкорбной слабый заслонъ (линейцевъ и черкесовъ) я въ ночь на 20-ое октября перебросилъ къ Урупской всѣ свои остальные силы и съ разсвѣтомъ 20-го октября, объединивъ ихъ подъ начальствомъ только что вернувагося изъ отпуска полковника Науменко, самъ перешелъ въ наступленіе.

Въ теченіе всего дня 20-го октября велся упорный бой съ тяжелыми потерями съ обѣихъ сторонъ. Противникъ былъ остановленъ и, несмотря на всѣ усилія, ему не удалось расширить занятаго плацдарма. Въ ночь на 21 октября обнаружился отходъ красныхъ на правый берегъ Урупа. Используя сложившуюся обстановку, я рѣшилъ широкимъ маневромъ нанести противнику ударъ въ тылъ. Оставивъ на фронтѣ хуторъ Абрахманова — аулъ Урупскій запорожцевъ и уманцевъ съ одной батареей, я ночнымъ переходомъ перебросилъ два полка къ станицѣ Безкорбной. На разсвѣтъ ударная группа въ составѣ четырехъ полковъ съ двумя батареями подъ общей командой полковника Науменко, въ раіонѣ села Ливонскаго форсировала Урупъ и, стремительно захвативъ командующій гребень на правомъ берегу рѣки, неожиданно вышла въ тылъ противнику. Около 12 часовъ дня я получилъ донесеніе объ удачной переправѣ частей полковника Науменко. Приказавъ уманцамъ и запорожцамъ стягиваться къ урупской переправѣ, я самъ выѣхалъ на наблюдательный пунктъ. Дуль пронзительный сѣверный вѣтеръ. Я, кутаясь въ бурку, наблюдалъ за противоположнымъ берегомъ рѣки, гдѣ ясно были видны непріятельскія цѣпи. Солнце стало клониться къ западу, вѣтеръ крѣпчалъ, а признаковъ продвиженія полковника Науменко все еще видно не было.

Но вотъ, по занятому противникомъ гребню замелькали черныя точки. Онѣ покрыли вскорѣ весь гребень и издали, казалось, какъ будто движется муравейникъ. Видно было какъ цѣпи противника быстро отходятъ за гребень. Я приказалъ батареѣ открыть бѣглый огонь и бросилъ полки въ атаку. Быстро переправившись вбродъ, сотни развернулись и вскорѣ лава казаковъ стала карабкаться на скалистый гребень. Гдѣ то къ востоку въ тылу у противника слышался орудійный огонь, то вели наступленіе части полковника Науменко. Атакованный съ фронта, фланга и тыла противникъ обратился въ паническое бѣгство. Несмотря на сильное утомленіе людей и лошадей, преслѣдованіе велось безостановочно всю ночь. Къ развѣту 22-го октября части дивизіи захватили село Моломино и станицу Успенскую, переправившись въ этомъ пунктѣ на правый берегъ Кубани. Армавирская группа красныхъ, бывшая подъ начальствомъ товарища «Демоса» была разбита на голову. Мы взяли болѣе 3.000 плѣнныхъ, огромное число пулеметовъ (одна лишь 1-ая сотня Корниловскаго полка захватила 23). Въ результатъ боя на Урупѣ противникъ очистилъ весь лѣвый берегъ Кубани и 1-ая пѣхотная дивизія генерала Казановича 22-го октября безъ боя выдвинулась до станціи Овечки.

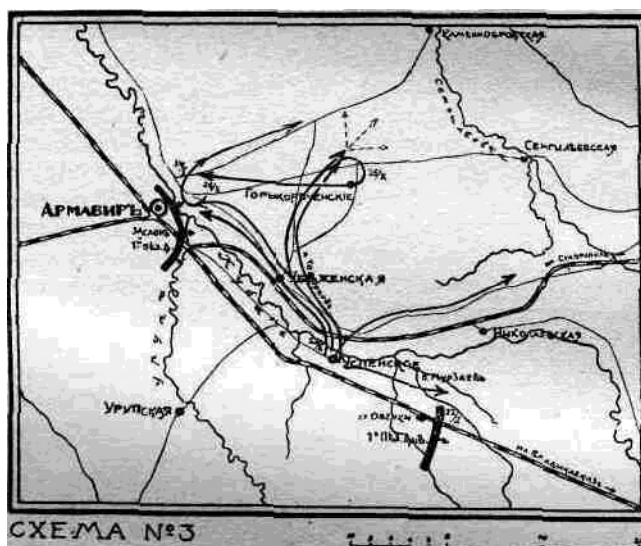
⁸ Смѣнившая 3-ью пѣхотную дивизію, переброшенную къ Ставрополю.

Переночевавъ въ станицѣ Урупской, я, на разсвѣтѣ, верхомъ въ сопровожденіи прибывшаго наканунѣ, назначеннаго въ мое распоряженіе и вступившаго въ исполненіе должности начальника штаба генеральнаго штаба полковника Соколовскаго и нѣсколькихъ ординарцевъ, выѣхалъ къ станицѣ Успенской. На встрѣчу намъ попадались длинныя вереницы плѣнныхъ, лазаретныя линейки съ ранеными, тянулся подъ конвоемъ казаковъ захваченный непріятельскій обозъ. Мы подошли къ станицѣ Успенской, когда на улицахъ станицы еще шель бой. Отдѣльныя кучки противника, засѣвъ въ домахъ, оказывали еще сопротивление. Полки собирались и строились на околицѣ. Едва казаки увидѣли мой значекъ, какъ громкое «ура» загремѣло въ рядахъ. Чувство побѣды, упоеніе успѣхомъ, мгновенно родило довѣріе къ начальнику, создало ту духовную связь, которая составляетъ мощь арміи. Съ этого дня я овладѣлъ моими частями и отнынѣ дивизія не знала поражений.

Разбитый противникъ, переправившись черезъ Кубань бѣжалъ частью вдоль линіи желѣзной дороги прямо на Ставрополь, частью двинулся черезъ станицу Убѣженскую внизъ по теченію Кубани на Армавиръ, выходя, такимъ образомъ, въ тылъ частямъ 1-ой пѣхотной дивизіи. (Схема № 3). Городъ Армавиръ прикрывался лишь слабыми силами. По требованію генерала Казановича я выдѣлилъ бригаду полковника Топоркова для преслѣдованія угрожавшей Армавиру непріятельской колонны. Бригада полковника Мурзаева продолжала дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ 1-ой пѣхотной дивизіи, наступавшей вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги по направленію на станицу Невиномысскую. Самъ я съ корниловцами и екатеринодарцами оставался въ селѣ Успенскомъ. Наканунѣ части захватили значительное число плѣнныхъ и большую военную добычу. Необходимо было все это разобрать и привести въ извѣстность. Генераль Деникинъ телеграфировалъ мнѣ, благодаря дивизію за славное дѣло и выражалъ пожеланіе, чтобы «этотъ успѣхъ былъ началомъ общаго разгрома противника». вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ приказывалось, оставивъ необходимое мнѣ для снабженія моихъ частей оружіе изъ военной добычи, остальное оружіе направить въ Армавиръ для вооруженія формируемыхъ тамъ частей, туда же приказывалось мнѣ направить плѣнныхъ.

При дивизіи моей имѣлись кадры пластунскаго батальона, сформированнаго когда то изъ безлошадныхъ казаковъ и добровольцевъ. Батальонъ этотъ въ іюль сильно пострадалъ и ко времени принятія мною дивизіи, его численность составляла нѣсколько десятковъ человекъ. Еще во время пріѣзда генерала Деникина въ станицу Петропавловскую, я ходатайствовалъ о введеніи въ штатъ дивизіи стрѣлковаго полка, который я намѣчалъ сформировать изъ иногороднихъ, въ значительномъ числѣ безлошадныхъ, использовавъ кадры пластунскаго батальона, гдѣ большинство людей было также не казаки. Вскорѣ послѣ этого прибыли ко мнѣ командированные ставкой въ мое распоряженіе нѣсколько офицеровъ изъ пѣхотныхъ частей, въ томъ числѣ, два штабъ-офицера, бывшихъ кавказскихъ стрѣлка, полковники Чичинадзе и князь Черкесовъ и нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Всѣ они были зачислены мною въ пластунскій батальонъ. Батальонъ этотъ вмѣстѣ съ некоторыми тыловыми учрежденіями дивизіи находился въ станицѣ Урупской.

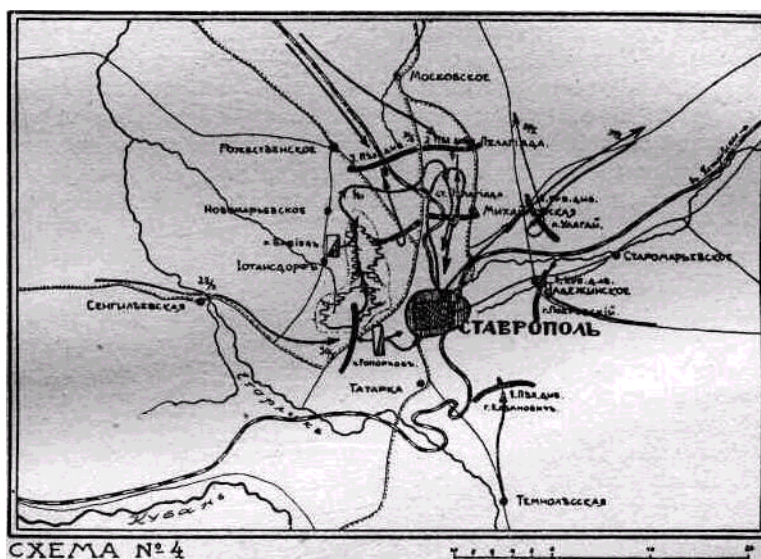
Переговоривши съ полковниками Чичинадзе и княземъ Черкесовымъ, я рѣшилъ сдѣлать опытъ укомплектованія пластуновъ, захваченными нами пленными. Выдѣливъ изъ ихъ среды весь начальствующій элементъ, вплоть до отдѣленныхъ командировъ, въ числѣ 370 человекъ, я приказалъ ихъ тутъ же разстрѣлять. Затѣмъ, объявивъ остальнымъ, что и они достойны были бы этой участи, но что отвѣтственность я возлагаю на тѣхъ, кто велъ ихъ противъ своей родины, что я хочу дать имъ возможность загладить свой грѣхъ и доказать, что они вѣрные сыны отечества. Тутъ же раздавъ имъ оружіе, я поставилъ ихъ въ ряды пластунскаго батальона, переименовавъ послѣдній въ 1-ый стрѣлковый полкъ, командиромъ котораго назначилъ полковника Чичинадзе, а помощникомъ его полковника князя Черкесова. Одновременно я послалъ телеграмму Главнокомандующему, донося о сформированіи полка и ходатайствуя о введеніи его, согласно данному мнѣ обѣщанію, въ штатъ. Уже черезъ двѣ недѣли стрѣлковый полкъ участвовалъ съ дивизіей въ бояхъ. Впослѣдствіи онъ прошелъ съ дивизіей весь Кавказъ, участвовалъ въ царичинской операци и оставался въ рядахъ Кавказской арміи все время ея существованія. За это время полкъ непрерывно участвовалъ въ бояхъ, нѣсколько разъ перемѣнилъ свой составъ и приобрѣлъ себѣ въ рядахъ арміи громкую славу.

Колонна противника, преслѣдуемая по пятамъ полковникомъ Топорковымъ, продолжая частью силъ двигаться правымъ берегомъ рѣки Кубани, другой большей своей частью, бросилась отъ станицы Убѣженской на сѣверъ, была настигнута полковникомъ Топорковымъ въ районѣ хутора Горькорѣченскаго и здѣсь разбита на голову. Остатки ея разсѣялись. Окончательно истомленные продолжительными боями полки полковника Топоркова, остановились въ ночь съ 25-го на 26-ое на хуторѣ Горькорѣченокомъ. Между тѣмъ, части противника, отходившія вдоль Кубани, атаковали въ районѣ Армавира заслонъ 1-ой пѣхотной дивизіи и, нанеся ему большія потери, отбросили его къ самому городу. Генераль Казановичъ требовалъ срочной помощи.

На разсвѣтъ 26-го октября я съ корниловцами и екатеринодарцами, переправившись черезъ Кубань, спѣшно двинулся къ Армавиру, одновременно пославъ приказаніе полковнику Топоркову также идти туда. Сильнѣйшій ледяной сѣверный вѣтеръ временами переходилъ въ ураганъ. Полки могли двигаться лишь шагомъ. Плохо одѣтые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обѣ колонны почти одновременно вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ, послѣдній, уклоняясь отъ боя, бросился на сѣверо-востокъ: здѣсь былъ перехваченъ частями полковника Топоркова и жестоко потрепанъ. Во время боя я съ полковникомъ Науменко и нѣсколькими ординарцами отѣхалъ отъ колонны, желая подняться на гребень, откуда поле боя должно было быть особенно хорошо видно. Поднявшись на гребень, мы неожиданно наткнулись въ 20-ти шагахъ на залегшую за гребнемъ, повидимому ища укрытія отъ непогоды, непріятельскую заставу. Наше появленіе въ тылу заставы было такъ неожиданно, что большевики совсѣмъ опѣшили. Въ ту же минуту заставка была изрублена моими ординарцами.

Угроза Армавиру была устранена и я приказалъ отходить на ночлегъ полковнику Топоркову въ хутора Горькорѣченскіе, полковнику Науменко къ станицѣ Убѣженской. Самъ я проѣхалъ въ Успенское, гдѣ нашель телеграмму генерала Деникина, вызывавшаго меня въ Армавирь. (Схема № 4).

Я засталъ поѣздъ генерала Деникина на станціи. Главнокомандующій пригласилъ меня къ себѣ завтракать. Кромѣ меня завтракали генераль Романовскій и генераль Казановичъ. Генераль Деникинъ былъ весьма доволенъ дѣйствіями дивизіи и горячо меня благодарилъ. Таманская армія красныхъ, осѣвшая главнымъ своимъ ядромъ въ районѣ Ставрополя (послѣдній незадолго передъ этимъ былъ нами оставленъ) постепенно охватывалась кольцомъ нашихъ войскъ. 2-ая пѣхотная дивизія генерала Боровскаго и 3-ья пѣхотная дивизія полковника Дроздовскаго, оперировавшія вдоль линіи Кавказская — Ставрополь подходили къ городу съ сѣверо-запада; съ запада направлялась къ Ставрополю моя дивизія; съ юга вдоль линіи Армавиръ — Ставропольской желѣзной дороги шла дивизія генерала Казановича, имѣя правѣ себя части 1-ой кубанской дивизіи генерала Покровскаго. Наконецъ, съ сѣвера, отрѣзая пути къ сѣверу отъ желѣзнодорожной вѣтки Ставрополь — Петровское, дѣйствовала 2-ая кубанская дивизія полковника Улагая. Я просилъ генерала Деникина обезпечить мнѣ свободу дѣйствія, изъявъ изъ подчиненія генералу Казановичу. Несмотря на возраженія послѣдняго, къ которымъ какъ будто склонялся начальникъ штаба главнокомандующаго, генераль Деникинъ согласился со мною. Бригада полковника Мурзаева (линейцы и черкесы) временно оставалась въ подчиненіи генерала Казановича. Взамѣнъ ея, мнѣ передавалась изъ 3-ей пѣхотной дивизіи бригада генерала Чекотовскаго: Офицерскій конный и 1-ый Черноморскій казачій полки.

Продолжая наступленіе, дивизія 28-го октября подошла къ станицѣ Сенгилѣвской. Противникъ, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывалъ слабое сопротивленіе и ночью, прикрывшись арьергардами, отошелъ на Ставрополь. 30-го октября мои части подошли къ Ставрополю и къ вечеру закрѣпились на опушкѣ лѣса къ западу отъ города. Правофланговая бригада полковника Топоркова держала связь съ частями генерала Казановича въ районѣ села Татарка. На лѣвомъ моемъ флангѣ части генерала Чекотовскаго соприкасались съ частями 3-ьей пѣхотной дивизіей полковника Дроздовскаго, лѣвѣй котораго, южнѣ станціи Пелагиада, охватывая Ставрополь съ сѣвера, вела бой 2-ая пѣхотная дивизія генерала Боровскаго. Мой резервъ, корниловцы и екатеринодарцы, подъ общей командой доблестнаго командира Корниловскаго полка полковника Бабіева (полковникъ Науменко отбылъ въ Екатеринодаръ для участія въ засѣданіяхъ кубанской рады) сосредоточился въ нѣмецкой колоніи Югансдорфъ. Пути отхода противника на востокъ и сѣверо-востокъ были отрѣзаны къ сѣверу отъ желѣзнодорожной вѣтки Ставрополь — Петровское кубанцами полковника Улагая, къ югу 1-ой кубанской дивизіей генерала Покровскаго. Къ вечеру обѣ эти дивизіи связались съ сосѣдями и тактическое окруженіе таманской арміи красныхъ было завершено.

Въ сумерки я объѣхалъ позиціи; стоялъ туманъ, густой пеленой нависшій надъ городомъ. Послѣдній казался вымершимъ. Не видно было ни одного огонька, изрѣдка, то здѣсь то тамъ, вспыхивали разрывы нашихъ снарядовъ; глухіе артиллерійскіе выстрѣлы доносились съ сѣверной части города. Въ наступавшихъ сумеркахъ рѣзко стучали пулеметы. Въ рошѣ, привязанные къ деревьямъ, стояли казачьи кони и, грѣясь вокругъ костровъ, пили чай казаки. Продрогшій вернулся я въ чистую и богатую колонію Югансдорфъ и, напившись чаю съ

превкуснымъ мѣстнаго издѣлія сыромъ, легъ спать. На разсвѣтъ меня разбудили. Противникъ перешелъ въ наступленіе, обрушившись на части полковника Дроздовскаго, 3-ья пѣхотная дивизія понесла жестокія потери и, преслѣдуемая противникомъ, отходила на сѣверъ вдоль линіи желѣзной дороги, при этомъ былъ раненъ полковникъ Дроздовскій. Лѣвѣе 3-ей пѣхотной дивизіи, оставивъ станцію Пелагіаду, отступали и части генерала Боровскаго.

Поднявъ по тревогѣ резервную бригаду и принявъ необходимыя мѣры по обезпеченію своего лѣваго фланга, я приказалъ дивизіи перейти въ наступленіе, дабы облегчить положеніе сосѣдей. Противникъ держался крѣпко. Недостатокъ въ патронахъ почти исключалъ возможность дѣйствій въ пѣшемъ строю, атаковать же конницей въ лобъ городъ было невозможно. Наше наступленіе могло вылиться лишь въ демонстрацію. Между тѣмъ противникъ, продолжая тѣснить нашу пѣхоту, къ вечеру 31-го подошелъ къ самой станціи Пелагіада. Я рѣшилъ использовать выгодно складывающуюся обстановку и ударить во флангъ и тылъ врага. Растянувъ бригаду полковника Топоркова, я съ разсвѣтомъ 1-го ноября, съ четырьмя полками, скрытно пройдя лѣсомъ, неожиданно вышелъ въ тылъ противника и, развернувъ 1-ую бригаду, атаковалъ его. Неожидавшіе удара красные бросились къ Ставрополю, преслѣдуемые полковникомъ Бабіевымъ съ Корниловскимъ полкомъ и нѣсколькими сотнями екатеринодарцевъ. Вскорѣ длинныя колонны плѣнныхъ потянулись къ лѣсу. Полковникъ Бабіевъ на плечахъ бѣгущихъ приближался къ городу. Я выслалъ заслономъ къ сѣверу Офицерскій конный полкъ и съ оставшимися въ моемъ распоряженіи нѣсколькими сотнями екатеринодарцевъ и черноморцевъ направился къ расположенному въ предмѣстьѣ города монастырю. Тамъ засѣли красные, поражая корниловцевъ фланговымъ огнемъ. Вскорѣ около насъ стали посвистывать пули. Огонь учащался, нѣсколько казаковъ и лошадей было ранено. Развернувъ полки, я выхватилъ шашку и лично повелъ ихъ въ атаку. Дружно, громко раздалось «ура», сотни понеслись. Огонь сталъ беспорядочнымъ, притихъ и наконецъ вразсыпную изъ монастырской ограды и улечекъ поселка побѣжали люди. Мы ворвались въ поселокъ. Кое гдѣ на улицѣ шла рубка...

Спѣшивъ сотни, я занялъ околицу, приказавъ отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, ихъ перевязывали тутъ же у монастырскихъ стѣнъ. Но вотъ изъ монастырскихъ воротъ вышелъ батюшка и нѣсколько монахинь. Пули свистѣли и щелкали о каменную ограду, тутъ же хрипѣла и билась раненая лошадь, но, вышедшіе, казались, не видѣли этого. Съ крестомъ въ рукѣ, кропя святой водой казаковъ, шель іеромонахъ, спокойно и безмолвно обходили раненыхъ монахини, предлагая хлѣбъ и чай. Мать игуменя тутъ же подъ огнемъ благословила меня иконой. Трогательная картина крѣпко врѣзалась въ мою память...

Въ монастырѣ мы нашли двухъ офицеровъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней укрывались здѣсь, переодѣтые монашками.

Около полудня я получилъ донесеніе полковника Бабіева, онъ со своими славными корниловцами, ворвался въ самый городъ, захватилъ вокзалъ и стоявшій тамъ бронепоездъ противника. Бабіевъ доносилъ, что пока держится, но что патроновъ мало и что красные, засѣвъ въ домахъ, дерутся отчаянно. Онъ просилъ подкрѣпленій. Я выслалъ ему двѣ сотни и послалъ донесеніе главнокомандующему, прося присылки какихъ либо частей для закрѣпленія достигнутаго успѣха. Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ отвѣтъ, что ко мнѣ спѣшно двинуты на помощь одинъ полкъ стрѣлковъ изъ дивизіи генерала Казановича и инородческій дивизионъ отъ полковника Дроздовскаго. Между тѣмъ, перейдя въ наступленіе, противникъ къ вечеру послѣ жестокаго боя, выбилъ изъ города части полковника Бабіева и вновь овладѣлъ вокзаломъ. Его попытки выбить насъ изъ монастыря успѣхомъ не увѣнчались. Части полковника Топоркова къ вечеру нѣсколько продвинулись впередъ, захвативъ городской питомникъ. Поздно ночью подошли инородцы, а на разсвѣтъ стрѣлки, которыхъ я направилъ къ полковнику Топоркову. Туда же перебросилъ я и бригаду Чекотовскаго, рѣшивъ использовать сооредоточеніе противникомъ большей части своихъ силъ противъ моего лѣваго фланга. Около девяти часовъ подошелъ высланный въ мое распоряженіе нашъ броне-автомобиль «Вѣрный». Пославъ впередъ лошадей къ полковнику Топоркову, я на броневикѣ проѣхалъ къ нему и отдалъ приказъ ударной группѣ — запорожцамъ, уманцамъ, черноморцамъ, Офицерскому конному полку и стрѣлкамъ, при поддержки «Вѣрнаго» перейти въ общее наступленіе.

Я въ предыдущую ночь не ложился и, вернувшись въ монастырь, легъ спать и заснулъ какъ убитый. Въ четыре часа меня разбудили, ординарецъ передалъ мнѣ донесеніе полковника

Топоркова. Послѣ жестокаго уличнаго боя, гдѣ непріятель отчаянно отстаивалъ каждый домъ, части полковника Топоркова овладѣли городомъ.

Я съ трубачами и конвоемъ проѣхалъ въ Ставрополь. Въ городѣ кое гдѣ шла еще перестрѣлка. На улицѣ и тротуарахъ лежали убитые лошади, опрокинутыя повозки, трупы красноармейцевъ. Услышавъ звуки трубачей, народъ выбѣгалъ на улицу. Многіе крестились, плакали, нѣкоторые совали въ руки казакамъ хлѣбъ, папирсы, деньги. Пожилая женщина, бросившись къ моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцѣловать мою руку.

Городъ подѣ владычествомъ большевиковъ пережилъ ужасные дни. Послѣднія недѣли въ связи съ поражениемъ красныхъ на Урупѣ начались разногласія и раздоры въ верхахъ арміи. Борьба между красными вождями закончилась разстрѣломъ въ Ставрополь краснаго главковерха фельдшера Сорокина. Послѣдніе дни городъ былъ объятъ анархіей. По всему городу шли самочинные обыски и разстрѣлы. Многихъ несчастныхъ передъ смертью подвергали жестокимъ пыткамъ. Во дворѣ губернаторскаго дома, гдѣ я остановился, мы нашли нѣсколько десятковъ труповъ жертвъ, разстрѣлянныхъ по приговору помѣщавшагося въ домѣ комиссарскаго суда. Нѣкоторые трупы были съ отрубленными пальцами, у другихъ оказались выколотыми глаза.

При отступленіи изъ города противникъ оставилъ огромную военную добычу. Склады съ мануфактурой, сукномъ, обувью, подковами и т. д., все это необходимо было уберечь отъ расхищенія и привести въ порядокъ. Я издалъ приказъ, коимъ объявлялъ населенію, что впредь до прибытія гражданскихъ властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя и требовалъ въ теченіе 24-хъ часовъ сдачи населениемъ всего оружія, предметовъ военного снаряженія и укрывающихся въ городѣ большевиковъ.

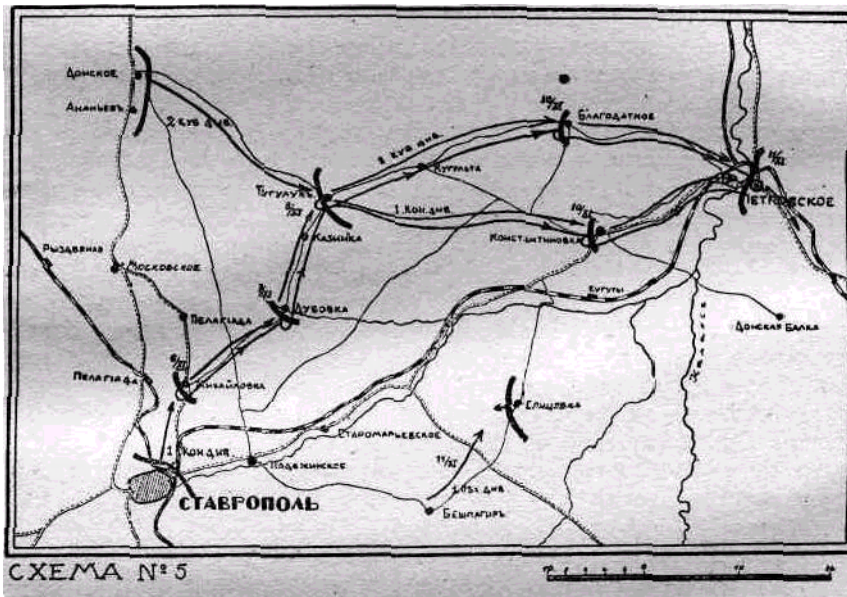
Комендантомъ города я назначилъ ротмистра Маньковскаго, бывшаго моего сослуживца по Уссурійской дивизіи, недавно прибывшаго на Кубань, предоставивъ въ его распоряженіе дивизионъ инородцевъ. Ротмистръ Маньковскій отлично справился съ своей задачей, хотя задача эта была далеко не легкая. Въ огромномъ незнакомомъ городѣ при отсутствіи мѣстной администраціи, значительномъ скопленіи войскъ и естественномъ озлобленіи пострадавшаго населенія противъ всѣхъ, кто такъ или иначе былъ причастенъ къ большевикамъ, поддержать порядокъ было крайне трудно. На слѣдующій день послѣ занятія города имѣлъ мѣсто возмутительный случай. Въ одинъ изъ лазаретовъ, гдѣ лежало нѣсколько сотъ раненыхъ и больныхъ красноармейцевъ, ворвались нѣсколько черкесовъ и несмотря на протесты и мольбу врачей и сестеръ, вырѣзали до 70 человекъ, прежде, нежели предупрежденный объ этомъ, я выслалъ своего ординарца съ конвойными казаками для задержанія негодяевъ. Въ числѣ послѣднихъ, по показанію очевидцевъ, находился одинъ офицеръ; къ сожалѣнію преступники успѣли бѣжать.

Другой случай былъ почти такого же порядка. На другой день по занятіи нами города, ко мнѣ явился офицеръ, отрекомендовавшійся хорунжимъ Левинымъ, начальникомъ особаго отряда при ставропольскомъ губернаторѣ. Хорунжій Левинъ по занятіи Ставрополя красными, оставилъ городъ со своимъ отрядомъ и нынѣ вернулся, предоставивъ себя и своихъ людей въ мое распоряженіе. Я приказалъ ему принять въ свое вѣдѣніе тюрьму, гдѣ находились плѣнные красноармейцы и задержанные въ городѣ большевики. Черезъ нѣсколько часовъ мнѣ дали знать, что хорунжій Левинъ разстрѣливаетъ арестованныхъ. Я немедленно приказалъ хорунжаго Левина арестовать, однако онъ успѣлъ разстрѣлять нѣсколько десятковъ человекъ. По прибытіи въ городъ губернатора, полковника Глазенапа, я передалъ ему хорунжаго Левина и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

3-го ноября прибылъ въ Ставрополь генералъ Деникинъ. Онъ провелъ въ городѣ всего нѣсколько часовъ, выслушавъ докладъ мой, и обѣщалъ, если позволитъ обстановка, дать отдохнуть дивизіи. 4-го или 5-го прибылъ въ Ставрополь военный губернаторъ Ставропольской губерніи полковникъ Глазенапъ со своимъ штабомъ. Послѣдній произвелъ на меня самое скверное впечатлѣніе. За исключеніемъ начальника штаба полковника генеральнаго штаба Яковлева, который видимо относился къ дѣлу добросовѣстно и внимательно, остальные чины штаба вели себя самымъ nepозволительнымъ образомъ. Въ самый день пріѣзда полковника Глазенапа, я вынужденъ былъ въ городскомъ театрѣ, гдѣ былъ устроенъ спектакль для казаковъ, арестовать личнаго адъютанта губернатора и двухъ другихъ чиновъ его штаба, за нѣпристойное поведеніе въ пьяномъ видѣ.

Въ ногайскихъ степяхъ.

Противникъ, оставивъ Ставрополь, отходилъ главной массой силъ на Петровское, удерживая аррьергардными частями линію деревень Надеждинское, Михайловка, Пелагиада, мѣстами дѣлая попытки перейти въ наступленіе. (Схема № 5).

На разсвѣтъ 6-го ноября я получилъ приказаніе Главнокомандующаго, штабъ котораго находился на станціи Рыздвяная, помочь нашей пѣхотѣ, которую въ районѣ деревни Михайловка противникъ сильно тѣснилъ. Поднявъ по тревогѣ дивизию, на рысяхъ выдвинулся къ железнодорожному переѣзду на дорогѣ изъ Монастыря къ Михайловкѣ, перешелъ черезъ полотно желѣзной дороги и, приказавъ 1-ой бригадѣ и черноморцамъ наступать въ пѣшемъ строю, бросилъ уманцевъ и запорожцевъ въ атаку. Славныя части полковника Топоркова прорвали фронтъ противника и на его плечахъ ворвались въ Михайловку. Здѣсь было изрублено много красныхъ. Преслѣдуя отходящихъ, наши части захватили до тысячи плѣнныхъ и огромный обозъ, причѣмъ обозъ одной изъ красныхъ дивизій былъ захваченъ въ полномъ составѣ. Противникъ отступалъ на сѣверо-востокъ вдоль дороги Михайловка — Дубовка — Казинка. Я послалъ приказаніе преслѣдовать его по пятамъ, а самъ перешелъ со штабомъ въ село Михайловку. Вечеромъ я получилъ приказаніе генерала Деникина прибыть къ нему на станцію Рыздвяную.

Я верхомъ поѣхалъ на станцію Пелагиада. Стоялъ густой туманъ. Луна сквозь пелену тумана освѣщала зеленымъ свѣтомъ тянущіяся по сторонамъ дороги хаты, широкую покрытую лужами улицу. На дорогѣ лежали неубранные еще трупы людей и лошадей. На площади стояла огромная лужа. Мой конь боязливо шархнулъся — у самыхъ ногъ лошади изъ лужи смотрѣло оскаленное лицо мертвеца, трупъ затянуло въ грязь и видно было одно мертвое лицо. Нѣсколько шаговъ далѣе изъ воды торчала окоченѣлая рука. Конь храпѣлъ, вздрагивалъ и бросался въ стороны.

Я засталъ поѣздъ генерала Деникина на станціи Рыздвяная. Главнокомандующій горячо благодарилъ меня за послѣднее дѣло и сдѣлалъ высокую оцѣнку дѣйствій моихъ частей въ теченіе всей ставропольской операціи. Одновременно, генералъ Деникинъ объявилъ мнѣ о назначеніи меня командиромъ 1-го коннаго корпуса въ составѣ котораго, кромѣ моей дивизіи, включалась 2-ая кубанская дивизія полковника Улагая⁹. Послѣдняя прорвавшимся изъ Ставрополя на сѣверо-востокъ противникомъ была оттѣснена изъ района деревень Дубовка — Тугулукъ и нынѣ располагалась въ районѣ села Донского. 1-ому конному корпусу приказывалось продолжать преслѣдованіе Таманской красной арміи, дѣйствуя къ сѣверу отъ

⁹ Одновременно дивизіи генераловъ Казановича и Боровскаго были развернуты соответственно въ 1-ый и 2-ой армейскіе корпуса.

жельзнодорожной линіи Ставрополь — Петровское. Къ югу отъ этой линіи наступали части генерала Казановича и генерала Покровскаго.

Генераль Деникинъ спросилъ меня, кого я намѣчаю на должность начальника штаба корпуса. Я просилъ назначить полковника Соколовскаго, работой котораго за послѣдніе дни я былъ очень доволенъ. Присутствующій при разговорѣ генераль Романовскій замѣтилъ, что полковникъ Соколовскій для этой должности какъ будто молодъ, но генераль Деникинъ поддержаль меня и тутъ же поздравилъ полковника Соколовскаго съ назначеніемъ. Я намѣтилъ сосредоточить корпусъ въ районѣ деревни Тугулуку, о чемъ и послалъ приказаніе полковнику Улагаю. Полковникъ Топорковъ вступилъ въ командованіе 1-ой дивизіей.

Въ вагонѣ генерала Деникина встрѣтилъ я начальника 2-ой пѣхотной дивизіи генерала Боровскаго. Послѣдній имѣлъ въ арміи репутацію большой личной храбрости, но сильно запиваль. По общимъ отзывамъ это послѣднее и послужило причиной оставленія Ставрополя нашими войсками. Въ арміи говорили, что генераль Боровскій «пропилъ Ставрополь».

7-го ноября полковникъ Топорковъ разбилъ врага у Дубовки и вновь захватилъ плѣнныхъ и большой обозъ. 8-го ноября одновременной атакой 1-ой конной дивизіи съ юга и 2-ой кубанской дивизіи съ запада мы овладѣли Тугулукомъ и Казинкой. Непритель, разбитый наголову, бѣжалъ на Константиновку и Кугульту, оставивъ въ нашихъ рукахъ вновь большое количество плѣнныхъ и военной добычи. 10-го ноября части корпуса одновременно овладѣли: 1-ая конная дивизія селомъ Константиновкой, 2-ая кубанская — селомъ Благодатнымъ. Въ обоихъ пунктахъ красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше побѣдное шествіе уже не могли. 11-го ноября послѣ ожесточеннаго боя корпусъ овладѣлъ селомъ Петровскимъ, конечной станціей жельзной дороги. Здѣсь вновь мы захватили плѣнныхъ, пулеметы и одно орудіе. Къ корпусу присоединились наконецъ линейцы, черкесы же остались при дивизіи генерала Казановича. Между тѣмъ части послѣдняго, встрѣчая упорное сопротивление, продвигались весьма медленно и къ 11 ноября подошли лишь къ селу Спицевка, которое противникъ продолжалъ прочно удерживать.

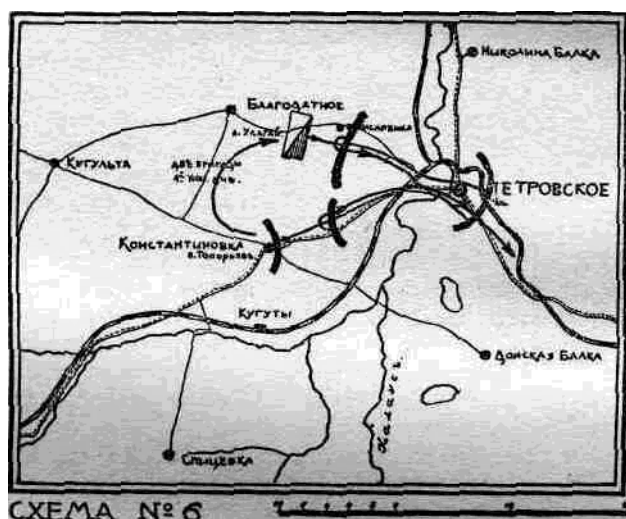
Такимъ образомъ, мой корпусъ оказался значительно выдвинутымъ впередъ. Бой подъ Петровскимъ окончился въ полной темнотѣ. Я со штабомъ остался ночевать въ селѣ Константиновкѣ. Тутъ же расположились обозы 1-го разряда, радіо-станція и летучка Краснаго Креста.

На разсвѣтѣ мы были разбужены шедшей въ селеніи перестрѣлкой. Повидимому, предупрежденные кѣмъ либо изъ мѣстныхъ большевиковъ, красные, воспользовавшись выдвинутымъ положеніемъ корпуса, выслали отрядъ для нападенія на нашъ тылъ. Около двухъ ротъ пѣхоты, посаженныхъ на повозки, при двухъ орудіяхъ прошли ночью отъ Спицевки къ Константиновкѣ и, сбивъ наши посты, подошли къ самой деревнѣ. Около взвода красныхъ ворвалось въ самую деревню, произведя сильный переполохъ. Въ прикрытіи обоза находилась полусотня, около тридцати казаковъ, столько же почти было у меня въ конвоѣ. О сопротивленіи думать не приходилось. Будь красные рѣшительнѣе, они могли захватить насъ всѣхъ. Однако большевики дѣйствовали вяло, обстрѣливали село, но атаковать насъ не рѣшались. Къ тому же обозы, имѣя приказаніе съ разсвѣтомъ переходить въ Петровское, были уже запряжены, люди не спали и паники особой не было. Мы успѣли кое какъ одѣться, посѣдлатъ коней и выскочить изъ села, однако обозъ двухъ полковъ и наша летучка были захвачены противникомъ; докторъ успѣлъ бѣжать, но сестра попала въ плѣнъ. Красные захватили было и нашу радіо-станцію, но начальникъ артиллеріи генераль Бѣляевъ, едва самъ успѣвшій выскочить въ одной рубахѣ изъ дому, собравъ вокругъ себя нѣсколько десятковъ артиллеристовъ и обозныхъ казаковъ, радіо-станцію отбилъ.

Къ полковнику Топоркову, части котораго занимали рядъ хуторовъ къ югу отъ Петровскаго, прискакало нѣсколько вырвавшихся изъ Константиновки обозныхъ казаковъ и сообщили ему, что я со всѣмъ штабомъ захваченъ въ плѣнъ. Полковникъ Топорковъ спѣшно выслалъ въ Константиновку запорожцевъ, при приближеніи которыхъ красные, бросивъ Константиновку, отошли, уведя нашихъ плѣнныхъ и разграбивъ захваченный обозъ. Большинство нашихъ вещей пропало, въ томъ числѣ и рядъ моихъ документовъ.

Между тѣмъ въ районѣ села Петровскаго противникъ съ разсвѣтомъ перешелъ въ наступленіе. Части полковника Улагаю держались, но положеніе его было тяжелое, главнымъ образомъ, въ виду недостатка патроновъ. Я поѣхаль къ нему и подѣзжая къ Петровскому нагналъ казака съ приказаніемъ отъ генерала Чайковскаго, замѣнившего временно

командовавшего отдельной бригадой генерала Чекотовского. Генерал Чайковский писал полковнику Улагаю о том, что «командир корпуса со штабом попал в плен, что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход». Расписавшись в прочтении я тут же на приказании написал: «в плен не попадал, приказываю наступать» и отправил казака обратно. До самого вечера части наши удерживали свои позиции, однако к вечеру, разстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я проехал к полковнику Улагаю, части которого все еще держались на гребне к северу от Петровского. Приказав ему также стягивать свои части и отходить на Благодатное, я, вдвоем с офицером-ординарцем, бывшим моим однополчанином по Конной Гвардии ротмистром князем Оболенским, недавно прибывшим в корпус, спустился в село Петровское, чтобы догнать отходящие на Константиновку части. Солнце скрылось за горизонтом, сумерки быстро сгущались. Огромное село Петровское казалось мертвым. Последние разъезды оставили мстечко, жители, ожидая прихода красных, боязливо попрятались по домам. Впереди нас у железнодорожной переправы еще слышались выстрелы. Я толкнул лошадь крупной рысью, спеша скорее выйти из мстечка. Вот и рѣка Калаусь. Впереди чернѣет железнодорожный мост. Неожиданно из соседней улицы затрещали выстрелы и несколько пуль просвистали у самого уха. Наметом выскочили мы на мост. Красные продолжали стрѣлять и пули щелкали по настилу моста. Подо мною был сѣрый конь, недавно подаренный мне полковником Мурзаевым, казаки которого отбили коня у красных. Свѣтлая лошадь была в темнотѣ хорошо видна и давала возможность красным пристрѣляться. Князь Оболенский толкнул своего коня и, обогнав меня, поскакал со мною ря домъ, заслонив от выстрѣлов: «Ты куда, назадъ», крикнул я, но онъ, прикрывая меня собой, продолжал скакать рядом... Мы проскочили мост и вскорѣ нагнали нашу заставу... (Схема № 6).

Съ разсвѣтомъ противникъ возобновилъ наступленіе. Прикрывая Константиновку и Благодатное, корпусъ въ теченіе всего дня удерживалъ свои позиции. Патроны были совсѣмъ на исходѣ, въ запасѣ ничего не имѣлось. Я второй день телеграфировалъ въ ставку, прося срочной присылки огнеприпасовъ, разослалъ ординарцевъ въ Ставрополь и къ генералу Казановичу съ просьбой помочь патронами. Начальники частей не переставали требовать скорѣйшей присылки огнеприпасовъ, донося, что дальше держаться не могутъ. Положеніе становилось тяжелымъ, раньше полудня 14-го я подхода транспорта съ патронами ожидать не могъ. Между тѣмъ дальнѣйшее наступленіе противника грозило потерей Константиновки, что создавало угрозу лѣвому флангу соседней дивизіи генерала Казановича. Наступила ночь. Полки заночевали на позиціяхъ. Въ десять часовъ вечера прибылъ отъ полковника Топоркова офицеръ-ординарецъ и привезъ перехваченный приказъ противника, въ коемъ краснымъ приказывалось въ шесть часовъ утра 14-го перейти въ общее наступленіе. Я рѣшилъ вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ перейти въ наступленіе. Тутъ же по телефону я отдалъ необходимыя приказанія начальникамъ дивизій.

Оставивъ на позиціи у Константиновки полковника Топоркова съ одной спѣшенной бригадой, я сосредоточилъ всѣ остальные части къ своему лѣвому флангу въ районѣ хуторовъ Писаренки на поль дорогѣ между Благодатнымъ и Петровскимъ, объединивъ ихъ подѣ общимъ начальствомъ полковника Улагая. Всѣ оставшіеся еще въ корпусѣ патроны были переданы полковнику Топоркову, для чего ихъ отобрали у казаковъ частей полковника Улагая, обозныхъ и въ тыловыхъ командахъ. Едва засѣрѣлъ востокъ, полковникъ Улагай построилъ свои части въ боевой порядокъ и въ пять часовъ, за часъ до намѣченного приказомъ противника наступленія, атаковалъ послѣдняго въ конномъ строю, прорвалъ фронтъ и обрушился на непріятельскіе полки, не успѣвшіе еще закончить сосредоточеніе къ мѣсту атаки. Красные были окончательно ошеломлены и обратились въ паническое бѣгство, преслѣдуемые казаками, стремясь укрыться за Калаусъ. Значительное число красныхъ было изрублено, многіе потонули въ рѣкѣ, наши части вновь овладѣли Петровскимъ и въ послѣдующіе дни съ помощью подошедшаго ко мнѣ пластунскаго батальона закрѣпились на высотахъ къ сѣверу и востоку отъ мѣстечка.

Я рѣшилъ, использовать выдвинутое положеніе моихъ частей, помочь генералу Казановичу. 21-го ноября, оставивъ заслономъ на фронтѣ Донская балка — Петровское — Николина балка 2-ую кубанскую дивизию, я сосредоточилъ въ районѣ желѣзнодорожной станціи Кугуты 1-ую конную дивизию и сводную бригаду подѣ общимъ начальствомъ полковника Топоркова и, выдвинувшись ночнымъ переходомъ къ югу, на разсвѣтѣ 22-го ноября атаковалъ у села Спицевки красныхъ, дѣйствовавшихъ противъ генерала Казановича, въ тылъ. Противникъ былъ разбитъ наголову. Мы захватили 2 000 плѣнныхъ, 40 пулеметовъ, 7 орудій и огромный обозъ. 1-ый армейскій корпусъ къ вечеру 22-го ноября подошелъ къ рѣкѣ Калаусъ.

Я верхомъ выѣхалъ встрѣчать возвращающіеся полки. Навстрѣчу попадались конвоируемая казаками группы плѣнныхъ, лазаретныя линейки съ тяжело ранеными, отдѣльные легко раненые. Встречавшіеся раненые казаки весело отвѣчали на привѣтствіе. По одному отвѣту видно было, что дѣло удачное. На встрѣчу ѣхалъ накрытый брезентомъ транспортъ. На облучкѣ сидѣло два казака, я поздоровался. Казаки отвѣтили какъ то угрюмо:

— «Какъ дѣла»? — спросилъ я.

— «Плохо, командира полка убили».

Тутъ только замѣтилъ я свѣшивающіяся съ транспорта изъ подѣ брезента ноги, я снялъ шапку и перекрестился:

— «Кого именно?»

— «Ихъ высокоблагородія, полковника Мурзаева».

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это былъ способный, рѣдкой доблести и огромнаго порыва начальникъ.

23-го полки вернулись съ набѣга, а 24-го съ разсвѣтомъ противникъ вновь перешелъ въ наступленіе у Петровскаго. Къ девяти часамъ утра, потѣснивъ нашъ правый флангъ, противникъ овладѣлъ рядомъ хуторовъ къ югу отъ мѣстечка, и въ 7-ми верстахъ южнѣ Петровскаго захватилъ желѣзнодорожный путь. Около полудня 1-ая дивизія перешла въ контръ-атаку. Полковникъ Топорковъ отбросилъ противника за Калаусъ и, прижавъ его къ скалистому гребню въ районѣ Донская Балка, разбилъ на голову. Мы вновь захватили 1500 плѣнныхъ, 30 пулеметовъ и батарею въ полной запряжкѣ. Преслѣдуя врага, наши части выдвинулись на линію хутора Бурцева — озеро Маховое — Камбулатъ. Въ теченіе четырехъ дней нами взято 3 500 плѣнныхъ, 70 пулеметовъ, 11 пушекъ и большое число обозовъ.

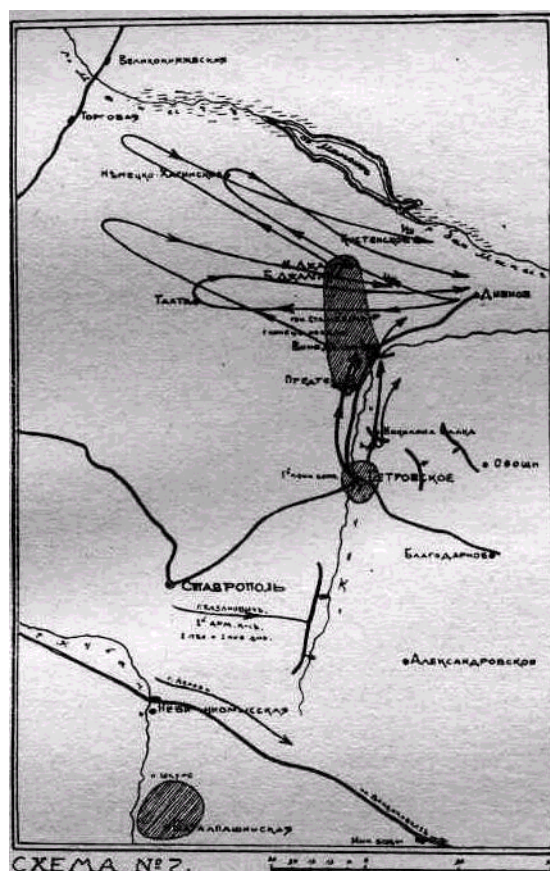
Я получилъ телеграмму отъ главнокомандующаго, горячо благодарившаго корпусъ за блестящія дѣла и поздравлявшаго меня съ производствомъ за отличія въ генераль-лейтенанты.

Успѣхамъ корпуса я обязанъ былъ блестящей работѣ моихъ ближайшихъ помощниковъ, начальниковъ дивизій. Я представилъ полковниковъ Улагая и Топоркова, а также отсутствующаго полковника Науменко, къ производству въ генераль-маіоры.

Всѣ три были достойнѣйшіе офицеры. Полковники Топорковъ и Улагай оба отлично командовали своими дивизіями. Первый, выслужившійся изъ казаковъ, природнымъ чутьемъ отлично разбирался въ обстановкѣ. Совершенно исключительной храбрости, огромнаго порыва и ничѣмъ непоколебимой твердости, онъ всегда близко стоялъ къ своимъ войскамъ, жилъ съ ними одной жизнью, раздѣляя всѣ тягости боевой службы и увлекая въ тяжелые минуты личнымъ примѣромъ. Разъ отданное начальникомъ приказаніе полковникъ Топорковъ неуклонно выполнялъ, не считаясь ни съ какими препятствіями; въ этомъ отношеніи онъ иногда пересаливалъ и въ стремленіи выполнить поставленную задачу несъ подъ часъ излишнія потери.

Полковникъ Улагай былъ натурой несравненно болѣе сложной; нервный, до болѣзненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и съ большимъ военнымъ чутьемъ, онъ пользовался обаяніемъ среди своихъ офицеровъ и казаковъ. Отлично разбираясь въ обстановкѣ, онъ умѣлъ ее использовать, проявить во время личный починъ и находчивость. Обладая несомнѣнно талантомъ крупнаго кавалерійскаго начальника, онъ имѣлъ и недостатки: неровность характера, чрезмѣрную, иногда болѣзненную обидчивость, легко переходилъ отъ высокаго подъема духа къ безграничной апатіи, приступая къ выполнению задачи, готовъ былъ подчасъ искать въ ней непреодолимая къ этому препятствія, но разъ рѣшившись на что-нибудь, блестяще проводилъ рѣшеніе въ жизнь.

Къ концу ноября наши части вышли на линію рѣки Калаусъ. (Схема № 7). Отъ Невиномысской вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги наступала наша пѣхота (10 000 штыковъ и шашекъ, 30 орудій), объединенная подъ начальствомъ генерала Ляхова, долгое время въ Персіи командовавшего нашими казаками. На правомъ флангѣ его въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ работали казаки полковника Шкуро. Къ сѣверу отъ частей генерала Ляхова дѣйствовали 1-ый армейскій корпусъ (1-ая кубанская и 1-ая пѣхотная дивизіи, 6 800 штыковъ и шашекъ, 21 орудіе) подъ общимъ начальствомъ бывшаго начальника послѣдней храбраго генерала Казановича. Далѣе въ районѣ Петровскаго находился мой корпусъ (6 200 штыковъ и шашекъ, 20 орудій). Лѣвѣе меня, къ югу отъ Маныча въ районѣ Большой и Малой Джалги, станицы Винодѣльное и Предтеча оперировалъ отрядъ изъ трехъ родовъ войскъ генерала Станкевича (2—3 тысячи, при 4 орудіяхъ). Противъ нашихъ частей находилась XI армія красныхъ, общей численностью около 70 000 штыковъ и шашекъ при 80—100 орудіяхъ, расположившихся въ 4-хъ группахъ: противъ генерала Станкевича между озеромъ Манычъ и с. Овоци — 15 000; противъ моего корпуса — 10 000; противъ частей генерала Казановича — 10 000; противъ генерала Ляхова — 20 000. Въ резервъ въ районѣ Кизляръ — Моздокъ — Грозный — 12 000. Въ послѣднихъ числахъ ноября красные перешли противъ частей генерала Станкевича въ наступленіе и послѣ ряда боевъ оттѣснили ихъ почти до желѣзнодорожной линіи Торговая—Великокняжеская, занявъ села Тахра и Нѣмецко-Хатинское. Важный для насъ желѣзнодорожный путь Торговая—Екатеринодаръ находился подъ угрозой. Приказомъ генерала Деникина отрядъ генерала Станкевича былъ подчиненъ мнѣ и я получилъ задачу, удерживая Петровское, разбить группу красныхъ, дѣйствовавшихъ противъ частей генерала Станкевича, отбросить ее за рѣку Калаусъ и прочно прикрыть ведущіе къ Торговой пути къ югу отъ Маныча.

Оставивъ заслонъ въ районѣ Петровскаго, 1-ый конный корпусъ перешель въ наступленіе на сѣверъ и, двигаясь обоими берегами рѣки Калаушь, разбилъ противника у Николиной Балки, Предтечи и Винодѣльнаго. Подъ угрозой быть прижатымъ къ болотистому Манычу, непріятель началъ поспѣшный отходъ на востокъ. Генераль Станкевичъ перешель въ наступленіе. Къ 1-ому декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вѣранный мнѣ отрядъ занялъ широкій фронтъ Петровское — Винодѣльное — Кистинское.

За послѣдніе три мѣсяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала въ полки значительныя пополненія и, несмотря на большія потери въ непрерывныхъ бояхъ, боевой составъ частей сталъ вполне достаточнымъ. Пополнились значительно артиллерія, техническія и тыловыя команды. Всѣ эти части укомплектовывались главнымъ образомъ за счетъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Также пополнился и стрѣлковый полкъ полковника Чичинадзе, работавшій прекрасно. Послѣ разгрома на Урупѣ и Кубани, красные, стремясь пополнить свои порѣдѣвшіе ряды, стали прибѣгать къ широкой мобилизаци, штыками и пулеметами заставляли идти за собой населеніе изъ ближайшихъ прифронтowychъ деревень. Поставленные насильно въ ряды дрались, конечно, не охотно, при первой возможности сдавались въ плѣнъ и въ нашихъ рядахъ, сражаясь за освобожденіе родныхъ селъ, дрались отлично. Правда, по мѣрѣ очищенія области отъ красныхъ и продвиженія нашихъ войскъ впередъ, часть изъ этихъ пополненій, освободивъ родное село или хуторъ, пытались всячески уклониться отъ дальнѣйшей службы, но все же значительный процентъ продолжалъ добросовѣстно служить. Огромная, попавшая въ наши руки послѣ разгрома Таманской арміи добыча дала возможность полностью снабдить всѣмъ необходимымъ части, создать полковые, дивизионныя и корпусныя запасы. Изъ захваченныхъ повозокъ были сформированы санитарныя, артиллерійскіе и интендантскіе транспорты. Попавшія въ наши руки техническія средства въ связи съ значительными развитыми мѣстными телеграфными линиями дали возможность хорошо обезпечить связь. За послѣднее время и штабъ главнокомандующаго сталъ приходить на помощь. Снабженіе огнеприпасами казалось обезпеченнымъ, и за послѣднія недѣли было прислано въ корпусъ нѣсколько броне-автомобилей. вмѣстѣ съ тѣмъ, все же цѣлый рядъ вопросовъ хозяйственнаго и организаціоннаго характера требовалъ еще

разрѣшенія. За три мѣсяца непрерывныхъ боевъ значительное число офицеровъ и казаковъ были разновременно представлены къ награжденію. Представленія эти, несмотря на постоянныя мои напоминанія, въ штабѣ главнокомандующаго мѣсяцами залеживались и многіе достойные офицеры и казаки успѣвали выбыть изъ строя, такъ и не дождавшись награды. Разбитый, потерпѣвшій огромныя потери противникъ противъ насъ казался совершенно деморализованнымъ и активныхъ дѣйствій съ его стороны, въ ближайшіе дни, ожидать было трудно. Я рѣшилъ воспользоваться боевымъ затишьемъ и на мѣстѣ въ Екатеринодарѣ добиться разрѣшенія цѣлаго ряда существенныхъ для корпуса вопросовъ.

Получивъ разрѣшеніе генерала Деникина и вытребовавъ себѣ изъ Ставрополя въ Петровское вагонъ, я выѣхалъ въ Екатеринодаръ, передавъ корпусъ только что произведенному въ генералы Улагаю. Я нашель Екатеринодаръ еще болѣе переполненнымъ, нежели три мѣсяца тому назадъ. Несмотря на то, что предупрежденный о моемъ пріѣздѣ, войсковою штабъ отдалъ приказаніе отвести мнѣ номеръ въ войсковой гостинницѣ, таковой удалось получить лишь черезъ нѣсколько дней и первые дни пришлось жить въ моемъ вагонѣ.

Генераль Деникинъ встрѣтилъ меня очень сердечно. Много благодарилъ за блестящія дѣйствія корпуса и общалъ всѣмъ, что отъ него зависитъ, корпусу помочь, приказавъ мнѣ о всѣхъ нуждахъ корпуса сообщить начальнику штаба. У послѣдняго встрѣтилъ я весьма любезный пріемъ, однако ни по одному вопросу вполнѣ опредѣленнаго, исчерпывающаго отвѣта, получить не могъ. Генераль Романовскій въ большинствѣ случаевъ уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта, не давалъ опредѣленныхъ обѣщаній, избѣгалъ и отказовъ... Тоже встрѣтилъ я и въ большинствѣ отдѣловъ штаба и въ частности у новаго генераль-квартирмейстера, полковника Плющевскаго-Плющикъ. Послѣдній проявлялъ полное отсутствіе самостоятельности, какъ будто даже боялся послѣдней, постоянно ссылаясь на то, «что скажетъ Иванъ Павловичъ», «какъ посмотритъ Иванъ Павловичъ»¹⁰.

Штабъ съ его безконечными отдѣлами страшно распухъ и утопалъ въ морѣ бумаги. Забывая и откладывая разрѣшеніе самыхъ насущныхъ повседневныхъ мѣръ, штабъ главнокомандующаго занимался изученіемъ и разрѣшеніемъ цѣлаго ряда вопросовъ, быть можетъ и существенныхъ, но имѣвшихъ въ данной обстановкѣ скорѣе академическое значеніе: пересматривались и разрабатывались уставы, засѣдали комиссіи по разработкѣ организациі высшихъ войсковыхъ соединеній...

Въ одну изъ такихъ комиссій по изученію организациі конницы попалъ и я. Созданію мощной конницы, въ условіяхъ настоящей войны, гдѣ маневръ игралъ первенствующую роль, я придавалъ огромное значеніе. Зная казаковъ, я въ полной мѣрѣ учитывалъ, что, по освобожденіи казачьихъ земель, они неохотно примуть участіе въ дальнѣйшей нашей борьбѣ и считалъ необходимымъ безотлагательно озаботиться возстановленіемъ частей регулярной конницы. Большое число офицеровъ-кавалеристовъ оставалось безъ дѣла или служили въ пѣхотныхъ частяхъ сплошь и рядомъ рядовыми. Цѣннѣйшіе кадры лучшей въ мірѣ конницы таяли. Между тѣмъ отъ того ли, что среди лицъ штаба, начиная съ Главнокомандующаго, за немногими исключеніями, большинство было пѣхотными офицерами, къ мысли о необходимости созданія регулярныхъ кавалерійскихъ частей, верхи арміи относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подаль отдѣльную докладную записку, въ коей, настаивая на необходимости безотлагательно приступить къ возсозданію регулярныхъ кавалерійскихъ частей, указывалъ въ видахъ успѣшнаго проведенія этой мысли въ жизнь, создать особый органъ — инспекцію конницы. Внесенная въ комиссію моя записка была поддержана всѣми членами комиссіи единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу опредѣленнаго отвѣта получить не удалось.

Пріѣздъ мой въ Екатеринодаръ совпалъ съ выборомъ Краевой Радой атамана. Правые элементы Рады поддерживали стараго атамана, полковника Филимонова, лѣвыя, «самостійныя» группы, выставляли кандидатуру предсѣдателя Рады, Быча. Вокругъ предстоящихъ выборовъ шла ожесточенная борьба. Борьба эта въ казачьихъ частяхъ и широкой массѣ казачества сочувствія не имѣла. Мнѣ представлялось, что всякія политическія выступленія, всякая политическая борьба въ тылу, въ то время, когда на фронтѣ идутъ кровопролитные бои, наносятъ непоправимый ущербъ нашему дѣлу. Всякое послабленіе въ

¹⁰ Генераль Романовскій.

этомъ отношеніи со стороны главнокомандующаго, могло быть, по моему мнѣнію, чревато послѣдствіями. Хорошо зная казаковъ, я не сомнѣвался въ томъ, что мощный окрикъ генерала Деникина въ корнѣ пресѣкъ бы всѣ эти выступленія и что наоборотъ всякое послабленіе, всякое исканіе властью компромисса, было бы учтено какъ слабость ея, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явились бы новыя домогательства мѣстныхъ демагоговъ. При свиданіи моемъ въ день пріѣзда съ генераломъ Деникинымъ, я попытался затронуть этотъ вопросъ, но главнокомандующій отъ дальнѣйшаго разговора уклонился. Генераль Драгомировъ сообщил мнѣ, что находящіеся въ Екатеринодарѣ генераль Покровскій и полковникъ Шкуро также настаивали передъ главнокомандующимъ на необходимости положить предѣлъ недопустимымъ выступленіямъ нѣкоторыхъ группъ Рады, не останавливаясь въ случаѣ необходимости даже передъ *сop d'état*. Однако, генераль Деникинъ, повидимому, былъ другого мнѣнія.

На засѣданіе Краевой Рады прибылъ кромѣ генерала Покровскаго и полковника Шкуро цѣлый рядъ офицеровъ изъ арміи. Несмотря на присутствіе въ Екатеринодарѣ ставки, какъ прибывшіе, такъ и проживающіе въ тылу, офицеры вели себя непозволительно распушено, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно велъ себя полковникъ Шкуро. Онъ привелъ съ собой въ Екатеринодаръ дивизионъ своихъ партизанъ, носившій наименованіе «волчій». Въ волчьихъ папахъ съ волчьими хвостами на бунчукахъ, партизаны полковника Шкуро представляли собою не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядомъ ночью послѣ попойки, партизанъ Шкуро со своими «волками» несли по улицамъ города, съ пѣснями, гикомъ и выстрѣлами. Возвращаясь какъ-то вечеромъ въ гостиницу, на Красной улицѣ увидѣлъ толпу народа. Изъ открытыхъ оконъ особняка лился свѣтъ, на тротуарѣ подъ окнами играли трубачи и плясали казаки. Поодаль стояли, держа коней въ поводу, нѣсколько «волковъ». На мой вопросъ, что это значитъ, я получилъ отвѣтъ, что это «гуляетъ» полковникъ Шкуро. Въ войсковой гостиницѣ, гдѣ мы стояли, сплошь и рядомъ, происходилъ самый безшабашный разгулъ. Часовъ въ 11—12 вечера являлась ватага подвыпившихъ офицеровъ, въ общій залъ вводились пѣсенники мѣстнаго гвардейскаго дивизиона и на глазахъ публики шель кутежъ. Во главѣ стола сидѣли обыкновенно генераль Покровскій, полковникъ Шкуро, другіе старшіе офицеры. Одна изъ такихъ пооекъ подъ предсѣдательствомъ генерала Покровскаго закончилась трагично. Офицеръ-конвоецъ застрѣлилъ офицера Татарскаго дивизиона. Всѣ эти безобразія производились на глазахъ штаба главнокомандующаго, о нихъ знали весь городъ и въ то же время ничего не дѣлалось, чтобы прекратить этотъ развратъ.

Наконецъ состоялись выборы. Выбраннымъ оказался генераль¹¹. Филимоновъ. Весьма разумный, тонкій, осторожный, но не обладавшій, какъ показали дальнѣйшія событія, необходимой твердостью и не сумѣвшій удержать въ своихъ рукахъ атаманскую булаву.

Начатая генераломъ Корниловымъ героическая борьба ширилась, и, казалось, что значеніе ея начинала учитывать Европа. Съ цѣлью изученія вопроса возможностей помочь намъ необходимымъ снабженіемъ, прибыли въ Екатеринодаръ представители англійскаго и французскаго правительствъ. Во главѣ миссій стояли: англійской — генераль Пулль, и французской — капитанъ Фуккэ. Въ ближайшее время миссіи выѣзжали на фронтъ для ознакомленія на мѣстѣ съ нуждами войскъ.

11-го ноября новаго стиля на западномъ фронтѣ было заключено перемиріе. Германская армія развалилась и нѣмецкія окупаціонныя войска, охваченныя русской заразой, распродалая оружіе и снаряженіе, толпами бѣжали домой.

На Украинѣ произошло то, что неизбѣжно должно было случиться. Посаженный нѣмцами и державшійся нѣмецкими штыками, Скоропадскій палъ, скрывшись въ Германію. Въ Кіевѣ предательски былъ убитъ герой Галиціи, генераль графъ Келлеръ. Уцѣлѣвшіе офицеры бѣжали на Донъ и Кавказъ. Здѣсь генераль Красновъ, во время учтя паденіе Германіи, умѣло использовавшій нѣмцевъ и сумѣвшій создать собственную армію, нынѣ велъ переговоры съ союзниками. Эти переговоры велись имъ независимо отъ переговоровъ съ союзными державами генерала Деникина.

Передъ общей цѣлью, передъ лицомъ общей опасности вожди не сумѣли еще найти общаго языка.

¹¹ Произведенъ въ генераль-лейтенанты Радой.

Въ штабѣ главнокомандующаго жестоко обвиняли генерала Краснова въ «не желаніи подчиниться», въ «нежеланіи признать власть генерала Деникина». Повидимому въ штабѣ Донскаго атамана такіе же упреки раздавались по адресу главнокомандующаго.

Борьба противъ насильниковъ родины разгоралась и на другихъ концахъ Русской Земли. 18-го ноября соціалистическое Омское правительство было сброшено и во главѣ сибирскихъ армій сталъ адмиралъ Колчакъ. На сѣверѣ вдоль Мурманской желѣзной дороги войска объединилъ генералъ Миллеръ, въ Прибалтикѣ формировались части генераломъ Юденичемъ. Черная мгла нависшая надъ Россіей, казалось, разсѣивалась...

Я оставался въ Екатеринодарѣ, тяготясь екатеринодарской жизнью и стремясь скорѣе вернуться къ себѣ въ корпусъ, однако, разрѣшеніе штабомъ важныхъ для меня вопросовъ безконечно оттягивалось. Между тѣмъ противникъ, оправившись и подтянувъ подкрѣпленія, вновь перешелъ въ наступленіе противъ частей генерала Улагая, овладѣлъ Кистинскимъ и Винодѣльнымъ и быстро продвигался на западъ. Въ ставкѣ заволновались и генералъ Романовскій прислалъ мнѣ записку съ приказаніемъ главнокомандующаго, спѣшить возвращеніемъ въ корпусъ и принять мѣры для возстановленія нашего положенія. Я вызвалъ по прямому проводу начальника штаба генерала Улагая. Послѣдній принялъ уже необходимыя мѣры, сосредоточивалъ свои части къ югу отъ Винодѣльнаго, имѣя цѣлью повторить прежній нашъ маневръ. Я далъ начальнику штаба корпуса нѣсколько дополнительныхъ указаній и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ въ Петровское, а оттуда верхомъ въ корпусъ. Въ Петровскомъ я получилъ донесеніе генерала Улагая объ удачномъ для насъ дѣлѣ. Генералъ Улагай нанесъ противнику жестокое пораженіе, захвативъ много плѣнныхъ и пулеметовъ, вновь овладѣлъ Винодѣльнымъ и продолжалъ продвигаться къ сѣверу, угрожая тылу красныхъ. Въ бою подъ Винодѣльнымъ особенно отличились стрѣлки полковника Чичинадзе.

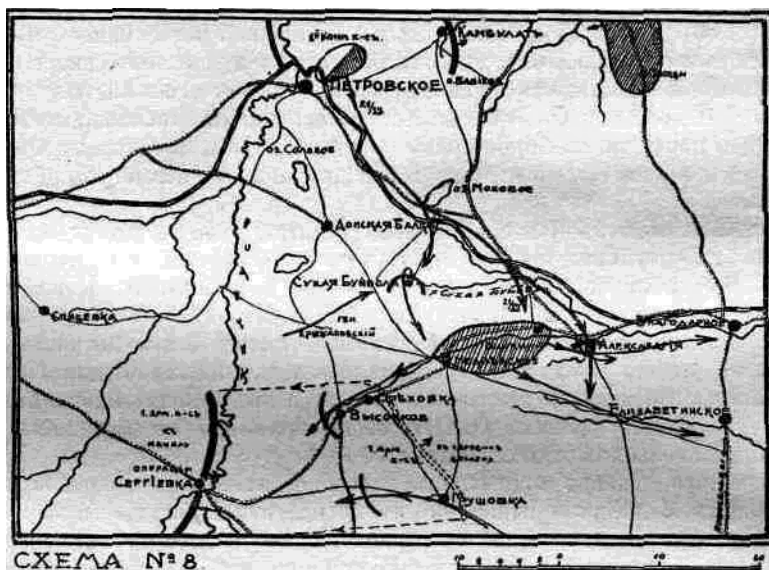
Вечеромъ прибывъ въ Винодѣльное, я отдалъ приказъ генералу Станкевичу, также перейти въ наступленіе. Черезъ два дня наше положеніе было полностью возстановлено.

Въ бытность мою въ Екатеринодарѣ я ходатайствовалъ, объ отводѣ корпуса въ резервъ главнокомандующаго, чтобы дать возможность полкамъ произвести перековку. Не добившись опредѣленнаго отвѣта на мое ходатайство, я отдалъ приказъ полкамъ немедленно приступить къ перековкѣ, используя боевое затишье. Въ послѣднихъ бояхъ противникъ былъ окончательно потрясенъ. Демо рализація въ рядахъ противника усиливалась и за послѣдніе дни была масса перебѣжчиковъ. Обстановка исключала на долгое время возможность активности красныхъ на нашемъ фронтѣ. Однако, общее положеніе не дало намъ возможности продолжительнаго отдыха. (Схема № 8).

Въ серединѣ декабря противникъ, сосредоточивъ значительныя силы въ районѣ станицъ Медвѣдское-Шишкино, въ пятидесяти верстахъ къ югу отъ села Петровское, перешелъ въ рѣшительное наступленіе противъ 1-го армейскаго корпуса генерала Казановича, выдвинувшагося къ этому времени на фронтъ Грушевка-Орѣховка, отбросилъ его и, нанеся громадныя потери, вынудилъ вновь отойти за рѣку Калаусъ. По донесенію генерала Казановича, его части, въ случаѣ дальнѣйшаго продвиженія противника, не были въ состояніи продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнѣйшій отходъ къ Ставрополю 1-го армейскаго корпуса создавалъ серьезную угрозу общему нашему положенію. Я рѣшилъ, невзирая на большое утомленіе моихъ частей послѣ трехмѣсячныхъ непрерывныхъ боевъ, предложить главнокомандующему оказать помощь 1-му армейскому корпусу, для чего, заслонившись на фронтѣ Петровское — Манычъ, широкимъ маневромъ охватить и нанести ударъ въ тылъ дѣйствующей въ районѣ Медвѣдское - Шишкино группѣ красныхъ. За нѣсколько дней передъ этимъ бригада генерала Чайковскаго (Офицерскій конный и Черноморскій казачій полки) вышла изъ состава корпуса, а вновь сформированный 2-ой Лабинскій казачій полкъ вошелъ въ составъ 1-ой конной дивизіи.

Главнокомандующій одобрилъ мои предположенія. Сосредоточивъ въ районѣ Петровскаго екатеринодарцевъ, линейцевъ, лабинцевъ, уманцевъ, запорожцевъ и пластуновъ, подъ общимъ начальствомъ произведеннаго въ генералы Топоркова, я отдалъ послѣднему приказаніе, 21-го на разсвѣтѣ, двинуться усиленнымъ переходомъ въ общемъ направленіи на Александрію и, выйдя въ тылъ красныхъ, атаковать ихъ въ направленіи Шишкино - Медвѣдское. Прибывъ 20-го въ Петровское, я нашелъ телеграмму о выѣздѣ генерала Деникина въ сопровожденіи союзническихъ миссій на фронтъ. Вечеромъ меня вызвалъ изъ Ставрополя къ аппарату главнокомандующій. По донесенію генерала Казановича, тяжелое положеніе его

корпуса исключало возможность осмотра частей союзническими миссиями. Генералъ Деникинъ спрашивалъ, возможенъ ли прїѣздъ ихъ въ 1-ый конный корпусъ и что я могу «имъ показать». Я отвѣтилъ, что «могу показать лишь какъ кубанцы бьютъ большевиковъ», и просилъ главнокомандующаго, буде возможно, прибыть ночью, дабы съ разсвѣтомъ выступить съ колонной генерала Топоркова.

Приказавъ полковнику Бабіеву, который съ корниловцами и стрѣлками оставался для прикрытія Петровскаго, назначить взводъ казаковъ въ почетный караулъ и сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія для встрѣчи гостей, я отдалъ директиву корпусу. Директива была переведена на англійскій и французскій языки и къ ней была приложена схема обстановки съ соответствующей объяснительной запиской, послѣдняя также въ переводѣ. За всѣми хлопотами мнѣ не пришлось за всю ночь лечь. Въ 4 часа утра я былъ уже на вокзалѣ. Вскорѣ подошелъ поѣздъ. Генералъ Деникинъ, генералъ Пуллъ, капитанъ Фуккэ и лица свиты были уже одѣты и мы, сѣвъ верхомъ, тронулись въ путь.

Стало понемногу сѣрѣть, бесконечно, куда хваталъ глазъ, чернѣла пустынная степь, мѣстами прорезанная глубокими оврагами; кое гдѣ одиноко темнѣли курганы; утро было туманное, изрѣдка моросилъ дождь, и черноземная размокшая, покрытая лужами дорога не позволяла двигаться быстро. На дорогѣ попадались отставшія отъ обозовъ повозки, мѣстами безнадежно завязшія въ грязи. Отѣхавъ версть 15, мы нагнали большой обозъ, стоявшій на привалѣ; тутъ же находилось нѣсколько орудій. Генералъ Топорковъ, оставивъ тяжести и часть артиллеріи въ тылу, выпряженными лошадьми усилилъ артиллерійскія запряжки. Въ нѣкоторыхъ батареяхъ тѣла орудій были сняты и везлись на тѣлѣгахъ. Части двигались весьма медленно. Лошади и люди вязли въ грязи, скользили и падали. Пластуны, шедшіе съ первой бригадой, значительно отстали отъ своей колонны. Лишь къ 4-мъ часамъ дня авангардъ правой колонны, при которой слѣдовали мы, наступая дорогой Петровское — озеро Маховое-Шишкино, обойдя флангъ противника, спустился въ долину рѣки Сухая-Буйвола и завязалъ перестрѣлку съ красными. Съ четырехъ часовъ утра мы ничего не ѣли и почти не слѣзали съ лошадей. Отвыкшіе отъ походной жизни, не втянутые въ ѣзду, главнокомандующій, чины штаба и иностранцы окончательно заморились. Выбравъ удобный наблюдательный пунктъ, я предложилъ генералу Деникину оставаться здѣсь, самъ же просилъ разрѣшенія проѣхать впередъ, чтобы руководить боемъ.

При генералѣ Деникина я оставилъ начальника штаба корпуса полковника Соколовскаго съ моимъ конвоемъ, приказавъ ему, выждавъ подходъ 2-хъ отставшихъ орудій и пластуновъ и объединивъ подъ своимъ командованіемъ эти части, наступать на деревню Сухая Буйвола, гдѣ нашъ боковой отрядъ завязалъ перестрѣлку. Медленно тянулась мимо насъ колонна, спускаясь крутымъ берегомъ въ долину рѣчки. Главнокомандующій здоровался съ полками.

Вдвоемъ съ офицеромъ ординарцемъ я, обгоняя колонну, проѣхалъ впередъ. Наша лава медленно карабкалась на правый берегъ рѣки. Со стороны деревни Шишкино слышались выстрѣлы. Далеко вправо въ районѣ деревни Сухая Буйвола нашъ боковой отрядъ велъ перестрѣлку. Лѣвѣе видна была подходившая къ деревнѣ Александрія 2-ая бригада. У самой переправы мелькалъ значокъ генерала Топоркова и виднѣлась группа чиновъ его штаба. То тамъ, то здѣсь надъ колонной вспыхивали дымки шрапнелей. Наша лава поднялась на холмистый гребень. Тамъ за гребнемъ часто стучали выстрѣлы. Мы съ генераломъ Топорковымъ рысью выѣхали впередъ. Лава лабинцевъ маячила передъ деревней, не рѣшаясь атаковать.

Подымаясь въ гору подходилъ Екатеринодарскій полкъ. Полкомъ командовалъ молодой офицеръ, полковникъ Лебедевъ. Приказъ о его производствѣ въ штабъ-офицеры въ корпусъ полученъ былъ лишь наканунѣ и Лебедевъ, только сегодня объ этомъ узнавшій, не успѣлъ еще надѣть полковничьихъ погонъ. Я подскакалъ къ полку, поздоровался съ казаками и обратился къ командиру полка: «Полковникъ Лебедевъ, поддержите штабъ-офицерскіе погонны, въ атаку.» Полковникъ Лебедевъ выскочилъ впередъ, раздалась команда: «шашки къ бою, строй фронтъ, маршъ, маршъ», екатеринодарцы понеслись. Огонь усилился, скользили и падали кони, но казаки неслись неудержимо. Вскорѣ рубка шла на улицахъ села, оттуда вразсыпную бѣжали люди, скакали повозки, лазаретныя линейки, походныя кухни. Изъ сосѣдней деревни Медвѣдское на востокъ быстро отходила длинная колонна обозовъ, ей на перерѣзъ изъ Александріи спѣшили полки 2-ой бригады. Въ бинокль былъ виденъ втягивающійся въ деревню Сухая Буйвола отрядъ полковника Соколовокаго. Темнѣло; одно за другимъ стали поступать донесенія. Полковникъ Соколовскій занялъ Сухую Буйволу, захвативъ плѣнныхъ, пулеметы и батарею. Почти одновременно съ нимъ въ деревню вошла и конница 1-ой кубанской дивизіи генерала Покровскаго, дѣйствовавшая на лѣвомъ флангѣ 1-го армейскаго корпуса¹² екатеринодарцы, линейцы, лабинцы, овладѣвъ Шишкинымъ и Медвѣдскимъ, также захватили много плѣнныхъ, пулеметы и орудія. Противникъ на всемъ фронтѣ отходилъ въ направленія на Благодарное, Елизаветинское и Новосельцы.

Отдавъ необходимыя распоряженія, я поѣхалъ назадъ. Стало совсѣмъ темно. Генералъ Деникинъ уже проѣхалъ на Петровское, и я поспѣшилъ возвратиться, дабы застать главнокомандующаго до его отъѣзда. Дорога казалась безконечной. Заморенные кони двигались съ трудомъ. Наконецъ мы добрались до Петровскаго. Домъ, занятый штабомъ, былъ ярко освѣщенъ. Я засталъ генерала Деникина съ иностранными гостями за ужиномъ. Только что главнокомандующему было доставлено посланное мною донесеніе съ мѣста боя. Генералъ Деникинъ его громко прочелъ и меня встрѣтили криками «ура». Несмотря на то, что всѣ сильно проголодались, гости ѣли неохотно. Всѣ очень заморились и спѣшили лечь.

Въ 11 часовъ гости уѣхали, я оставался еще въ штабѣ, чтобы отдать нѣсколько необходимыхъ распоряженій; а затѣмъ проѣхалъ на вокзалъ проводить главнокомандующаго. Весь поѣздъ уже спалъ и я, приказавъ дежурному офицеру передать главнокомандующему пожеланіе счастливаго пути, вернулся домой и заснулъ какъ убитый. Я не спалъ полтора сутокъ и за послѣднія сутки сдѣлалъ верхомъ не менѣе ставерсть.

Побѣда 21-го декабря стоила противнику 1 000 плѣнныхъ, 65 пулеметовъ и 12 орудій. Огромные обозы красныхъ попали въ наши руки, 1-ый армейскій корпусъ генерала Казановича вновь выдвинулся на линію Медвѣдское — Грушовка — Калиновка. Приказомъ главнокомандующаго части 1-го армейскаго корпуса генерала Казановича, 1-го коннаго корпуса и отрядъ генерала Станкевича объединялись въ отдѣльную армейскую группу подъ моимъ начальствомъ. (Схема № 9).

Мнѣ ставилась задача, удерживая фронтъ Маньчъ — Петровское и развивая достигнутый 21-го декабря успѣхъ, овладѣть главной базой Таманской арміи — Святымъ Крестомъ и въ дальнѣйшемъ, закрѣпившись здѣсь, дѣйствовать въ тылъ Минераловодской группѣ красныхъ, скованной съ фронта наступающими вдоль Владикавказской желѣзной дороги частями генерала Ляхова.

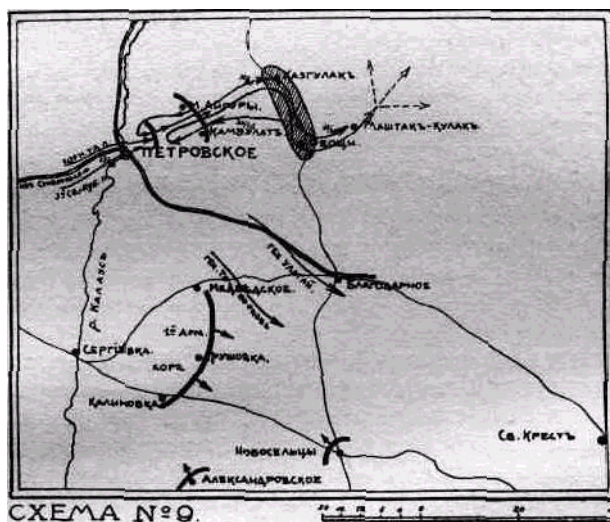
Оставивъ въ районѣ Камбулатъ — Малые Айгуры отрядъ полковника Бабіева въ составѣ двухъ конныхъ и стрѣлковаго полковъ для прикрытія села Петровское и желѣзной дороги на

¹² Самъ генералъ Покровскій отсутствовалъ и дивизіей временно командовалъ бригадный командиръ, генералъ Крыжановскій.

Ставрополь, я направил генерала Улагая съ его 2-ой кубанской и одной бригадой 1-ой конной дивизии для преслѣдованія противника, отходившаго на Благодарное и далѣе на Святой Крестъ.

Генералу Топоркову и генералу Казановичу я приказалъ перейти въ общее наступленіе на фронтѣ Александровское — Новоселица и далѣе на юго-востокъ. Противникъ, желая выйти изъ тяжелаго положенія, предпринялъ отчаянную попытку пріостановить наше наступленіе. 26-го декабря, сосредоточивъ свои силы въ районѣ Казгулакъ — Овоши онъ обрушился на отрядъ полковника Бабіева и послѣ тяжелаго двѣнадцатичасоваго боя отгѣснилъ его къ самому Петровскому. Не имѣя свободныхъ резервовъ, я просилъ главнокомандующаго мнѣ помочь и въ мое распоряженіе были переданы расположенные въ Ставрополь Корниловскій ударный и 3-ій Сводно-кубанскій казачій полки.

Приказавъ казакамъ спѣшно двигаться изъ Ставрополя къ Петровскому походнымъ порядкомъ, я, въ ночь на 27-ое, перебросилъ по желѣзной дорогѣ корниловцевъ и, выдвинувъ ихъ на фронтъ, къ вечеру 27-го остановилъ красныхъ въ 7-ми верстахъ отъ Петровскаго. Къ вечеру 28-го декабря полковникъ Бабіевъ усиленный корниловцами и сводно-кубанцами занялъ Малые Айгуры и Камбулатъ. Произведя перегруппировку, онъ черезъ сутки ночнымъ переходомъ, имѣя пѣхоту на повозкахъ, выдвинулся къ Казгулаку, на голову разбилъ здѣсь противника и захватилъ болѣе тысячи плѣнныхъ.

Послѣдніе, въ значительномъ числѣ недавно насильно мобилизованные большевиками, сами выразили желаніе стать въ наши ряды и въ тотъ же день въ числѣ пятьсотъ человекъ сражались въ рядахъ Корниловскаго ударнаго полка. Не задерживаясь въ Казгулакѣ, полковникъ Бабіевъ въ тотъ же день выдвинулся къ селенію Овоши и къ вечеру послѣ короткаго и горячаго боя овладѣлъ послѣднимъ, вновь захвативъ пятьсотъ плѣнныхъ. На слѣдующій день, 31-го декабря, доблестный полковникъ Бабіевъ увѣнчалъ свое славное дѣло занятіемъ села Маштакь-Кулакъ, гдѣ и довершилъ разгромъ противника. Остатки красныхъ разсѣялись въ степи.

Наступающій Новый Годъ засталъ части корпуса на походѣ въ Ногайскихъ степяхъ.

Прошлое темно, будущее неясно, но разсвѣтъ какъ будто уже брезжить, прорѣзывая кровавую тьму, покрывшую русскую землю...

За два дня до Новаго Года я получилъ неожиданно телеграмму главнокомандующаго о назначеніи меня командующимъ Добровольческой арміей; впредь до выполнения поставленной ввѣренной мнѣ группѣ войскъ задачи, временно командовать арміей приказывалось начальнику штаба главнокомандующаго, генералу Романовскому. Переговоры между главнокомандующимъ и Донскимъ атаманомъ наконецъ привели къ соглашенію 26-го декабря во время свиданія въ Торговой главнокомандующаго и Донскаго атамана. Генералъ Деникинъ объединилъ командованіе Добровольческой и Донской арміями, принявъ званіе главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Я совершенно не ожидалъ новаго назначенія. Оно обрадовало меня, давъ возможность приложить силы и знанія свои въ широкомъ масштабѣ и показавъ, что главнокомандующій довѣряетъ мнѣ и цѣнитъ мою работу.

Въ то же время мнѣ грустно было расстаться съ моимъ славнымъ корпусомъ и, неизбежно оторвавшись отъ войскъ, отдалиться отъ столь близкой мнѣ боевой жизни.

Командиромъ 1-го коннаго корпуса назначался начальникъ 1-ой кубанской дивизіи, генераль Покровскій, причеъ его дивизія включалась въ составъ корпуса, взаменъ 2-ой кубанской дивизіи генерала Улагая. Былъ назначенъ и новый начальникъ 1-ой конной дивизіи. По принятіи мною 1-го коннаго корпуса начальникомъ послѣдней былъ назначенъ генераль Науменко. Онъ, однако, такъ и не успѣлъ вступить въ командованіе, принявъ должность походнаго атамана Кубанскаго войска, и дивизіей долго временно командовалъ командиръ 1-ой бригады полковникъ Топорковъ.

Замѣстителемъ генерала Науменко оказался старый мой пріятель, соратникъ по японской кампаніи и однокашникъ по академіи генеральнаго штаба, которую онъ окончилъ за два года до меня, генераль Шатиловъ.

Я приказалъ генералу Шатилову объединить командованіе 1-ой кубанской дивизіей и частей 1-ой конной, дѣйствующихъ подъ начальствомъ генерала Топоркова.

Безостановочно гоня красныхъ, генераль Улагай 24-го овладѣлъ Благодарнымъ и 4-го января захватилъ базу Таманской арміи — Святой Крестъ, овладѣвъ здѣсь огромными запасами. Въ то же время генераль Шатиловъ, преслѣдуя противника, овладѣлъ Новоселицами и селомъ Александровское, захвативъ вновь плѣнныхъ, пулеметы и орудія. На слѣдующій день въ село Александровское вступили части генерала Казановича. Изъ Новоселицъ конница генерала Топоркова усиленнымъ маршемъ выдвинулась къ станціи Преображенское, перерѣзала желѣзно-дорожную вѣтку Святой Крестъ — Георгіевская, отрѣзавъ путь бѣгущимъ на югъ краснымъ эшелонамъ¹³.

Сюда же къ станціи Преображенское спѣшили, преслѣдуя по пятамъ бѣжавшаго изъ Святого Креста на югъ противника, прочіе полки 1-ой конной дивизіи (2-ая кубанская дивизія генерала Улагая оставалась въ Святомъ Крестѣ).

Развернувшись на линіи Александровское — Новосельцы — Преображенское, армейская группа продолжала наступленіе на югъ; 1-ый армейскій корпусъ генерала Казановича отъ Александровскаго на Саблинское и далѣе на станицу Александрійскую; 1-ая кубанская дивизія подъ командованіемъ генерала Крыжановскаго отъ Новосельцы на Обильное; части генерала Топоркова отъ Преображенской вдоль линіи желѣзной дороги на Георгіевскъ. Одновременно съ запада генераль Ляховъ продолжалъ тѣснить противника къ Минеральнымъ Водамъ. Овладѣвъ на своемъ пути селами Солдатско-Александровское и Обильное, части генерала Топоркова и генерала Крыжановскаго подъ общимъ командованіемъ генерала Шатилова стремительно атаквали Георгіевскъ и послѣ двухдневнаго боя 8-го января овладѣли городомъ, перехвативъ пути отступленія Минеральноводской группѣ красныхъ. Прорвавшіеся изъ района Минеральныхъ Водъ, остатки XI-ой красной арміи бѣжали на востокъ, бросая по пути оружіе, пулеметы и обозы.

Освобожденіе Терека.

Съ занятіемъ нами Святого Креста и дальнѣйшимъ продвиженіемъ къ югу, связь съ корпусами изъ Петровскаго становилась затруднительной и я рѣшилъ перенести штабъ на желѣзно-дорожную станцію Старомарьевка, откуда мнѣ удобно было поддерживать Проволочную связь съ войсками. По моей просьбѣ отрядъ генерала Станкевича, связь съ которымъ въ этомъ случаѣ была бы затруднительна, переходилъ въ непосредственное подчиненіе ставки. На станціи Старомарьевка помѣщеніе найти было трудно и я со штабомъ жилъ въ поѣздѣ. Въ Старомарьевку прибылъ назначенный начальникомъ штаба Добровольческой арміи генераль Юзефовичъ, о согласіи на назначеніе коего я былъ запрошенъ нѣсколько дней до этого и тогда же отвѣтилъ утвердительно.

Лично съ генераломъ Юзефовичемъ я едва былъ знакомъ, но по репутаціи зналъ его за блестящаго, большой эрудиціи, способнаго и дѣльнаго офицера. Я изъ Петровскаго нѣсколько разъ говорилъ съ генераломъ Юзефовичемъ по прямому проводу. Ему поручилъ я формировать штабъ и онъ велъ переговоры съ намѣченными въ сотрудники лицами. Краткіе, сжатые и опредѣленные изложенія и отвѣты, даваемые генераломъ Юзефовичемъ на поставленные ему вопросы, меня чрезвычайно удовлетворили. Составленное мною о генераль Юзефовичъ

¹³ См. карту театра военныхъ дѣйствій на Сѣверномъ Кавказѣ въ 1918 г. въ концѣ книги. (Ред.).

благоприятное представление вполне подтвердилось при личном свидании. В дальнейшей продолжительной совместной работе, я имел в его лице драгоценного сотрудника. Обладая большим военным опытом, широкой и разнообразной военной эрудицией, острым и живым умом и огромной трудоспособностью, генерал Юзефович был прекрасным начальником штаба. Впоследствии, во время перенесенной мною тяжелой болезни, ему пришлось продолжительное время командовать армией. Его все время тянуло в строй, летом 19-го года он принял должность командира 5-го кавалерийского корпуса.

На должность генерал-квартирмейстера назначался исполнявший обязанности генерала для поручений при главнокомандующем полковник Кусонский. Должность дежурного генерала была предложена генералом Юзефовичем старому его сослуживцу генералу Петрову. Оба эти офицеры оказались вполне на высоте положения и впоследствии были для меня отличными помощниками.

8-го января я был уведомлен, что на следующий день главнокомандующий прибывает на станцию Минеральные Воды, куда я наметил перенести мой штаб. Мой поезд прибыл несколькими часами позже поезда генерала Деникина. Последний немедленно по приезде выехал на автомобиль в Кисловодск и ожидался обратно лишь вечером. Последние дни я был нездоров, сильно простудившись, и не оставлял вагона. Генерал Юзефович, встретивший генерала Деникина по возвращении, сообщил мне, что главнокомандующий утром сам зайдет ко мне. При этом он передал мне последние новости: войска действующая в Каменугольном районе и в Крыму предполагалось объединить в армию, поставив во главе ее генерала Боровского, с присвоением этой армии названия Добровольческой, вверенная же мне армия получала название Кавказской; гражданское управление на Кавказе предполагалось сосредоточить в руках генерала Ляхова. Известие о предстоящем переименовании моей армии меня очень огорчило. Вся героическая борьба на Юге России, неразрывно связанная с священными для каждого русского патриота именами генералов Корнилова и Алексева, велась под знаменем «Добровольческой Армии». Каждый из нас сознательно шедший на борьбу предпочел именно это знамя, знаменам Украинской, Астраханской и других армий. Пойдя под это знамя, я решил идти под ним до конца борьбы. Я готов был отказаться от должности командующего Кавказской армией и продолжать командовать корпусом или даже дивизией в составе Добровольческой армии. Я написал генералу Деникину письмо, с полной искренностью высказав ему эти мысли, и просил генерала Юзефовича вручить это письмо главнокомандующему до нашего с ним свидания.

Утром генерал Деникин зашел ко мне. По его словам, он ценил работу моей армии и понимал то значение, которое могло иметь для частей сохранение того наименования, которое неразрывно связано было с их подвигами. Но, в то же время учитывая, что большая часть «не казачьих» добровольческих полков должна была войти в состав армии генерала Боровского, полагал, что этой армии принадлежит преимущественное право именоваться Добровольческой. Генерал Романовский, с своей стороны, поддерживал точку зрения главнокомандующего. Я предложил генералу Деникину сохранить за обеими армиями дорогое войскам название добровольческих, добавив к нему наименование по району действий армий.

В конце концов моя армия получила название Кавказской Добровольческой, а армия генерала Боровского Крымско-Азовской Добровольческой.

10-го января я вступил в командование армией и отдал следующий приказ:

ПРИКАЗЪ
Кавказской Добровольческой армии
№ 2.

10-го января 1919 г.

Минеральные Воды.

Славная войска Кавказской Добровольческой армии!

Волею главнокомандующего, генерала Деникина, я с сегодняшнего дня поставлен во главе Васъ.

Горжусь командовать Вами, храбрецы.

Полгода кровавых битв я провел среди Васъ, почти все Вы сражались под моим начальством, — и с нами всюду была победа.

Орлы 1-ой конной дивизіи, гдѣ только не били мы врага. Подъ станицами Петропавловской, Михайловской, Курганной, Чамлыкской, Урупской и Безскорбной, подъ Армавиромъ и Ставрополемъ, — Вы неизмѣнно громили противника, захватывая плѣнныхъ, орудія, пулеметы.

Доблестные соратники 1-го коннаго корпуса. Ваше побѣдоносное «ура» гремѣло подъ Михайловской, Дубовкой, Тугулукомъ, Константиновской, Благодарнымъ, Петровскимъ, подъ Спицевкой и Винодѣльнымъ, подъ Медвѣдовскимъ, Елизаветинскимъ, Святымъ Крестомъ и Георгіевскомъ, — тысячи плѣнныхъ, десятки орудій и пулеметовъ, огромные обозы попали въ Ваши руки.

Славныя войска 1-го армейскаго, 1-го коннаго корпусовъ, 3-ей кубанской дивизіи и Пластуны 3-ей бригады, рядомъ съ доблестными войсками генерала Ляхова, Вы въ послѣднихъ бояхъ разбили на голову врага, — 35 орудій, 53 пулемета, броневики, аэропланы, огромные обозы и тысячи плѣнныхъ стали Вашей добычей.

Доблестью Кубанскихъ орловъ освобождена родная Кубань; врагъ, пытавшійся укрыться въ богатой Ставропольской губерніи, настигнуть разбить и бѣжалъ въ голодную Астраханскую степь.

Очередь за Тереккомъ: уже поднимаются на защиту родныхъ станицъ славныя Терцы и каждый день стекаются въ наши ряды.

Услыхавъ кличъ Кубанскихъ и Терскихъ орловъ, уже встаютъ храбрыя Кабардинцы и Осетины; всталъ какъ одинъ горный Дагестанъ, джигиты сѣдлаютъ коней, берутъ оружіе и спѣшатъ вмѣстѣ съ нами въ бой...

Впередъ же кавказскіе орлы.

Расправьте могучія крылья, грудью прикройте свои гнѣзда и, какъ трусливаго шакала, гоните отъ родныхъ станицъ и ауловъ презрѣннаго врага.

Генераль Врангель.

На слѣдующій день генераль Деникинъ вернулся въ Екатеринодаръ, а я горячо принялся за работу. Еще въ первые дни смуты на минеральныя группы бѣжало изъ главныхъ городовъ Россіи большое число зажиточныхъ и принадлежащихъ къ верхамъ арміи и бюрократіи лицъ. Всѣ они, особенно за послѣднее время владычества красныхъ, подвергались жестокому преслѣдованію. По мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ, красный терроръ усиливался, свирѣпствовали обыски и разстрѣлы. Въ числѣ разстрѣлянныхъ оказались и бывший главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, генераль Рузскій и герой Галиціи, генераль Радко-Дмитріевъ. Кто лишился мужа, кто сына или брата. Большинство потеряли послѣднее свое достояніе. Теперь эти несчастные, не смѣя вѣрнуть еще въ свое избавленіе и ежечасно ожидая возвращенія врага, спѣшили пробраться въ тылъ, забывая вокзалы и вагоны. Въ Кисловодскѣ, Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Минеральныхъ Водахъ осталось значительное число большевиковъ, не успѣвшихъ бѣжать съ красными войсками и нынѣ стремившихся пробраться поглубже въ тылъ, надѣясь тамъ, не будучи извѣстными, надежно укрыться. Установить необходимый контроль было чрезвычайно трудно. Съ наступленіемъ зимы въ рядахъ красной арміи сталъ свирѣпствовать сыпной тифъ. При отсутствіи порядка и правильно организованной медицинской помощи эпидемія приняла неслыханные размѣры. За переполненіемъ больницъ тифозные заполняли дома, вокзалы, стоявшіе на запасныхъ путяхъ вагоны. Умершіе въ теченіе нѣсколькихъ дней оставались среди больныхъ. Лишенные ухода, предоставленные самимъ себѣ, больные въ поискахъ за пропитаніемъ бродили до послѣдней возможности по улицамъ города, многіе, потерявъ сознаніе, падали тутъ же на тротуары. Я привлекъ къ работѣ всѣ мѣстныя и имѣвшіяся ранѣе въ моемъ распоряженіи медицинскія силы. Приказалъ очистить отъ больныхъ и продезинфицировать вокзалы и вагоны, открылъ рядъ новыхъ лазаретовъ и госпиталей, использовавъ пакгаузы, кинематографы и т. п.

Между тѣмъ 1-ый конный корпусъ, неотступно идя на плечахъ противника, непрерывно продвигался впередъ, захватывая плѣнныхъ, орудія, пулеметы и обозы. Спѣша нагнать свой корпусъ, проѣхалъ черезъ Минеральныя Воды генераль Покровскій. Я бесѣдовалъ съ нимъ. Бесѣда эта подтвердила сложившееся у меня о немъ мнѣніе. Это былъ безусловно человѣкъ незауряднаго ума и большой выдержки. Я зналъ, что онъ предупрежденъ о моемъ недоброжелательномъ къ нему отношеніи и тѣмъ болѣе оцѣнили спокойную, независимую и полную достоинства его манеру себя держать. Пробывъ нѣсколько дней въ Екатеринодарѣ,

вернулся въ Минеральныя Воды генераль Деникинъ. Съ нимъ прїѣхаль помощникъ его по гражданской части генераль Драгомировъ; одновременно прибыль и генераль Ляховъ.

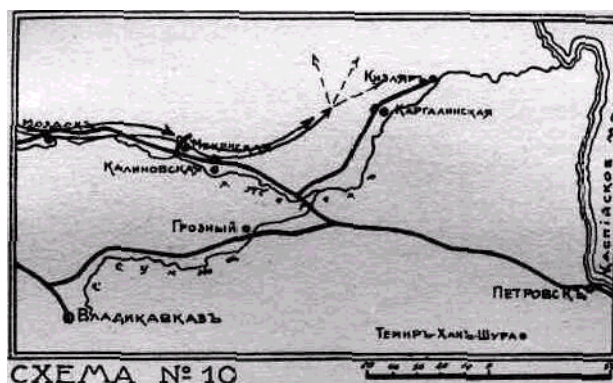
Генераль Деникинъ пригласилъ меня и генерала Юзефовича на имѣющее у него быть подъ его предсѣдательствомъ военное совѣщаніе. Кромѣ меня и генерала Юзефовича присутствовали генералы Романовскій, Драгомировъ и Ляховъ. Главнокомандующій ознакомилъ насъ съ общимъ положеніемъ на фронтѣ нашихъ армій и своими дальнѣйшими предположеніями. Освобождающіяся за очищеніемъ Сѣвернаго Кавказа отъ красныхъ части Кавказской арміи предполагалось перебросить въ Каменугольный районъ, занятый нынѣ частями генерала Май-Маевского, съ тѣмъ, чтобы въ дальнѣйшемъ, заслонившись по линіи Маныча слабымъ заслономъ, главными силами развивать дѣйствія въ общемъ направленіи на Харьковъ. Я горячо возражалъ, со своей стороны предлагая освобождающіяся части моей арміи перебрасывать въ районъ станціи Торговой съ тѣмъ, чтобы въ дальнѣйшемъ, по сосредоточеніи здѣсь арміи дѣйствовать вдоль линіи Царицынской желѣзной дороги, на соединеніе съ сибирскими арміями адмирала Колчака, побѣдоносное продвиженіе котораго задерживалось угрозой со стороны красныхъ его лѣвому флангу. Генераль Романовскій мнѣ возражалъ, доказывая необходимость прежде всего обезпечить за нами жизненно необходимый намъ Каменугольный бассейнъ и указывая на то, что харьковское направленіе, какъ кратчайшее къ главному объекту дѣйствій Москвѣ, должно почитаться главнѣйшимъ. Генераль Юзефовичъ поддерживалъ меня.

Мои и генерала Юзефовича доводы успѣха не имѣли и Главнокомандующій оставилъ въ силѣ свое рѣшеніе перебросить освободившіяся части моей арміи на Донецкій фронтъ.

По мѣрѣ того, какъ я присматривался къ генералу Деникину, обликъ его все болѣе для меня выяснялся. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся нашихъ генераловъ, недюжинныхъ способностей, обладавшій обширными военными знаніями и большимъ боевымъ опытомъ, онъ въ теченіе Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальниковъ. Во главѣ своей «желѣзной дивизіи» онъ имѣлъ рядъ блестящихъ дѣлъ. Впослѣдствіи, въ роли начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, въ началѣ смуты, онъ честно и мужественно пытался остановить развалъ въ арміи, сплотить вокругъ верховнаго главнокомандующаго все русское офицерство. Всѣмъ памятна была блестящая прощальная рѣчь его, обращенная къ офицерскому союзу въ Могилевѣ. Онъ отлично владѣлъ словомъ, рѣчь его была сильна и образна. Въ то же время, говоря съ войсками, онъ не умѣлъ овладѣвать сердцами людей. Самимъ внѣшнимъ обликомъ своимъ, мало красочнымъ, обыденнымъ, онъ напоминалъ средняго обывателя. У него не было всего того, что дѣйствуетъ на толпу, зажигаетъ сердца и овладѣваетъ душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу, исключительно благодаря знаніямъ и труду, онъ выработалъ свой собственный и опредѣленный взглядъ на условія и явленія жизни, твердо и опредѣленно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится внѣ этихъ непререкаемыхъ для него истинъ.

Сынъ армейскаго офицера, самъ большую часть своей службы проведеній въ арміи, онъ, оказавшись на ея верхахъ, сохранилъ многія характерныя черты своей среды, — провинціальной, мелко-буржуазной, съ либеральнымъ оттѣнкомъ. Отъ этой среды оставалось у него безсознательное предубѣжденное отношеніе къ «аристократіи», «двору», «гвардіи», болезненно развитая щепетильность, невольное стремленіе оградить свое достоинство отъ призрачныхъ посягательствъ. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его въ самый водоворотъ политическихъ страстей и ин тригъ. Въ этой чуждой ему работѣ, онъ видимо терялся, боясь ошибиться, не довѣрялъ никому и въ то же время не находилъ въ самомъ себѣ достаточныхъ силъ твердой и увѣренной рукой вести по бурному политическому морю государственннй корабль.

Генераль Покровскій, ставъ во главѣ корпуса, продолжалъ гнать противника. (Схема № 10). Послѣдній дѣлалъ отчаянныя усилія задержать наше побѣдное

движение и тѣмъ спасти себя отъ окончательнаго разгрома. Въ бояхъ подъ Моздокомъ, станицами Мекенской и Калиновской, послѣдніе остатки, нѣкогда грозной своимъ числомъ и средствами 150 000-ой арміи, были окончательно разгромлены. Не многія конныя части, ища спасенія, разсѣялись по Астраханской степи. Вся же пѣхота, артиллерія, пулеметы и обозы попали въ наши руки. Брошенные противникомъ составы тянулись непрерывной лентой отъ станціи Каргалинской до Кизляра на протяженіи 25 верствъ. Весь путь отступленія красныхъ былъ усѣянъ брошенными орудіями, повозками, оружіемъ, трупами убитыхъ и умершихъ отъ болѣзней. Въ руки нашей конницы попало 8 бронепоездовъ, болѣе 200 орудій, болѣе 300 пулеметовъ и свыше 31.000 плѣнныхъ. Наша конница подходила къ Кизляру, развѣзды ея достигли береговъ Каспійскаго моря. За двѣнадцать дней преслѣдованія конница генерала Покровскаго прошла свыше 350 верствъ.

Получивъ извѣстіе о занятіи нашими передовыми частями Кизляра, я рѣшилъ проѣхать къ генералу Покровскому, чтобы благодарить его части. Я проѣхалъ поездомъ до станціи Узловой, далѣе путь оказался неисправнымъ и я продолжалъ путешествіе на автомобилѣ. На всемъ пути изъ окна вагона видѣли мы слѣды безпорядочнаго стихійнаго отступленія красной арміи. Тянущійся вдоль желѣзнодорожнаго пути трактъ былъ усѣянъ брошенными орудіями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На остановкахъ желѣзнодорожныя станціи и дома были набиты больными и ранеными. По мѣрѣ продвиженія впередъ картина разгрома противника выявлялась все ярче.

Начиная отъ Моздока до станцій Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяженіи 65 верствъ, весь путь вдоль желѣзной дороги былъ сплошь забитъ брошенной артиллеріей и обозами, вперемѣшку съ конскими и людскими трупами. Огромныя толпы плѣнныхъ тянулись на западъ по обочинамъ дороги. Въ изодранныхъ шинеляхъ, босые, съ изможденными землистаго цвѣта лицами, медленно брели тысячныя толпы людей. Плѣнныхъ почти не охраняли, два казака гнали двѣ-три тысячи. Партіи плѣнныхъ, въ значительномъ числѣ состоявшихъ изъ больныхъ, оставляли за собой большое количество отсталыхъ. Выбившись изъ силъ, больные люди падали тутъ же на грязной дорогѣ и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другіе пытались еще искать спасенія, подымались и шли далѣе, шатаясь и падая, пока окончательно выбившись изъ силъ, не теряли сознаніе. Двое такихъ несчастныхъ, перейдя предѣлъ человѣческихъ страданій, бросились подъ колеса нашего поезда.

На одной изъ маленькихъ станцій, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, я зашелъ въ желѣзнодорожную будку. Въ маленькой въ пять-шесть квадратныхъ аршинъ комнатѣ лежали на полу плотно прижавшись другъ къ другу восемь человѣкъ. Я обратился съ вопросомъ къ ближайшему, отвѣта не послѣдовало. Наклонившись къ нему, я увидѣлъ, что онъ мертвъ. Рядомъ лежалъ такой же мертвецъ, далѣе то же. Изъ восьми человѣкъ было семь труповъ. Восьмой былъ еще живъ, но безъ сознанія. Къ груди своей, ища тепла, онъ плотно прижималъ облѣзшую, худую собаку.

На станціяхъ и желѣзнодорожныхъ развѣздахъ стояли брошенные противникомъ эшелоны съ потухшими паровозами. Сбѣжавшееся изъ сосѣднихъ деревень населеніе растаскивало грузы. Среди всевозможныхъ товаровъ, мануфактуры, посуды, снарядовъ, сельскохозяйственныхъ машинъ, оружія, медикаментовъ, лежали забившіеся въ вагоны больные, вперемѣшку съ трупами. Въ одномъ изъ вагоновъ я видѣлъ умирающаго, подъ головой котораго подушку замѣнялъ трупъ его товарища. На одномъ изъ развѣздовъ намъ показали поездъ мертвецовъ. Длинный рядъ вагоновъ санитарнаго поезда былъ сплошь наполненъ

умершими. Во всемъ поѣздѣ не оказалось ни одного живого человѣка. Въ одномъ изъ вагоновъ лежали нѣсколько мертвыхъ врачей и сестеръ. По приказанію генерала Покровскаго особыя отряды производили очистку желѣзнодорожныхъ зданій отъ больныхъ и труповъ. Я наблюдалъ, какъ на одной изъ станцій плѣнные откатывали ручныя вагонетки съ сложенными, подобно дровамъ, окоченѣвшими, въ разнообразныхъ позахъ, мертвецами. Ихъ тутъ же за станціей сваливали въ песчанныя карьеры въ общую могилу.

Отъ станицы Каргалинской до Кизляра на протяженіи 25 верстъ желѣзно дорожный путь былъ забитъ сплошной лентой брошенныхъ составовъ. Здѣсь были оставлены запасы неисчислимой стоимости; оружіе, огнеприпасы, громадное количество медикаментовъ, медицинскихъ инструментовъ, обувь, одежда, вперемѣшку съ автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталемъ. Охранять все это было некому и безцѣнные запасы расхищались населеніемъ окрестныхъ деревень. Одинъ изъ составовъ, вѣроятно отъ неосторожности, загорѣлся. Находившіеся въ нѣкоторыхъ вагонахъ артиллерійскіе грузы взорвались. Чернѣлъ длинный рядъ обгорѣлыхъ вагоновъ и на значительномъ пространствѣ кругомъ разбросаны были обезображенные трупы, среди нихъ много женщинъ и дѣтей.

Освобожденный отъ краснаго ига Терскъ подымался. Станицы, черезъ которыя мы проѣзжали, кишѣли народомъ. Скакали, спѣшившіе на сборъ къ станичному правленію, казаки. Шли въ праздничныхъ нарядахъ статныя, красивыя казачки. На околицѣ одной изъ станицъ мы встретили человѣкъ пять казачатъ съ винтовками. Автомобиль завязъ въ грязи и, пока подоспѣвшіе казаки его вытаскивали, я разговорился съ казачатами:

— «Куда идете, хлопцы?»

— «Большевиковъ идемъ бить, тутъ много ихъ по камышу попряталось, якъ ихъ армія бѣжала. Я вчерась семерыхъ убилъ», въ сознаніи совершеннаго подвига, заявилъ одинъ изъ хлопцевъ, казаченокъ лѣтъ двѣнадцати, въ бешметѣ и огромной мохнатой папахѣ.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставалъ такъ ярко весь ужасъ братоубійственной войны...

Нагнавъ генерала Покровскаго на походѣ къ Кизляру, куда онъ въ этотъ день переносилъ свой штабъ, я отдалъ ему распоряженіе оставаться съ частью силъ въ Кизлярскомъ отдѣлѣ, а прочія силы направить подъ командой генерала Шатилова на югъ къ устью рѣки Суджи, съ цѣлью перехватить бѣгущую отъ Владикавказа XII-ую армію красныхъ. Поблагодаривъ полки, я въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Минеральныя Воды.

Одновременно съ занятіемъ генераломъ Покровскимъ Кизляра, часть его конницы заняла городъ Грозный. Въ то же время Кавказская казачья дивизія, недавно произведеннаго въ генералы, Шкуро и пластуны генерала Геймана послѣ упорнаго боя овладѣли Владикавказомъ и начали очищеніе плоскостныхъ ингушскихъ ауловъ, гдѣ держались еще части XII-ой красной арміи, дѣйствовавшей въ Суджинскомъ отдѣлѣ. Прижатые къ Кавказскому хребту красные пытались прорваться къ морю долиною рѣки Суджи. Подоспѣвшія части генерала Шатилова успѣли ихъ перехватить; въ жестокихъ бояхъ подъ станицами Самашинской, Михайловской и Слѣпцовской окончательно разгромили врага, захватили 7 бронепоездовъ, всю его артиллерію и болѣе 10 000 плѣнныхъ¹⁴.

Сѣверный Кавказъ былъ освобожденъ. Арміи генерала Деникина отнынѣ имѣли обширную базу, безконечно богатую мѣстными средствами, огромнымъ запасомъ людей и всѣмъ необходимымъ для обезпеченія широкихъ операцій его войскъ.

29-го января я отдалъ арміи приказъ:

«ПРИКАЗЪ
Кавказской Добровольческой арміи
№ 3

Минеральныя Воды

20 января 1919 г.

Славныя войска Кавказской Добровольческой арміи. Доблестью Вашей Сѣверный Кавказъ очищенъ отъ большевиковъ. Большевицкая армія разбита, остатки ея взяты въ плѣнъ. Въ однихъ только послѣднихъ бояхъ Вами захвачено 8 броневыхъ поездовъ, 200 орудій, 300

¹⁴ См. карту театра военныхъ дѣйствій.

пулеметовъ, 21 тысяча плѣнныхъ и иная несмѣтная военная добыча. Еще недавно, въ октябрѣ мѣсяцѣ, большевицкая армія насчитывала 100 000 штыковъ съ огромнымъ числомъ орудій и пулеметовъ, — теперь отъ этой арміи не осталось и слѣда...

Полчища врага разбились о доблесть Вашу — Васъ было мало, у Васъ подчасъ не хватало снарядовъ и патроновъ, но Вы шли за правое дѣло, спасенія родины, шли смѣло, зная что «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ...»

Кубанскіе орлы: — Вамъ обязана родная Кубань за избавленіе отъ ужаса крови, насилія и разоренія. Изгнавъ врага изъ родныхъ станицъ, Вы отбросили его въ безлюдныя Астраханскія степи, Вы протянули руку помощи родному Тереку, гибнувшему въ неравной борьбѣ.

Славные Терцы, храбрые Кабардинцы, Черкесы и Осетины — Вы долго боролись съ неравнымъ врагомъ, ожидая помощи. Она пришла въ лицѣ нашей арміи и Вы, какъ одинъ, стали въ ея ряды.

Герои стрѣлки, доблестная пѣхота, славные артиллеристы — Вы, кучка вѣрныхъ сыновъ Россіи, свершили свой крестный путь въ палящій зной, ненастье и стужу, на равнинахъ Кубани, въ Ставропольскихъ степяхъ, въ горахъ Ингушетіи и Чечни... Отъ Чернаго и до Каспійскаго моря прошла наша армія, побѣдоносно гоня врага, возвращая несчастному населенію миръ и благоденствіе.

Какъ Вашъ Командующій и какъ одинъ изъ сыновъ несчастной, истерзанной и опозоренной Россіи, земно кланяюсь Вамъ, герои Кавказской Добровольческой арміи, — и твердо вѣрю, что доблестью Вашей гибнущая Родина будетъ спасена...

Генераль-Лейтенантъ В р а н г е л ь ».

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ поѣздки моей къ Кизляру я вновь занемогъ. Поднялась температура, сильная головная боль не оставляла меня цѣлые дни. Нѣсколько дней я перемогалъ себя, оставаясь на ногахъ и продолжалъ заниматься дѣлами. Однако, вскорѣ долженъ былъ слечь. По прошествіи нѣсколькихъ дней выяснилось, что я заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, который свирѣпствовалъ кругомъ. Совсѣмъ больной переѣхалъ я въ Кисловодскъ, гдѣ подготовлены были помѣщенія для меня и штаба, нашелъ въ себѣ еще силы проѣхать въ автомобиль съ вокзала на отведенную мнѣ дачу и подняться во второй этажъ. Въ тотъ же вечеръ я сталъ временами терять сознание. Жаръ поднимался, меня душили страшные кошмары. Ко всему этому прибавились повторившіяся сердечныя спазмы, безконечно мучительныя. Генераль Юзефовичъ и его жена въ эти дни проявили ко мнѣ трогательную заботливость. Я былъ прекрасно обставленъ, для лѣченія были приглашены профессоръ Ушинскій и въ помощь ему нѣсколько врачей, поочередно дежурившихъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ вызванный изъ Екатеринодара извѣстный бактериологъ профессоръ Юрьевичъ.

Генераль Юзефовичъ вызвалъ телеграммой изъ Крыма мою жену. Она нашла меня въ положеніи очень тяжеломъ. Я съ трудомъ узналъ ее и черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея приѣзда впалъ въ полное безпамятство. Положеніе мое все ухудшалось. На пятнадцатый день болѣзни оно стало почти безнадежнымъ. Врачи отчаялись спасти меня. Профессоръ Юрьевичъ предупредилъ жену, что она должна быть готова къ худшему. Генералу Юзефовичу доктора объявили, что едва ли я доживу до утра. Жена рѣшила пригласить священника исповѣдывать и причастить меня. Въ домъ доставлена была пользовавшаяся большимъ почетомъ жителей Чудотворная икона Божіей Матери. Я былъ безъ сознания и исповѣдь могла быть только глухая. Однако, во время исповѣди я неожиданно пришелъ въ себя, въ полномъ сознаніи исповѣдывался и приобщился, но послѣ причастія вновь впалъ въ безпамятство. Отслуживъ молебенъ, батюшка ушелъ, а жена осталась у моего изголовья, ежечасно ожидая моей смерти.

Я непрерывно бредилъ, вдругъ начиналъ командовать, отдавать боевыя распоряженія. Иногда бредъ становился совершенно безсвязнымъ и я безконечно повторялъ одно какое нибудь слово. Къ утру я окончательно изнемогъ.

Неожиданно къ вечеру шестнадцатаго дня болѣзни температура стала падать, на семнадцатый день наступилъ кризисъ и я былъ спасенъ. Спасенію своему я, конечно, обязанъ тому исключительному уходу, которымъ былъ окруженъ и, главнымъ образомъ, беззавѣтному самоотверженію жены, не отходившей отъ меня за все время моей болѣзни.

Выздоровленіе было длительно и мучительно. Я былъ страшно слабъ, сильно болѣли ноги. Лишь въ серединѣ марта смогъ я перейти изъ постели въ кресло. Въ первые дни начала выздоровленія я получилъ чрезвычайно сердечное письмо отъ генерала Деникина. Онъ

поздравлялъ меня съ избавленіемъ отъ смертельной опасности и посылалъ пожеланія скорѣйшаго полного выздоровленія. Письмо было чрезвычайно теплое и искренно меня растрогало. Зная, что я стѣсненъ въ средствахъ и что лѣченіе мое стоило большихъ денегъ, генералъ Деникинъ отдалъ генералу Юзефовичу распоряженіе покрыть расходы по лѣченію моему изъ казенныхъ средствъ. Съ большимъ трудомъ смогъ я написать генералу Деникину отвѣтъ. Я нѣсколько разъ долженъ былъ прерывать письмо, не находя въ себѣ силы его окончить.

Какъ въ дни моей болѣзни, такъ и въ періодъ выздоровленія, я былъ предметомъ самого трогательнаго вниманія, какъ со стороны всѣхъ меня окружавшихъ, такъ и со стороны моихъ старыхъ соратниковъ и даже совсѣмъ чужихъ людей. Лѣчившіе меня врачи, значительная часть разнаго рода поставщиковъ, рѣшительно отказывались отъ всякаго вознагражденія за свои услуги. Многія совсѣмъ неизвѣстныя мнѣ лица присылали мнѣ вино, фрукты, и т. д., справлялись о моемъ здоровьи и выражали готовность помочь чѣмъ могутъ. Цѣлый рядъ освобожденныхъ мною станицъ Кубанскаго и Терскаго войска, постановленіемъ своихъ станичныхъ сборовъ, избрали меня своимъ почетнымъ казакомъ. Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада въ засѣданіи своемъ 13-го февраля наградила меня вновь учрежденнымъ крестомъ Спасенія Кубани 1-ой степени.

Переброска моей арміи въ Донецкій каменноугольный районъ заканчивалась. Въ районъ Святого Креста оставался генералъ Улагай съ частью полковъ своей дивизіи, а въ Дагестанѣ части генерала Шатилова довершали очищеніе ауловъ отъ красныхъ. Штабъ арміи переносился въ Ростовъ на Дону. Туда же отбылъ командовавший за моей болѣзнью арміей генералъ Юзефовичъ, оставивъ при мнѣ чиновъ моего личного штаба и часть конвоя. Врачи настаивали на необходимости для меня отдыха гдѣ либо на берегу моря. Въ двадцатыхъ числахъ марта я съ женою выѣхалъ изъ Кисловодска въ Сочи. За два дня до отъѣзда изъ Кисловодска я получилъ телеграмму о раненіи генерала Шатилова. Шатиловъ эвакуировался въ Екатеринодаръ, а въ командованіе его отрядомъ вступилъ генералъ Драценко.

На одной изъ станцій я нагналъ санитарный поѣздъ. Въ отдѣльномъ вагонѣ находились раненые генералъ Шатиловъ и доблестный командиръ 1-го Запорожскаго полка полковникъ Павличенко. Я прошелъ навѣстить ихъ. Генералъ Шатиловъ былъ раненъ въ ногу, рана была не опасна, но весьма мучительна. Полковникъ Павличенко былъ жестоко израненъ въ рукопашной схваткѣ съ чеченцами. Онъ получилъ семь пулевыхъ и шашечныхъ ранъ. Голова, руки и ноги его были забинтованы. Къ счастью ни одна изъ ранъ не была серьезна. Павличенко, выслужившійся изъ простыхъ казаковъ, былъ офицеръ совершенно исключительной доблести и громаднаго порыва. Онъ былъ раненъ несчетное число разъ и лѣвой рукавъ его черкески былъ покрытъ выше локтя нашивками за раненія.

Въ Сочи для меня отведена была прелестная дача на самомъ берегу моря. Несмотря на раннее время года, весна на побережьи была въ полномъ ходу. Теплый весеній воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ и травъ; я цѣлые дни пролеживалъ на солнцѣ, отъѣдался и отсыпался, быстро возстановливая утерянныя силы. Газеты приходили рѣдко, но я имѣлъ возможность быть сравнительно хорошо освѣдомленнымъ, такъ какъ былъ связанъ прямымъ проводомъ со штабомъ генерала Юзефовича, послѣдній, кромѣ того, часто писалъ мнѣ. Онъ препроводилъ мнѣ, между прочимъ, копію рапорта своего генералу Деникину, въ коемъ онъ вновь настаивалъ на необходимости развить операціи наши на Царицынскомъ направленіи, стремясь выйти на соединеніе съ войсками адмирала Колчака, побѣдоносно подходившаго къ Волгѣ. Соображенія генерала Юзефовича я раздѣлялъ полностью и рѣшилъ при личномъ свиданіи съ генераломъ Деникинымъ вновь поднять этотъ вопросъ.

Пребываніе мое въ Сочи оказалось непродолжительнымъ. Дѣла на нашемъ фронтѣ начинали портиться. Красные, оттѣснивъ войска генерала Боровскаго въ Крымъ, овладѣли перешейками и ворвались на полуостровъ. Одновременно окончательно испортившіяся между нашимъ главнымъ командованіемъ и грузинами отношенія грозили открытымъ разрывомъ, со дня на день можно было ожидать столкновенія въ районѣ нашихъ передовыхъ частей у Адлера. Въ горахъ къ сѣверу отъ Сочи, по донесенію мѣстной стражи, накапливались руководимыя грузинами шайки дезертировъ и уклоняющагося отъ мобилизаціи сброда, имено вавшихъ себя «зелеными».

Регулярныя грузинскія части еще соблюдали нейтралитетъ но руководимыя грузинами «зеленые» уже явно дѣйствовали агрессивно. Рядъ стражниковъ нашихъ былъ обезоруженъ и

нѣсколько горныхъ поселковъ въ 10—15 верстахъ къ сѣверу отъ Сочи были захвачены зелеными. Начальникъ Сочинскаго гарнизона (послѣдній состоялъ изъ одной батареи и нѣсколькихъ сборныхъ ротъ) просилъ меня выслать развѣздъ отъ моего конвоя для развѣдки. Я охотно исполнилъ его просьбу, выславъ офицера съ десятью казаками. Послѣдніе въ двѣнадцати верстахъ къ сѣверу отъ города имѣли перестрѣлку, причемъ мы потеряли одного казака и двухъ лошадей убитыми.

Для оттѣсненія «зеленыхъ» былъ выдвинутъ начальникомъ гарнизона сборный отрядъ подъ начальствомъ причисленнаго къ генеральному штабу штабсъ-ротмистра Чайковскаго. Экспедиція эта оказалась не удачною. Штабсъ-ротмистръ Чайковскій былъ убитъ и отрядъ, потерявъ много убитыхъ и раненыхъ, былъ оттѣсненъ къ самому городу. По полученіи донесенія о положеніи у Сочи, ставка распорядилась высылкой Сочинскому гарнизону подкрѣпленій. Я получилъ увѣдомленіе, что за мною, рапортомъ Главнокомандующаго, высылаются миноносцы. Желѣзная дорога находилась уже подъ угрозой. Однако, имѣя съ собой нѣсколько чиновъ моего штаба, большей частью съ семьями, людей и лошадей своего конвоя, я не могъ оставить ихъ. Я рѣшилъ, отказавшись отъ возможности выѣхать моремъ, попытаться проѣхать поѣздомъ. Срочно собравъ всѣхъ, я съ наступленіемъ темноты, проѣхалъ въ городъ. Въ теченіе ночи мы погрузились и въ полной темнотѣ, съ потушенными огнями, имѣя на паровозѣ два пулемета, тронулись въ путь. Въ семи-восьми верстахъ отъ города поѣздъ нашъ былъ обстрѣлянъ постомъ «зеленыхъ», однако путь былъ еще въ исправности и мы успѣли благополучно проѣхать въ Туапсе, по прибытіи куда узнали, что желѣзнодорожная линія къ сѣверу отъ Сочи уже захвачена противникомъ.

Я рѣшилъ ѣхать въ Екатеринодаръ и по дорогѣ побывать въ рядѣ станицъ Лабинскаго отдѣла: Петропавловской, Михайловской, Константиновской, Чамлыкской, почетнымъ казакомъ коихъ я былъ недавно избранъ. Отцѣпивъ свой вагонъ на станціи Курганная и, отправивъ въ Ростовъ большую часть чиновъ штаба и конвой, я въ теченіе трехъ дней объѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи адъютанта окрестныя станицы, столь памятыя намъ по прошлогоднимъ тяжелымъ боямъ. Тепло и сердечно встрѣчали меня казаки, по долгу бесѣдовалъ я со станичными сборами, обѣдалъ со стариками въ станичномъ правленіи, осматривалъ школы, училища и лѣчебныя заведенія. Пронесшаяся надъ краемъ гроза, казалось, не оставила никакого слѣда. Жизнь вошла въ обычный укладъ и огромныя богатыя станицы успѣли оправиться. Все дышало довольствомъ и благоденствіемъ. Казаки очень интересовались общимъ нашимъ положеніемъ, подробно меня обо всемъ спрашивали. Я лишній разъ убѣдился насколько общій умственный уровень кубанскихъ казаковъ сравнительно высокъ. Многіе изъ стариковъ жаловались мнѣ на то, что въ Екатеринодарѣ «наше правитель ство и рада зря болтають».

На шестой недѣлѣ Великаго поста я прибылъ въ Екатеринодаръ. Мнѣ было отведено помѣщеніе въ атаманскомъ дворцѣ. Поѣздки по станицамъ меня сильно утомили, ноги опухли и профессоръ Юрьевичъ, которому я по пріѣздѣ показался, уложилъ меня въ постель; я съѣздилъ лишь къ генералу Деникину и побывалъ въ штабѣ.

Главнокомандующій сердечно встрѣтилъ меня, расцѣловалъ, подробно спрашивалъ меня о здоровьѣ, о моей семьѣ, просилъ не торопиться принимать армію, убѣждая закончить лѣченіе. При нашемъ свиданіи присутствовали нѣсколько лицъ и о дѣлахъ намъ говорить не пришлось.

Несмотря на паденіе Крыма, въ которомъ общественное мнѣніе единодушно обвиняло генерала Боровскаго, на осложненіе съ Грузіей и на тяжелые и мало-успѣшныя для насъ бои въ каменугольномъ бассейнѣ, въ ставкѣ настроеніе было чрезвычайно оптимистическое. Начальникъ штаба, генераль-квартирмейстеръ и прочія лица, съ коими пришлось мнѣ бесѣдовать, казалось, удѣляли военнымъ операціямъ второстепенное значеніе. Всѣ интересы и разговоры вертѣлись вокругъ политики.

Обѣщанная иностранцами широкая помощь уже начинала сказываться. Въ Новороссійскѣ непрерывно прибывали груженныя артиллерійскимъ и инженернымъ имуществомъ, обмундированіемъ и медикаментами пароходы. Въ ближайшее время ожидалось прибытіе большого числа аэроплановъ и танковъ. На всемъ освобожденномъ Кавказѣ прочно устанавливалась власть главнаго командованія. Ингушетія и Дагестанъ были окончательно замиренны. Непрерывающаяся глухая внутренняя борьба между главнымъ командованіемъ и Дономъ закончилась побѣдой генерала Деникина. Непокорный генералъ Красновъ только что

передалъ атаманскую булаву генералу Богаевскому; послѣдній, мягкій человекъ, явился послушнымъ орудіемъ ставки. На Кубани и Терекѣ власть главнаго командованія была почти неограниченной. Правда, въ Екатеринодарѣ, между ставкой и мѣстной властью въ лицѣ атамана и правительства не обходилось безъ трений.

Атаманъ генераль Филимоновъ горько жаловался мнѣ на чинимыя генераломъ Деникинымъ кубанцамъ незаслуженныя обиды, на постоянно подчеркиваемое ставкой пренебрежительное отношеніе къ нему и мѣстнымъ властямъ. На то же горько сѣтовалъ и походный атаманъ генераль Науменко, указывая, что, признавъ наравнѣ съ Дономъ автономію и прочихъ казачьихъ новообразованій, главное командованіе, въ то же время, сплошь и рядомъ, по отношенію Кубани нарушаетъ свои обязательства. Въ то время, какъ Донъ имѣлъ свою Донскую армію, подчиненную генералу Деникину лишь въ оперативномъ отношеніи, Кубань, пославшая на защиту родины большую часть своихъ сыновъ, этого права была фактически лишена. Въ то время, какъ въ Донской арміи назначенія, производства исходили непосредственно отъ атамана, въ кубанскихъ частяхъ это право оставлялъ за собой генераль Деникинъ. Эти жалобы имѣли несомнѣнно нѣкоторое основаніе. Для единства дѣйствій и успѣшности нашей борьбы, главное командованіе въ отношеніи подвѣдомственныхъ ему войскъ должно было располагать полной мощью. Двойственное подчиненіе казачьихъ частей несомнѣнно создавало не мало затрудненій. Однако, принципъ полнаго и единоличнаго подчиненія казаковъ необходимо было бы провести въ жизнь въ равной степени, какъ въ отношеніи Кубани и Терека, такъ и Дона. Нахожденіе же въ рядахъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи казачьихъ частей, хотя бы и разныхъ войскъ, на различныхъ основаніяхъ представлялось несомнѣнно несправедливымъ и должно было быть чревато послѣдствіями.

Однажды, въ то время, какъ у меня сидѣлъ генераль Эрдели, ожидавшій назначенія Главноначальствующимъ Сѣвернаго Кавказа, взамѣнъ генерала Ляхова, меня зашелъ навѣстить генераль Романовскій. Во время разговора онъ затронулъ вопросъ о казакахъ и сталъ съ видимымъ раздраженіемъ жаловаться на «происки и интриги кубанцевъ». Я съ полной откровенностью высказалъ ему мой взглядъ на необходимость въ интересахъ общаго дѣла уравнивать права отдѣльныхъ казачьихъ войскъ. Существованіе отдѣльныхъ казачьихъ армій въ оперативномъ, да и въ другихъ отношеніяхъ несомнѣнно крайне усложняетъ дѣло, «однако, если тѣмъ не менѣе вы находите необходимымъ оставить за Дономъ право имѣть свою армію, то и Кубань и Терекъ должны имѣть это право. Въ противномъ случаѣ, вы не оберетесь упрековъ въ пристрастіи и несправедливости и дадите поводъ справедливому неудовольствію». Генераль Эрдели горячо меня поддерживалъ. Наши доводы видимо нѣсколько поколебали генерала Романовскаго. Внимательно выслушавъ насъ, онъ не возражалъ и вскорѣ перевелъ разговоръ на другую тему.

Не только въ отношеніи казаковъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто непрерываемо и безотговорочно не принималъ политику главнаго командованія, ставка проявляла какую-то нетерпимость. Провозгласивъ лозунгъ «Единая, Великая и Недѣлимая Россія», по существу туманный и неопредѣленный, Главнокомандующій съ ка-кимъ-то фанатизмомъ шелъ на борьбу со всѣмъ тѣмъ, что, казалось ему, идетъ въ разрѣзъ съ исповѣдываемой имъ истиной. Къ казакамъ огульно пристегивалась кличка «самостійниковъ». Самостійниками объявлены были и всѣ тѣ, кто еще недавно боролся съ большевиками на Украинѣ, всѣ, кто служилъ у гетмана. Съ паденіемъ Украины огромное число офицеровъ бѣжало на югъ. Между ними было большое число весьма доблестныхъ горячихъ патриотовъ, готовыхъ продолжать борьбу за освобожденіе отечества, на какомъ бы клочкѣ русской земли эта борьба не велась. Высшія политическія соображенія имъ, конечно, были чужды. Между тѣмъ, въ ставкѣ на нихъ смотрѣли едва ли не какъ на предателей, они брались подъ подозрѣніе и дальнѣйшая служба ихъ допускалась, лишь по прохожденіи особой реабилитаціонной комиссіи. Это было жестоко, несправедливо и обидно.

Войска адмирала Колчака подходили къ Волгѣ, противникъ, сосредоточивъ силы на восточномъ фронтѣ, дѣлалъ тщетныя попытки удержать продвиженіе сибирскихъ корпусовъ. Весенняя распутица должна была неминуемо временно пріостановить операціи на восточномъ фронтѣ. На югѣ наши части за послѣдніе четыре мѣсяца не достигли существенныхъ успѣховъ. На Манычѣ всю зиму шли бои съ переменнымъ успѣхомъ. Наши части попрежнему занимали южный берегъ Маныча. Донецкій каменноугольный районъ продолжалъ удерживаться нами, однако, значительныхъ успѣховъ намъ здѣсь также достигнуть не удалось. Съ оставленіемъ

Крыма наши лѣвофланговыя части отошли къ востоку отъ Мариуполя. Въ ставкѣ были недовольны дѣйствіями генерала Юзифовича. Объ этомъ говорили мнѣ и генераль Деникинъ и генераль Романовскій. Оба они высказали увѣренность, что, со вступленіемъ моимъ въ командованіе арміей, операціи наши разовьются успѣшнѣе.

Я попрежнему не сочувствовалъ принятому ставкой операціонному плану. Необходимость скорѣйшаго соединенія нашихъ силъ съ сибирскими арміями казалась мнѣ непреложной. Необходимость эта представлялась столь ясной, что на нее указывалось цѣлымъ рядомъ лицъ, въ томъ числѣ и не военныхъ. Умный и проницательный А. В. Кривошеинъ, часто навѣщавшій меня, ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ ошибочности стратегіи главнаго командованія. Человѣкъ политики онъ готовъ былъ искать въ принятомъ генераломъ Деникинымъ рѣшеніи причины внутренняго, личнаго характера. Я отстранялъ отъ себя эти подозрѣнія, но объясненія образу дѣйствій ставки найти не могъ. Всѣ попытки мои говорить на эту тему съ генераломъ Романовскимъ оказались безплодны, онъ явно уклонялся отъ обсуждения этого вопроса.

Я подаль Главкомандующему рапортъ:

Командующій
Кавказской добровольческой Арміей

Главкомандующему Вооруженными Силами
на Югѣ Россію

4-го апрѣля 1919 года.

№ 82.

г. Екатеринодаръ.

РАПОРТЪ.

Прибывъ въ Екатеринодаръ послѣ болѣзни и подробно ознакомившись съ обстановкой, долгомъ службы считаю доложить слѣдующія мои соображенія:

1. Главнѣйшимъ и единственнымъ нашимъ операціоннымъ направлениемъ полагаю должно быть направленіе на Царицынъ, дающее возможность установить непосредственную связь съ арміей адмирала Колчака.

2. При огромномъ превосходствѣ силъ противника, дѣйствія одновременно по нѣсколькимъ операціоннымъ направленіямъ невозможны.

3. Послѣ неудачной нашей операціи на Луганскомъ направленіи, мы на правомъ берегу Дона вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ лишь затыкаемъ дыры, теряя людей и убивая въ нихъ увѣренность въ своихъ силахъ.

4. Въ ближайшемъ мѣсяцѣ на сѣверѣ и востокѣ Россіи наступаетъ распутица и, вопреки провокаціоннаго заявленія Троцкаго о необходимости перебрасывать силы противъ арміи адмирала Колчака, операціи на этомъ фронтѣ должны пріостановиться и противникъ получить возможность перебросить часть силъ на югъ. Используя превосходство силъ, противникъ самъ перейдетъ въ наступленіе отъ Царицына, причемъ создастся угроза нашей базѣ.

5. Необходимо вырвать, наконецъ; въ наши руки инициативу и нанести противнику рѣшительный ударъ въ наиболѣ чувствительномъ для него направленіи.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, полагаю бы необходимымъ, отказавшись отъ активныхъ операцій на правомъ берегу Дона, ограничиться здѣсь лишь удержаніемъ линіи устье Міуса—Ст. Гундоровская, чѣмъ прикрывается жел. дор. Новочеркасскъ — Царицынъ. Сакрашеніе фронта на 135 верстъ (0,4 фронта занимаемаго нынѣ до Гундоровской) дастъ возможность снять съ праваго берега Дона находящіяся здѣсь части Кавказской Добрарміи, использовавъ ихъ для дѣйствій на главнѣйшемъ направленіи. Въ дальнѣйшемъ, наступая правымъ флангомъ, наноситъ главный ударъ Кавказской Добрарміей, дѣйствуя отъ Торговой вдоль желѣзно-дорожныхъ линій на Царицынъ, одновременно конной массой въ двѣ-три дивизіи обрушиться на степную группу противника и по разбитіи ея двинуться на Черный Яръ и далѣе по лѣвому берегу Волги въ тылъ Царицына, выдѣливъ небольшую часть силъ для занятія Яшкульскаго узла и поднятія сочувствующаго намъ населенія Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпитъ, необходимо предупредить противника и вырвать у него, столь часто выпускаемую нами изъ рукъ, инициативу.

Генераль-лейтенантъ В р а н г е л ь ».

На первый день праздника атаманъ давалъ въ мою честь музыкальный вечеръ, участвовали нѣсколько артистовъ и прекрасно пѣлъ кубанскій войсковой хоръ. На вечерѣ въ числѣ прочихъ присутствовали прибывшій съ фронта генераль Шкуро. Наканунѣ онъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ, что въ ближайшіе дни ожидаетъ обѣщанный ему Главнокомандующимъ корпусъ. Ставка усиленно выдвигала генерала Шкуро, рассчитывая, повидимому, использовать его для борьбы съ самостоятельными казачьими теченіями. Правда, въ известной части казачества генераль Шкуро былъ популяренъ. Популярность эта приобрѣталась имъ главнымъ образомъ игрой на низменныхъ инстинктахъ казаковъ. Въ широкой массѣ казачества имя генерала Шкуро уваженіемъ не пользовалось и мнѣ непонятно было, какъ главное командованіе могло надѣяться найти въ немъ крѣпкаго и вѣрнаго союзника.

Въ военномъ отношеніи, какъ крупный начальникъ, онъ проявлялъ полную неподготовленность и отсутствіе широкихъ дарованій, являясь лишь способнымъ партизаномъ.

Въ Екатеринодарѣ, явился ко мнѣ, прибывшій изъ Сибири посланцемъ отъ атамана Семенова, есаулъ Миллеръ. Миллеръ, бывшій офицеръ Нерчинскаго казачьяго полка, при мнѣ служилъ въ полку одновременно съ Семеновымъ. Нынѣ онъ прибылъ съ письмами отъ послѣдняго къ Главнокомандующему. Между адмираломъ Колчакомъ и Семеновымъ были значительныя несогласія и Семеновъ, командуя Миллера, надѣялся найти поддержку въ генералѣ Деникинѣ. Отъ Миллера узналъ я всѣ подробности возглавляемой Семеновымъ борьбы казаковъ на Дальнемъ Востока.

За нѣсколько мѣсяцевъ до революціи Семеновъ, въ числѣ другихъ офицеровъ знающихъ монгольскій языкъ, былъ командированъ въ Забайкалье для формированія инородческихъ частей. Тамъ засталъ его и большевицкій переворотъ. Отказавшись подчиниться мѣстнымъ представителямъ совѣтской власти, Семеновъ началъ партизанскую войну противъ большевиковъ, поддержанный мѣстными промышленными кругами, главнымъ образомъ, владѣльцами пріисковъ, щедро снабжавшими его средствами. Къ Семенову стали стекаться, избѣгая беспощадной расправы красныхъ, многочисленные добровольцы. Въ концѣ семнадцатаго года стали прибывать въ Забайкалье, отправленные туда послѣ неудачнаго наступленія частей генерала Краснова на Петроградъ, полки Уссурийской дивизіи. Большая часть офицеровъ и значительная часть казаковъ и солдатъ присоединилась къ Семенову. Начальникъ Уссурийской дивизіи генераль Хрещатицкій, первый подалъ примѣръ добровольнаго подчиненія младшему, согласившись принять должность начальника штаба Семенова, избраннаго поднявшимися Забайкальцами атаманомъ. Примѣру Хрещатицкаго послѣдовали остальные офицеры дивизіи. Семенову удалось войти въ связь съ японцами, оказавшими ему значительную поддержку. За Забайкальцами поднялись Уссурийцы и Амурцы. Силы Семенова росли и крѣпли и вскорѣ онъ, стоя во главѣ трехъ войскъ, сталъ фактическимъ хозяиномъ Восточной Сибири. Появленіе адмирала Колчака неожиданно ставило предѣлъ честолюбивымъ планамъ атамана. Послѣдній, усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ адмирала Колчака посягательство на свои права, отказался подчиниться Верховному Правителю, за что послѣднимъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Рѣшивъ продолжать съ Верховнымъ Правителемъ борьбу, Семеновъ сталъ перехватывать слѣдующіе въ сибирскія арміи грузы, грозя совсѣмъ отрѣзать арміи отъ Пріамурья. Ища поддержки, Семеновъ обратился къ атаману Оренбургскаго войска Дутову. Однако, послѣдній рѣшительно отказался его поддержать. Теперь Семеновъ думалъ найти опору въ генералѣ Деникинѣ. Я самымъ рѣзкимъ образомъ высказалъ Миллеру мое негодованіе на дѣйствія его начальника, о чемъ просилъ его довести до свѣдѣнія Семенова.

Черезъ нѣсколько дней генераль Романовскій сообщилъ мнѣ, что генераль Деникинъ рѣшительно отказался поддержать домоганія Семенова. Я предложилъ генералу Романовскому со своей стороны, какъ бывшій начальникъ Семенова, послать ему телеграмму, побуждая его выполнить свой долгъ въ интересахъ общаго дѣла. Къ моему предложенію генераль Романовскій отнесся весьма сочувственно. Тутъ же составилъ я и вручилъ ему телеграмму, копію съ коей послалъ есаулу Миллеру. Телеграмма была написана въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ — зная Семенова, я зналъ, что это окажется наиболѣе дѣйствительнымъ: «до сихъ поръ я гордился тѣмъ, что нѣкогда командовалъ славными Нерчинцами, теперь стыжусь, узнавъ, что среди нихъ оказался измѣнникъ общему дѣлу...» далѣе я убѣждалъ Семенова отказаться отъ личныхъ интересовъ для пользы общаго дѣла и подчиниться Верховному Правителю. Мнѣ неизвѣстно, была ли когда-либо получена моя телеграмма атаманомъ

Семеновымъ, послѣдній вскорѣ изъявилъ готовность подчиниться адмиралу Колчаку и въ дальнѣйшемъ продолжалъ бороться подъ его начальствомъ. За нѣсколько дней до смерти, адмиралъ Колчакъ передалъ Семенову полноту военной и гражданской власти въ Сибири.

Въ двадцатомъ году, во время борьбы моихъ войскъ въ Крыму, Семеновъ извѣстилъ меня о готовности подчиниться мнѣ.

Кажется, 12-го апрѣля я, зайдя утромъ въ штабъ въ отдѣленіе генераль-квартирмейстера, узналъ, что противникъ крупными массами перешелъ на Манычскомъ фронтѣ въ наступленіе, форсировалъ Манычъ и продолжалъ наступленіе на Торговую. Занимавшіе этотъ участокъ нашего фронта донцы, подъ начальствомъ генерала Мамонтова, понесли жестокія потери и, оставивъ большую часть своей артиллеріи въ рукахъ противника, отходили на западъ. Мои предсказанія пророчески сбылись. Я зашелъ къ генераль-квартирмейстеру, гдѣ засталъ генерала Романовскаго. Для обоихъ, видимо, это событіе было совершенно неожиданнымъ и они были имъ весьма смущены. На слѣдующій день событія продолжали грозно развиваться. Противникъ быстро продвигался къ Владикавказской желѣзной дорогѣ. Наши части отходили, почти не оказывая сопротивленія. Самъ генералъ Мамонтовъ, видимо, потерялъ духъ и доносилъ, что казаки «разложились» и что онъ безсиленъ что-либо сдѣлать.

13-го вечеромъ я уже легъ спать, когда меня разбудили, сообщивъ, что генералъ Романовскій и полковникъ Плющевскій-Плющикъ желаютъ меня видѣть. Полученныя съ фронта извѣстія были грозны. Противникъ быстро продвигался къ Владикавказской желѣзной дорогѣ, угрожая отрѣзать Кавказскую Добровольческую армію отъ ея базы. Въ резервѣ у генерала Юзефовича свободныхъ частей не было. Необходимо было принять срочныя мѣры, дабы остановить дальнѣйшее продвиженіе врага. Генералъ Романовскій спросилъ меня, соглашусь ли я принять командованіе надъ войсками Манычскаго фронта; черезъ нѣсколько дней онъ надѣялся имѣть возможность усилить эти части кубанцами генерала Покровскаго¹⁵, снятыми съ фронта Кавказской Добровольческой арміи. Во главѣ послѣдней, по предложенію генерала Романовскаго, долженъ былъ оставаться генералъ Юзефовичъ, мнѣ же надлежало сформировать новый полевой штабъ.

Съ предложеннымъ мнѣ рѣшеніемъ я согласиться не могъ. Я считалъ, что намѣченныхъ генераломъ Романовскимъ силъ (сборный, слабой численности и состава, отрядъ изъ трехъ родовъ войскъ генерала Кутепова, оперировавшій въ районѣ станціи Торговой, небоеспособныя части генерала Мамонтова и, имѣющая прибыть, слабая численностью 1-ая кубанская дивизія) для предстоящей операціи недостаточно. Нецѣлесообразнымъ считалъ я и созданіе новаго полевого штаба. Съ такимъ случайнымъ, наспѣхъ созданнымъ штабомъ и сборными незнакомыми мнѣ войсками, я не могъ рассчитывать на успѣхъ. Со своей стороны, я предложилъ генералу Романовскому спѣшно сосредоточить на участкѣ Владикавказской дороги Ростовъ—Тихорѣцкая весь 1-ый конный корпусъ, снявъ съ фронта Кавказской Добровольческой арміи кубанцевъ генерала Покровскаго и, сверхъ того, спѣшно перебросить туда же изъ Дагестана 1-ую конную дивизію генерала Шатилова, весьма сильную численно и качественно. Для объединенія дѣйствій Манычской группы я предлагалъ использовать штабъ моей Кавказской Добровольческой арміи, остающіеся же, за выдѣленіемъ 1-ой кубанской дивизіи генерала Покровскаго, на фронтѣ арміи добровольческой корпусъ, сводный (терцы и кубанцы) генерала Шкуро и оперировавшій въ районѣ Мариуполя отрядъ генерала Виноградова объединить въ рукахъ командира Добровольческаго корпуса генерала Май-Маевского. Генералъ Романовскій со мной не согласился, считая, что намѣченныхъ имъ силъ вполне достаточно для возстановленія нашего положенія, а что отъѣздъ генерала Юзефовича со штабомъ арміи изъ Ростова «вызоветъ въ Ростовѣ панику», что можетъ быть чревато послѣдствіями. При этихъ условіяхъ я категорически отказался отъ принятія командованія надъ войсками Манычскаго фронта, въ то же время, въ виду серьезности положенія на фронтѣ, я рѣшилъ немедленно ѣхать въ Ростовъ и вступить въ командованіе моей арміей.

Начальникъ штаба и генераль-квартирмейстеръ продолжали настаивать. Генералъ Романовскій замѣтилъ, что мой отказъ поставить Главнокомандующаго въ необходимость самому принять на себя непосредственно руководство Манычской операціей. Я замѣтилъ, что

¹⁵ 1-ая конная дивизія генерала Шатилова была изъята изъ состава 1-го коннаго корпуса и оставалась въ Дагестанѣ. Генералъ Покровскій объединялъ дѣйствія 1-ой кубанской дивизіи и одной изъ донскихъ.

рѣшѣнія своего не измѣню, что, по совѣсти, не могу взяться за дѣло, которое считаю для себя при настоящихъ условіяхъ непосильнымъ. «Главкомандующій, имѣющій полную мощь», — добавилъ я, — «въ случаѣ если онъ лично станетъ во главѣ операціи, будетъ имѣть возможность принять всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить успѣхъ операціи и я не сомнѣваюсь, что онъ убѣдится въ необходимости тѣхъ мѣръ, которыя я предлагаю». Генераль Романовскій и полковникъ Плющевскій-Плющикъ, видимо недовольные, ушли, причемъ генераль Романовскій просилъ меня на слѣдующій день утра быть у Главкомандующаго.

Въ десять часовъ утра я былъ у генерала Деникина, гдѣ засталъ начальника штаба. Генераль Деникинъ былъ видимо уже въ курсѣ дѣла и спросилъ меня «не надумалъ ли я что-нибудь». Я вновь подтвердилъ, что не считаю себя въ силахъ справиться съ поставленной генераломъ Романовскимъ задачей и просилъ разрѣшенія немедленно вернуться къ моей арміи. Генераль Деникинъ не настаивалъ. Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Ростовъ.

24 октября 1921 г.

Константинополь.

Глава III На Москву.

На Дону.

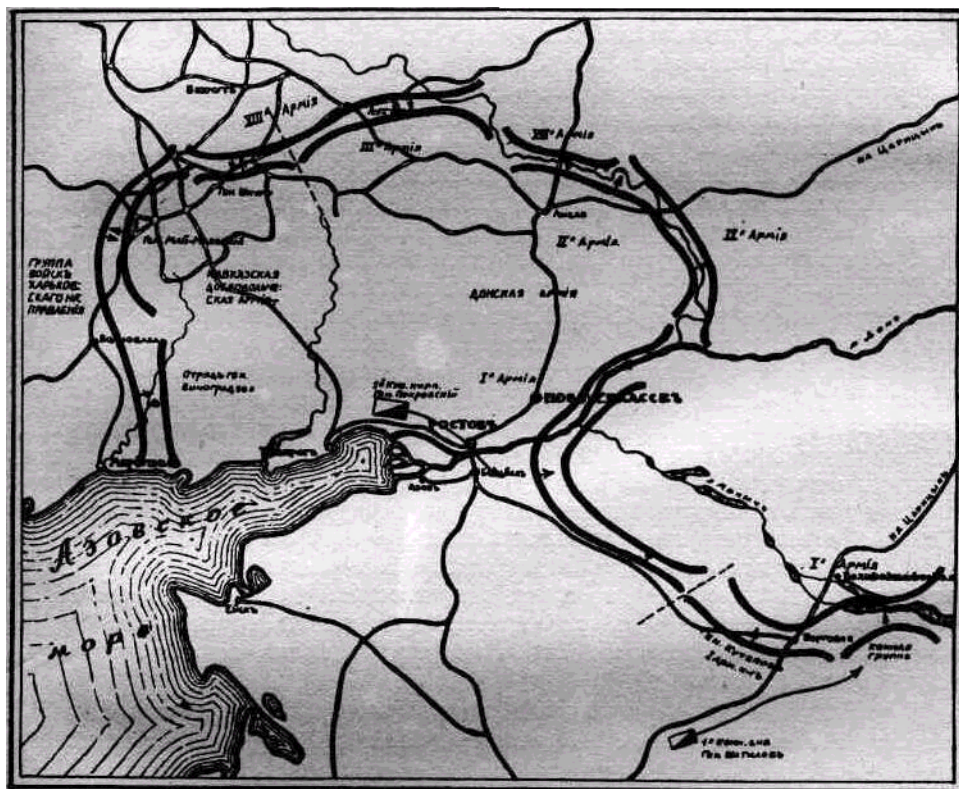
Въ Ростовѣ на вокзалѣ я встрѣченъ былъ генераломъ Юзефовичемъ съ чинами штаба. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ своднаго полка 12-ой кавалерійской дивизіи. Полкъ формировался въ Ростовѣ. Караулъ былъ отлично одѣтъ, люди выглядѣли молодцами.

Окупированная французскими войсками, послѣ паденія гетманской власти на Украинѣ, Одесса неожиданно въ концѣ марта была французами оставлена. Одновременно съ французами бѣжалъ изъ Одессы и штабъ, формируемой съ благословенія французскаго генерала Franchet d'Espèraie', «Народной Русской арміи» во главѣ съ ея инициаторомъ генераломъ Шварцемъ. Въ числѣ его ближайшихъ помощниковъ оказался и генераль Бискупскій, долженствовавшій занять постъ инспектора кавалеріи и обратившійся изъ украинскаго «генеральнаго хорунжаго» въ генерала «демократической русской арміи».

Съ оставленіемъ Крыма штабъ генерала Боровскаго былъ расформированъ; самъ же генераль Боровскій получилъ назначеніе начальникомъ Закаспійской области. Онъ, такъ и не успѣлъ туда попасть, ограничивъ поле дальнѣйшей своей дѣятельности рестораномъ гостиницы «Паласъ». Объединенныя подъ начальствомъ генерала Шиллинга наши крымскія части, при поддержкѣ мощной артиллеріи союзнаго флота, продолжали удерживать Керченскій перешеекъ. Въ каменугольномъ бассейнѣ, въ районѣ Андреевка — Ясиноватая — Криничная героически сражались обезкровленные многомѣсячной борьбой добровольцы генерала Май-Маевского. Полки его корпуса послѣ ряда тяжелыхъ потерь насчитывали каждый 400 — 500 человекъ. Противникъ продолжалъ настойчиво пытаться овладѣть важнымъ для него каменугольнымъ райономъ. Однако, несмотря на огромное превосходство, все же не могъ отгнать геройскіе полки Добровольческаго корпуса. На лѣвомъ флангѣ послѣдняго въ районѣ Волноваха — Мариуполь дѣйствовалъ слабый численно сборный отрядъ изъ трехъ родовъ оружія подъ начальствомъ генерала Виноградова, имѣя противъ себя незначительныя силы красныхъ. На правомъ флангѣ генерала Май-Маевского только что сосредоточился послѣ удачнаго рейда въ тылъ противника Сводный конный корпусъ въ составѣ Кавказской (кубанской) и 1-ой терской казачьихъ дивизій. Корпусомъ временно командовалъ начальникъ Кавказской дивизіи генераль Шкуро.

Во главѣ дивизій стояли: Кавказской — временно замѣщающій генерала Шкуро, командиръ одной изъ бригадъ, генераль Губинъ, бывший мой сослуживецъ по Уссурийской дивизіи; Терской — доблестный генераль Топорковъ. Послѣдній, недавно на эту должность назначенный, имѣлъ уже въ дивизіи рядъ блестящихъ дѣлъ, былъ тяжело раненъ и ко времени моего приѣзда въ Ростовъ отсутствовалъ. Правифланговыя части генерала Шкуро держали связь съ Донской арміей, дѣйствовавшей на правомъ берегу рѣки Донца, къ югу отъ Луганска. 1-ая кубанская дивизія была оттянута въ тылъ для переброски на фронтъ Маныча. Генераль Покровскій со штабомъ ожидался въ Ростовѣ на слѣдующій день. Онъ долженъ былъ

объединить дѣйствія 1-ой кубанской и слѣдно направлявшейся на Манычскій фронтъ съ Кавказа, только что окончившей формированіе, 2-ой терской казачьей дивизіи. Сосредоточеніе корпуса намѣчалось въ районѣ станціи Батайскъ.

ПОЛОЖЕНІЕ НА ФРОНТѢ. КЪ СРЕДИНѢ АПРѢЛЯ 1919 Г.

Впредь до прибытія въ районъ сосредоточенія частей генерала Покровскаго, важнѣйшій ростовскій узелъ съ юга ничѣмъ не прикрывался. Кромѣ незакончившаго формированія своднаго полка 12-ой кавалерійской дивизіи, необходимаго для поддержанія порядка въ самомъ городѣ, свободныхъ резервовъ въ распоряженіи штаба арміи не было. Донскія части генерала Мамонтова окончательно потеряли всякую боеспособность, «совершенно разложились», какъ доносилъ самъ генералъ Мамонтовъ. Передъ наступающей конницей красныхъ казаки, бросая артиллерию и оружіе, бѣжали за Донъ. Высланный для наблюденія переправы у станицы Ольгинской разъѣздъ ординарческаго эскадрона подъ начальствомъ хорунжаго Гриневича доносилъ о движеніи разъѣздовъ красныхъ въ направленіи на Батайскъ.

Забитый многочисленными армейскими и правительственными учреждениями громаднй торговый и промышленный центръ Ростовъ былъ объятъ паникой. Въ самомъ городѣ было не спокойно и по свѣдѣніямъ штабной и мѣстной, донской, контръ-развѣдокъ можно было со дня на день ожидать выступленія мѣстныхъ большевиковъ. Я принялъ мѣры къ ускоренію переброски эшелоновъ Кубанской дивизіи. Выслалъ для прикрытія Батайска бронепоездъ. Назначилъ на утро совѣщаніе для принятія мѣръ по охранѣ города, пригласивъ на него командующаго войсками округа, донского генерала Семенова, завѣдывающаго донской контръ-развѣдкой полковника Сорохтина, начальника контръ-развѣдки штаба арміи ротмистра Маньковскаго, коменданта города и коменданта главной квартиры. Доклады всѣхъ этихъ лицъ только подтвердили доложенное мнѣ наканунѣ генераломъ Юзефовичемъ. На окраинахъ города, въ рабочихъ кварталахъ и особенно въ Затемерницкомъ поселкѣ, издавна пользовавшемся дурной славой, было неспокойно. Имѣлись свѣдѣнія о прибытіи въ городъ цѣлаго ряда большевицкихъ агентовъ и намѣреніи послѣднихъ, при содѣйствіи мѣстныхъ большевиковъ вызвать рядъ выступленій въ городѣ. Въ распоряженіи обѣихъ контръ-развѣдокъ имѣлся рядъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ агентахъ большевиковъ. Я приказалъ въ ту же ночь арестовать всѣхъ намѣченныхъ контръ-развѣдкой лицъ. Несмотря на возраженія нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, что эти аресты могутъ вызвать волненія и что силъ, имѣющихся въ распоряженіи штаба, для поддержанія въ этомъ случаѣ порядка въ городѣ недостаточно, я

настоять на своемъ, считая, что только рѣшительныя дѣйствія власти могутъ еще заставить считаться съ ней. Въ ту же ночь было арестовано до семидесяти человекъ. Среди нихъ занимавшій довольно видное положеніе въ городѣ присяжный повѣренный Ломатидзе. Последняго въ числѣ шести наиболее видныхъ большевицкихъ дѣятелей я немедленно предалъ военно-полевому суду, приговорившему ихъ къ смертной казни. Несмотря на рядъ обращенныхъ ко мнѣ ходатайствъ отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ о смягченіи участи осужденныхъ (главнымъ образомъ ходатайствовали объ имѣющемъ значительныя связи въ городѣ Ломатидзе), я остался непреклоненъ. Черезъ день послѣ ареста приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Рѣшительность, проявленная властью, несомнѣнно возымѣла дѣйствіе. Ни въ эти дни, ни послѣ, никакихъ выступленій въ городѣ не было.

На слѣдующій день по прибытіи моемъ въ Ростовъ я выѣзжалъ въ Батайскъ для свиданія съ генераломъ Мамонтовымъ. Последній, высокій, статный, бравого вида генералъ въ эту минуту казался совершенно подавленнымъ. По его словамъ, казаки совсѣмъ «вышли изъ рукъ» и у него не оставалось даже нѣсколькихъ человекъ для посылки въ разъѣздъ. Онъ съ нѣсколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядокъ среди скопившихся въ Батайскѣ бѣглецовъ. Къ счастью, противникъ преслѣдовалъ весьма вяло и, видимо, не отдавалъ себѣ отчета въ нашей безпомощности. Въ Ростовѣ явился ко мнѣ прибывшій со своимъ штабомъ генералъ Покровскій, коему я подчинилъ части генерала Мамонтова, приказавъ, не стѣсняясь мѣрами, привести ихъ въ порядокъ. Слѣдомъ за головнымъ эшелономъ стали прибывать эшелоны кубанцевъ. Черезъ два дня положеніе стало уже менѣ грознымъ. Кубанцы прикрыли Батайскую и Ольгинскую переправы и, выбросивъ на широкомъ фронтѣ развѣдку, дали возможность освѣтить обстановку. Разстрѣлявъ нѣсколько дезертировъ, генералъ Покровскій, кое-какъ остановилъ и сталъ приводить въ порядокъ деморализованные донскіе полки. Съ Кавказа подходили эшелоны съ терцами.

Генералъ Деникинъ, прибывъ изъ Екатеринодара, лично принялъ на себя руководство войсками Маньчской группы. Генералъ Пояровскій, объединивъ командованіе 1-ой Кубанской, 2-ой Терской дивизіями и нѣсколькими полками донцовъ, перешелъ въ наступленіе и сталъ тѣснить противника къ Маньчу. Не ожидавшіе отпора красные стали поспѣшно отходить, но вскорѣ оправались и сами перешли въ наступленіе, обрушившись на терцевъ. Терская дивизія, только что сформированная и плохо обученная, была жестоко потрепана и потеряла всю свою артиллерию. Генералъ Деникинъ лично могъ убѣдиться въ серьезности создавагося положенія. 1-ой конной дивизіи генерала Шатилова было отдано приказаніе спѣшно грузиться и слѣдовать на Маньчскій фронтъ. Предсказанія мои генералу Романовскому осуществились и Главнокомандующій, принявъ на себя руководство маньчской операціей, вынужденъ былъ сосредоточить тѣ самыя части, каковыя предлагалъ генералу Романовскому использовать для намѣченной операціи и я.

Между тѣмъ, на фронтѣ моей арміи положеніе продолжало оставаться тяжелымъ. Генералъ Май-Маевскій ежедневно доносилъ о тяжелыхъ бояхъ своихъ частей. Подъ давленіемъ подавляющей численности врага, поддержаннаго убійственнымъ огнемъ большого числа бронепоездовъ, наши слабыя части на нѣкоторыхъ участкахъ вынуждены были нѣсколько отойти. Добровольческіе полки дрались чрезвычайно упорно, отстаивая каждую пядь земли. Тяжелыя потери заставляли опасаться, что послѣдніе кадры нашей пѣхоты будутъ уничтожены. Въ то же время въ тылу арміи свѣжихъ пополненій не имѣлось. Вопросъ о созданіи запасныхъ частей для пополненія войсковыхъ кадровъ до сего времени не былъ должнымъ образомъ разрѣшенъ. Изъ всей занятой арміями генерала Деникина территоріи Юго-Востока Россіи лишь въ Черноморской и Ставропольской губерніяхъ гражданская власть полностью сосредоточивалась въ рукахъ главнаго командованія. Въ прочихъ областяхъ дѣйствовала автономная казачья власть. Въ значительной части казачьихъ областей населеніе было смѣшанное— казаки и иногородніе. И если относительно первыхъ ставка, хотя и неохотно, все же готова была признать государственныя права атамановъ и казачьихъ правительствъ, то въ отношеніи иногородняго населенія это право главное командованіе хотѣло оставить за собой. При этихъ условіяхъ разработка мобилизаціоннаго плана была чрезвычайно затруднительна. Дѣло не пошло далѣе безъ конечной переписки между штабомъ главнокомандующаго и войсковыми штабами. Въ ростовскомъ округѣ, распоряженіемъ командующаго округомъ донского генерала Семенова, также производилась «мобилизація». Мобилизація эта сводилась къ тому, что на улицахъ хватали прохожихъ, регистрировали и брали на учетъ. Кромѣ

естественнаго неудовольствія въ населеніи и полнаго дискредитированія въ его глазахъ власти, эти мѣропріятія ничего дать не могли. Я тщетно телеграфировалъ въ ставку, доказывая необходимость точно установить взаимоотношенія командующаго арміей съ представителями мѣстной власти, но ничего добиться не могъ, — штабъ главнокомандующаго, видимо, оказывался безсильнымъ разрѣшить эту задачу и всячески уклонялся отъ опредѣленнаго отвѣта.

Въ то время, какъ насущнѣйшіе жизненные вопросы оставались неразрѣшенными, главное командованіе стремилось разрѣшить рядъ вопросовъ общероссійскаго масштаба, долженствовавшихъ охватить всѣ области государственнаго устройства Россіи. Разработкой этихъ вопросовъ было занято образованное Главнокомандующимъ Особое Совѣщаніе изъ лицъ по личному выбору генерала Деникина. Работы Особаго Совѣщанія по этимъ вопросамъ вылились въ форму двухъ программныхъ писемъ генерала Деникина на имя предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Нѣсколько позже была издана «особая декларация» о «цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ командованіе Вооруженными Силами на Югѣ Россіи въ вооруженной борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строительствѣ». Всѣ эти документы ничего реальнаго не давали, ограничиваясь общими мѣстами въ родѣ «уничтоженія большевицкой анархіи и водворенія въ странѣ правоваго порядка», «возстановленія могущественной Единой и Недѣлимой Россіи», «широкаго мѣстнаго самоуправленія», «гарантіи свободъ», «немедленнаго приступа къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія», «немедленнаго проведенія рабочаго законодательства, обеспечивающаго трудящіеся классы отъ эксплуатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ...» Все это было столь же безспорно, сколь и неопредѣленно. Намѣченная этими документами программа главнаго командованія должна была служить руководящими данными для дѣятельности «Освага» — отдѣла пропаганды, долженствующаго противопоставить свою дѣятельность пропагандѣ большевиковъ. Громоздкое съ огромными штатами учрежденіе Освага пребывало въ Ростовѣ. Оно стоило правительству бѣшеннхъ денегъ и давало надежное убѣжище многочисленнымъ уклоняющимся отъ выполненія своего воинскаго долга. Непомѣрно разросшійся Освагъ стремился охватить всѣ отрасли жизни арміи и страны. Онъ не только «внѣдрялъ въ сознаніе массъ идеологію исповѣдуемую Главнымъ Командованіемъ», «популяризировалъ вождей», но и ставилъ себѣ цѣлью «облагораживаніе литературнаго вкуса обывателя». Такъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ дѣятелей этого учрежденія въ Ростовѣ изданіе отдѣломъ пропаганды художественно-литературныхъ повременниковъ.

Была у Освага и другая, болѣе темная сторона дѣятельности — такъ называемая «информация вверхъ», составленіе секретныхъ сводокъ, касающихся дѣятельности политическихъ партій, организацій и отдѣльныхъ лицъ. Наиболѣе секретныя изъ этихъ сводокъ въ числѣ двухъ экземпляровъ представлялись лишь предсѣдателю Особаго Совѣщанія и самому Главнокомандующему. Въ нихъ давались свѣдѣнія о дѣятельности самыхъ ближайшихъ къ генералу Деникину лицъ.

Въ обществѣ и въ арміи отношеніе къ Освагу было весьма недружелюбное. Въ арміи этому много способствовало назначеніе помощникомъ начальника отдѣла пропаганды профессора К. Н. Соколова небезызвѣстнаго полковника Энгельгардта, бывшаго въ первые дни смуты комендантомъ Петрограда.

Не получая удовлетворительнаго отвѣта изъ ставки, я рѣшилъ лично проѣхать въ Новочеркасскъ повидать Донскаго атамана генерала Богаевского и путемъ личныхъ переговоровъ разрѣшить совмѣстно съ нимъ рядъ вопросовъ. Генераль Богаевскій только что перенесъ сыпной тифъ и принялъ меня, лежа въ кровати. Мягкій и весьма доброжелательный человекъ, генераль Богаевскій, съ которымъ я былъ знакомъ еще по службѣ въ гвардіи, охотно пошелъ мнѣ навстрѣчу и обѣщалъ дать представителямъ донской власти на мѣстахъ необходимыя указанія для согласованія нашей работы. Въ Новочеркасскѣ я видѣлся также съ выѣхавшимъ меня встрѣтить на вокзалѣ начальникомъ штаба Донской арміи генераломъ Келчевскимъ. Генерала Келчевскаго я зналъ еще по академіи генеральнаго штаба, гдѣ онъ состоялъ во время прохожденія мной курса, курсовымъ штабъ-офицеромъ; впослѣдствіи встрѣчался я съ нимъ въ Каменцѣ и Черновицахъ въ бытность его генераль-квартирмейстеромъ IX-ой арміи генерала Лечицкаго. Талантливый офицеръ генеральнаго штаба, онъ заслуженно выдвинулся въ періодъ Великой войны; нравственный обликъ его былъ незавидный. Я выѣхалъ изъ Новочеркасска вечеромъ и на вокзалѣ въ Ростовѣ узналъ, что черезъ семь минутъ по

проходѣ моего поѣзда былъ взорванъ ближайшій къ Новочеркаску мостъ. Господь хранилъ меня и злоумышленникамъ не удался ихъ замыселъ.

Съ цѣлью облегченія положенія частей генерала Май-Маевского, я приказалъ генералу Шкуро ударить въ тылъ дѣйствующихъ противъ добровольцевъ частямъ красныхъ. Генералъ Шкуро удачно выполнилъ задачу, оттянувъ противъ себя часть непріятельскихъ силъ и временно облегчивъ положеніе добровольцевъ. Одновременно, перешли въ наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ и донцы. Лѣвофланговая донская дивизія генерала Калинина нанесла краснымъ рядъ жестокихъ поражений и овладѣла городомъ Луганскомъ, угрожая противнику дальнѣйшимъ продвиженіемъ на западъ. Для парированія успѣха донцовъ красные вынуждены были оттянуть съ фронта моей арміи часть резервовъ и истекавшіе кровью добровольцы получили возможность передохнуть.

Съ цѣлью ознакомленія на мѣстахъ съ нуждами войскъ и возможностью помочь намъ военнымъ снабженіемъ прибылъ изъ Англій генералъ Бриггсъ. Генералъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе умнаго и дѣльнаго человѣка. Съ большимъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла выслушалъ онъ доклады начальника снабженія и начальника артиллеріи и обѣщаль всемѣрное содѣйствіе къ облегченію нашихъ нуждъ. Я чествовалъ его обѣдомъ въ штабѣ, послѣ чего мы присутствовали на скачкахъ мѣстнаго скакового общества. Послѣ скачекъ донской коннозаводчикъ Пишвановъ подвелъ мнѣ коня своего завода, въ этотъ же день выигравшаго скачку, — чистокровнаго гнѣдаго 3-хлѣтняго жеребца «Гарема», сына дербиста «Гамураби». Вечеромъ я устроилъ у себя въ честь англійской миссіи кавказскій вечеръ съ лезгинкой и пѣснями. На другой день мы ѣздили въ Таганрогъ съ генераломъ Бриггсомъ осматривать недавно пущенный въ ходъ Русско-Балтійскій заводъ, гдѣ производилась выдѣлка орудійныхъ снарядовъ и ружейныхъ патроновъ.

Я все еще не оправился послѣ перенесенной болѣзни, чувствовалъ себя слабымъ, ноги отекали. Доктора настаивали на необходимости покоя, однако объ этомъ нечего было и думать. Дѣлъ было столько, что я едва успѣвалъ найти время пообѣдать. Ежедневно осаждало меня безконечное количество всякаго рода просителей, надѣявшихся у меня добиться разрѣшенія вопросовъ, которые оказывались безсильными разрѣшить представители мѣстной администраціи.

Упорные бои на Манычѣ продолжались. Противникъ продолжалъ удерживать главнѣйшія переправы у станицы Великокняжеской. Дважды переправлявшаяся восточнѣе Великокняжеской на правый берегъ рѣки ударная группа генерала Шатилова, оба раза, послѣ первоначальныхъ успѣховъ, вынуждена была съ большими потерями, вновь отходить за рѣку. Вязкое русло Маныча не позволяло переправить въ бродъ артиллерію, чѣмъ главнымъ образомъ и объяснялся нашъ неуспѣхъ. Донцы, занявъ Луганскъ, далѣе не продвигались. На фронтѣ Добровольческаго корпуса противникъ вновь сталъ насѣдать.

Я получилъ телеграмму о прибытіи генерала Деникина въ Ростовъ, гдѣ на вокзалѣ должно было состояться совѣщаніе съ командующими арміями. Изъ Новочеркасска былъ вызванъ командующій Донской арміей генералъ Сидоринъ. Послѣдній нѣсколько запоздалъ. Поѣздъ Главнокомандующаго прибылъ раньше. Генералъ Деникинъ былъ озабоченъ общимъ положеніемъ на фронтѣ. Онъ настаивалъ на энергичныхъ дѣйствіяхъ донцовъ, долженствующихъ приковать къ себѣ противника, облегчить тяжелое положеніе моей арміи. Съ замѣтнымъ раздраженіемъ говорилъ Главнокомандующій о нежеланіи донского командованія сообразовать свои дѣйствія съ общимъ положеніемъ, объ «интригахъ въ Новочеркасскѣ»; виновникомъ послѣднихъ онъ называлъ генерала Келчевскаго. Упомянувъ о томъ, что вслѣдствіе создавшейся обстановки онъ вынужденъ былъ сосредоточить на Манычскомъ фронтѣ значительное число силъ, генералъ Деникинъ высказалъ предположеніе, что «по завершеніи манычской операціи» явится, вѣроятно, необходимость, группу генерала Улагая, оперирующаго въ районѣ Св. Креста, и войска манычской группы, объединить въ отдѣльную армію. При этомъ Главнокомандующій спросилъ меня, согласился ли бы я стать во главѣ этой арміи. Я отвѣтилъ согласіемъ, добавивъ, что попрежнему придаю Царицынскому направленію первенствующее значеніе. Къ тому же новая армія будетъ состоять главнымъ образомъ изъ родныхъ мнѣ частей, коими командовалъ я во время кавказской операціи. Вокорѣ прибылъ поѣздъ командующаго Донской арміей генерала Сидорина. Послѣдняго я зналъ еще по академіи генеральнаго штаба, курсъ которой мы проходили одновременно. Сидоринъ былъ

весьма неглупый, способный и знающий офицеръ. Какъ командующій арміей онъ былъ вполне на высотѣ своего положенія.

25-го апрѣля я получилъ письмо отъ генерала Романовскаго:

«Начальникъ Штаба
Главкомандующаго
Вооруженными Силами
на Югѣ Россіи.
24-го апрѣля 1919 г.
Ст. Тихорѣцкая.

Многоуважаемый

Петръ Николаевичъ!

У Васъ, вѣроятно, былъ уже Науменко и говорилъ по поводу Кубанской арміи. Сама обстановка создала, что почти всѣ кубанскія части собрались на царицынскомъ направленіи и мечты кубанцевъ имѣть свою армію могутъ быть осуществлены. Это Главкомандующій и намѣтилъ исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался. Съ созданиемъ Кубанской арміи становится сложный вопросъ о командованіи ею. Всѣ соображенія приводятъ къ выводу, что единственнымъ лицомъ приемлемымъ для Кубани и такимъ, котораго будутъ слушаться всѣ наши кубанскіе полководцы — Покровскій, Улагай, Шкуро — является Вы.

Главкомандующій и интересуется, какъ Вы къ этому вопросу отнесетесь.

Въ Кубанскую армію Главкомандующій предполагаетъ включить тѣ кубанскія части, которыя въ настоящее время на Манычскомъ фронтѣ и при первой же возможности произвести рокировку 1-ой Кавказской казачьей дивизіи и 2-ой Кубанской пластунской бригады, перекинувъ ихъ сюда въ Кубанскую армію, а терцевъ отправивъ въ Кавказскую армію, гдѣ изъ нихъ составитъ Терскій корпусъ. Горцы въ виду недостатка конницы въ Кавказской арміи тоже, вѣроятно, будутъ перекинуты въ Кавказскую армію. Такимъ образомъ въ Кубанской арміи соберутся кубанскія части и останутся 6-ая дивизія, состоящая изъ Своднаго Астраханскаго п. п., Своднаго Саратовскаго п. п., Своднаго гренадерскаго п. п. и Саратовскаго к. дивизиона съ артиллеріей и Астраханская коп. отд. бригада (генераль Зыковъ). Въ связи съ этими предположеніями Главкомандующій желаетъ, чтобы 2-ая Кубанская бригада была подготовлена въ смыслѣ сбора и расположенія къ быстрой смѣнѣ.

Что касается вопроса о штабѣ, то Главкомандующій намѣчаетъ штабъ Кавказской арміи оставить въ Ростовѣ, а для Кубанской вновь сформировать. Конечно, Вы можете, если бы пожелали, персонально, одного или другого изъ чиновъ штаба и даже начальника штаба взять съ собой.

Замѣстителемъ Вашимъ въ Кавказской Арміи, которую предполагается при этомъ переименовать просто въ Добровольческую армію, Главкомандующій намѣчаетъ генерала Май-Маевского.

Если бы Вы согласились на предложенное назначеніе, то я бы просилъ Васъ переговорить или списаться съ генераломъ Май-Маевскимъ относительно штаба и главное начальника штаба къ нему (Яковъ Давыдовичъ¹⁶) можетъ не пожелаетъ остаться или уйти съ Вами).

По всѣмъ этимъ вопросамъ Главкомандующій желаетъ знать Ваши соображенія.

Отъ души желаю Вамъ успѣховъ.

Искренно Вашъ И. Романовскій».

Послѣ послѣдняго разговора моего съ Главкомандующимъ вопросъ о созданіи на Царицынскомъ направленіи новой арміи, во главѣ коей долженъ былъ стать я, не былъ для меня неожиданностью. Однако, рѣшеніе Главкомандующаго о созданіи отдѣльной Кубанской арміи, было для меня ново. Учитывая въ полной мѣрѣ всѣ неудобства, проистекавшія изъ-за существованія отдѣльныхъ армій новыхъ казачьихъ образований, я въ то же время учитывалъ, что разъ Донъ пользуется этимъ правомъ, и Кубань и Терекъ имѣютъ право справедливо этого домогаться. Намѣченное Главкомандующимъ рѣшеніе, не устраняя неудобства проистекающаго отъ существованія отдѣльныхъ армій казачьихъ новообразований, въ то же время справедливо уравнивало ихъ права и преимущества, устраняя тѣмъ самымъ главный поводъ существовавшихъ между главнымъ командованіемъ и кавказскими казачьими

¹⁶ Генераль Юзефовичъ.

правительствами недоразумѣній. Въ то же время мысль, что мнѣ придется командовать Кубанской арміей, арміей отдѣльнаго государственнаго образованія, съ политикой въ значительной мѣрѣ идущей въ разрѣзъ съ политикой главнаго командованія, справедливо меня пугала.

Хотя и атаманъ и Рада выражали мнѣ всяческимъ образомъ свое вниманіе и Краевая Рада только что извѣстила меня о принятіи меня съ семьей въ коренное сословіе кубанскихъ казаковъ, хотя большинство кубанскихъ частей были мнѣ родны и въ широкихъ массахъ казачества имя мое пользовалось большимъ уваженіемъ, я все же, какъ командующій Кубанской арміей, оказался бы въ нѣкоторомъ подчиненіи кубанской власти и былъ бы неизбѣжно причастенъ къ по литикѣ Кубани, которую я раздѣлять не могъ.

Мои ближайшіе помощники, начальникъ штаба генераль Юзефовичъ и генераль-квартирмейстеръ полковникъ Кусонскій соображенія мои полностью раздѣляли. Переговоривъ съ ними, я рѣшилъ подождать отвѣтомъ до пріѣзда Кубанскаго атамана генерала Филимонова и походнаго атамана Кубанскаго войска генерала Науменко, о пріѣздѣ которыхъ я былъ предупрежденъ. Съ ними одновременно пріѣхалъ, возвращающійся въ строй послѣ раненія, генераль Топорковъ. За нѣсколько часовъ до обѣда, устроеннаго мною въ честь пріѣхавшихъ, я получилъ телеграмму начальника штаба главнокомандующаго, разъясняющую, что объединеніе кубанскихъ частей въ армію съ наименованіемъ «Кубанской» не должно быть понимаемо, какъ признаніе какой либо зависимости этой арміи отъ кубанскаго правительства и расширенія правъ послѣдняго въ отношеніи кубанскихъ войскъ. При этихъ условіяхъ Кубанскій атаманъ самъ отказался отъ предложенія генерала Деникина именовать новую армію «Кубанской», признавъ, что разъ по существу вопросъ не разрѣшенъ, то лучше ужъ вновь формируемой арміи дать названіе Кавказской Добровольческой, подъ каковымъ большинство войскъ Манычскаго фронта сражались за освобожденіе роднаго имъ Кавказа. Тутъ же за обѣдомъ составили телеграмму генералу Деникину, каковую под писалъ Кубанскій атаманъ и я.

На другой день я выѣхалъ на станцію Харцъскъ, дабы повидать генерала Май-Маевскаго и переговорить съ нимъ по содержанію полученнаго мною отъ генерала Романовскаго письма. Я впервые увидѣлъ генерала Май-Маевскаго. Небольшого роста, чрезвычайно тучный, съ краснымъ обрюзгшимъ лицомъ, отвислыми щеками и съ громаднымъ носомъ-сливой, маленькими мышинными глазками на гладковыбритомъ безъ усовъ и бороды лицѣ, онъ, не будь на немъ мундира, былъ бы несомнѣнно принятъ каждымъ за комика какой либо провинціальной сцены. Опытный, знающій дѣло военачальникъ и несомнѣнно не глупый человекъ, генераль Май-Маевскій въ разговорѣ производилъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Долгіе мѣсяцы ведя тяжелую борьбу въ каменугольномъ бассейнѣ, онъ не потерялъ бодрости духа. Онъ видимо близко стоялъ къ своимъ войскамъ, зналъ своихъ подчиненныхъ. Генераль Май-Маевскій былъ очень польщенъ до вѣртемъ Главнокомандующаго, о чемъ и просилъ меня довести до свѣдѣнія генерала Деникина. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ о назначеніи начальникомъ штаба арміи взамѣнъ генерала Юзефовича, рѣшившаго оставаться при мнѣ, начальника штаба Добровольческаго корпуса генерала Агапѣва. Своимъ замѣстителемъ на должность командира Добровольческаго корпуса, генераль Май-Маевскій представлялъ генерала Кутепова, командовавшаго, дѣйствующимъ въ районѣ станціи Торговая, отрядомъ изъ трѣхъ родовъ войскъ. Осмотрѣвъ расположенныхъ въ резервѣ близъ станціи Харцъскъ пластуновъ и два батальона марковцевъ, я про ѣхалъ на позицію. Мы сѣли въ автомобиль, когда получено было донесеніе о переходѣ противника противъ 1-ой бригады въ наступленіе. Я выѣхалъ къ участку, гдѣ шель бой.

Укрытая за грядой небольшихъ холмовъ стрѣляла наша тяжелая батарея. Въ полуторадвухъ верстахъ впереди растянута по холмистой степи жидкая цѣпь нашихъ стрѣлковъ. Со стороны противника гремѣли артиллерійскіе вы стрѣлы и дымки шрапнели то и дѣло вспыхивали надъ нашими цѣпями. Мы вышли изъ автомобилей и я пошелъ вдоль фронта, здороваясь съ стрѣлками. Увидѣвъ группу сопровождавшихъ меня лицъ, непріятель открылъ ружейный огонь. Пули посвистывали, щелкали въ сухую землю, взбивая пыль. Я шель вдоль цѣпи, привѣтствуя стрѣлковъ, изрѣдка останавливаясь и задавая вопросы. Огонь противника усиливался, одинъ изъ слѣдовавшихъ за мной ординарцевъ былъ убитъ, другой раненъ. Я приказалъ сопровождавшимъ меня вернуться назадъ, самъ же съ генераломъ Май-Маевскимъ, генераломъ Юзефовичемъ и лицами моего штаба продолжалъ обходить полки. Наступавшія цѣпи противника медленно накапливались противъ занимавшихъ лѣвый флангъ марковцевъ.

Съ цѣлью помочь сосѣдямъ корниловцы перешли въ контръ-атаку. Я подходилъ къ занятому корниловцами участку, когда ихъ цѣпи, поднявшись, быстро двинулись, охватывая флангъ врага. Несмотря на огонь люди шли, не ложась. Впереди на гнѣдомъ конѣ ѣхалъ молодой командиръ полка полковникъ Скоблинъ. Подъ угрозой своему флангу, красные, не принявъ удара, начали отходъ. Поблагодаривъ корниловцевъ, я поѣхалъ на вокзалъ. Давно неиспытанная близость къ войскамъ, близость боя, создавали бодрое, приподнятое настроеніе.

Черезъ нѣсколько дней въ Ростовъ вновь пріѣзжалъ Главнокомандующій. Генераль Юзефовичъ долгое время командовавшій за моей болѣзною арміей былъ видимо нѣсколько задѣтъ выборомъ на эту должность генерала Май-Маевского, полагая, что право на эту должность по справедливости принадлежитъ ему. При свиданіи съ генераломъ Деникинымъ я просилъ его найти случай поговорить съ генераломъ Юзефовичемъ и постараться смягчить горечь казавшагося ему недовѣрія Главнокомандующаго.

— «Ну что же я ему скажу. Вѣдь по совѣсти я считаю, что онъ командовать арміей не можетъ», развелъ руками генераль Деникинъ.

— «Все-таки, ваше превосходительство, вы быть можетъ нашли бы возможнымъ его огладить, объяснивъ, что онъ необходимъ, какъ начальникъ штаба моей арміи. Я лично никогда въ крупныхъ штабахъ не служилъ, штабная работа мнѣ мало извѣстна и дѣйствительно мнѣ безъ Якова Давыдовича было бы трудно».

— «Нѣтъ, увольте, я не умѣю разводить дипломатіи. Поговорите ужъ вы съ нимъ, Иванъ Павловичъ, пусть не кобянется...»

Такъ чувство незаслуженной обиды и осталось въ сердцѣ Юзефовича.

На слѣдующій день по отъѣздѣ Главнокомандующаго стали вновь поступать тревожныя свѣдѣнія съ фронта. Красные возобновили атаки; и безъ того бѣдные ряды полковъ таяли окончательно. Генераль Май-Маевскій засыпалъ меня телеграммами, донося о невозможности болѣе держаться и ходатайствуя о разрѣшеніи отойти на позиціи къ сѣверу отъ станціи Иловайская. Я приказалъ ему продолжать держаться, одновременно давъ указанія генералу Шкуро вновь перейти въ наступленіе, съ цѣлью облегченія положенія добровольцевъ. Конница перешла въ наступленіе, имѣла рядъ тяжелыхъ боевъ, однако, особенно продвинуться не могла. Давленіе на части генерала Май-Маевского не ослабѣвало.

Генераль Май-Маевскій, съ которымъ я говорилъ по аппарату Юза, доложилъ мнѣ, что онъ держаться далѣе не можетъ, что дальнѣйшее упорство поведетъ лишь къ окончательной гибели кадровъ. Я отвѣтилъ, что имѣю категорическое приказаніе Главнокомандующаго держаться во что бы то ни стало. вмѣстѣ съ тѣмъ, учитывая, что въ ближайшіе дни отвѣтственнымъ за армію явится онъ, генераль Май-Маевскій, я обѣщалъ ему немедленно довести до свѣдѣнія Главнокомандующаго нашъ разговоръ и испросить разрѣшенія оттянуть Добровольческій корпусъ на намѣченныя имъ позиціи.

30-го вечеромъ я выѣхалъ въ Торговую, гдѣ находился поѣздъ Главнокомандующаго, лично руководившаго Манычской операціей.

Въ Задонскихъ степяхъ.

Явившись утромъ къ Главнокомандующему, я доложилъ ему о положеніи Добровольческаго корпуса. Ознакомившись съ лентой разговора моего съ генераломъ Май-Маевскимъ по аппарату Юза, Главнокомандующій принялъ рѣшеніе, — части Добровольческаго корпуса оттянуть на намѣченныя генераломъ Май-Маевскимъ позиціи. Я тутъ же написалъ и отправилъ послѣднему телеграмму. Затѣмъ я сдѣлалъ генералу Деникину подробный докладъ о намѣченныхъ много формированіяхъ регулярной конницы.

Еще въ декабрѣ 1918 года я представилъ Главнокомандующему докладъ о желательности созданія особой инспекціи конницы и настоятельной необходимости срочно приступить къ возсозданію старыхъ кавалерійскихъ полковъ. Однако вопросъ этотъ такъ и не получилъ разрѣшенія. Въ арміи имѣлось большое количество кавалерійскихъ офицеровъ, были нѣкоторыя полки, весь офицерскій составъ коихъ почти полностью находился въ арміи. Нѣкоторыя изъ кавалерійскихъ частей сумѣли сохранить и родные штандарты. Офицеры мечтали конечно о возсозданіи родныхъ частей, однако штабъ главнокомандующаго эти стремленія не поощрялъ. Съ большимъ трудомъ удалось получить разрѣшеніе на сформированіе полка 12-ой кавалерійской дивизіи; гдѣ то на Кавказѣ формировались изюмцы; наконецъ при моей помощи удалось развернуться собравшимся у меня на Кубани

ингерманландцамъ. Нѣкоторыя части отдѣльными взводами или эскадронами дѣйствовали при пѣхотныхъ дивизіяхъ. Большое число кавалерійскихъ офицеровъ находилось въ тылу, служило въ казачьихъ частяхъ или въ пѣхотѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Ростовъ я поручилъ начальнику штаба подробно разработать вопросъ объ укомплектованіи и развертываніи отдѣльныхъ кавалерійскихъ эскадроновъ и сведеніи кавалерійскихъ полковъ въ высшія соединенія. Собрать комиссію изъ имѣющихся въ арміи старшихъ представителей старыхъ полковъ конницы, выяснивъ наличное число офицеровъ старыхъ частей, я намѣтилъ сформированіе двухъ четырехъ—полковыхъ кавалерійскихъ дивизій. Подробно разработалъ вопросъ о снабженіи ихъ лошадьми, сѣдлами и оружіемъ. Составилъ для представленія Главнокомандующему кандидатскій списокъ начальниковъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ Главнокомандующаго въ Ростовъ я докладывалъ ему о моихъ предположеніяхъ и генералъ Деникинъ далъ мнѣ тогда принципиальное согласіе. Теперь, выслушавъ мой докладъ, онъ полностью его одобрилъ и тутъ же утвердилъ представленный мною проектъ приказа, утвердилъ также и намѣченныхъ мною кандидатовъ на командныя должности, однако въ созданіи «инспекціи конницы» отказалъ.

Закончивъ докладъ, я спросилъ у Главнокомандующаго о положеніи на Манычскомъ фронтѣ. Мы все еще не могли достигнуть здѣсь рѣшительнаго успѣха; вторичная переправа нашей кавалеріи на сѣверный берегъ Маныча вновь окончилась неудачей. Наши части захватили было много плѣнныхъ и значительно продвинулись въ тылъ противника, но вынуждены были вновь отойти на южный берегъ рѣки. 1-ая конная дивизія генерала Шатилова понесла большія потери, а терскій пластунскій баталіонъ былъ почти полностью уничтоженъ. Генералъ Деникинъ съ горечью говорилъ о томъ, что хотя мы «нагнали уйму конницы», но «сдѣлать пока ничего не удастся».

Для обороны Маныча въ районѣ Великокняжеской противникъ сосредоточилъ всю свою X-ую армію — около 30 000 штыковъ и шашекъ, съ нашей стороны противъ нея дѣйствовали, кромѣ отряда генерала Кутепова — 6-ой пѣхотной дивизіи (Сводно-Астраханскій пѣхотный полкъ, Сводно-Саратовскій пѣхотный полкъ, Сводно-гренадерскій пѣхотный полкъ и Саратовскій конный дивизионъ съ артиллеріей) и отдѣльной Астраханской конной бригады подъ начальствомъ генерала Зыкова, 1-ый конный корпусъ генерала Покровскаго (1-ая Кубанская и 2-ая Терская казачьи дивизіи), 1-ая конная дивизія генерала Шатилова, Горская дивизія полковника Гревса, Сводный Донской корпусъ генерала Савельева и Атаманская дивизія, — всего одна дивизія пѣхоты и семь съ половиной дивизій конницы.

6-ая пѣхотная дивизія малочисленная и сборнаго состава была мало боеспособна. Сравнительно слабыми качественно и количественно были астраханцы и горцы. Зато донскіе, кубанскіе и терскіе полки были вполне достаточной численности и въ большинствѣ отличныхъ боевыхъ качествъ. Главная масса нашей конницы — кубанцы и терцы генерала Покровскаго, кубанцы генерала Шатилова, Атаманская дивизія, астраханцы и горцы были сосредоточены на правомъ флангѣ нашего расположенія къ востоку отъ линіи желѣзной дороги, въ районѣ сель Бараниковское-Новоманычское. Вдоль линіи желѣзной дороги располагались части генерала Кутепова. Сводно-Донской корпусъ генерала Савельева растянулся по южному берегу рѣки Манычъ, къ западу отъ желѣзной дороги, имѣя главныя силы у переправы Казенный мостъ. (Схема № 11).

Я спросилъ Главнокомандующаго, кто изъ начальниковъ объединяетъ главную массу нашей конницы, и съ удивленіемъ узналъ, что конная масса не объединена въ однѣхъ рукахъ и что отдѣльные кавалерійскіе начальники подчиняются непосредственно Главнокомандующему. Трудно было при этихъ условіяхъ ожидать отъ конницы единства дѣйствій. Я высказалъ это генералу Деникину:

— «Все это такъ, но какъ вы заставите генерала Покровскаго или генерала Шатилова подчиниться одного другому».

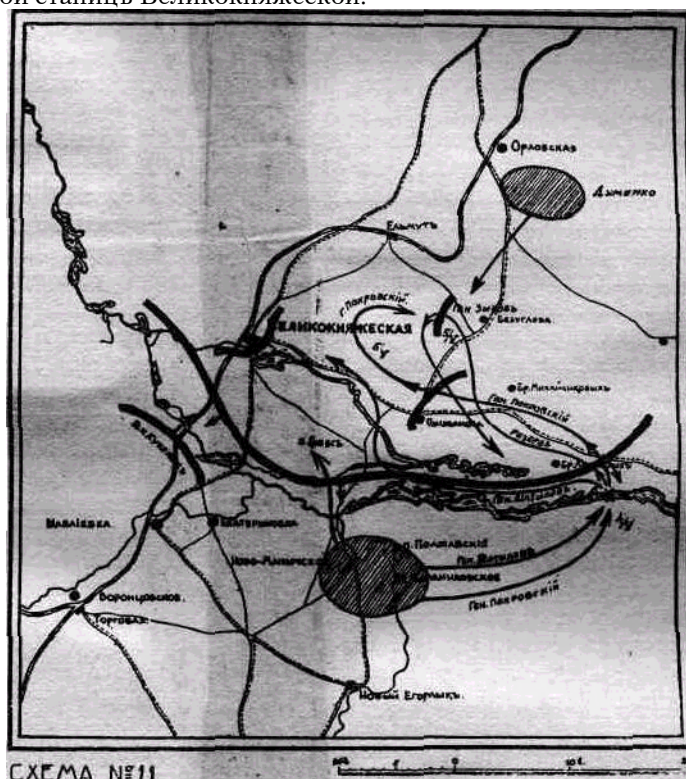
Возраженіе Главнокомандующаго поразило меня. Казавшійся твердымъ и непреклоннымъ, генералъ Деникинъ въ отношеніи подчиненныхъ ему старшихъ начальниковъ оказывался необъяснимо мягкимъ. Самъ настоящій солдатъ, строгій къ себѣ, жизнью своей дававшій примѣръ невзыскательности, онъ какъ будто не рѣшался требовать этого отъ своихъ подчиненныхъ. Смотрѣлъ сквозь пальцы на происходившій въ самомъ Екатеринодарѣ безобразный разгулъ генераловъ Щкуро, Покровскаго и другихъ. Главнокомандующему не могли быть неизвѣстны самоуправныя дѣйствія, безшабашный разгулъ и бѣшеное бросаніе денегъ этими генералами. Однако, на все это генералъ Деникинъ смотрѣлъ какъ будто

безучастно. И въ данномъ случаѣ онъ не могъ рѣшиться, несмотря на то, что общая польза дѣла этого явно требовала, подчинить одного генерала другому. Я высказалъ генералу Деникину мое мнѣніе, что для успѣха дѣла конница должна быть объединена въ однѣхъ рукахъ, что хотя генералъ Шатиловъ какъ крупный начальникъ имѣетъ несравненно больше данныхъ нежели генералъ Покровскій, однако, съ другой стороны, онъ еще недавно былъ подчиненъ послѣднему, входя своей дивизіей въ составъ его корпуса и, что близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы онъ отказался подчиниться тому или другому начальнику, разъ послѣдуетъ приказаніе Главнокомандующаго. Присутствуя щій при разговорѣ генералъ Романовскій обратился ко мнѣ:

— «А вы, Петръ Николаевичъ, не согласились бы помочь намъ, объединивъ конницу — вамъ всѣ наши полководцы охотно подчинятся».

Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконецъ, безконечно затянувшуюся операцію. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой.

Изъ Ростова я выѣхалъ въ сопровожденіи лишь генераль-квартирмейстера полковника Кусонскаго и личного моего адъютанта. Я просилъ генерала Романовскаго предоставить на время операціи въ мое распоряженіе нѣсколькихъ офицеровъ штаба Главнокомандующаго. Генералъ Романовскій охотно согласился, предоставивъ мнѣ выбрать таковыхъ по моему усмотренію. Я поручилъ сдѣлать это полковнику Кусонскому, который намѣтилъ одного изъ офицеровъ оперативнаго отдѣленія полковника Подчерткова и одного — развѣдывательнаго отдѣленія полковника Ряснянскаго. Въ распоряженіе полковника Кусонскаго былъ откомандированъ и начальникъ связи штаба Главнокомандующаго полковникъ Апрѣлевъ. Генералъ Романовскій предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько автомобилей. Пославъ генералу Юзефовичу телеграмму о спѣшной высылкѣ моихъ лошадей и необходимыхъ вещей, я извѣстилъ старшихъ кавалерійскихъ начальниковъ телефонограммой о моемъ приѣздѣ, предложивъ имъ собраться въ станицѣ Новоманычской для военнаго совѣщанія. Послѣ обѣда я выѣхалъ туда на автомобилѣ. Переговоривъ съ генералами Покровскимъ, Шатиловымъ, Зыковымъ, полковникомъ Гревсомъ и другими старшими начальниками и пройдя на наблюдательный пунктъ (колокольню), откуда отлично было видно расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, я ясно могъ отдать себѣ отчетъ въ общей обстановкѣ. Главная масса непріятельскихъ силъ сосредоточена была въ районѣ Великокняжеской и Бараниковской переправъ и въ самой станицѣ Великокняжеской.

Какъ сѣверный берегъ у обѣихъ переправъ, такъ и станица Великокняжеская съ юга были усилены окопами. Противникъ располагалъ весьма мощной артиллеріей и объ овладѣніи переправами въ лобъ нечего было и думать. Къ востоку отъ Бараниковской переправы линія Маныча противникомъ только наблюдалась. Здѣсь переправа нашихъ, даже сравнительно небольшихъ силъ, со стороны противника препятствій встрѣтить не могла, однако мелководный, едва полъ аршина глубиной, но болотистый, и чрезвычайно топкій Манычъ совершенно исключалъ возможность переправить вбродъ артиллерію. Безъ поддержки же артиллерія, какъ показали опыты, мы не могли рассчитывать на успѣхъ. Въ то же время предварительная наводка мостовъ обнаружила бы противнику заблаговременно наше намѣреніе и внезапность — непременное условіе возможности успѣха — тѣмъ самымъ была бы исключена.

Я предложилъ примѣнить переносные щиты, каковыя можно было быстро соорудить изъ подручнаго матеріала, разобравъ многочисленныя въ станицахъ дощатыя заборы. Эти щиты можно было подвезти къ переправѣ непосредственно за войсками и, погрузивъ въ воду, быстро навести настилъ. Пластуны, войдя въ воду должны были, придерживая щиты, не давать имъ всплывать; въ дальнѣйшемъ проходящія тяжести вдавили бы въ вязкое дно дощатый настилъ, плотно закрѣпивъ его на мѣстѣ. Хотя въ возможности оборудованія переправы предложеннымъ мною способомъ, большинство присутствующихъ сомнѣвалось, я, вызвавъ командира саперной роты приказалъ ему на другой день съ разсвѣтомъ подготовить опытную переправу на одномъ изъ многочисленныхъ окрестныхъ бачаговъ, а начальнику артиллеріи 1-го корпуса генералу Фоку сдѣлать опытъ переправы легкой и тяжелой артиллеріи. Съ наступленіемъ темноты приказалъ генераламъ Покровскому и Шатилову выслать отъ своихъ частей офицерскіе разъѣзды для изслѣдованія теченія Маныча на двадцать верстъ къ востоку отъ Бараниковской переправы; поздно вечеромъ вернулся я въ Торговую.

2-го мая Главнокомандующій подписалъ приказъ о подчиненіи мнѣ армейской группы въ составѣ: 1-го Кубанскаго корпуса, 1-ой конной дивизіи, Горской дивизіи и Астраханской отдѣльной бригады. Группѣ ставилась задача, форсировавъ Манычъ, овладѣть станицей Великокняжеской. Въ мое распоряженіе поступилъ и авіаціонный отрядъ (восемь аппаратовъ) подъ начальствомъ полковника Ткачева. Съ фронта вдоль линіи желѣзной дороги должна была дѣйствовать, содѣйствуя операци, 6-ая пѣхотная дивизія. Въ общемъ резервъ Главнокомандующаго оставались атаманцы.

Въ вагонѣ Главнокомандующаго познакомился я съ генераломъ Кутеповымъ. Послѣдній уѣзжалъ для принятія Добровольческаго корпуса. Небольшого роста, плотный, коренастый, съ черной густой бородкой, и узкими, нѣсколько монгольскаго типа глазами, генералъ Кутеповъ производилъ впечатлѣніе крѣпкаго и дѣльнаго человѣка.

Въ два часа я выѣхалъ въ Новоманычскую. Опытъ использованія деревянныхъ щитовъ для переправы вполне удался. Въ станицѣ кипѣла работа; казаки разбирали заборы, сколачивали щиты. Къ моему пріѣзду въ станицѣ Новоманычской, поселкѣ Полтавскомъ и с. Бараниковскомъ были построены полки. Я объѣхалъ части, говорилъ съ казаками. Пріемъ былъ мнѣ оказанъ самый восторженный.

Послѣ объѣзда мы заѣхали въ штабъ 1-го коннаго корпуса, гдѣ собрались начальники разъѣздовъ, изслѣдовавшихъ переправы. Ознакомившись съ ихъ докладами, я окончательно намѣтилъ пунктъ переправы въ 18-ти верстахъ восточнѣе села Бараниковскаго. Тутъ же я отдалъ директиву.

Переправа намѣчалась въ ночь на 4-ое мая. Ударная группа состояла изъ 1-го коннаго корпуса, 1-ой конной дивизіи и Астраханской отдѣльной бригады. Для прикрытая Бараниковской переправы и связи съ ударной группой оставалась Горская дивизія. На генерала Фока было возложено объединеніе артиллерійской группы, долженствовавшей въ случаѣ необходимости содѣйствовать переправѣ. Весь день 3-го мая долженъ былъ быть посвященъ на подготовку матеріаловъ для переправы. Поздно ночью вернулся я въ Торговую. 3-го прибыли изъ Ростова мои лошади, я выслалъ ихъ немедленно въ штабъ 1-ой конной дивизіи.

Главнокомандующій получилъ донесеніе о блестящемъ успѣхѣ генерала Улагая. Послѣдній, выдвинувшись со своимъ корпусомъ отъ Св. Креста, къ сѣверу отъ Маныча въ раіонѣ села Ремонтное — станица Граббевская¹⁷ на голову разбилъ конный корпусъ противника подъ начальствомъ «товарища» Думенко, захватилъ болѣе 20 орудій, много пулеметовъ и

¹⁷ Въ 120 верстахъ на востокъ отъ ст. Великокняжеской. См. схему № 13

плѣнныхъ. 2-ой кубанскій корпусъ генерала Улагая былъ сформированъ въ районѣ Св. Креста уже по завершеніи Кавказской операціи и состоялъ изъ 2-ой и 3-ей кубанскихъ дивизій и 3-ей кубанской пластунской бригады. Одна бригада 2-ой кубанской дивизіи подъ начальствомъ полковника Фостикова временно была выдѣлена изъ 2-ого коннаго корпуса и прикомандирована къ 1-ой конной дивизіи генерала Шатилова. Объ успѣхѣхъ генерала Улагая я немедленно послалъ телефонограмму начальникамъ моихъ частей, приказавъ сообщить о побѣдѣ полкамъ.

Получилъ генераль Деникинъ телеграмму и отъ генерала Май-Маевского. Послѣдній сообщалъ, что, вслѣдствіе измѣнившейся обстановки, рѣшилъ пока не отходить. По предложенію полковника Кусонскаго я, съ согласія Главнокомандующаго, отправилъ командиру Добровольческаго корпуса телеграмму, поддерживающую его въ принятомъ рѣшеніи: «Главнокомандующій и я привѣтствуемъ ваше мужественное рѣшеніе».

Вечеромъ я выѣхалъ въ станицу Новоманычскую. Темнѣло. Полки длинной лентой вытягивались изъ станицы, двигаясь къ мѣсту переправы. Въ хвостѣ дивизіи тянулись длинныя вереницы повозокъ, нагруженныхъ досчатыми щитами и сопровождаемья саперами.

Наши передовыя сотни, переправившись съ вечера вбродъ, отгѣснили непріятельскіе разбѣды. Въ теченіе ночи дружной работой саперъ и пластуповъ былъ наведенъ настиль. Люди всю ночь работали въ водѣ, раздѣвшись по поясъ.

На разсвѣтѣ началась переправа. Я засталъ 1-ый конный корпусъ уже заканчивающимъ переправу. Мелководный, топкій, мѣстами высохшій, покрытый солью, выступившей на поверхность вязкой черной грязи, Манычъ ярко блисталъ на солнцѣ среди плоскихъ, лишенныхъ всякой растительности береговъ. Далеко на сѣверъ тянулась безбрежная, кое гдѣ перерѣзанная солеными бачагами солончаковая степь. Тамъ маячила наша лава, изрѣдка стучали выстрѣлы. Длинной черной лентой тянулась отъ переправы наша конница, надъ колонной рѣяли разноцвѣтные значки сотенъ. Сверкали мѣднымъ блескомъ трубы полковыхъ хоровъ. На южномъ берегу, въ ожиданіи переправы, спѣшились кубанскіе, терскіе, астраханскіе полки. Вокругъ дымящихся костровъ виднѣлись группы всадниковъ въ живописныхъ формахъ.

Къ восьми часамъ главная масса конницы закончила переправу, а къ полудню перешла на сѣверный берегъ вся артиллерія, въ томъ числѣ и тяжелая. Тѣснямый нашими передовыми частями противникъ медленно отходилъ на западъ. Части генерала Шатилова, 1-ая конная дивизія и бригада кубанцевъ полковника Фостикова, наступали вдоль сѣвернаго берега рѣки. Правѣе, заслонившись частью силъ съ сѣвера, вдоль большого тракта, двигался 1-й конный корпусъ генерала Покровскаго. Въ моемъ резервѣ осталась отдѣльная Астраханская бригада (два астраханскихъ и 1-ый черкесскій полки) генерала Зыкова.

Подойдя къ Бараниковской переправѣ, генераль Шатиловъ бросилъ свои части въ атаку и овладѣлъ окопами противника, захвативъ около полутора тысячъ плѣнныхъ. Бараниковская переправа была въ нашихъ рукахъ. Горская дивизія начала переправу, я подчинилъ ее генералу Шатилову.

Наступали сумерки. Полки заночевали на мѣстахъ. Стояла холодная майская ночь. Люди зябли и не могли заснуть. Въ лишенной всякой растительности степи нельзя было разжечь костровъ. Нельзя было напоить даже коней, негдѣ было достать прѣсной воды. Я на нѣсколько часовъ проѣхалъ въ Новоманычскую перекусить и выпить чаю и съ разсвѣтомъ былъ уже вновь на сѣверномъ берегу рѣки.

Съ первыми лучами солнца бой возобновился, противникъ дѣлалъ отчаянныя попытки задержать наше продвиженіе, однако, тѣснямый генераломъ Покровскимъ, послѣ полудня началъ отходъ къ станицѣ Великокняжеской. 1-ый конный корпусъ занялъ хутора бр. Михайликовыхъ и Пишванова. Хутора эти, зимовники донскихъ коннозаводчиковъ, когда то дышавшіе богатствомъ, нынѣ представляли собой груду развалинъ: дома стояли съ сорванными дверьми, выбитыми окнами, фруктовые сады съ деревьями обломанными и обглоданными конями, амбары съ растасканными соломенными и камышевыми крышами, заржавленными и поломанными земледѣльческими орудіями. Все являло собой картину полного разрушенія, слѣды многократныхъ боевъ. Огромное, разбросанное по всей степи, количество труповъ коней, рогатаго и мелкаго скота дополняло эту унылую картину. Многочисленные, частью пересохшіе, соленые бачаги и вся солончаковая степь кругомъ были буквально усѣяны падалью. Ея сладкій, противный запахъ положительно пропитывалъ воздухъ.

Въ пять часовъ была назначена общая атака. Для обезпеченія боевого порядка съ сѣвера къ хуторамъ Безугловымъ были выдвинуты астраханцы генерала Зыкова. Выбравъ удобный наблюдательный пунктъ — огромную скирду соломы, я въ бинокль сталъ наблюдать за движеніемъ колоннъ. Дивизіи строили резервный порядокъ. Артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ усилился. Въ тылу противника въ раіонѣ Великокняжеской рѣяли наши аэропланы. Далеко на лѣвомъ флангѣ прогремѣло «ура». Въ бинокль были видны, быстро несущіеся, вскорѣ исчезнувшіе за складкой мѣстности, полки 1-ой конной дивизіи. Части генерала Покровскаго строили боевой порядокъ.

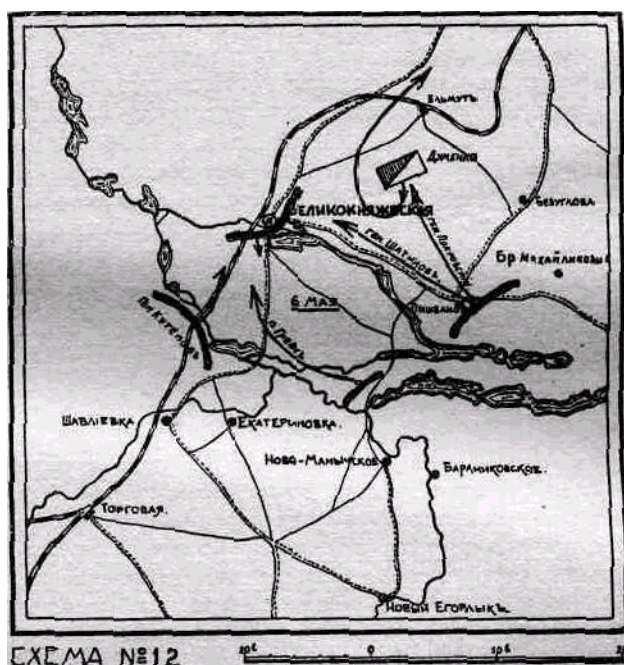
Неожиданно далеко вправо, почти въ тылу, раздалась нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Почти одновременно прискакалъ казакъ съ донесеніемъ отъ Зыкова. Со стороны станціи Ельмутъ въ охватъ нашего праваго фланга подходили большія конныя массы противника¹⁸. Въ бинокль было видно какъ развернулись и двинулись впередъ астраханцы. Ихъ батарея открыла огонь. Надъ полками были видны рвущіеся снаряды противника. Но вотъ среди астраханцевъ стало замѣтно какое-то волненіе. Ряды ихъ заколебались, заметались и, мгновенно повернувъ назадъ, казаки бросились вразсыпную. Беспорядочной толпой астраханцы неслись назадъ. Вскочивъ въ автомобиль, я помчался къ ближайшимъ частямъ генерала Покровскаго, успѣлъ остановить его корпусъ и повернуть частью силъ противъ конницы врага. Славные кубанцы и терцы задержали противника. Однако, новый успѣхъ генерала Шатилова, захватившаго болѣе 2 000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы, развитія не получилъ. Части заночевали на позиціяхъ.

Подходъ новыхъ крупныхъ силъ противника значительно осложнялъ наше положеніе. Имѣя въ тылу одну весьма неудобную переправу у с. Бараниковскаго и владѣя на сѣверномъ берегу Маныча весьма ограниченнымъ плацдармомъ, мы, въ случаѣ успѣха противника, могли оказаться въ очень тяжеломъ положеніи.

Свѣжихъ резервовъ у меня не было. Астраханцы, потерявъ раненымъ начальника дивизіи генерала Зыкова и убитыми и ранеными всѣхъ командировъ полковъ — потеряли всякую боеспособность. Разстроенныя части разсѣялись, казаки и черкесы отдѣльными группами и въ одиночку текли въ тылъ. Я выслалъ мой конвой къ переправамъ, приказавъ собирать бѣглецовъ и, отведя на южный берегъ, привести полки въ порядокъ, безпощадно разстрѣливая ослушниковъ и трусовъ. На замѣнъ астраханцамъ я просилъ генерала Деникина выслать мнѣ атаманцевъ. Утромъ послѣдніе прибыли ко мнѣ.

6-го съ разсвѣтомъ бой возобновился на всемъ фронтѣ. Третьи сутки почти не спавшіе, не ѣвшіе горячаго люди и непоенные кони окончательно истомились. Однако, невзирая на это, я требовалъ полнаго напряженія силъ для завершения начатаго дѣла до конца. Въ теченіе дня намъ удалось расширить занятый нами плацдармъ. Части генерала Покровскаго вновь заняли хутора. Безуглова, части генерала Шатилова подошли на 2—3 версты къ станицѣ Великокняжеской. (Схема № 12).

¹⁸ То былъ спѣшившій на выручку своимъ, двинутый усиленными переходами отъ ст. Ремонтной конный корпусъ «товарища» Думенко.

На закатъ я назначилъ общую атаку, давъ горцамъ, 1-ой конной дивизиі и бригадѣ полковника Фостикова направление на станицу Великокняжескую. Первымъ съ юго-востока, вторымъ съ востока. Генералу Покровскому приказалъ «сковать и разбить конницу Думенко». Для предварительнаго разстройства красной конницы приказалъ эскадрильѣ полковника Ткачева произвести бомбовую атаку.

Съ начала артиллерійской подготовки я объѣхалъ фронтъ полковъ, сказалъ людямъ нѣсколько словъ, приказалъ снять чехлы и распустить знамена. При построении боевого порядка всѣмъ полковымъ хорамъ приказалъ играть марши своихъ частей. Какъ на парадѣ строились полки въ линіи колоннъ, разворачиваясь въ боевой порядокъ. Гремѣли трубачи, рѣяли знамена. Вотъ блеснули шашки, понеслось «ура» и масса конницы ринулась въ атаку, вскорѣ скрывшись въ облакахъ пыли. Гремѣла артиллерія, бѣлые дымки шрапнелей густо усьяли небо. Я на автомобилѣ понесся къ полкамъ генерала Покровскаго. Налетъ полковника Ткачева оказался весьма удачнымъ. Противникъ потерялъ большое число людей и лошадей; морально потрясенныя его части разстроились. Къ сожалѣнію, генералъ Покровскій замѣшкался, упустилъ удобный моментъ ударить на разстроеннаго противника. Послѣдній успѣлъ оправиться и, не принявъ атаки, сталъ поспѣшно отходить...

Великокняжеская была взята. Успѣхъ противника, форсировавшаго Манычъ и проникшаго въ глубокий тылъ Добровольческой и Донской армій, грозя отрѣзать ихъ отъ главнѣйшей базы, завершился нашей побѣдой. X-ая армія красныхъ была разгромлена. Противникъ за три дня потерялъ около 15 000 плѣнныхъ, 55 орудій и 150 пулеметовъ.

Путь къ Царицыну и Волгѣ былъ открытъ.

Разбитый подъ Великокняжеской противникъ поспѣшно отходилъ къ сѣверу вдоль желѣзной дороги. За красной пѣхотой бѣжала и конница «товарища» Думенко. Красные, отходя, разрушали желѣзнодорожный путь, взрывая мосты и желѣзнодорожныя сооруженія. Я послалъ приказаніе частямъ генерала Шатилова преслѣдовать противника по пятамъ; 1-ому конному корпусу генерала Покровскаго быстро двигаться въ направленіи на станицу Орловскую, стремясь перехватить путь отхода красныхъ.

Въ десять часовъ утра 7-го мая я на автомобилѣ выѣхалъ въ Великокняжескую, гдѣ засталъ штабъ генерала Шатилова. Въ штабъ только что привели нѣсколько всадниковъ Горской дивизиі, пойманныхъ на мѣстѣ грабежа. Я тутъ же назначилъ надъ ними военно-полевой судъ, и черезъ два часа пять грабителей были повѣшены на площади села. Я приказалъ въ теченіе сутокъ не убирать труповъ, дабы нагляднымъ образомъ показать частямъ и населенію, что всякое насиліе и грабежъ, несмотря на всю воинскую доблесть виновныхъ, будутъ караться беспощадно. Поблагодаривъ расположенныя въ станицѣ части и отдавъ необходимыя распоряженія, я выѣхалъ въ Торговую.

Отъѣхавъ версть пять, я встрѣтилъ автомобили штаба главнокомандующаго. Генераль Деникинъ, въ сопровожденіи генерала Романовскаго, полковника Плющевскаго-Плющикъ и нѣсколькихъ лицъ своего штаба, ѣхалъ въ Великокняжескую. Главнокомандующій былъ весьма доволенъ нашимъ успѣхомъ; обнялъ и расцѣловалъ меня, горячо благодаря. По его словамъ, онъ наблюдалъ атаку моей конницы съ наблюдательнаго пункта 6-ой пѣхотной дивизіи.

— «За всю гражданскую войну я не видѣлъ такого сильнаго огня большевицкой артиллеріи», — сказалъ генераль Деникинъ.

Мы вмѣстѣ вернулись въ Великокняжескую, гдѣ Главнокомандующій поздравилъ генерала Шатилова съ производствомъ въ генераль-лейтенанты и объявилъ ему о назначеніи его командиромъ 3-го коннаго корпуса, въ составъ коего вошли 1-ая конная и Горская дивизіи¹⁹.

Изъ Великокняжеской мы вернулись въ Торговую, откуда Главнокомандующій въ тотъ же день намѣчалъ выѣхать въ Ростовъ.

2-ой конный корпусъ генерала Улагая, 1-ый генерала Покровскаго, 3-ій генерала Шатилова, Сводно-Донской генерала Савельева, Атаманская Астраханская отдѣльная бригада и отдѣльный Саратовскій дивизионъ и 6-ая пѣхотная дивизіи объединялись въ Кавказскую армію. Войска генерала Май-Маевскаго должны были составить армію Добровольческую. Генераль Деникинъ возвращался къ наименованіямъ намѣченнымъ имъ при первоначальномъ образованіи изъ войскъ Кавказа двухъ армій. Нынѣ я не настаивалъ на наименованіи моей арміи «Кавказской Добровольческой». Успѣвшія значительно обостриться отношенія между главнымъ командованіемъ и казачествомъ, ярко проводимое обѣими сторонами дѣленіе на добровольцевъ и казаковъ, значительно обезцѣнило въ глазахъ послѣднихъ еще недавно одинаково дорогое для всѣхъ войскъ добровольческое знамя. Къ тому же наименованіе арміи «Кавказской» успѣло стать близкимъ войскамъ.

Кавказской арміи ставилась задача овладѣть Царицыномъ. Директива Главнокомандующаго была разослана войскамъ на слѣдующій день:

«Маньчская операція закончилась разгромомъ противника и взятіемъ Великокняжеской. Приказываю:

1. Генералу Эрдели овладѣть Астраханью.
 2. Генералу Врангелю овладѣть Царицыномъ. Перебросить донскія части на правый берегъ Дона. Содѣйствовать операціи генерала Эрдели.
 3. Генералу Сидорину съ выходомъ донскихъ частей Кавказской арміи на правый берегъ Дона, подчинивъ ихъ себѣ, разбить Донецкую группу противника. Поднявъ возстаніе казачьяго населенія на правомъ берегу Дона, захватить желѣзную дорогу Лихая — Царицынъ и войти въ связь съ возставшими ранѣе казачьими округами.
 4. Прочимъ фронтамъ вести активную оборону.
 5. Разграничительныя линіи: между генералами Эрдели и Врангелемъ Благодарное — Яшкуль — Енотаевскъ всѣ для Эрдели.
 6. О полученіи донести.
- Великокняжеская, 8 мая № 06796.

Главком Генлейт Деникинъ.

Наштаглав Генлейт Романовскій».

Взамѣнъ имѣющихъ перейти въ составъ Донской арміи по переправѣ на правый берегъ Дона донскихъ частей, въ составъ моей арміи должна была быть направлена 2-ая Кубанская пластунская бригада, о чемъ начальникъ штаба главнокомандующаго предупреждалъ меня еще въ письмѣ своемъ отъ 24-го апрѣля. Что касается замѣны терцевъ и горцевъ 1-ой Кавказской казачьей дивизіи, о чемъ мнѣ генераль Романовскій тогда же писалъ, то въ виду общей обстановки наступленія частей обѣихъ армій, замѣна эта въ настоящее время произведена быть не могла. Я просилъ Главнокомандующаго усилить меня и артиллеріей что и было мнѣ обѣщано.

— «Ну какъ, черезъ сколько времени поднесете намъ Царицынъ?» — спросилъ генераль Деникинъ.

Я доложилъ, что, рассчитывая вести настойчивое преслѣдованіе, дабы не дать возможности противнику оправиться и задержаться на одномъ изъ многочисленныхъ

¹⁹ Черезъ нѣсколько дней части генерала Шкуро: 1-ая терская и Кавказская казачья дивизіи были сведены въ корпусъ, получившій названіе 3-го. 1-ый, 2-ой и 3-ій корпуса получили наименованіе кубанскихъ. Корпусъ же генерала Шатилова былъ переименованъ въ 4-ый конный.

естественныхъ рубежей — притоковъ Дона, я надѣюсь подойти къ Царицыну своей конницей недѣли черезъ три. Дальнѣйшее зависитъ отъ своевременности присылки мнѣ обѣщанныхъ Кубанской пластунской бригады и артиллеріи, ибо овладѣніе укрѣпленнымъ Царицыномъ, какъ показалъ опытъ Донской арміи, уже однажды минувшей зимой пытавшейся овладѣть городомъ, безъ достаточно сильной пѣхоты и могучей артиллеріи, невозможно.

— «Конечно, конечно, все что возможно, вамъ пошлемъ».

Поѣздъ Главнокомандующаго отбылъ въ Ростовъ. Генераль Деникинъ, стоя у окна своего вагона, дружески киваль мнѣ и улыбаясь, показываль на пальцахъ число три — напоминаніе о срокѣ, обѣщанномъ мной для подхода къ Царицыну.

Вызвавъ къ аппарату генерала Юзефовича, я выслушалъ докладъ о переговорахъ его съ прибывшимъ въ Ростовъ генераломъ Май-Маевскимъ и намѣченной реорганизациіи моего штаба.

Главнокомандующій отказаль въ назначеніи начальникомъ штаба Добровольческой арміи генерала Агапѣва, на эту должность назначался генераль Ефимовъ. Изъ старшихъ лицъ моего штаба въ Добровольческой арміи оставался лишь начальникъ снабженій генераль Дѣвѣвъ, взамѣнъ котораго генераль Юзефовичъ пригласиль генерала Фалѣва. Генераль-квартирмейстеръ, дежурный генераль, начальникъ артиллеріи и значительное число начальниковъ отдѣленій переходили въ штабъ Кавказской арміи. Большая часть этихъ лицъ въ тотъ же день выѣзжали изъ Ростова въ Великокняжескую. Генераль Юзефовичъ задерживался въ Ростовѣ на нѣсколько дней. Желѣзнодорожный мостъ черезъ Манычъ не пострадалъ и мой поѣздъ въ ту же ночь перешель въ Великокняжескую.

8-го мая я отдалъ приказъ арміи:

«ПРИКАЗЪ
Кавказской Арміи.
№ 1

8 мая 1919 года.

Станица Великокняжеская

Славныя войска Манычскаго фронта.

Волею Главнокомандующаго, генерала Деникина, всѣ вы объединены подъ моимъ начальствомъ и намъ дано имя «Кавказская Армія».

Кавказъ — родина большинства изъ васъ, Кавказъ — колыбель вашей славы...

Отъ Чернаго и до Каспійскаго моря пронеслись вы, гоня передъ собой врага, — палящій зной и стужа, горы Кавказа и безлюдныя ставропольскія степи не могли остановить васъ, Орлы...

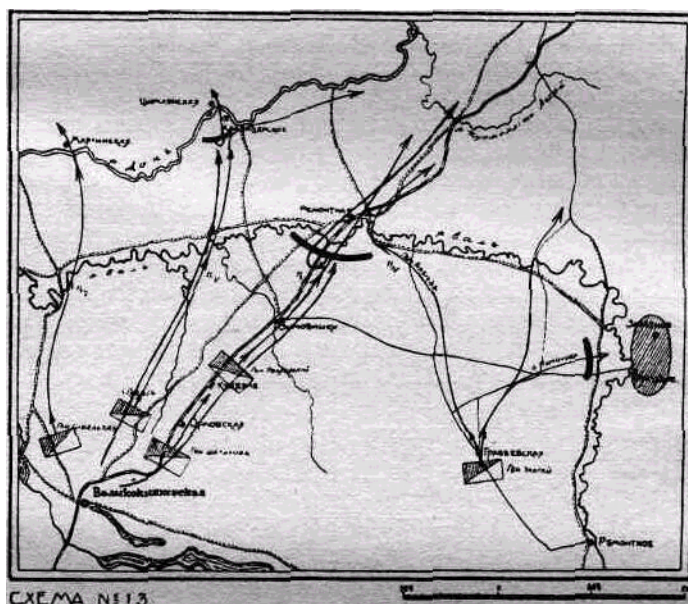
Орлинымъ полетомъ перенесетесь вы и черезъ пустынную степь калмыковъ къ самому гнѣзду подлаго врага, гдѣ хранитъ онъ награбленные имъ несмѣтныя богатства, — къ Царицыну, и вскорѣ напоите усталыхъ коней водой широкой матушки-Волги...

Генераль Врангель».

Противникъ поспѣшно отходилъ, наши части съ трудомъ поддерживали съ нимъ соприкосновеніе. Конница генерала Покровскаго вышла на линію желѣзной дороги, горцы, усиленные атаманцами, подъ общимъ начальствомъ полковника Гревса были направлены мною западнѣ желѣзной дороги. 1-ая конная дивизія была оттянута въ мой резервъ. Войскамъ ставились задачи: (Схема № 13).

а) 2-ому кубанскому корпусу генерала Улагая (2-ая и 3-я кубанскія дивизіи и 3-ья пластунская бригада) — преслѣдовать противника отъ станицы Граббевской вдоль Царицынскаго тракта, выдѣливъ часть силъ на фронтъ Ремонтная — Зимовники для дѣйствія въ тылъ краснымъ, отступавшимъ передъ 1-ымъ кубанскимъ корпусомъ вдоль желѣзной дороги.

б) 1-му кубанскому корпусу генерала Покровскаго (1-ая кубанская, 2-ая терская, 6-ая пѣхотная дивизіи и всѣ бронепоезда) — преслѣдовать главныя силы красныхъ, отходящихъ вдоль желѣзной дороги на Царицынъ.

- в) Сводному корпусу полковника Гревса (Горская и Атаманская дивизіи) — отбросить части противника, дѣйствующія западнѣ желѣзной дороги за рѣку Саль, и, прижавъ ихъ къ Дону, разбить.
- г) Донскому корпусу генерала Савельева (4-ая и 13-ая донскія казачьи дивизіи) — разбить и уничтожить части противника, дѣйствующія между рѣками Саломъ и Дономъ, переправиться на фронтъ Цымлянская — Мариинская на правый берегъ Дона и ударить въ тылъ Донской группѣ красныхъ.
- д) Конному корпусу генерала Шатилова (1-ая конная дивизія, Астраханская дивизія и два пластунскихъ батальона) — составить резервъ командующаго арміей.

Такимъ образомъ имѣлось въ виду при фронтальномъ преслѣдованіи главной массы противника вдоль желѣзной дороги, частями правой колонны содѣйствовать этому преслѣдованію ударами въ тылъ, стремясь отрѣзать краснымъ главный путь ихъ отхода; лѣвофланговые же колонны должны были путемъ маневра прижать къ Дону и разбить тѣ части врага, которыя дѣйствовали противъ лѣваго фланга арміи и могли угрожать флангу всей операциі, а затѣмъ, переправившись частью силъ (Донской корпусъ) черезъ Донъ, нанести ударъ въ тылъ группѣ противника, действующей на правомъ берегу Дона противъ донцовъ.

Уже 11-го мая колонны арміи, выполняя поставленныя имъ директивы, подошли своими частями къ рѣкѣ Салу, гоня передъ собой отступавшаго на всемъ фронтѣ врага; командиръ 2-го кубанскаго корпуса генералъ Улагай, выставивъ заслонъ (полковника Мамонова) въ сторону Торговое — Завѣтное, направилъ согласно заданія большую часть силъ подъ общимъ командованіемъ генерала Бабіева (пять конныхъ полковъ и два пластунскихъ батальона) на станцію Ремонтная, въ цѣляхъ выйти противнику въ тылъ и отрѣзать ему пути отхода. Несмотря на отчаянныя попытки красныхъ зацѣпиться за естественный рубежъ рѣки Сала и остановить наше продвиженіе, мы послѣ двухдневныхъ горячихъ боевъ овладѣли неприятельской позиціей, форсировавъ рѣку.

Съ выходомъ 2-го кубанскаго корпуса на линію желѣзной дороги, преслѣдованіе главныхъ силъ противника вдоль желѣзнодорожной линіи было возложено на генерала Улагая, въ рукахъ котораго сосредоточивались 2-ой кубанскій корпусъ, одна бригада 1-ой кубанской дивизіи, астраханцы и 6-ая пѣхотная дивизія. Группѣ генерала Улагая передавались и бронепоезда, однако, вслѣдствіе порчи пути и уничтоженія красными большого желѣзнодорожнаго моста черезъ Саль, послѣдніе временно дѣйствовать не могли. Генералу Улагаю указывалось при движеніи на сѣверъ выдвинуть для обезпеченія праваго фланга астраханскую дивизію, направивъ ее въ районъ озера Ханата — Альматинъ.

На лѣвомъ флангѣ 2-го Кубанскаго корпуса уступомъ впереди двигался 1-ый Кубанскій корпусъ генерала Покровскаго. Полковнику Гревсу, блестящимъ образомъ выполнившему свою задачу и разбившему у хутора Красноярскаго остатки прижатаго имъ къ Дону противника, причѣмъ взяты были 24 орудія, большое число плѣнныхъ, громадныя обозы и большіе гурты

скота и лошадей, было приказано передать Атаманскую дивизию в Донской корпус генерала Савельева. Последний переправился через Дон и вошел в состав Донской армии. Полковник Гревс с Горской дивизией должен был двигаться левым берегом Дона, обеспечивая левый фланг армии. 1-ая конная дивизия и пластуны, объединенные в руках генерала Шатилова, продолжали оставаться в моем резерве.

Наступление наших колонн велось в чрезвычайно тяжелых условиях по безлюдной и местами безводной степи. Противник, отходя, взрывал мосты и железнодорожные сооружения; подвоз был крайне затруднен. Наскоро сформированному, имевшему в своем распоряжении самые ограниченные средства, штабу приходилось заново создавать и налаживать снабжение. Средства связи почти совершенно отсутствовали. Все обращения мои к штабу главнокомандующего успеха не имели.

Намеченный еще мною рейд конницы генерала Шкуро в тыл групп красных, действующих против добровольцев, увенчался успехом. Разбитый, жестоко потрепанный противник стал отходить и части генерала Май-Маевского перешли в общее наступление. Отступление противника скоро обратилось в бегство. Наши части быстро продвигались вперед. Оставшееся неизменно главным в представлении Главнокомандующего операционное направление на Харьков отныне привлекало все внимание ставки. Для развития успеха в этом направлении бросались все имевшиеся в распоряжении Главнокомандующего силы и средства. Учитывая создавшуюся обстановку, я еще 10-го мая телеграфировал Главнокомандующему: «с передачей в распоряжение командующего Донской армией Донского сводного корпуса, предстоящей передачей Атаманской дивизии, а также направления астраханцев в сторону от главного района операции, силы армии значительно уменьшаются. Между тем, для развития успеха на главнейшем Царицынском направлении, необходимо во что бы то ни стало усилить меня пехотой. Настоятельно прошу в первую очередь перевести на станцию Куберле кубанскую пластунскую бригаду и стрелковый полк 1-ой конной дивизии²⁰, как органически связанные с Кавказской армией. 10-го мая Нр 0575. Врангель».

При мало развитой телеграфной сети в крае, недостаток автомобилей и мотоциклеток особенно был чувствителен. Старшие начальники оказывались подчас совершенно бессильными управлять войсками.

Выехав 12-го поездом на север, я был задержан на станции Куберле неисправностью железнодорожного моста. На Саль шли горячие бои и я хотел лично принять руководство боями. Я попытался продолжать путь на единственном имевшемся в штабе автомобиле, однако, вынужден был с пол пути вернуться назад из-за порчи машины. Со станции Куберле я телеграфировал генералу Романовскому:

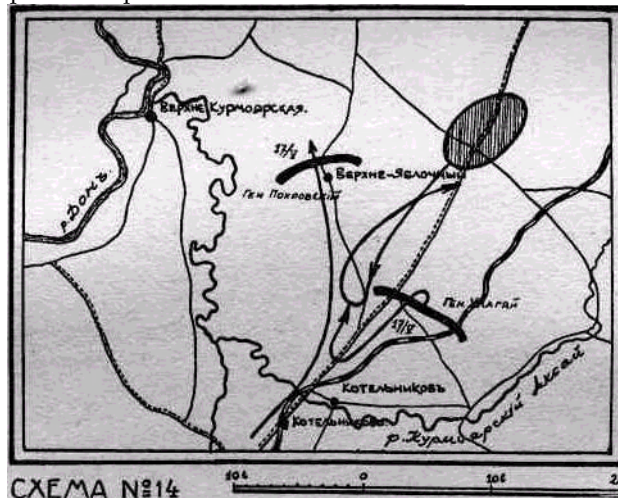
«Выехав для личного руководства форсирования Сала на единственной имеющейся у меня машине, вынужден с пол пути вернуться из-за порчи автомобиля. Сейчас ни в штаб ни в штабных нет ни одной машины. При отсутствии иных средств связи, лишен возможности руководить операциями. В то время, как отсутствие средств связи грозит свести на нет успех, достигнутый потоками крови, в Екате ринодарь и Новороссийск автомобилями пользуются безконечное количество представителей тыловых управлений. В дополнение к неоднократным моим просьбам еще раз прошу срочной высылки для штаба шесть и для каждого из трех корпусов не менее двух мощных легковых машин с полным комплектом запасных частей, без чего управлять операциями не могу. Куберле, 13 мая 8 часов 20 минут. № 1 — 1. В р а н г е л ь » .

Генерал Юзефович со своей стороны ежедневно засыпал ставку телеграммами. 13-го мая, прибыв ко мне в Куберле, он горько жаловался на полное безучастие ставки ко всем его просьбам. В этот день я получил донесение о победе нашей на реке Саль. Я телеграфировал Главнокомандующему:

«Ремонтная взята, Саль форсирована. На пути к Царицыну славным войскам Кавармии остается преодолеть лишь один рубеж — Есауловский Аксай. Великокняжеская и Ремонтная коренным образом перевернули всю обстановку

²⁰ Последний посл в переброски 1-ой конной дивизии с Кавказа оставался там и о возвращении его в дивизию я еще в Торговой просил Главнокомандующего.

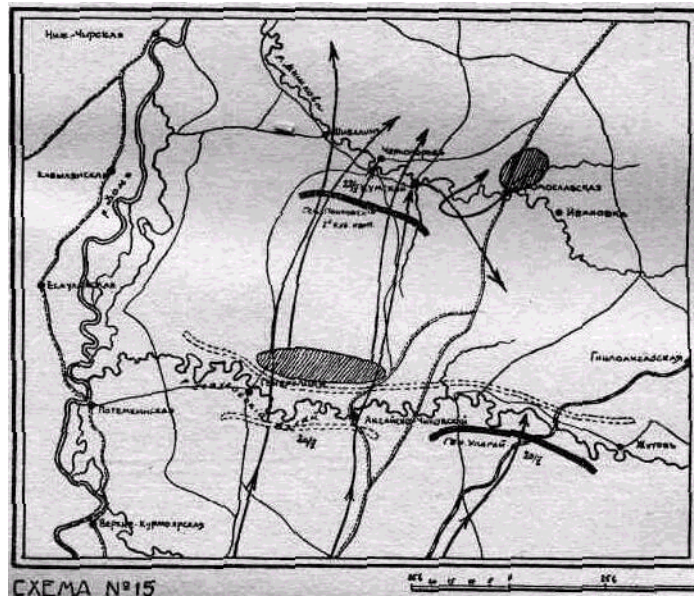
не только на Царицынскомъ направлении, но и у Донцовъ, открываются широкія перспективы, значеніе послѣднихъ двухъ побѣдъ слѣдуетъ признать исключительнымъ по своей важности. Выходъ арміи на Есауловскій Аксай и перерѣзъ желѣзной дороги Лихая — Царицынъ въ районѣ Верхнечирской можетъ повлечь за собой крушеніе всей IX красной арміи. Но полное разстройство тыла, прерванная тремя разрушенными мостами желѣзная дорога, отсутствіе средствъ связи уже парализуютъ мои успѣхи и угрожаютъ полной остановкой боевыхъ дѣйствій. Самымъ настоятельнымъ образомъ ради общаго дѣла прошу приковать Ваше вниманіе и распорядиться направлениемъ всѣхъ имѣющихся въ Вашемъ распоряженіи средствъ для быстрого возстановленія желѣзной дороги, увеличенія ея провоза и пропускной способности придачи мнѣ транспортовъ грузовыхъ автомобилей, легковыхъ автомобилей, не менѣе десяти для связи, телеграфныхъ аппаратовъ, кабеля, телеграфныхъ колоннъ. Обстановка исключительно благоприятная и требуетъ принятія свыше исключительныхъ мѣръ. Куберле, 17 мая 21 часъ. Нр 0616. Врангель».

15-го мая наши части заняли станцію Котельниково и форсировали рѣку Курмаюрскій-Аксай. (Схема № 14). 1-ый Кубанскій корпусъ генерала Покровскаго быстро выдвинулся вперед, послѣ горячаго боя овладѣлъ хуторомъ Верхне-Яблочнымъ, гдѣ захватилъ свыше 2 000 плѣнныхъ, 10 орудій, 25 пулеметовъ и громадныя обозы. Однако, (вслѣдствіе быстрого выдвигенія 1-го Кубанскаго корпуса, между его правымъ флангомъ и лѣвымъ флангомъ 2-го корпуса генерала Улагая образовался разрывъ, который противникъ удачно использовалъ. 17-го мая съ утра онъ перешелъ значительными силами въ наступленіе, охватывая лѣвый флангъ, нашей пѣхоты. Послѣдняя не выдержала, дрогнула и, бросивъ свою артиллерію, стала, поспѣшно отходить на Котельниково. Начальникъ дивизіи генералъ Патрикѣевъ, пытавшійся со своимъ штабомъ возстановить въ частяхъ порядокъ, былъ настигнуть красной конницей и зарубленъ. 6-ая пѣхотная дивизія была почти полностью уничтожена. Артиллерія дивизіи была захвачена противникомъ. Генералъ Бабіевъ, бросившійся со своей конницей на выручку стрѣлковъ, отбросилъ было противника, отбилъ наши орудія, но затѣмъ самъ былъ оттѣсненъ. Тогда командиръ корпуса, генералъ Улагай, прибывшій на мѣсто боя, во главѣ своего конвоя и случайно собранныхъ имъ ближайшихъ частей, бросился въ атаку, опрокинулъ врага, вернулъ потерянные пѣхотой орудія и вынудилъ противника начать отходъ, давъ яркій образецъ значенія личнаго примѣра начальника.

20-го мая части арміи достигли рѣки Есауловскій Аксай на фронтѣ отъ хутора Жутовъ до устья рѣки. Противникъ занялъ сильно укрѣпленную позицію съ окопами и проволочными загражденіями на правомъ берегу Аксая, сосредоточивъ главныя силы на фронтѣ хуторовъ Генераловъ — Аксайско-Чиковскій. (Схема № 15).

Послѣ крайне упорнаго боя 20 — 22 мая, доблестныя части 1-го Кубанскаго корпуса сбили врага съ позицій и, прорвавъ его фронтъ, нанесли сильное пораженіе. Стремительно преслѣдуя разбитыя части противника на хуторъ Кумской на протяженіи 30-ти верствъ, генералъ Покровскій натолкнулся на свѣжія силы

красныхъ, двигавшіяся противъ его праваго фланга со стороны Громославской; между тѣмъ 2-ой Кубанскій корпусъ генерала Улагай, встрѣтивъ упорное сопротивленіе противника на остальной части фронта позиціи за рѣкой Есауловскій Аксай, былъ скованъ боемъ и не могъ оказать поддержки 1-ому корпусу. Я выслалъ генералу Улагаю изъ своего резерва пластуновъ и гаубицы.

Донося Главнокомандующему о новомъ успѣхѣ, я телеграфировалъ:

«Доношу о новомъ блестящемъ успѣхѣ доблестныхъ частей вѣрренной мнѣ арміи: 21-го послѣ двухдневнаго боя корпусъ генерала Покровскаго форсировалъ Есауловскій Аксай, овладѣлъ укрѣпленной и заплетенной проволокой позиціей противника, захвативъ орудія, пулеметы и много плѣнныхъ. Неустанно развивая успѣхъ, генералъ Покровскій, пройдя за ночь съ боемъ 30 верстъ, овладѣлъ хуторами Кумской (сѣверный), Черноморовъ, Шибалинъ, захвативъ болѣе 1 000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы и обозы. Противникъ передъ 1-ымъ Кубанскимъ корпусомъ на всемъ фронтѣ отходить поспѣшно, преслѣдуемый неотступно моею конницей. Генералъ Улагай, имѣя передъ собой сильно укрѣпленную позицію и крупную артиллерію до сего времени переправилъ на сѣверный берегъ Есауловскаго Аксая лишь одну бригаду. Сейчасъ изъ общаго резерва выдвигаю Улагаю пластуновъ и всю гаубичную артиллерію, съ приказаніемъ форсировать рѣку во что бы то ни стало. Генералу Покровскому приказалъ, развивая успѣхъ, выйти на желѣзную дорогу Лихая — Царицынъ, часть силъ выдѣлить для дѣйствія въ тылъ противника, оказывающаго сопротивленіе 2-ому Кубанскому корпусу. Съ 4-ымъ коннымъ корпусомъ двигаюсь слѣдомъ за 1-ымъ и 2-ымъ кубанскими корпусами. Неиспользованіе полностью успѣха считаю преступленіемъ. То, что можетъ нынѣ быть достигнуто цѣною малой крови, въ будущемъ потребуетъ громадныхъ жертвъ. Для использованія успѣха одной доблести мало, конница можетъ дѣлать чудеса, но прорывать проволочныя загражденія не можетъ. Достиженіе конечной цѣли безъ присылки мнѣ пѣхоты, тяжелой и легкой артиллеріи, выдвигенія въ неограниченномъ количествѣ огнестрѣльныхъ припасовъ и средствъ связи, главнымъ образомъ, автомобилей, безъ которыхъ не въ состояніи управлять арміей — сегодняшній день обратится въ Пиррову побѣду. Котельниково, 22 мая, 10 часовъ 10 минутъ. Нр 0783. Врангель». Путь до Сала былъ наконецъ исправленъ и поѣздъ мой удалось продвинуть до самой переправы. Большой желѣзнодорожный мостъ черезъ Сальъ былъ взорванъ и для починки его требовалось не менѣе 2—2½ недѣль; между тѣмъ по мѣрѣ продвиженія арміи впередъ подвозъ и эвакуація раненыхъ дѣлались все затруднительнѣе. Однажды ко мнѣ явился молодой офицеръ артиллеристъ полковникъ Ильинскій, предложившій мнѣ устроить подвозъ по желѣзной дорогѣ съ помощью конной тяги. Весь подвижной составъ былъ красными угнанъ, но на нѣкоторыхъ станціяхъ и разъѣздахъ имѣлись отдѣльныя

платформы. Назначивъ въ распоряженіе Ильинскаго нѣсколько казаковъ моего конвоя и предоставивъ ему плѣнныхъ красноармейцевъ и обозныхъ лошадей, я поручилъ ему наладить подвозъ конной тягой къ сѣверу отъ станціи Ремонтная. Ильинскій блестяще справился съ задачей и вскорѣ подвозъ наладился. До рѣки Сала артиллерійскіе и интендантскіе запасы доставлялись поѣздомъ. Грузовиками по наведенному понтонному мосту перевозились на правый берегъ рѣки, гдѣ и перегружались на платформы, слѣдовавшія дальше на сѣверъ конной тягой.

Оставивъ поѣздъ у рѣки Сала, я автомобилемъ въ сопровожденіи полковника Кусонскаго, начальника оперативнаго отдѣленія полковника фонъ-Лампе и одного офицера службы связи выѣхалъ въ Котельниково. На всемъ пятидесятиверстномъ пути мы не встрѣтили ни одного жилья. Безлюдная, покрытая ковылемъ, мѣстами солончаковая степь, была совершенно пустыня. Красныя кирпичныя, маленькія зданія полустанковъ одиноко стояли въ степи. За весь путь мы встрѣтили лишь медленно тянувшійся, запряженный верблюдами, арбяной транспортъ съ ранеными. Убийственно медленно тянулись сотни верстъ скрипучія арбы; укрывши головы отъ палящаго зноя, лежали несчастные страдалцы.

Въ Котельниково находился штабъ генерала Шатилова. По аппарату генераль Юзефовичъ сообщилъ мнѣ, что всѣ просьбы его о присылкѣ пѣхоты оставляются ставкой безъ отвѣта; нынѣ генераль Романовскій запрашиваетъ его, какія части конницы могъ бы я выдвинуть на добровольческій фронтъ взаменъ пластуновъ, въ случаѣ присылки ихъ мнѣ. Я поручилъ генералу Юзефовичу вызвать генерала Романовскаго къ аппарату, детально освѣтить ему обстановку и вновь настаивать на выполненіи даннаго мнѣ Главнокомандующимъ обѣщанія: присылки пластуновъ и усиленія меня артиллеріей, безъ чего я не могъ разсчитывать на успѣхъ. Со своей стороны я телеграфировалъ начальнику штаба Главнокомандующаго:

«Я прибылъ сюда въ моментъ, когда наше наступленіе начало захлебываться.

Утомленіе людей и лошадей чрезвычайное, вслѣдствіе растяжки при непрерывномъ двѣнадцатидневномъ преслѣдованіи и значительныхъ потерь. Боевой составъ частей ничтоженъ. Во всемъ 2-омъ Кубанскомъ корпусѣ около 1 500 шашекъ. Въ остальныхъ корпусахъ немногимъ лучше. 6-ой пѣхотной дивизіи нѣтъ. Десять дней части не получаютъ хлѣба. Мѣстныхъ средствъ нѣтъ, противникъ, уходя, все уничтожаетъ. По мѣрѣ продвигенія къ Царицыну сопротивленіе противника увеличивается — красныя цѣпляются за каждый рубежъ. Сегодня у противника обнаружена тяжелая 42-хлинейная батарея. Позиціи у Челеково и хутора Жутовъ укрѣплены и прикрыты проволокой. По даннымъ развѣдки Царицынъ сильно укрѣпленъ. По овладѣніи арміей рубежа Есауловскаго Аксая, корпусамъ приказано закрѣпить его и наладить тылъ, безъ чего дальнѣйшее движеніе невозможно. Необходимо напречь всѣ силы для оборудованія тыла²¹. Что касается силъ и средствъ, необходимыхъ для нанесенія рѣшительнаго удара, то не только я ничего не могу отсюда передать на другой фронтъ, но доколѣ не получу всего, что требуется, не двинусь впередъ ни на одинъ шагъ, несмотря на всѣ приказанія».

Генераль Юзефовичъ говорилъ съ начальникомъ штаба главнокомандующаго и опредѣленнаго отвѣта не добился. Послѣдній обѣщалъ доложить Главнокомандующему и переговорить съ генераломъ Май-Маевскимъ.

21-го мая генераль Романовскій телеграфировалъ генералу Юзефовичу:

«Изъ моего разговора съ командармдобр²² выяснилось, что 7-я дивизія изъ-за отсутствія обозовъ не боеспособна и не можетъ быть выдвинута на фронтъ. Поэтому Главкомъ не находитъ возможнымъ передать въ Вашу армію пластунскую бригаду, составляющую половину всей пѣхоты Добр арміи, впредь до окончанія формированія 7-ой дивизіи. Стрѣлковый полкъ 1-ой конной дивизіи и часть танковъ Вамъ будутъ переданы. Екатеринодаръ, 21 мая. Нр 07607. Р о м а н о в с к і й ».

7-ая пѣхотная дивизія формировалась въ районѣ Ростова изъ частей отошедшихъ послѣ занятія красными Одессы въ Румынію и оттуда перевезенныхъ въ Новороссійскъ и Ростовъ. Части эти отступленіемъ отъ Одессы и тяжелыми условіями интернированія въ Румыніи были

²¹ Ходатайства мои о сформированіи при арміи управленія завѣдывающего передвиженіемъ войскъ, съ подчиненіемъ ему этапно-транспортной и автомобильной части, ставка оставляла безъ отвѣта.

²² Командующій Добровольческой арміей. (Ред.).

совершенно разстроены и на быстрое приведение их в боеспособность рассчитывать было трудно. 1-ый стрѣлковый полкъ послѣ тяжелыхъ боевъ вь Дагестанѣ насчитывалъ всего нѣсколько сотъ штыковъ и впредь до укомплектованія боевой силы не представлялъ. Такимъ образомъ обещанная мнѣ Главнокомандующимъ присылка пѣхоты, на чемъ я строилъ расчетъ всей операціи, не осуществлялась. Что касается танковъ, то общаніе ихъ прислать практическаго значенія не имѣло. Мостъ черезъ Саль могъ быть готовъ не ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли и подвезти танки къ фронту было невозможно.

Между тѣмъ, части 1-го корпуса подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, вынуждены были отойти къ переправамъ. Дабы подтолкнуть истомленные части, я рѣшилъ использовать свой резервъ и приказалъ генералу Шатилову поддержать части генерала Улагая. Донося объ этомъ Главнокомандующему, я телеграфировалъ:

«Вчера я отдалъ директиву, не взирая ни на какія трудности, продолжать наступленіе. Дабы подтолкнуть истомленную непрерывнымъ двухъ недѣльнымъ преслѣдованіемъ, безкормицей и отсутствіемъ водопоя конницу и полностью использовать успѣхъ, я бросилъ весь мой резервъ. Сдѣлано все, чтобы на плечахъ врага достигнуть конечной цѣли, но ежели бы учитывая значеніе Царицына, противнику удалось перебросить къ нему свѣжія силы, рассчитывать на закрѣпленіе за нами достигнутыхъ успѣховъ не могу. То, что достигнуто, сдѣлано цѣной большой крови и вь дальнѣйшемъ источникъ ея изсякнетъ. Нельзя рассчитывать на безграмотность противника и пренебреженіе имъ значенія Царицына. Царицынъ мы должны взять, но, взявъ, имѣть средства удержать. Вь полной мѣрѣ учитываю важность успѣха достигнутаго на другихъ фронтахъ арміи и желательность его разитія, но убѣжденно заявляю, что ежели Царицынская операція будетъ сорвана, то къ нулю рано или поздно будутъ сведены и успѣхи другихъ армій. Перваго іюня желѣзнодорожное сообщеніе черезъ Саль будетъ возстановлено — къ этому дню на головномъ участкѣ желѣзной дороги должны быть сосредоточены свѣжія силы, для переброски, съ цѣлью закрѣпленія достигнутыхъ успѣховъ. 8 мая вь Великокняжеской Вы общали мнѣ присылку достаточнаго количества вполнѣ надежной пѣхоты и артиллеріи. Вь надеждѣ на это, я строю расчетъ своей операціи. За всю операцію на Сѣверномъ Кавказѣ, я не просилъ Васъ ни одного человѣка, сейчасъ рѣшаюсь на это, вь полномъ сознаніи необходимости. Считаю долгомъ совѣсти донести Вамъ все вышеизложенное. Котельниково, 24 мая 1919 года, 16 часовъ. Нр 0820. В р а н г е л ь ».

24-го мая утромъ части арміи атаковали противника на укрѣпленной линіи Есауловскій Аксай. Корпуса форсировали рѣку на участкѣ хуторъ Жутовъ — Дураковъ, сбили противника съ укрѣпленной позиціи и угрозой охвата справа и слѣва заставили стремительно отходить. Красные не успѣли даже испортить желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Аксай. Неотступно преслѣдуя противника, части 2-го корпуса генерала Улагая къ вечеру 24-го мая овладѣли станціей Гнилоаксайской; вь то же время части 4-го генерала Шатилова и 1-го генерала Покровскаго корпусовъ, пройдя за день съ боемъ свыше 20 верствъ, подошли къ рѣкѣ Мышкова, причемъ 4-ый корпусъ занялъ деревню Ивановку.

Вь бояхъ 20 — 24 мая части арміи особенно же 1-ый корпусъ, понесли тяжкія потери, какъ вь казакахъ, такъ и вь командномъ составѣ. Между прочими начальниками раненъ былъ тяжело вь голову доблестный генералъ Бабіевъ; полковникъ Ткачевъ, лично производя воздушную развѣдку, былъ раненъ ружейной пулей вь руку.

Между тѣмъ 1-ый Кубанскій корпусъ, развивая дальнѣйшее наступленіе свое 2-ой Терской дивизіей, войдя вь связь съ донцами послѣ весьма упорнаго боя, во время котораго терцы пять разъ ходили вь атаку противъ красныхъ коммунистовъ, занялъ при поддержкѣ донцовъ желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Донъ у хутора Рычкова. Противникъ отошелъ къ станціи Ляпичево. Къ 27 мая части подошли къ укрѣпленной позиціи противника по рѣкѣ Царица. Я назначилъ общую атаку на разсвѣтъ 27-го числа.

Съ тѣхъ поръ, какъ бывший вь моемъ резервѣ 4-ый конный корпусъ вошелъ вь общую линію боевого порядка, я непосредственно управлялъ войсками, слѣдуя верхомъ при 4-омъ корпусѣ. Вь ночь на 27-ое передъ атакой армія ночевала вь полѣ. Стояла тихая звѣздная ночь. Воздухъ напоенъ былъ степнымъ ароматомъ. Далеко по степи раскинулись бивуаки полковъ. Я спалъ на буркѣ, подложивъ подъ голову подушку сѣдла. Кругомъ слышались голоса казаковъ, фыркали кони, гдѣ-то далеко на заставѣ стучали выстрѣлы. Казалось, что исторія перенесла

насъ на цѣлый вѣкъ назадъ, въ эпоху великихъ войнъ, когда не было ни телеграфовъ, ни телефоновъ, и вожди арміи сами водили войска въ бой.

На разсвѣтъ части арміи дружно атаковали позицію красныхъ. 3-ья Кубанская дивизія во главѣ съ храбрымъ генераломъ Павличенко прорвала фронтъ противника. 2-ой Кубанскій корпусъ, преслѣдуя врага по пятамъ, занялъ станцію Тингуту. По мѣрѣ приближенія къ Царицыну противникъ оказывалъ все большее ожесточенное сопротивление. Въ Царицынѣ лихорадочно сосредоточивались красныя части на поддержку разбитой X арміи. Сюда была стянута почти вся XI армія съ Астраханскаго направления. Съ фронта адмирала Колчака подошла дивизія коммунистовъ. Изъ 16-ти городовъ центральной Россіи подвезено было 8 000 человекъ пополненія. Къ конницѣ Думенко, изъ 8-ми полковъ, подошли 1 500 всадниковъ конницы Жлобы. Изъ Астрахани въ Царицынѣ прибыло два миноносца. Суда и баржи Волжской флотиліи были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллеріей. Въ распоряженіи противника находилось нѣсколько бронепоездовъ. Въ бою на рѣкѣ Царицѣ части вновь понесли тяжкія потери. Однако, близость Царицына, сулившаго отдыхъ послѣ тяжкаго и продолжительнаго похода, вселяла въ войска силы и они съ неудержимымъ порывомъ шли впередъ. 29-го мая 2-ой и 4-ый корпуса подошли къ рѣкѣ Червленной, съ боемъ форсировали ее и сбили державшагося на сѣверномъ берегу противника. Въ то же время 1-ый корпусъ послѣ упорнаго боя овладѣлъ станціей Кривомузгинской, захвативъ здѣсь около 2 000 плѣнныхъ.

Обѣщаніе мое генералу Деникину было выполнено. Неотступно преслѣдуя противника, моя конница въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ пересѣкла безлюдную и безводную калмыцкую степь, преодолѣла рядъ укрѣпленныхъ и отчаянно оборонявшихся противникомъ рубежей и подошла къ Царицыну «Красному Вердену», какъ именовали его большевики, пройдя около 300 верстъ, въ назначенный мною Главнокомандующему трехнедѣльный срокъ. Намѣчая этотъ срокъ, я правильно учелъ обстановку. Въ то же время обѣщаніе Главнокомандующаго дать мнѣ необходимыя для успѣшнаго завершения операціи силы и средства исполнено не было. Развивавшіеся успѣхи на Харьковскомъ направленіи поглощали все вниманіе Главнокомандующаго и Царицынское направленіе въ глазахъ генерала Деникина стало второстепеннымъ.

Наша развѣдка установила, что укрѣпленная противникомъ Царицынская позиція нѣсколькими линіями опоясываетъ городъ. Окопы были усилены проволочными загражденіями въ 4 – 5 коловъ. Сильная артиллерія надежно защищала подступы.

29-го вечеромъ я пригласилъ командировъ 2-го и 4-го корпусовъ на военное совѣщаніе. Я ознакомилъ ихъ съ общимъ положеніемъ и сообщилъ о выяснившейся невозможности въ ближайшее время рассчитывать на присылку обѣщанныхъ Главнокомандующимъ, въ предвидѣніи операціи по овладѣнію Царицыномъ, подкрѣпленій. Я предложилъ имъ высказать мнѣнія, слѣдуетъ ли намъ, не дожидаясь подхода пѣхоты, открытой атакой овладѣть городомъ, или, закрѣпившись на рѣкѣ Царицѣ, выжидать подхода пѣхоты и техническихъ средствъ. Рассчитывать на успѣхъ атаки въ настоящихъ условіяхъ было трудно, съ другой стороны къ Царицыну непрерывно подходили свѣжія части красныхъ. Противникъ лихорадочно продолжалъ работу по укрѣпленію позицій и въ дальнѣйшемъ атака города могла представить еще большія трудности. Въ войскахъ, видѣвшихъ въ Царицынѣ послѣ тяжелаго похода въ пустынь, Обѣтованную Землю, отказъ отъ наступленія вызвалъ бы, несомнѣнно, упадокъ духа. Наконецъ, противникъ, усилившись, могъ самъ перейти въ наступленіе и отбросить насъ отъ Волги въ пустынную степь. Несмотря на всѣ трудности, на совѣщаніи было рѣшено наступленіе продолжать.

29-го мая войскамъ арміи былъ отданъ приказъ²³; а) 2-ому Кубанскому корпусу генерала Улагая наступать на фронтъ Царицынѣ – Воропоново и овладѣть Царицыномъ съ юга; б) 4-ому Конному корпусу генерала Шатилова, сосредоточивъ главную массу своихъ силъ на лѣвомъ флангѣ, – наступать на фронтъ Воропоново – Гумракъ и овладѣть Царицыномъ съ запада; в) 1-ому корпусу генерала Покровскаго наступать вдоль желѣзной дороги Лихая – Царицынѣ и по овладѣніи станціей Карповка, составить армейскій резервъ, направивъ одну бригаду въ районъ станціи Котлубань – хуторъ Грачевскій, съ цѣлью отрѣзать противнику пути отхода на сѣверо-западъ.

²³ См. схему № 16.

Преодолевая упорное сопротивление противника после ряда жестоких боев, генерал Улагай занял Теплые воды, подойдя на десять верст к городу; корпус генерала Шатилова достиг реки Ягодной; корпус генерала Покровского овладел станцией Карповка.

Наличие у противника сильной судовой артиллерии, при отсутствии у нас дальноточных орудий, чрезвычайно затрудняло действия частей генерала Улагая. Последний доносил, что, по его мнению, трудно рассчитывать на успех атаки города с юга, и, со своей стороны, предлагал часть своих сил передать в распоряжение генерала Шатилова, для нанесения решительного удара с запада. Последнее направление представляло и тактические выгоды, создавая угрозу путям отхода красных. Я принял предложенное генералом Улагаем решение. Атака была намечена на рассвет, 1-го июня.

В ночь с 31-го мая на 1-ое июня была произведена необходимая перегруппировка. В руках генерала Шатилова были объединены: 4-ый конный корпус, 2-ая Кубанская дивизия, три полка 1-ой Кубанской дивизии и 3-ья пластунская бригада. Ударная группа сосредоточилась в районе Гавриловка — Варваровка.

Вечером 31-го мая был получен подписанный накануне, Главнокомандующим приказ о подчинении его адмиралу Колчаку. Принятое Главнокомандующим решение я горячо приветствовал. Объединение всех борющихся против общего врага русских сил, несомненно, усиливало наше положение и значение нашего дела в глазах мира. Генерал Деникин, подчинившись адмиралу Колчаку в дни блестящих успехов своих войск, давал пример гражданского долга. По форме я находил приказ неудачным. Упоминание о том, что «в глубоком тылу зреть предательство на почве личных честолюбий, не останавливающих перед расчленением Великой, Единой России», имевшее, очевидно, в виду «самостоятельные группы казачества», должно было произвестись на войска, далекие от политики и мало осведомленные о борьбе главнокомандования с этими группами, неблагоприятное впечатление. Неудачна была и фраза о том, что генерал Деникин, «отдавая свою жизнь горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье», подчиняется адмиралу Колчаку. Добровольное подчинение в интересах Родины не только не требовало «отдать жизнь», но и не должно было быть жертвой для честного сына Отечества...

1-го июня едва стало светать, армия, заняв в течение ночи исходное положение, перешла в решительное наступление. Ударная группа стремительно атаковала позиции противника на реке Ягодной, прорвала фронт красных и заняла станцию Басаргино. Развивая далее наступление, пластуны к 6 часам вечера овладели селением Червленноразное, несколько раз переходившим из рук в руки, станциями Воропоново и Крутенская. Противник при поддержке могущественной артиллерии и бронепоездов оказывал упорное сопротивление, задерживаясь на каждой позиции. Наступившая темнота приостановила бой на последнем перед Царицыном рубеже, по линии: станция Ельшанка — село Ельшанка — станция Садовая — станция Гумрак. Ночью было получено донесение, что разведкой частей генерала Покровского, в районе хутора Вертячий — станица Качалинская, обнаружено сосредоточение значительных неприятельских сил.

С утра 2-го июня бой снова разгорелся. Ударная группа генерала Шатилова, развивая достигнутый накануне успех, с прежней стремительностью атаковала позиции красных; однако, встреченная сильнейшим огнем батарей и бронепоездов, вынуждена была отойти. Потери ударной группы за последние два дня боя были свыше тысячи человек, утомление людей и лошадей было чрезвычайное. Артиллерийские снаряды были совершенно на исходе. Двухдневный бой выяснил, что овладеть Царицыном нам не под силу. С болью в сердце, вынужден я был предположенную в ночь с 2-го на 3-ье атаку отменить²⁴.

²⁴ 2-го июня полковник Кусонский телеграфировал генерал-квартирмейстеру штаба Главнокомандующего:

«Армия продолжает упорный бой под Царицыном. Колонна генерала Савельева продвинулась до Каменного Яра, перенесла штаб в хутор южнее Райгорода. На Волге нашей артиллерией подбит пароход красных, выброшенный на берег и выкинувший белый флаг. Части генерала Улагая, не смотря на фланговый огонь броневиков и барж с Волги, овладели Отрадным, Бекетовской и Марчиковым. Части 4-го корпуса, овладев станцией Воропоново и селом Червленноразное, атаковали позиции противника, получившего значительное подкрепление с восточного фронта на линии Гумрак — высота 467 к востоку от Воропонова, но вследствие ураганного огня артиллерии и бронепоездов противника, атака пластунов и конницы успеха не имела. Ударная группа несет громадные потери. За последние два дня выбыло из строя свыше 1 000 бойцов. Части утомлены до крайности. Выбыли из строя начдив 2-ой кубанской дивизии и командир Осетинского полка

Я телеграфировал Главкомандующему:

«Послѣ трехнедѣльнаго тяжелаго похода, ведя непрерывные бои, армія подошла къ Царицыну. Двухдневныя кровопролитныя атаки разбились о технику, сильнѣйшую артиллерію и подавляющую численность врага. Учитывая значеніе Царицына, противникъ продолжаетъ подвозить подкрѣпленія. Честно смотря въ глаза истинѣ, вижу, что безъмощной пѣхоты, артиллеріи и техническихъ средствъ взять Царицынъ не могу. Долженъ допустить мысль, что переходъ противника въ наступленіе приведетъ къ потерѣ обезкровленной арміей части захваченнаго пространства. Армію упрекнуть не могу. За время операціи нѣкоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальниковъ дивизій, три командира бригадъ, одиннадцать командировъ полковъ. 2 іюня, будка № 4 у Воропоново. Нр 01047. Врангель».

4-го іюня красные, сосредоточивъ ударную группу противъ фронта 4-го корпуса, при поддержкѣ сильной артиллеріи, сами перешли въ наступленіе въ направленіи на Воропоново. Главный ударъ врага обрушился на пластуновъ, которые, не взирая на мужественное сопротивленіе, были отгѣснены. Одновременно противникъ велъ сильное наступленіе и противъ другихъ частей арміи. Воздушная и войсковая развѣдки устанавливали ежедневный подходъ свѣжихъ непріятельскихъ силъ. Въ виду сложившейся обстановки я рѣшилъ оттянуть войска къ линіи рѣкъ Червленая и Карповка, упираясь правымъ флангомъ въ Сарепту и здѣсь ожидать подхода подкрѣпленій.

Мостъ черезъ Саль былъ исправленъ и поѣздъ мой получилъ возможность продвинуться на сѣверъ.

Неудача нашей атаки подъ Царицыномъ тяжелымъ камнемъ легла мнѣ на сердце. Я негодовалъ на ставку, сорвавшую весь успѣхъ, не выполнивъ даннаго мнѣ обѣщанія своевременно усилить меня пѣхотой, артиллеріей и техническими средствами, что клалъ я въ основу всей операціи. Безконечно жаль было напрасно понесенныхъ жертвъ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ написалъ я немедленно по окончаніи операціи, находясь въ хуторѣ Верхне-Царицынскомъ, письмо генералу Деникину, въ коемъ излилъ всю горечь своихъ переживаній. Я упоминалъ о томъ, что невыполненіе даннаго мнѣ Главкомандующимъ обѣщанія, на каковомъ строилъ я свой планъ дѣйствій, лишаетъ меня возможности и на будущее время принимать отвѣтственныя рѣшенія, не будучи увѣреннымъ, что послѣднія не будутъ сорваны распоряженіями свѣше. При этихъ условіяхъ я не считалъ возможнымъ нести лежащую на мнѣ передъ войсками отвѣтственность и просилъ по завершеніи Царицынской операціи освободить меня отъ должности командующаго арміей. Для врученія письма Главкомандующему я командировалъ полковника фонъ-Лампе. Послѣдній былъ ознакомленъ съ содержаніемъ письма.

Проѣзжая черезъ станцію Котельниково, гдѣ находился штабъ арміи, полковникъ фонъ-Лампе являлся генералу Юзефовичу. Послѣдній узнавъ о командировкѣ полковника фонъ-Лампе, рѣшилъ его задержать. Однако, тотъ доложилъ, что имѣетъ отъ меня приказаніе безостановочно ѣхать въ Екатеринодаръ. Генераль Юзефовичъ приказалъ полковнику фонъ-Лампе по прибытіи въ Екатеринодаръ ожидать отъ него телеграммы, до полученія которой письма генералу Деникину не передавать. Самъ генераль Юзефовичъ выѣхалъ мнѣ навстрѣчу въ Абганерово. Онъ горячо сталъ упрашивать меня взять мое рѣшеніе обратно. Полковникъ Кусонскій присоединился къ нему.

4-го іюня генераль-квартирмейстеръ штаба главкомандующаго вызвалъ генерала Юзефовича къ аппарату и передалъ ему, что по полученіи моей телеграммы отъ 2-го іюня, Главкомандующій отдалъ приказаніе спѣшно направить ко мнѣ закончившую формированію 7-ую пѣхотную дивизію въ составѣ двухъ полковъ и пяти батарей; 3 бронепоезда, вооруженные тяжелой артиллеріей и наконецъ, шесть танковъ. Ходатайства мои о сформированіи управления начальника военныхъ сообщеній также было удовлетворено. Начальникомъ военныхъ

ранень, командиръ Кабардинскаго полка убитъ. Предположенную нами съ 2 на 3 іюня атаку, вслѣдствіе полнаго изнеможенія пѣхоты и конскаго состава, а также почти полнаго израсходованія огнеприпасовъ Командармъ былъ вынужденъ отгнѣнить. На фронтъ 1-го Кубанскаго корпуса, занявшаго вчера хутора Бабуркинъ и Алексѣевскій, противникъ, сосредоточившій свои подкрѣпленія въ Разсошинскомъ (Адріановъ) въ районѣ Вертячаго, перешелъ въ наступленіе, но былъ отброшенъ. 2 іюня 23 часа. Будка № 4. Воропоново, 0957. К у с о н с к і й ".

сообщений был назначен генерал Махров. Лишь послѣ полученнаго кроваваго урока, ставка спохватилась. Я уступилъ настояніямъ своихъ ближайшихъ помощниковъ и приказалъ телеграммой полковнику фонъ-Лампе письма не вручать.

На фронтѣ Донской и Добровольческой арміи наши части безостановочно двигались впередъ. Донцы генерала Мамонтова овладѣли станицей Усть-Медвѣдицкой и двигались далѣе къ желѣзной дорогѣ Поворино — Царицынъ. Добровольцы взяли Лозовую и Чаплино. На Астраханскомъ направленіи удачно продвигались части генерала Эрдели. Въ Екатеринодарѣ и Ростовѣ было общее ликование. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ генерала Юзефовича узналъ я и много грустнаго. По его словамъ штабъ генерала Май-Маевского во главѣ съ нимъ самымъ велѣ себя въ Ростовѣ самымъ непопулярнымъ образомъ. Гомерическіе кутежи и бѣшенное швыряніе денегъ на глазахъ всего населенія вызывали среди благоразумныхъ элементовъ справедливый ропотъ. Тылъ былъ попрежнему не организованъ. Войсковые начальники, не исключая самыхъ младшихъ, являлись въ своихъ раіонахъ полновластными сатрапами. Поощряемая свыше войска смотрѣли на войну, какъ на средство наживы. Произволь и насиліе стали обычнымъ явленіемъ. Какъ я уже говорилъ, трудно было первое время въ условіяхъ настоящей борьбы требовать отъ войскъ соблюденія обычаевъ войны. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ армія жила военной добычей. Разоренные и ограбленные большевиками казаки справедливо хотѣли вернуть свое добро. Этотъ стимуль несомнѣнно приходилось учитывать. Въ приказѣ моемъ къ войскамъ, говоря о накопленномъ противникомъ несмѣтномъ добрѣ въ Царицынѣ я самъ это учитывалъ. Однако, рядомъ неуклонно проводимыхъ мѣръ, я стремился постепенно привить частямъ моимъ чувство законности. Въ этомъ отношеніи я имѣлъ вѣрныхъ помощниковъ въ лицѣ командировъ корпусовъ — генераловъ Улагая и Шатилова. Генералъ Покровскій и тотъ, умный и съ большой выдержкой, считаясь съ моими требованіями, поддерживалъ теперь въ своихъ войскахъ должный порядокъ. Захваченныя на красныхъ деньги дѣлились между людьми полковъ особыми полковыми комиссіями. Часть денегъ отчислялась въ артельныя суммы частей. Все же оружіе, войсковое и интендантское имущество сдавалось полками и поступало въ отдѣлъ снабженія арміи. Я достигъ полнаго уваженія со стороны войскъ къ частной собственности населенія. Ежели этого удалось достигъ съ казаками, то съ регулярными частями, въ значительной мѣрѣ пополненными интеллигентнымъ элементомъ, съ огромнымъ процентомъ офицерскаго состава, это могло, казалось бы, быть достигнуто и того легче.

Подхода всѣхъ обѣщанныхъ подкрѣпленій я могъ ожидать только около 15-го. До этого времени я рѣшилъ возвратиться въ Котельниково. Предстояло не мало работы, необходимо было прочно наладить тылъ и обстоятельно подготовиться къ предстоящей серьезной операціи. Въ Котельниково пріѣхалъ ко мнѣ по порученію атамана, походный атаманъ Кубанскаго войска, генералъ Науменко. Науменко горько жаловался мнѣ на несправедливость главнаго командованія къ кубанскимъ казакамъ, на незаслуженное и обидное, по сравненію съ донцами, къ нимъ отношеніе. Вновь всплылъ вопросъ о созданіи Кубанской арміи. Я могъ лишь повторить то, что говорилъ въ Екатеринодарѣ и Ростовѣ.

Генералъ Науменко сообщилъ мнѣ, что Главнокомандующій и генералъ Романовскій мною очень недовольны — мнѣ ставилась въ вину рѣзкость моихъ телеграммъ. Генералъ Романовскій говорилъ генералу Науменко, что тонъ этихъ телеграммъ совершенно недопустимъ, что «генералъ Врангель не проситъ, а требуетъ, почти приказываетъ». Ставилъ мнѣ въ вину генералъ Романовскій и то, что въ недоразумѣніяхъ кубанцевъ съ главнымъ командованіемъ я не сталъ всецѣло на сторону послѣдняго. Тѣмъ не менѣе я былъ доволенъ, что наконецъ добился полученія обѣщанныхъ подкрѣпленій. Правда, взамѣнъ прекрасныхъ пластунскихъ частей, я получалъ неизвѣстную мнѣ 7-ую пѣхотную дивизію. Дивизія едва успѣла закончить формированіе; нѣкоторыя части не имѣли обозовъ; составъ частей былъ сборный; начальники новые. Въ разговорѣ по аппарату съ генераломъ Юзефовичемъ самъ генералъ Романовскій характеризовалъ дивизію какъ «неопредѣлившуюся». Тѣмъ не менѣе, при почти полномъ отсутствіи въ арміи пѣхоты, 7-ая дивизія значительно усиливала армію, а прибытіе тяжелой бронепѣздной артиллеріи и , главнымъ образомъ, танковъ давало возможность бороться съ позиціонной и судовой артиллеріей красныхъ и преодолѣть искусственныя препятствія. Я, въ бытность въ Екатеринодарѣ, видѣлъ пробную работу танковъ съ обученными англійскими инструкторами русскими командами и тогда же оцѣнилъ всю мощь этого средства позиціонной борьбы.

12-го іюня палъ Харьковъ. Донцы быстро продвигались на сѣверъ. Въ газетахъ былъ опубликованъ рядъ привѣтствій адресованныхъ генералу Деникину старшими начальниками, въ связи съ рѣшеніемъ его подчиниться адмиралу Колчаку. Я не считалъ удобнымъ въ порядкѣ подчиненности выражать Главнокомандующему одобреніе или порицаніе тому или иному рѣшенію его, имѣющему госудаственно-политическій характеръ. Однако, не желая, что-бы молчаніе мое было истолковано, какъ не сочувствіе его рѣшенію, я написалъ генералу Деникину частное письмо выражая глубокое уваженіе передъ выполненнымъ имъ гражданскимъ долгомъ. Въ отвѣтъ я получилъ весьма любезную телеграмму Главнокомандующаго.

13-го іюня въ Ростовѣ, гдѣ происходили засѣданія Южно-Русской конференціи по созданію, такъ называемой, южно-русской власти, долженствующей разрѣшить взаимоотношенія главнаго командованія съ автономными казачьими правительствами, былъ убитъ одинъ изъ наиболѣ яркихъ представителей кубанскихъ самостійныхъ группъ С. К. Рябоволь. Убійцы успѣли скрыться. Часть прессы приписывала убійству политическій характеръ.

9-го іюня начали прибывать первые эшелоны 7-ой дивизіи. Видъ частей порадовалъ меня. Полки были отлично одѣты въ англійскую форму хакки и металлическіе шлемы. Люди выправлены, въ частяхъ большой процентъ старыхъ кадровыхъ офицеровъ. Начальникъ дивизіи генераль Бредовъ былъ чѣмъ-то задержанъ въ Ростовѣ и во главѣ дивизіи стоялъ полковникъ Непѣнинъ. Послѣдній произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Слѣдомъ за 7-ой дивизіей подошли танки. Сосредоточеніе подкрѣпленій происходило крайне медленно, дорога пропускала лишь шесть паръ поѣздовъ въ сутки.

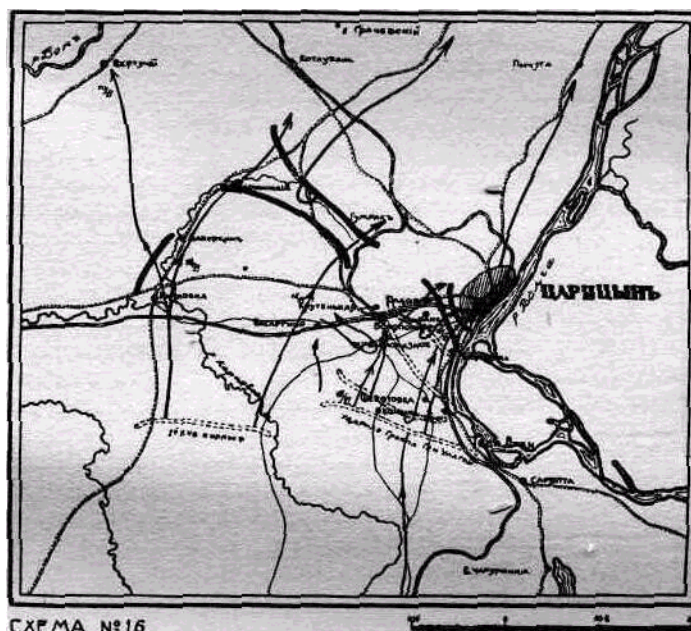
Могучее средство позиціонной борьбы, тяжелая артиллерія бронепоездовъ и особенно танки, тѣсно связанные въ своихъ дѣйствіяхъ съ желѣзной дорогой, приковывали армию къ послѣдней. Эти причины, несмотря на тактическія невыгоды атаки Царицынской укрѣпленной позиціи съ юга, заставили меня искать рѣшенія именно съ этой стороны. Я рѣшилъ, обнаживъ почти совершенно свой центръ на протяженіи около 25 верствъ, сосредоточить $\frac{3}{4}$ своихъ силъ на крайнемъ правомъ флангѣ и этимъ кулакомъ нанести ударъ вдоль Волги по лѣвому крылу непріятели. Лѣвофланговый корпусъ арміи долженъ былъ отрѣзать пути отступленія противника на сѣверъ. Днемъ 14-го іюня войска получили директиву: Схема № 16).

«Группѣ генерала Улагая (2-ой и 4-ый корпуса), 7-ая пѣхотная дивизія, дивизионъ танковъ, дивизионъ бронепоездовъ и 4 бронепоезда прорвать фронтъ противника и, развивая наступленіе вдоль желѣзной дороги Сарепта — Царицынъ, овладѣть Царицыномъ съ юга.

1-ому Кубанскому корпусу, выдѣливъ часть силъ для обезпеченія маневра съ сѣвера, наступать въ общемъ направленіи на хуторъ Россошинскій-Гумракъ, дабы прижать противника къ Волгѣ и отрѣзать ему путь отхода на сѣверъ.

Начало общаго наступленія съ разсвѣтомъ 16-го іюня».

Къ 10-му іюня по даннымъ развѣдки противникъ имѣлъ подъ Царицыномъ 16 000 штыковъ, 5 000 сабель, 119 орудій, 6 бронепоездовъ. На Волгѣ стояла рѣчная флотилія изъ 4-хъ дивизионовъ, катеровъ и понтоновъ и 9-ти канонерокъ и миноносцевъ. 14-го іюня къ Царицыну подошелъ переброшенный изъ Уфы черезъ Саратовъ одинъ изъ полковъ 2-ой красной дивизіи. Въ ближайшіе дни ожидался подходъ остальныхъ полковъ дивизіи.

Въ ночь на 16 июня ударная группа генерала Улагая построила боевой порядокъ западнѣ желѣзной дороги къ югу отъ деревни Копани: въ центрѣ и впереди 4 танка съ 3 броневыми автомобилями; непосредственно за ними пѣхота — 7-ая дивизія и пластуны; въ резервѣ два конныхъ корпуса; на правомъ флангѣ 3 бронепоѣзда и 3-ья Кубанская дивизія.

Едва стало сѣрѣть, танки двинулись впереди и, давя проволочныя загражденія, разошлись вправо и влѣво, разстрѣливая, бросившуюся въ паникѣ бѣжать, непріятельскую пѣхоту. Слѣдомъ за танками стремительно двинулась пѣхота. Вслѣдъ за пѣхотой устремилась въ прорывъ кавалерія.

Противникъ бѣжалъ частью на Царицынъ, частью на Воропоново. Брошенная для спасенія положенія со стороны станціи Басаргино въ направленіи на Червленноразное красная конница, поддержанная двумя брднепоѣздами, успѣха не имѣла. Наша конница, поддержанная броне-автомобилями, отбросила красныхъ. Конница генерала Шатилова заняла станцію Воропоново. На правомъ флангѣ 3-ья Кубанская дивизія при помощи бронепоездовъ овладѣла станціей и деревней Бекетовка и отбросила противника къ станціи Ельшанка.

Противникъ отошелъ на 2-ую и послѣднюю укрѣпленную позицію, расположенную по высотамъ южнѣ и юго-западнѣ Царицына, по линіи станція Ельшанка — село Ельшанка — Крутенькая. Въ то время, какъ развивался бой на фронтѣ ударной группы генерала Улагая, корпусъ генерала Покровскаго, послѣ артиллерійской подготовки перешелъ въ наступленіе въ общемъ направленіи на Котлубань, но успѣха достигъ не могъ. Въ 3 часа дня генераль Покровскій вновь атаковалъ красныхъ, прорвалъ фронтъ и совершенно разгромилъ противника, взявъ 5 000 плѣнныхъ и 8 орудій, выйдя на фронтъ Карповка — Бабуркинъ, одновременно конныя части 1-го корпуса заняли хуторъ Вертячий. Около 5 часовъ вечера войска генерала Улагая вновь атаковали противника и послѣ ожесточеннаго боя овладѣли станціей и селомъ Ельшанкой и станціей Садовой. Успѣху атаки много способствовали наши аэропланы, бомбардировавшіе войска противника. Непріятель отошелъ къ самой окраинѣ города.

Къ сожалѣнію, генераль Улагай не воспользовался разстройствомъ противника, чтобы на плечахъ его ворваться въ городъ, и съ темнотой наступлеше приостановилъ. За ночь противникъ успѣлъ оправиться и закрѣпиться. Я приказалъ на разсвѣтѣ атаковать врага и во что бы то ни стало овладѣть городомъ. Однако, генераль Улагай все время ссылаясь на чрезмѣрное утомленіе людей и просилъ атаку отложить.

Наступилъ разсвѣтъ, противникъ продолжалъ лихорадочно укрѣпляться. Я на автомобиль лично проѣхалъ вперед, переговорилъ съ генераломъ Улагаемъ и настоялъ на атакѣ. Въ пять часовъ вечера ударная группа снова двинулась въ бой. 3-ья Кубанская и 7-ая пѣхотная дивизіи при поддержкѣ бронепоездовъ послѣ жестокой схватки прорвали наконецъ фронтъ красныхъ и ворвались въ городъ. Одновременно съ атакой Царицына конница генерала

Шатилова повела наступленіе на станцію Гумракъ, овладѣла станціей и окончательно разгромила врага, пытавшагося здѣсь задержаться.

Разбитый на всѣхъ участкахъ врагъ искалъ спасенія въ поспѣшномъ отступленіи на сѣверъ²⁵.

18-го іюня я отдалъ приказъ:

« П Р И К А З Ъ
Кавказской Арміи
№ 57.

18 іюня 1919 года.

Г. Царицынь.

Славныя войска Кавказской арміи!

8-го мая подъ станціей Великокняжеской вы разбили противника и погнали его къ Царицыну.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье Калмыцкихъ степей, ни палящій зной, ни отчаянное сопротивление врага, къ которому непрерывно подходили подкрѣпленія, не могли остановить васъ.

Въ рядѣ жестокихъ боевъ вы разбили X и подошедшую XI арміи противника и, подойдя къ Волгѣ, ворвались въ логовище врага — Царицынь...

За всѣ эти сорокъ дней противникъ потерялъ 40 000 плѣнныхъ, 70 орудій, 300 пулеметовъ; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали въ ваши руки.

Ура вамъ, храбрецы, непобѣдимые орлы Кавказской арміи. Слава о новыхъ подвигахъ вашихъ пронесется какъ громъ, и вѣсть о вашихъ побѣдахъ въ родныхъ станицахъ, селахъ и аулахъ заставитъ гордостью забиться сердца вашихъ отцовъ, женъ и сыновей.

Генераль В р а н г е л ь ».

19-го утромъ я прибылъ въ Царицынь и прямо съ вокзала проѣхалъ въ соборъ. Огромная толпа народа заполнила храмъ, площадь и прилегающія къ ней улицы. Престарѣлый епископъ Даміанъ за нѣсколько дней до нашего прихода долженъ былъ бѣжать и скрывался гдѣ-то на окраинѣ города. Служилъ настоятель собора, освобожденный изъ тюрьмы нашими войсками. Во время службы и онъ, и большинство присутствующихъ плакали. По окончанія богослуженія, я вышелъ на площадь и обратился къ населенію, привѣтствуя гражданъ съ ихъ освобожденіемъ и обѣщая защиту и покровительство арміи.

Въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ Царицынь Главнокомандующій. Принявъ почетный караулъ, онъ пригласилъ меня и начальника штаба въ вагонъ. Главнокомандующій благодарилъ насъ и спрашивалъ о подробностяхъ дѣла.

— «Ну, что, какъ теперь настроеніе. Одно время было, кажется, неважнымъ», — улыбаясь, спросилъ меня генераль Деникинъ.

— «Такъ точно, ваше превосходительство, — намъ было очень тяжело».

— «Ничего, ничего, теперь отдохнете».

Къ пріѣзду Главнокомандующаго я съ генераломъ Юзефовичемъ составили подробный докладъ, предлагая дальнѣйшій планъ дѣйствій. Впредь до завершения операціи войскъ генерала Эрдели, — овладѣніе Астраханью и нижнимъ плесомъ Волги, что дало бы возможность войти въ рѣку нашей Каспійской флотилии, — дальнѣйшее наступленіе на сѣверъ, при отсутствіи меридіональныхъ дорогъ и необезпеченности тыла арміи, представлялось трудно выполнимымъ.

Безостановочное, стремительное наступленіе Донской и Добровольческой армій, при чрезвычайной растяжкѣ нашего фронта, при полномъ отсутствіи резервовъ и совершенной неорганизованности тыла, представлялось опаснымъ. Мы предлагали Главнокомандующему временно закрѣпиться на сравнительно короткомъ и обезпеченномъ на флангахъ крупными водными преградами фронтѣ Царицынь — Екатеринославъ и, выдѣливъ изъ Кавказской арміи

²⁵ Кромѣ большого количества плѣнныхъ, орудій и пулеметовъ мы захватили 2 красныхъ бронепоезда «Ленинъ» и «Троцкій», 131 паровозъ и около 10 000 вагоновъ, изъ нихъ 165 классныхъ и 2 085 груженыхъ артиллерійскими и интендантскими грузами.

часть силъ для дѣйствія въ юго-восточномъ направленіи, съ цѣлью содѣйствія Астраханской операціи, сосредоточить въ районѣ Харькова крупную конную массу 3 — 4 корпуса. Въ дальнѣйшемъ дѣйствовать конной массой по кратчайшимъ къ Москвѣ направленіямъ, нанося удары въ тылъ краснымъ арміямъ. Одновременно организовывать тылъ, укомплектовывать и разворачивать части, создавать свободные резервы, строить въ тылу укрѣпленные узлы сопротивленія. Всѣ эти соображенія мы изложили каждый въ отдѣльномъ рапортѣ, которые и вручили Главнокомандующему. Генераль Деникинъ, выслушавъ насъ и принимая отъ насъ рапорты, усмѣхнулся:

— «Ну, конечно, первыми хотите попасть въ Москву».

Отпуская насъ, Главнокомандующій сказалъ, что завтра будетъ имѣть случай съ нами переговорить.

Въ Царицынѣ.

Народъ у собора во время молебна 19 іюня.

Парадъ войскамъ 20 іюня.

Слѣва направо: верхомъ — генералъ Мамоновъ; идутъ — генералы Романовскій, Деникинъ и Врангель.

На слѣдующее утро генералъ Деникинъ присутствовалъ на торжественномъ богослуженіи и принялъ парадъ войскамъ. Послѣ парада онъ пригласилъ меня и генерала Юзефовича въ вагонъ и здѣсь, въ присутствіи генерала Романовскаго, прочелъ намъ свою директиву:

«Вооруженныя силы Юга Россіи, разбивъ арміи противника, овладѣли Царицыномъ, очистили Донскую область, Крымъ и значительную часть губерній Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имѣя конечной цѣлью захватъ сердца Россіи — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронтъ Саратовъ — Ртищево — Балашовъ, смѣнить на этихъ направленіяхъ донскія части и продолжать наступленіе на Пензу, Рузаевку, Арзамасъ и далѣе Нижній-Новгородъ, Владимиръ и Москву. Теперь же отправить отряды для связи съ Уральской арміей и для очищенія нижняго плеса Волги.
 2. Генералу Сидорину — правымъ крыломъ, до выхода войскъ генерала Врангеля, продолжать выполненіе прежней задачи по выходу на фронтъ Камышинъ — Балашовъ. Остальнымъ частямъ развивать ударъ на Москву въ направленіяхъ: а) Воронежъ, Козловъ, Рязань и б) Новый Осколь, Елецъ, Волово, Кашира.
 3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву въ направленіи: Курскъ, Орель, Тула. Для обезпеченія съ запада выдвинуться на линію Днѣпра и Десны, занявъ Кіевъ и прочія переправы на участкѣ Екатеринославъ — Брянскъ.
 4. Генералу Добrorольскому выйти на Днѣпръ отъ Александровска до устья, имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ занятіе Херсона и Николаева.
 5. Генераламъ Тяжельникову²⁶ и Эрдели продолжать выполненіе ранѣ поставленныхъ задачъ.
 6. Черноморскому флоту содѣйствовать выполненію боевыхъ задачъ генераловъ Тяжельникова и Добrorольскаго и блокировать портъ Одессу.
 7. Разграничительныя линіи: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской арміей — прежняя; б) между Кавказской и Донской арміями — Калачъ, граница Донской области, Балашовъ, Тамбовъ, Моршанскъ, всѣ пункты для Донской арміи; в) между Донской и Добровольческой арміями — Славяносербскъ, Старобѣльскъ, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая. Кашира — всѣ пункты для Донской арміи; г) между Добровольческой арміей и 3 корпусомъ — Сѣверная граница Таврической губерніи — Александровскъ.
 8. Желѣзная дорога Царицынъ — Поворино — Балашовъ предоставляется въ общее пользованіе Кавказской и Донской арміямъ.
 9. О полученіи донести.
- Царицынъ, 20 іюня 1919 года. Нр. 08878.

Генераль-Лейтенантъ Деникинъ.

Начальникъ штаба генераль-лейтенантъ Романовскій».

Директива эта, получившая впослѣдствіи названіе «Московской», являлась одновременно смертнымъ приговоромъ арміямъ Юга Россіи. Всѣ принципы стратегіи предавались забвенію. Выборъ одного главнаго операціоннаго направленія, сосредоточеніе на этомъ направленіи главной массы силъ, маневръ, — все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрутъ на Москву. Прослушавъ директиву, мы съ генераломъ Юзефовичемъ, буквально остолбенѣли. Самъ генераль Деникинъ былъ «Московской директивой», видимо, очень доволенъ. Закончивъ чтеніе, онъ весело добавилъ:

— «Да, вотъ какъ мы стали шагать. Для этой директивы мнѣ пришлось взять стоверстную карту».

Мнѣ и понынѣ непонятно, какъ могъ этотъ документъ выйти изъ подъ пера генерала Деникина.

Я доложилъ Главнокомандующему о томъ, что части мои послѣ тяжелаго трехсотверстнаго похода по пустынѣ и сорокадневныхъ напряженныхъ боевъ окончательно истомлены и просилъ дать возможность арміи хоть немного передохнуть. Главнокомандующій согласился:

— «Конечно, вѣдь до выхода донцовъ къ Камышину, въ вашемъ распоряженіи будетъ, вѣроятно, недѣли двѣ. Вамъ только слѣдуетъ не задерживать переправы тѣхъ частей, которыя вы пошлете на лѣвый берегъ».

Тутъ же Главнокомандующій отдалъ распоряженіе о возвращеніи въ Добровольческую армію 7-ой пѣхотной дивизіи и направленіи туда 2-ой Терской казачьей дивизіи, Осетинскаго

²⁶ Командующій войсками Черноморской области.

коннаго полка и пластунскихъ Терскихъ и Осетинскаго батальоновъ, взамѣнъ коихъ мнѣ выслалась 2-ая Кубанская пластунская бригада.

Наши части, преслѣдуя разбитаго противника, уже къ вечеру 19-го іюня, сбивъ непріятеля съ высотъ сѣвернаго берега рѣки Пичуга, овладѣли посадомъ Дубовка. Я пріостановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе, выславъ для сохраненія связи съ противникомъ небольшія конныя части. На лѣвый берегъ Волги я намѣтилъ переправить 3-ью Кубанскую казачью дивизію генерала Мамонова.

Въ тотъ же день генераль Деникинъ съ чинами своего штаба обѣдалъ у меня. Во время обѣда я провозгласилъ тостъ за здоровье Главнокомандующаго. Генераль Деникинъ, отвѣчая мнѣ, подчеркнулъ значеніе сегодняшняго дня.

— «Сегодня мною отданъ приказъ арміямъ идти на Москву». Вечеромъ Главнокомандующій выѣхалъ изъ Царицына въ Харьковъ. За выдѣленіемъ изъ состава моей арміи 7-ой пѣхотной дивизіи, терцевъ и осетинъ, численность моихъ войскъ становилась весьма незначительной. Вслѣдствіе большихъ потерь и отсутствія свѣжихъ пополненій, боевой составъ казачьихъ полковъ не превосходилъ 500 — 600 человекъ. Пластунскія части были также малочисленны. 6-я пѣхотная дивизія, жестоко пострадавшая подъ Котельниково, была окончательно небоеспособна, отведена въ глубокой тылъ и укомплектованная за счетъ плѣнныхъ красноармейцевъ, только еще обучалась и приводилась въ порядокъ. Нѣсколько въ лучшемъ положеніи находились артиллерія и техническія войска, пополненные плѣнными и добровольцами.

Отсутствіе на Кубани твердой власти и порядка на мѣстахъ, и непрекращающаяся политическая борьба, давала возможность казакамъ уклоняться отъ выполненія воинскаго долга. Кубань перестала давать пополненія. Не только эвакуированные въ тылъ раненые, но и значительное число уволенныхъ въ отпускъ и командировки казаковъ, пользуясь послабленіемъ власти, уклонялись отъ возвращенія въ строй. Полевая рабочая страда особенно оттягивала казаковъ въ тылъ. Конскій составъ былъ сильно измотанъ; за непрерывными боями ковка совѣмъ запущена; матеріальная часть, оружіе и снаряженіе были въ самомъ плачевномъ состояніи. Все это требовалось привести въ порядокъ.

Въ боевомъ отношеніи части не оставляли желать лучшаго. Казаки дрались отлично. Ощущался лишь недостатокъ въ опытныхъ офицерахъ. Вслѣдствіе тяжелыхъ потерь въ офицерскомъ составѣ, кадровыхъ офицеровъ почти не оставалось, большинство были произведенные за боевыя отличія изъ простыхъ казаковъ и зеленая молодежь. Составъ командировъ частей и старшихъ начальниковъ былъ подобранъ отлично. Между ними имѣлся цѣлый рядъ офицеровъ совершенно исключительной доблести, отлично разбиравшихся въ обстановкѣ: опытный, съ большимъ военнымъ кругозоромъ, доблестный генераль Мамоновъ, совершенно исключительнаго порыва, отличные кавалерійскіе начальники, генералы Бабіевъ и Павличенко; выдающійся кавалерійскій начальникъ кавалеръ ордена Св. Георгія 4-ой и 3-ей степеней, генераль Савельевъ.

Въ лицѣ командировъ корпусовъ я имѣлъ хорошихъ помощниковъ: генераль Шатиловъ, прекрасно подготовленный, съ большимъ военнымъ опытомъ, великолѣпно разбиравшійся въ обстановкѣ, отличался къ тому же выдающейся личной храбростью и большой инициативой.

Генераль Улагай, съ большимъ военнымъ чутьемъ, высокой воинской доблести, пользующійся совершенно исключительнымъ обаяніемъ у своихъ подчиненныхъ, былъ несомнѣнно также выдающимся кавалерійскимъ начальникомъ. Полученный имъ нѣсколько тяжелыхъ раненій, въ связи съ природенной повышенной нервностью, отражались на его характерѣ. Подъ влияніемъ тяжелой физической и моральной обстановки, генералу Улагаю свойственно было подчасъ состояніе полной апатіи. Состояніе это бывало чисто временное; стоило ему отдохнуть, какъ старый порывъ къ нему возвращался.

Генераль Покровскій военнымъ чутьемъ и боевымъ опытомъ конечно значительно уступалъ и генералу Шатилову и генералу Улагаю. Его нецѣнными свойствами были совершенно исключительная непоколебимая твердость духа, рѣдкая настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли и громадная выдержка. Это былъ человекъ незауряднаго ума, очень хорошей организаторъ.

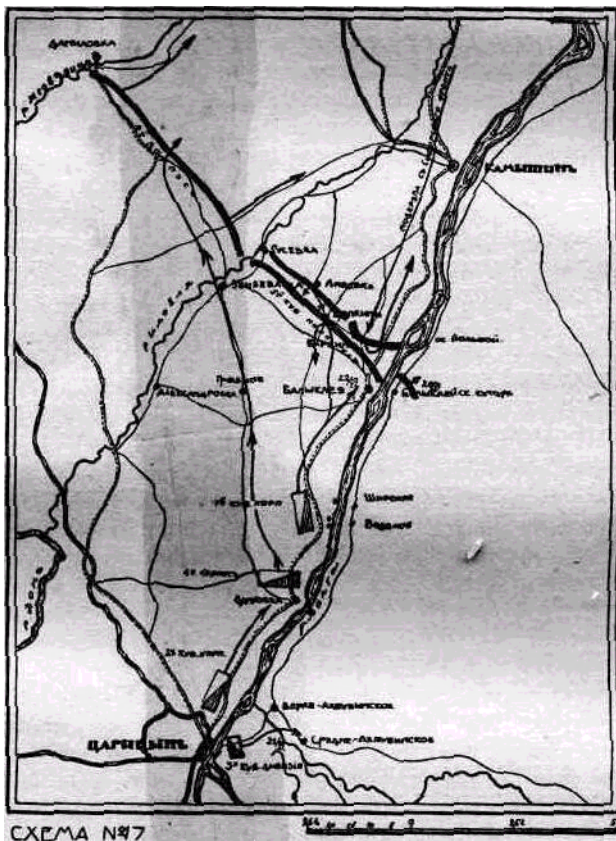
Мой ближайшій помощникъ генераль Юзефовичъ давно уже стремился въ строй. Формировавшіеся полки регулярной конницы намѣчалось свести въ кавалерійскій корпусъ, съ присвоеніемъ ему наименованія 5-го. Главнокомандующій предложилъ генералу Юзефовичу

должность командира корпуса. Последний изъявил согласие. Потеря генерала Юзефовича была для меня очень чувствительна, однако, я понимал его стремление идти в строй и не мог его отговаривать. Начальником штаба генерал Юзефович брал с собой генерала Кусонского, последний только что согласно моего ходатайства был произведен в этот чин. Я предложил должность начальника штаба армии генералу Шатилову. Последний долго отказывался, но наконец уступил моим настойчивым просьбам. На должность генерал-квартирмейстера генерал Шатилов рекомендовал мне генерала Зигеля. Выбор этот впоследствии оказался весьма удачным. Командиром 4-го конного корпуса я просил Главнокомандующего назначить генерала Топоркова, который и был в этой должности утвержден.

Въ Поволжьи.

21-го июня 3-ья кубанская дивизия переправилась через Волгу и уже на следующий день своими головными частями заняла село Средне-Ахтубинское, где была встречена населением колокольным звоном. (Схема № 17). 22-го июня я получил телеграмму генерала Романовского:

«Имѣя въ виду окончательно ликвидировать остатки разгромленной Вами X советской армии, дабы не дать возможности ей оправиться, и принимая во внимание невозможность выполнения этой задачи одними частями корпуса генерала Мамонтова, сильно переутомленными непрерывными боями и большими переходами, Главнокомандующий приказал теперь же частью сил Кавказской армии продолжать преследование красных. Что касается частей, подлежащих передачѣ в Добармию, последние должны быть теперь же направлены в районы по указанию генерала Май-Маевского. Харьковъ 22/VI 3 часа 08911. Романовскій».

Основываясь на данном мне Главнокомандующим 20-го июня обещании предоставить армии возможность отдохнуть, я отдал целый ряд соответствующих распоряжений командирам корпусов, начальнику снабжения и прочим. Теперь все приходилось отменять. Я решил продолжать преследование главных сил красных, отходящих по Саратовскому тракту вдоль Волги, наиболее свяжем 1-м кубанским корпусом, оставив 2-ой и 4-ый в моем резерве эшелонированными вглубь. Продолжая преследование врага, 1-ый кубанский

корпусъ овладѣль 22-го іюня поселкомъ Балыклея и, не давая противнику задерживаться, стремительно продолжалъ гнать его къ Камышину. Однако 24-го іюня на линіи островъ Большой-Варкинъ корпусъ неожиданно встрѣтилъ упорное сопротивленіе красныхъ.

Потерпѣвъ пораженіе у Царицына, противникъ лихорадочно сталъ сосредотачивать къ Камышину подкрѣпленіе для своей разбитой арміи, снявъ для этой цѣли даже нѣсколько дивизій съ сибирскаго фронта, гдѣ за послѣднее время красные одержали нѣкоторые успѣхи надъ арміями адмирала Колчака. Эти подкрѣпленія, принявъ на себя отступающія части противника, 24-го іюня стали на пути нашего наступленія, преградивъ подходъ къ Камышину. Противникъ, занявъ сильную позицію, успѣлъ сосредоточить значительную массу артиллеріи, опираясь кромѣ того на могучую огневую поддержку Волжской флотиліи. Фронтальная атака Варкинской позиціи успѣха не имѣла. Не имѣла успѣха и атака обходной колонны 1-го корпуса, двинутой въ направленіи на Щепкиль.

Предпріятыя въ послѣдующіе дни также безуспѣшныя атаки съ фронта и фланга укрѣпленной красными позиціи выяснили невозможность овладѣть Камышинымъ силами одного лишь 1-го корпуса. Я рѣшилъ выдвинуть на поддержку генерала Покровскаго 4-ый корпусъ.

27-го іюня арміи была дана директива:

«а) 1-ому кубанскому корпусу генерала Покровскаго, протянувъ свой лѣвый флангъ до рѣки Иловли, временно — до выхода 4-го коннаго корпуса на указанную ему линію, — перейти къ активной оборонѣ;

б) 4-ому корпусу (1-ая конная и Сводно-горская дивизіи) подъ командой генерала Успенскаго²⁷ — выйдя черезъ деревни Грязная — Зензеватка к рѣкѣ Иловля, развернуться между этой послѣдней и рѣкой Медвѣдицей, на фронтѣ Гусевка — Даниловка, имѣя задачей въ дальнѣйшемъ наступленіи выйти на фронтъ Камышинъ — Красный Яръ;

в) 2-ому кубанскому корпусу (2-ая кубанская дивизія и 9 пластунскій батальонъ), подъ командой генерала Говоруценко, оставаясь въ резервѣ командующаго арміей, перейти въ районъ Дубовки».

Продвиженіе арміи впередъ при отсутствіи меридіональныхъ желѣзныхъ дорогъ въ тылу арміи чрезвычайно затрудняло снабженіе. Для подвоза мы могли пользоваться лишь рѣкой Волгой. Для обезпеченія движенія нашей транспортной флотиліи на восточный берегъ рѣки былъ выдѣленъ небольшой отрядъ 1-го кубанскаго корпуса, который по переправѣ черезъ Волгу 28-го іюня занялъ Балыклеискіе хутора.

Всѣ эти дни мнѣ пришлось работать, не покладая рукъ; помимо оперативныхъ распоряженій у меня былъ цѣлый рядъ заботъ по гражданскому управленію части освобожденныхъ Саратовской и Астраханской губерній. Подъ рукой не было никакого организованнаго аппарата. За продолжительное владычество красныхъ была уничтожена подавляющая часть мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, все приходилось создавать сызнова. Исправляющимъ должность Саратовскаго губернатора былъ назначенъ полковникъ Лачиновъ, бывший кавалергардъ, затѣмъ адъютантъ намѣстника Кавказа, одно время помощникъ военнаго губернатора Батумской области. Сообщая мнѣ объ этомъ назначеніи, генераль Деникинъ упомянулъ, что имѣлъ въ виду сдѣлать мнѣ пріятное, такъ какъ знаетъ о близкихъ моихъ съ Лачиновымъ отношеніяхъ. Видимо кто то изъ лицъ, выдвигавшихъ Лачинова, ввелъ Главнокомандующаго въ заблужденіе. Я зналъ Лачинова лишь по непродолжительной совмѣстной службѣ въ одной бригадѣ молодыми офицерами. Онъ прибылъ съ нѣсколькими лицами своего управленія въ Царицынъ на слѣдующій день послѣ отъѣзда Главнокомандующаго. Какъ показало дальнѣйшее, онъ оказался не въ состояніи справиться со своимъ дѣломъ. Астраханскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Б. Е. Крыштафовичъ по прежней своей службѣ хорошо знавшій Астраханское войско. Подвѣдомственная ему область пока ограничивалась лишь частью Черноярскаго уѣзда. Въ Царицынъ при былъ и Астраханскій атаманъ Ляховъ, честный и скромный человекъ. По приглашенію его я посѣтилъ станицу Верхнецарицынскую, первой изъ астраханскихъ станицъ освобожденную отъ краснаго ига. Станичный сборъ поднесъ мнѣ званіе почетнаго казака.

²⁷ Генераль Топорковъ еще не прибылъ изъ Добровольческой арміи.

Городъ Царицынъ, «Красный Вердень», какъ называли его большевики, оказался въ ужасномъ состояніи. Все мало мальски состоятельное или интеллигентное населеніе было истреблено, магазинъ и лавокъ не существовало. Зимой въ городѣ свирѣпствовали страшныя эпидеміи, смертность была огромна, умершихъ не успѣвали хоронить, трупы сваливались въ оврагъ у городской тюрьмы. По словамъ жителей, въ оврагѣ свалено было до 12.000 труповъ. Съ весною трупы стали разлагаться, зловоніе стояло на нѣсколько верстъ кругомъ. Я отдалъ распоряженіе сформировать рабочія команды изъ плѣнныхъ и засыпать оврагъ. Работа длилась цѣлую недѣлю. Улицы города представляли собой свалочное мѣсто. Однихъ конскихъ труповъ было вывезено изъ города и пригородовъ болѣе 400. Уже черезъ нѣсколько дней по нашемъ приходѣ городъ сталъ оживать. Улицы наполнились народомъ. Съ лѣваго берега Волги повезли всякой живности и зелени. Продукты быстро падали въ цѣнѣ. Постепенно стали открываться магазины.

Первые дни не было отбоя отъ посѣтителей. Большинство обращалось съ просьбами неисполнимыми. Были разные случаи. Какая то дама настойчиво требовала отъ меня дать ей разводъ. Однажды доложили мнѣ о томъ, что меня желаетъ видѣть отставной генераль-отъ-кавалеріи Эйхгольцъ. Вошелъ крупный красивый старикъ въ штатскомъ костюмѣ.

— «Ваше Превосходительство, я знаю какъ вы заняты и не смѣю отнимать отъ васъ времени. Я генераль Эйхгольцъ. Въ молодости служилъ ординарцемъ при Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ. По смерти послѣдняго, его сестра княгиня Надежда Дмитріевна Бѣлосельская передала мнѣ академическій знакъ покойнаго. Я хранилъ его какъ святыню. Большевики окончательно ограбили меня, однако знакъ мнѣ удалось сохранить. Самъ я уже одной ногой въ могилѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы этотъ дорогой мнѣ знакъ украшалъ грудь его достойную. Прошу васъ не отказать его принять».

Онъ передалъ мнѣ серебрянный академическій знакъ. Я благодарилъ и спросилъ не могу ли быть чѣмъ нибудь полезень.

— «Благодарю васъ, я въ настоящее время устроился и зарабатываю уроками достаточно для своего пропитанія. Я привыкъ служить, работая полнымъ паромъ, теперь это особенно необходимо, однако здоровье и лѣта мнѣ такъ работать уже не позволяютъ, а обременять собою армію я не хочу. Долгъ же свой передъ родиной я выполнилъ, отправивъ въ ряды арміи трехъ сыновей. Двое изъ нихъ уже погибли».

Генераль откланялся. Я былъ глубоко тронутъ его посѣщеніемъ. 29-го іюня въ Петровъ день былъ у меня официальный обѣдъ для епископа, начальниковъ губерній, представителей администраціи и города. Въ тотъ же день вѣчеромъ я выѣхалъ въ Екатеринодаръ. Я хотѣлъ добиться присылки мнѣ наконецъ кубанскихъ пополненій.

Главкомандующій принялъ меня въ присутствіи генерала Романовскаго. Я доложилъ о ничтожномъ боевомъ составѣ полковъ, отсутствіи необходимыхъ пополненій, указавъ, что общая численность войскъ, входящихъ въ составъ арміи, столь незначительна, что совершенно не оправдываетъ существованіе много численныхъ штабовъ и что если части не будутъ пополнены, то казалось бы не обходимымъ свести нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ, расформировать рядъ штабовъ и самую армію свести въ корпусъ.

Главкомандующій сослался на то, что «ничего не можетъ подѣлать съ казаками», что «самостійники помогать не хотятъ...» Присутствующій при разговорѣ генераль Романовскій совѣтовалъ мнѣ самому «переговорить съ казаками». Я довольно рѣзко отвѣтилъ, что мое дѣло командовать арміей, вести же переговоры съ казаками не входитъ въ кругъ моей дѣятельности. Главкомандующій, видимо, желая прекратить разговоръ, предложилъ генералу Романовскому созвать совѣщаніе съ участіемъ моимъ, войскового и походнаго атамановъ. Я просилъ генерала Деникина о замѣнѣ полковника Лачинова болѣе подходящимъ лицомъ. Главкомандующій изъявилъ согласіе, предложивъ мнѣ переговорить съ временно исправлявшимъ должность начальника управленія внутреннихъ дѣлъ А. И. Пильцемъ.

Мы вышли отъ Главкомандующаго вмѣстѣ съ генераломъ Романовскимъ. Неожиданно онъ обратился ко мнѣ:

— «Я хотѣлъ переговорить съ вами, Петръ Николаевичъ, я замѣчаю за послѣднее время съ вашей стороны какое то недоброжелательное отношеніе, вы, какъ будто, насъ въ чемъ то упрекаете, между тѣмъ мы всячески стараемся вамъ помочь».

Я отвѣтилъ, что никакого недоброжелательства съ моей стороны нѣтъ, что если я подчасъ съ излишней горячностью и высказываю мои мнѣнія, то это исключительно отъ того,

что я не могу не дѣлить радостей и горестей моихъ войскъ и оставаться безучастнымъ къ тяжелому положенію арміи.

— «Я радъ, что мы объяснились», сказалъ генераль Романовскій. Мы рас цѣловались.

На слѣдующій день состоялось совѣщаніе съ казаками. Совѣщаніе происходило на квартирѣ генерала Науменко. Присутствовали генералы: Романовскій, Плющевскій-Плющикъ, атаманъ генераль Филимоновъ и генераль Науменко. Я изложилъ общую обстановку, далъ свѣдѣнія о боевомъ составѣ частей и данныя о необходимомъ количествѣ пополненій. Генераль Филимоновъ, не касаясь вопроса по существу, сталъ говорить о томъ, что казаки глубоко обижены несправедливымъ къ себѣ отношеніемъ, что давнишнія чаянія ихъ имѣтъ собственную Кубанскую армію, несмотря на неоднократныя обѣщанія генерала Деникина, не получили удовлетворенія, что, будь у казаковъ собственная армія, всѣ отъ мала до велика сами стали бы въ ея ряды. Генераль Романовскій возражалъ, между прочимъ указавъ, что среди кубанцевъ нѣтъ даже подходящего лица, чтобы стать во главѣ арміи. «Развѣ что Вячеславъ Григорьевичъ»²⁸ могъ быть командующимъ арміей», со скрытой ироніей добавилъ начальникъ штаба. Генераль Науменко поспѣшилъ заявить, что онъ самъ не считаетъ себя подготовленнымъ къ этой должности, но что въ замѣнѣ командующаго арміей нѣтъ и надобности. Командующій Кавказской арміей, которая состоитъ почти изъ однихъ кубанцевъ, хотя по рожденію и не казакъ, но имя его достаточно популярно среди кубанскаго казачества и оставленіе его во главѣ Кубанской арміи удовлетворило бы и «правительство» и казаковъ. Войсковой атаманъ поддерживалъ генерала Науменко.

Я рѣшилъ сразу покончить съ дѣломъ и разъ навсегда совершенно опредѣленно выяснить взглядъ мой на этотъ вопросъ.

— «Пока я командующій Кавказской арміей я не отвѣтствененъ за политику Кубани. Съ той минуты, какъ я явился бы командующимъ Кубанской арміей, арміей отдѣльнаго государственнаго образованія, я сталъ бы отвѣтствененъ за его политику. При настоящемъ же политическомъ направленіи Кубани, мнѣ, ставши во главѣ Кубанской арміи, осталось бы одно — скомандовать «взводами налѣво кругомъ» и разогнать Законодательную Радугу...»

Наступило общее смущенное молчаніе. Генераль Романовскій поспѣшилъ закончить совѣщаніе, прося атамана и генерала Науменко сдѣлать все возможное для скорѣйшей высылки въ мою армію пополненій. Ничего болѣе опредѣленнаго я добиться не могъ.

Мнѣ удалось получить согласіе Главнокомандующаго на оставленіе въ со ставѣ арміи впредь до завершения Камышинской операціи 2-ой Терской дивизіи и обѣщаніе присылки въ ближайшее время формируемыхъ на Кавказѣ Ингушской и Дагестанской конныхъ бригадъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, на время Камышинской операціи въ виду общности задачъ поставленныхъ моей и Донской арміямъ и тѣсно связанныхъ операцій правофланговыхъ донскихъ и моихъ частей, 1-ый донской отдѣльный корпусъ (3 и 4 донскія пластунскія и 10 и 14 конныя бригады) былъ въ оперативномъ отношеніи подчиненъ мнѣ. 1-ый донской корпусъ занималъ широкій фронтъ, имѣя ближайшей задачей занятіе желѣзнодорожнаго участка Красный-Яръ — Самойловка.

А. И. Пильцъ предложилъ мнѣ на должность Саратовскаго губернатора генераль-лейтенанта Ермолова, бывшаго губернатора Дагестанской области. Не имѣя своего кандидата, я не возражалъ, и генераль Ермоловъ вскорѣ прибылъ къ мѣсту службы.

Пробывъ въ Екатеринодарѣ четыре дня, я выѣхалъ въ Царицынъ.

Немедленно по занятіи Царицына я приказалъ выбрать позицію къ сѣверу отъ города и начать ея укрѣпленіе. Послѣдняя должна была преграждать подступы съ сѣвера къ Царицыну и къ станціи Гумракъ, позволяя использовать въ теченіе боевъ кольцеобразную желѣзнодорожную сѣть Царицынскаго узла. Уже черезъ нѣсколько дней рекогносцировка позиціи была закончена. Начинаясь у Волги, къ сѣверу отъ устья балки Мокрая Мечетка, позиція тянулась по сѣверному берегу этой балки, подходила къ желѣзной дорогѣ къ сѣверу отъ станціи Гумракъ и пересѣкая дорогу давала станціи Гумракъ еще нѣкоторое обезпеченіе съ сѣверо-запада. Балка Грязная, впадающая въ Мокрую Мечетку, съ сѣвера дѣлила позицію на два естественныхъ участка. Ближайшій тылъ позиціи, балка Мокрая Мечетка съ лежащими на днѣ балки селами Городище и Уваровка, давалъ надежное укрытіе отъ огня, но не былъ удобенъ для маневрированія. Я назначилъ начальникомъ работъ инженерныхъ войскъ генерала

²⁸ Генераль Науменко

Глаголева. Изъ плѣнныхъ сформированъ былъ рядъ рабочихъ дружинъ. Лѣсные матеріалы и огромные запасы проволоки, брошенные красными при отходѣ, имѣлись на мѣстѣ.

5-го іюля, узнавъ отъ перебѣжчиковъ, что расположенныя въ районѣ деревень Николаевка — Романовъ красноармейскія части готовы при нашемъ наступленіи сдать въ плѣнъ, части 1-ой конной дивизіи на разсвѣтѣ зашли со стороны деревни Николаевки въ тылъ 12-ому совѣтскому полку, который дѣйствительно послѣ небольшого сопротивления цѣликомъ сдался въ плѣнъ. Части дивизіи стремительно двинулись на Рыбинское, гдѣ захватили въ плѣнъ весь штабъ 2-ой совѣтской стрѣлковой бригады. Дивизія взяла въ этотъ день свыше 1 000 плѣнныхъ, около 30 пулеметовъ и большой обозъ.

Вплоть до 11-го іюля армія вела упорные бои, стремясь овладѣть подступами къ Камышину. 1-ый корпусъ сдерживалъ врага на фронтѣ островъ Большой — Варкинъ — Щепкинъ — Липовка; 4-ый, выйдя долиной рѣки Иловли во флангъ и тылъ непріятельской позиціи, угрожалъ непосредственно Камышину. Къ противнику все время продолжали подходить свѣжія части. Я приказалъ 2-ому корпусу выдвинуться изъ моего резерва на присоединеніе къ 1-ому. Части 2-го корпуса 6-го іюля начали сосредотачиваться въ Балыклеѣ.

Къ вечеру 11-го іюля части арміи, произведя перегруппировку, заняли исходное для атаки противника положеніе. Атака была назначена на разсвѣтѣ 12-го іюля. Войскамъ ставилась задача: атаковать и разбить противника, стремясь прижать его къ рѣкѣ Волгѣ и овладѣть Камышиномъ. Войска расположились: 1-ый корпусъ — противъ укрѣпленной позиціи противника, тянувшейся отъ берега Волги черезъ Варкинъ, Щепкинъ на Липовку. 2-ой корпусъ у Балыклеи; 4-ый корпусъ — на правомъ берегу рѣки Иловли на фронтѣ Рыбинское — Романовъ, уступомъ впереди лѣваго фланга 1-го корпуса.

Въ то время, какъ части арміи готовились къ нанесенію рѣшительнаго удара противнику подъ Камышиномъ, отрядъ 1-го корпуса, занявшій 28-го іюля на лѣвомъ берегу Волги хутора Балыклейскіе, успѣшно продвинулся впередъ. Однако, 2-го іюля противникъ, перейдя въ наступленіе, отгѣснилъ отрядъ. Послѣдній понесъ большія потери и тѣснимый противникомъ вынужденъ былъ быстро отходить на югъ. 6-го іюля онъ былъ уже у Водяного. Быстрый отходъ лѣвобережнаго отряда 1-го корпуса обнажилъ флангъ нашей Камышинской группы и создалъ угрозу тылу 3-ей кубанской дивизіи, удачно продвигавшейся къ юго-востоку и успѣвшей овладѣть уже посадомъ Царевъ и Капустинимъ Яромъ. Развѣзды 3-ей дивизіи уже подходили къ желѣзной дорогѣ Саратовъ — Астрахань.

Для обезпеченія тыла Камышинской группы и 3-ей кубанской дивизіи на лѣвый берегъ Волги въ село Безродное спѣшно былъ переправленъ отрядъ подъ командой полковника Львова, въ составѣ батальона стрѣлковаго полка 3-ей кубанской дивизіи, двухъ конныхъ дивизионовъ, сформированныхъ изъ добровольцевъ Заволжья, и одной батареи. Отрядъ полковника Львова, перейдя въ наступленіе, уже 8-го іюля занялъ деревню Широкое и погналъ противника далѣе на сѣверъ.

На разсвѣтѣ 12-го іюля части арміи атаковали красныхъ. Группа генерала Покровскаго (1-ый и 2-ой кубанскіе корпуса), стремительно атаковавъ противника съ юга, сбила его на всемъ фронтѣ его укрѣпленной позиціи и погнала на сѣверъ. Преслѣдуя красныхъ, части группы уже къ 12-ти часамъ вышли на лицію Караванка — Романовка — 6 верстъ сѣверо-западнѣ Ежовки, захвативъ при этомъ болѣе 1 000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы. 4-ый конный корпусъ, совмѣстно съ 10-ой донской конной бригадой, имѣвшей задачей, дѣйствуя долиной рѣки Иловли въ обходъ Камышинской группы противника съ сѣвера, нанести главный удар своимъ правымъ флангомъ, въ 3 часа утра атаковалъ красныхъ, занимавшихъ позицію на высотахъ лѣваго берега ручья Березовый, сбиль ихъ и сталъ преслѣдовать на Саломатино — Таловку, которыя и занялъ, захвативъ при этомъ болѣе 2 000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы.

13-го — 14-го іюля бой подъ Камышиномъ продолжался съ тѣмъ же успѣхомъ. Части группы генерала Покровскаго, тѣсня упорно сопротивлявшагося и старавшагося задержаться на каждомъ рубежѣ врага, отбросили его за рѣку Сестренку. 2-ая терская дивизія овладѣла желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ рѣку Иловлю, заняла деревни Грязнуха и Ельховка, откуда продолжала преслѣдованіе красныхъ на Ельшанку. Бой отличался крайнимъ ожесточеніемъ, красные дрались отчаянно, не сдаваясь въ плѣнъ. Плѣнныхъ захвачено было всего лишь около 500 человекъ.

Въ то же время 4-ый конный корпусъ, двигаясь изъ района Саломатино — Костарево, гналъ передъ собой противника долиною рѣки Иловли. 14-го іюля части корпуса заняли районъ

Барановское — Кокушкинъ и продолжали движеніе на деревню Дубовку, стремясь перехватить всѣ пути отхода противника къ сѣверу отъ Камышина.

10-ая донская конная бригада къ тому же времени заняла деревню Моисеево.

15-го іюля подъ сокрушительными ударами группы генерала Покровскаго паль Камышинъ.

Противникъ, окруженный со всѣхъ сторонъ и прижатый къ Волгѣ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Многія его части были почти полностью уничтожены²⁹.

Между тѣмъ, на фронтѣ 1-го донского корпуса шла борьба съ переменнымъ успѣхомъ за обладаніе участкомъ желѣзной дороги Красный Яръ — Самойловка. 14-ая конная бригада полковника Голубинцева, съ трудомъ преодолевая упорное сопротивление врага, двигалась долиною рѣки Медвѣдицы, имѣя задачей овладѣніе Краснымъ Яромъ. Донскіе же пластуны дѣйствовали на широкомъ 70-ти верстномъ фронтѣ желѣзной дороги.

На лѣвомъ берегу Волги генераль Мамоновъ, успѣшно продвигаясь впередъ, овладѣлъ Владимировкой и станціей Ахтуба, выйдя на желѣзную дорогу. Его разъѣзды въ районѣ станцій Эльтонъ и Шунгай взорвали желѣзнодорожную линію Саратовъ — Астрахань и захватили одинъ эшелонъ слѣдовавшихъ къ Астрахани пополненій.

Къ сожалѣнію, Астраханская операція генерала Эрдели развивалась очень, медленно. Пустынная, безводная мѣстность чрезвычайно затрудняла движеніе нашихъ войскъ, а болотистыя русла многочисленныхъ притоковъ Волги, представляя чрезвычайно трудно преодолимое препятствіе, надежно прикрывали Астрахань.

Въ серединѣ іюля въ районѣ Эльтонскихъ озеръ части генерала Мамонова вошли въ связь съ уральцами. Разъѣздъ уральскихъ казаковъ пересѣкшій на пространствѣ ста съ лишнимъ верстъ пустынную степь, соединился съ нашими частями. Уральцы много мѣсяцевъ вели тяжелую борьбу, чрезвычайно страдали, почти не имѣя снабженія, и всячески просили имъ помочь³⁰. Я далъ еще ранѣе указанія, по овладѣнію Камышиномъ, 2-ой кубанской дивизіи генерала Говорушенко переправиться на лѣвый берегъ Волги, съ цѣлью войти въ соединеніе съ уральцами. Однако, почти въ тотъ же день оперативная сводка штаба главно командующаго принесла извѣстіе о тяжелыхъ неудачахъ на фронтѣ адмирала Колчака. Оренбургцы были разбиты и частью положили оружіе. Уральцы послѣшно отходили на востокъ. Одновременно я получилъ телеграмму генерала Романовскаго:

«Для доклада Главнокомандующему прошу спѣшно сообщить чѣмъ вызвана переброска отряда генерала Говорушенко на лѣвый берегъ Волги. Переброска столь крупнаго отряда въ связи съ необходимостью выдѣленія Терской дивизіи и возвращенія донцамъ ихъ 1-го корпуса слишкомъ ослабитъ части арміи на главномъ операціонномъ направленіи. Таганрогъ, 16 іюля Нр 010276. Р о м а н о в с к и й ».

Еще 14-го іюля генераль Шатиловъ телеграфировалъ генералу Плющевскому-Плющикъ:

«Командармъ проситъ срочныхъ распоряженій Наштаглава Добрарміи о скорѣйшемъ командированіи Кавармію 2 пластунской бригады. Крайняя необходимость въ ней вызывается какъ большими потерями понесенными частями дѣйствующими противъ Камышина, такъ и тѣмъ, что операція на правомъ берегу Волги противъ Камышина можетъ получить полное развитіе, а достигнутые успѣхи закрѣплены лишь при одновременныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ берегу рѣки для чего необходимо усиленіе Каварміи новыми частями. 7 дивизія, перекинутая съ фронта Каварміи, уже введена въ бой подъ Константиноградомъ, а замѣняемая ею 2 бригада до сего времени въ Кавармію не прибыла. Царицынъ 14 іюля 1919 года Нр 01513.

Ш а т и л о в ъ ».

Съ выдѣленіемъ изъ состава арміи терцевъ, изыятіемъ донцовъ и неприбытіемъ несмотря на многократныя напоминанія, взамѣнъ 7-ой дивизіи, обѣщанной мнѣ 2-ой кубанской

²⁹ Въ трехдневную операцію подъ Камышиномъ было взято около 13 000 плѣнныхъ, 43 орудія и много пулеметовъ. Въ Камышинѣ было захвачено 12 паровозовъ, болѣе 1 000 вагоновъ, большое количество снарядовъ и патроновъ, 3 вагона шанцевого имущества и другіе большіе запасы.

³⁰ Хотя съ февраля штабъ Главнокомандующаго и находился съ Уральцами въ связи, доставляя самое необходимое черезъ Петровскъ, но непосредственной, войсковой связи доселѣ установить не удавалось.

пластунской бригады, составъ моей арміи остался столь малочисленнымъ, что о переброскѣ какихъ либо частей на лѣвый берегъ Волги думать уже не приходилось.

Я телеграфировалъ генералу Романовскому въ Таганрогъ, куда только что — перешла ставка (штабъ генерала Май-Маевского переходилъ въ Харьковъ).

«Переброска частей генерала Говорущенко на лѣвый берегъ Волги имѣла цѣлью скорѣйшее соединеніе съ войсками Верховнаго Правителя и намѣчалась въ связи съ передачей составъ Каварміи 1-го донского корпуса и обѣщаннымъ прибытіемъ 2 пластунской бригады, о началѣ переброски которой Каварміи я былъ телеграфно увѣдомленъ. Отходъ уральцевъ на востокъ и намѣчаемая передача донцамъ вновь 1-го корпуса, задержаніе Добрарміей 2 пластунской бригады и приказаніе направить туда же терцевъ конечно въ корнѣ мѣняютъ положеніе. При этихъ условіяхъ не только перебросить что либо на лѣвый берегъ Волги въ районѣ Камышина не могу, но отъ всякой активности на сѣверномъ направленіи вынужденъ отказаться. Боевой составъ арміи (6 дивизія въ бой введена быть не можетъ) таковъ что при указаніи дѣйствовать одновременно и на Астраханскомъ и на Саратовскомъ направленіяхъ послѣднее направленіе могу лишь наблюдать. Царицынъ 16 іюля 1919 Нр 01549. В р а н г е л ь ».

На слѣдующій день 17-го іюля по полученіи извѣстій о взятіи Добровольческой арміей Полтавы, я телеграфировалъ генералу Романовскому.

«2 пластунская бригада была мнѣ обѣщана взамѣнъ 7 дивизіи еще мѣсяць тому назадъ. Нр 010275 Вы сообщаете что она будетъ переброшена Кавармію по взятіи Полтавы. Нынѣ Полтава взята — могу ли на сей разъ разчитывать на исполненіе обѣщанія. Переходъ противника въ наступленіе значительными силами противъ генерала Мамонова при отсутствіи въ Царицынѣ резервовъ грозитъ свести на нѣтъ всю заволжскую операцію и прекратить всякій подвозъ по Волгѣ. Царицынъ 17 іюля Нр 01559. В р а н г е л ь ».

Въ тотъ же день я получилъ телеграмму послѣдняго:

«Директива Главкома Нр 08878 остается безъ измѣненія. Главной задачей Каварміи этой директивой ставится выходъ на линію Саратовъ, Ртищево, Балашовъ и дальнѣйшее наступленіе на сѣверъ. Связь съ уральцами и очищеніе нижняго плеса Волги являются второстепенными задачами. 2 терская дивизія оставлена Каварміи до взятія Камышина почему теперь подлежитъ немедленной переброскѣ въ Добрармію откуда съ переброской терцевъ немедленно пойдетъ въ Кавармію 2 пластунская бригада. Телеграммой 0145 1 донской корпусъ включенъ въ составъ Каварміи на время операціи въ районѣ Камышинъ — Балашовъ что и надлежитъ имѣть въ виду. Отрядъ полковника Голубинцева Главкомъ приказалъ вернуть Донарміи въ первую очередь при первой къ тому возможности. Таганрогъ 17 іюля 1919 года Нр 010306. Р о м а н о в с к і й ».

Лично данное мнѣ 20-го іюля Главнокомандующимъ обѣщаніе выслать мнѣ, взамѣнъ передаваемой въ Добровольческую армію 7-ой пѣхотной дивизіи, 2-ую кубанскую пластунскую бригаду опять не выполнялось. Сперва бригада, о началѣ переброски которой на мой фронтъ я былъ уже ставкой телеграфно увѣдомленъ, была задержана впредь до овладѣнія войсками генерала Май-Маевского Полтавой. Нынѣ Полтава была взята, а генералъ Романовскій увѣдомлялъ меня, что пластуны задерживаются до прибытія изъ состава моей арміи 2-ой терской казачьей дивизіи. Я попрежнему не могъ разчитывать на данныя мнѣ Главнокомандующимъ обѣщанія.

Кубань все еще пополненій не присылала. Некомплектъ въ полкахъ достигъ громаднхъ размѣровъ. Полки насчитывали не болѣе 300 — 400 шашекъ. Нѣкоторые и того меньше. Огромный некомплектъ былъ и въ пластунскихъ частяхъ. 6-ая дивизія не закончила формированіе. Прибывшіе ингуши и дагестанцы были совершенно не боеспособны. Люди необучены, не хватало сѣдель, не было вовсе шашекъ. Лошади въ конницѣ и артиллеріи были окончательно измотаны. Нѣкоторыя 4-хъ орудійныя батареи пришлось свести въ 2-хъ орудійныя. Матеріальная часть пришла въ полное разстройство. Между тѣмъ противникъ сосредотачивалъ къ Саратову, на поддержку отступающимъ вдоль Волги краснымъ частямъ,

новыя свѣжія силы. Послѣднія брались частью изъ внутреннихъ губерній, частью снимались съ Сибирскаго фронта.

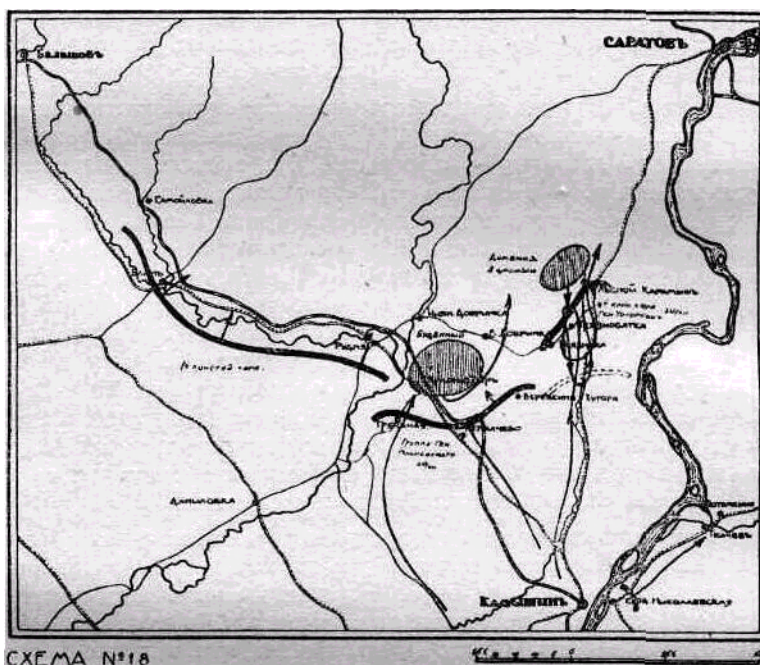
Ставка требовала продолженія нашего наступленія, не желая считаться ни съ какими доводами. По овладѣнію Камышиномъ, генераль Романовскій вызвалъ меня къ аппарату и лично передалъ указанія Главнокомандующаго преслѣдованіе энергично продолжать. Я ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что въ ближайшее время, несмотря на всю доблесть частей, наступленіе наше захлебнется. Требуя отъ моихъ войскъ выполненія указанія Главнокомандующаго, я въ то же время принималъ всѣ мѣры на случай необходимости нашего отхода, всячески торопилъ работы по укрѣпленію Царицынской позиціи, требовалъ принятія мѣръ по завершенію формированія 6-ой пѣхотной дивизіи. Во главѣ послѣдней былъ поставленъ храбрый и дѣятельный генераль Писаревъ. Я неустанно телеграфировалъ кубанскому войсковому и походному атаманамъ и предсѣдателю Законодательной Рады, требуя присылки подкрѣплений. По соглашенію Главнокомандующаго съ кубанскимъ правительствомъ, довольствіе Кавказской арміи приняло на себя послѣднее. Кубань, взятое на себя обязательство, выполняла самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. На мои жалобы кубанское правительство оправдывалось, ссылаясь на какіе то денежные расчеты свои съ главнымъ командованіемъ. Обращенія въ ставку оставались безъ отвѣта.

Изъ писемъ изъ Екатеринодара и отъ пріѣзжающихъ оттуда лицъ, я зналъ, что въ ставкѣ мною очень недовольны. Генераль Романовскій громко обвинялъ меня въ «оппозиціи» главному командованію. Это служило камертономъ и для прочихъ чиновъ штаба. Не сомнѣваюсь, что значительную роль играли здѣсь секретныя сводки и «информациі вверху» пресловутаго Освага. Чья то незримая рука искусно вела закулисную игру. Еще въ бытность мою въ Ростовѣ мнѣ попалась въ руки одна изъ секретныхъ информационных сводокъ донскаго штаба. Отмѣчая благожелательное ко мнѣ отношеніе мѣстнаго населенія, она упоминала вскользь «что среди обывателей ходятъ слухи, что въ ближайшее время генераль Врангель явится преемникомъ генерала Деникина». Я тогда же, показывая сводку генералу Юзefовичу, сказалъ ему, что фраза эта помѣщена не спроста, а несомнѣнно съ задней мыслью вселить въ Главнокомандующемъ предубѣжденіе противъ ближайшихъ помощниковъ. Впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что подозрѣнія мои были вполне основательны и что чья то злая воля удачно использовала слабыя струны Главнокомандующаго.

Въ то время, какъ на фронтѣ не прекращались ожесточенные бои, въ тылу арміи постепенно налаживался мирный укладъ жизни. Въ городѣ открылись рядъ магазиновъ, кинематографы, кафе. Царицынъ ожилъ. Первое время имѣли мѣсто столь свойственные прифронтовымъ городамъ картины разгула тыла, скандалы и пьяные дебоши. Однако, учитывая все зло, могущее явиться слѣдствіемъ этого, я, не останавливаясь передъ жестокими мѣрами, подавилъ безобразіе въ самомъ корнѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что нѣсколько офицеровъ, во главѣ съ астраханскимъ есауломъ, учинили въ городскомъ собраніи громаднѣйшій дебошъ со стрѣльбой, битьемъ оконъ и посуды, во время котораго неизвѣстно какимъ образомъ пропала часть столоваго серебра, я предалъ ихъ всѣхъ военно-полевому суду по обвиненію въ вооруженномъ грабежѣ. Судъ приговорилъ есаула, извѣстнаго пьяницу и дебошира къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, а остальныхъ къ низшимъ наказаніямъ. Несмотря на многочисленныя обращенія ко мнѣ ходатайства губернатора, астраханскаго войскаго штаба и ряда лицъ, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе и соотвѣтствующій мой приказъ расклеенъ во всѣхъ общественныхъ и увеселительныхъ мѣстахъ города. Послѣ этого случая пьянство и разгулъ сразу прекратились.

Обезпokoенные дѣйствіями генерала Мамонова на лѣвомъ берегу Волги красные, подвезя изъ Саратова свѣжія силы, перешли противъ него въ наступленіе, однако, ничего сдѣлать съ нашими доблестными частями не могли и сами понесли рядъ тяжелыхъ поражений, причеиъ 3-ья кубанская дивизія захватила много плѣнныхъ и пулеметовъ.

Между тѣмъ, части арміи, произведя послѣ взятія Камышина перегруппировку, продолжали преслѣдованіе разбитой арміи красныхъ. Согласно новой группировки 4-му конному корпусу ставилась задача наступать на сѣверъ вдоль саратовскаго тракта, а группѣ генерала Покровскаго дѣйствовать противъ конной группы «товарища» Буденнаго, сосредоточившейся въ районѣ Краснаго Яра. Лѣвобережный отрядъ полковника Львова занялъ слободу Николаевскую противъ города Камышина, выдвинувъ впередъ на Ткачевъ-Потемкино сильную развѣдку. (Схема № 18)

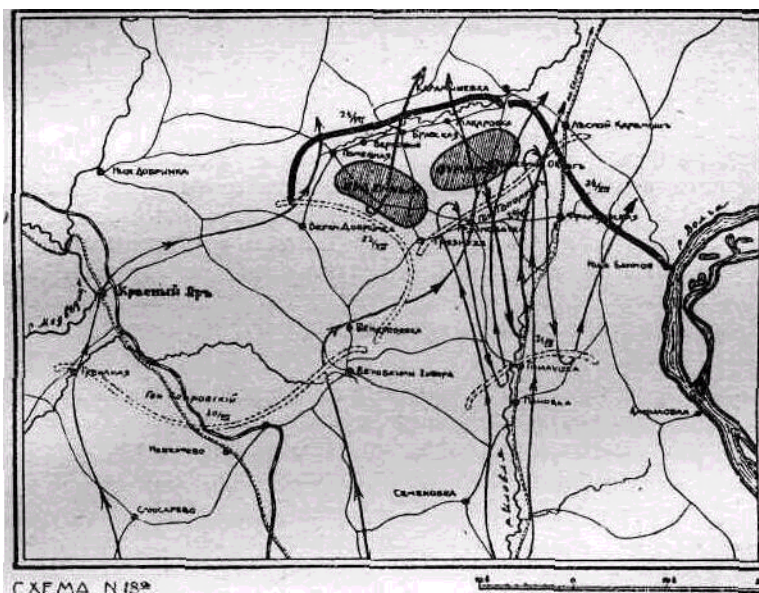

Преслѣдованіе красныхъ, не взирая на усталость людей и лошадей, вслѣдствіе безостановочныхъ походовъ и непрерывныхъ боевъ, все еще велось съ такой стремительностью, что уже 20-го іюля части арміи, гоня передъ собой противника достигли линіи: 4-ый корпусъ — деревни Лѣсной Карамышь — Грязноватка — Грязнуха; группа генерала Покровскаго — Веревкины хутора — Неткачево — Гречаная. Я продолжалъ бить тревогу, требуя подкрѣплений. 20-го іюля я телеграфировалъ генералу Науменко и генералу Романовскому:

«Некомплекта въ полкахъ достигъ угрожающихъ размѣровъ. Настоятельно прошу принять самыя срочныя мѣры присылки конныхъ пополненій въ противномъ случаѣ сведеніе всѣхъ кубанцевъ въ одинъ корпусъ неминуемо. Царицынь 20 іюля 1919 года Нр 01613. Врангель».

20-го іюля противникъ перешелъ въ контръ-атаку. (Схема № 18а). 4-ый конный корпусъ былъ атакованъ большими силами красной конницы «товарища» Думенко. Послѣ упорнаго боя, понеся большія потери въ людяхъ и конскомъ составѣ и потерявъ часть своей артиллеріи (3 орудія), генераль Топорковъ вынужденъ былъ отойти назадъ въ районъ Пановка — Гнилушка. На слѣдующій день генераль Топорковъ снова перешелъ въ наступленіе и хотя и отбросилъ противника, но самъ вновь понесъ большія потери. 22-го іюля я телеграфировалъ Главнокомандующему и Кубанскому войсковому атаману:

«Вчера генераль Топорковъ въ районѣ Гнилушки принялъ ударъ обѣихъ дивизій конницы Думенко. Генераль Топорковъ доноситъ что хотя неизмѣнной доблестью кубанскихъ частей противникъ отраженъ, получивъ жестокий урокъ, но и кубанцы вновь понесли тягчайшія потери. Во избѣжаніе перехода всей арміи вслѣдствіе истощенія къ оборонѣ не использовавъ успѣха, необходимъ рядъ самыхъ срочныхъ мѣръ для высылки немедленно Кубанью конныхъ пополненій. Царицынь 22 іюля 1919 года. Нр 01664. Врангель».

Группа генерала Покровского, занявшая Красный Яр и выдвинувшаяся к 22-му июля на линию деревень Тетереватка — Грязнуха — В. Добринка, также столкнулась с превосходными силами красной конницы. В течение трехдневных, 22 — 24 июля, упорных боев, генерал Покровский разбил конницу Буденного. К вечеру 24-го июля части армии вышли на линию Ниже Банное — Французская — Карамышевка — Верховье — Помедная — Добринка. Этот новый успех стоил нам очень дорого. Части понесли большие потери, и особенно значительные потери были среди командного состава. Силы армии были надломлены.

1-ый донской корпус продолжал вести борьбу с красными за обладание железной дорогой на участке Самойловка — Красный Яр. Борьба эта велась с переменным успехом. Однако 22 — 25 июля на донском фронте обозначилось значительное усиление противника. Последний перешел в наступление и, обрушившись 22-го июля на 3-ью донскую пластунскую бригаду, отбросил ее от железной дороги и отбросил ее затем на долину реки Бузулук. 25-го июля красные, наступая долиною реки Медведицы, атаковали 14-ую конную бригаду полковника Голубинцева, овладевшую около 20-го июля участком железной дороги ст. Медведица — ст. Ильменская и действовавшую весьма успешно севернее дороги.

На фронте адмирала Колчака противник продолжал одерживать крупные успехи, преследуя отступающих по всему фронту войска Верховного Правителя.

Учитывая опасность, в случае занятия нами Саратова, противник, используя свои успехи на восток, снимал с Сибирского фронта ряд дивизий, спешно перебрасывая их к Саратову. Из внутренних городов России непрерывно подходили свежие пополнения. Спешно производилась мобилизация в прифронтовой полосе.

Напрягая крайнюю энергию, красные в середине июля успели сосредоточить в Саратов большую часть своей II-ой армии. Силы, которыми располагал противник, достигали 40 000, превосходя численностью мою армию во много раз. Результаты ошибочной стратегии главного командования начинали сказываться. Предложенный мною по освобождению Северного Кавказа план — освободившиеся по завершении Кавказской операции наши силы использовать на Царицынском направлении, дабы соединиться с силами адмирала Колчака — был Главнокомандующим отвергнут. Вместо этого Кавказская армия была переброшена в Донецкий бассейн. Сложившаяся независимо от нас общая обстановка вынудила нас в конце апреля сосредоточить значительные силы на Царицынском направлении, но драгоценное время было уже потеряно, противник получил возможность, действуя по внутренним операционным линиям, сосредоточить свои силы на Восточном фронте, разбить армию Верховного Правителя и освободившимися силами обратиться на нас.

25-го июля я на автомобиль с начальником штаба выехал в Камышин. Чем дальше продвигались мы на север от Царицына, тем больше местность представляла собою характерные черты средней полосы России. Вид деревенских построек, характерный великорусский говор крестьян, все это резко отличалось от Кавказа и Задонья.

26-го вечеромъ мы выѣхали изъ Камышина по желѣзной дорогѣ до станціи Неткачево, откуда пробѣжали въ деревню Грязнуха, гдѣ находился штабъ генерала Покровскаго. Осмотрѣвъ расположенныя въ резервѣ части, мы пробѣжали съ генераломъ Покровскимъ въ Каменный Оврагъ къ генералу Топоркову. Я хотѣлъ совмѣстно съ начальникомъ штаба и командирами корпусовъ обсудить общее положеніе. Послѣднее складывалось для насъ весьма неблагоприятно. Значительно усилившейся, превосходящей насъ во много разъ численностью, противникъ долженъ былъ ежечасно перейти въ наступленіе и наши части должны были неминуемо быть отброшены къ югу. Единственный нашъ коммуникаціонный путь — Волга — былъ подъ ударами врага. Наша транспортная флотилія состояла всего изъ двухъ захваченныхъ нами въ Царицынѣ буксировъ, весьма слабой силы. На своевременный подход подкрѣпленій рассчитывать было нельзя. При значительномъ удаленіи отъ базы и отсутствіи путей подвоза, артиллерійское снабженіе пришло въ разстройство. Вплоть до Царицына подготовленныхъ узлокъ сопротивленія не было. Войска, отброшенные къ югу, неминуемо должны были сотни верстъ катиться назадъ. Имѣй мы силы продолжать наступленіе и атаковать противника въ Саратовѣ, не давъ ему закончить сосредоточеніе, обстановка могла бы круто измѣниться въ нашу пользу. Однако, въ настоящихъ условіяхъ объ этомъ ничего было и думать. Не только продолжать наступленіе, но и рассчитывать продолжительное время удержаться на настоящихъ позиціяхъ мы не могли. Надо было думать лишь о томъ, чтобы сберечь армію впредь до прибытія подкрѣпленій и возможности съ помощью ихъ перейти въ контръ-наступленіе.

На военномъ совѣщаніи 27-го іюля было принято рѣшеніе въ случаѣ перехода противника въ общее наступленіе избѣгать рѣшительныхъ боевъ и медленно отходить, задерживаясь на каждомъ рубежѣ, лишь нанося короткіе удары врагу, съ цѣлью выигрыша времени.

27-го іюля я вернулся въ Камышинъ, откуда телеграфировалъ Главнокомандующему:

«Противникъ продолжаетъ спѣшно сосредотачивать части къ Саратову: съ Уральскаго фронта перебросана 22 стрѣлковая дивизія, изъ Нижняго Новгорода отрядъ волжскихъ матросовъ, изъ Казани и Самары 16 легкихъ и тяжелыхъ батарей, прибыло изъ внутреннихъ губерній шесть тысячъ пополненія, за счетъ которыхъ возстановлены вторая бригада второй дивизіи и полностью 38 дивизія, сформированы въ саратовскомъ районѣ 2 бригада 34 дивизіи, 5-ая отдѣльная стрѣлковая бригада и Николаевскій батальонъ.

Обстановка повелительно требуетъ полного использованія камышинской побѣды и неустаннаго продвиженія на Саратовъ дабы не дать краснымъ закончить сосредоточеніе и вырвать у насъ инициативу. Однако, полное разстройство снабженія вслѣдствіе невозможности имѣть впредь до паденія Астрахани водный транспортъ, крайнее истощеніе частей Каварміи сдѣлавшей за три мѣсяца съ непрерывными боями болѣе тысячи верстъ и огромный некомплектъ въ единственно боеспособныхъ кубанскихъ частяхъ исключаетъ возможность дальнѣйшаго продвиженія Каварміи на Саратовъ. На военномъ совѣтѣ комкоровъ, собранномъ мною вчера въ Каменномъ Оврагѣ, дальнѣйшее продвиженіе на сѣверъ единогласно признано невозможнымъ. Съ болью въ сердцѣ вынужденъ отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія Каварміи и отдать директиву Нр 01226. На поддержку съ верной группы Каварміи выдвигаю три полка 6-ой дивизіи прибытіе которыхъ на фронтъ могу ожидать не ранѣе 15 августа — части съ тяжестями слѣдуютъ походомъ. Камышинъ 28 іюля 1919 года Нр 193/ш.

В р а н г е л ь » .

Горькое чувство овладѣло мною. Я ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что ошибочная стратегія Главнокомандующаго неминуемо сведетъ на нѣтъ всѣ наши военные успѣхи, достигнутые такой дорогой цѣной. Второй уже разъ успѣхи моей арміи сводились на нѣтъ тѣмъ, что, легшія въ основу оперативнаго плана, общанія Главнокомандующаго передачи мнѣ силъ, необходимыхъ для успѣшнаго завершенія операціи, не выполнялись. Сосредоточивъ все вниманіе на казавшемся ему главнѣйшимъ «Московскомъ» направленіи — главное командованіе удѣляло Добровольческой арміи всѣ свои заботы. Нелады между Главнокомандующимъ и Кубанскимъ правительствомъ тяжело отражались на снабженіи моихъ частей. Низшіе органы штаба Главнокомандующаго проявляли въ отношеніи нуждъ далекой сердцу генерала Деникина Кавказской арміи полную невнимательность.

29-го іюля я обратился къ Главнокомандующему съ офіціальнымъ письмомъ:

«Командующій
Кавказской Арміей
29 іюля 1919 года
№ 3. г.
г. Камышинъ.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

Въ минуту казавшейся неизбѣжной гибели Великой Россіи, когда Армія развалилась, общество трусливо попряталось по угламъ и обезумѣвшій народъ грабилъ и жегъ Родную Землю, Вы подняли выпавшее изъ рукъ убитаго генерала Корнилова знамя «спасенія Родины». Подъ сѣнь этого знамени стекались тѣ, кто не потерялъ еще вѣры въ спасеніе Россіи, кто, вѣря въ Васъ, шелъ за Вами на служеніе Родной Землѣ.

Въ числѣ ихъ былъ и я. Скоро годъ, какъ я въ рядахъ Арміи иду за Вами, страдая душой при видѣ потоковъ русской крови, пролитыхъ братской рукой, при видѣ мерзости запустѣнія Родной Земли, но незыблемо вѣря въ свѣтлое будущее Россіи. Служа съ Вами одному великому дѣлу, являясь нынѣ однимъ изъ Вашихъ ближайшихъ помощниковъ и проживъ цѣлый годъ въ рядахъ водимыхъ Вами войскъ, я связанъ съ Вами, какъ солдатъ. Какъ человѣкъ, я обязанъ Вамъ тѣмъ неизмѣнно сердечнымъ отношеніемъ, которое особенно чувствовалъ во время перенесенной мною смертельной болѣзни.

Всю жизнь свою я честно и прямо высказывалъ свои убѣжденія и, будучи связанъ съ Вами, и какъ служившій подъ Вашимъ начальствомъ солдатъ, и какъ человѣкъ искренно Вамъ преданный, почиталъ бы безчестнымъ нынѣ затаить «камень за пазухой» и не высказать Вамъ все, что наболѣло у меня на душѣ.

6-го мая моя армія разбила противника подъ Великокняжеской и погнала его къ Царицыну. Учтывая значеніе послѣдняго, красные дѣлали отчаянныя усилія зацѣпиться за одинъ изъ многочисленныхъ естеетвенныхъ рубежей, спѣшно укрѣпляя ихъ и одновременно лихорадочно перебрасывая къ Царицыну подкрѣпленія. Отходя, противникъ портилъ желѣзную дорогу, взрывая желѣзнодорожныя сооруженія и мосты, унося стрѣлки и т. д. Мѣстность, и безъ того скудная средствами, противникомъ при уходѣ опустошалась, скотъ угонялся и запасы сѣна сжигались. Передъ мною стояла задача: или продвигаться по мѣрѣ исправленія желѣзнодорожнаго пути и налаживанія своего тыла, послѣдовательно сбивая противника съ ряда рубежей, или, полностью использовавъ успѣхъ, гнать врага безостановочно моей конницей, съ тѣмъ, чтобы подъ Царицыномъ свѣжими силами нанести ему сокрушительный ударъ.

Я принялъ послѣднее рѣшеніе. 8-го мая, докладывая Вамъ въ Торговой мои соображенія о предстоящей операціи, я просилъ своевременно усилить меня техническими средствами, артиллеріей и пѣхотой, что и было мнѣ обѣщано. Трехнедѣльный походъ съ непрерывными тяжелыми боями армія совершила по безлюдной и мѣстами безводной степи. Такъ какъ я былъ переброшенъ на Великокняжеское направленіе наканунѣ операціи лишь съ нѣсколькими лицами оперативнаго отдѣленія штаба Кавказской Добровольческой арміи, весь же штабъ этой арміи, во главѣ коей я ранѣе стоялъ, и, въ частности, отдѣлъ снабженія были переданы генералу Май-Маевскому, — снабженіе войскъ, дѣйствовавшихъ на Царицынскомъ направленіи, особенно страдало. Сплошь и рядомъ батареи въ разгарѣ боя прекращали огонь за неимѣніемъ снарядовъ; первая колонна генерала Улагая десять дней наступала, не имѣя ни одного сухаря; раненые отправлялись въ тылъ за 800 верстъ воловьими подводами... Не взирая на лишенія и тяжелыя потери, войска шли безтрепетно впередъ. По мѣрѣ продвиженія моихъ войскъ я неустанно просилъ ускорить присылку обѣщанныхъ мнѣ подкрѣпленій, болѣя душой за каждый утеранный день.

Мы овладѣли укрѣпленной позиціей противника на рѣкѣ Есауловскій Аксай и, донося Вамъ о новомъ успѣхѣ и вновь прося о подкрѣпленіяхъ, я писалъ: «то, что нынѣ можетъ быть достигнуто цѣною малой крови, въ будущемъ потребууетъ потоковъ ея и источникъ ея можетъ изсякнуть», «сегодняшній успѣхъ обратится въ Пиррову побѣду».

На слѣдующій день я вновь телеграфировалъ: «за всю Сѣверокавказскую операцію я не просилъ у Васъ ни одного человѣка, нынѣ рѣшаюсь на это въ сознаніи полной необходимости...»

Я получил уклончивый отвѣтъ, что подкрѣпленія мнѣ могутъ быть даны лишь за счетъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Астраханскомъ направленіи, что пріостановить «успѣшно развивающуюся операцію», а скорѣе генераль Романовскій увѣдомилъ меня телеграфно, что мнѣ высылаются танки, на артиллерию же и пѣхоту я рассчитывать не могу.

Желѣзная дорога не была еще восстановлена, танки къ подходу арміи къ Царицыну поспѣть не могли, да и одной конницей, при отсутствіи пѣхоты въ арміи, хотя бы съ помощью танковъ, овладеть Царицыномъ я рассчитывать не могъ. Весь походъ къ Царицыну я шель съ моими частями, живя съ ними одной жизнью и сплошь и рядомъ ночуя въ полѣ среди войскъ. Я ясно видѣлъ, что лишь надежда на скорый конецъ страданій, лишь близость богатаго Приволжья даетъ имъ силу, пренебрегая лишеніями, бить врага... Сзади насъ стояла 200-верстная пустыня, 75 верстъ впереди былъ обѣщанный войскамъ Царицынъ. Выхода не было, — я съ неизъяснимой болью въ сердцѣ продолжалъ вести мои войска черезъ пустыню къ могилѣ, остановиться у края которой уже не могъ...

Ободранные, изголодавшіеся и обезкровленные войска подошли къ Царицыну. Двухдневныя упорнѣйшія атаки разбились о сильнѣйшую технику и подавляющую численность врага и арміи, какъ ломовая лошадь, стала, съ трудомъ переводя дыханіе... Ударная группа генерала Шатилова изъ 4-го коннаго корпуса и двухъ дивизій 1-го и 2-го кубанскихъ корпусовъ потеряла за первый лишь день атаки болѣе 1 000 человекъ. Къ вечеру второго дня боя въ 4-омъ конномъ корпусѣ оставалось четыре снаряда. Полки рядомъ тяжелыхъ боевъ обратились въ сотни, большая часть офицеровъ выбыла изъ строя. За трехнедѣльный походъ армія потеряла убитыми и ранеными 6 начальниковъ дивизій, 2 командира бригадъ и 11 командировъ полковъ... Только тогда, послѣ кроваваго урока, армія получила помощь: танки, 7-ая пѣхотная дивизія, шесть батарей тяжелой и легкой артиллеріи были направлены ко мнѣ и съ помощью всѣхъ этихъ средствъ послѣ двухдневнаго кровопролитнѣйшаго боя Царицынъ палъ.

На слѣдующій день Вы пріѣхали поздравить войска съ побѣдой и, выслушавъ мой докладъ о состояніи арміи, отдали директиву, коей донцамъ предписывалось протянуть правый флангъ до Волги, Кавказской же арміи

— составить Вашъ резервъ. Уже черезъ сутки, отбывъ въ Ростовъ, Вы отмѣнили свое рѣшеніе, приказавъ арміи продолжать неустанное преслѣдованіе противника правымъ берегомъ Волги. Одна дивизія по Вашему приказанію переброшена на лѣвый берегъ рѣки, имѣя задачей прервать сообщеніе Астрахани съ Саратовымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ состава Кавказской арміи приказано направить въ Добровольческую: 7-ую пѣхотную дивизію, 2-ую терскую пластунскую бригаду, осетинскіе конные полки и осетинскій батальонъ; взаменъ 7-ой пѣхотной дивизіи мнѣ обѣщана 2-ая пластунская бригада, но и послѣдняя не выслана, оставшись по просьбѣ генерала Май-Маевского у него для участія въ Полтавской операціи... Обѣщанный войскамъ арміи отдыхъ былъ отмѣненъ и наступленіе возобновилось.

Противникъ рѣшилъ во что бы то ни стало удерживать Камышинъ, объявленный красными «крѣпостнымъ раіономъ» и усиленно укрѣпленный. Войскамъ X-ой совѣтской арміи удалось на нѣкоторое время задержать наше наступленіе на Балыклейскихъ позиціяхъ, — рядъ нашихъ атакъ успѣхомъ не увѣнчался. Новыя потери еще болѣе ослабили полки, многіе изъ коихъ насчитывали лишь 200 — 150 шашекъ. Весь составъ 4-го коннато, 1-го и 2-го кубанскихъ корпусовъ, казаковъ и пластуновъ (6-ая пѣхотная дивизія босая и необученная въ счетъ принята быть не могла) составляли 5 000 шашекъ и 4 000 штыковъ. Численность многочисленныхъ штабовъ равнялась почти численности войскъ. При этихъ условіяхъ ни правильнаго управленія, ни правильной организаціи быть не могло, и я прибылъ въ Екатеринодаръ лично просить Васъ о сведеніи трехъ кубанскихъ корпусовъ въ одинъ и о расформированіи арміи. Мой докладъ сочувствія не встрѣтилъ. Генераломъ Романовскимъ, по соглашенію съ Атаманомъ, былъ намѣченъ рядъ мѣръ по усилению частей. Съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяць, армія въ рядѣ упорнѣйшихъ боевъ понесла новыя потери и не усилилась ни однимъ человекомъ.

Безмѣрной доблестью и послѣднимъ напряженіемъ силъ армія въ рѣшительномъ бою разбила противника у Балыклеи, на плечахъ его овладѣла Камышинской позиціей и блестящимъ маневромъ, прижавъ красныхъ къ Волгѣ, уничтожила почти полностью Камышинскую группу противника. Не взирая на новыя кровавыя потери, всѣ части арміи были брошены для преслѣдованія врага. Послѣдній, учитывая угрозу Саратову, сосредоточилъ противъ моей арміи всю конницу IX-ой и X-ой своихъ армій и, спѣшно снимая части съ Уральскаго и Астраханскаго фронтовъ, перебрасываетъ ихъ къ Саратову. Полки дошли до 60 —

100 шашекъ, матеріальная часть въ полномъ разстройствѣ. Наступленіе арміи захлебнулось и противникъ самъ перешель на всемъ фронтѣ въ наступленіе, съ величайшимъ трудомъ пока сдерживаемое обезкровленными войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ состава Кавказской арміи перебрасывается въ Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизія.

Представленныя мною Вамъ соображенія о необходимости скорѣйшаго завершения Астраханской операции, дабы обезпечить тылъ арміи при движеніи ея на сѣверъ, одобренія не получили и генераломъ Романовскимъ мнѣ было телеграммою указано, что Астраханское направленіе имѣетъ второстепенное значеніе. Между тѣмъ невозможность имѣть впредь до паденія Астрахани водный транспортъ и необезпеченность единственной коммуникаціонной линіи — Волги ставитъ войска, дѣйствующія на сѣверномъ направленіи, въ самое тяжелое положеніе. Послѣ боя 28-го іюля въ 4-омъ конномъ корпусѣ осталось двѣнадцать снарядовъ, а въ головномъ артиллерійскомъ армейскомъ паркѣ — ни одного. Кромѣ почти полного отсутствія транспорта есть и другія причины разстройства снабженія, причины, которыя въ достаточной степени видны изъ слѣдующихъ трехъ телеграммъ, полученныхъ мною отъ начальниковъ снабженія и артиллеріи:

1) «ежедневно телеграфирую главначснаб и члену войскового правительства Верещака крайней нуждѣ арміи хлѣбѣ, доходящей до катастрофическаго положенія. Послѣдній день приказалъ выдать по фунту хлѣба. Несмотря на это, не только нѣтъ подвоза, но даже не отвѣчаютъ на запросы»,

2) «несмотря на неоднократныя мои телеграммы главначснаб, интенюг и главному казначею объ открытіи кредита и о снабженіи полевого казначейства Кавказской арміи денежными знаками, не получаю никакого отвѣта. Для удовлетворенія 1-го и 2-го корпусовъ по ихъ требованіямъ даже пришлось за счетъ перечня расходовъ предписать полемому контролеру выдать на основаніи 592 статьи положенія о полевомъ управленіи войскъ безкредитный расходъ»,

3) «несмотря на мои телеграммы начартснаб о высылкѣ 3-хъ дюймовыхъ снарядовъ, ни высылки, ни отвѣта нѣтъ...» «армія болѣе мѣсяца не получаетъ снарядовъ, расходуя трофейные».

Вотъ горькая и неприкрашенная правда. Кавказская армія надорвана непосильной работой. Обезкровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имѣетъ свой предѣлъ — испытывать ее безконечно нельзя.

До назначенія меня командующимъ Кавказской арміей, я командовалъ тѣми войсками, которыя нынѣ составляютъ армію Добровольческую, числящую въ своихъ рядахъ безсмертныхъ корниловцевъ, марковцевъ, дроздовцевъ. Борьба этихъ славныхъ частей въ Каменугольномъ раіонѣ — блестящая страница настоящей великой войны. Безмѣрными подвигами своими они стяжали себѣ заслуженную славу... Вмѣстѣ со славой они пріобрѣли любовь Вождя, связаннаго съ ними первымъ «ледянымъ походомъ». Эта любовь перенеслась и на армію, носящую названіе «Добровольческой», названіе близкое Вашему сердцу, названіе съ которымъ связаны Ваши первые шаги на Великомъ крестномъ пути... Заботы Ваши и Вашихъ ближайшихъ помощниковъ отданы полностью роднымъ Вамъ частямъ, которымъ принадлежитъ Ваше сердце.

Для другихъ ничего не осталось.

Развѣ это не такъ. Въ то время, какъ Добровольческая армія, почти не встрѣчая сопротивления въ своемъ побѣдоносномъ шествіи къ сердцу Россіи, непрерывно увеличивается потокомъ добровольно становящихся въ ея ряды опамятавшихъ русскихъ людей. Кавказская армія, прошедшая за три послѣднихъ мѣсяца съ непрерывными боями болѣе тысячи верстъ и взявшая число плѣнныхъ, въ десять разъ большее нежели она сама, истекая кровью въ неравной борьбѣ и умирая отъ истощенія, посылаетъ на Добровольческий фронтъ послѣднія свои силы. Въ то время, какъ въ рядахъ Добровольческой арміи сражаются части, имѣющія въ своихъ рядахъ до 70% офицеровъ (7-ая пѣхотная дивизія), полки Кавказской арміи ведутъ въ бой есаулы, а сотни и роты — урядники и приказные. Въ то время, какъ тамъ, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одѣты, обуты и сыты, въ безводныхъ калмыцкихъ степяхъ ихъ братья сражаются за счастье одной Родины, — оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чѣмъ виновны они. Неужели тѣмъ, что кучка негодяевъ одного съ ними края, укрывшись въ тылу, отеклась отъ общей матери — Россіи. Неужели отвѣтственны за нихъ тѣ, кто кровью своей оросилъ путь отъ Чернаго моря до Каспія и отъ Маныча до Волги.

Быть может я ошибаюсь. Быть может причина несчастий моей армии кроется в том, что я, а не другой, стою во главе ее. Благополучие части, к сожалению, сплошь и рядом зависит от того, насколько командир ее пользуется любовью старшего начальника. Раположения начальства я никогда не искал, служу Родине, а не начальниками. С Вами пошел и готов идти, пока не потеряю веры в возможность спасти Родину. Все силы и способности свои отдал ей и с Вашей стороны, как Ваш помощник, упрека заслужить не мог. В этом, полагаю, сомнения быть не может.

Мысля Россию также как и Вы Единой, Великой и Неделимой, поскольку мог бороться с «самостийными» течениями Кубани, твердо ограждая армию свою от попыток самостийников сдѣлать из нее орудие политической борьбы. В конце апреля под влиянием наших неудач вопрос о создании «Кубанской армии» приобрел особенно острый характер. Генерал Романовский письмом от 24-го апреля уведомил меня, что «мечты кубанцев имеют свою армию могут быть осуществлены. Это Главнокомандующий и наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался». Учитывая всю опасность подобной меры, я сдѣлал все возможное и во время пребывания Войскового Атамана и генерала Науменко у меня в Ростове убедил их отказаться от создания Кубанской Армии, о чем генерал Филимонов и сообщил Вам телеграммой. Наконец, когда в последний мой приезд в Екатеринодар на совещании у генерала Романовского по вопросу о создании Кубанской армии Атаман предложил мне такую, я в присутствии генералов Романовского, Плющевского, Науменко и Филимонова заявил последнему, что «пока я командующий Кавказской армией, я не ответствен за политику Кубани; с той минуты как я явлюсь командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, — я буду ответствен за его политику, а при том направлении, которое взято ныне Кубанью, мне, ставши во главе Кубанской армии, останется одно: скомандовать «взводами налево кругом» и разогнать Законодательную Раду».

Безмерно любя свою Родину, я не могу не принимать близко к сердцу все вопросы ее бытия; подчас, как человек, я могу не сочувствовать тому или иному Вашему требованию, но, как солдат, раз я пойдя за Вами, я первый подам пример безпресекословного повиновения. Моя жизнь на глазах у всех, я действую прямо и открыто и мои сотрудники свидетели того, как пресѣкал я в корне малейшую попытку к интриге. Моя совесть чиста и упрекнуть мне себя не в чем; но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачем ее, не дает мне покоя...

С открытым сердцем, не допуская недомолвок я пишу Вам, рассчитывая на Ваш такой же откровенный ответ.

Уважающий Вас и сердечно преданный П. Врангель».

Я собирался выехать в Царицын 30-го июля, однако, в ночь с 29-го на 30-ое флотилия красных, прорвавшись с севера, на рассвете стала бомбардировать Камышин. В городе поднялась паника. Противник, выпустив несколько десятков снарядов, отошел на север. Потери от бомбардировки оказались незначительны. В городе было убито два и ранено несколько человек и повреждено несколько домов. Население вскоре успокоилось, однако, я не считая возможным, во избежание толков, уехать в этот день и выехать лишь на следующий.

Немедленно по прибытии в Царицын, я вновь телеграфировал походному атаману генералу Науменко:

«Полки растаяли. Изъ предназначенных нам за дань 131 вагонов интендантских грузов, не прибыло ни одного. Полученный нами на Кубани, взамнѣ льса³¹, груз муки задержан Вашими заставами³² на границе. Если так будет продолжаться то не только войска откажутся воевать, но и повернуть в тыл против тех, кто заставляет их голодать».

Вместе с тем, я решил проехать сам в Екатеринодар, дабы путем личных переговоров добиться у кубанского правительства срочной высылки мне подкреплений и наметить меры упорядочения снабжения.

³¹ Царицынскими лесопромышленниками было пожертвовано армии большое количество леса. В последнем Кубань очень нуждалась. Я заключил договоры с несколькими станицами о поставке мне взамен леса муки. Договоры были заключены с вѣдома кубанского правительства.

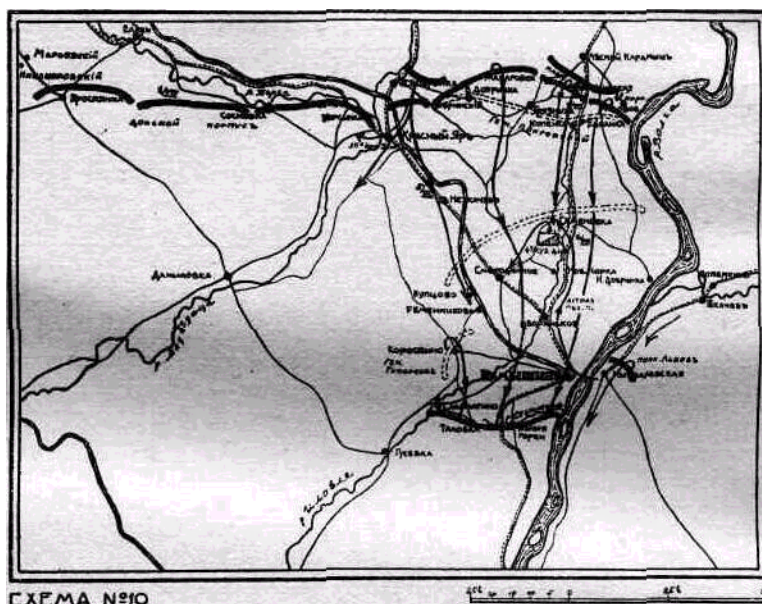
³² Кубань вела с главным командованием таможенную войну.

Я отдалъ распоряженіе, чтобы 6-ая пѣхотная дивизія генерала Писарева была направлена въ Царицынъ съ цѣлью выдвигенія на поддержку 1-го корпуса. Въ связи съ ожидаемымъ подходомъ 6-ой пѣхотной дивизіи, а въ дальнѣйшемъ общанной мнѣ 2-ой кубанской пластунской бригады и малой численности конныхъ частей, на совѣщаніи 27-го іюля была намѣчена нѣкоторая перегруппировка: пѣхота, 6-ая пѣхотная дивизія. Сводная дивизія стрѣлковыхъ полковъ конныхъ дивизій, 3-ья пластунская бригада и имѣвшая прибыть 2-ая кубанская пластунская бригада — должны были войти въ составъ 1-го корпуса. Какъ корпусная конница въ корпусѣ оставалась 4-ая кубанская дивизія. Во главѣ корпуса оставался генераль Покровскій. Вся конница сосредоточивалась на лѣвомъ флангѣ. Во главѣ конной группы долженъ былъ стоять генераль Топорковъ.

Я приказалъ принять всѣ мѣры для ускоренія работъ по укрѣпленію Царицынской позиціи.

1-го августа съ разсвѣтомъ противникъ на всемъ фронтѣ перешелъ въ рѣшительное наступленіе, нанося главный ударъ по обѣ стороны Саратовскаго тракта лѣвофланговымъ частямъ 4-го корпуса и частямъ 3-ей пластунской бригады, расположенной между деревнями Французская — Макаровка. Послѣ сильной артиллерійской подготовки красные настойчивыми атаками прорвали фронтъ пластуновъ и вынудили ихъ къ быстрому отходу, чѣмъ обнажился лѣвый флангъ 4-го корпуса; послѣдній, будучи тѣснимъ съ фронта и глубоко обойденъ съ фланга, вынужденъ былъ также начать отходъ. Вслѣдствіе прорыва фронта группы на участкѣ 3-ей пластунской бригады, генераль Покровскій приказалъ войскамъ отойти на линію Мѣловое — Ельшанка — Копенка — Грязнуха — В. Добринка — Добринскій. Дабы поддержать части генерала Покровскаго, Астраханскій полкъ 6-ой дивизіи изъ состава отряда полковника Львова, находившагося все еще въ слободѣ Николаевской, былъ переправленъ въ Камышинъ. Остальныя части 6-ой дивизіи должны были спѣшно двигаться туда же. Донской корпусъ къ 1-ому августа располагался: 3-ья пластунская бригада въ районѣ село Тростянка; 4-ая пластунская бригада въ районѣ хуторовъ Марьевскій — Никапоровскій — Уваровскій; 14-ая конная бригада, отгѣсненная за рѣку Терса — въ районѣ Терсинка, Разливка, Сосновка. (Схема № 19).

Одновременно съ переходомъ въ наступленіе противъ частей Кавказской арміи обнаружилось и давленіе противника на фронтѣ всего Донского корпуса. Положеніе послѣдняго становилось тяжелымъ. 10-ая донская конная бригада, все время доблестно дѣйствовавшая на лѣвомъ флангѣ нашей конной группы, поспѣшила на поддержку родного корпуса, отойдя за рѣку Медвѣдицу. Между правымъ флангомъ донцовъ и группой генерала Покровскаго образовался разрывъ, которымъ воспользовались красные, быстро занявъ Красный Яръ и поведя оттуда наступленіе на Неткачево и вдоль рѣки Медвѣдицы. Въ виду глубокаго обхода своего лѣваго фланга, генераль Покровскій приказалъ войскамъ группы начать отходъ. Весьма тяжелый бой пришлось выдержать нашимъ войскамъ 6-го августа. Въ виду громаднаго превосходства силъ противника (около 4 дивизій пѣхоты при 14 полкахъ конницы, насчитывающихъ свыше 15 000 штыковъ, 7 000 шашекъ при 70 орудіяхъ), въ цѣляхъ сокращенія фронта и дабы не подвергать правофланговья свои части риску быть отрѣзанными, генераль Покровскій 5-го августа приказалъ войскамъ группы съ утра 6-го августа начать отходъ на линію Н. Добринка — Новыя Норки — Купцово.

Между тѣмъ противникъ предупредилъ нашъ отходъ и самъ перешелъ въ наступленіе, направляя главный ударъ на деревню Семеновку. Въ упорномъ бою разыгравшемся здѣсь Астраханскій пѣхотный полкъ и пластуны 3-ей бригады были сбиты со своихъ позицій и окружены конницей красныхъ. 4-ая кубанская казачья дивизія подъ начальствомъ полковника Скворцова бросилась на выручку своей пѣхоты, однако, будучи сама атакована, понесла большія потери и отошла въ районъ Смородинное. Остатки пѣхоты (Астраханскій полкъ, сплошь укомплектованный изъ плѣнныхъ, почти полностью сдался въ плѣнъ) были отведены въ Дворянское, гдѣ и стали приводиться въ порядокъ. Въ то же время противникъ, наступая вдоль желѣзной дороги, продолжалъ тѣснить наши части, отходящія на Ременниково.

Продолжая отходъ на передовыя позиціи Камышина, войска одновременно перегруппировались — пѣхота сосредотачивалась къ правому флангу, конница къ лѣвому, гдѣ объединялась генераломъ Топорковымъ.

Глубокое продвиженіе противника во флангъ всей группы (разѣзды противника по рѣкѣ Иловлѣ доходили до села Гусевки) и неудачный контръ-атаки генерала Топоркова противъ наступавшей со стороны Коростино красной конницы вызвали необходимость оставленія Камышина безъ боя и отхода на рубежъ: рѣка Сестренка — Бѣлыя Горки — Таловка — Саломатино.

Одновременно съ оставленіемъ нами Камышина началъ отходъ изъ слободы Николаевской вдоль лѣваго берега Волги отрядъ полковника Львова, все время отбивавшійся отъ насѣдавшаго на него со всѣхъ сторонъ противника.

Несмотря на тяжелые бои на фронтѣ арміи я рѣшилъ проѣхать въ Екатеринодаръ. Встрѣченный на вокзалѣ генераломъ Науменко и чинами войскового штаба и принявъ почетный караулъ Гвардейскаго дивизиона, я проѣхалъ къ атаману. Обрисовавъ общее положеніе, я заявилъ, что, если срочно мнѣ не будутъ высланы необходимыя пополненія и армія моя не будетъ обезпечена продовольствіемъ, я Царицына не удержу, войска будутъ отброшены въ безводную степь, гдѣ неминуемо погибнуть, и путь на Кубань будетъ противнику открытъ. Въ тотъ же вечеръ я присутствовалъ на засѣданіи кубанскаго правительства, гдѣ я повторилъ то же самое. Мои слова произвели желаемое впечатлѣніе. Члены правительства единодушно обѣщали мнѣ полную помощь. Атаманъ просилъ меня на слѣдующій день посѣтить Законодательную Раду и тамъ повторить мой докладъ. Я изъявлялъ согласіе. Мы условились, что я прибуду въ раду къ 11 часамъ. Соответствующее приглашеніе отъ предсѣдателя рады должно было быть доставлено мнѣ утромъ. Отъѣздъ въ Царицынъ я назначилъ въ 1 часъ дня.

Однако, до 11^{1/2} часовъ я приглашенія предсѣдателя рады не получилъ. На конецъ въ половинѣ двѣнадцатаго прибылъ на вокзалъ весьма смущенный генералъ Науменко и съ нимъ какой то офицеръ, отрекомендовавшійся мнѣ, состоящимъ въ распоряженіи предсѣдателя рады. Офицеръ доложилъ мнѣ, что предсѣдатель рады И. Макаренко «случайно узналъ отъ атамана» о желаніи моемъ посѣтить раду, но, не имѣя отъ меня соответствующаго заявленія, не можетъ

прислать мнѣ официалнаго приглашенія. — «Передайте предсѣдателю рады», отвѣтилъ я, «что въ качествѣ командующаго Кавказской арміей я готовъ былъ оказать радѣ честь посѣтить ее и сдѣлать докладъ о нуждахъ кубанскихъ частей. Объ этомъ я поставилъ въ извѣстность вчера атамана и членовъ правительства. Съ отдѣльными просьбами къ господину Макаренко я обращаться не буду. На фронтѣ идутъ жестокіе бои. Мое присутствіе тамъ необходимо. Я выѣзжаю черезъ полтора часа. По пріѣздѣ въ армію я поставлю въ извѣстность мои части о томъ отношеніи, которое встрѣтилъ ихъ командующій въ лицѣ предсѣдателя рады». — Прибывшіе уѣхали. Черезъ часъ посланецъ И. Макаренко вернулся и доложилъ мнѣ, что рада меня ждетъ. Почти одновременно прибыли нѣсколько членовъ рады, между ними представители черкесовъ, прося меня прибыть на засѣданіе рады. Я отказался, заявивъ, что назначенный часъ моего отъѣзда отложенъ быть не можетъ. Черезъ полъ часа я выѣхалъ въ Царицынъ.

9-го августа закончилась перегруппировка арміи. Части 6-ой дивизіи (Саратовскій пѣхотный полкъ нѣсколько времени тому назадъ былъ переброшенъ на лѣвый берегъ Волги, въ помощь отряду генерала Мамонова) вдвинулись въ боевой порядокъ. Во главѣ 1-го кубанскаго корпуса (остатки 3-ей пластунской бригады, гренадерская бригада 6-ой дивизіи, 4-ая кубанская казачья дивизія, Сводно-горская конная дивизія) сталъ генераль Писаревъ, смѣнившій заболѣвшаго и эвакуированнаго генерала Покровскаго. 1-ый корпусъ продолжалъ отходить вдоль Волги и Саратовскаго большака. 1-ая конная дивизія, 1-ая и 2-ая кубанскія дивизіи и Ингушская конная бригада сосредоточились на лѣвомъ флангѣ арміи. Объединенная генераломъ Топорковымъ конная группа отходила въ общемъ направленіи вдоль рѣки Иловли и далѣе на станцію Котлубань. 9-го августа начали прибывать первые эшелоны пластуновъ, переданной мнѣ наконецъ, 2-ой кубанской пластунской бригады.

Между тѣмъ, противникъ противъ генерала Мамонова значительно усилившись, продолжалъ наступленіе и части генерала Мамонова были оттѣснены къ Пришибу и Цареву.

На прочихъ фронтахъ Вооруженныхъ силъ Юга продолжались наши успѣхи. На Астраханскомъ направленіи части генерала Эрдели, хотя и весьма медленно, все же продвигались впередъ. Его передовыя конныя части подошли на 45 верстъ къ Астрахани. Добровольцы подходили къ Курску, Одессѣ и Кіеву. Донская конница генерала Мамонтова, брошенная въ глубокой тыль противника, была уже у Тамбова, разрушая желѣзныя дороги, взрыная артиллрійскіе склады и распуская мобилизованный красныя части.

Работы по укрѣпленію Царицынской позиціи значительно подвигались. Стрѣлковыя окопы были большей частью закончены, хотя ходы сообщенія не были еще готовы. Проволочныя загражденія въ 3 — 1 кола имѣлись передъ всѣмъ фронтомъ, за исключеніемъ крайняго праваго фланга, ближайшаго къ Волгѣ. Въ общемъ укрѣпленная позиція, при всей своей незаконченности, могла дать обороняющимся ее войскамъ значительныя преимущества и придать увѣренность въ ихъ силахъ. Однако все же трудно было рассчитывать, что эту увѣренность, необходимую для побѣды, могутъ найти въ себѣ войска, хотя и доблестныя, но перенесшія крайне тяжелое отступленіе, обезкровленные и потерявшія значительную долю своего былого порыва. Укрѣпленная позиція, какъ бы сильна она ни была, не могла чудесно превратить отступающія войска въ побѣдоносныя. Необходимо было поддержать отходящія части свѣжими силами, образовать хотя бы нѣкоторый небольшой резервъ изъ свѣжихъ войскъ.

Этотъ резервъ должны были составлять прибывающая 2-ая кубанская пластунская бригада и части генерала Мамонова, которыя я рѣшилъ оттянуть, ко времени подхода арміи къ Царицыну, съ лѣваго берега Волги. Къ 25-му августу ожидалось прибытіе 4 танковъ³³. 2-ая кубанская пластунская бригада (2, 4 и 8 пластунскіе батальоны) заканчивала свое сосредоточеніе къ Царицыну въ срединѣ августа. Прибывъ съ фронта Добровольческой арміи, она имѣла въ своемъ ближайшемъ боевомъ прошломъ рядъ сравнительно легкихъ успѣховъ и являлась единицей безопорной боевой цѣнности. 3-ья кубанская казачья дивизія генерала Мамонова послѣ ряда блестящихъ дѣлъ, ни испытать ни разу разслабляющаго вліянія неудачъ, полностью сохранила свой боевой пылъ. При томъ же, дѣйствуя въ богатомъ, совершенно нетронутомъ районѣ, части не успѣли измотаться. Дивизія была сравнительно большой численности. Къ 20-му августа въ 5-ти полкахъ и 2-хъ отдѣльныхъ дивизіонахъ было до 2 000 шашекъ. Что же касается Саратовскаго полка, то, какъ и прочія полки 6-ой дивизіи (за исключеніемъ гренадеръ), пополненный, главнымъ образомъ, плѣнными и съ ничтожнымъ

³³ Послѣ взятія Царицына имѣвшіеся въ арміи 6 танковъ были переброшены въ Добровольческую армію.

количеством кадрового офицерского состава, онъ въ боевомъ отношеніи существенной силы не представлялъ. Я вызвалъ въ Царицынъ телеграммами всѣхъ находящихся въ отпуску и командировкахъ строевыхъ начальниковъ, въ томъ числѣ генерала Улагая и успѣваго поправиться послѣ раненія генерала Бабіева.

Между тѣмъ армія, ведя арьергардные бои и неся тяжелыя потери, продолжала отступать. Численный составъ конныхъ полковъ дошелъ до 100 — 150 шашекъ. Стрѣлковые полки конныхъ дивизій почти полностью были выведены изъ строя. Астраханскій полкъ 6-ой пѣхотной дивизіи былъ уничтоженъ вовсе. Въ двухъ гренадерскихъ полкахъ оставалось вмѣстѣ 450 штыковъ, 3-ья пластунская бригада была сведена въ батальонъ. Въ артиллеріи вслѣдствіе значительныхъ потерь въ матеріальной части, убыли и изнуренія лошадей батареи сведены были въ 2-хъ и даже въ 1 орудійныя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, учитывая тяжелое положеніе арміи, я тогда же приказалъ начать эвакуацію города. Согласно выработаннаго начальникомъ военныхъ сообщений, генераломъ Махровымъ, плана, ежедневной отправкѣ съ обоихъ вокзаловъ Царицына подлежали семь поѣздовъ. Въ первую очередь эвакуировались имѣющіе военную цѣнность грузы, затѣмъ правительственныя, тыловыя и армейскія учрежденія и наконецъ семьи служащихъ. Была предоставлена возможность выѣзжать и не служащему люду. Запись желающихъ была открыта въ городской управѣ и у коменданта города. Отѣзжавшимъ разрѣшалось брать лишь ручной багажъ. По мѣрѣ приближенія красныхъ армій къ Царицыну безпокойство среди населенія увеличивалось. Желающихъ выѣхать оказывалось множество. Къ тому же несмотря на запрещеніе, отѣзжающіе стремились увезти съ собой все движимое имущество. Поѣзда оказывались забитыми мебелью, мануфактурой и прочимъ. Благодаря ли растерянности и нерадивости желѣзнодорожной администраціи, или вслѣдствіе злонамѣренной скрытой работы агентовъ противника, эвакуація въ первые дни шла весьма неуспешно. Вмѣсто намѣченныхъ семи эшелоновъ въ первый день удалось отправить лишь четыре, на третій ушло всего три поѣзда. Генералъ Махровъ жаловался, что ничего сдѣлать не можетъ.

Взявъ съ собой нѣсколько казаковъ моего конвоя, я лично отправился на вокзалъ, гдѣ засталъ готовый къ отходу пассажирскій эшелонъ. Большое число вагоновъ оказалось груженными пьянино, зеркалами, мебелью и т. п. Я тутъ же приказалъ конвойцамъ выбрасывать все это на платформу, ломать и рубить, приказавъ освободившіеся вагоны отдать подъ казенные грузы. Осматривая далѣе грузившіеся на запасныхъ путяхъ эшелоны, я обнаружилъ рядъ вагоновъ уже запломбированныхъ, гдѣ вмѣсто того чтобы, какъ значилось по вѣдомостямъ, должны были находиться артиллерійскіе грузы, оказались частные пассажиры, главнымъ образомъ евреи, торговцы, выѣзжавшіе съ принадлежавшими имъ товарами. Прижатые мною къ стѣнѣ они признались, что вагоны куплены ими. Деньги подѣлили начальникъ станціи, составитель поѣздовъ и сцѣпщикъ. Я тутъ же арестовалъ этихъ лицъ и въ тотъ же день предалъ военно-полевому суду по обвиненію въ содѣйствіи успѣху противника. Въ ту же ночь они были по вѣшены: двое на вокзалахъ города, одинъ на городской площади. Соотвѣтствующій приказъ мой былъ той же ночью отпечатанъ; я приказалъ расклеить его на всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги. Съ этого дня эвакуація шла блестяще. Вмѣсто намѣченныхъ семи удалось ежедневно отправлять восемь поѣздовъ. Ко времени подхода красныхъ къ Царицыну эвакуація была закончена.

12-го августа я получилъ отвѣтъ генерала Деникина на письмо мое отъ 29-го іюля:

«Главнокомандующій
Вооруженными силами
на Югѣ Россіи.

10 августа 1919 года.

№ 011686.

гор. Таганрогъ.

На № 3.

Милостивый Государь
Баронъ Петръ Николаевичъ!

Я въ рядахъ Добровольческой арміи почти съ момента ея возникновенія и съ 31-го марта 1918 года стою во главѣ этой арміи, а затѣмъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Зарождалась Армія, не имѣя ничего: первыя пушки были выкраденныя, весь 1-й Кубанскій походъ, да въ значительной степени и 2-ой, Арміи приходилось снабжать себя боевыми припасами отъ противника.

Въ моментъ, когда я принялъ командованіе Арміей, въ боевомъ комплектѣ имѣлось едва по 10 — 20 выстрѣловъ на орудіе, патроновъ въ запасѣ не было совсѣмъ, собирали растерянные большевиками при отступленіи ихъ къ Екатеринодару.

Вся исторія Добровольческой арміи, а затѣмъ Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи, имѣетъ характеръ напряженной, упорной, героической борьбы матеріально нищей, но богатой духомъ арміи съ значительно превосходящимъ и гораздо лучше снабженнымъ противникомъ, борьбы, въ которой, невзирая на превосходство силъ и снабженія противника, подчиненныя мнѣ войска своей доблестью и вѣрой въ правоту своего дѣла неизмѣнно по бѣждали.

Правда, эти побѣды давались не даромъ и многимъ изъ подчиненныхъ мнѣ начальниковъ задачи казались не по силамъ и мнѣ иногда бросались упреки и давались совѣты, слѣдуя которымъ арміи Юга Россіи, вѣроятно, не достигли бы настоящихъ результатовъ. Но долженъ сказать, что я, несмотря на всѣ трудности, переживаемыя различными участками фронта, ни разу не слышалъ упрека въ несправедливости и лицепрятіи и впервые слышу его отъ Васъ. Обвиненіе это тяжкое, но не съ цѣлью оправдаться я отвѣчаю Вамъ, а съ цѣлью восстановленія исторіи вопроса, какъ она рисуется мнѣ.

Въ концѣ марта обстановка въ Каменноугольномъ районѣ складывалась чрезвычайно неблагоприятно для насъ: Вы въ своемъ письмѣ генералу Юзефовичу, выдержку изъ котораго онъ представилъ мнѣ, при своемъ письмѣ отъ 30-го марта за № 04472, писали, что намъ все равно не удержать Каменноугольнаго района; рекомендовали бросить его, и, оставивъ правый берегъ Дона на однихъ донцовъ, Кавказскую Добровольческую армію сосредоточить на Царицынскомъ направленіи. Эта же мысль была повторена въ Вашемъ рапортѣ отъ 4 апрѣля за № 82.

Тогда же начальникомъ моего штаба было отвѣчено генералу Юзефовичу (письмо отъ 3 апрѣля № 04767) о томъ, что хотя Царицынское на правленіе имѣетъ очень серьезное значеніе, тѣмъ не менѣе, по цѣлому ряду соображеній, выполнить этотъ планъ въ тотъ моментъ не представлялось возможнымъ.

Въ половинѣ апрѣля успѣшное наступленіе большевиковъ за Манычъ и угроза Тихорѣцкой и Ростову вынудили меня усилить группу генерала Кутепова за счетъ Кавказской Добровольческой арміи и войскъ Терско-Дагестанскаго края.

Какъ отъ Васъ, такъ и отъ Генерала Эрдели были взяты лучшія кубанскія дивизіи и было взято столько, больше чегó безъ ущерба для дѣла взять нельзя было.

Вы, находясь въ то время во главѣ Кавказской Добровольческой арміи, считали, что съ наличными силами удержать Каменноугольный районъ невозможно. Я по совокупности всей обстановки считалъ, что бросить его намъ нельзя.

21-го апрѣля началось наше успѣшное наступленіе на Манычскомъ фронтѣ; положеніе въ Каменноугольномъ районѣ продолжало ухудшаться и какъ ни нужна была пѣхота на Манычъ, тѣмъ не менѣе ничего изъ Кавказской Добровольческой арміи перевести было нельзя.

Въ началѣ мая Вы испросили разрѣшеніе пріѣхать въ Торговую и здѣсь доложили, что всѣ предѣлы перейдены и что необходимо генералу Май-Маевскому дать разрѣшеніе на отходъ. Здѣсь же, въ виду неоднократно высказывавшагося Вами желанія командовать арміей на Царицынскомъ направленіи и въ виду сосредоточенія здѣсь крупной массы лучшей нашей конницы, Вамъ предложено было объединить командованіе всей группой (Кавказской арміей), на что Вы охотно согласились.

8-го мая была взята Великокняжеская, образована Кавказская армія и я покинулъ Манычскій фронтъ.

Пріѣхавъ изъ Ростова, Вы мнѣ докладывали, что 2-ая Кубанская пластунская бригада стремится къ своимъ Кубанскимъ частямъ, на что я Вамъ отвѣтилъ, что мною намѣчено перебросить ее на Царицынскій фронтъ о томъ, когда это сдѣлать, въ то время не могло быть

рѣчи; Вы сами тогда только что приѣхали изъ Кавказской Добровольческой арміи и, конечно, понимали насколько цѣненъ на томъ фронтѣ каждый солдатъ. Во всякомъ случаѣ, до постановки на фронтъ 7-ой дивизіи, 2-ая Кубанская пластунская бригада переброшена быть не могла.

Что касается техническихъ средствъ, то артиллеріи Вы имѣли вполне достаточно, такъ какъ сверхъ состоящей при Вашихъ дивизіяхъ у Васъ была одна, а затѣмъ направлена и другая гаубичная батарея 2-ой артиллерійской бригады, единственный тяжелый (съ 6-ти дм. гаубицами) дивизионъ былъ въ Вашей арміи, къ Вамъ же еще до Вашего приѣзда были направлены — прибывшій авто-броневой дивизионъ и англійскій авіаціонный дивизионъ. Дальнѣйшее усиленіе могло произойти бронепоездами и танками, это усиленіе было обѣщано, но оно всецѣло зависѣло отъ возстановленія жел. дороги. Къ моменту возстановленія мостовъ черезъ Саль и Есауловскій Аксай эти средства были въ Вашемъ распоряженіи.

Операцию на Царицынѣ можно было вести двояко: или идти на шеѣ разбитаго врага, не давая ему опомниться и приготовиться къ встрѣчѣ, или выждать техническихъ средствъ, которыя Вамъ были обѣщаны и ни на одинъ день не запоздали.

Это можно было опредѣлить только на мѣстѣ — не перегружена ли лошадь, везущая кладь.

Вы писали, что не двинетесь впередъ ни на шагъ, несмотря на всѣ приказанія. Но хотя Васъ никто не заставлялъ и не стѣснялъ во времени, Вы рѣшили избрать первый способъ дѣйствій — идти на проломъ и это сдѣлали, не ожидая техническихъ средствъ, которыя, Вы знали, будутъ, какъ только будетъ готова желѣзная дорога.

Эти средства, равно какъ и 7-ую дивизию, Вы получили не послѣ кроваваго урока и не вслѣдствіе его, а какъ только была готова желѣзная дорога и обозъ и артиллерія 7-ой дивизіи были запряжены.

Усилить Васъ не 7-ой дивизіей было нельзя, такъ какъ для этого надо было бы остановить успѣшное продвиженіе Добровольческой арміи и вытягивать части изъ боя.

По взятіи Царицына мнѣ очень хотѣлось дать отдыхъ доблестной Кавказской арміи, но въ резервъ ея я не оставлялъ, а 20-го іюня отдалъ директиву № 08878, согласно которой Кавказская армія должна была выйти на фронтъ Саратовъ — Ртищево — Балашовъ.

По Вашему докладу предполагалось, что Вы дадите частямъ отдыхъ въ Царицынѣ и что донцы въ состояніи будутъ гнать противника одни. Отдыхъ Вы опредѣляли въ двѣ недѣли. Я, не зная въ какомъ видѣ отошелъ противникъ, не возражалъ Вамъ, и на другой день я не отмѣнилъ своего приказа, котораго и не отдавалъ, а приказалъ въ соотвѣтствіи съ общей обстановкой, частью силъ преслѣдовать противника (телеграмма отъ 22 іюня № 08911), что Вы и сдѣлали, какъ доносили, до полученія моего приказанія (донесеніе Ваше отъ 25 іюня № 01068).

Также не вѣрно, что я приказалъ одну дивизию перебросить на лѣвый берегъ Волги. Я такого приказанія не отдавалъ. Въ директивѣ № 08878 буквально сказано: «Теперь же направьте отряды для связи съ Уральской арміей и для очищенія нижняго плеса Волги». Какіе будутъ отряды, предоставлялось всецѣло Вашему усмотрѣнію, и я былъ свидѣтелемъ Вашего разговора съ Генераломъ Мамоновымъ, когда Вы первоначально назначили одинъ полкъ, но затѣмъ по его просьбѣ измѣнили Ваше рѣшеніе.

Вы пишете, что у Васъ взяли 7-ую дивизию, 2-ю Терскую пластунскую бригаду, Осетинскіе конные полки и взаменъ 7-ой пѣхотной дивизіи не выслали обѣщанной Вамъ 2-ой Кубанской пластунской бригады.

Вы знали, что 7-ая пѣхотная дивизія дана Вамъ временно и подлежитъ возвращенію для замѣны 2-й Кубанской пластунской бригады. Вторую Терскую пластунскую бригаду Вы боевой силой не считали и эта бригада, послѣ боевъ у Великокняжеской, была сведена въ одинъ батальонъ, который насчитывалъ около 200 штыковъ. Также Вы не считали боевой силой Осетинскій конный полкъ, насчитывавшій 60 шашекъ и Осетинскій стрѣлковый батальонъ, который и сформированъ не былъ.

Вы охотно согласились на замѣну этихъ частей двумя Ингушскими, двумя Кабардинскими и Инородческимъ полками, которые тогда же къ Вамъ и прибыли.

А главное Вы забыли, что все это дѣлалось вслѣдствіе Вашего доклада.

Вѣдь Вы же и Вашъ Начальникъ Штаба тогда поняли, что центръ тяжести переносится на Курское и Кіевское направленіе, и представили мнѣ въ Царицынѣ письма (отъ 18 іюня №№ 0963 и 0964) съ предложеніемъ образовать конную армію въ районѣ Харькова и намѣчали на

Царицынскомъ направленіи оставить Кавказскую армію, изъявъ изъ ея состава одинъ Кубанскій корпусъ, 1-ую конную дивизию и Терцевъ. Вѣдь это значительно больше того, что взято и по количеству, а главное по качеству. Взяты такія части, которыя Вы за боевую силу не считали и которыя компенсированы соотвѣтственными частями. Правда, что Вами уведо въсехъ перечисленныхъ дивизій намѣчался и съ Вашимъ уходомъ изъ Кавказской арміи.

Вторая Кубанская пластунская бригада задержалась въ бояхъ въ Добровольческой арміи такъ же точно, какъ Вы до сего времени задержали 2-ю Терскую казачью дивизию.

Вы пишете, что «объщанный войскамъ отдыхъ былъ отмѣненъ и наступленіе возобновилось». Наступленіе возобновилось, но не по моему капризу, а потому, что этого требовала обстановка, и приказъ начать наступленіе былъ отданъ не мной, а Вами.

Мотивы, почему Вашъ докладъ о сведеніи всѣхъ Кубанскихъ частей въ одинъ корпусъ не встрѣтилъ сочувствія, Вамъ извѣстны, но частично было предположено сократить число штабовъ, не формировать 4-й Кубанской дивизіи, расформировать 4-й конный корпусъ, Вы этого не сдѣлали.

Далѣе Вы пишете, что послѣ Камышина изъ состава Кавказской арміи перебрасывается въ Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизию, упустивъ изъ вида, что это не новая часть, а все та же, о которой было отдано приказаніе 20 іюня при моемъ посѣщеніи Царицына и которая Вами до сего времени была задержана.

Вы нѣсколько разъ пишете о томъ, что отъ Васъ взято и что къ Вамъ ни одинъ человекъ не прибылъ. Шестую пѣхотную дивизию Вы никогда въ расчетъ не принимаете. Я не знаю, идутъ ли къ Вамъ пополненія людьми съ Кубани, но на замѣну Осетинъ Вы получили два Кабардинскихъ конныхъ полка и два еще придутъ, получили Иностранческій полкъ и получаете два полка и одинъ батальонъ Дагестанцевъ; замѣнъ 7-ой пѣхотной дивизіи идетъ 2-ая Кубанская пластунская бригада; отъ генерала Эрдели прибылъ 6-ой Кубанскій пластунскій батальонъ.

Что касается 6-ой дивизіи, то она совершенно такого же типа, какъ почти всѣ наши дивизіи и въ Добровольческой арміи и въ 3-мъ корпусѣ; ей посылается все тоже, что и въ другія дивизіи, и если она не можетъ сдѣлаться боеспособной, то надо искать причины и можетъ быть онѣ будутъ найдены.

Обмундированіе специально назначалось для этой дивизіи. Строевые офицеры, поступающіе въ Штабъ Главнокомандующаго, почти всѣ назначаются въ Кавказскую армію и ихъ тамъ, повидимому, достаточно, иначе я не могу объяснить, что Вами формируются стрѣлковыя полки для 1-й, 2-й и 4-й Кубанскихъ дивизій.

Вы не довольны, что Ваше предположеніе относительно Астраханской операціи не получило одобренія.

Можно ли было начинать операцію на Астрахань въ то время, какъ съ сѣвера противъ Кавказской арміи сосредоточены были крупныя силы.

Вѣдь, поворотъ части нашихъ силъ на югъ повелъ бы немедленно туда же и противника и онъ ударилъ бы по нашимъ сообщеніямъ, не только по Вашимъ, но и по Донскимъ. На мои по этому поводу соображенія Вы отвѣтили, что, понятно, эту операцію можно предпринимать только послѣ разбитія Камышинской группы. Камышинская операція кончилась и теперь армія едва сдерживаетъ фронтъ, можно ли при этихъ условіяхъ серьезно говорить о поворотѣ на Астрахань и что было бы теперь, если бы этотъ поворотъ состоялся раньше.

Вопросы снабженія, какъ я уже отмѣтилъ въ началѣ письма, дѣйствительно у насъ хромаютъ и Вы знаете, что вполне наладить это дѣло при общей разрухѣ промышленности, при разстройствѣ транспорта, при самостоятельности Кубани — выше моихъ силъ. Всѣ мѣры, какія возможно, принимаются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вы смотрите на довольствіе трофейными снарядами какъ на нѣчто ненормальное. Нѣтъ, это вполне нормальное явленіе и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имѣли этого источника.

Мѣстныя средства Вы, повидимому, считаете тоже чѣмъ то, что въ расчетъ идти не должно, такъ какъ съ одной стороны пишете о продовольственныхъ затрудненіяхъ, о томъ, что армія голодная, а съ другой стороны телеграфируете, что личныя силы и средства не достаточны чтобы въ полной мѣрѣ использовать богатства района (телеграмма Ваша генералу Санникову № 1447).

Какія же основанія были у Васъ бросить мнѣ обвиненіе въ особомъ благопріятствovanіи Добровольческой арміи, какія конкретныя данныя Вы можете привести. Развѣ не

исключительно стратегическія соображенія все время руководили мной. Вѣдь, когда генераль Май-Маевскій велъ героическую, неравную борьбу въ Донецкомъ бассейнѣ, у него взяли на Царицынское направленіе три дивизіи, хотя Вы считали силы Добровольческой арміи совершенно недостаточными. Была взята дивизія съ Сѣвернаго Кавказа, невзирая на протесты генерала Ляхова и Терскаго Атамана.

Неужели же теперь, когда передъ нами огромныя перспективы въ видѣ Кіева, Одессы, Курска, намъ слѣдуетъ отъ нихъ отказаться и гнать войска только къ Саратову. Но Вы сами же писали, что теперь вопросъ рѣшается на Курскомъ направленіи (письмо отъ 18-го іюня с. г. № 0963).

Вы пишете, что въ то время какъ Добровольческая армія, почти не встречая сопротивленія, непрерывно увеличивается притокомъ добровольно становящихся въ ряды ея опомнившихся русскихъ людей, Кавказская армія, истекая кровью въ неравной борьбѣ и умирая отъ истощенія, посылаетъ на Добровольческій фронтъ послѣднія свои силы.

Согласуется ли это, хоть въ малѣйшей степени съ дѣйствительностью. Вѣдь, подъ этими послѣдними силами надлежитъ разумѣть 2-ую Терскую дивизію, едва насчитывающую 520 шашекъ, сведенную въ бригаду и по Вашему отзыву и по отзыву Атамана совершенно небоеспособную, по крайней мѣрѣ въ семь разъ меньшую въ сравненіи съ тѣми силами, которыя Вы рекомендовали взять изъ Кавказской арміи. И Вы знаете, что въ это же время къ Вамъ идутъ — шесть пластунскихъ и стрѣлковыхъ батальоновъ, четыре конныхъ полка, (не считая двухъ калмыцкихъ полковъ).

Вы меня вините въ томъ, что въ Добровольческую армію поступаютъ добровольцы, а Васъ не укомплектовываютъ. Вы прекрасно знаете условія пополненія. Русскіе люди на Вашемъ пути такіе же, какъ и на пути Добровольческой арміи; въ свое время, оцѣнивая Царицынское направленіе, Вы ихъ настроеніе предполагали даже лучше, чѣмъ въ Малороссіи. Ну, а воздѣйствовать на Кубань, къ сожалѣнію, въ большей мѣрѣ, чѣмъ я это дѣлаю, не могу, равно какъ не могу ихъ заставить брать къ себѣ въ полки «солдатскихъ» офицеровъ.

Издали у другихъ все кажется лучше. Вамъ кажется, что Добровольческая армія идетъ, не встрѣчая сопротивленія, но Вы не учитываете, что въ то время, какъ собственно Кавказская армія занимаетъ фронтъ въ 40 верстъ, въ это же время фронтъ Добровольческой арміи почти 800 верстъ; что спасать создавшееся трудное положеніе на Донскомъ фронтѣ будетъ все та же Добровольческая армія.

Въ свое время я отъ Генерала Краснова получалъ упреки, что я добровольческія части разворачиваю гдѣ то въ Донецкомъ бассейнѣ, а не шлю къ нему на фронтъ.

Теперь я отъ Васъ и отъ генерала Сидорина получаю требованія Добровольческія части посылать въ Кавказскую и Донскую арміи. Не иронія ли въ параллели тѣхъ упрековъ, которыя я отъ Васъ получилъ теперь и которые получилъ отъ Вашего начальника штаба въ апрѣлѣ, когда онъ представлялъ выдержки изъ Вашего письма, отстаивавшаго Царицынское направленіе.

Вы пишете: «въ то время, какъ тамъ у Харькова, Екатеринослава и Полтавы, войска одѣты, обуты и сыты, въ безводныхъ калмыцкихъ степяхъ ихъ братья сражаются за счастье одной Родины, оборванные, босые, простоволосые и голодные», а генераль Юзефовичъ въ письмѣ отъ 30-го марта № 04472 пишетъ о войскахъ, которымъ по Вашему, я особо благопріятствую (Добровольцы): «надо ихъ пополнить, дать имъ отдохнуть, сохранить этихъ великихъ стратотерпцевъ, босыхъ, раздѣтыхъ, вшивыхъ, нищихъ, великихъ духомъ, на своихъ плечахъ, своимъ потомъ и кровью закладывающихъ будущее нашей Родины, — сохранить для будущаго. Всему бываетъ предѣлъ. И эти безсмертные могутъ стать смертными».

И Вы знаете, что этимъ стратотерпцамъ ни одного дня отдыха не было дано.

Въ свое время надо было кому-то отстаивать Каменноугольный районъ и отстаивали безропотно Добровольцы, теперь надо кому-то быть въ безводныхъ и голодныхъ степяхъ, которыя къ тому же, по Вашимъ же телеграммамъ, не такъ ужъ безводны и голодны, и куда Вы въ свое время и просили сосредоточить Кубанцевъ, считая это направленіе наиболѣе блестящимъ и побѣднымъ.

Странно мнѣ все это писать; вѣдь, это такъ просто возстановить при малѣйшей объективности. Еще болѣе странно входить въ обсужденіе личныхъ отношеній. Никто не вправѣ бросать мнѣ обвиненія въ лицепріятіи. Никакой любви ни мнѣ не нужно, ни я не обязанъ питать. Есть долгъ, которымъ я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно

уже плетутся вокруг меня, но меня онъ не затрагиваютъ и я имъ значенія не придаю и лишь скорблю, когда онъ до меня доходятъ.

Уважающій Васъ А. Деникинъ ».

Отвѣтъ Главнокомандующаго произвелъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Въ немъ ярко отразились стратегическіе взгляды Главнокомандующаго: «Неужели же теперь», писалъ генералъ Деникинъ, «когда передъ нами огромныя перспективы въ видѣ Кіева, Одессы, Курска, намъ слѣдуетъ отъ нихъ отказаться и гнать войска только къ Саратову». Какъ и въ «Московской директивѣ» въ стремленіи овладѣть пространствомъ забывались основные принципы стратегіи.

Главнокомандующій придавалъ своему отвѣту полемическій характеръ. Считая, что, «если бы онъ слѣдовалъ совѣтамъ подчиненныхъ ему начальниковъ, то арміи Юга Россіи, вѣроятно, не достигли бы настоящихъ результатовъ», генералъ Деникинъ не останавливался передъ недостойными намеками.

Упомянувъ о томъ, что изъ Кавказской Арміи взято «и по количеству и по качеству» много меньше того, что предлагалъ я самъ, когда настаивалъ на необходимости, удерживая Царицынъ и выдѣливъ часть силъ для содѣйствія Астраханской операціи, сосредоточить крупную конную массу въ районѣ Харькова, генералъ Деникинъ бросалъ мнѣ обидный намекъ: «правда, что Вами уводъ всѣхъ перечисленныхъ дивизій намѣчался и съ Вашимъ уходомъ изъ Кавказской Арміи». Это была очевидная передержка: когда я предлагалъ переброску части силъ изъ Кавказской Арміи, я имѣлъ въ виду, что на остающіяся силы будетъ возложена задача удержанія Царицына и дѣйствія на второстепенномъ Астраханскомъ направленіи; и я возражалъ противъ ослабленія арміи, когда ей было поставлено «Московской директивой» «выйти на фронтъ Саратовъ — Ртищево — Балашовъ, смѣнить на этихъ направленіяхъ Донскія части и продолжать наступленіе на Пензу — Рузаевку — Арзамасъ и далѣе Нижній-Новгородъ, Владимиръ, Москву!!» Едва ли можно было допустить, что эта разница въ стратегической обстановкѣ ускользнула отъ Главнокомандующаго...

Упрекая меня въ томъ, что я, указывая на взятые у меня части, не упоминалъ о тѣхъ, которыя мнѣ даны взамѣнъ, генералъ Деникинъ указывалъ, что ко мнѣ «придутъ» два конныхъ Кабардинскихъ полка, что я «получу» два полка и одинъ батальонъ Дагестанцевъ, что взамѣнъ 7-ой дивизіи «идетъ» 2-ая Кубанская пластунская бригада.

Главнокомандующій не могъ не знать, что 7-ая дивизія взята у меня въ концѣ іюня, а обѣщанная взамѣнъ ея 2-ая пластунская бригада полтора мѣсяца спустя еще не прибыла, что большая часть обѣщанныхъ частей и не можетъ прибыть въ ближайшее время.

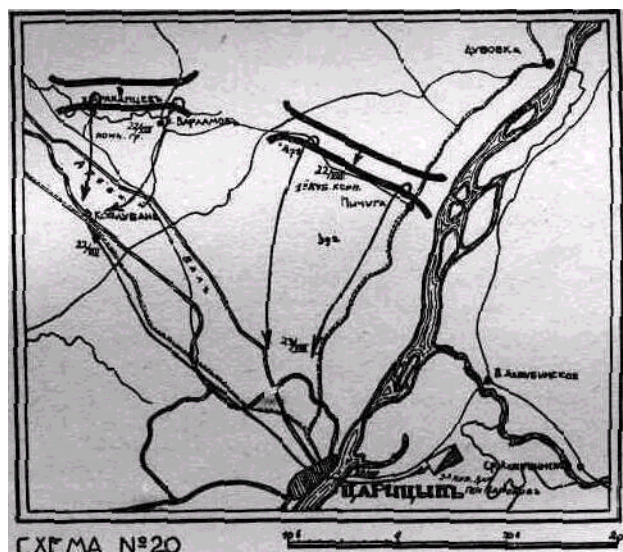
Странно было читать въ письмѣ Главнокомандующаго: «Я не знаю, идутъ ли къ Вамъ пополненія съ Кубани». Возможно ли было, чтобы Главнокомандующій не зналъ? Или, что «Кавказская Армія занимаетъ фронтъ въ 40 верстъ», когда помимо сорокаверстнаго фронта на сѣверѣ, войска Кавказской арміи дѣйствовали по обѣимъ берегамъ Волги на Астраханскомъ направленіи. Это не могло не быть извѣстнымъ Главнокомандующему.

Не могъ не знать генералъ Деникинъ и того, что районъ дѣйствій Добровольческой Арміи по сравненію съ пустыннымъ Задоньемъ неизмѣримо болѣе богатъ мѣстными средствами и населеніемъ, могущимъ поставить добровольцевъ въ войска, и когда онъ писалъ, что я просилъ сосредоточить Кубанцевъ въ эти «не такъ уже безводныя и голодныя степи», «считая это направленіе наиболѣе блестящимъ и побѣднымъ», онъ не только бросалъ мнѣ недостойный намекъ, но и грѣшилъ противъ истины.

Если доселѣ вѣра моя въ генерала Деникина какъ Главнокомандующаго и успѣла поколебаться, то послѣ этого письма и личное отношеніе мое къ нему не могло остаться прежнимъ.

Хотя письмо и вызвало раздраженіе противъ меня Главнокомандующаго, но оно несомнѣнно имѣло и благопріятныя послѣдствія. Штабъ Главнокомандующаго, получивъ, вѣроятно, соотвѣтствующія указанія свѣше, сталъ относиться къ нуждамъ моей арміи съ полнымъ вниманіемъ.

Въ ночь на 20-ое августа отрядъ генерала Мамонова благополучно переправился черезъ Волгу и сосредоточился въ Царицынѣ. Я произвелъ смотръ славнымъ полкамъ 3-ей дивизіи. Послѣ смотра дивизія выступила на присоединеніе къ нашей конной группѣ. Командованіе надъ послѣдней принялъ генералъ Улагай. 2-ая кубанская пластунская бригада и саратовцы были выдвинуты на позицію и должны были принять на себя отходящія войска. (Схема № 20). Къ 20 августа стали, наконецъ, подходить и пополненія съ Кубани.

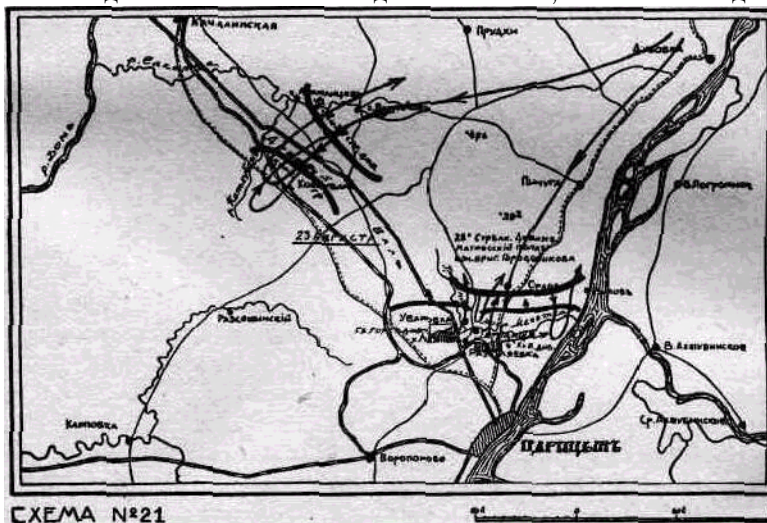

22-го августа части 1-го Кубанского корпуса вели бой на линии Пичуга — выс. 471, а конная группа в районе х. х. Варламовъ — Араканцевъ. Къ вечеру конная группа, оставивъ передовыя части на линии Древняго Вала, сосредоточилась у ст. Котлубань, гдѣ къ ней подошла 3-ья кубанская дивизія.

Части 1-го кубанскаго корпуса в течение дня 22-го августа удержали свое расположеніе, но около 9-ти часовъ вечера 4-ая кубанская казачья дивизія была вытѣснена изъ района выс. 392. Вслѣдствіе этого генераль Писаревъ рѣшилъ отвести войска 1-го кубанскаго корпуса на укрѣпленную позицію. Это и было выполнено в течение ночи на 23 августа и утра 23-го августа безъ помѣхи со стороны противника.

Такимъ образомъ в 9 часовъ 23-го августа главныя силы Кавказской арміи заняли слѣдующее расположеніе (схема № 21): жидкія цѣпи 1-го кубанскаго корпуса, в составъ котораго вошли Саратовскій пѣхотный полкъ и 2-ая кубанская пластунская бригада, заняли укрѣпленную Царицынскую позицію; конная группа генерала Улагая расположилась уступомъ впереди у ст. Котлубань. Расположеніе конной группы не позволяло противнику маневрировать в полосу между желѣзной дорогой Царицынь — Поворино и Дономъ в обходъ укрѣпленной позиціи и составляло угрозу для наступленія красныхъ противъ 1-го корпуса.

Между тѣмъ X-ая совѣтская армія, преслѣдуя наши отходящія части, тоже разбилась на двѣ группы; наиболее сильная, — 28-ая стрѣлковая дивизія, усиленная матросскимъ полкомъ и конной бригадой «товарища» Городовикова, должна была продолжать движеніе на югъ вдоль Саратовскаго большака, а 37, 38 и 39 стрѣлковыя дивизіи приняли на западъ, имѣя общее направленіе на станцію Котлубань. Конница противника, ослабленная переброской корпуса Буденнаго къ Воронежу, по невыясненнымъ причинамъ къ 23 августа оставалась нѣсколько в тылу и не могла оказать достаточно полнаго содѣйствія 37-ой, 38-ой и 39-ой дивизіямъ.

На 23 августа, какъ это выяснилось изъ захваченныхъ нами документовъ, красный командующій арміей, Егоровъ, поставилъ своимъ войскамъ задачей — «овладѣть Царицыномъ». Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ и «Главковерхъ» Каменевъ придавали овладѣнію «Краснымъ Верденомъ» исключительное значеніе.

Первый участокъ укрѣпленной позиціи отъ Волги до балки Грязная занимался Саратовскимъ пѣхотнымъ полкомъ, лѣвый отъ балки Грязная до желѣзной дороги — 2-ымъ и 8-ымъ пластунскими батальонами. Въ резервѣ корпуса остатки гренадеръ и 3-ей пластунской бригады были расположены въ восточной части села Городище и 4-ый пластунскій батальонъ въ селѣ Уваровка. Наблюденіе за рѣкой Волгой возложено на Саратовскій конный дивизионъ. Что касается двухъ конныхъ дивизій, подчиненныхъ генералу Писареву, то 4-ая кубанская дивизія должна была перейти въ корпусной резервъ южнѣ станціи Разгуляевка, а Сводно-горская дивизія получила приказаніе идти въ резервъ командующаго арміей въ село Ивановку³⁴, обѣ дивизіи вслѣдствіе большого утомленія людей и лошадей задержались съ выполненіемъ указанныхъ передвиженій и временно оставались въ непосредственной близости укрѣпленной позиціи (4-ая кубанская дивизія въ селѣ Городище, а Сводно-Горская въ селѣ Уваровка). Считая себя въ совершенной безопасности, дивизіи стояли разсѣдланными и люди отдыхали.

Эвакуація Царицына къ подходу арміи закончилась. Мой штабъ перешелъ въ поѣздъ, который стоялъ наготовѣ на городскомъ вокзалѣ. Я съ генераломъ Шатиловымъ и нѣсколькими офицерами штаба оставался въ городѣ. Послѣдній казался вымершимъ.

Выполняя поставленное краснымъ командованіемъ заданіе, 28-ая совѣтская дивизія, наступая вдоль большой дороги, около полудня заняла село Орловку и, развернувшись, послѣ полудня повела наступленіе на фронтъ рѣка Волга — балка Грязная. Атака поддерживалась чрезвычайно напряженнымъ огнемъ наземной артиллеріи и Волжской флотиліей красныхъ,

Главный ударъ красные направили по дорогѣ Прудки — Городище. Наступленіе велось густыми цѣпами и весьма рѣшительно.

Атакованный по всему фронту Саратовскій пѣхотный полкъ, пополненный плѣнными, не выдержалъ и при приближеніи красныхъ цѣпей къ проволокаѣ, прекратилъ огонь и началъ сдаваться. Благодаря измѣнѣ Саратовскаго пѣхотнаго полка, весь атакованный участокъ укрѣпленной позиціи перешелъ въ руки красныхъ.

Выдвинутый генераломъ Писаревымъ изъ своего резерва изъ села Уваровки 4-ый пластунскій батальонъ повелъ контръ-атаку черезъ западную часть села Городище, но почти сейчасъ же остановился, не будучи въ силахъ сдержать превосходнаго по силѣ противника. Восточнѣ Городища гренадеры не могли выдвинуться изъ балки Мокрая Мечетка и держались съ трудомъ. Взводъ 3-ей кубанской пластунской батареи, ставъ на открытую позицію къ сѣверу отъ Городищенской церкви съ величайшимъ самоотверженіемъ разстрѣливалъ въ упоръ наступающія цѣпы красныхъ, которые уже начинали спускаться въ село Городище. Къ этому времени 4-ая кубанская и Сводно-горская дивизіи, отдохавшія въ тылу и лишеныя, по условіямъ мѣстности, возможности видѣть бой, но безпокоимыя общей обстановкой тревоги, посѣдлали лошадей и начали строиться на скатахъ балки Мокрая Мечетка, откуда имъ открывалась картина боя. Дивизіи не успѣли получить приказаній, но положеніе было настолько ясно и необходимость немедленнаго вступленія въ бой конницы представлялась настолько очевидной, что какъ командующій 4-ой кубанской дивизіей полковникъ Скворцовъ, такъ и командующій Горской дивизіей полковникъ Шинкаренко, не стоворившись между собой, рѣшили ударить на врага.

4-ая кубанская дивизія атаковала между Саратовскимъ большакомъ и селомъ Городище, а Сводно-горская дивизія въ общемъ направленіи дороги къ Прудки — Городище. Конная атака была настолько для противника неожиданной и велась настолько стремительно, что побѣдоносная до того пѣхота красныхъ не могла выдержать удара и обратилась въ беспорядочное бѣгство. Наша конница, понесшая во время атаки значительныя потери, гнала противника за проволочныя загражденія, на которыхъ красные, не находя выхода, или гибли, или сдавались. Преслѣдованіе продолжалось почти до села Орловки и было остановлено лишь развертываніемъ резервовъ красныхъ и сильнымъ артилерійскимъ огнемъ. По окончаніи атаки обѣ дивизіи начали собираться внутри нашей укрѣпленной позиціи, къ сѣверу отъ села Городище.

³⁴ 25 верстъ южнѣ Царицына.

Въ этой первой атакѣ конницы были совершенно разгромлены всѣ прорвавшіяся части 28-ой стрѣлковой дивизіи, потерявшія помимо большого числа убитыхъ 800 плѣнныхъ и много пулеметовъ.

Оставленные саратовцами окопы занялъ 4-ый пластунскій батальонъ. Такимъ образомъ положеніе на наиболѣе угрожаемомъ направленіи было восстановлено, а противнику нанесенъ тяжкій ударъ. Войска окрылились, увѣрвали въ побѣду.

Съ началомъ сраженія я выѣхалъ изъ Царицына на поле боя, къ станціи Разгуляевка, куда прибылъ во время первой атаки нашей конницы. Я только что разыскалъ генерала Писарева, какъ послѣдній получилъ донесеніе отъ командира Саратовскаго коннаго дивизиона, наблюдавшаго берегъ Волги: приданный къ 28-ой совѣтской стрѣлковой дивизіи, матросскій полкъ подъ прикрытіемъ сильнѣйшаго артиллерійскаго огня съ судовъ рѣчной флотиліи вель наступленіе между Волгой и Саратовскимъ большакомъ, гдѣ наши оборонительныя работы были еще не закончены и проволочныя загражденія мѣстами еще отсутствовали. Почти не встрѣчая сопротивленія, устремившись главнымъ образомъ черезъ участокъ, сданный саратовцами, матросскій полкъ овладѣлъ всѣмъ правымъ флангомъ нашей позиціи и, распространяясь далѣе на югъ, занялъ на окраинѣ города орудійный и французскій заводы; отдѣльныя группы красныхъ, пройдя французскій заводъ, приближались уже къ домамъ города Царицына. Я приказалъ генералу Писареву атаковать прорвавшагося противника во флангъ гренадерами и послалъ по телефону приказаніе генералу Шатилову спѣшно выдвинуть на сѣверную окраину города мой конвой. Генераль Шатиловъ самъ уже отдалъ это приказаніе — дивизионъ конвойцевъ уже двинулся на рысяхъ. Сѣвъ въ автомобиль, я помчался къ 4-ой кубанской дивизіи, которая только что послѣ своей атаки отошла въ лощину къ югу отъ деревни Разгуляевки и едва успѣла спѣшиться. Я приказалъ полковнику Скворцову атаковать матросовъ во флангъ въ общемъ направленіи на орудійный заводъ, стремясь отрѣзать прорвавшихся.

Отдавъ приказаніе полковнику Скворцову, я помчался въ городъ. По улицамъ тянулись отходящіе обозы, шли длинные транспорты раненыхъ, обгоняя повозки, спѣшили кучки тянувшихся въ тылъ солдатъ, бѣжали испуганные, растерянные обыватели, съ узлами домашняго скарба... У помѣщенія штаба стояли два грузовика, грузились послѣдніе телефонные и телеграфные аппараты. Тутъ же стояли посѣдланые, мои и начальника штаба, кони и нѣсколько конвойныхъ казаковъ. Генераль Шатиловъ отдавалъ распоряженія послѣднимъ остававшимся еще въ городѣ офицерамъ штаба; офицеры спѣшили на вокзалъ, гдѣ стоялъ еще, готовый къ отходу, поѣздъ штаба.

Приказавъ отправить штабной поѣздъ на станцію Сарепта, а автомобилямъ штаба, проѣхавъ мостъ черезъ рѣку Царицу, ожидать за мостомъ приказаній, мы съ генераломъ Шатиловымъ сѣли на коней и въ сопровожденіи нѣсколькихъ ординарцевъ и конвойныхъ казаковъ рысью направились къ сѣверной окраинѣ города. Я рѣшилъ, въ случаѣ необходимости оставить городъ, отходить съ войсками. Мы подѣзжали къ вокзалу, когда надъ городомъ прогудѣлъ снарядъ. Снарядъ ударилъ въ одинъ изъ желѣзнодорожныхъ пакгаузовъ, раздался взрывъ, черный клубъ дыма взвился надъ вокзаломъ. Пыхтя отходилъ со станціи поѣздъ штаба. Другой снарядъ ударилъ недалеко отъ насъ въ какой то домъ — деревянная постройка пылала... Стрѣляла прорвавшаяся съ сѣвера непріятельская флотилія.

Намъ встрѣтился конвоецъ съ донесеніемъ. Конвойцы, спѣшившись, наступали на орудійный заводъ, противникъ отходилъ.

Мы выѣхали за городъ, направляясь къ хутору Лежневу, гдѣ я оставилъ генерала Писарева. Стало темнѣть. Бой впереди затихъ, изрѣдка гремѣли артиллерійскіе выстрѣлы.

— «Отходящихъ частей не видно. Вѣроятно, войска удержались», замѣтилъ генераль Шатиловъ.

— «Наша контръ-атака во флангъ должна была остановить противника. Я не дождался самой атаки, но думаю, что противникъ отброшенъ», согласился я.

Мы подѣзжали къ хутору Лежневу, когда стало совсѣмъ темно. Во дворѣ усадьбы стояли кони, въ окнахъ свѣтился огонь.

— «Положеніе полностью восстановлено», доложилъ генераль Писаревъ. Онъ только что получилъ подробное донесеніе съ нашего праваго фланга.

Полковникъ Скворцовъ съ тремя полками 4-ой кубанской дивизіи и 3-имъ Кабардинскимъ полкомъ, получивъ отъ меня приказаніе, атаковалъ красныхъ.

Полки, окрыленные своимъ первымъ успѣхомъ, стремительно бросились въ атаку и, несмотря на жестокой огонь съ судовъ, смяли матросовъ. Красные матросы, оборонявшіеся ожесточенно, были почти полностью уничтожены. Одновременно подошедшій на рысяхъ, спѣшившійся на окраинѣ города, конвой вытѣснилъ передовыя части красныхъ съ французскаго завода.

Въ наши руки попало много пулеметовъ. Плѣнныхъ, благодаря упорству боя, было взято всего около 500 человекъ. Остатки красныхъ бѣжали за линію Рыковъ — Орловка.

Двинутая изъ села Городище наша пѣхота (гренадеры) безпрепятственно заняла правобангальный участокъ укрѣпленной позиціи, полностью возстановивъ положеніе.

Напряженность боя стала падать. Противникъ ограничивался сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ по всему фронту отъ Волги до балки Грязной. Только на участкѣ къ сѣверу отъ села Городище, красные около 6-ти часовъ вечера произвели еще одну попытку наступленія и овладѣли было частью нашихъ окоповъ, но были отброшены нашей контр-атакой и отошли къ Орловкѣ.

Мы въ полной темнотѣ вернулись въ Царицынъ. На вокзалѣ я нашель переданнымъ по телеграфу донесенія генерала Улагая и Савельева.

Бой нашей конницы у Котлубани былъ также для насъ успѣшенъ. Какъ упоминалось выше, здѣсь къ вечеру 22-го августа сосредоточилась вся конная группа генерала Улагая (1-ая конная, 2-ая и 3-ья кубанскія дивизіи, Ингушская конная бригада), оставившая передовыя части по линіи Древняго Вала. Съ утра 23-го августа части 37-ой, 38-ой и 39-ой стрѣлковыхъ совѣтскихъ дивизій перешли въ наступленіе на станцію Котлубань и потѣснили наши передовыя части.

Сохраняя сосредоточенное расположеніе, генераль Улагай умышленно допустилъ наступленію красныхъ развиться, далъ имъ подойти къ участку желѣзной дороги: мостъ черезъ рѣку Котлубань — ст. Котлубань, послѣ чего сразу же перешель въ стремительное контр-наступленіе, атакуя всей массой конницы, поддержанной огнемъ нѣсколькихъ бронепоездовъ. Пѣхота красныхъ не выдержала удара и бросилась бѣжать. Наша конница преслѣдовала противника примѣрно до линіи выс. 471 — хуторъ Варламовъ — хуторъ Араканцевъ, послѣ чего, согласно приказаній генерала Улагая, снова собралась къ станціи Котлубань. Въ бою подъ Котлубанью нами было захвачено 4 орудія, 60 пулеметовъ и болѣе 4 000 плѣнныхъ.

Генераль Савельевъ, противъ котораго противникъ съ утра также перешель въ наступленіе, заслонившись частью силъ съ фронта, обрушился своей конницей на лѣвый флангъ красныхъ, разбилъ врага и, обративъ въ бѣгство, захватилъ 7 орудій, 30 пулеметовъ и 1 370 плѣнныхъ.

За весь день мы взяли всего 11 орудій, 104 пулемета и около 7 000 плѣнныхъ. Но самое важное было то, что этотъ успѣхъ вернулъ войскамъ вѣру въ побѣду, вдохнулъ новыя силы истомленнымъ и подавленнымъ 250-тиверстнымъ отступленіемъ полкамъ.

Мы ночевали на вокзалѣ. Я спалъ въ служебномъ кабинетѣ начальника станціи, положивъ на диванъ свою бурку и подложивъ подъ голову сѣдельную подушку.

Красное командованіе, понесшее жестокое пораженіе, не отказывалось, однако, отъ продолженія борьбы.

Съ разсвѣтомъ 24-го противникъ возобновилъ свои атаки на всемъ фронтѣ между Волгой и Дономъ. Части генерала Писарева въ теченіе дня неоднократно переходили въ контр-атаки.

Къ вечеру 24-го мы удержали всѣ свои позиціи. На лѣвомъ флангѣ генераль Улагай вновь одержалъ крупный успѣхъ, захвативъ 1 590 плѣнныхъ и пулеметы. Въ то же время генераль Савельевъ, преслѣдуя разбитаго наканунѣ противника, довершилъ его пораженіе, вновь захвативъ плѣнныхъ и пулеметы.

Ночью противникъ сдѣлалъ налетъ аэроплановъ на городъ, сбросилъ нѣсколько бомбъ, не причинивъ вреда. Мы съ генераломъ Шатиловымъ и нашимъ небольшимъ оперативнымъ штабомъ вернулись на жительство въ городъ. Штабъ арміи оставался въ поѣздѣ на станціи Сарепта.

25-го противникъ, видимо выдохшійся, ограничился артиллерійской стрѣльбой. Къ вечеру прибыли въ Царицынъ танки и я намѣтилъ 26-го перейти въ общее наступленіе.

Послѣ сраженія 23-го августа группировка красныхъ оставалась неизмѣнной: 1) 28-ая стрѣлковая дивизія съ приданными ей частями — къ сѣверу отъ укрѣпленной Царицынской

позиції въ районѣ села Орловка; 2) разбитыя 37-ая, 38-ая и 39-ая дивизіи, нѣсколько усилившіяся подошедшими съ сѣвера конными частями — къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ станціи Котлубань въ районѣ хуторовъ праваго берега рѣки Сакарки и станціи Качалинская. Двѣ эти группы не имѣли непосредственной связи по фронту, что позволяло намъ бить врага по частямъ.

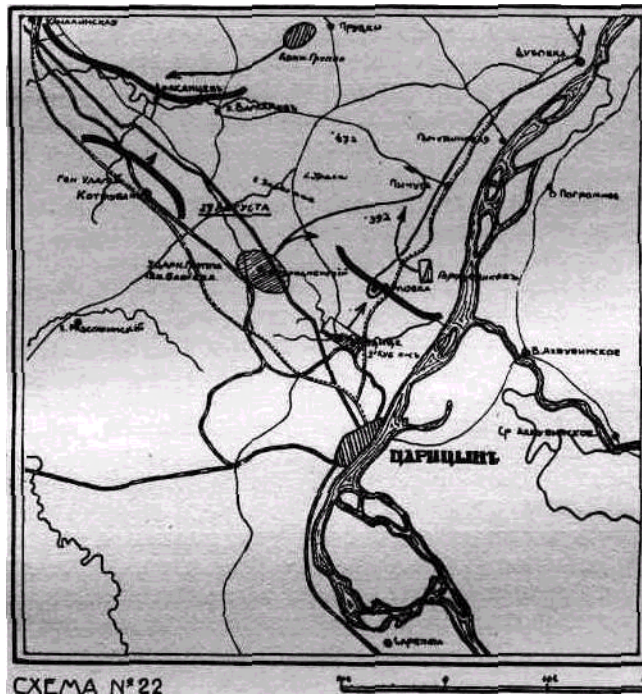
Утромъ 24-го августа въ районѣ разъѣздъ Конный — хуторъ Безродненскій была перебросена Сводно-Горская дивизія, развѣдка которой въ теченіе 24-го и 25-го августа выяснила, что красные занимаютъ лишь сравнительно узкій фронтъ отъ Волги по сѣверной сторонѣ Орловской балки; правый флангъ ихъ опредѣлился у верховьевъ этой балки и обезпечивался сравнительно слабыми силами конницы, — 28-мъ коннымъ полкомъ, или даже частью его. Красные настолько мало опасались за свой фронтъ, что къ сѣверо-западу отъ верховьевъ балки Орловская въ районѣ балокъ Забазная и Грачи нигдѣ не было даже ихъ развѣдывательныхъ частей и наши развѣзды, не встрѣчая противника, проходили на высоту 471. Только къ вечеру 25-го августа здѣсь появились мелкіе развѣзды красныхъ.

Въ общемъ же правый флангъ 28-ой стрѣлковой дивизіи оставался совершенно неприкрытымъ и между нимъ и ближайшими къ нему частями Качалинской группы имѣлся абсолютно никѣмъ не занятый промежутокъ около 20 верстъ.

Я рѣшилъ вести главную атаку противъ Орловской группы красныхъ именно со стороны хутора Безродненскаго, охватывая ея висящій въ воздухѣ правый флангъ и выходя въ тылъ противнику. Для этого въ районѣ хутора Безродненскаго должна была быть сосредоточена ударная группа съ прибывшими танками. Одновременно части 1-го Кубанскаго корпуса должны были перейти въ наступленіе на Орловку съ фронта. Для сформированія ударной конной группы приходилось извлечь часть конницы изъ состава конной группы генерала Улагая. Бои послѣдняго у станціи Котлубань не позволили сдѣлать это ранѣе 26-го и наступленіе пришлось отложить на одинъ день, назначивъ его на 27-го августа. (Схема № 22).

Ближайшее руководство всей операціей было возложено на временно командующаго 1-ымъ Кубанскимъ корпусомъ генерала Писарева. Конная группа генерала Бабіева въ составѣ 3-ей Кубанской и Сводно-Горской дивизій съ танками должна была, сосредоточившись въ районѣ хутора Безродненскаго, на разсвѣтъ 27-го августа атаковать противника съ сѣвера отъ Орловской балки, нанося ему ударъ во флангъ и тылъ. Одновременно гренандеры и части 2-ой Кубанской пластунской бригады, имѣя за собой 4-ую Кубанскую дивизію, должны были, перейдя въ наступленіе на участкѣ рѣка Волга — балка Грязная, атаковать Орловку съ фронта.

Около 7-ми часовъ конная группа генерала Бабіева сосредоточилась у хутора Безродненскій и, перейдя главными силами балку, приступила къ выполненію охватывающаго маневра. Танки съ однимъ коннымъ полкомъ двигались нѣсколько правѣе главныхъ силъ конной группы отъ Безымяннаго хутора, что въ одной верстѣ южнѣе хутора Безродненскаго, прямо къ верховьямъ Орловской балки. Въ своемъ движеніи танки натолкнулись на сторожевое охраненіе 28-го совѣтскаго коннаго полка, которое крайне поспѣшно отошло, послѣ чего по всему фронту красныхъ распространилось извѣстіе о появленіи нашихъ боевыхъ машинъ.

Эффектъ, произведенный на противника этимъ извѣстiемъ, былъ такъ великъ, что пѣхотныя части 28-ой стрѣлковой дивизіи, не ожидая не только атаки, но даже и появления нашихъ танковъ, начали поспѣшный отходъ на сѣверъ, бросивъ почти безъ сопротивленія свои позиціи къ сѣверу отъ Орловской балки, которыя и были очень легко заняты пѣхотой генерала Писарева.

Между тѣмъ конница генерала Бабіева, имѣя впереди части Сводно-Горской дивизіи, успѣла выйти къ сѣверу отъ верховьевъ Орловской балки и, тѣсняя 28-ой совѣтскій конный полкъ, подходила къ запруженному отступающей пѣхотой, артиллеріей и обозами Саратовскому большаку. Атака частей Сводно-горской дивизіи обратила отступленіе противника въ беспорядочное бѣгство. Весь участокъ большой дороги отъ Орловки до высотъ южнѣ Пичуги включительно былъ усѣянъ брошенными орудіями, повозками и различнаго рода имуществомъ. 28-ая стрѣлковая дивизія избѣгла полнаго уничтоженія только благодаря появленію со стороны села Орловки красной конной бригады «товарища» Городовикова, прикрывавшей съ юга отходъ своей пѣхоты и сохранившей полный порядокъ. Бригада эта отбѣснила на западъ малочисленные полки Горской дивизіи, причемъ былъ убитъ герой Кабарды полковникъ Заурь-Бекъ-Серебряковъ. Подоспѣвшая 3-ья кубанская дивизія отбросила конницу красныхъ. Преслѣдуемый Сводно-горской и 4-ой кубанской дивизіями противникъ въ большомъ разстройствѣ отошелъ за Пичугу и, хотя здѣсь наше преслѣдованіе за утомленіемъ коней приостановилось, продолжалъ безостановочно отступать къ Дубовкѣ. Нѣкоторыя пѣхотныя части красныхъ бѣжали за Дубовку.

Наша пѣхота и 3-ья кубанская дивизія остановились въ районѣ Орловки. Я проѣхалъ къ нимъ и поздравилъ войска съ новой побѣдой.

Къ вечеру въ Орловку была оттянута 4-ая кубанская дивизія. Тамъ собралась вся группа генерала Писарева. Впереди, у Пичуги оставалась Сводно-горская дивизія, ведшая развѣдку на Пичужинскую, Дубовку и Прудки.

Въ результатъ дня 27-го августа, хотя Орловская группа красныхъ и избѣгла полнаго уничтоженія, тѣмъ не менѣе ей былъ нанесенъ жестоій ударъ. Красные потеряли 13 орудій, много пулеметовъ и около 2 000 плѣнныхъ. 28-ая совѣтская дивизія была почти полностью уничтожена.

Въ бояхъ 23-го — 27-го августа II-ая и X-ая красныя арміи были жестоко разгромлены, оставивъ въ нашихъ рукахъ около 18 000 плѣнныхъ, 31 орудіе и 160 пулеметовъ. Окрыленная побѣдой, Кавказская армія вновь обрѣла свои силы. Войска съ вѣрою смотрѣли впередъ.

Поѣздка моя въ Екатеринодаръ и переговоры съ атаманомъ и членами правительства оказались не безплодными. Пополненія съ Кубани стали подходить. Укрывавшіеся въ

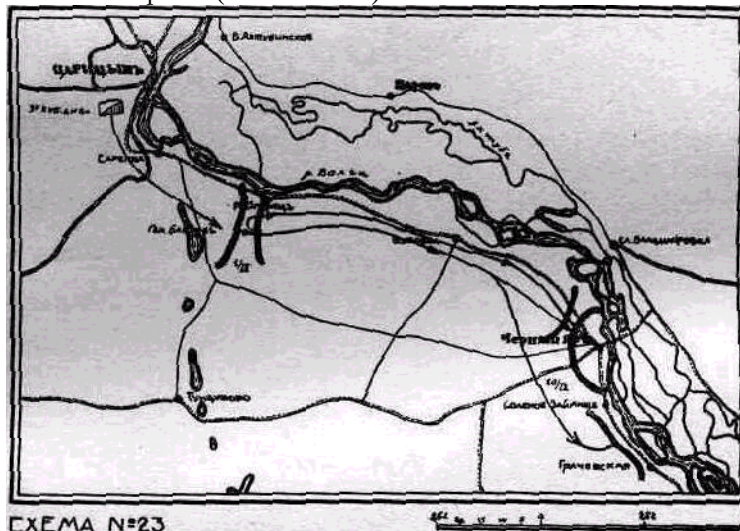
станциях казаки массами возвращались на фронт. Полки быстро пополнялись. После письма моего генералу Деникину штаб главнокомандующего стал весьма внимателен, просьбы моего штаба быстро исполнялись. Армия получила часть уже давно обещанного обмундирования и пехотные и пластунские части оделись в английские френчи, шинели и прекрасные, прочные ботинки.

Захваченной у противника артиллерией укомплектовывались наши батареи, число орудий в большинстве батарей стало нормальным. Огромные, попавшие в наши руки неприятельские обозы, давали возможность сформировать войсковые и армейские транспорты. Работы по дальнейшему укреплению позиции неустанно продолжались. К 5 — 6 сентября весь фронт позиции до самой Волги затянулся проволокой. Строились блиндажи для позиционной артиллерии. Наши аэропланы ежедневно совершали налеты в тыл красных, бомбардировали неприятельские резервы, отыскивали и забрасывали бомбами красные батареи. Английским отрядом летчиков были потоплены несколько вооруженных неприятельских пароходов.

Город, хотя и опустевший, понемногу возвращался к нормальной жизни. В виду эвакуации всего гражданского управления все заботы о занятой войсками местности перешли к моему штабу. Я назначил состоящего в моем распоряжении графа Гендрикова, бывшего Орловского губернатора, начальником города; последний с помощью оставшихся в Царицын двух членов управы принял на себя заботы о городском благоустройстве.

Между тем на Черноярском направлении упорные бои не прекращались. Подтянув к Черному Яру части, взятые из состава IV-ой и XI-ой красных армий, противник перешел в наступление против частей генерала Савельева (Астраханская конная дивизия, вновь сформированные стрелковые полки 2-ой Кубанской и Горской дивизий), стремясь выйти к Сарепте на сообщения Кавказской армии. В ряд упорных боев наши части понесли тяжелые потери. Особенно тяжела была потеря тяжело раненого ружейной пулей в голову начальника Астраханской дивизии генерала Савельева. Блестящий кавалерийский начальник, прекрасно разбиравшийся в обстановке, храбрый и решительный он весьма удачно в течение двух месяцев действовал со своей дивизией, обеспечивая тыл армии с юга.

К 27-ому августа красные заняли Райгород. Дальнейшее их продвижение угрожало общему положению Кавказской армии. (Схема № 23).

Я решил после победы 27-го августа перебросить на Черноярское направление 3-ью кубанскую дивизию, объединив командование всеми войсками на этом направлении в руках начальника последней генерала Бабиева³⁵. Ему ставилось задачей разбить противника и в дальнейшем овладеть Черным Яром, чтобы раз навсегда покончить с Черноярской группой красных.

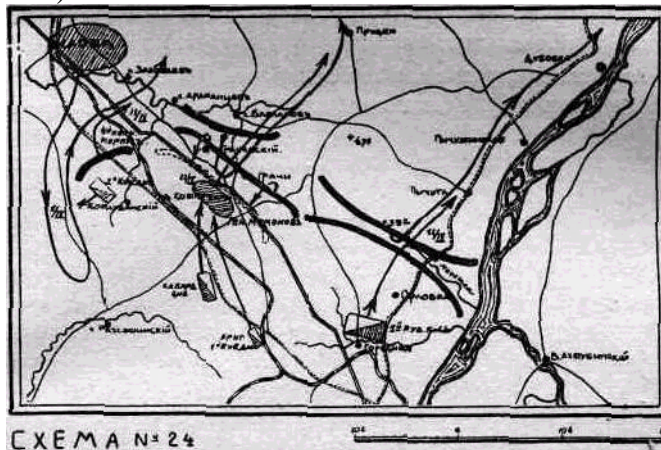
Рядом успешных боев генерал Бабиев отбросил противника в укрепленный Черноярский лагерь. Часть его конницы, обойдя Черный Яр с юга, вышла к Волге на участке

³⁵ С возвращением в строй генерала Бабиева, временно командовавший 3-ей дивизией генерал Мамонев был назначен начальником вакантной 2-ой дивизии.

Грачевская — Солёное Займище. Съ 1-го по 10-ое сентября части генерала Бабіева захватили около 3 000 плѣнныхъ, 9 орудій и 15 пулеметовъ. Черноярская группа красныхъ потеряла свою активность.

На сѣверномъ фронтѣ Кавказской арміи красные спѣшно пополняли и приводили въ порядокъ свои разбитая въ концѣ августа арміи. 7-го сентября противникъ повелъ второе наступленіе на Царицынъ, избѣгая прежняго дробленія на двѣ изолированныхъ, одна отъ другой, группы и направляя главный ударъ на Котлубань.

Наша группировка въ общемъ оставалась прежней: 1-ый кубанскій корпусъ на укрѣпленной Царицынской позиціи, имѣя конницу и пластуновъ на передовой позиціи, къ сѣверу отъ Орловской балки, и Саратовскій конный дивизионъ въ хуторѣ Безродненскомъ; конница генерала Улагая, усиленная 4-мъ пластунскимъ батальономъ и танками, у станціи Котлубань. (Схема № 24).

8-ого сентября завязался бой передовыхъ частей на линіи балка Сухая Мечетка — высота 392 — балка Грачи — хуторъ Грачевскій. 9-го сентября противникъ повелъ энергичное наступленіе на станцію Котлубань со стороны хуторовъ Варламовъ и Араканцевъ, направляя въ то же время крупныя силы конницы корпуса Жлобы западнѣ рѣки Котлубань во флангъ и тылъ генералу Улагая. Движеніе это сперва имѣло успѣхъ, и передовыя части красныхъ проникли почти до хуторовъ Разсошинскихъ. Ударъ 1-ой конной дивизіи, угрожавшей отрѣзать противника, вынудилъ конницу Жлобы поспѣшно отойти на сѣверъ — положеніе къ западу отъ желѣзной дороги было восстановлено. Въ раонѣ непосредственно прилегающемъ къ желѣзной дорогѣ 4-ый пластунскій батальонъ удержалъ свое расположеніе. Далѣе на востокъ генераль Мамоновъ со 2-ой кубанской дивизіей, поддержанной танками, не допустилъ противника перейти линію Древняго Вала.

Въ общемъ день прошелъ для насъ успѣшно. Однако, силы противника далеко не были исчерпаны. Я предвидѣлъ повтореніе атакъ на группу генерала Улагая и поспѣшилъ усилить ее за счетъ 1-го Кубанскаго корпуса, перебросивъ къ Котлубани сначала Кабардинскую дивизію (бывшая Сводно-Горская), а за тѣмъ и бригаду 1-ой кубанской дивизіи. 10-го сентября бой возобновился. Считаая наиболѣе угрожаемымъ свой правый флангъ, генераль Улагай сосредоточилъ къ востоку отъ желѣзной дороги между станціей Котлубань и хуторъ Грачи, подъ общимъ начальствомъ генерала Мамонова, 2-ую кубанскую дивизію, Кабардинскую дивизію и бригаду 1-ой кубанской дивизіи со всѣми танками; непосредственные подступы къ станціи Котлубань оборонялъ 4-ый пластунскій батальонъ, поддерживаемый бронепоездами; къ западу отъ желѣзной дороги оставался 4-ый Конный корпусъ генерала Топоркова, въ составѣ 1-ой конной и 4-ой кубанской дивизіи и Ингушской конной бригады. Группировка эта оставалась неизмѣнной во все время послѣдующихъ боевъ.

Съ утра 11-го сентября красные возобновили наступленіе противъ группы генерала Улагая, ведя главную атаку значительными силами пѣхоты и конницы восточнѣ желѣзной дороги. Остановивъ сосредоточеннымъ огнемъ многочисленныхъ батарей и выдвиганіемъ танковъ пѣхоту красныхъ, генераль Мамоновъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе черезъ хуторъ Грачи и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Опрокинувъ врага и неотступно преслѣдуя его до села Прудки, онъ почти полностью уничтожилъ красную пѣхоту, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и много трофеевъ. Одновременно 4-ый конный корпусъ отбросилъ конницу Жлобы

къ хуторамъ Араканцевъ и Заховаевъ. На ночь группа генерала Улагая вновь сосредоточилась въ районѣ хуторъ Грачи — станція Котлубань — хуторъ Котлубанскій.

Одновременно съ успѣшнымъ боемъ конницы генерала Улагая, 1-й кубанскій корпусъ 11-го сентября тоже перешель въ наступленіе по всему фронту, сбиль противника и отбросилъ его въ районъ Дубовки, занявъ передовыми частями Пичугу.

Въ бояхъ 9 — 11 сентября красные понесли значительныя потери убитыми, ранеными и плѣнными. Пѣхотныя части противника, пришедшія въ полное разстройство, были отведены на сѣверъ отъ линіи Пинчужинская — Прудки, и только конница Жлобы оставалась выдвинутой впередъ передъ правымъ флангомъ своей разбитой арміи. Конница эта предпринимала еще разъ частичную попытку атаковать группу генерала Улагая 13-го сентября, но попытка эта была сравнительно легко отбита нами, и части «товарища» Жлобы поспѣшно отошли на сѣверъ.

Послѣ боя 13-го сентября на сѣверномъ фронтѣ арміи вновь наступило затишье. Я поспѣшилъ воспользоваться этимъ, дабы завершить операціи на южномъ направленіи. Закончившая укомплектованіе 3-ья кубанская пластунская бригада и часть снятой съ сѣвернаго фронта артиллеріи были направлены къ генералу Бабіеву. Послѣднему ставилась задача овладѣть Чернымъ Яромъ. Къ сожалѣнію генералъ Бабіевъ, прекрасный кавалерійскій начальникъ, плохо умѣлъ пользоваться пѣхотой и съ поставленной ему задачей не сумѣлъ справиться. Начатая имъ безъ достаточной артиллерійской подготовки 24-го сентября атака укрѣпленной Чернойрской позиціи не удалась. 3-я пластунская бригада понесла громадныя потери и къ дальнѣйшимъ активнымъ дѣйствіямъ оказалась уже неспособной. Противникъ, оставаясь за проволокой, продолжалъ удерживать Черный Яръ.

27-го сентября противникъ на сѣверѣ по всему фронту между Волгой и Дономъ вновь перешель въ наступленіе, нанося главный ударъ своей конницей «товарищей» Думенко и Жлобы. Конница красныхъ, сосредоточенная въ станицѣ Качалинской, направлялась вдоль Дона черезъ хуторъ Вертячій съ задачей выйти въ тылъ Кавказской арміи. (Схема № 25).

Настойчивыя атаки, веденныя красными въ полосѣ между Волгой и желѣзной дорогой, къ вечеру 27-го сентября были всюду отбиты нами. Наши части захватили много плѣнныхъ. Въ этотъ день въ бою у хутора Грачи былъ убитъ командовавшій правофланговой группой конницы генерала Улагая генералъ Мамоновъ. Это была для арміи невознаградимая потеря. Къ западу отъ желѣзной дороги конницѣ красныхъ, наступавшей въ подавляющихъ силахъ, удалось занять хуторъ Вертячій.

28-го сентября напряженность боевъ къ востоку отъ желѣзной дороги значительно ослабѣла. Жестокая неудача, понесенная красными наканунѣ, исчерпала ихъ порывъ.

Между тѣмъ конница Думенко и Жлобы съ утра двинулась на югъ черезъ хуторъ Песковатскій и далѣе по Песковатской балкѣ въ общемъ направленіи на станцію Карповка. Около 11 часовъ конница эта вступила въ бой съ двумя слабыми полками 1-ой конной дивизіи на высотахъ къ западу отъ хуторовъ Бабуркинъ — Алексѣевскій. Встрѣтивъ сопротивление, красная конница приостановила свое наступленіе и около 12 часовъ, не достигнувъ станціи Карповка и опасаясь за свой тылъ, повернула назадъ на хуторъ Вертячій, гдѣ и заночевала.

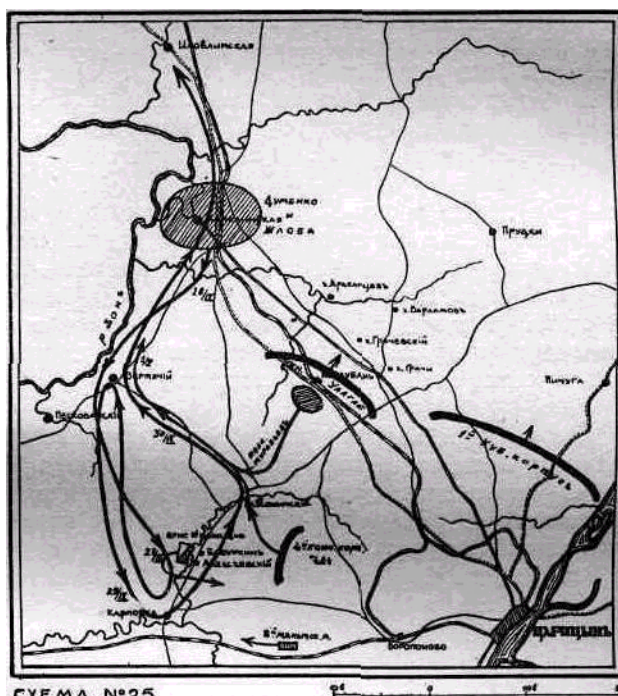

СХЕМА №25

Я послал приказание генералу Улагаю перейти в наступление, нанося удар в тыл конницы противника, стремясь прижать ее к Дону. К сожалению генерал Улагай после ряда тяжелых боев замешкался и дал возможность противнику 29-го сентября, потеснив части 4-го конного корпуса, выйти в глубокий тыл армии. После полудня красные заняли станцию Карповка, захватив линию железной дороги Лихая — Царицын.

Армия еще раз переживала часы крайнего напряжения. В распоряжении моем почти не было свободных сил.

Утром в этот день я выехал на станцию Чирь, условившись встретиться с командующим Донской армией. Мы хотели сговориться о совместных дальнейших действиях. Поезд генерала Сидорина уже стоял на станции Чирь. В поезд командующего армией застал я недавно вернувшегося после продолжительного рейда в тыл красных генерала Мамонтова. Имя генерала Мамонтова было у всех на устах. Донской войсковой круг торжественно чествовал его, газеты были наполнены подробностями рейда.

Я считал действия генерала Мамонтова не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгоды своего положения для разгрома войск противника, но явно избегал боя, все время уклоняясь от столкновений.

Полки генерала Мамонтова вернулись обремененные огромной добычей в виде гуртов племенного скота, возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей генерал Мамонтов передал по радио привет «родному Дону» и сообщал что везет «Тихому Дону» и «родным и знакомым» «богатые подарки». Дальше шел перечень «подарков», включительно до церковной утвари и ризь. Радиотелеграмма эта была принята всеми радиостанциями. Она не могла не быть известна и штабу Главнокомандующего. Однако, генерал Мамонтов не только не был отрешен от должности и предан суду, но ставка явно его выдвигала...

Мы только что съели завтрак, как генерал Шатилов вызвал меня к телеграфному аппарату. Он успел передать мне, что станция Карповка красными занята, как токъ прервался... Я оказался отрешенным от своей армии.

Я решил во что бы то ни стало вернуться к своим войскам. Условившись с генералом Сидориным о последующих действиях, причем он обещал мне отдать распоряжение своим правофланговым частям перейти в наступление, и приказав поезду своему следовать в Царицын через Ростов и Торговую, я выехал автомобилем на хутор Верхнецарицынской. Со мною ехал адъютант. На случай встречи красной конницы мы вооружились пулеметом. Сумерки быстро спускались. Мы мчались, напряженно глядя ваясь

въ даль. Въ полную темноту прибыли мы въ хуторъ Верхнецарицынскій, забитый многочисленными обозами. Передавались слухи о томъ, что конница противника уже въ Царицынѣ, что поѣздъ мой захваченъ красными. Не останавливаясь я проѣхалъ на станцію Тингуту и отсюда на паровозѣ помчался въ Царицынъ. Въ часъ ночи я былъ уже въ Сарептѣ, откуда по аппарату связался съ начальникомъ штаба. Генералъ Шатиловъ находился попрежнему на станціи Воропоново, куда я съ началомъ операции перенесъ свой оперативный штабъ, такъ какъ противникъ послѣдніе дни непрерывно обстрѣливалъ городъ съ лѣваго берега своей артиллеріей.

Красные, занявъ станцію Карповка, дальше не продвигались. Генералъ Шатиловъ отдалъ распоряженіе срочно перебросить къ Карповкѣ изъ Царицына единственный, бывший въ его распоряженіи, 2-ой Манычскій полкъ (Астраханской дивизіи).

Оправившійся 4-ый конный корпусъ перешелъ въ наступленіе со стороны высоты 444, а генералъ Улагай двинулъ наконецъ въ тылъ краснымъ черезъ хуторъ Котлубанскій группу полковника Муравьева въ составѣ Кабардинской дивизіи, Ингушской и Дагестанской конной бригады, а затѣмъ и части 2-ой кубанской дивизіи.

Чувствительные къ угрозѣ своимъ сообщеніямъ красные начали оттягивать свои силы отъ станціи Карповка, вступивъ въ бой съ полковникомъ Муравьевымъ въ районѣ хуторовъ Разсошинскихъ. Къ разсвѣту подошелъ Манычскій полкъ, вскорѣ занявшій станцію Карповка.

30-го сентября красная конница, тѣснямая нашей, отошла къ хутору Вертячему, гдѣ въ теченіе всего дня вела бой съ частями полковника Муравьева, объединившаго командованіе и надъ 4-ымъ коннымъ корпусомъ.

1-го октября Думенко и Жлоба очистили хуторъ Вертячий и отошли сперва къ станціи Качалинская, а затѣмъ и дальше на сѣверъ къ станціи Иловлинской. Продвиженіе донцовъ на сѣверъ заставило красное командованіе вскорѣ оттянуть съ моего фронта свою конницу. Это позволяло моей арміи самой перейти въ наступленіе.

1-го октября я вернулся изъ Воропоново въ Царицынъ. Противникъ продолжалъ изрѣдка обстрѣливать городъ. Одинъ осколокъ попалъ въ крышу моего вагона. Однако, вскорѣ наша воздушная развѣдка обнаружила батарею врага. Замѣченныя двѣ шестидюймовыя гаубицы были атакованы нашей эскадрилей. Удачными попаданіями метательныхъ снарядовъ непріятельская артиллерія была приведена къ молчанію.

Проѣздомъ изъ Пятигорска въ Таганрогъ пріѣхалъ навѣстить меня главноначальствующій Сѣвернаго Кавказа генералъ Эрдели.

Онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ о дошедшихъ до него слухахъ, будто бы между мною и генераломъ Деникинымъ за послѣднее время «нелады». Говорили, что я разошелся съ Главнокомандующимъ не только въ вопросахъ военныхъ, но и политическихъ. Имя мое будто бы противопоставлялось генералу Деникину правыми общественными кругами, недовольными политикой главного командованія.

Все это, конечно, не имѣло основаніе. Сидя безвыѣздно въ Царицынѣ, я былъ далеко отъ политической жизни. Изъ крупныхъ общественных дѣятелей я мало кого зналъ. Однако, въ нездоровой атмосферѣ тыла чья то незримая рука продолжала вести недостойную игру.

4-го октября всѣ части сѣвернаго фронта Кавказской арміи перешли въ наступленіе. Сломивъ въ рядѣ боевъ ослабленнаго предыдущими неудачами противника, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, большое число орудій и пулеметовъ, наши части къ 10 октября вышли главными силами на линію Дубовка — хуторъ Шишкинъ, гдѣ и остановились, выдвинувъ передовыя части на высоту села Лознаго.

Третье наступленіе красныхъ окончилось также неудачно, какъ и первыя два. Въ шестинедѣльныхъ упорныхъ бояхъ Царицынская группа противника, въ составѣ которой вошли части II-ой, IV-ой, X-ой и XI-ой красныхъ армій, была жестоко разгромлена. Духъ противника былъ сломленъ. Между тѣмъ успѣвшая отдохнуть и значительно пополниться Кавказская армія, послѣ ряда одержанныхъ побѣдъ, успѣла совершенно окрѣпнуть. Опасность Царицыну можно было считать на долгое время устраненной.

Главнокомандующій поздравилъ армію съ побѣдой, отмѣтивъ въ телеграммѣ, что «талантливое руководство командующаго арміей и доблесть войскъ обезпечили побѣду».

6-го октября я отдалъ арміи приказъ:

« П Р И К А З Ъ
Кавказской Арміи
№ 465.

Ст. Сарепта

6 октября 1919 года.

Славныя войска Кавказской арміи,

Два мѣсяца тому назадъ противникъ, собравъ многотысячныя полчища, бросилъ ихъ на Царицынъ. Истомленные четырехсотверстнымъ походомъ черезъ безводную Калмыцкую степь, съ рядами, порѣдѣвшими въ кровавыхъ бояхъ подъ Великокняжеской, Царицыномъ и Камышиномъ, Вы были сильны одной лишь доблестью. Безтрепетно приняли Вы ударъ во много разъ сильнѣйшаго врага.

Отходя шагъ за шагомъ, съ безмѣрнымъ мужествомъ отбивая жестокіе удары противника. Вы дали мнѣ время укрѣпить Царицынъ и собрать на помощь Вамъ войска.

Въ рѣшительномъ сраженіи 23 — 26 августа Вы разгромили II-ую и X-ую непріятельскія арміи и десятитысячную конницу врага, наступавшія на Царицынъ съ сѣвера. 18 000 плѣнныхъ, 31 орудіе и 160 пулеметовъ стали Вашей добычей.

Обратясь на югъ. Вы въ бояхъ съ 1-го по 10-ое сентября нанесли полное пораженіе обходившимъ Васъ съ тыла частямъ IV-ой и XI-ой непріятельскихъ армій, вновь захвативъ 3 000 плѣнныхъ, 9 орудій и 15 пулеметовъ.

Вывдвинувъ подкрѣпленія, врагъ съ мужествомъ отчаянія черезъ 15 дней пытался повторить ударъ. Въ бояхъ съ 28-го сентября по 3-ье октября всѣ бѣшенныя атаки его отбиты, и 4-го октября армія перешла въ наступленіе.

Нынѣ противникъ отброшенъ къ сѣверу отъ города на 50 верстъ, и Царицыну въ настоящее время опасность не угрожаетъ.

Блестящая разработка операціи штабомъ арміи, во главѣ съ генераломъ Шатиловымъ, прекрасное руководство боемъ старшихъ начальниковъ, генераловъ Улагая, Писарева, Топоркова, Бабіева, Савельева и Мамонова, доблесть начальниковъ всѣхъ степеней и беззавѣтная храбрость войскъ обезпечили побѣду.

Ура Вамъ, славныя Орлы Кавказской арміи.

Генераль В р а н г е л ь ».

Работа моего штаба въ теченіе всего періода лѣтней кампаніи дѣйствительно достойна была благодарности. Генераль Шатиловъ въ должности начальника штаба арміи оказался для меня совершенно незамѣнимымъ помощникомъ. Блестящаго ума, выдающихся способностей, обладая большимъ военнымъ опытомъ и знаніями, онъ при огромной работоспособности умѣлъ работать съ минимальной затратой времени. Дѣло у него буквально горѣло. Избавляя меня отъ многочисленныхъ второстепенныхъ вопросовъ и принимая на себя, когда того требовали обстоятельства, отвѣтственныя рѣшенія, онъ въ то же время не посягалъ на свободу моихъ, составляя въ этомъ случаѣ рѣдкое исключеніе среди наиболѣе способныхъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба. Помимо служебныхъ, я былъ связанъ съ Шатиловымъ и старыми дружескими отношеніями.

Составъ ближайшихъ сотрудниковъ моего штаба былъ такъ же весьма удаченъ. Часть изъ этихъ сотрудниковъ, какъ-то дежурный генераль генераль Петровъ, начальникъ артиллеріи генераль Макѣевъ, начальникъ военныхъ сообщений генераль Махровъ, состояли въ штабѣ еще въ бытность начальникомъ штаба генерала Юзефовича, другіе, какъ генераль-квартирмейстеръ генераль Зигель и начальникъ снабженій генераль Вильчевскій, начали работу свою уже при генераль Шатиловѣ. Работа начальника снабженій требовала отъ послѣдняго въ настоящихъ условіяхъ особенныхъ способностей. Несмотря на огромныя богатства мѣстными средствами занятой войсками Юга Россіи территоріи и крупную матеріальную помощь въ военномъ снабженіи, оказываемую намъ англичанами, войска во воемъ нуждались. Главныя органы снабженій ставки не справлялись съ своей задачей и не умѣли должнымъ образомъ использовать ресурсы страны. Доставляемое англичанами имущество большей частью растрчивалось и въ то время, какъ не только всѣ тыловыя управления и учрежденія, но и значительное число обывателей были одѣты въ свѣжее англійское обмундированіе, войска получали самое ничтожное количество вещей.

Еще 7-го сентября я писалъ генералу Романовскому:

«Командующій
Кавказской Арміей

Глубокоуважаемый

Иванъ Павловичъ!

Мѣсяцъ тому назадъ я обратился съ письмомъ къ Главнокомандующему, въ коемъ съ полной откровенностью изложилъ печальное состояніе моей арміи, явившееся слѣдствіемъ цѣлаго ряда возложенныхъ на нее непосильныхъ задачъ. Я получилъ отвѣтъ, наполненный оскорбительными намеками, гдѣ мнѣ бросался упрекъ, что я руководствуюсь не благомъ дѣла и арміи, а желаніемъ побѣдныхъ успѣховъ. Есть обвинения, которыя опровергать нельзя и на который единственный достойный отвѣтъ — молчаніе. Служа только Родинѣ, я становлюсь выше личныхъ нападковъ и вновь черезъ Васъ обращаюсь за помощью моей арміи. Армія раздѣта; полученныхъ мною 15 000 разрозненныхъ комплектовъ англійскаго обмундированія, конечно, далеко не достаточно, раненые уходятъ одѣтыми и замѣняются людьми пополненія, приходящими голыми. Тыловая войска изъ военноплѣнныхъ раздѣта совершенно. Второй день по утрамъ морозы, простудныя заболѣванія пріобрѣли массовый характеръ и арміи грозитъ гибель. Какъ Вы знаете, тыловой раіонъ арміи — безлюдная степь. Своимъ попеченіемъ ни одежды, ни обуви мнѣ заготовить нельзя и безъ помощи свыше не обойтись. Прошу Васъ помочь мнѣ. Время не терпитъ. Съ громаднѣмъ трудомъ мнѣ удалось, наконецъ, побудить Кубань дать пополненія, но армія растаетъ отъ болѣзней, или разбѣжится, если въ ближайшее же время ее не одѣнуть... Горячо прошу Васъ помочь мнѣ для пользы общаго дѣла.

Жму Вашу руку и одновременно официальной телеграммой прошу Васъ о томъ же.

П.Врангель.

7-го сентября 1919 года».

Черезъ нѣсколько дней я получилъ очень любезный отвѣтъ:

«Начальникъ Штаба
Главнокомандующаго
Вооруженными силами на
Югѣ Россіи
10 сентября 1919 г.

Глубокоуважаемый

Петръ Николаевичъ!

Вашъ вопросъ о снабженіи опять затрагиваетъ наше больное мѣсто. У Васъ впечатлѣніе, что Вамъ не хотятъ помогать, между тѣмъ увѣряю Васъ, что Главнокомандующій и штабъ дѣлаютъ все, чтобы удовлетворить Васъ въ первую очередь, такъ какъ мы, конечно, прекрасно понимаемъ, что у Васъ зима будетъ и суровѣ чѣмъ у другихъ, и тылъ Вашъ бѣднѣ тыловъ Донской и Добровольческой арміи; но, очевидно, возможности наши меньше потребностей. Быть можетъ не хватаетъ у насъ самодѣтельности, но и въ этомъ смыслѣ дѣлается все возможное. Въ настоящее время образованъ особый комитетъ изъ представителей различныхъ учреждений (земскихъ, городскихъ и пр.) подъ предсѣдательствомъ генерала Лукомскаго, которому даны очень большія полномочія, они производятъ большія закупки и вѣроятно этотъ вопросъ наладятъ, но когда, боюсь сказать. Англійское обмундированіе, какъ обѣщаетъ Хольманъ, будетъ все время поступать и, какъ Вы знаете, что сверхъ тѣхъ 15 т., которыя Вы получили, наряжено еще 10 т. Кавказской арміи. Теплое бѣлье и куртки приказано все выбросить на фронтъ. Затѣмъ, конечно, надо съ Кубани достать полушубковъ, тамъ они есть. По этому поводу я переговорю съ генераломъ Лукомскимъ, а Вы со своей стороны на Кубанцевъ нажмите. Во всякомъ случаѣ сейчасъ телеграфирую г. Санникову отъ имени Главнокомандующаго что имъ дѣлается въ смыслѣ удовлетворенія Вашей острой нужды въ отношеніи теплой одежды.

Да, трудный Вашъ фронтъ вышелъ, ну да дастъ Богъ справимся.

Желаю Вамъ всего наилучшаго.

Только что Главнокомандующій сказалъ, что въ субботу 7-го сентября онъ утвердилъ распределе́ние теплыхъ вещей (бѣлья и куртокъ) и увеличилъ Вамъ за счетъ Добр. Арміи.

Завтра увижу г. Санникова и спрошу его, какъ идетъ отправка.

И. Р.»

Дѣйствительно, за послѣднее время штабъ Главнокомандующаго весьма внимательно сталъ относиться къ нашимъ нуждамъ, однако самъ начальникъ штаба главнокомандующаго, видимо, не могъ справиться съ плохо налаженнымъ аппаратомъ штаба.

Тыловой районъ арміи былъ ограниченъ съ юга рѣкой Манычъ; съ востока и запада Волгой и Дономъ. Районъ былъ весьма бѣденъ средствами, крупные населенные пункты отсутствовали. Тѣмъ не менѣе генераль Вильчевскій, преодолевъ всѣ трудности, сумѣлъ оборудовать въ Котельниково и Великокняжеской цѣлый рядъ мастерскихъ и наладить производство нѣкотораго числа необходимыхъ войскамъ предметовъ. Матеріалы приходилось большей частью закупать черезъ частныхъ предпринимателей, частью въ Ставропольской губерніи (войлокъ, овчина) частью на Кубани и Терекѣ (смазочныя вещества, дерево для подѣлки сѣделъ, пеньку). Къ концу октября у насъ были налажены швальныя, сѣдельныя, столярныя, слесарныя и жестяныя мастерскія и пріѣхавшему изъ Англіи для ознакомленія съ вопросомъ снабженія нашихъ армій генералу Бриггсу я имѣлъ возможность показать образцы, построенныхъ средствами арміи сѣделъ, походныхъ котелковъ, столовой посуды и предметовъ обмундированія. По словамъ генерала Бриггса, ни въ одной изъ другихъ армій онъ ничего подобнаго не нашель.

Оставшійся противъ меня разбитый и морально потрясенный противникъ временно потерялъ всякую активность. Вмѣстѣ съ тѣмъ обезкровленная, слабая численностью моя армія не могла сама начать новую наступательную операцію.

Астраханская операція генерала Эрдели закончилась неудачей. Противникъ крѣпко держалъ Астрахань и, имѣя даже много болѣе значительныя силы, его наступленіе въ этихъ условіяхъ на сѣверъ, какъ показалъ опытъ минувшаго лѣта, было обречено на неуспѣхъ.

Всѣ эти соображенія я въ разговорѣ по аппарату изложилъ генералу Романовскому, испрашивая соотвѣтствующихъ указаній Главнокомандующаго, въ отмѣну предписаннаго оставшейся все еще въ силѣ «Московской» директивой наступленія на Москву черезъ Пензу, Рузаевку, Арзамасъ и далѣе Нижній Новгородъ, Владимиръ. Генераль Романовскій со своей стороны настаивалъ на новой наступательной операціи. Я пытался возражать, однако доводы мои, видимо, на него не дѣйствовали. Онъ продолжалъ стоять на своемъ.

Повидимому, въ ставкѣ все еще не отдавали себѣ отчета въ обстановкѣ. Я просилъ разрѣшенія Главнокомандующаго лично прибыть для доклада въ Таганрогъ.

Мой отъѣздъ нѣсколько задержался пріѣздомъ въ Царицынъ начальника англійской миссіи генерала Хольмана, прибывшаго для врученія мнѣ знаковъ пожалованнаго мнѣ Англійскимъ Королемъ ордена Св. Михаила и Георгія. Я былъ съ генераломъ Хольманомъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Это былъ весьма доброжелательный и милый человекъ. Онъ страстно интересовался авіаціей и въ прежніе свои пріѣзды не разъ лично участвовалъ въ воздушныхъ развѣдкахъ, на аппаратахъ работавшаго въ моей арміи англійскаго авіаціоннаго отряда. Генераль Хольманъ просилъ меня возможно торжественнѣе обставить церемонію врученія имъ мнѣ ордена. Я назначилъ парадъ мѣстнаго гарнизона. Генераль Хольманъ, отлично владѣвшій русскимъ языкомъ, возлагая на меня орденъ, привѣтствовалъ меня передъ фронтомъ войскъ рѣчью. Я отвѣчалъ ему, воспользовавшись случаемъ, чтобы отмѣтить блестящую работу въ рядахъ арміи, присутствующихъ на парадѣ, англійскихъ авіаціонныхъ командъ. Вечеромъ я давалъ въ честь генерала Хольмана и англійскихъ офицеровъ большой обѣдъ. На память о пребываніи въ Кавказской арміи я просилъ генерала Хольмана принять отъ меня въ подарокъ старинную кавказскую шашку.

Мнѣ приходилось принимать Главнокомандующаго, командируемыхъ имъ разнаго рода лицъ, представителей союзнаго командованія. Все это стоило значительныхъ денегъ. Средствъ отпускаемыхъ на это въ распоряженіе командующаго арміей, конечно, не хватало. Обратитъ же на этотъ предметъ деньги, жертвуемья «на нужды арміи» (такія пожертвованія поступали въ большомъ количествѣ), я не считалъ себя въ правѣ. Я возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи производить подобные расходы изъ казенныхъ большевицкихъ суммъ, являвшихся нашей

военной добычей, на что послѣдовало согласіе Главнокомандующаго. При возвращеніи мнѣ соотвѣтствующей переписки я прочелъ на моемъ рапортѣ заключеніе помощника Главнокомандующаго генерала Лукомекаго: «Полагаю разрѣшить. Хорошо и то, что деньги не разошлись по рукамъ». Надпись эта ярко характеризовала сложившіяся понятія и существовавшій порядокъ.

Проводивъ генерала Хольмана, я выѣхалъ въ Таганрогъ.

Наши арміи продолжали неудержимо стремиться на сѣверъ. Къ октябрю мѣсяцу были заняты Кіевъ, Курскъ, Орель. Наша конница стояла подъ самымъ Воронежомъ, а казаки генерала Шкуро даже занимали городъ нѣсколько дней. Весь богатый югъ съ его неисчерпаемыми запасами былъ занятъ войсками генерала Деникина. Ежедневно сводки штаба Главнокомандующаго сообщали о новыхъ нашихъ успѣхахъ. Генералъ Деникинъ въ благодарственномъ приказѣ на имя командующаго Добровольческой арміей говорилъ о томъ, какъ добровольцы «вгоняютъ» въ вражескій фронтъ «клинь къ Москвѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генераломъ Деникинымъ зданіе зиждется на пескѣ. Мы захватили огромное пространство, но не имѣли силъ для удержанія его за собой. На огромномъ изогнутомъ дугой къ сѣверу фронтѣ вытянулись жидкимъ кордономъ наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. Въ тылу не было ни одного укрѣпленнаго узла сопротивленія. Между тѣмъ противникъ твердо придерживался принципа сосредоточенія силъ на главномъ направленіи и дѣйствій противъ живой силы врага. Отбросивъ сибирскія арміи адмирала Колчака на востокъ, онъ спокойно смотрѣлъ на продвиженіе нашихъ войскъ къ Курску и Орлу, сосредотачивая освободившіяся на сибирскомъ фронтѣ дивизіи противъ моихъ войскъ, угрожавшихъ сообщеніямъ сибирской красной арміи. Теперь, отбросивъ мою армію къ Царицыну, ясно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что обезкровленная трехмѣсячными боями Кавказская армія не можетъ начать новой наступательной операціи, красное командованіе стало лихорадочно сосредотачивать свои войска на стыкѣ Донской и Добровольческой армій. Сосредотачивающейся новой крупной массѣ красныхъ войскъ. Главнокомандующему нечего было противопоставить.

Въ глубокомъ тылу Екатеринославской губерніи вспыхнули крестьянскія возстанія. Шайки разбойника Махно безпрепятственно захватывали города, грабили и убивали жителей, уничтожали интендантскіе и артиллерійскіе склады.

Въ странѣ отсутствовалъ минимальный порядокъ. Слабая власть не умѣла заставить себѣ повиноваться. Подборъ администраціи на мѣстахъ былъ совершенно не удовлетворителенъ. Произволь и злоупотребленія чиновъ государственной стражи, многочисленныхъ органовъ контръ-развѣдки и уголовно-розыскаго дѣла стали обычнымъ явленіемъ. Сложный вопросъ нарушеннаго смутой земле пользованія многочисленными, подчасъ противорѣчивыми, приказами Главнокомандующаго не былъ хоть сколько нибудь удовлетворительно разрѣшенъ. Изданными въ іюнѣ правилами о сборѣ урожая травъ правительствомъ была обѣщана половина помѣщику, половина посѣвщику, изъ урожая хлѣбовъ $\frac{2}{3}$, а корне плодовъ $\frac{5}{6}$ посѣвщику, а остальное помѣщику. Уже черезъ два мѣсяца этотъ расчетъ былъ измѣненъ и помѣщикья доля понижена до $\frac{1}{5}$ для хлѣбовъ и $\frac{1}{10}$ для корнеплодовъ. И тутъ въ земельномъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, не было яснаго, реальнаго и опредѣленнаго плана правительства. Несмотря на то, что правительство обладало огромными неподдающимися учету естественными богатствами страны, курсъ денегъ непрерывно падалъ и цѣнность жизни быстро возрастала. По сравненію со стоимостью жизни, оклады военныхъ и гражданскихъ служащихъ были нищенскими, слѣдствіемъ чего явились многочисленныя злоупотребленія должностныхъ лицъ.

Взаимоотношенія съ казачьими новообразованиями не наладились. Такъ наываемая Южно Русская конференція все еще ни до чего не договорилась. Хуже всего обстояли дѣла съ Кубанью. По уходѣ ставки изъ Екатеринодара лѣвья группы казачества особенно подняли головы. Въ Законодательной Радѣ все чаще раздавались демагогическія рѣчи, ярко напоминавшія выступленія «революціонной демократіи» первыхъ дней смуты. Мѣстная пресса, органы кубанскаго освѣдомительнаго бюро, «Кобъ», и кубанскій отдѣлъ пропаганды, «Копъ», вели противъ «добровольческой» политики Главнокомандующаго бѣшенную травлю.

Все это, несмотря на видимые наши успѣхи, заставляло безпокойно смотрѣть на будущее.

21 января 1921 г.

Константинополь.

Глава IV.
Крамола на Кубани.

Я прибыль въ Ростовъ вечеромъ. Главнокомандующій могъ меня принять въ Таганрогъ лишь на слѣдующій день утромъ и я рѣшилъ, воспользовавшись свободнымъ вечеромъ проѣхать въ театръ. Принявъ и отпустивъ встрѣчавшихъ меня должностныхъ лицъ, я вдвоємъ, съ прїѣхавшимъ со мной графомъ Гендриковымъ, отправился пѣшкомъ въ городъ. Не желая привлекать на себя вниманія, я взялъ ложу во второмъ ярусѣ и, помѣстившись въ глубинѣ ея, сталъ слушать пѣніе. Шли «Птички пѣвчія». Исполнители и постановка были весьма посредственны, однако я, давно не бывъ въ театрѣ, радъ былъ послушать музыку. Въ антрактъ я разглядывалъ толпу, наполнявшую залъ. Нарядные туалеты дамъ, дорогіе мѣха и драгоценные камни вперемѣшку съ блестящими погонами и аксельбантами военныхъ придавали толпѣ праздничный, нарядный видъ, заставляя забывать тяжелую обстановку смуты...

Антрактъ кончился, въ залѣ потушили огни, но занавѣсъ не поднимался. На авансцену вышелъ какой-то господинъ и обратился къ публикѣ:

«Въ то время, какъ мы здѣсь веселимся, предаваясь сладостямъ жизни, тамъ на фронтѣ геройскія наши войска борются за честь Единой, Великой и Недѣли мой Россіи. Стальной грудью прикрываютъ они насъ отъ врага, обезпечивая миръ и благоденствіе населенію... Мы обязаны имъ всѣмъ, этимъ героямъ и ихъ славнымъ вождямъ. Я предлагаю вамъ всѣмъ привѣтствовать одного изъ нихъ, находящагося здѣсь — героя Царицына, командующаго Кавказской арміей, генерала Врангеля...»

Яркій лучъ рефлектора освѣтилъ нашу ложу, взвился занавѣсъ, оркестръ заигралъ тушь, собранная на сценѣ труппа и публика, повернувшись къ моей ложѣ, аплодировали.

Не дождавшись конца дѣйствія, мы вышли, рѣшивъ пройти въ гостиницу «Палась» поужинать. Однако, сдѣлать это не удалось. Какъ только показался я въ залѣ, переполненномъ народомъ, раздались крики «ура», вся ужинающая публика встала изъ-за своихъ столиковъ, оркестръ заигралъ тушь. Едва я присѣлъ къ первому свободному столику, какъ со всѣхъ сторонъ потянулись бокалы съ виномъ. Одинъ за другимъ стали подходить знакомые и незнакомые, поздравляя съ послѣдними побѣдами, спрашивая о положеніи на фронтѣ... Среди прочихъ задавались вопросы:

«Ну, какъ отношенія ваши съ генераломъ Деникинымъ?» «Правда ли, что вы окончательно разошлись съ Главнокомандующимъ?»

Чья-то невидимая рука продолжала неустанно вести закулисную интригу, сѣя смуту и сомнѣніе въ умахъ.

Отказавшись отъ ужина, я поспѣшилъ вернуться къ себѣ въ поѣздъ.

Въ десять часовъ утра я принять былъ въ Таганрогъ Главнокомандующимъ, въ присутствіи начальника штаба. Генераль Деникинъ встрѣтилъ меня весьма любезно, однако, подъ внѣшнимъ доброжелательствомъ, чувствовалась холодная сдержанность. Прежней сердечности уже не было. Доложивъ подробно обстановку, я просилъ у Главнокомандующаго дальнѣйшихъ указаній. Генераль Романовскій настаивалъ на новомъ наступленіи моей арміи въ прежнемъ направленіи. Я могъ лишь повторить высказанное ранѣе соображеніе о невозможности успѣшно выполнить эту задачу. Въ концѣ концовъ Главнокомандующій согласился со мной и тутъ же отдалъ приказаніе начальнику штаба — «Кавказской арміи вести активную оборону Царицына». Генераль Деникинъ пригласилъ меня обѣдать.

Время до обѣда я использовалъ, чтобы повидать нѣкоторыхъ нужныхъ мнѣ лицъ, въ томъ числѣ генераль-квартирмейстера генерала Плющевского-Плющикъ. Въ оперативномъ отдѣленіи видѣлъ я нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, старыхъ моихъ знакомыхъ, и убѣдился, что непрочность нашего стратегическаго положенія имъ въ полной мѣрѣ ясна. Нѣкоторые изъ нихъ обращались ко мнѣ съ просьбой «обратить вниманіе Главнокомандующаго», «повліять на Главнокомандующаго...» Видно было, что вѣра въ высшее командованіе среди ближайшихъ сотрудниковъ въ значительной мѣрѣ поколеблена.

Посль обѣда генераль Деникинъ пригласилъ меня въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ мы пробесѣдовали болѣе двухъ часовъ. Общее наше стратегическое положеніе, по словамъ генерала Деникина, было блестяще. Главнокомандующій, видимо, не допускалъ мысли о возможности поворота боевого счастья и считалъ «занятіе Москвы» лишь вопросомъ мѣсяцевъ. По его словамъ, противникъ, разбитый и деморализованный, серьезнаго сопротивленія нигдѣ оказать

не может. Указывая на картѣ на лѣвый флангъ нашего безконечно-растянувагося фронта, гдѣ дѣйствовалъ сборный отрядъ генерала Розеншильдъ-Паулина, генераль Деникинъ улыбаясь замѣтилъ:

«Даже Розеншильдъ-Паулинъ, и тотъ безостановочно двигается впередъ. Чѣмъ только онъ бьетъ врага — Господь вѣдаетъ. Наскребъ какія-то части и воюетъ...»

Возстанію разбойника Махно въ тылу генераль Деникинъ также серьезнаго значенія не придавалъ, считая, что «все это мы быстро ликвидируемъ».

Съ тревогой и недоумѣніемъ слушалъ я слова Главнокомандующаго.

Въ отношеніи нашей внѣшней и внутренней политики генераль Деникинъ не былъ столь оптимистиченъ. Онъ горько жаловался на англичанъ, «ведущихъ все время двойную игру» и негодовалъ на нашихъ сосѣдей — грузинъ и поляковъ:

«Съ этими господами я рѣшилъ прекратить всякіе переговоры, опредѣленно заявивъ имъ, что ни клочка русской земли они не получатъ».

Что же касается внутренняго нашего положенія, то Главнокомандующій, отдавая собѣ отчетъ въ неудовлетворительности его, раздраженно говорилъ объ «интригахъ» въ Ростовѣ, виновниками которыхъ въ значительной мѣрѣ считалъ отдѣльныхъ дѣятелей консервативной группы — совѣта государственнаго объединенія, председателемъ котораго являлся статсъ-секретарь А. В. Кривошеинъ.

Часть этой группы, стоя въ оппозиціи къ главному командованію, будто бы настаивала на приглашеніи находящагося за границей Великаго Князя Николая Николаевича, единственнаго человѣка, по мнѣнію лицъ этой группы, могущаго объединить вокругъ себя разнообразныя элементы національной борьбы:

«Конечно, все это несерьезно, самъ Великій Князь отказывается пріѣхать въ Россію, я приглашалъ его вернуться въ Крымъ, но получилъ отвѣтъ, что Великій Князь считаетъ, что его пріѣздъ могъ бы повредить нашему дѣлу, такъ какъ былъ бы встрѣченъ недоброжелательно Западной Европой, которая все же насъ сейчасъ снабжаетъ...»

Съ величайшимъ раздраженіемъ говорилъ генераль Деникинъ о «самостійности казаковъ», особенно обвиняя кубанцевъ. Дѣйствительно, за послѣднее время демагогическія группы кубанской Законодательной Рады все болѣе и болѣе брали верхъ и недопустимыя выпады противъ главнаго командованія все чаще повторялись. Съ своей стороны, я продолжалъ считать, что самостійныя теченія, не имѣя глубокихъ корней въ казачествѣ и не встрѣчая сочувствія въ большей части казачьихъ частей, не имѣютъ подъ собой серьезной почвы, что грозный окрикъ Главнокомандующаго можетъ еще отрезвить кубанцевъ, а твердо проводимая въ дальнѣйшемъ, опредѣленная общеказачья политика дастъ возможность установить взаимное довѣріе и содружество въ работѣ.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Царицына, я имѣлъ продолжительный разговоръ по аппарату съ находившимся въ Екатеринодарѣ генераломъ Покровскимъ, который, съ своей стороны, на основаніи ряда разговоровъ съ войсковымъ и походнымъ атаманами и нѣкоторыми членами Рады, вынесъ то же убѣжденіе. Напомнивъ Главнокомандующему о тѣхъ тяжелыхъ дняхъ, которые еще недавно пришлось пережить моимъ войскамъ, вслѣдствіе разрухи на Кубани и борьбы между ставкой и Екатеринодаромъ, я высказалъ Главнокомандующему мое глубокое убѣжденіе, что, если казачій вопросъ не будетъ въ ближайшее время кореннымъ образомъ разрѣшенъ, то борьба между главнымъ командованіемъ и казаками неминуемо отразится на общемъ положеніи нашего фронта. Этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, долженъ быть поставленъ ребромъ собирающейся въ ближайшее время верховной власти края — кубанской Краевой Радѣ.

«Хорошо, а какъ же по вашему мнѣнію можно разрѣшить этотъ вопросъ?»

Я доложилъ, что, не посягая на казачьи вольности и сохраняя автономію края, необходимо сосредоточить въ рукахъ атамана всю полноту власти, оставивъ его отвѣтственнымъ единственно передъ Краевой Радой, высшей законодательной властью въ краѣ, и главнымъ командованіемъ, въ силу существующихъ договорныхъ отношеній. Нынѣ действующая Законодательная Рада должна быть упразднена, а вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ отвѣтственнаго передъ атаманомъ правительства.

Соотвѣтствующій законопроектъ могъ быть внесенъ въ Краевую Радую какой-либо группой ея членовъ. Допуская возможность выступленія лѣвыхъ оппозиціонныхъ группъ, я

предлагалъ, воспользовавшись затишьемъ на фронтѣ, отправить въ Екатеринодаръ, подъ предлогомъ укомплектованія и отдыха, нѣ которое число моихъ частей.

Генераль Деникинъ отвѣтилъ не сразу; подумавъ, онъ протянулъ мнѣ руку:

«Итакъ, *carte blanche*», — сказалъ онъ.

Въ заключеніе Главнокомандующій приказалъ мнѣ прибыть на слѣдующій день къ 11 часамъ къ помощнику главнокомандующаго генералу Лукомскому въ Ростовъ, гдѣ будетъ и онъ, генераль Деникинъ.

Въ три часа дня я выѣхалъ въ Ростовъ.

На вокзалѣ уже ждалъ рядъ лицъ, желавшихъ меня видѣть. До поздняго вечера потокъ посѣтителей не прекращался. Среди прочихъ лицъ навѣстили меня нѣсколько общественныхъ дѣятелей, пожелавшихъ со мной познакомиться. Среди нихъ членъ Особого Совѣщанія, бывший членъ Государственной Думы, Н. В. Савичъ, помощникъ начальника управленія внутреннихъ дѣлъ В. Б. Похвисневъ и др. Заѣхалъ ко мнѣ и предсѣдатель совета Государственного Объединенія статсъ-секретарь А. В. Кривошеинъ.

Разговоры со всѣми этими лицами произвели на меня самое тягостное впечатлѣніе. Картина развала въ тылу стала передо мною во всей полнотѣ. Слухи объ этомъ развалѣ, конечно, и ранѣ доходили ко мнѣ на фронтъ, но въ этотъ день впервые развалъ этотъ обрисовался передо мною полностью.

На огромной, занятой войсками Юга Россіи территоріи, власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться съ выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не довѣряя ближайшимъ помощникамъ, не имѣя силъ разобраться въ искусно плетущейся вокругъ него сѣти политическихъ интригъ, генераль Деникинъ выпустилъ эту власть изъ своихъ рукъ. Страна управлялась цѣлымъ рядомъ мелкихъ сатраповъ, начиная отъ губернаторовъ и кончая любымъ войсковымъ начальникомъ, комендантомъ и контръ-развѣдчикомъ. Сбитый съ толку, запуганный обыватель не зналъ кого слушаться. Огромное количество всевозможныхъ авантюристовъ, типичныхъ продуктовъ гражданской войны, сумѣли, пользуясь безсиліемъ власти, проникнуть во всѣ отрасли государственнаго аппарата. Понятіе о законности совершенно отсутствовало. Безконечное количество взаимно противорѣчащихъ распоряженій не давали возможности представителямъ власти на мѣстахъ въ нихъ разобраться. Каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, дѣйствовалъ къ тому же въ полномъ сознаніи своей безнаказанности. Губительный примѣръ подавался сверху. Командующій Добровольческой арміей и главноначальствующій Харьковской области генераль Май-Маевскій безобразнымъ, разгульнымъ поведеніемъ своимъ, первый подавалъ примѣръ. Его примѣру слѣдовали остальные.

Хищенія и мздоимство глубоко проникли во всѣ отрасли управленія. За соответствующую мзду можно было обойти любое распоряженіе правительства. Несмотря на огромныя естественныя богатства занятаго нами раіона, наша денежная валюта непрерывно падала. Предоставленный главнымъ командованіемъ на комиссіонныхъ началахъ частнымъ предпринимателямъ вывозъ, почти ничего не приносилъ казнѣ. Обязательныя отчисленія въ казну съ реализуемыхъ за границей товаровъ, большей частью, оставались въ карманѣ предпринимателя.

Огромныя запасы, доставляемые англичанами, безсовѣстно расхищались. Плохо снабженная армія питалась исключительно за счетъ населенія, ложась на него непосильнымъ бременемъ. Несмотря на большой притокъ добровольцевъ изъ вновь занятыхъ арміей мѣстъ, численность ея почти не возростала. Тылъ былъ набитъ уклоняющимися, огромное число которыхъ благополучно пристроилось къ невѣроятно разросшимся безконечнымъ управленіямъ и учрежденіямъ.

Много мѣсяцевъ тянущіеся переговоры мѣжду главнымъ командованіемъ и правительствами казачьихъ областей все еще не привели къ положительнымъ результатамъ и цѣлый рядъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ оставался безъ разрѣшенія.

Внѣшняя политика главнаго командованія была столь же неудачной. Отношенія съ ближайшими сосѣдями были враждебны. Поддержка, оказываемая намъ англичанами, при двулличной политикѣ Великобританскаго правительства, не могла считаться въ должной степени обезпеченной. Что касается Франціи, интересы которой, казалось бы, наиболее совпадали съ нашими, и поддержка которой представлялась намъ особенно цѣнной, то и тутъ мы не сумѣли завязать крѣпкихъ узъ. Только что вернувшаяся изъ Парижа особая делегація въ

со ставъ генерала А. М. Драгомирова, А. А. Нератова, Н. И. Астрова, графини С. В. Паниной, профессора К. Н. Соколова и другихъ не только не дала какихъ-либо существенныхъ результатовъ, но, отправленная безъ достаточной подготовки на мѣстѣ, она встрѣтила пріемъ болѣе чѣмъ безразличный и прошла въ Парижѣ почти не замѣченной.

Безсиліе власти нашло свое отраженіе во всѣхъ сторонахъ жизни и престижъ этой власти, несмотря на внѣшнюю стратегическіе успѣхи, быстро падалъ.

На слѣдующій день въ 11 часовъ утра я былъ у генерала Лукомскаго. Главнокомандующій былъ уже тамъ. Тутъ же находился и начальникъ отдѣла пропаганды и отдѣла законовъ Особаго Совѣщанія профессоръ К. Н. Соколовъ. Послѣдній, какъ государствовѣдъ, привлеченъ былъ генераломъ Деникинымъ, въ связи съ необходимостью выработать измѣненія существующаго временнаго положенія объ управленіи кубанскимъ краемъ, долженствующія быть внесенными на утвержденіе Краевой Рады.

Мы условились о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Я долженъ былъ вечеромъ выѣхать въ Екатеринодаръ и ознакомиться съ обстановкой на мѣстѣ. Изъ Екатеринодара я предполагалъ проѣхать въ Царицынъ, чтобы выбрать и отправить въ Екатеринодаръ воинскія части, послѣ чего, проѣхать въ Пятигорскъ на вѣстить главноначальствующаго Сѣвернаго Кавказа генерала Эрдели и обсудить съ нимъ рядъ мѣръ по укомплектованію и снабженію терскихъ казачьихъ и горскихъ частей моей арміи. Ко времени пріѣзда моего въ Пятигорскъ профессоръ К. Н. Соколовъ долженъ былъ пріѣхать въ Кисловодскъ, гдѣ мы могли бы, не возбуждая лишнихъ толковъ, съ нимъ встрѣтиться и окончательно намѣтить, подлежащія внесенію въ кубанскую Краевую Раду, измѣненія положенія объ управленіи краемъ.

Я вернулся къ себѣ въ поѣздъ, гдѣ до вечера бесѣдоваль съ цѣлымъ рядомъ посѣтителей. Нѣкоторыя изъ лицъ, съ коими пришлось мнѣ говорить въ этотъ день, опять задавали мнѣ вопросы объ «отношеніяхъ моихъ съ генераломъ Деникинымъ», «о разногласіяхъ между Главнокомандующимъ и мною». Слухи объ этомъ исходили изъ самой ставки, объ этомъ громко говорилъ и начальникъ штаба генераль Романовскій, и ближайшія къ генералу Деникину лица. Меня обвиняли въ «оппозиціи главному командованію», мнѣ ставилась въ вину близость моя къ «оппозиціоннымъ консервативнымъ группамъ». Какъ первое, такъ и второе, было явной нелѣпостью; поглощенный всецѣло военными операціями, я былъ далекъ отъ всякой политической борьбы, почти не имѣя связей среди общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Въ настоящій пріѣздъ мой въ Ростовъ я впервые имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ.

А. В. Кривошеинъ также говорилъ мнѣ о недовольствѣ мною ставки, онъ вообще не сочувствовалъ политикѣ Главнокомандующаго, ставилъ генералу Деникину въ вину отсутствіе опредѣленной реальной программы и неудачный выборъ сотрудниковъ. Люди государственнаго опыта и знанія къ работѣ не привлекались. Ставка боялась обвиненія въ контрреволюціонности и реакціонности, подчеркивая либеральный демократизмъ.

Ревнивый къ своей власти, подозрительный даже въ отношеніи своихъ ближайшихъ помощниковъ, генераль Деникинъ боялся сильныхъ, самостоятельныхъ людей. Эта черта характера Главнокомандующаго отлично учитывалась ближайшими къ нему лицами и на стрункѣ этой охотно играли, какъ тѣ, кто боялся за себя самого, такъ и тѣ, кто искалъ развала нашего дѣла. «Секретныя информаціи вверхъ» все время пугали генерала Деникина.

Въ Екатеринодаръ, принявъ встрѣчавшихъ меня должностныхъ лицъ и почетный караулъ Кубанскаго гвардейскаго казачьяго дивизиона, я проѣхалъ къ атаману во дворецъ.

Генераль Филимоновъ по убѣжденіямъ своимъ былъ, конечно, совершенно чуждъ самостійнымъ теченіямъ. Прослуживъ долгое время атаманомъ Лабинскаго отдѣла, онъ былъ очень популяренъ среди казаковъ-лабинцевъ, составлявшихъ правое, разумное крыло Рады. Къ сожалѣнію, недостаточно твердый, нерѣшительный, онъ потерялъ почву подъ ногами и выпустилъ власть изъ своихъ рукъ. Самостійники, видя въ немъ враждебнаго ихъ убѣжденіямъ человѣка, жестоко его травили; ставка, не нашедшая въ его лицѣ исполнителя своихъ вѣлній, его не только не поддерживала, но явно дискредитировала атаманскій авторитетъ. Лишенный должной поддержки, чувствуя, какъ власть ускользаетъ изъ его рукъ, атаманъ тщетно искалъ точку опоры, метался изъ стороны въ сторону и буря политической борьбы неминуемо должна была унести его.

Съ генераломъ Филимоновымъ разговаривать было бесполезно и я рѣшилъ посвятить въ дѣло ближайшаго помощника его, исполнявшаго должность походнаго атамана и начальника

военного управления, генерала Науменко. Последний, весьма разумный человек, отлично отдавал себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей. После обеда у атамана, я с генералами Покровским и Науменко беседовали весь вечер. За последние дни самостийники окончательно закусили удила. Выступления в Раде их главы И. Макаренко и других открыто призывали кубанцев «отмежеваться от главного командования и добровольцев». Местная пресса пестрела целым рядом демагогических статей, среди чинов горнизона велась самая преступная агитация, имелся ряд свідѣній о связи самостийниковъ съ «зелеными», оперирующими къ сѣверу отъ Новороссійска въ районѣ станціи Тоннельная.

Генералъ Покровскій былъ настроенъ крайне рѣшительно, предлагая попросту «разогнать Раду» и «посадить атамана», облеченнаго всей полнотой власти. Генералъ Науменко, болѣе осторожный, конечно, противъ этого возражалъ. Я изложилъ намѣченный мною планъ дѣйствій, который и былъ, въ концѣ концовъ, всѣми принятъ.

Предполагалось, что немедленно по открытіи засѣданія Краевой Рады, созывъ коей былъ намѣченъ на 24 октября, группой лабинцевъ будетъ внесенъ проектъ новаго положенія объ управленіи краемъ. Основныя положенія проекта были слѣдующія: носительницей высшей власти въ краѣ является Краевая Рада, Законодательная Рада упраздняется и вся полнота власти осуществляется войсковымъ атаманомъ и назначаемымъ имъ правительствомъ; Краевая Рада собирается атаманомъ не менѣе какъ разъ въ годъ; созывъ по заявленію опредѣленнаго числа членовъ самой Рады отмѣняется; проектъ отвергаетъ необходимость созданія отдѣльной кубанской арміи.

Съ своей стороны, генералъ Науменко считалъ, что и со стороны главнаго командованія должны быть сдѣланы нѣкоторыя уступки. Таковыми, по его мнѣнію, должны были быть: скорѣйшее завершеніе денежныхъ расчетовъ съ главнымъ командованіемъ, передача на довольствіе Кубани казачьихъ частей, прекращеніе дѣйствій въ предѣлахъ Кубани реквизиціонныхъ и ремонтныхъ комиссій, предоставленіе войску права призывать на службу иностранцевъ и т. д.

Ко времени открытія засѣданія Краевой Рады рѣшено было перебросить въ Екатеринодаръ одинъ казачій полкъ и батарею. На другой день я выѣхалъ въ Царицынъ.

По приѣздѣ въ Царицынъ, я отправилъ помощнику главнокомандующаго Лукомскому письмо:

«14 октября 1919 года.

Глубокоуважаемый Александръ Сергѣевич!

Податель сего, состоящій при мнѣ генераломъ для порученій, полковникъ Артифексовъ ознакомленъ мною съ содержаніемъ настоящаго письма и можетъ, ежели Вы этого пожелаете, подробно доложить Вамъ по всѣмъ затронутымъ здѣсь вопросамъ.

Въ связи съ намѣченнымъ на 24 октября созывомъ кубанской Краевой Рады, группой членовъ Рады, сознающихъ необходимость созданія на Кубани твердой власти, предложено внести на утвержденіе Краевой Рады проектъ измененія существующей нынѣ конституціи. Сущность этого проекта уже обсуждалась мною съ Константиномъ Николаевичемъ Соколовымъ, въ бытность мою въ Ростовѣ 9-го октября. Отнюдь не посягая на широкую автономію края, проектъ этотъ имѣетъ цѣлью предоставленіе выборному атаману дѣйствительной сильной власти, дѣлая его, въ то же время, отвѣтственнымъ передъ главнымъ хозяиномъ края — Краевой Радой. Основныя положенія проекта слѣдующія:

1. носительницей высшей власти въ краѣ является Краевая Рада. Власть законодательная и исполнительная осуществляется войсковымъ атаманомъ и назначаемымъ имъ краевымъ правительствомъ. При этихъ условіяхъ институтъ Законодательной Рады является излишнимъ и упраздняется;
2. на время созыва Краевой Рады власть полностью переходитъ къ ней. Краевая Рада созывается и распускается указомъ атамана обязательно разъ въ годъ, въ опредѣленное время, на опредѣленный срокъ (по окончаніи полевыхъ работъ) и, кромѣ того, можетъ быть созвана и распущена въ любое время соотвѣтствующимъ указомъ атамана. Кромѣ атамана никто созывать Раду не можетъ (отмѣняется созывъ по заявленію опредѣленнаго числа членовъ самой Рады);
3. атаманъ назначаетъ лицъ на всѣ военно-административныя и гражданскія должности въ краѣ, ему же принадлежитъ право амнистіи;

4. проект отвергает необходимость создания отдельной Кубанской армии.

Вместе с тем, дабы, в случае нового порядка вещей, атаман и его правительство могли бы действительно продуктивно работать на пользу края и воссоздание России признается совершенно необходимым проведение в жизнь главным командованием нижеследующих мер:

1. уплата в определенный срок денежного долга Кубани и своевременная уплата впредь за сырье и предметы продовольствия, отпускаемые Кубанью;
2. передача Кубани для продовольствия Кавказской армии;
3. прекращение действий в предлах Кубани реквизиционных и ремонтных комиссий, передача войску лошадей уже закупленных в его предлах ремонтными комиссиями;
4. установление права войска на получение определенной части захваченной Кавказской армией военной добычи;
5. откомандирование в распоряжение войска всех казаков из некубанских войсковых частей, учреждений и организаций;
6. воспрещение впредь принимать в неказачьи войсковые части и учреждения кубанцев — офицеров и казаков, без согласия войскового штаба;
7. предоставление войску права призвать на службу в ряды кубанских частей иногородних Кубанской области непризванных еще, по 99 год включительно, а из призванных уже — тех эвакуированных, кои находятся ныне на Кубани.

Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер.

Приезд генерала Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию и я убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию генерала Шкуро на фронте.

В заключение прошу распоряжений генералу Тихменеву о заготовке потребного числа эшелонов для переброски по первому моему требованию на ст. Пашковская одного полка конницы с одной батареей. Пользуясь затишьем на фронте, я, по соглашению с войсковым штабом, наместили отвод поочередно для отдыха на Кубань частей армии. Первые части намечены к отправке наднях и я очень бы желал, чтобы они успели прибыть на место ко дню открытия Рады, для участия в имющемся быть параде. Вторая просьба обеспечить связь штаба армии с войсковым, установить возможно срочно аппарат Юза в Екатеринодар. Заключение Ваше по затронутым здесь вопросам прошу вручить подателю сего, полковнику Артифексову, возвращающемуся в Царицын.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и искренней преданности

П. Врангель».

Полковник Артифексов привез мне ответ генерала Лукомского:

«18 октября 1919 года.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Относительно Ваших пожеланий сообщаю следующее:

1. что касается денежного расчета за уже поставленные продукты и своевременной уплаты вперед за все поставленное, то лучше срока не ставить, а сказать, что Главное Командование Вооруженными Силами отдаст распоряжение о безотлагательном расчете за все поставленное и о своевременной расплате за все вновь поставляемое.

Надо иметь в виду, что задержка происходила главным образом вследствие непредставления счетов и отчасти вследствие недостатка денежных знаков.

2. относительно передачи Кубани довольствования Кавказской армии, надо иметь в виду, что нельзя ставить вопрос в плоскость, что Кубань будет довольствоваться лишь Кавказскую армию. Придется давать и на Терек и Уральцам и на Черноморское побережье. В распоряжение снабжения Кавказской армии будут отпущены кредиты для безотлагательного расчета за присланные с Кубани продукты.

3. относительно реквизиционных и ремонтных комиссий постараюсь сделать все что можно. Не имья данных подь руками — сообщу дополнительно; думаю, что недоразумѣній не будетъ.
4. что касается «военной добычи», то на подобную постановку вопроса Главнокомандующій не согласенъ.
Вы будете считать военной добычей и всѣ лесные склады и весь подвижной составъ.
5. откомандированіе всѣхъ казаковъ въ распоряженіе войска изъ неказачьихъ частей и учреждений — провести трудно. Нельзя откомандировать тѣхъ, кто состоитъ при Главнокомандующемъ и при мнѣ. Но, въ общемъ, думаю, вопросъ будетъ улаженъ, но съ нѣкоторыми исключеніями.
6. относительно того, чтобы впредь не брать казаковъ безъ согласія войскового штаба, или, безъ особаго приказанія Главнокомандующаго, возраженій, думаю, не будетъ.
7. вопросъ мобилизаціонный болѣе сложный и безъ рѣшенія Главнокомандующаго отвѣтить не могу.

Ваше письмо посылаю Главнокомандующему и по полученіи отвѣта немедленно сообщу Вамъ.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности

А. Лукомскій ».

Одновременно генераль Лукомскій увѣдомилъ меня о принятомъ Главнокомандующимъ рѣшеніи официальнымъ сношеніемъ:

«19 октября 1919 года.

Генералу Барону Врангелю.

По приказанію Главнокомандующаго сообщая:

1. финансированіе военного бюджета лежало и лежитъ на насъ. Слѣдовательно, въ зависимости отъ наличія денежныхъ знаковъ, должна нами производиться своевременно всякая расплата за продукты;
2. противъ передачи довольствія Кавказской арміи Кубани — возраженій нѣтъ; но, кромѣ того, Кубань должна отпускать, за соответствующее вознагражденіе, довольствіе и для другихъ частей Вооруженныхъ Силъ на югѣ Россіи, размѣрѣ опредѣляемомъ Главнокомандующимъ.

Все равно специальное довольствіе и продовольствіе кубанскихъ частей на другихъ фронтахъ будетъ изъ общероссійскихъ источниковъ.

3. реквизиціонныя и ремонтныя комиссіи на Кубани будутъ закрыты, но возврата уже закупленныхъ лошадей не будетъ.

Въ арміи огромный некомплектъ конскаго состава; кромѣ того, число закупленныхъ на Кубани лошадей не превышаетъ числа лошадей, закупленныхъ для кубанскихъ частей (корпусъ Шкуро) 1-ымъ Кубанскимъ корпусомъ и Кавказской арміей на территоріи внѣ Кубани.

4. неся все финансированіе и распредѣляя захваченное по всѣмъ фронтамъ, при этомъ преимущественно на нужды того же фронта, гдѣ захвачено, Главнокомандующій не можетъ допустить организованнаго грабежа, въ какой несомнѣнно вылилось бы предложеніе.
5. относительно откомандированія въ войско казаковъ, уже отдано приказаніе за № 58.
6. вопросъ о приѣмѣ въ неказачьи части казаковъ (офицеровъ и казаковъ) — по сношенію штаглава съ атаманомъ, но окончательное рѣшеніе принадлежитъ Главнокомандующему.
7. о передаче мобилизаціи иногороднихъ войскъ — Главнокомандующій категорически отклоняетъ.

Генераль-лейтенантъ Лукомскій ».

Тотчасъ по приѣздѣ въ Царицынъ, я рѣшилъ проѣхать въ конную группу, чтобы лично выбрать тѣ части, которыя предполагалось отправить въ Екатеринодаръ. Генераль Покровскій просилъ меня о назначеніи 2-го Уманскаго полка, входившаго въ составъ его корпуса. Мнѣ было въ то же время необходимо переговорить по цѣлому ряду вопросовъ съ только что вступившимъ въ командованіе конной группой, командиромъ 2-го Кубанскаго корпуса генераломъ Топорковымъ.

Генераль Улагай за послѣднее время подь вліяніемъ непрерывныхъ тяжелыхъ боевъ окончательно изнервничался, переходилъ мгновенно отъ большого подъема къ полной апатіи, обижался и раздражался отъ всякой мелочи. Обидѣвшись по какому то поводу на генерала Шатилова, генераль Улагай просилъ освободить его отъ командованія корпусомъ. Я пытался было его отговаривать, однако, въ виду его дальнѣйшихъ настояній и сознавая, что, въ настоящемъ его душевномъ состояніи, онъ уже къ работѣ мало пригоденъ, въ концѣ концовъ согласился. На должность командира 2-го корпуса, взаменъ генерала Улагая, я ходатайствовалъ о назначеніи генерала Науменко.

Я нашель полки значительно пополненными и въ прекрасномъ видѣ; однако, изъ разговоровъ со старшими начальниками вынесъ убѣжденіе, что увеличившись численно, части измѣнились въ худшую сторону. Присланныя за послѣднее время Кубанью пополненія въ значительной мѣрѣ состояли изъ тѣхъ казаковъ, которые въ тяжелые іюльскіе дни, пользуясь безвластіемъ въ краѣ укрылись въ тылу. Нынѣ эти шкурники вернулись, значительно разращенные усиліями самостійниковъ.

Переговоривъ съ генераломъ Топорковымъ и ближайшими его помощниками, я намѣтилъ для переброски въ Екатеринодаръ бригаду полковника Буряка, не успѣвшую еще получить пополненій, малочисленную, но крѣпкую духомъ.

Отправляя эти полки въ Екатеринодаръ, я, учитывая настроеніе генерала Покровскаго, счель нужнымъ указать ему на необходимость съ его стороны всѣми мѣрами избѣгать вооруженныхъ выступленій. Я надѣялся, что мнѣ удастся однимъ призракомъ военного переворота образумить зарвавшихся самостійниковъ. 21-го октября я писалъ генералу Покровскому:

«Глубокоуважаемый Викторъ Леонидовичъ,

Вернувшись въ армію, я переговорилъ съ большей частью начальствующихъ лицъ, объѣхалъ части и обстоятельно разобрался въ обстановкѣ. Армія нынѣ пополнилась — большая часть высланныхъ Кубанью пополненій уже влилась въ части; полки, дошедшіе въ срединѣ сентября до 80 — 30 шашекъ, нынѣ увеличились до 200 — 250, однако, усилившись въ 3 — 8 разъ, части, неизбежно, измѣнили свой обликъ и измѣнились въ худшую сторону. Въ то время какъ армія съ конца іюня, обливаясь кровью, сдерживала натискъ въ 10 разъ сильнѣйшаго врага, шагъ за шагомъ отходя къ Царицыну, все что было наименѣ устойчиво, все что щадило свой животъ и въ бою видѣло лишь средство наживы — все это уходило въ тылъ. На фронтѣ осталась лучшая часть казаковъ, въ станицахъ засѣли, промѣнявъ мечъ на плугъ, шкурники и грабители. Нынѣ эти шкурники и грабители въ видѣ пополненій вновь вернулись въ части и вернулись разращенные тѣми, въ чьихъ задачахъ разложить и ослабить армію. Усилія «самостійниковъ» за послѣднее время направлялись на наиболѣе стойкіе отдѣлы — линейцевъ, и пополненія изъ этихъ отдѣловъ наиболѣе разращены. При этихъ условіяхъ рассчитывать на полки въ случаѣ внутреннихъ осложненій нынѣ несравненно труднѣе, чѣмъ 1 ½ — 2 мѣсяца тому назадъ. По даннымъ контръ-развѣдки штаба арміи, тѣ части, которыя намѣчены Вами для переброски въ Екатеринодаръ, на время созыва рады, разращены не менѣ другихъ; въ частности во 2-омъ Уманскомъ полку отношенія между офицерами и казаками таковы, что мнѣ пришлось отказаться отъ переброски этого полка. Конечно, армія по прежнему чужда всякой «самостійности», какъ чужды ей и широкіе слои казачества, но при настоящемъ составѣ полковъ рассчитывать на стойкость частей, въ случаѣ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ оружіемъ, трудно. Предлагая извѣстныя требованія, можно опереться на армію, но использовавъ это оружіе лишь какъ «Дамокловъ мечъ», отнюдь не нанося имъ удары. По свѣдѣніямъ моимъ, призракъ военного переворота уже пугаетъ кубанскихъ «Мирабо» и его можно и должно использовать, однако, повторяю, отнюдь, не воплощая въ жизнь. При настоящемъ положеніи, я обуславливаю мое выступленіе въ радѣ отъ имени арміи лишь совершенно исключая какія бы то ни было вооруженныя выступленія, аресты и т. д. Примите мѣры къ недопущенію этого, во что бы то ни стало. Направленіе, принятое «Большимъ войсковымъ кругомъ на Дону», еще болѣе укрѣпляетъ меня въ принятомъ рѣшеніи. Работа лѣваго крыла круга и «самостійниковъ» на Кубани происходитъ въ тѣсной связи и ежели бы военный переворотъ на Кубани и увѣнчался успѣхомъ, то успѣхъ этотъ, кратковременный и

непрочный, несомненно вызвал бы бурю на Дону, бурю которая не только свела бы на нѣтъ этотъ успѣхъ, но и потрясла бы мощь воздвигаемаго съ такимъ трудомъ зданія Новой Великой Россіи.

Жму Вашу руку Вашъ П. Врангель»³⁶.

Между тѣмъ, ошибочная стратегія генерала Деникина начинала уже приносить свои плоды. Противникъ, сосредоточивъ крупныя силы на стыкѣ Донской и Добровольческой армій, повелъ рѣшительное наступленіе на фронтѣ Воронежъ — Лиски и одновременно въ направленіи на Сѣвскъ, стремясь охватить фланги Добровольческой арміи и срѣзать острый уголъ вытянушагося безобразнымъ клиномъ къ сѣверу нашего фронта. 18-го октября я получилъ телеграмму генерала Романовскаго:

«Обстановка на лѣвомъ флангѣ Донской и на фронтѣ Добровольческой арміи складывается очень неблагопріятно. Противникъ отчаявшись прорваться на фронтѣ вашей арміи и правомъ флангѣ Донской въ настоящее время повелъ операцію на фронтѣ Воронежъ — Лиски съ одной стороны и Кромы — Сѣвскъ съ другой по овладѣніи указанными участками фронтовъ онъ развиваетъ операцію въ обходъ фланговъ Доброарміи сосредоточивъ къ флангамъ ея и продолжая сосредотачивать крупныя силы главнымъ образомъ конницу. Все это требуетъ принятія спѣшныхъ мѣръ почему прошу спѣшно сообщить для доклада Главкому что вы могли бы выдѣлить изъ имѣющихся у васъ казачьихъ дивизій при условіи пассивной задачи на каковой остановились при совѣщаніи или же вы могли бы немедленно начать активную операцію дабы общимъ движеніемъ сократить фронтъ Донской арміи и дать ей возможность вести операцію на сѣверо-западъ.

17 октября 1919 года Нр 014170 Романовскій».

Я счелъ намѣченное рѣшеніе половинчатымъ и со своей стороны полагалъ возможнымъ измѣнить неблагопріятно сложившуюся для насъ обстановку лишь крупнымъ рѣшеніемъ. Въ тотъ же день я телеграфировалъ генералу Романовскому:

«014170 Развитие операціи моей арміей на сѣверъ по можетъ быть выполнено при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и необезпеченности водной коммуникаціи. При малочисленности конныхъ дивизій переброска одной — двухъ на то или иное направленіе не измѣнитъ общей обстановки и неразбитый хотя бы и пріостановленный противникъ отгѣснивъ донцовъ за Донъ будетъ имѣть возможность обрушиться на ослабленную выдѣленіемъ частей Кавармію. Неблагопріятно слагающуюся обстановку полагаю возможнымъ измѣнить лишь крупнымъ рѣшеніемъ — выдѣливъ изъ состава Каварміи ваше распоряженіе три съ половиной кубанскихъ дивизіи не считая бригады посылаемой въ Екатеринодаръ, оставить въ Царицынскомъ районѣ части 1 корпуса и инородческую конницу сведя ихъ въ отдѣльный корпусъ съ подчиненіемъ его непосредственно Главкому. Буде таковое рѣшеніе было бы принято полагалъ бы желательнымъ оставленіе комкоромъ генерала Покровскаго. Царицынъ 18 октября Нр 03533. Врангель».

На слѣдующій день я получилъ отвѣтъ:

«Главкомъ приказалъ срочно перебросить его резервъ районъ Купянска одинъ конный кубанскій корпусъ, желательно второй. Дальнѣйшее будетъ видно по обстановкѣ. Таганрогъ 19 октября 1919 года Нр 014252.

Романовскій».

Входившая въ составъ 2-го корпуса, 3-ья кубанская дивизія, дѣйствующая на Черноярскомъ направленіи и скованная на фронтѣ все время насѣдавшимъ противникомъ, отправлена быть не могла и взамѣнъ ея я намѣтилъ включить въ составъ 2-го корпуса 4-ую кубанскую дивизіи, о чемъ и телеграфировалъ генералу Романовскому:

«014252. 3 кубанская дивизія скованная боями на Черноярскомъ направленіи будетъ замѣнена въ составѣ второго корпуса 4 кубанской. Во исполненіе приказанія Главкома направляется въ Купянскій районъ второй корпусъ въ составѣ второй и четвертой кубанскихъ и Кабардинской дивизіи. Царицынъ 21 октября 1919 года Нр 03594 Врангель».

³⁶ Копію съ этого письма я препроводилъ генералу Лукомскому.

Такимъ образомъ, въ составъ корпуса должны были войти 2-ая и 4-ая кубанскія и Кабардинская дивизіи. Однако, отъ переброски послѣдней, въ силу неизвѣстныхъ мнѣ причинъ. Главнокомандующій отказался. Генераль Романовскій по аппарату черезъ дежурнаго офицера прислалъ записку:

«Наштаглавъ приказалъ сообщить, что Кабардинская дивизія перевозкѣ не подлежитъ, поэтому если началась ея погрузка или перевозка, то ихъ слѣдуетъ прекратить и принять мѣры къ быстрой переброскѣ 2 и 4 кубанскихъ дивизіи, которыя предназначены къ перевозкѣ въ Купянскъ. Объ исполненіи прошу сообщить для доклада наштаглаву».

Изъ состава Кавказской арміи были переброшены лишь двѣ дивизіи.

Въ связи съ ослабленіемъ и безъ того малочисленной арміи и полного истощенія фуражныхъ и продовольственныхъ средствъ въ районѣ станціи Котлубань — станицы Качалинской, я рѣшилъ занять болѣе сосредоточенное расположеніе, отведя конницу свою къ югу отъ станціи Карповка — хутора Разсошинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для прикрытія Царицына съ востока, я рѣшилъ занять небольшой плацдармъ на лѣвомъ берегу Волги, перебросивъ туда небольшой отрядъ въ составѣ вновь сформированнаго стрѣлковаго полка 3-ей кубанской казачьей дивизіи, батареи и дивизіона конницы.

24-го октября, ко дню открытія засѣданія Краевой Рады, я отъ имени арміи телеграфировалъ ея предсѣдателю:

«Отъ имени Кавказской арміи шлю привѣтъ Краевой Радѣ. Обеспечивая жизнью своею миръ и благоденствіе родного края Кавказскіе Орлы вѣрятъ, что рада — носительница высшей власти въ краѣ, найдетъ вѣрные пути къ созидательной работѣ на пользу Родины и обезпечить нужды тѣхъ, кто въ поволжскихъ степяхъ проливаетъ кровь свою за счастье Россіи. 24 октября 1919 года Нр 49229 В р а н г е л ь ».

Совершенно для меня неожиданно, въ день намѣченнаго мною выѣзда въ Екатеринодаръ, я получилъ адресованную всѣмъ командующимъ арміями и атаманамъ Дона, Кубани и Терека телеграмму генерала Деникина:

«Въ іюль текущаго года между правительствомъ Кубани и Меджлисомъ горскихъ народовъ заключенъ договоръ, въ основу котораго положена измѣна Россіи и передача кубанскихъ казачьихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ распоряженіе Меджлиса, чѣмъ обрекается на гибель Терское войско. Договоръ подписанъ Бычемъ, Савицкимъ, Калабуховымъ, Намитоковымъ съ одной стороны, и Чермоевымъ, Гайдаровымъ, Хадзараговымъ, Бамматовымъ съ другой. Приказываю при появленіи этихъ лицъ на территоріи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи немедленно передать ихъ военно-полевому суду за измѣну. Таганрогъ 25 октября 1919 года Нр 016729. Д е н и к и н ь ».

Телеграмма эта кореннымъ образомъ измѣняла обстановку. Изъ поименованныхъ въ телеграммѣ лицъ членъ рады Калабуховъ находился въ Екатеринодарѣ, что не могло не быть извѣстно Главнокомандующему. Приказъ объ арестѣ его въ Екатеринодарѣ могъ быть выполненъ лишь распоряженіемъ мѣстной краевой власти, согласія каковой на это у генерала Деникина быть не могло. Было совершенно ясно, что конфликтъ между главнымъ командованіемъ и Кубанской Краевой Радой на этой почвѣ неизбеженъ. Конечно, впредь до разрѣшенія этого конфликта не могло быть и рѣчи о возможности пересмотра и измѣненія Краевой Радой самого положенія о краѣ.

Предоставивъ мнѣ полную свободу дѣйствій, «carte blanche», какъ онъ выразился, генераль Деникинъ, ни слова мнѣ не сказавши, посылкой своей телеграммы ставилъ меня передъ совершившимся фактомъ, совершенно спутывая всѣ мои карты...

Профессоръ К. Н. Соколовъ, предупрежденный мною телеграммой, долженъ былъ ждать меня на станціи Тихорѣцкая. Въ Екатеринодарѣ также были предупреждены о моемъ пріѣздѣ. Я рѣшилъ отъѣздъ не откладывать, проѣхать въ Екатеринодаръ и, въ зависимости отъ обстановки на мѣстѣ, дѣйствовать въ дальнѣйшемъ.

Я прибылъ въ Екатеринодаръ поздно вечеромъ. Отпустивъ встрѣтившихъ меня лицъ, я пригласилъ къ себѣ въ вагонъ генераловъ Науменко и Покровскаго. Телеграмма Главнокомандующаго лишь подлила масла въ огонь. И атаманъ, и правительство, и рада усмотрѣли въ ней нарушеніе основныхъ правъ Кубани. Рада готовила рѣшительный протестъ. Предсѣдателемъ Краевой Рады былъ избранъ глава самостійниковъ И. Макаренко. Для охраны

рады самостійники формировали отрядъ изъ казаковъ Таманскаго отдѣла, наиболѣе распропагандированнаго. Генераль Покровскій вновь настаивалъ на самыхъ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, предлагая попросту оцѣпить раду войсками, схватить и на мѣстѣ разстрѣлять цѣлый рядъ лицъ. Послѣ этого, по его словамъ «рада выбереть атаманомъ того, кого ей прикажутъ».

Я, самымъ рѣшительнымъ образомъ, воспретилъ ему какія бы то ни было выступленія, аресты и т. п. безъ моего на то разрѣшенія. Самъ я рѣшилъ, не останавливаясь въ Екатеринодарѣ, проѣхать въ Кисловодскъ, гдѣ выждать въ зависимости отъ дальнѣйшаго хода событій возможность дѣйствовать.

Генерала Науменко я просилъ ежедневно по прямому проводу освѣдомлять меня объ обстановкѣ.

Тутъ же на вокзалѣ я написалъ письмо генералу Лукомскому, которое и от правиль съ состоящимъ въ моемъ распоряженіи полковникомъ Лебедевымъ.

Учитывая возможность дальнѣйшихъ осложненій, я желалъ имѣть точныя указанія Главнокомандующаго.

«27-го октября 1919 года.

Глубокоуважаемый Александръ Сергѣевичъ,

Я препроводилъ Вамъ копию съ письма моего генералу Покровскому отъ 21 октября, изъ коей явствуетъ мое несочувствіе къ вооруженному вмѣшательству во внутреннія дѣла Кубани. Съ одной стороны неполная увѣренность въ войскахъ, успѣвшихъ значительно развратиться «самостійниками», съ другой, опасеніе, даже въ случаѣ успѣха, бури на Дону, могущей отразиться на фронтѣ, требуетъ отъ насъ особой осторожности. Я надѣялся на благоразуміе одной части рады и на достаточность военной угрозы для другой. Въ этомъ убѣжденіи поддерживали меня и доклады съ мѣстъ. Къ сожалѣнію, избраніе предсѣдателемъ краевой рады И. Макаренко заставляетъ признать, что обнаглѣвшіе «самостійники» окончательно закусилъ удила. Ближайшіе дни должны разсѣять всѣ сомнѣнія. Если рада пойдетъ по пути демагогіи, то, по глубокому моему убѣжденію, силою вещей придется перейти отъ угрозы къ дѣйствіямъ. Много сдѣлано, чтобы войска, на которыя я могъ бы опереться, оправдали мое довѣріе. Въ Екатеринодарѣ посланы наиболѣе стойкія части, во главѣ которыхъ стоятъ крѣпкіе начальники. Мой конвой составленъ изъ отборныхъ казаковъ моей 1-ой конной дивизіи и офицеровъ лично мнѣ извѣстныхъ. На мѣстѣ принять рядъ мѣръ для обезпеченія успѣха. Печальный опытъ недавняго прошлаго достаточно доказалъ насколько въ случаѣ возможныхъ осложненій, можно опираться на самыя «вѣрныя» части, а при условіи, какъ я указывалъ въ письмѣ генералу Покровскому, что нынѣ въ полкахъ половина казаковъ недавно прибывшихъ обработаны «самостійниками» — ни въ одной части быть вполне увѣреннымъ нельзя. Однако указанные выше, принятые мною мѣры предосторожности, личное довѣрію ко мнѣ казаковъ, а, главное, твердая увѣренность, что захватъ почина и рѣшительность одни лишь могутъ, сплошь и рядомъ, спасти положеніе, все это вмѣстѣ взятое приводитъ меня къ рѣшенію быть готовымъ къ примѣненію силы. Что касается послѣдствій, могущихъ произойти, въ случаѣ подобнаго образа дѣйствій и въ частности опасности бури на Дону, то это вопросъ общей политики и я его рѣшить безъ указаній Главнокомандующаго не могу. Учитывая возможность политическихъ осложненій, я сдѣлаю все, чтобы избѣжать примѣненія силы, но ходъ событій заставляетъ предвидѣть возможность такого порядка вещей, когда отказъ отъ военнаго вмѣшательства будетъ признаніемъ слабости, а это, по моему убѣжденію, равносильно гибели.

Докладывая объ изложенномъ, испрашиваю срочныхъ указаній Главнокомандующаго. Податель сего, состоящій въ моемъ распоряженіи, полковникъ Лебедевъ, ознакомленъ съ содержаніемъ настоящаго письма и можетъ подробно доложить Вамъ мои соображенія.

Прошу принять увѣренія въ моемъ совершенномъ уваженіи и искренней преданности П. В р а н г е л ь ».

Въ Пятигорскѣ, гдѣ я рѣшилъ на нѣсколько часовъ остановиться, меня встрѣтилъ главноначальствующій Сѣвернаго Кавказа генераль Эрдели.

Послѣ объѣда, переговоривъ съ генераломъ Эрдели и Терскимъ атаманомъ генераломъ Вдовенко, я выѣхалъ въ Кисловодскъ.

Поѣздка моя въ Екатеринодаръ на нѣсколько дней, видимо, откладывалась. Профессоръ К. Н. Соколовъ, имѣя срочныя дѣла въ ставкѣ, дальше ждать не могъ и рѣшилъ ѣхать въ Таганрогъ. Онъ былъ вполне въ курсѣ дѣла. Представлялось яснымъ, что выполнение требованія Главнокомандующаго касательно ареста члена рады Калабухова потребуетъ вооруженнаго вмѣшательства, послѣдствія котораго трудно было учесть. Однако, отступить было уже поздно.

Ясно было и то, что теперь добиться упраздненія Законодательной Рады и измѣненія положенія объ управленіи краемъ въ смыслѣ намъ желательномъ возможно было бы лишь насильственнымъ путемъ.

Я просилъ профессора К. Н. Соколова доложить Главнокомандующему извѣстную ему обстановку и предложить три рѣшенія.

Первое изъ этихъ рѣшеній было предложенное генераломъ Покровскимъ: разгонъ рады, беспощадная расправа съ самостійниками и возглавленіе края насильственно посаженнымъ атаманомъ. Участвовать въ этомъ я не считалъ для себя возможнымъ. Въ этомъ случаѣ я предполагалъ предоставить генералу Покровскому свободу дѣйствій, предоставляя ему, въ дальнѣйшемъ, получать приказанія непосредственно изъ ставки.

Второе рѣшеніе предусматривало маловѣроятный случай, если-бы генералъ Деникинъ, отказавшись отъ своего первоначальнаго рѣшенія, попытался бы вступить на компромиссный путь мирныхъ переговоровъ. Рѣшенію этому я, конечно, также сочувствовать не могъ и предполагалъ въ этомъ случаѣ, отдавъ генералу Покровскому приказаніе о невмѣшательствѣ, немедленно вернуться въ Царицынъ.

Наконецъ, третье рѣшеніе намѣчало арестъ Калабухова и другихъ сочувствующихъ ему лицъ, преданіе ихъ военно-полевому суду, а затѣмъ переговоры съ радой съ цѣлью добиться отъ нея измѣненія положенія объ управленіи краемъ. Это рѣшеніе, наиболѣе трудное по исполненію, требовало большой твердости, осторожности и ловкости. Однако, по моему глубокому убѣжденію, оно въ настоящихъ условіяхъ было единственно правильнымъ.

Я учитывалъ возможность и того, что генералъ Деникинъ попытается вообще отъ всякаго опредѣленнаго отвѣта уклониться, я же считалъ необходимымъ обусловить свои дѣйствія точными указаніями Главнокомандующаго. Быстро развивающіяся событія при отсутствіи опредѣленныхъ указаній свыше войскамъ, могли ежечасно вызвать вооруженное столкновеніе. Имѣя это въ виду, я писалъ Главнокомандующему, что, не получивъ до указаннаго срока никакого отвѣта, предоставляю генералу Покровскому возможность расправиться съ радой по его усмотрѣнію. Мое участіе въ этомъ случаѣ было бы ограничено лишь послѣдующими переговорами съ радой.

Возможность подобнаго исхода должна была побудить генерала Деникина дать опредѣленный отвѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ Главнокомандующаго о включеніи Кубани въ армейскій раіонъ Кавказской арміи.

Я вручилъ профессору К. Н. Соколову соответствующее письмо на имя помощника главнокомандующаго генерала Лукомскаго.

«29 октября 1919 года
г. Кисловодскъ.

Глубокоуважаемый Александръ Сергѣевичъ,

Профессоръ Соколовъ изложилъ Вамъ подробно политическую обстановку въ Екатеринодарѣ и мои соображенія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Въ зависимости отъ рѣшенія, которое будетъ принято Главнокомандующимъ, прошу до 12 часовъ дня четверга по прямому проводу передать генералу Науменко для меня въ Екатеринодаръ, одну изъ нижеслѣдующихъ записокъ. Въ зависимости отъ содержанія депеши я приму соответствующія мѣры:

1. «При сложившейся обстановкѣ выступленіе Ваше отъ имени арміи въ радѣ считаю недопустимымъ», — я уѣзжаю изъ Екатеринодара, оставляя тамъ генерала Покровскаго во главѣ частей и предоставляя ему свободу дѣйствій.
2. «При сложившейся обстановкѣ Ваше выступленіе въ радѣ недопустимо, примите мѣры къ поддержанію полнаго порядка въ частяхъ, находящихся въ Екатеринодарѣ»,

— я уѣзжаю изъ Екатеринодара и требую отъ генерала Покровскаго полного невмѣшательства во внутреннїя дѣла Кубани.

3. «Приказываю Вамъ немедленно принять мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ нѣкоторыхъ лицъ, произведя ежели нужно арестъ ихъ и предавъ военно-полевому суду», — въ точности выполняю телеграмму, послѣ чего выступаю въ радѣ.
 4. Не получивъ до указаннаго срока никакого отвѣта, предоставляю генералу Покровскому принять по его усмотрѣнію мѣры для устраненія изъ рады нежелательныхъ лицъ, послѣ чего выступаю въ радѣ.
- Примите увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи

П. Врангель».

Въ Кисловодскѣ я нашель много старыхъ знакомыхъ. Здѣсь же проживала Великая Княгиня Марія Павловна съ сыномъ, Великимъ Княземъ Андреемъ Владимировичемъ. Я завтракаль у нее. Я нашель Великую Княгиню сильно постарѣвшей и осунувшейся. Она почти не вставала съ кушетки. Она и Великій Князь горько жаловались мнѣ на генерала Деникина, который отказываль Великому Князю въ возможности служить въ арміи. Великому Князю было чрезвычайно тягостно сидѣть безъ дѣла, онъ считаль, что его долгъ, какъ вся каго честнаго русскаго человѣка, принять участіе въ борьбѣ за честь и свободу Родины и просиль меня ему въ этомъ помочь. Я посовѣтоваль ему написать непосредственно Главнокомандующему.

Вечеромъ онъ зашелъ ко мнѣ показать составленное имъ письмо, которое и отправиль въ Екатеринодаръ съ состоящимъ въ его распоряженіи полковникомъ Кубе.

30-го октября я получилъ адресованную Главнокомандующему, всѣмъ командующимъ арміями и атаманамъ телеграмму Кубанскаго войскового атамана и предсѣдателя правительства:

«30 октября 1919 года.

Кубанскій войсковой атаманъ и кубанское краевое правительство категорически заявляеть, что краевое правительство никакихъ договоровъ съ Меджилисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномочивало. Лица перечисленныя въ телеграммѣ Главнокомандующаго Бычь, Намитоконъ, Савицкїй и Калабуховъ были делегированы кубанской краевой радой, а первые два и кубанскимъ краевымъ правительствомъ. Правительство послало своихъ делегатовъ какъ представителей въ составъ Россійской делегаціи въ Парижѣ въ помощь Сазонову, а также для защиты интересовъ Кубани передъ мирной конференціей и для информаціи. Если названныя лица, дѣйствительно подписали отъ имени краевого правительства договоръ съ Меджилисомъ горскихъ народовъ, о чемъ краевому правительству по сіе время официально неизвѣстно, то во просъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежить сужденію краевого правительства и существо договора сужденію кубанской Краевой рады, на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ вносится. Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковыя пользуются неприкосновенностью, почему въ случае совершенія ими незаконныхъ дѣйствій могутъ подлежать суду только кубанской Краевой власти, ихъ делегировавшей. Приказъ о преданіи названныхъ лицъ военно-полевому суду, является нарушеніемъ правъ кубанской Краевой власти и глубоко оскорбляеть право сознаніе кубанскаго народа и не можетъ не отразиться на настроеніи народа и фронта. Сыны Кубани не запятнали себя измѣной, а принесли и несутъ наибольшія жертвы своею кровью и достояніемъ для возсозданія Россіи. Кубань вправѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства Нр 016729 въ виду несправедливости обвиненія Краевой власти въ измѣнѣ и въ виду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой власти судить своихъ дипломатическихъ представителей. Нр 3789 Кубанскій войсковой атаманъ Ф и л и м о н о в ъ , Предсѣдатель Правительства К у р г а н с к і й ».

Пришедшія въ Кисловодскъ газеты принесли текстъ рѣчей членовъ Кубанской Краевой рады.

Большинство рѣчей было открыто враждебно генералу Деникину и «добровольцамъ». Упрекая Главнокомандующаго въ несправедливости въ отношеніи казаковъ, въ желаніи использовать ихъ лишь, какъ пушечное мясо, поставивъ во главѣ большинства кубанскихъ частей начальниковъ не кубанцевъ, Макаренко позволилъ себѣ возмутительную фразу: «у насъ во главѣ кубанскихъ войскъ нѣтъ ни одного порядочнаго генерала...» Фраза эта вызвала крики протеста. 31-го октября я получилъ телеграмму Главнокомандующаго:

«Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненіе приказаніе мое Нр 016729 и принять по Вашему усмотрѣнію всѣ мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ Вашъ армейскій районъ. 1 ч. 50 мин. 31/10. 19. Нр 014598. Д е н и к и н ъ ».

Руки у меня были развязаны.

Въ этотъ же день прибылъ ко мнѣ генераль Науменко. Мы подробно обсудили дѣло. Генераль Покровскій долженъ былъ произвести аресты: Калабухова и ряда другихъ лицъ и немедленно предать ихъ военно-полевому суду, каковой долженъ былъ быть сформированъ при имѣющейся у него бригадѣ полковника Буряка. Дабы не ставить атамана въ тяжелое положеніе и тѣмъ еще болѣе не осложнить вопросъ, я просилъ генерала Науменко переговорить отъ моего имени съ генераломъ Филимоновымъ и постараться убѣдить его сложить съ себя атаманское званіе.

Я тутъ же написалъ соответствующее предписаніе генералу Покровскому, которое и передалъ генералу Науменко для врученія его генералу Покровскому лишь послѣ того, какъ атаманъ приметъ рѣшеніе:

«Генералу Покровскому.

Мною получена слѣдующая телеграмма Главнокомандующаго: «Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненіе приказаніе мое Нр 016729 и принять по Вашему усмотрѣнію мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ Вашъ армейскій районъ. 1 ч. 50 мин. 31 октября. Нр 014598. Д е н и к и н ъ ». Во исполненіе изложеннаго приказываю Вамъ съ полученіемъ сего арестовать члена Парижской конференціи Калабухова, а равно всѣхъ тѣхъ лицъ, изъ числа намѣченныхъ Вами, дѣятельность коихъ имѣетъ опредѣленные признаки преступной агитаціи, въ связи съ текущимъ политическимъ моментомъ. Арестованныхъ лицъ немедленно предайте военно-полевому суду, каковой сформируйте при бригадѣ полковника Буряка и приговоръ суда приведите въ исполненіе безотлагательно. Кисловодскъ 31 октября, № 162. В р а н г е л ь ».

Сообщая объ этомъ Главнокомандующему, я доносилъ:

«Приказаніе будетъ вручено генералу Покровскому по подачѣ войсковымъ атаманомъ въ отставку, что ему одновременно съ симъ данъ совѣтъ сдѣлать. Кисловодскъ, 31 октября, № 163. В р а н г е л ь ».

Одновременно я телеграфировалъ войсковому атаману:

«Оскорбительныя выраженія, допущенныя нынѣшнимъ председателемъ Краевой Рады по отношенію старшихъ войсковыхъ начальниковъ и безнаказанное присутствіе среди членовъ Краевой Рады лицъ, объявленныхъ приказомъ Главнокомандующаго измѣнниками и преданныхъ имъ военно-полевому суду, лишаютъ меня возможности воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ — посѣтить Краевую Раду. При настоящихъ условіяхъ посѣщеніе мною Краевой Рады несовмѣстимо съ достоинствомъ ни моимъ лично, ни арміи, во главѣ которой я стою. Кисловодскъ, 30 октября, Нр 559. В р а н г е л ь ».

1-го ноября я получилъ посланное черезъ полковника Лебедева, приказаніе Главнокомандующаго :

«Предлагаю Вамъ по обсужденіи вопроса съ кубанскимъ войсковымъ атаманомъ привести въ исполненіе мое приказаніе по телеграммѣ № 016729 въ отношеніи Калабухова. Если представится необходимымъ, Калабуховъ можетъ быть для осужденія препровожденъ въ Таганрогъ.

Генераль-лейтенантъ Д е н и к и н ъ ».

Къ пакету была приложена записка генерала Лукомскаго:

«29 октября 1919 года.

Глубокоуважаемый Петръ Николаевичъ!

Главнокомандуюцій съ изложеннымъ въ Вашемъ письмѣ согласенъ. Въ добрый часъ!

Глубоко Васъ уважаюцій

А. Лукомскій ».

Всѣ распоряженія были отданы, мнѣ оставалось лишь ждать.

2-го ноября я получилъ телеграмму предсѣдателя Краевой Рады Макаренко, въ отвѣтъ на привѣтственную телеграмму, посланную мною Краевой Радѣ изъ Царицына.

«2-го ноября 1919 года.

Кубанская Краевая Рада въ Вашемъ лицѣ приноситъ глубокую благодарность за привѣтствіе доблестной, предводимой Вами арміи. Безмѣрно цѣня мужество и неуязвимую стойкость сыновъ Кубани, Рада съ своей стороны приложить всѣ усилія къ облегченію ихъ настоящаго ратнаго подвига и дальнѣйшаго славнаго пути. Замѣститель предсѣдателя Краевой Рады. М а к а р е н к о ».

Телеграмма эта разошлась съ моей.

3-го ноября я получилъ рапортъ генерала Покровскаго, извѣщавшій о врученіи ему посланнаго черезъ генерала Науменко предписанія.

Наконецъ, 6-го утромъ генераль Покровскій вызвалъ меня къ аппарату и сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Ультиматумъ былъ мною предъявленъ вчера, срокъ истекалъ къ 12 часамъ дня. Сущность ультиматума вамъ извѣстна. Отъ 9^{1/2} до 12 велась торговля. На совѣщаніи у атамана присутствовали: Сушковъ, Скобцовъ, Горбушинъ, оба Успенскіе и еще какой-то членъ, не помню. Все уговаривали меня во избѣжаніе кровопролитія отказаться отъ своихъ требованій и убѣждали дать согласіе на посылку делегации Главкому. Въ виду полной неприемлемости и явно намѣренной оттяжки я, къ 12 часамъ отказался продолжать переговоры и направился къ войскамъ. Въ этотъ моментъ совѣщаніе признало необходимымъ выдать мнѣ Калабухова, котораго я арестовалъ и отправилъ къ себѣ на квартиру. Тутъ же совѣщаніе по вопросу о выполненіи второго моего требованія — выдачи мнѣ лидеров самостійниковъ, постановило ѣхать въ Раду и потребовать отъ нихъ сдачи мнѣ. Прибывъ къ войскамъ, состоящимъ на ³/₄ изъ Екатеринодарскаго гарнизона, я былъ встрѣченъ ими криками «ура», мною былъ посланъ въ Раду офицеръ, передавшій президіуму мое требованіе — немедленно выдать мнѣ лидеров и собрать Таманскій дивизионъ охраны Рады, для сдачи оружія. Въ виду затяжки съ отвѣтомъ и истеченія срока, мною была введена въ Раду сотня для занятія карауловъ и разоруженія таманцевъ. Противъ Рады была выстроена также сотня. Въ періодъ процесса безболѣзненнаго разоруженія ко мнѣ стали являться самостійники, которые тутъ же арестовывались и отправлялись во дворецъ. Рада реагировала на всѣ требованія сочувственно. Въ данный моментъ у меня на квартирѣ сидятъ: Петръ Макаренко, Омельченко, Воропиновъ, Манжула, Роговецъ, Феськовъ, Подтопелный, Жукъ, Балабасъ и сынъ Безкровнаго, братъ Рябовола, Иванъ Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнѣйшіе аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты подъ стражу. Рада выбрала делегацию для посылки Главкому, съ изъ явленіемъ покорности и съ декларативнымъ заявленіемъ объ ориентации за Единую Россію, делегация сидитъ у меня. Обратный мой проѣздъ во дворецъ сопровождался криками «ура» всего населенія. Убѣдившись въ безболѣзненномъ окончаніи операціи, атаманъ рѣшилъ, что онъ можетъ оставаться у власти, сочувствія къ этому со стороны политическихъ дѣятелей нѣтъ, въ данное время общая ситуация совершенно не въ его пользу. Послѣ окончанія разговора съ вами, я соединяюсь со ставкой, дабы мой послѣдующій совмѣстный съ Филимоновымъ разговоръ со ставкой, который я вынужденъ былъ ему обѣщать, не далъ бы смягчающихъ рѣшеній въ ставкѣ».

Я немедленно отдалъ приказъ войскамъ моей арміи.

«П Р И К А З Ъ
Кавказской арміи
№ 557.

6-го ноября 1919 года.

Г. Кисловодскъ.

Прикрываясь именемъ кубанцевъ, горсть предателей, засѣвъ въ тылу, отреклась отъ Матери-Россіи. Преступными дѣйствіями своими они грозили свести на нѣтъ все то, что сдѣлано сынами Кубани для возрожденія Великой Россіи, все то, за что десятки тысячъ кубанцевъ пролили свою кровь. Нѣкоторые изъ нихъ дошли до того, что заключили преступный договоръ съ враждебными намъ горскими народами, договоръ преданія въ руки врага младшаго брата Кубани — Терека. Пытаясь развалить фронтъ, сѣя рознь въ тылу и затрудняя работу атамана и правительства въ дѣлѣ снабженій и пополненія арміи, преступники оказывали содѣйствіе врагамъ Россіи, той красной нечисти, которая годъ тому назадъ залила Кубань кровью. Какъ командующій Кавказской арміей, я обязанъ спасти армію и не допустить смуты въ ея тылу.

Во исполненіе отданнаго мною приказанія, командующимъ войсками тыла арміи генераломъ Покровскимъ взяты подъ стражу и преданы военно-полевому суду въ первую голову двѣнадцать измѣнниковъ. Ихъ имена: Калабуховъ, Безкровный, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабасъ, Воропиновъ, Феськовъ, Роговецъ, Жукъ, Подтопельный и Гончаровъ.

Пусть запомнятъ эти имена тѣ, кто пытался бы идти по ихъ стопамъ.

Генераль В р а н г е л ь ».

Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Екатеринодаръ. На вокзалѣ я встрѣченъ былъ войсковымъ атаманомъ, чинами войскового штаба, походнымъ атаманомъ, генераломъ Покровскимъ и многочисленными депутаціями. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ Гвардейскаго казачьяго дивизиона. Верхомъ, въ сопровожденіи генерала Покровскаго и чиновъ моего штаба, я проѣхалъ на квартиру генерала Покровскаго по улицамъ, гдѣ шпалерами выставлены были войска — полки бригады полковника Буряка, юнкерское училище, части мѣстнаго гарнизона. Отданный мною вчера приказъ уже былъ отпечатанъ и расклеенъ на стѣнахъ домовъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Я рассчитывалъ, что торжественная встрѣча должна произвести на членовъ Рады, особенно на сѣрую часть ихъ, должное впечатлѣніе.

Военно-полевой судъ надъ Калабуховымъ уже состоялся, былъ утвержденъ генераломъ Покровскимъ и на разсвѣтѣ смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе. Надъ остальными арестованными суда еще не было, о смягченіи ихъ участи Рада возбудила ходатайство, пославъ депутацію къ Главнокомандующему. Я телеграфировалъ генералу Деникину:

«Приказаніе Ваше Нр 016722 исполнено — членъ Парижской конференціи Калабуховъ арестованъ и по приговору военно-полевого суда сего числа повѣшенъ. Екатеринодаръ, 7 ноября 1919 года. Нр 181. В р а н г е л ь ».

Отъ генерала Покровскаго я проѣхалъ въ Раду, гдѣ къ пріѣзду моему собрались всѣ ея члены. Я рѣшилъ въ обращеніи своемъ къ Радѣ возможно менѣ касаться политической стороны вопроса, не считая возможнымъ стать въ этомъ всецѣло на сторону главнаго командованія, политикѣ котораго въ отношеніи Кубани я во многомъ сочувствовать не могъ.

Я имѣлъ въ виду настаивать исключительно на томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ, благодаря борьбѣ Кубанской Краевой Рады съ Главнокомандующимъ, оказалась моя армія; указать, что борясь съ генераломъ Деникинымъ, Законодательная Рада не остановилась передъ предательствомъ тѣхъ сыновъ Кубани, которые кровью своею обезпечили существованіе края. Я могъ вернуться къ арміи лишь обезпечивъ ей въ дальнѣйшемъ всемѣрную поддержку Кубанскаго войска. Послѣднее будетъ возможно лишь, если глава войска — атаманъ, получить полную мощь.

Встрѣченный въ вестибюлѣ атаманомъ и предсѣдателемъ правительства, я прошелъ въ залъ. При входѣ моемъ вся Рада встала и члены ея и многочисленная публика, заполнившая трибуны, встрѣтили меня аплодисментами. Атаманъ, поднявшись на трибуну, привѣтствовалъ меня рѣчью³⁷:

«Добро пожаловать! Позвольте мнѣ быть искреннимъ и въ этой искренности повѣдать вамъ наши тяжелыя печали и наше тяжелое горе. Тяжкія испытанія переживаетъ сейчасъ Кубань. Тяжесть отвѣтственности момента особенно глубоко чувствуется народными избранниками, здѣсь засѣдающими. Ошибки времени

³⁷ По стенограммѣ.

привели къ тѣмъ событіямъ, которыя тревожатъ, волнуютъ и удручаютъ насъ. Мы удручены, мы подавлены, въ головахъ и сердцахъ нашихъ происходящія событія отзываются тяжкимъ ударомъ.

И великое безпокойство внѣдряется въ умы наши. Мы озабочены тѣмъ, чтобы армія наша, вами предводительствуемая, была спокойна и увѣрена въ томъ, что отцы и братья, которые о нихъ заботятся, не забыли ея. Мы также озабочены тѣмъ, чтобы жизнь Кубанскаго края не омрачалась никакими событіями, чтобы жизнь эта протекала также спокойно и увѣренно, какъ увѣренно идетъ къ побѣдамъ Кавказская армія. Но мы не скроемъ, что совершающіяся событія въ послѣдніе дни бросаютъ въ жизнь искры, которыя мы отъ всей души и сердца хотѣли бы предотвратить вмѣстѣ съ вами. Ваше превосходительство, мы искренно, всѣ члены Рады какъ одинъ заявляемъ вамъ, что насъ волнуетъ участь задержанныхъ членовъ Краевой Рады. Вы понимаете что они, недавніе сотоварищи по работѣ, есть плоть отъ плоти кость отъ кости кубанскаго казачества. Пусть они дѣлали ошибки, пусть заблуждались, но всѣ мы, повторяю, какъ одинъ человѣкъ, какихъ бы убѣжденных и взглядовъ мы ни были, мы не можемъ безъ душевнаго содроганія не волноваться за ихъ судьбу.

Мы, представители народа, обращаемся въ вамъ съ просьбой учеть моментъ, учеть жертвы, принесеннымъ нами, и, прежде чѣмъ принять рѣшеніе относительно задержанныхъ членовъ Краевой Рады, взвѣсьте всю обстановку, въ которой мы живемъ и которая насъ окружаетъ. Рада обращается къ вамъ отъ чистаго сердца съ просьбой освободить ихъ и передать въ наши руки. (Крики «просимъ»). Ваше превосходительство, Краевая Рада сумѣетъ въ спокойной дѣловой обстановкѣ обсудить ихъ дѣятельность и сумѣетъ вынести и опредѣлить имъ должное. Это наша единственная и горячая просьба. («Просимъ»).

По окончаніи рѣчи атамана, я взошелъ на трибуну.

«Сегодня, наконецъ, мнѣ удалось исполнить давнишнее свое желаніе довести до Краевой Рады голосъ моей арміи, повѣдать вамъ о подвигахъ непобѣдимыхъ орловъ, во главѣ которыхъ я съ гордостью стою; повѣдать о нуждахъ, о болѣстяхъ, съ полной уверенностью, что Краевая Рада, истая представительница родной Кубани, истый хозяинъ кубанской земли, пойметъ эти нужды и, какъ заботливая мать сыну, который борется на фронтѣ, придетъ на помощь непобѣдимымъ орламъ Кавказской арміи (аплодисменты).

Господа, давно хотѣлъ я повѣдать о подвигахъ моихъ орловъ, но, къ сожалѣнію, не отъ меня зависѣло, что голосъ арміи не могъ дойти до васъ. Не могъ дойти онъ оттого, что были люди, которымъ это было не на руку. Не разъ уже я хотѣлъ быть у васъ, въ тяжелые дни, когда, истекая кровью, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, кубанскіе орлы, прикрывая грудью родную землю, сдерживали напоръ въ десять разъ сильнѣйшаго врага, не получая тѣхъ подкрѣплній, которыхъ съ болью въ сердцѣ ждали. Не взирая на то, что на фронтѣ моемъ ежечасно побѣда могла обратиться въ поражение, я выбралъ свободный день и пріѣхалъ въ Екатеринодаръ. Здѣсь я заявилъ о моемъ желаніи посѣтить Законодательную Раду, чтобы въ ея лицѣ найти ту помощь, когорая необходима была моей арміи. Каждый часъ былъ дорогъ: каждый часъ, который я терялъ здѣсь, могъ стоить жизни десяткамъ тысячъ кубанскихъ сыновъ. Но Законодательная Рада не удостоила меня своимъ приглашеніемъ. Я уѣхалъ, не получивъ той помощи, на которую имѣла право моя армія. («Позоръ»).

Я снова пріѣхалъ съ генераломъ Науменко и генераломъ Покровскимъ. Я пріѣхалъ къ атаману просить его ускорить созывъ Краевой Рады, въ полной увѣренности, что Краевая Рада окажетъ помощь арміи, что Краевая Рада будетъ той матерью, которая позаботится о своихъ сынахъ. Я выѣхалъ съ фронта съ сердцемъ открытымъ вамъ. По дорогѣ я прочиталъ, что вожди Кавказской арміи, тѣ вожди, изъ которыхъ 50% пролили кровь свою за родную Кубань, были по 15 разъ ранены, среди которыхъ почти не осталось цѣлыхъ, эти вожди заслужили въ стѣнахъ Краевой Рады названіе «непорядочныхъ». («Позоръ»).

Я не могъ просить помощи и вынужденъ былъ, не побывавъ у васъ, уѣхать изъ Екатеринодара. Сейчасъ тѣхъ, кто прикрываясь именемъ кубанца, позорилъ Кубань, и

засѣвъ въ тылу, отрекся отъ общей Матери Россіи, къ счастью здѣсь нѣтъ, и я съ открытымъ сердцемъ и полной уѣбенностью обращаюсь къ вамъ.

Когда великая, когда то мощная Россія покрылась потоками крови и разореніемъ, когда обезумѣвшій народъ грабилъ и жегъ родную землю, здѣсь на Кубани всколыхнулось русское народное сознание, здѣсь нашли убѣжище и пріютъ всѣ тѣ, кто не потерялъ въ сердцѣ своемъ вѣру въ возможность спасенія Великой Россіи, всѣ тѣ, у кого честь и совѣсть еще не умерли. Значеніе Кубани, какъ созидательницы и носительницы новой русской арміи великой свободной Россіи, огромно, и это значеніе не имѣетъ право забыть ни одинъ русскій человѣкъ. И вотъ все то, что сѣлала Кубань цѣною потоковъ крови въ дѣлѣ возсозданія Великой Россіи, все то, за что десятки тысячъ кубанцевъ пролили свою кровь, все это стало забываться и чистое, незапятнанное имя Кубани — спасительницы Россіи — стало черниться грязными руками тѣхъ, кто мелкое свое честолюбіе ставилъ выше блага Родины. Все больше и больше раздается голосъ, обвиняющій Кубань въ какой то самостійности и въ измѣнѣ Россіи. Неужели Кубань отреклась отъ Россіи (съ мѣстъ: «нѣтъ»). Неужели то, что говорилось отъ имени Кубани, все это живетъ въ вашихъ сердцахъ. Я знаю что нѣтъ. И здѣсь, среди васъ, отъ имени моей арміи, которая дала мнѣ право говорить потому, что я съ ней сроднился и что я съ ней составляю одно, я громко говорю тѣмъ, которые позорнымъ названіемъ «самостійника-измѣнника» покрываютъ Кубань: «Это неправда. Вы не имѣете права змѣиный шипъ, который раздавался въ тылу арміи, принять за кликъ непобѣдимыхъ кубанскихъ орловъ».

Съ этимъ пришелъ я къ вамъ. Я хотѣлъ заявить вамъ, что какъ командующій арміей, где служатъ ваши сыны и ваши братья, я вправѣ требовать, чтобы то, что сдѣлано кровью моихъ орловъ, не было захватано грязными руками, что все то, что сдѣлано ими для возсозданія Великой Единой, Недѣлимой Россіи, было бы оцѣнено по достоинству и суровый вашъ приговоръ высказанъ тѣмъ, кто своими дѣлами чернить великое дѣло, сдѣланное Кубанью для спасенія Россіи». —

Отмѣтивъ всѣ трудности 300-тѣ верстнаго похода Кавказской арміи по калмыцкимъ бтзводнымъ степямъ, я продолжалъ:

«Предвидя ударъ сильнѣйшаго врага, я послалъ телеграмму войсковому атаману и правительству, прося помощи. Я долженъ засвидѣтельствовать, что и атаманъ, и правительство неизмѣнно оказывали мнѣ полную поддержку. (Аплодисменты). Они все хотѣли сдѣлать, но не могли, и не могли оттого, что вопросы, отъ которыхъ зависѣла жизнь десятковъ тысячъ сыновъ Кубани — вопросы эти затемнялись партійными раздорами и недостойной борьбой въ тылу. Въ то время, какъ мы на фронтѣ не знали что такое черноморцы и линейцы, ибо мы знаемъ однихъ сыновъ Кубани, гдѣ черноморцы и линейцы рядомъ смѣшиваютъ кровь свою на поляхъ сраженій и дѣлать послѣдній кусокъ, — въ это время здѣсь сѣется рознь между черноморцами и линейцами, какъ будто бы всѣ они не сыны Кубани и Великой Россіи.

Въ то время, какъ на фронтѣ мы вмѣстѣ деремся и умираемъ, «добровольцы», «иногородніе» и «казаки», здѣсь идетъ какое-то «отдѣленіе», котораго въ жизни нѣтъ. Въ то время какъ мы, генералы, хорунжіе, войсковые старшины и казаки составляемъ одну семью, здѣсь объявляютъ о томъ, что войну ведутъ генералы. Еще недавно здѣсь, съ этой кафедры, раздавались рѣчи, которыя я иначе не могу назвать, какъ провокаціей. Вы помните, вѣроятно, рѣчь, сказанную однимъ изъ тѣхъ, которыхъ къ счастью сегодня здѣсь нѣтъ, о томъ что на фронтѣ приказано арестовать членовъ рады. Я командующій арміей, мимо котораго не можетъ пройти ни одинъ приказъ — заявляю вамъ, что это ложь. Этого никогда не было... Я не политикъ, а солдатъ и казакъ, уважаю казачьи вольности («Ура», аплодисменты). Никогда я не позволю себѣ посягнуть на эти права, но, какъ командующій арміей, я обязанъ спасти ее и отвѣчаю за цѣлость моего фронта. И я не могу допустить, чтобы въ тылу кучка измѣнниковъ расшатывала бы мой фронтъ и недостойнымъ политиканствомъ своимъ заставляла бы голодать мою армію. Вотъ почему я просилъ командующаго войсками тыла генерала Покровскаго изъять тѣхъ, кто губитъ великое дѣло спасенія Россіи, кто позоритъ Кубань. Это имъ сдѣлано и я глубоко вѣрю въ то, что теперь, когда изъяты, вырваны съ корнемъ,

плевелы, ваша мудрость подскажет вам вѣрный путь къ тому, чтобы нужды моей арміи, моихъ орловъ, вашихъ сыновъ и братьевъ были бы полностью удовлетворены».

Далѣе, упомянувъ о нуждахъ Кавказской арміи, которыя оставались безъ удовлетворенія Законодательной Радой, я продолжалъ:

«Вотъ, господа члены Рады, болѣсти моей арміи. Давайте моей арміи пополненія, заставьте стать въ ея ряды тѣхъ сыновъ Кубани, которыхъ молодость и здоровье обязываютъ помочь. Помогите моей арміи конями, потому что казакъ безъ коня — не воинъ, помогите ей хлѣбомъ и армія моя поддержитъ славу старыхъ кубанскихъ знаменъ. Господа члены Рады, я возвращаюсь къ моей арміи съ полной уѣренностью, что голосъ ея до шель до вашихъ сердець. Не вѣрю, что причина отсутствія помощи то, что Мать-Кубань забыла своихъ сыновъ. Нѣтъ. (голосъ: «Нѣтъ»). Причины другія, и я, какъ честный человекъ, окажу, въ чемъ все зло. Зло въ томъ, что политика заѣла, зло въ томъ, что атаманъ и Краевое правительство, при всемъ своемъ желаніи, не могли помочь намъ, потому что каждый шагъ связывался по рукамъ и по ногамъ недостойными политиками въ тылу. Моя увѣренность, что лишь тогда моя армія получить помощь, когда атаманъ и Краевое правительство будутъ имѣть возможность пользоваться полнотою своей власти и будутъ отвѣтственны лишь передъ вами, господа члены Рады, передъ истиннымъ хозяиномъ земли Кубанской.

Уѣзжая на фронтъ, могу ли я передать моимъ орламъ, что ихъ отцы и братья, члены Краевой Рады, какъ одинъ придутъ на помощь. (Крики: «просимъ»). Благодарю васъ господа». (Крики: «ура»).

Послѣ словъ члена Рады сотника Д. Филимонова, обратившагося ко мнѣ также съ просьбой о передачѣ арестованныхъ въ распоряженіе кубанской Краевой власти, былъ объявленъ перерывъ и я съ генераломъ Покровскимъ вернулся къ себѣ въ поѣздъ. Туда прибыла ко мнѣ депутація Краевой Рады съ новымъ ходатайствомъ за арестованныхъ. Я принялъ ихъ возможно любезнѣе. Вновь указавъ на то тягостное положеніе, въ которомъ оказались мои войска, вслѣдствіе той политической борьбы, которая велась въ тылу арміи, на то, что въ дальнѣйшемъ борьба эта должна отразиться на духѣ войскъ, я заявилъ, что кровавый урокъ необходимъ, что онъ одинъ можетъ заставить опаматовать тѣхъ, кто, принося въ жертву политикѣ родную армію, губить самую Кубань, а съ нею и Россію, что мнѣ не нужны чьи либо жизни, но необходима гарантія въ томъ, что бывшее не повторится и армія не окажется вновь въ отчаянномъ положеніи. Въ заключеніе я, какъ бы вскользь, замѣтилъ, что, конечно, и этотъ кровавый урокъ былъ бы лишнимъ, если бы самой Краевой Радой была бы предоставлена главѣ войска — атаману — полная мощь, и въ дѣйствіяхъ своихъ онъ былъ бы отвѣтственъ лишь передъ верховнымъ хозяиномъ края — Краевой Радой.

— «Какъ со стороны атамана, такъ и со стороны правительства, я неизмѣнно встрѣчалъ полную поддержку и не сомнѣваюсь, что не будь атаманъ и правительство связаны по рукамъ Законодательной Радой, все происшедшее не имѣло бы мѣсто».

Слова мои произвели должное впечатлѣніе, за поданную мною мысль мои собесѣдники охотно ухватились. Тутъ же былъ набросанъ проектъ измененія положенія объ управленіи краемъ, который на слѣдующій день и предложено было внести на обсужденіе Рады группою ея членовъ.

8-го ноября Кубанская Краевая Рада приняла законъ объ измененіи временнаго положенія объ управленіи Кубанскимъ краемъ.

Кубанская Чрезвычайная Рада постановила:

Ввести въ временное положеніе объ управленіи Кубанскимъ краемъ измененія, на основаніи слѣдующихъ положеній:

1. функціи Законодательной Рады передаются кубанской Краевой Радѣ, избираемой на основаніи особаго закона.
2. Для избранія войскового атамана учреждается Атаманская Рада, избираемая на основаніи особаго закона.
3. Временно, до избранія Атаманской и Краевой Рады, полномочія той и другой сохраняются за Кубанской Краевой Радой настоящаго ея состава.
4. Краевое правительство отвѣтственно передъ кубанской Краевой Радой.
5. Войсковому атаману въ случаѣ его несогласія съ вотумомъ недоуверія правительству принадлежитъ право роспуска Краевой Рады, съ указаніемъ, въ самомъ указѣ, о

ропускъ, времени созыва Краевой Рады новаго состава. Краевая Рада новаго состава должна быть созвана не позднѣе двухъ мѣсяцевъ со дня роспуска, причемъ недовѣріе правительству, выраженное вновь созванной Радой, влечетъ за собой его отставку.

6. Положеніе объ управленіи Кубанскимъ краемъ не можетъ быть измѣняемо совѣтомъ правительства въ порядкѣ 57 статьи означеннаго положенія.

Я немедленно телеграфировалъ Главнокомандующему.

«Идя навстрѣчу высказаннымъ мною пожеланіямъ Краевая Рада приняла законъ объ измѣненіи временнаго положенія объ управленіи Кубанскимъ краемъ, пойдя въ этомъ направленіи даже далѣе моихъ предположеній. Съ своей стороны, удовлетворяя ходатайство Рады, обѣщала сохраненіе жизни преданнымъ суду лицамъ.

Екатеринодаръ 8 ноября 1919 года Нр 168. В р а н г е л ь ».

Генераль Филимоновъ, доказавшій, что при настоящихъ условіяхъ онъ не въ силахъ крѣпко держать атаманскую булаву, долженъ былъ уступить мѣсто свое другому. Это ясно сознавалось всѣми. Однако, самъ атаманъ этого не хотѣлъ понять. Попытки генераловъ Науменко и Покровскаго убѣдить его въ этомъ, успѣха не имѣли. 9-го ноября, днемъ, атаманъ заѣхалъ ко мнѣ. Зная, что я уѣзжаю вечеромъ въ Таганрогъ, онъ просилъ меня вновь ходатайствовать передъ генераломъ Деникинымъ о смягченіи участи арестованныхъ членовъ Рады. Въ заключеніе онъ обратился ко мнѣ съ просьбой повліять на генерала Деникина въ смыслѣ смягченія враждебнаго отношенія послѣдняго къ Кубани и, въ частности, къ нему, генералу Филимонову. Я съ полной откровенностью отвѣтилъ, что сдѣлать этого не могу, что послѣ всего происшедшаго трудно требовать отъ Главнокомандующаго благожелательнаго отношенія къ нему, генералу Филимонову, что дальнѣйшее пребываніе его во главѣ края несомнѣнно отразится неблагопріятно на отношеніи Главнокомандующаго къ Кубанской Краевой власти и что при настоящихъ условіяхъ единственнымъ выходомъ для генерала Филимонова представляется, по моему мнѣнію, отказъ отъ атаманской булавы. Генераль Филимоновъ возраженій не дѣлалъ, однако, опредѣленнаго отвѣта не далъ. Вечеромъ я выѣхалъ въ Таганрогъ.

Со времени послѣдняго пріѣзда моего въ ставку, наше стратегическое положеніе значительно ухудшилось. Конница противника на стыкѣ Добровольческой и Донской армій, отгнѣснивъ наши части, глубоко врѣзалась въ нашъ фронтъ, угрожая тылу Добровольческой арміи. 1-ый корпусъ послѣшно отходилъ. Орель, Курскъ, были оставлены и нашъ фронтъ быстро приближался къ Харькову. Въ тылу, въ Екатеринославской губерніи, кипѣли возстанія. Въ связи съ неудачами на фронтѣ росло неудовольствіе въ тылу. Предпринятое генераломъ Юденичемъ наступленіе на Петроградъ закончилось неудачей, остатки его арміи отошли въ Эстонію. Разбитыя арміи адмирала Колчака послѣшно отходили на востокъ. Гроза надвигалась...

Я прибылъ въ Таганрогъ 10-го утромъ и прямо съ вокзала отправился къ Главнокомандующему, гдѣ засталъ генерала Романовскаго. Доложивъ обстановку, я упомянулъ о вчерашнемъ разговорѣ моемъ съ атаманомъ.

— «Конечно», сказалъ генераль Деникинъ, «генераль Филимоновъ атаманомъ быть не можетъ, онъ главный виновникъ всего происшедшаго»³⁸.

Затѣмъ я спросилъ кого Главнокомандующій считалъ бы желательнымъ видѣть во главѣ края; генераль Покровскій, весьма, видимо, желавшій быть выбраннымъ атаманомъ, имѣлъ на это мало шансовъ. Другимъ кандидатомъ былъ генераль Науменко. Съ своей стороны я полагалъ, что наилучшимъ атаманомъ былъ бы послѣдній. Главнокомандующій отвѣтилъ, что въ это дѣло не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться. Присутствующій генераль Романовскій замѣтилъ, что генераль Покровскій, прекрасно выполнившій возложенное на него порученіе, видимо, разсчитываетъ на поддержку его ставкой въ его домоганіяхъ.

— «Во всякомъ случаѣ, если будете говорить съ нимъ скажите, что Главнокомандующій о немъ позаботится», добавилъ, обращаясь ко мнѣ, генераль Романовскій.

Закончивъ докладъ о событіяхъ на Кубани, я просилъ Главнокомандующаго разрѣшенія высказать нѣсколько соображеній по оперативнымъ вопросамъ. Я вновь доложилъ, что выходя изъ настоящаго тяжелаго положенія я вижу лишь въ принятіи крупнаго рѣшенія — срочной

³⁸ 10-го генераль Филимоновъ сложилъ свои полномочія.

переброскѣ изъ состава Кавказской арміи части конницы въ районъ Купянска для усиленія дѣйствовавшей тамъ нашей конной группы.

Оставшіяся въ этомъ случаѣ части Кавказской арміи я предлагалъ свести въ отдѣльный корпусъ, поставивъ во главѣ его генерала Покровскаго. Объ этомъ я доносилъ телеграфно еще 18-го октября. Генераль Деникинъ молча выслушалъ меня:

— «Хорошо, я подумаю», сказалъ онъ, «когда вы думаете ѣхать?». Я отвѣтилъ, что думаю ѣхать сегодня въ Ростовъ, гдѣ мнѣ надо было повидать генерала Лукомскаго и другихъ лицъ по ряду служебныхъ вопросовъ. Генераль Деникинъ приказалъ мнѣ ожидать его въ Ростовѣ, гдѣ онъ долженъ былъ быть во вторникъ.

Въ 5 часовъ я выѣхалъ въ Ростовъ.

О пріѣздѣ моемъ уже знали, нѣсколько человѣкъ желавшихъ меня видѣть ждали меня на вокзалѣ. Весь вечеръ и весь слѣдующій день притокъ посѣтителей не прекращался. Всѣ задавали одинъ вопросъ: «Уволенъ ли Май-Маевскій?» «Состоялось ли ваше назначеніе?» Получивъ отрицательный отвѣтъ негодовали, обвиняли генерала Деникина, ругали Май-Маевского.

Еще недавно глухое недовольство Главнокомандующимъ прорвалось наружу. По мѣрѣ приближенія фронта, неудовольствіе въ тылу росло. Безобразная пьяная жизнь командующаго Добровольческой арміей, распушенность войскъ, развратъ и самоуправство въ тылу не были уже секретомъ ни для кого. Всѣ ясно сознавали, что такъ дальше продолжаться не можетъ, что мы быстрыми шагами идемъ къ гибели. Многіе изъ ближайшихъ помощниковъ Главнокомандующаго и рядъ общественныхъ дѣятелей указывали генералу Деникину на необходимость замѣны генерала Май-Маевского другимъ лицомъ, съ должнымъ авторитетомъ въ глазахъ арміи и общества. Каждый хотѣлъ вѣрить, что дѣло въ твердыхъ и умѣлыхъ рукахъ еще поправимо. Въ поискахъ преемника генерала Май-Маевского остановились на мнѣ.

Меня всячески выдвигали. Въ эти тревожные дни это было злобой дня. Стоило мнѣ пріѣхать въ какое либо учрежденіе, какъ сбѣгались всѣ служащіе, толпа собиралась вокругъ моего автомобиля. На почтово-телеграфной станціи, куда я пріѣхалъ для переговоровъ по аппарату съ Царицыномъ, чиновники и телеграфисты сдѣлали мнѣ цѣлую овацію — кричали «ура» и аплодировали.

Всѣмъ этимъ охотно пользовались враждебные Главнокомандующему круги, стремясь противопоставить имя мое генералу Деникину.

Событія на Кубани встрѣчены были обществомъ весьма сочувственно. Въ атмосферѣ безвластія и готовящагося развала, всякое проявленіе твердости власти привѣтствовалось.

Утромъ 11-го я получилъ донесеніе генерала Шатилова о переходѣ противника въ наступленіе противъ нашихъ частей на лѣвомъ берегу Волги. Донесеніе было спокойное, генераль Шатиловъ считалъ наше положеніе вполне прочнымъ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ поспѣшить вернуться въ армію и лишь дожидаться въ Ростовѣ Главнокомандующаго.

Все слышанное здѣсь, замѣченное мною нѣкоторое колебаніе генерала Деникина, въ связи съ высказанными мною оперативными соображеніями, приказаніе Главнокомандующаго ожидать его здѣсь въ Ростовъ для полученія окончательнаго рѣшенія его по этому вопросу, наконецъ, сказанная въ присутствіи Главнокомандующаго генераломъ Романовскимъ фраза, что генераль Покровскій можетъ рассчитывать на какое-то новое назначеніе — все это вмѣстѣ взятое заставляло меня думать, что генераль Деникинъ склоняется къ передачѣ мнѣ командованія Добровольческой арміей. Еще мѣсяцъ тому назадъ я съ радостью бы принялъ это назначеніе. Тогда еще наше положеніе на этомъ главномъ участкѣ фронта можно было исправить, а соотвѣтствующей работой въ тылу его закрѣпить. Теперь могло быть уже поздно. Армія находилась въ полномъ отступленіи. Разстройство тыла увеличивалось съ каждымъ днемъ. Трудно было рассчитывать, что мнѣ, почти чуждому войскамъ Добровольческой арміи человѣку, едва знакомому съ мѣстными условіями, удастся успѣшно справиться съ почти безнадежной задачей.

Мучительныя мысли лѣзли въ голову. Однако, долгъ подсказывалъ, что я не вправѣ отказываться.

Поздно вечеромъ генераль Покровскій вызвалъ меня къ аппарату и сообщилъ, что «Сегодня были выборы атамана, объединились на нейтрализующемъ кандидатѣ и 350 голосами провели Успенскаго».

На мой вопрос: «Чѣмъ объясняете Вы это? Генераль Покровский отвѣтилъ, что его «боятся и слишкомъ еще свѣжа рана. Науменко неприемлемъ благодаря своей съ одной стороны честной работѣ, въ качествѣ походнаго атамана, съ другой же, что главное, по причинѣ близости къ Филимонову, другихъ же кандидатовъ не было совершенно. Случайно кто то указалъ, что на бѣломъ свѣтѣ тихо мирно живетъ Николай Митрофановичъ, находящійся въ дружбѣ со ставкой. Всѣ рѣшили, что это выходъ и провели его подавляющимъ большинствомъ».

Вернувшись въ поѣздъ я нашель письмо Главнокомандующаго:

«11 ноября 1919 года:

Многоуважаемый

Баронъ Петръ Николаевичъ,

Послѣ длительнаго обсужденія предложеннаго Вами организационнаго плана, я пришелъ къ твердому убѣжденію, что совершенно невозможно — при нашей бѣдности во всемъ и при ничтожномъ количествѣ войскъ въ новыхъ группахъ — разстраивать существующую организацію и создавать новый огромный штабъ.

Быть можетъ, при полной перемѣнѣ обстановки на Царицынскомъ фронтѣ вопросъ будетъ пересмотрѣнъ.

Что касается атаманскаго вопроса, то, цѣня достоинства обоихъ кандидатовъ и не зная мѣстной обстановки, я воздерживаюсь отъ вмѣшательства въ это дѣло. Уважающій Васъ

А. Деникинъ ».

Такимъ образомъ отъ предложенной мною перегруппировки генераль Деникинъ отказывался, все оставалось попрежнему и вопросъ о моемъ перемѣщеніи отпадалъ.

Тяжелая чаша, казалось, меня миновала.

12-го утромъ пріѣхалъ генераль Покровскій и, почти одновременно, Главнокомандующій. Свѣдѣнія отъ генерала Шатилова становились тревожны. Противникъ настойчиво тѣснилъ наши части на лѣвомъ берегу Волги. Къ тому же, по рѣкѣ шло сало, сообщеніе съ правымъ берегомъ было чрезвычайно затруднительно и положеніе частей на лѣвомъ берегу становилось серьезно.

Генераль Деникинъ безпокоился и приказалъ мнѣ спѣшить возвращеніемъ въ армию. Въ тотъ же день я съ генераломъ Покровскимъ выѣхалъ въ Екатеринодаръ, куда и прибылъ утромъ 13-го. Свѣдѣнія отъ генерала Шатилова становились все болѣе тревожными. Наши части, не выдержавъ натиска противника, начали отходъ. Генераль Шатиловъ приказалъ лѣвобережному отряду начать переправу. Послѣдняя происходила, благодаря ледоходу, въ весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Съ вокзала я проѣхалъ къ вновь избранному атаману генералу Успенскому. Послѣдній произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе — спокойнаго, разумнаго и стойкаго человѣка. Атаманская булава была, видимо, въ вѣрныхъ рукахъ. Дальнѣйшее зависѣло отъ генерала Деникина.

Все происшедшее лишній разъ подтвердило вѣрность моего взгляда на казачій вопросъ. Не сомнѣваюсь, что, не прими Главнокомандующій неожиданно для меня рѣшенія о преданіи суду обвиняемыхъ имъ въ измѣнѣ членовъ Рады, переворотъ произошелъ бы безъ человѣческихъ жертвъ.

Въ тотъ же день я далъ предписаніе генералу Покровскому:

«Въ виду того, что нынѣ положеніе въ тылу арміи, въ связи съ политическими событіями послѣднихъ дней, надо признать вполне благополучнымъ, что измѣненіе конституціи края и нахожденіе во главѣ края генерала Успенскаго гарантируютъ твердую власть, благожелательную великому дѣлу возсозданія Единой Россіи даютъ основаніе безъ увѣреннѣмъ въ принятіи срочныхъ мѣръ по обезпеченію нуждъ арміи, — я, согласно Вашего ходатайства, признаю возможнымъ освободить Васъ отъ возложенныхъ обязанностей командующаго войсками тыла арміи.

Генераль-лейтенантъ Баронъ Врангель ».

Возвращаясь пѣшкомъ отъ атамана, я встрѣтилъ генерала Улагая. Онъ имѣлъ видъ помолодѣвшій, жизнерадостный. Отъ прежней подавленности не осталось и слѣда. Мы расцѣловались. Онъ сталъ спрашивать меня, вѣрны ли слухи о томъ, что я назначаюсь командующимъ Добровольческой арміей. Я раз сказала ему о моемъ предложеніи генералу Деникину и его отвѣтъ.

— «Все равно, рано или поздно, это должно случиться», сказала генераль Улагай.

— «Едва ли, да если и так, то боюсь, что будет уже поздно; однако, ежели бы это случилось, согласились ли бы вы вновь работать со мной. Сейчас во главѣ конной группы стоит генераль Мамонтовъ. Моимъ первымъ шагомъ была бы замѣна его другимъ начальникомъ. Въ настоящихъ условіяхъ наша конница одна можетъ рѣшить дѣло...».

Генераль Улагай отвѣтилъ, что всегда будетъ радъ работать со мной. Послѣ обѣда ко мнѣ заѣхалъ съ отвѣтнымъ визитомъ атаманъ. Нашъ разговоръ еще болѣе подтвердилъ мое первое благоприятное впечатлѣніе.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, зашелъ, возвращающійся изъ Таганрога въ Кисловодскъ съ отвѣтомъ отъ Главнокомандующаго на письмо Великаго Князя, полковникъ Кубе. Онъ ознакомилъ меня съ содержаніемъ письма. Генераль Деникинъ, отдавая должное чувствамъ Великаго Князя, не находилъ возможнымъ, при настоящихъ условіяхъ, удовлетворить его желаніе служить въ арміи.

Мы прибыли въ Царицынъ утромъ. Въ теченіе ночи переправа нашихъ частей была благополучно завершена несмотря на тяжелыя условія. Части отошли, вывезя всѣхъ раненыхъ, орудія и пулеметы. Въ рукахъ противника осталось лишь нѣсколько повозокъ. На слѣдующій день противникъ атаковалъ наши части на правомъ берегу рѣки, наступая по всему фронту. Къ вечеру наши передовыя части отошли на укрѣпленную позицію.

15-го на разсвѣтѣ, послѣ сильной артиллерійской подготовки, противникъ атаковалъ наши позиціи, направляя главный ударъ вдоль берега рѣки. Ударная группа поддерживалась жестокимъ огнемъ тяжелыхъ батарей судовой артиллеріи. Около десяти часовъ утра противнику удалось захватить небольшой участокъ укрѣпленной позиціи. Непріятельскія части стали распространяться внутри укрѣпленнаго плацдарма. Однако, брошенными резервами, противникъ былъ смятъ и въ беспорядкѣ отброшенъ. Къ полудню мы полностью возстановили положеніе, захвативъ плѣнныхъ и пулеметы.

16-го и 17-го непріятель продолжалъ свои атаки, но безуспѣшно. 18-го мы сами перешли въ наступленіе, нанося главный ударъ конницей въ охватъ праваго фланга и въ тылъ противника въ общемъ направленіи на Дубовку. Подъ угрозой охвата, противникъ сталъ поспѣшно отходить, преслѣдуемый по всему фронту нашими частями.

Къ 20-му числу наши передовыя части достигли Дубовки.

Съ очищеніемъ нами лѣваго берега рѣки, непріятель получилъ возможность безнаказанно обстрѣливать своей артиллеріей Царицынъ. Я приказалъ мой поѣздъ перевести въ Сарепту.

Еще въ Кисловодскѣ я чувствовалъ себя нездоровымъ. Однако, перемогался. Черезъ нѣсколько дней нездоровье прошло, но, за послѣдніе дни, я вновь занемогъ, трясла лихорадка, разлилась желчь. Врачъ опредѣлилъ возвратный тифъ. Несмотря на отвратительное самочувствіе, я продолжалъ оставаться на ногахъ, руководя операціями. 22-го я неожиданно получилъ телеграмму генерала Романовскаго, вызывающаго меня въ Таганрогъ «въ виду полученія новаго назначенія». Я вызвалъ въ Сарепту генерала Покровскаго, приказалъ ему вступить въ командованіе арміей и, въ сопровожденіи начальника штаба генерала Шатилова, выѣхалъ въ Таганрогъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ оставлялъ я родную армію.

15 долгихъ мѣсяцевъ стоялъ я во главѣ кавказскихъ войскъ. Во главѣ ихъ очистилъ отъ красной нечисти Кубань, Терекъ и Ставрополье. Прошелъ тяжелый путь отъ Маньча до Волги, дрался въ Поволжьи. За это время мои войска неизмѣнно одерживали побѣды, разбивъ врага болѣе чѣмъ въ ста бояхъ. Взяли более 500 орудій, неисчислимое число пулеметовъ и захватили болѣе 200 000 плѣнныхъ.

Положеніе наше на главномъ операціонномъ направленіи за послѣдніе дни неизмѣнно ухудшалось.

Фронтъ арміи генерала Май-Маевского ежедневно откатывался на 20 — 30 верстъ. Бои шли у самаго Харькова. Конница «товарища» Буденнаго, тѣсня конныя части генерала Мамонтова, быстро продвигалась къ югу, разрѣзая добровольческія и донскія части. Предложенное мною мѣсяцъ тому назадъ рѣшеніе, уже являлось запоздалымъ. Я ясно сознавалъ, что рѣсчитывать на успѣхъ при этихъ условіяхъ нельзя и задавалъ себѣ вопросъ, вправѣ ли я принять на себя непосильную задачу, зная заранѣе, что разрѣшить ее и оправдать возложенныя на меня надежды я не въ силахъ...

3 іюля 1922 г.

Бѣлградъ.

Отъ Харькова до Ростова.

Я прибыль въ Таганрогъ 23-го ноября совѣмъ больной. Приступъ лихорадки кончился, но слабость была чрезвычайная и разлилась желчь. Съ вокзала я проѣхалъ къ генералу Деникину, который принялъ меня въ присутствіи начальника штаба. Главнокомандующій сразу приступилъ къ дѣлу:

— «Ну-съ, прошу васъ принять Добровольческую армію».

Я замѣтилъ, что въ настоящихъ условіяхъ едва ли смогу оправдать оказываемое мнѣ довѣріе, что предлагавшіяся мною ранѣе мѣры являются уже запоздалыми, что необходимыя перегруппировки мы уже сдѣлать не успѣемъ и стратегическаго узла Харькова намъ не удержать. Генералъ Деникинъ перебилъ меня:

— «Да, Харьковъ, конечно, придется оставить; это всѣ отлично понимаютъ и оставленіе Харькова нисколько не можетъ повредить вашей репутациі».

Я довольно рѣзко отвѣтилъ, что забочусь не о своей репутациі, а о томъ, чтобы выполнить то, что отъ меня требуется и что не считаю себя вправѣ взяться за дѣло, которое невыполнимо.

— «Ну, въ такомъ случаѣ все останется попрежнему», съ видимымъ неудовольствіемъ прервалъ меня Главнокомандующій. Въ разговоръ вмѣшался генералъ Романовскій:

— «Вашимъ отказомъ, Петръ Николаевичъ, вы ставите Главнокомандующаго и армію въ самое тяжелое положеніе. Только что закончено сосредоточеніе нашей конницы въ Купянскомъ районѣ. Вы отлично понимаете, что руководить такой крупной конной массой, кромѣ васъ, никто не можетъ. При этихъ условіяхъ вы не имѣете права отказываться отъ этого назначенія».

Слова генерала Романовскаго нѣсколько поколебали меня.

— «Я прошу разрѣшенія подумать. Во всякомъ случаѣ, я считаю совершенно необходимымъ дать мнѣ возможность выбрать своихъ ближайшихъ помощниковъ, въ частности, во главѣ конницы долженъ быть поставленъ хорошій кавалерійскій начальникъ. Пока конной группой руководить генералъ Мамонтовъ отъ конницы ничего требовать нельзя».

Генералъ Деникинъ замѣтилъ, что замѣна генерала Мамонтова другимъ лицомъ можетъ обидѣть донцовъ. Однако, послѣ возраженія моего, что послѣ намѣченной Главнокомандующимъ переброски изъ Кавказской арміи еще одной конной дивизіи, въ конной группѣ будетъ болѣе половины кубанцевъ, генералъ Деникинъ согласился, въ случаѣ принятія мною арміи, на замѣну генерала Мамонтова генераломъ Улагаемъ.

Я вернулся къ себѣ въ вагонъ, гдѣ засталъ генерала Шатилова, успѣвшего побывать въ управленіи генералъ-квартирмейстера и подробно ознакомиться съ общей обстановкой³⁹.

Общій фронтъ нашихъ армій проходилъ отъ Царицына на Дубовку и далѣе къ устью рѣки Иловли, откуда по правому берегу Дона на Нижней Калитвы на городъ Волчанскъ, уже нами оставленный; пересѣкая желѣзнодорожную линію Купянскъ — Валуйки у станціи Соловей, далѣе на Богодуховъ, также нами уже очищенный; оттуда линія нашего фронта проходила къ югу отъ городовъ Зеньковъ и Гадячъ на станцію Гребенка и далѣе южнѣе городовъ Остеръ и Козенецъ на Бердичевъ, оставляя Кіевскій узелъ въ нашихъ рукахъ; еще далѣе линія фронта шла на Старо-Константиновъ и Проскуровъ и не доходя послѣдняго пункта спускалась къ югу, проходя восточнѣе городовъ Гусятинъ и Каменецъ Подольскъ на города Могилевъ-Подольскій и Тирасполь и упиралась въ Черное море между городами Одессой и Аккерманомъ. (Одесса занималась еще нами). Общее протяженіе нашего фронта было около 2 000 верстъ. Въ боевомъ составѣ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи на 2 000-верстномъ фронтѣ числилось около ста тысячъ человѣкъ; кромѣ того въ распоряженіи Главнокомандующаго имѣлось еще около тридцати тысячъ человѣкъ пополненій. Силы красныхъ на всемъ фронтѣ противъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи составляли около 170 — 180 тысячъ штыковъ и сабель при 700 — 800 орудіяхъ.

Тѣсняемая XIII-й и XIV-ой совѣтскими арміями съ фронта и охватываемая конвой группой товарища Буденнаго съ праваго фланга. Добровольческая армія, подъ угрозой глубокаго охвата войной массой противника, отъ самаго Орла, на протяженіи 300 верстъ,

³⁹ Схема № 26 — (въ концѣ книги), положеніе къ 1-му декабря.

безпрерывно катилась назадъ. Въ настоящее время закончившіе сосредоточеніе 4-ый донской и 2-ой и 3-ий кубанскіе корпуса располагались въ треугольникѣ между желѣзнодорожными линіями Валуйки — Купянскъ и Купянскъ — Волчанскъ.

Добровольческій корпусъ генерала Кутепова, ведя упорные бои прикрывалъ Харьковъ. Фронтъ проходилъ у самаго города. Западнѣе, къ югу отъ Богодухова, занявъ широкой, пятидесятиверстный фронтъ, растянулись части 5-го кавалерійскаго корпуса генерала Юзефовича и терскіе казаки генерала Агоева, имѣя противъ себя слабыя части противника. Полтава занималась сборнымъ отрядомъ изъ запасныхъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ частей генерала Кальницкаго.

Общая численность дѣйствовавшаго противъ арміи противника составляла около 51 000 штыковъ, 7 000 сабель и 205 орудій. Послѣ тяжелаго 300 верстнаго отступленія и ряда кровопролитныхъ боевъ наши части жестоко пострадали. Весь 1-ый Добровольческій корпусъ состоялъ всего изъ 2 600 штыковъ. Нѣкоторые полки были сведены въ батальоны; два Марковскихъ полка, Алексѣевская дивизія и Особая бригада, почти полностью уничтоженные, отведены были въ глубокой тылъ на формированіе. 5-ый кавалерійскій корпусъ состоялъ всего изъ тысячи съ небольшимъ сабель. Отрядъ генерала Кальницкаго имѣлъ всего около 100 штыковъ и 200 сабель.

Въ штабѣ главнокомандующаго всѣ надежды возлагались на конную группу. Правда, кубанскія и терскія части, ведшія въ теченіе многихъ мѣсяцевъ безпрерывные бои и получавшія лишь ничтожныя пополненія, сильно пострадали; за то донскіе полки были совершенно свѣжими, большой численности и имѣли прекрасный конскій составъ. Въ штабѣ, видимо, еще надѣялись, что удачными дѣйствіями нашей конницы дѣло можно исправить, нанеся противнику одинъ сокрушительный ударъ, вырвать у него изъ рукъ инициативу.

Послѣдней директивой Главнокомандующаго⁴⁰, всѣмъ арміямъ были поставлены задачи наступательнаго характера. Несмотря на то, что не только наше наступленіе не получало должнаго развитія, но противникъ безпрерывно тѣснилъ наши войска на всемъ фронтѣ Вооруженныхъ силъ Юга, упомянутая директива Главнокомандующаго все еще оставалась въ силѣ.

Наше тяжелое положеніе осложнялось еще тѣмъ, что въ районѣ Екатеринослава, Полтавской и Харьковской губерній, въ тылу арміи повсемѣстно вспыхивали крестьянскія возстанія. Особенно крупныя шайки дѣйствовали въ районѣ Екатеринослава подъ начальствомъ извѣстнаго разбойника Махно. Противъ этихъ шаякъ было направлено значительное число нашихъ частей, объединенныхъ подъ начальствомъ генерала Слащева.

Такъ же какъ и я, генераль Шатиловъ считалъ наше положеніе чрезвычайно, тяжелымъ.

Въ два часа ко мнѣ въ поѣздъ прибылъ начальникъ штаба главнокомандующаго генераль Романовскій, въ сопровожденіи генераль-квартирмейстера генерала Плющевскаго-Плющикъ.

Генераль Романовскій ѣхалъ въ Ростовъ на совѣщаніе Южно-русской конференціи, много уже мѣсяцевъ обсуждавшей вопросъ объ организаціи Южно-русской власти. Конференція эта, въ которую входили представители Дона, Кубани и Терека съ одной стороны, и уполномоченные Главнокомандующаго — члены Особаго Совѣщанія Челищевъ, Федоровъ, Носовичъ, Савичъ, Щетининъ и Соколовъ, генералы Вязьмитиновъ и Романовскій съ другой, работая съ іюня мѣсяца, все еще не могла ни до чего договориться.

Генераль Романовскій сталъ убѣждать меня дать согласіе на принятіе предложеннаго мнѣ назначенія.

— «Я сейчасъ уѣзжаю въ Ростовъ. Позвольте мнѣ, Петръ Николаевичъ, передъ отъѣздомъ успокоить Главнокомандующаго. Вашъ отказъ ставитъ насъ въ почти безвыходное положеніе. Генераль Май-Маевскій съ дѣломъ окончательно справиться не можетъ...»

— «О чемъ же вы раньше думали? Что генераль Май-Маевскій негоденъ объ этомъ давно знаютъ всѣ. Вы знаете, что я самъ не разъ предлагалъ помочь, пока еще не было поздно. Правда, тогда положеніе казалось еще не безнадежнымъ и воспользоваться моею помощію Главнокомандующій не пожелалъ. Вы помните, какъ весною я указывалъ на необходимость бить противника на Царицынскомъ направленіи, предупреждать о томъ, что если мы этого не

⁴⁰ № 0105192 отъ 14-го ноября.

сдѣлаемъ, противникъ самъ обрушится на насъ. Тогда меня также слушать не хотѣли, а когда мои предсказанія сбылись, меня же призвали спасти положеніе...»

— «Стоить ли говорить о прошломъ. Будемъ думать о настоящемъ. Сейчасъ положеніе таково, что Главнокомандующій вправѣ требовать отъ васъ жертвы; конечно эту жертву вы принесите не ему, а Россіи».

Я рѣшился.

— «Хорошо, я согласенъ. Однако, я ставлю условіемъ, чтобы мнѣ была дана возможность выбрать главныхъ моихъ помощниковъ. Я уже докладывалъ Главнокомандующему, что доколѣ во глаѣ конницы будетъ стоять генераль Мамонтовъ, конница будетъ уклоняться отъ боя и заниматься только грабежомъ. Я прошу немедленно вызвать для принятія конной группы генерала Улагая.

Развалъ въ тылу и на фронтѣ можетъ быть остановленъ лишь только если гражданское и военное управленіе будутъ находиться въ рукахъ людей, къ этому подготовленныхъ. Помощникомъ генерала Май-Маевского по гражданской части состоитъ генераль Бутчикъ, а начальникомъ его канцеляріи полковникъ Шатиловъ. Ни того, ни другого я не знаю, но видимо они съ дѣломъ справиться не могутъ. Мнѣ должно быть дано право замѣнить ихъ лицами по моему усмотренію. Начальникомъ штаба, начальникомъ снабженія и начальникомъ санитарной части я также хочу имѣть лицъ, которымъ могъ бы всецѣло довѣрять. Я прошу дать мнѣ возможность взять съ собой всѣхъ этихъ лицъ изъ состава Кавказской арміи. Въ настоящее время въ Кавказской арміи дѣло это поставлено настолько прочно, что ихъ съ успѣхомъ замѣнятъ ихъ помощники. Здѣсь же все это придется налаживать снова».

Видимо крайне довольный исторгнутымъ отъ меня согласіемъ, генераль Романовскій заранѣе на все согласился, завѣривъ меня, что Главнокомандующій препятствовать моимъ пожеланіямъ не будетъ и просилъ моего разрѣшенія немедленно извѣстить генерала Деникина запиской о моемъ согласіи.

Я провелъ вечеръ въ вагонѣ съ генераломъ Шатиловымъ. Разговоры не клеились, было тяжело на душѣ.

На утро я вторично былъ у Главнокомандующаго. Генераль Романовскій успѣлъ видимо уже съ нимъ переговорить и затронутые мною наканунѣ вопросы были всѣ утвердительно разрѣшены. Генераль Шатиловъ и начальникъ санитарной части докторъ Лукашевичъ находились со мной въ Таганрогѣ. Начальникъ снабженія генераль Вильчевскій вызывался телеграммой. Генералу Улагаю была послана телеграмма въ Екатеринодаръ. Относительно начальника гражданской части, Главнокомандующій предложилъ мнѣ переговорить съ начальникомъ управленія внутреннихъ дѣлъ В. П. Носовичемъ, своего кандидата у меня не было.

Прежде чѣмъ откланяться, я спросилъ у генерала Деникина, кого онъ намѣчаетъ моимъ преемникомъ на должность командующаго Кавказской арміей.

— «Этотъ вопросъ уже рѣшенъ. Командующимъ Кавказской арміей назначается генераль Покровскій, отвѣтилъ генераль Деникинъ.

Я замѣтилъ, что едва ли генераль Покровскій, какъ командующій арміей окажется на высотѣ — ни опыта, ни достаточныхъ знаній для этого у него нѣтъ.

— «Ну, какая тамъ армія, тамъ и войскъ то едва на корпусъ хватить. Да и у противника теперь тамъ силы ничтожны». Генераль Деникинъ помолчалъ. «Вотъ начальника штаба ему надо дать соотвѣтствующаго. Какъ вы думаете, генераль Зигель⁴¹ подойдетъ».

Я отвѣтилъ, что считаю генерала Зигеля прекраснымъ офицеромъ, вполне къ должности начальника штаба подготовленнымъ.

— «А что, онъ чловѣкъ честный?»

— «Насколько я его знаю, ваше превосходительство, это въ высокой степени порядочный офицеръ».

— «Ну, прекрасно, по крайней мѣрѣ онъ не дастъ Покровскому обобратъ армію какъ липку...»

Жуткимъ недоумѣніемъ отозвались въ душѣ моей слова Главнокомандующаго.

Вечеръ 24-го и весь день 25-го ноября я провелъ въ Ростовѣ. Необходимо было повидать рядъ лицъ и разрѣшить въ различныхъ управленіяхъ насущныя дѣла. Вопросъ о

⁴¹ Генераль-квартирмейстеръ Кавказской арміи.

помощникъ моему по гражданской части былъ разрѣшенъ весьма быстро. Начальникъ управленія внутреннихъ дѣлъ В. П. Носовичъ горячо рекомендовалъ мнѣ на эту должность Воронежскаго губернатора С. Д. Тверского. Я и раньше слышалъ о немъ неоднократно самые лестные отзывы. С. Д. Тверской какъ разъ только что прибылъ въ Ростовъ и находился въ управленіи. Я съ нимъ тутъ же познакомился и было рѣшено, что онъ выѣдетъ въ армію вмѣстѣ со мной. Вечеромъ я черезъ Новочеркасскъ — Лихую выѣхалъ въ Харьковъ.

Отъ самой границы Донской области, къ сѣверу, желѣзнодорожныя станціи и развѣзды были забиты поѣздами. Всюду сказывалась поспѣшная, беспорядочная эвакуація. Многочисленные поѣздные составы были заполнены войсковыми и частными грузами, бѣженцами, вперемѣшку съ стремившимися въ тылъ, подъ разными предлогами, воинскими чинами. Среди нихъ большинство было здоровыхъ.

Огромное число составовъ оказались занятыми войсковымъ имуществомъ отъ дѣльныхъ частей. На одной изъ станцій я встрѣтилъ поѣздъ; большое число пульмановскихъ классныхъ и товарныхъ вагоновъ охранялись часовыми Корниловскаго ударнаго полка. Изъ оконъ своего вагона я могъ наблюдать, какъ въ большомъ салонъ-вагонѣ перваго класса, уставленномъ мягкой мебелью и съ піанино у одной изъ стѣнъ, оживленно бесѣдовали нѣсколько офицеровъ-корниловцевъ. Я послалъ своего адъютанта выяснить что это за составъ, и съ удивленіемъ узналъ, что это поѣздъ Корниловскаго ударнаго полка. Такіе поѣзда оказались у большинства воинскихъ частей. Штабъ арміи, сложивъ съ себя всякія заботы о довольствіи войскъ, предоставилъ имъ довольствоваться исключительно мѣстными средствами. Войска наперерывъ спѣшили захватить побольше; что не могло быть использовано для непосредственныхъ нуждъ частей, отправлялось въ тылъ для товарообмѣна и продажи. Огромное число воинскихъ чиновъ находилось въ тылу въ длительныхъ командировкахъ по «реализаціи военной добычи». Въ войскахъ вырабатывался взглядъ на войну, какъ на средство наживы. Армія развращалась. Подвижные запасы частей, по мѣрѣ продвиженія на сѣверъ, непрерывно увеличивались, обозовъ не хватало, и, при благосклонномъ попустительствѣ свыше, подъ захваченное добро брались подвижные составы. Нѣкоторыя части занимали подъ полковые запасы до двухсотъ вагоновъ.

Съ началомъ отхода, награбленное добро поспѣшно увозилось въ тылъ, забывая желѣзнодорожныя узлы, осложняя и нарушая графики важнѣйшихъ воинскихъ перевозокъ. Эвакуація велась самымъ беспорядочнымъ образомъ; плана видимо никакого не было. Спѣшно отправляемая въ тылъ всевозможныя управленія и учрежденія не получали никакихъ указаній о пути слѣдованія. Поѣзда забивали желѣзнодорожныя узлы, недѣлями стояли неразгруженными... Станціи были наполнены огромнымъ числомъ бѣженцевъ, главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей, замерзающихъ, голодныхъ и больныхъ. По мѣрѣ продвиженія на сѣверъ, все ярче рисовалась жуткая картина развала.

На станціи Зміевъ, куда я прибылъ вечеромъ, мнѣ доложили, что штабъ генерала Май-Маевского оставилъ уже Харьковъ. Черезъ нѣсколько минутъ штабной поѣздъ подошелъ къ станціи съ сѣвера. Я прошелъ къ генералу Май-Маевскому, котораго засталъ весьма подавленнымъ. Его отозваніе было для него, видимо, совершенно неожиданнымъ и онъ горячо сѣтовалъ на «незаслуженную обиду», хотя убранный былъ и онъ, и начальникъ его штаба⁴² съ «почестями» — зачисленіемъ въ распоряженіе Главнокомандующаго.

Не задерживаясь въ Зміевѣ генералы Май-Маевскій и Ефимовъ прослѣдовали въ Таганрогъ. Вечеромъ я отдалъ арміи приказъ.

«П Р И К А З Ъ

Войскамъ Добровольческой Арміи

27 ноября 1919 г.

№ 709.

г.Зміевъ.

Славныя войска Добровольческой арміи.

Врагъ напрягаетъ всѣ силы, стремясь вырвать побѣду изъ Вашихъ рукъ. Волна красной нечисти готовится вновь залить освобожденные Вами города и села. Смерть, разореніе и позоръ грозятъ населенію.

Въ этотъ грозный часъ, волею Главнокомандующаго, я призванъ стать во главѣ Васъ. Я выполняю свой долгъ въ глубокомъ сознаніи отвѣтственности передъ

⁴² Генералъ Ефимовъ.

Родиной. Непоколебимо вѣрю въ нашу побѣду и близкую гибель врага. Мы сражаемся за правое дѣло — а правымъ владѣть Богъ.

Наша армія борется за родную вѣру и счастье Россіи. Къ творимому Вами святому дѣлу я не допущу грязныхъ рукъ.

Ограждая честь и достоинство арміи, я беспощадно подавлю темныя силы, — погромы, грабежи, насилія, произволъ и пьянство безжалостно будутъ караться мною.

Я сдѣлаю все, чтобы облегчить Вашу крестный путь — Ваши нужды будутъ моими. Ограждая права каждаго, я требую исполненія каждымъ долга передъ Родиной — передъ грозной дѣйствительностью личная жизнь должна уступить мѣсто благу Россіи.

Съ нами тотъ, кто сердцемъ русскій и съ нами будетъ побѣда.

Генераль Врангель».

Поздно вечеромъ были получены свѣдѣнія объ оставленіи отрядомъ генерала Кальницкаго Полтавы. Отрядъ отходилъ въ направленіи на Константиноградъ. Главнокомандующимъ былъ отданъ приказъ:

«ПРИКАЗЪ

Войскамъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи

№ 2688.

27 ноября 1919 г.

г. Таганрогъ.

Семь мѣсяцевъ тому назадъ тяжелая обстановка, создавшаяся въ районѣ Задонья, заставила меня большую часть конницы перебросить на Царипынское направленіе и сформировать тамъ Кавказскую армію. Высоко цѣня кавалерійское сердце, знаніе конницы и опытъ въ руководствѣ ею, я назначилъ генераль-лейтенанта барона Врангеля командующимъ этой армией. Нынѣ въ силу той же неумолимой обстановки, конница главной массой собирается на фронтѣ Добровольческой арміи, и, дабы она была въ умѣлыхъ и опытныхъ рукахъ, я вынужденъ отозвать генераль-лейтенанта барона Врангеля отъ командованія созданной имъ Кавказской арміи и назначить командующимъ Добровольческой армией и главноначальствующимъ Екатеринославской, Харьковской и Курской губерній.

Приношу свою горячую благодарность Вамъ, глубокоуважаемый Петръ Николаевичъ, за ту трудную и блестящую работу, которую выполнила Кавказская армія подъ Вашимъ командованіемъ за первые семь мѣсяцевъ своего существованія и желаю Вамъ такихъ же успѣховъ на новой должности командующаго Добровольческой армией.

Генераль-лейтенантъ Деникинъ».

Съ оставленіемъ штабомъ арміи Харьковскаго узла, телеграфная связь съ войсками чрезвычайно затруднялась; я рѣшилъ ночью перейти въ Славянскъ, откуда, представлялось наиболѣе удобнымъ связаться съ войсками генерала Мамонтова; Кутепова, Юзефовича и Кальницкаго. Въ Харьковъ къ генералу Кутепову былъ посланъ мною состоящій въ моемъ распоряженіи полковникъ Артифексовъ съ приказаніемъ удерживать возможно дольше городъ, дабы успѣть закончить эвакуацію всѣхъ раненыхъ и больныхъ и главнѣйшихъ воинскихъ грузовъ. Въ Славянскъ прибылъ я на разсвѣтѣ и засталъ станцію совершенно забитой всевозможными эшелонами.

Вокзалъ и ближайшія постройки были заняты огромнымъ количествомъ бѣженцевъ, въ самомъ плачевномъ положеніи. Санитарные поѣзда стояли болѣе недѣли неразгруженными. Въ ближайшемъ къ вокзалу зданіи фабрики оказался какой то всѣми забытый, оставленный врачевнымъ персоналомъ лазаретъ; нѣсколько десятковъ тяжело больныхъ и раненыхъ оказались въ самомъ ужасномъ положеніи. Тѣ, кто могъ еще двигаться, разошлись въ поискахъ крова и пищи: остальнымъ грозила буквально голодная смерть. Подъ вліяніемъ всего пережитаго одинъ изъ раненыхъ офицеровъ за нѣсколько часовъ до моего приѣзда покончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись. Узнавъ какъ-то о моемъ прибытіи двое страдальцевъ нашли въ себѣ, силы кое какъ добравшись до вокзала, надѣясь хоть у меня добиться помощи.

Съ помощью врачей и сестеръ, стоявшихъ на станціи санитарныхъ поѣздовъ, и взятаго изъ послѣднихъ матеріала, былъ оборудованъ въ одномъ изъ ближайшихъ зданій лазаретъ; въ городѣ закуплено продовольствіе. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ несчастные были устроены.

Къ вечеру удалось наладить связь съ большинствомъ начальниковъ, не удавалось лишь связаться съ генераломъ Мамонтовымъ. Генераль Кутеповъ велъ жестокій бой къ сѣверу отъ города Харькова. Эвакуація шла полнымъ ходомъ, чему въ значительной мѣрѣ способствовали широко развитый Харьковскій узелъ и энергія завѣдывающаго эвакуаціей инженера Филоненко. Штабъ 5-го кавалерійскаго корпуса, какъ оказалось, помѣщался въ поѣздѣ. Части корпуса, какъ я упоминалъ, были растянуты на огромномъ пятидесятиверстномъ фронтѣ жидкой завѣсой. Я потребовалъ, чтобы штабъ корпуса немедленно сѣлъ на коней, а части корпуса заняли сосредоточенное, удобное для дѣйствій маневромъ расположеніе.

Части генерала Кальницкаго отходили подъ слабымъ давленіемъ противника.

Къ вечеру 28-го ноября части 5-го кавалерійскаго корпуса и терская волжская бригада сосредоточились уступомъ впереди лѣваго фланга добровольцевъ. Штабъ корпуса оставилъ поѣздъ. Командиръ корпуса генераль Юзифовичъ былъ отозванъ еще генераломъ Май-Маевскимъ и выѣхалъ наканунѣ въ тылъ. Во главѣ корпуса, сведеннаго въ дивизию, временно сталъ генераль Чекотовскій. Онъ былъ совсѣмъ боленъ и доносилъ, что если въ ближайшіе дни не оправится, то вынужденъ будетъ сдать командованіе командиру одной изъ бригадъ, генералу Барбовичу.

Добровольцы все еще держались противъ насѣдающаго противника, бой шелъ въ предмѣстьяхъ Харькова и ночью генераль Кутеповъ предполагалъ городъ оставить; раненые и большая часть наиболѣ цѣнныхъ грузовъ были вывезены, однако много цѣннаго имущества, какъ въ городѣ, такъ и въ составахъ, оставлялось противнику. Отъ генерала Мамонтова все еще свѣдѣній не было.

29-го красные вступили въ Харьковъ. Прибывшій изъ Харькова полковникъ Артифексовъ восторженно отзывался о доблести добровольческихъ частей и чрезвычайно хвалилъ стойкость и распорядительность командира корпуса. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ докладывалъ о возмутительномъ поведеніи «шкуринцевъ» — чиновъ частей генерала Шкуро, значительное число которыхъ, офицеровъ и казаковъ, оказались въ Харьковѣ. вмѣсто того, чтобы въ эти трудные дни сражаться со своими частями, они пьянствовали и безобразничали въ Харьковѣ, бросая на кутежи бѣшенныя деньги. Самъ генераль Шкуро находился на Кубани въ отпуску и ожидался въ арміи со дня на день. Зная хорошо генерала Шкуро, я считалъ присутствіе его въ арміи вреднымъ и телеграфировалъ Главнокомандующему:

«Армія разваливается отъ пьянства и грабежей. Взыскивать съ младшихъ не могу, когда старшіе начальники подаютъ примѣръ, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисленія отъ командованія корпусомъ генерала Шкуро, въ конецъ развратившаго свои войска. Генераль В р а н г е л ь».

На телеграмму эту отвѣта не послѣдовало, хотя я тщетно въ послѣдующіе дни запрашивалъ ставку. Наконецъ, послѣ долгихъ настояній, генераль Плющикъ-Плющевскій въ разговорѣ по аппарату съ начальникомъ моего штаба, сообщилъ, что «мы дали совѣтъ генералу Шкуро къ вамъ не возвращаться». Генераль Деникинъ не могъ рѣшиться покарать недостойнаго начальника.

Черезъ нѣсколько недѣль генераль Шкуро былъ назначенъ командующимъ Кубанской арміей.

Я принялъ рядъ мѣръ для наведенія порядка въ тылу. На узловыхъ станціяхъ Кременное, Лиманъ, Лозовая были учреждены особыя комендатуры, во главѣ съ генералами или штабъ-офицерами, при коихъ состояли особыя военно-полевые суды. Всѣ слѣдующіе на югъ эшелоны осматривались. Имущество разбиралось и бралось на учетъ, изъ боеспособныхъ воинскихъ чиновъ формировались маршевыя команды для отправки на фронтъ. Уличенныхъ въ грабежахъ, ослушниковъ и дезертировъ приказано было немедленно предавать суду и, по утвержденіи приговора комендантомъ, таковой приводить въ исполненіе. Нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба были посланы для производства рекогносцировки позицій — узловъ сопротивленія, долженствующихъ прикрыть узлы желѣзныхъ и грунтовыхъ дорогъ станціи Лиманъ — Боровенково — Лозовая.

Распредѣлялись санитарныя, интендантскія и артиллерійскія учрежденія.

29-го Главкомандующій отдавъ новую директиву⁴³. Генералу Покровскому приказывалось продолжать активную оборону Царицына, генералу Сидорину оборонять линію Дона отъ станицы Качалинской до станицы Казанской, сосредоточивъ всѣ возможные силы, дабы остановить и разбить противника, наступающаго отъ Воронежа. Мнѣ приказывалось, обеспечивая каменноугольный районъ, продолжать сосредоточіе и перегруппировку войскъ, имѣя въ виду при первой возможности переходъ въ наступленіе для обратнаго овладѣнія Харьковскимъ райономъ.

Генералу Драгомирову ставилась задача, активно обороняясь па лѣвомъ берегу Днѣпра, стремиться разбить правобережную группу красныхъ.

Наконецъ, генералу Шиллингу, объединявшему войска Новороссійской области, приказывалось продолжать наступленіе на фронтѣ Коростель — Новоградъ Волынскій — Шепетовка и принять мѣры къ скорѣйшему завершенію операціи генерала Слащева противъ повстанцевъ Махно.

Разграничительная линія между моей и Донской арміями была установлена:

Аксайская — Славяносербскъ — Старобѣльскъ — Бирючь — Касторное⁴⁴.

Мнѣ наконецъ удалось связаться съ генераломъ Мамонтовымъ. Я приказалъ ему, обеспечивая частью силъ правый флангъ добровольцевъ, собрать кулакъ на своемъ правомъ флангѣ и разбить находящуюся противъ него пѣхоту противника, ударить во флангъ обходящей его конницы красныхъ.

1-го декабря генералъ Мамонтовъ стянулъ свои части въ районъ Понасовка — Товалжанка, завязавъ бой съ противникомъ въ этомъ районѣ.

Прибыль съ нетерпѣніемъ ожидавшійся мною генералъ Улагай. Давъ ему всѣ необходимыя указанія, я просилъ его возможно скорѣе выѣхать въ Купянскъ для принятія командованія конницей, однако на станціи Рубежная генералъ Улагай временно задержался, ожидая прибытія вызванныхъ имъ нѣкоторыхъ лицъ своего новаго штаба. Я рѣшилъ передвинуться изъ Славянска въ Юзовку, откуда по условіямъ телеграфной связи управленіе войсками было удобнѣе и гдѣ представлялась возможность размѣстить главнѣйшіе отдѣлы штаба и гражданской канцеляріи. Помощникъ мой по гражданской части С. Д. Тверской былъ мнѣ очень полезенъ. Я былъ поглощенъ военными операціями и всѣ заботы по гражданскимъ вопросамъ онъ взялъ всецѣло на себя. Мы оба, такъ же какъ и наши ближайшіе помощники, работали буквально цѣлыя сутки. Мнѣ было особенно тяжело, такъ какъ меня вновь одолѣлъ приступъ лихорадки и я сильно ослабѣлъ.

2-го декабря штабъ генерала Драгомирова оставилъ Кіевъ. Войска его еще удерживали восточныя головы мостовъ черезъ Днѣпръ. 4-го декабря войска Кіевской и Новороссійской областей были объединены въ рукахъ генерала Шиллинга.

Въ этотъ день я получилъ свѣдѣнія, что въ районѣ станцій Куземовка и Сватово, въ 30 верстахъ южнѣ Купянска обнаружено до 3 000 пѣхоты и конницы красныхъ, изъ нихъ около 1 000 сабель двигается отъ станціи Кривошеевка на юго-западъ. Связь моя съ Купянскомъ и конной группой генерала Мамонтова оказалась прерванной. Однако, я не придавалъ этому особаго значенія, ожидая съ часа на часъ донесенія отъ генерала Мамонтова объ ударѣ его частей во флангъ и тылъ прорвавшимся краснымъ.

Между тѣмъ, ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій, донесеній отъ генерала Мамонтова не поступило. По свѣдѣніямъ желѣзнодорожной администраціи, въ районѣ станціи Кабанье⁴⁵ стекалось много отдѣльныхъ всадниковъ и повозокъ войсковыхъ обозовъ частей генерала Мамонтова. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, селеніе Волховъ Яръ, въ 35-ти верстахъ западнѣ Купянска, было занято двумя полками красныхъ, а въ районѣ станціи Балаклея, въ 30-ти верстахъ юго-восточнѣ Зміева, какія то шайки грабили проходившіе обозы. Такимъ образомъ, благодаря преступному бездѣйствію генерала Мамонтова, противникъ успѣлъ глубоко охватить правый флангъ Добровольческаго корпуса, продолжавшаго удерживать линію рѣкъ Можъ и Гнѣлица.

Генералъ Кутеповъ, снявъ съ фронта 1-ый Марковскій полкъ, направилъ его со станціи Грахово на Волховъ Яръ. Не успѣвшие еще закончить укомплектованіе 2-ой и 3-ей Марковскіе

⁴³ № 015724.

⁴⁴ Схема № 27. (Въ концѣ книги).

⁴⁵ 20 верстъ южнѣ Сватова.

полки приступили къ погрузкѣ на станціи Шебелинка, откуда должны были быть переброшены на Изюмъ для прикрытія этого пункта.

Я предоставилъ въ распоряженіе генерала Улагая бронепоездъ, дабы онъ могъ попытаться пробѣхать къ своей конницѣ и послать ему предписаніе генералу Мамонтову, коего за «преступное бездѣйствіе» отрѣшалъ отъ командованія.

5-го декабря генералъ Улагай выѣхалъ на бронепоездѣ со станціи Рубежная на Купянскъ, но дальше станціи Кабанье продвинуться не могъ; въ районѣ станціи Сватово слышна была сильная артиллерійская стрѣльба. Конница «товарища» Буденнаго продолжала продвигаться въ разрѣзъ между моей и Донской арміями, занявъ Старобѣльскъ и село Евсукъ.

2-ой и 3-ий Марковскіе полки, прибывъ въ Изюмъ, выдвинулись на фронтъ Вербняговка (направленіе на Сватово) — Верхній Бахтинъ. 1-му Марковскому полку, по выполненіи задачи у Волхова Яра, приказано было прибыть на станцію Закомельская⁴⁶. Корниловская дивизія была отведена сперва на фронтъ Яковенково — станція Шебелинка — Нижней Бишкинъ и далѣе отводилась на фронтъ Савинцы — Асеевка. Дроздовцы — сперва на фронтъ Сухая Гомольта — Линивка и далѣе на фронтъ Сумцовое — Алексѣевское — Димитріевка.

5-ый конный корпусъ отошелъ въ районъ Медвѣдовка — Власовка; Константиноградскій отрядъ — въ районъ Россоховатой.

Въ Константиноградѣ оставлены были терцы для прикрытія направленія на Лозовую. Получены были свѣдѣнія объ оставленіи нами 3-го декабря Кіева.

Въ связи съ создавшейся обстановкой, Главнокомандующимъ была дана новая директива⁴⁷, въ которой указывалось, что противникъ прилагаетъ всѣ усилія для овладѣнія Каменугольнымъ райономъ, продвигаясь въ разрѣзъ между Донской и Добровольческой арміями. Войскамъ ставились задачи:

Генералу Покровскому — продолжать оборонять Царицынъ, выдѣливъ въ резервъ Главнокомандующаго, въ районъ Новочеркасскъ — Аксайская, 1-ую конную дивизію.

Генералу Сидорину — удерживать линію Славяносербскъ — Калединскъ и, прикрывая желѣзную дорогу Лихая — Царицынъ, обеспечивать по Дону лѣвый флангъ Кавказской арміи; всѣ усилія направить къ тому, чтобы лѣвымъ своимъ крыломъ, совмѣстно съ Добровольческой арміей, разбить противника, наступающаго на фронтъ Луганскъ — Миллерово.

Генералу Врангелю — активно оборонять линію рѣки Донецъ (отъ стыка съ Донской арміей) и далѣе черезъ Славянскъ — Лозовую надежно обеспечивать каменугольный районъ; къ своему правому флангу сосредоточить ударную группу, съ цѣлью, совмѣстно съ донцами, разбить противника, наступающаго въ общемъ направленіи на Луганскъ.

Генералу Шиллингу прикрывать Новороссійскую область и Крымъ, удерживая желѣзнодорожные узлы: Синельниково, Кременчугъ, Черкассы, Бобринская, Цвѣтково, Христиновка, Винница, Жмеринка; главныя же силы спѣшно направить въ районъ Екатеринослава для быстрой ликвидаціи бандъ Махно и дальнѣйшихъ дѣйствій во флангъ и тылъ противника, наступающаго противъ Добровольческой арміи.

Генералу Эрдели — приказывалось срочно направить въ резервъ Главнокомандующаго въ районъ Новочеркасскъ — Аксайская одну конную и одну пластунскую бригады.

6-го декабря наконецъ удалось установить связь съ конницей генерала Мамонтова. Послѣдній 4-го декабря занялъ было Сватово, но 5-го декабря былъ вытѣсненъ изъ этого пункта и отошелъ въ районъ Миловатка — Кабанье — Юрьевка — Николаевка — Александровка — Алексѣевское. Генералъ Улагай выѣхалъ для принятія командованія.

Со станціи Рубежная вернулся офицеръ, возившій генералу Улагаю пакеты и привезъ отъ послѣдняго донесеніе. Генералъ Улагай доносилъ, что выѣзжаетъ для принятія командованія конной группой. Отъ пробѣжавшихъ черезъ Рубежную отдѣльныхъ офицеровъ и солдатъ частей генерала Мамонтова онъ имѣлъ самыя неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи

⁴⁶ 20 верстъ къ сѣверу отъ Изюма.

⁴⁷ За № 015926.

нашей конницы. Кубанскія и терскія части окончательно вымотались, было много безлошадныхъ казаковъ. Донскія части, въ конецъ развращенныя еще во время рейда генерала Мамонтова въ тылъ красныхъ, совсѣмъ не желали сражаться. Самъ генераль Мамонтовъ обиженный замѣной его генераломъ Улагаемъ, сказался больнымъ и выѣхалъ въ штабъ Донской арміи, не дождавшись прибытія своего замѣстителя.

Послѣднимъ надеждамъ, возлагавшимся Главкомандующимъ на нашу конную группу, видимо, не суждено было осуществиться⁴⁸.

Ежели бы свѣдѣнія генерала Улагая подтвердились, то слѣдовало бы признать, что боеспособныхъ конныхъ частей въ арміи нѣтъ и только что отданная Главкомандующимъ директива, предусматривающая возможность совмѣстнаго удара Донской и Добровольческой армій по краснымъ, явилось бы неосуществимой.

Къ 6-ому декабря 1-ый корпусъ находился: 2-ой и 3-ій Марковскіе полки — Бахтинъ — Федоровка, 1-ый Марковскій полкъ въ селѣ Кунье, 1-ый и 2-ой Корниловскіе полки на фронтѣ Ново-Серпуховъ — Вербовка, 3-ій Корниловскій полкъ, прикрывая отходъ дивизіи, вмѣстѣ съ 6-ой батареей погибъ въ лѣсахъ сѣверо-восточнѣе Зміева. Дроздовцы на фронтѣ Сумцево — Алексѣевское — Димитріевка.

Несмотря на подавляющую численность противника и тяжолыя условія отхода, добровольческіе полки дрались геройски. 5-ый конный корпусъ послѣ боя отошелъ въ районъ села Водолага.

⁴⁸ За два дня — 4-го декабря — я получилъ рапортъ заболѣвшаго и эвакуированнаго въ тылъ временно командовавшаго 5-ымъ кавалерійскимъ корпусомъ генерала Чекотовскаго:

«Отъѣзжая сего числа въ разрѣшенный мнѣ отпускъ по болѣзни, считаю своимъ долгомъ доложить Вашему Превосходительству истинное состояніе тѣхъ полковъ, съ которыми я непрерывно провелъ долгій боевой періодъ. Постараюсь быть краткимъ и прошу вѣрить, что въ этомъ докладѣ не будетъ ни единого слова преувеличенія. Конскій составъ дивизіи дошелъ до полного изнуренія. Выйдя въ походъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, до сихъ поръ дивизія имѣла 5—6 дней, которые она стояла на мѣстѣ, но все же готовая каждую минуту къ выступленію. Если за эти полгода были случаи ковки, то это были случаи единичные. О зимней ковкѣ не было рѣчи. Въ настоящее время лошадь является обузой для всадника, которая на каждомъ шагу скользитъ и падаетъ, такъ какъ всѣ дороги въ настоящее время сплошной ледъ, а замерзшія, вспаханныя поля для движенія невозможны. Скорость движенія полковъ — три версты въ часъ. Конныя батареи впрягли въ орудія все, что было возможно, до офицерскихъ лошадей включительно, а офицеры ходятъ пѣшкомъ. Чтобы взять какой-нибудь, даже незначительный подъемъ, для этого первое орудіе вывозится на рукахъ, а остальные путемъ припряжки уносовъ изъ другихъ орудій. Имѣя впереди 20 — 30-тиверстный переходъ, командиры батарей не ручаются, что они дотянутъ до ночлега, а если этотъ переходъ приходится дѣлать съ боями, то батареи, несмотря на всю свою доблесть, отличный офицерскій и командный составъ, являются предметомъ безконечныхъ заботъ ближайшаго кавалерійскаго начальника. Если существуетъ мнѣніе, что въ тылу есть большія пополненія, неиспользованныя частями на фронтѣ, то это несправедливо. Все, что возможно взять изъ тыла, сколачивается и приводится въ полки. Но эти пополненія прибываютъ частями до 20—50 чел. и за нѣсколько дней незамѣтно таютъ. Примѣромъ можетъ служить 1-ая бригада, которая 28-го числа имѣла 146 шашекъ, 29-го ноября, получивъ пополненіе, имѣла 206 шашекъ, а сегодня, 2-го декабря, послѣ боя у Ракитной, имѣетъ 141 шашку. При столь ограниченномъ пополненіи и числѣ рядовъ кадры офицерскаго состава гибнутъ, незамѣтно исчезаютъ. Примѣромъ этому можетъ служить Стародубскій дивизіонъ своднаго полка 12-ой кавалерійской дивизіи, гдѣ изъ 24 кадровыхъ офицеровъ осталось 12 (4 офицера ранено и 8 убито). Единственный полкъ, изъ шести полковъ 1-ой дивизіи, вполне сохранившійся, достигшій сравнительно огромнаго состава, полкъ 9-ой кавалерійской дивизіи, который еще въ началѣ октября былъ отправленъ на внутренній фронтъ и тамъ въ сравнительно легкой обстановкѣ, безъ большихъ потерь, достигъ девятиэскадроннаго состава по 70 шашекъ при 50 пулеметахъ. Зная честное отношеніе г.г. офицеровъ къ дѣлу, я увѣренъ, что если бы была возможность, всѣ части 1-ой кавалерійской дивизіи смѣнить полкомъ 9-ой кавалерійской дивизіи и дать этой дивизіи хотя одинъ мѣсяць сроку для пополненія, то она бы вновь представила ту солидную силу, каковой была въ началѣ своего похода. Не желая вводить въ заблужденіе высшее командованіе громкими названіями «бригада», «дивизія», такъ какъ съ этими наименованіями даются и задачи, я считаю своимъ долгомъ доложить, что 1-ая кавалерійская дивизія представляетъ собой не боевую единицу, способную для выполнения какихъ-нибудь боевыхъ задачъ, а лишь небольшую вымученную часть, которая своею численностью едва ли достигаетъ численности полка слабаго состава. Зная насколько близка регулярная возрождающаяся конница Вашему Превосходительству, ходатайствую о смѣнѣ, если это позволитъ обстановка, частей 1-ой кавалерійской дивизіи своднымъ полкомъ 9-ой кавалерійской дивизіи или же объ отводѣ въ тылъ на пополненіе хотя бы по-бригадно. Даже послѣдняя мѣра дастъ возможность дивизіи придти въ нормальное состояніе и стать противъ конницы красныхъ, которые, сознавъ необходимость созданія конницы, повидимому, удѣлили этому роду оружія много заботъ и вниманія. Въ заключеніе своего рапорта позволю себѣ донести Вашему Превосходительству, что оставленіе 1-ой кавалерійской дивизіи въ томъ положеніи, въ которомъ она находится въ данный моментъ, влечетъ неминуемо за собой ея полное выбитіе изъ строя и гибель всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ трудовъ и жертвъ, которыя были принесены для ея возрожденія. Станція Борки. 2 декабря. Нр 0185. Чекотовскій».

7-го числа генералъ Улагай былъ на всемъ фронтѣ атакованъ значительными силами красныхъ. Со стороны Ново-Астрахани наступало въ общемъ направленіи на Кременное до 7 000 сабель противника. Потерявшая сердце наша конница, тѣсняемая съ фронта и обходимая съ фланга, въ безпорядкѣ стала отходить. Донцы бѣжали, бросая артиллерію, пулеметы и обозы. Часть конницы отошла, въ районъ Лимана и Ямполя, остальные части бѣжали за правый берегъ Дона, переправившись у Рубежной. 8-го числа я получилъ телеграмму отъ генерала Улагая:

«Конница конной группы становится совершенно небоеспособной. Малочисленная по сравненію съ кавалерійской арміей противника, она совершенно потеряла сердце, разлагается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Для наглядности разложенія въ донскихъ частяхъ посылаю копию донесенія генерала Науменко, который за отъѣздомъ генерала Мамонтова временно командуетъ донскимъ корпусомъ. Разбогатѣвшая награбленнымъ имуществомъ, особенно богатой добычей послѣ кавалерійскаго рейда, потрясенная непрерывными неудачами, конница совершенно не желаетъ сражаться и часто нѣсколько эскадроновъ гонятъ цѣлую дивизию. Нанести какой-либо ударъ или отразить наступленіе противника на флангѣ становится совершенно невозможнымъ дѣломъ. Страшное преобладаніе въ количествѣ дѣлаетъ невозможнымъ даже сосредоточеніе всей конницы въ одно мѣсто. Разсчитывать на какой либо успѣхъ нельзя, такъ какъ новыя обходныя колонны дѣйствуютъ панически и, чтобы избѣжать окончательной потери всей артиллеріи, приходится опять оттягивать назадъ. При создавшемся положеніи вещей, вообще разсчитывать на эту конницу невозможно, ее надо лѣчить другими мѣрами, можетъ быть, даже съ тяжелыми жертвами. Мнѣ кажется, что немедленно нужно, быстро оттянувъ оставшіеся кадры дивизій и корпусовъ, формировать совершенно новыя полки, иначе пополненія, которыя прибываютъ и вливаются въ большыя части, немедленно заражаются общимъ настроеніемъ и также становятся небоеспособными Я уже доносилъ и теперь повторяю, что въ общемъ конницы у насъ нѣтъ

Разсчитывать на что-либо серьезное отъ конной группы совершенно нельзя. Желательно было бы шифромъ получить отъ Васъ совершенно истинное положеніе вещей, а главное, предполагаемую группировку, дальнѣйшія мѣропріятія въ связи съ создавшимся положеніемъ на всемъ фронтѣ, имѣя въ виду мое совершенно правдивое освѣщеніе положенія вещей.

Копія донесенія генерала Науменко, Нр 036/Е: «Генералу Улагаю. 10 Донская дивизія около 13 часовъ ушла, подъ впечатлѣніемъ большой колонны конницы, двигавшейся по большой дорогѣ изъ Сватова на Кременную. Бѣгство не поддается описанію: колонна донцовъ бѣжала, преслѣдуемая однимъ полкомъ, шедшимъ въ лавѣ впереди конной колонны. Всѣ попытки мои и чиновъ штаба остановить бѣгущихъ не дали положительныхъ результатовъ, лишь небольшая кучка донцовъ и мой конвой задерживались на попутныхъ рубежахъ, все остальное неудержимо стремилось на югъ, бросая обозы, пулеметы и артиллерію. Пока выяснилось, что брошены орудія: двѣнадцатой, восьмой и двадцатой донскихъ батарей. Начальниковъ частей и офицеровъ почти не видѣлъ, раздавались возгласы казаковъ, что начальниковъ не видно и что они ускакали впередъ. Лисичанскъ 8/12. Нр 0580. У л а г а й ».

Вечеромъ генералъ Улагай вновь телеграфировалъ :

«Я уже докладывалъ неоднократно, что конная группа небоеспособна. Донскія части, хотя и большого состава, но совсѣмъ не желаютъ и не могутъ выдержать самага легкаго нажима противника, меньшаго числомъ вчетверо, не говоря уже о массовомъ наступленіи противника. Кубанскихъ и терскихъ частей совершенно нѣтъ. Жалкіе обрывки, сведенные въ одинъ полкъ, совершенно никуда не годны. Артиллеріи почти нѣтъ, пулеметовъ тоже. Вчера донскія дивизіи бѣжали, гонимыя нѣсколькими эскадронами, за которыми въ колоннахъ двигалась конница противника. Подъ натискомъ противника и обходимыя со стороны Ново-Астрахани части группы съ большимъ трудомъ и потерями перешли р. Донецъ. Донскія дивизіи, подъ напоромъ насѣдавшихъ частей конницы противника, большей частью отошли въ районъ Лимана и Ямполя; остальные части переправились у Рубежнаго. Вся группа, переправившаяся черезъ Донецъ, совершенно небоеспособна ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ и, кромѣ того, принуждена была уничтожить переправы. Подавляющія массы конницы

противника въ данный моментъ все равно не дадутъ никакой возможности рассчитывать на успѣхъ на этомъ фронтѣ. Разложеніе частей настолько сильно, что даже лѣчить ее путемъ присылки пополненій и вливанія въ остатки едва ли возможно. Всѣ мои сообщенія относительно состоянія конницы есть горькая правда, которой не имѣю нравственнаго права скрывать отъ Васъ. 8 — XII — 19. Генераль У л а г а й ».

Между тѣмъ, 1-ый корпусъ продолжалъ отходить. Марковцы перешли въ Голую Долину, корниловцы и дроздовцы отошли на фронтъ Царевборисовъ — Изимъ — Веревкино — Войненкино — Лозовенка — Новоивановка. Для прикрытія Лиманскаго узла со станціи Славянскъ выдвинутъ былъ 1-ый кубанскій стрѣлковый полкъ 2-ой пѣхотной дивизіи, недавно прибывшей изъ Новороссійска. 5-ый кавалерійскій корпусъ всталъ передъ лѣвымъ флангомъ нашей пѣхоты, въ село. Димитріевку.

Терцы (вожская бригада) оставили Константиноградъ, отойдя къ Натальино. На лѣвомъ флангѣ Донской арміи красные ворвались въ Бѣловодскъ.

9-го декабря противникъ продолжалъ энергично наступать на всемъ фронтѣ моей арміи и на лѣвомъ флангѣ донцовъ. Донская группа дѣйствовавшая въ районѣ Бѣловодска, принуждена была осадить къ Деркульскому Государственному конному заводу

Конница генерала Улагая отошла въ районъ Рубежная — Переѣздная — Бѣлая Гора — Каменка — Черногорскій.

Противникъ началъ переправу черезъ Сѣверный Донецъ. Части 1-го корпуса принуждены были оставить Изюмъ и отойти на фронтъ: Марковская дивизія — Маяки — Христище; Корниловская — Богородичное — Спѣваковка, занявъ переправы по Сѣверному Донцу; Дроздовская, сведенная въ три роты — Спѣваковка — Петровское — Красногорка.

1-ый кубанскій стрѣлковый полкъ былъ вытѣсненъ изъ района Лиманскаго узла и на поддержку ему были направлены изъ Славянска остальные части 2-ой пѣхотной дивизіи.

Обстановка слагалась все болѣе грозно, повелительно диктуя срочное принятое главнымъ командованіемъ общихъ крупныхъ рѣшеній. Послѣдняя директива Главнокомандующаго являлась явно запоздалой. Въ ставкѣ все еще видимо не отдавали себя яснаго отчета въ положеніи. Я телеграфировалъ Главнокомандующему, прося разрѣшенія прибыть съ докладомъ.

Въ подробномъ рапортѣ на имя генерала Деникина, я, не щадя красокъ, съ полной правдивостью высказывался о нашемъ стратегическомъ положеніи, указывалъ на ошибки, послужившія причиной къ настоящему развалу и намѣчалъ нѣкоторыя мѣры, которыя, по моему мнѣнію, въ предвидѣніи новыхъ грозныхъ событій, надлежало принять.

«Командующій
Добровольческой Арміей.
9 декабря 1919 г.
№ 010464.

Главнокомандующему Вооруженными Силами
Юга Россіи

Г. Юзовка.

РАПОРТЪ.

Прибывъ 26-го ноября въ Добровольческую армію и подробно ознакомившись съ обстановкой на этомъ, въ настоящее время главнѣйшемъ участкѣ общаго фронта Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, долгомъ службы считаю доложить слѣдующее:

Наше настоящее неблагопріятное положеніе явилось слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, двухъ основныхъ причинъ:

1. Систематическаго пренебреженія нами основными принципами военнаго искусства;
и
2. Полнаго неустройства нашего тыла.

Еще весною 1919 года, рапортомъ отъ 4-го апрѣля за № 82, я, указывая назначеніе для насъ при тогдашней обстановкѣ Царицынскаго направленія, докладывалъ, что «при огромномъ превосходствѣ силъ противника, дѣйствія одновременно по нѣсколькимъ операціоннымъ направленіямъ являются для насъ невозможными».

По занятіи Кавказской арміей Царицына, мною и бывшимъ тогда начальникомъ штаба Кавказской арміи генераломъ Юзефовичемъ были одновременно поданы два рапорта, гдѣ, предостерегая отъ дальнѣйшаго расширенія нашего фронта,

мы указывали на необходимость, занявъ короткій и обеспеченный на флангах крупными водными преградами фронтъ Царицынъ — Екатеринославъ, сосредоточить въ районѣ Харькова крупную конную массу въ 3 — 1 корпуса для дѣйствія на кратчайшемъ къ Москвѣ. направленіи.

Въ отвѣтъ на наши рапорты на совѣщаніи въ Царицынѣ мнѣ и генералу Юзефовичу было указано, что наше предложеніе вызвано «желаніемъ первыми войти въ Москву».

Наконецъ, когда въ послѣднее время противникъ, сосредоточивъ крупныя силы на Орловскомъ направленіи, сталъ тѣснить Добровольческую армію, генералъ Романовскій, телеграммой отъ 17-го октября за № 014170 за просилъ меня, какія силы могъ бы я выдѣлить изъ состава Кавказской арміи для переброски на Добровольческій фронтъ; я, телеграммой отъ 18-го октября за № 03533, отвѣтилъ, что «при малочисленности конныхъ дивизій переброской одной-двухъ, дѣла не рѣшится» и предложилъ принять крупное рѣшеніе — «перебросить изъ ввѣренной мнѣ арміи 3 1/2 кубанскихъ дивизіи».

Предложеніе мое было отвергнуто, и было принято половинчатое рѣшеніе — изъ состава Кавказской арміи перебросено лишь двѣ дивизіи.

Дальнѣйшая обстановка вынудила придти къ предложенному мною рѣшенію, и нынѣ изъ Кавказской арміи взяты именно 3 1/2 дивизіи, но время утеряно безвозвратно.

Гонясь за пространствомъ, мы бесконечно растянулись въ паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми.

Между тѣмъ, въ противоположность намъ, большевики твердо придерживались принципа полнаго сосредоточенія силъ и дѣйствій противъ живой силы врага. Въ то время, какъ продвиженіе Кавказской арміи къ Саратову создало угрозу коммуникаціямъ восточнаго большевицкаго фронта, красное командованіе спокойно смотрѣло на продвиженіе нашихъ войскъ къ Курску и Орлу и неукоснительно проводило въ жизнь планъ сосредоточенія ударной массы въ районѣ Саратова, съ тѣмъ, чтобы, обрушившись на ослабленную тысячеворстнымъ походомъ и выдѣленіемъ большого числа частей на Добровольческій фронтъ Кавказскую армію, отбросить ее къ югу.

Лишь послѣ того, какъ остатки Кавказской арміи отошли къ Царицыну и окончательно обезкровленные потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцію, — красное командованіе, сосредоточивъ силы для прикрытія Москвы, начало операціи противъ Добровольческой арміи, растянувшейся къ этому времени на огромномъ фронтѣ при полномъ отсутствіи резервовъ, и, обрушившись на нее, заставило ее покатиться назадъ.

Несмотря на разстройство транспорта и прочія затрудненія, принципъ сосредоточенія силъ проводился краснымъ командованіемъ полностью.

Продвигаясь впередъ, мы ничего не дѣлали для закрѣпленія захваченного нами пространства; на всемъ протяженіи отъ Азовскаго моря до Орла не было подготовлено въ тылу ни одной укрѣпленной полосы, ни одного узла сопротивленія. И теперь арміи, катящейся назадъ, не за что уцѣпиться.

Безпрерывно двигаясь впередъ, армія растягивалась, части разстраивались, тылы непомѣрно разрастались. Разстройство арміи увеличивалось еще и допущенной командующимъ арміей мѣрой «самоснабженія» войскъ.

Сложивъ съ себя всѣ заботы о довольствіи войскъ, штабъ арміи предоставилъ войскамъ довольствоваться исключительно мѣстными средствами, используя ихъ попеченіемъ самихъ частей и обращая въ свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась въ средство наживы, а довольствіе мѣстными средствами — въ грабежъ и спекуляцію.

Каждая часть спѣшила захватить побольше. Бралось все; что не могло быть использовано на мѣстѣ — отправлялось въ тылъ для товарообмѣна и обращенія въ денежные знаки. Подвижные запасы войскъ достигли гомерическихъ размѣровъ — нѣкоторыя части имѣли до двухсотъ вагоновъ подъ своими полковыми запасами.

Огромное число чиновъ обслуживало тылы. Цѣлый рядъ офицеровъ находился въ длительныхъ командировкахъ, по реализаціи военной добычи частей, для товарообмѣна и т. п.

Армія развращалась, обращаясь въ торгашей и спекулянтовъ.

Въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ дѣломъ «самоснабженія», — а съ этимъ дѣломъ соприкасались всѣ, до младшаго офицера и взводнаго раздатчика включительно, — оказались бѣшенныя деньги, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего явились развратъ, игра и пьянство. Къ несчастью, примѣръ подавали нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ, гомерическіе кутежи и бросаніе бѣшенныхъ денегъ которыми производилось на глазахъ всей арміи.

Неудовлетворительная постановка контръ-развѣдки и уголовно-розыскаго дѣла, работавшихъ вразбродъ, недостаточность денежныхъ для нихъ отпусковъ и неудачный подборъ сотрудниковъ, все это дало большевѣцкимъ агитаторамъ возможность продолжать въ тылу арміи ихъ разрушительную работу.

Необезпеченность желѣзнодорожныхъ служащихъ жалованьемъ повела къ тому, что наиболѣе нужные служащіе при приближеніи большевѣцкаго фронта бросали свои мѣста и перебѣгали на сторону противника.

Населеніе, встрѣчавшее армію при ея продвиженіи съ искреннимъ восторгомъ, изстрадавшееся отъ большевиковъ и жаждавшее покоя, вскорѣ стало вновь испытывать на себѣ ужасы грабежей, насилій и произвола.

Въ итогѣ — развалъ фронта и возстанія въ тылу.

Я засталъ штабъ арміи уже покинувшимъ Харьковъ и армію въ полномъ отступленіи.

Эвакуація велась хаотически, никакого плана не было. Ни одно учрежденіе не получило точныхъ указаній о пути слѣдованія и мѣстѣ назначенія, все несло къ куда глаза глядятъ. Станціи оказались забитыми огромными составами разныхъ частей, санитарныя поѣзда недѣлями стояли неразгруженными. Раненые по три дня не получали пищи и на станціи Славянскъ, во время моего прибытія туда, раненый офицеръ повѣсилъ, не будучи въ силахъ выдержать голода.

Огромное число бѣженцевъ, главнымъ образомъ семей офицеровъ, забило все составы и станціи. Никакихъ мѣръ къ эвакуаціи ихъ принято не было, и они въ буквальномъ смыслѣ голодали и замерзали...

На всемъ пути отъ Зміева до Изюма въ тылу арміи орудовали шайки мѣстныхъ жителей, портившія пути и нападавшія на нашихъ раненыхъ и обозы.

Въ боевомъ составѣ арміи ко дню моего пріѣзда числилось: въ 1-омъ корпусѣ — около 2 600 шт., въ 5-омъ кав. корпусѣ — около 1 015 сабель въ Полтавской группѣ около 100 шт. и 200 сабель; въ конной группѣ — около 3 500 сабель, всего около 3 600 штыковъ и 4 700 сабель. Нѣкоторыя части были сведены: Кубанскій корпусъ въ бригаду, Корниловскіе полки — въ батальоны, два Марковскихъ полка и Особая бригада сохранили лишь кадры и были отправлены въ глубокой тылъ. Дроздовская дивизія сведена въ три роты. Войска отказываются отъ содѣйствія танковъ, опасаясь потерять ихъ; артиллерія почти вся выбыла изъ строя.

Силы противника по даннымъ развѣдки состояли изъ 51 000 штыковъ, 7 000 сабель и 205 орудій.

Въ тылу находилась, кромѣ того, на формированіи и пополненіи Алексѣевская дивизія, насчитывающая не болѣе 300 штыковъ.

Войска, вслѣдствіе непрерывныхъ переходовъ и распутицы переутомлены до крайности; лошади изнурены совершенно, и артиллерія и обозы сплошь и рядомъ бросаются, такъ какъ лошади падаютъ по дорогѣ.

Состояніе конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованные, всѣ подбиты. Масса истощенныхъ съ набитыми холками. По свидѣтельству командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вотъ горькая правда. Арміи, какъ боевой силы, нѣтъ. Въ настоящее время принять рядъ мѣръ для упорядоченія тыла: довольствіе арміи взято въ руки отдѣла снабженія, спѣшно создаются узлы сопротивленія, объявлена мобилизація и дѣлается

все для спѣшнаго пополненія частей; однако всѣ эти мѣры являются весьма запоздалыми, и, прежде, нежели армія будетъ возсоздана вновь, уйдетъ не мало времени.

Противникъ это учитываетъ и бросаетъ все, что можетъ, для дальнѣйшаго использованія своего успѣха.

Надо имѣть мужество глянуть правдѣ въ глаза и быть готовымъ къ новымъ испытаніямъ.

Въ предвидѣніи ихъ считаю необходимымъ:

1. нынѣ же принять опредѣленный общій планъ дѣйствій, выбравъ одно главное операціонное направленіе, на которое и сосредоточить главную массу силъ, не останавливаясь передъ потерей нѣкоторой части захваченнаго пространства;
2. ныне же принять мѣры къ эвакуаціи вглубь страны тыловыхъ учреждений и въ частности разгрузить Ростовъ и Таганрогъ полностью;
3. немедленно подготовить въ тылу страны укрѣпленныя полосы и узлы сопротивленія;
4. расформировать часть гражданскихъ и военныхъ учреждений, непомѣрно разросшихся и умножившихся, и все годное погнать на фронтъ;
5. обезпечить безопасность и матеріальное существованіе семей офицеровъ и служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ. Офицеръ не можетъ спокойно сражаться, зная, что его семья въ опасности и голодаетъ; необходимо немедленно озаботиться оборудованіемъ колоній для семей офицеровъ и чиновниковъ, гдѣ эти семьи были бы обезпечены квартирой и пайкомъ, а въ случаѣ угрозы — могли бы быть увѣрены въ своевременномъ вывозѣ въ безопасное мѣсто;
6. немедленно принять рядъ самыхъ жестокихъ мѣръ для борьбы съ произволомъ, грабежами и пьянствомъ, разлагающими армію. Удалить, независимо отъ боевыхъ заслугъ, высшихъ начальниковъ, поведеніе которыхъ создаетъ постоянный соблазнъ для младшихъ;
7. принять рядъ мѣръ къ пополненію частей людьми и лошадьми. Въ частности необходимо созданіе инспекціи конницы, безъ чего намъ не сохранить этого рода оружія. О необходимости созданія инспекціи конницы я докладывалъ тщетно неоднократно, — нынѣ это совершенно необходимо — противникъ напрягаетъ всѣ силы для созданія крупныхъ конныхъ соединеній, наша же конница, создаваемая и пополняемая безъ общаго правильнаго руководства, скоро растаетъ совершенно;
8. упорядоченіе постановки контръ-развѣдки и уголовного розыска, объединеніе ихъ въ предѣлахъ арміи и главноначальствованія въ однихъ рукахъ и обезпеченіе дѣла соответствующими кредитами;
9. милитаризація желѣзныхъ дорогъ — подчиненіе начальниковъ дорогъ Начвосо⁴⁹ и обезпеченіе служащихъ на дорогахъ своевременной оплатой содержанія и увеличеніе его до соответственныхъ съ дороговизной размѣровъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ доложить, что, если предложенныя мною мѣропріятія не будутъ признаны необходимымъ полностью и безъ отлагательно осуществить, то, учитывая грозное положеніе на фронтѣ, я не считаю возможнымъ нести на себѣ отвѣтственность командующаго Добровольческой арміей.

Генераль-Лейтенантъ В р а н г е л ь .

Начальникъ Штаба Генераль-Лейтенантъ Ш а т и л о в ъ ».

Зная, что Главнокомандующій все еще не учитываетъ всей тяжести нашего положенія и упорно не допускаетъ мысли о возможности дальнѣйшихъ крупныхъ успѣховъ противника, я боялся, что многія изъ намѣченныхъ мною мѣръ — эвакуація Ростова и Таганрога, спѣшное оборудованіе въ тылу укрѣпленныхъ узловъ сопротивленія и прочее, запоздають.

⁴⁹ Начальникъ военныхъ сообщений. (Ред.).

Для воздѣйствія на генерала Деникина со стороны ближайшихъ его помощниковъ я направилъ копии своего рапорта одновременно обоимъ помощникамъ Главнокомандующаго генераламъ Романовскому и Лукомскому. Довѣрительно ознакомилъ я съ содержаніемъ рапорта и Н. В. Савича, прося его повліять на Главнокомандующаго, дабы необходимыя мѣры по обезпеченію тыла были бы своевременно приняты.

Будущее, какъ нельзя болѣе, подтвердило мои опасенія. Предложеніе, сдѣланное предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія генераломъ Лукомскимъ о необходимости немедленно начать эвакуацію правительственныхъ учреждений, встрѣтило возраженія со стороны членовъ Особаго Совѣщанія. Было указано, что эвакуація разстроитъ правительственный механизмъ, что «гражданскій долгъ членовъ совѣщанія оставаться съ арміей до конца» и проч. Въ результатѣ эвакуацію Ростова и Таганрога начали лишь тогда, когда наши войска подошли вплотную.

Огромное число учреждений не успѣло выѣхать. Много больныхъ, раненыхъ и цѣннѣйшее имущество попало въ руки противника. Ничего не было сдѣлано и въ отношеніи узловъ сопротивленія; намѣченная укрѣпленная позиція къ востоку отъ Таганрога, къ подходу арміи существовала лишь на бумагѣ.

Я взялъ съ собой въ Таганрогъ начальника штаба. Генераль Деникинъ принялъ насъ въ присутствіи генерала Романовскаго. Войдя, я передалъ Главнокомандующему и начальнику его штаба упомянутый выше рапортъ и просилъ генерала Деникина внимательно прочесть его, прежде чѣмъ выслушать мой докладъ.

Главнокомандующій, придвинувшись къ лампѣ, сталъ читать. Я наблюдалъ за нимъ. Его лицо поразило меня. Оно казалось какимъ-то потухшимъ, безнадежно подавленнымъ. Окончивъ чтеніе, онъ медленно положилъ рапортъ на столъ и тихимъ упавшимъ голосомъ сказалъ: «Что же дѣлать, а все-таки надо продолжать...»

— «Конечно, ваше превосходительство, надо продолжать и надо сдѣлать все возможное, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ врага, но прежде всего необходимо принять опредѣленное рѣшеніе. Противникъ, дѣйствуя вразрѣзъ между моей арміей и донцами, стремится отбросить мою армію и прижать ее къ морю. Конница генерала Улагая совершенно небоеспособна. Если вы прикажете арміи отходить на Донъ, на соединеніе съ донцами, войскамъ придется совершить труднѣйшій фланговый маршъ все время подъ ударами врага... Другое рѣшеніе прикрыть арміей Крымъ и отводить мои войска на соединеніе съ войсками Новороссіи...»

Генераль Деникинъ оживился:

— «Этотъ вопросъ я уже рѣшилъ въ своемъ сердцѣ», — твердо сказала Главнокомандующій, — «я не могу оставить казаковъ. Меня обвиняютъ за это въ предательствѣ. Ваша армія должна отходить съ донцами».

Задавъ несколько второстепенныхъ вопросовъ, Главнокомандующій, видимо тяготясь разговоромъ, отпустилъ меня. Мы вышли съ генераломъ Шатиловымъ.

— «Какое впечатленіе вынесъ ты изъ нашего разговора», — спросилъ я. Генераль Шатиловъ развелъ руками:

— «По моему, они окончательно растеряны...»

Мнѣ стало безконечно жаль генерала Деникина; что долженъ былъ испытать этотъ человѣкъ, видя крушеніе того зданія, которое съ такимъ трудомъ онъ столько времени возводилъ и въ прочность котораго онъ несомненно вѣрилъ. Какъ одиноко долженъ былъ онъ чувствовать себя въ эти тяжелые дни, когда, по мѣрѣ, того, какъ измѣняло ему счастье, отворачивалось отъ него большинство тѣхъ, кто еще недавно кадилъ ему. Въ эти дни лишь твердость, рѣшимость и спокойствію духа вождя могли спасти положеніе. Это спокойствіе духа, эту твердость могъ имѣть лишь вождь, не потерявшій вѣру въ свои войска, убежденный въ томъ, что и они ему вѣрятъ. Нравственная поддержка Главнокомандующаго его ближайшими сотрудниками должна была быть въ эти дни, казалось мнѣ, особенно ему необходима.

Я написалъ генералу Деникину письмо:

«Командующій
Добровольческой
Арміей.

Генераль-Лейтенантъ
Баронъ П. Н. Врангель.

Декабря мѣсяца, 10 дня, 1919 г.

Глубокоуважаемый Антонъ Ивановичъ!

Въ настоящую грозную минуту, когда боевое счастье измѣнило намъ и обрушивавшаяся на насъ волна красной нечисти готовится, быть можетъ, поглотить тотъ корабль, который Вы, какъ кормчій, вели сквозь бури и невзгоды, я, какъ одинъ изъ тѣхъ, кто шелъ за Вами почти сначала, на этомъ кораблѣ, нравственно считаю себя обязаннымъ сказать Вамъ, что сердцемъ и мыслями горячо чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытаніе судьбы. Если Вамъ можетъ быть хоть малымъ утѣшеніемъ сознание, что тѣ, кто пошелъ за Вами, съ Вами вмѣстѣ переживаютъ и радости и горести, то прошу Васъ вѣрить, что и сердцемъ и мыслями я нынѣ съ Вами и радъ всѣми силами Вамъ помочь.

П. Врангель».

Въ теченіе 10-го декабря противникъ продолжалъ переправу черезъ Сѣверный Донецъ. На фронтъ 1-го корпуса особыхъ измѣненій не было. 5-ый кавалерійскій корпусъ подъ давленіемъ противника отошелъ въ районъ разъѣздъ Булацелевскій — Кантерево — Середовскій, оставивъ часть силъ въ селѣ Преображенскомъ для удара во флангъ противнику, наступающему вдоль рѣки Орель. На Полтавскомъ направленіи мы потеряли Скотоватое. Терская бригада сосредоточилась къ селу Андреевка. Общая линія фронта къ этому дню вырисовывалась слѣдующимъ образомъ⁵⁰: правый флангъ, примѣрно до станицы Мигулинской, оставался на прежнихъ позиціяхъ, отъ Мигулинской линія фронта шла на Чертково, откуда, повернувъ круто на югъ и проходя параллельно желѣзной дорогѣ Луганскъ — Миллерово верстахъ въ 20 сѣвернѣ выходила къ станціи Рубежная и въ районъ Лимана, откуда переходила на правый берегъ Сѣвернаго Донца и шла въ общемъ направленіи на станцію Краснотавловка и Вольное, южнѣ Константинограда и Кобелякъ на Кременчугъ — Пальмиру, Каневъ, Фастовъ, сѣвернѣ Сквиры къ Казатинскому узлу, лѣвѣ линія фронта оставалась безъ измѣненія.

11-го декабря, конница генерала Улагая вновь отошла подъ давленіемъ противника въ районъ станцій Шепилово — Липовая⁵¹. Генераль Улагай доносилъ, что онъ вынужденъ отступать еще далѣе. Донцы также продолжали медленно отходить. Между тѣмъ, наша пѣхота все еще продолжала удерживать свои позиціи, протянувъ свой правый флангъ до устья р. Бахмутъ. Положеніе становилось все болѣе грознымъ. Фронтъ былъ разрѣзанъ пополамъ и въ прорывъ устремились крупныя массы конницы красныхъ. Отправляя въ этотъ день Главнокомандующему упомянутое выше письмо, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь доносилъ:

«Командующій
Добровольческой
Арміей.
Генераль-Лейтенантъ
Баронъ П. Н. Врангель.

Декабря мѣсяца, 11 дня, 1919 г.

Главнокомандующему Вооруженныхъ Силъ
Юга Россіи.

РАПОРТЪ.

Событія развиваются съ чрезвычайной быстротой и неблагоприятно сложившаяся для насъ на фронтѣ обстановка становится грозной. Нашъ фронтъ разрѣзанъ пополамъ и арміи отходятъ двумя группами на ЮВ и ЮЗ. Необходимо принять крупныя рѣшенія. Со своей стороны полагаю необходимымъ:

1. правую группу армій постепенно отводить на линіи р. Саль и Донъ, сохранивъ плацдармъ на правомъ берегу рѣки по линіи устье р. Міуса — Новочеркасскъ. Спѣшно укрѣплять указанный фронтъ, объявивъ рабочую повинность населенію. Одновременно готовить узлы сопротивленія по линіи р. Манычъ и укрѣплять районъ Новороссійска;
2. лѣвую группу армій отводить въ Крымъ, спѣшно укрѣпляя подступы къ нему;
3. Кавказскую, Донскую и Добровольческую арміи, по отводѣ на означенную линію, свести въ одну армію изъ 4 корпусовъ (Добровольческой, 1-ый Кубанскій и два Донскихъ) подъ Вашимъ непосредственнымъ

⁵⁰ Схема № 26. Положеніе къ 10 декабря.

⁵¹ См. схему № 27.

- управленіємъ. Всѣ лишніе штабы расформировать, на правивъ чиновъ въ строй;
4. изъ войскъ лѣвой группы составить отдѣльный Крымскій корпусъ;
 5. немедленно объявить сполохъ на Дону, Кубани и Терекѣ, возложивъ руководство сборомъ пополненій на популярныхъ генераловъ соотвѣтствующихъ войскъ;
 6. готовясь всѣми силами къ продолженію борьбы, одновременно безотлагательно готовить все, дабы въ случаѣ неудачи не быть застигнутыми врасплохъ, выполнить лежащее на насъ нравственное обязательство и сохранить кадры арміи и часть техническихъ средствъ, для чего нынѣ же войти въ соглашеніе съ союзниками о перевозкѣ, въ случаѣ необходимости, арміи въ иностранные предѣлы, куда при первой же возможности начать эвакуацію матерей, женъ и дѣтей офицеровъ, отдающихъ Родинѣ жизнь. Ихъ спасеніе — вопросъ нашей чести..

Генераль-Лейтенантъ Баронъ Врангель».

Отъ 5-го кавалерійскаго корпуса было получено донесеніе о переходѣ его въ районъ Елизаветовка — станція Краснопавловка; восточнѣ этого района показались сильныя разѣзды красныхъ, поддержанныя тремя полками пѣхоты. На Полтавскомъ направленіи наши части отошли за рѣку Орель. Терцы были вынуждены оставить Андреевку и, отойдя на востокъ, вели бой въ селѣ Дарь-Надежды.

12-го декабря бои на всемъ фронтѣ арміи продолжались. По непровѣреннымъ свѣдѣніямъ городъ Луганскъ былъ занятъ красными.

Штабъ арміи изъ Юзовки переходилъ въ Харцызскъ. На станціи Ясиноватая я былъ предупрежденъ о подходѣ поѣзда генерала Сидорина, выѣхавшаго ко мнѣ на свиданіе.

Онъ ѣхалъ изъ Таганрога сговориться со мной о дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ.

Въ этотъ день Главнокомандующимъ была отдана новая короткая директива, № 016210, коей указывалось:

«Генераламъ Покровскому и Эрдели выполнять прежнія задачи. Генералу Сидорину и Врангелю, выполняя задачи указанные въ директивѣ № 015926, сосредоточить возможно большія силы къ своимъ смежнымъ флангамъ, за счетъ другихъ участковъ, для удара по прорывающейся конной группѣ противника.

Генералу Шиллингу — всемѣрно ускорить сосредоточеніе къ правому флангу достаточныхъ силъ для удара по флангу и тылу противника, тѣснящаго Добровольческую армію и для надежнаго прикрытія Крыма».

Директива эта явно являлась запоздалой. Генераль Деникинъ, видимо, все еще не отдавалъ себѣ отчета въ размѣрахъ нашего пораженія.

Я далъ генералу Сидорину прочесть оба моихъ рапорта Главнокомандующему отъ 9-го и 11-го декабря, рапорты генераловъ Улагая, Науменко и Чекотовскаго...

— «Въ настоящихъ условіяхъ объ ударѣ моихъ частей совмѣстно съ вашими не можетъ быть рѣчи. Арміи у меня въ сущности нѣтъ, есть горсть людей... Я имѣю приказаніе Главнокомандующаго отходить на соединеніе съ вашей арміей, но я не увѣренъ даже, что безъ помощи вашихъ частей буду въ состояніи это выполнить».

Сообщенныя мною генералу Сидорину свѣдѣнія были, повидимому, для него въ значительной степени неожиданными. Донская армія, по его словамъ, была въ общемъ вполне боеспособна, въ распоряженіи командующаго арміей имѣлось достаточное число пополненій, однако, части, скованныя на всемъ фронтѣ боями, быстро перегруппировать было нельзя. Существенной помощи Донская армія мнѣ оказать не могла. Генераль Сидоринъ жестоко сѣтовалъ на ставку, не ориентировавшую командующихъ арміями, совершенно выпустившую изъ рукъ управленіе и, видимо, не желавшую отдать себѣ отчетъ въ грозномъ положеніи:

— «Ни я, ни начальникъ штаба, никакихъ указаній добиться не можемъ. Вчера генераль Романовскій въ разговоръ съ генераломъ Келчевскимъ, на вопросъ послѣдняго о томъ, какія мѣры намѣчаетъ Главнокомандующій для исправленія нашего положенія, отвѣтилъ: «Вотъ вашъ командующій арміей ѣдетъ къ генералу Врангелю, они что-нибудь тамъ придумаютъ».

Все яснѣ становилось, что справиться съ грознымъ положеніемъ ставка не сумѣетъ.

Я высказалъ мои опасенія генералу Сидорину.

Послѣдній, весьма раздраженный на ставку, сваливалъ всю вину на ближайшихъ помощниковъ Главнокомандующаго, генераловъ Плющевскаго-Плющикъ и Романовскаго. Послѣднему онъ, по его словамъ, неоднократно указывалъ на ошибочность нашей стратегіи, неминуче долженствовавшей привести насъ къ крушенію. Въ отвѣтъ на эти указанія, генераль Романовскій однажды, будто бы, отвѣтилъ: «Все то, что вы говорите, вѣрно, но именно такимъ образомъ мы спутываемъ всѣ карты противника».

Въ заключеніе генераль Сидоринъ просилъ меня передать ему обратно въ армію донцовъ генерала Мамонтова, на что со стороны Главнокомандующаго, въ случаѣ моего согласія, препятствій не встрѣчалось. Генераль Сидоринъ раз считывалъ, что Донскому командованію удастся привести части въ порядокъ. Я не возражалъ. Донцы, по донесеніямъ генерала Улагая, не только не представляли боевой силы, но примѣромъ своимъ развращали сосѣднія части.

Въ предѣлахъ Таганрогскаго округа дѣйствовала уже донская власть. Съ отходомъ туда арміи возникалъ цѣлый рядъ мобилизаціонныхъ и другихъ вопросовъ, разрѣшить которые, безъ мѣстной власти, я не могъ. Я предполагалъ въ ближайшіе дни изъ Харцызска проѣхать въ Ростовъ и предложилъ генералу Сидорину съѣхаться тамъ, дабы совмѣстно съ нимъ на мѣстѣ разрѣшить эти вопросы. Разрѣшеніе ихъ путемъ сношеній черезъ ставку и атамана, какъ приходилось не разъ убѣждаться изъ опыта, затянулось бы безконечно.

Въ Ростовъ хотѣлъ я просить пріѣхать и генерала Покровскаго, для разрѣшенія совмѣстно съ нимъ цѣлага ряда вопросовъ, связанныхъ съ передачей изъ Кавказской арміи въ Добровольческую тыловыхъ запасовъ и учреждений тѣхъ войскъ, которыя были переданы изъ состава Кавказской арміи.

Мы условились съ генераломъ Сидоринимъ, что о времени моего пріѣзда въ Ростовъ я извѣщу его заблаговременно телеграммой.

13-го, 14-го и 15-го декабря Донская и Добровольческая арміи продолжали по всему фронту отходить.

Конница генерала Улагая перешла въ районъ станціи Алмазная — станція Алчевская — Селезневка — Яшиково. Пѣхота 1-го корпуса безъ давленія противника и пользуясь мѣстами желѣзнодорожными перевозками, согласно приказа командира корпуса, отходила. Марковская дивизія — въ районъ Баронское — станція Чернухино — станція Дебальцево, Корниловская — къ станціи Горловка, 2-ая дивизія — на фронтъ Луганское — Курдюмовка. Отъ Дроздовской дивизіи, отошедшей на фронтъ Райское — Веселое (30 верстъ западнѣ Бахмута), свѣдѣній 15-го не поступало. Не закончившая формированіе Особая бригада выдвинута была въ районъ Воздвиженская (сѣверо-западнѣ станціи Очеретино). Остаткамъ Алексѣевской дивизіи, не успѣвшей укомплектоваться и въ сущности небоеспособной, приказано было стягиваться къ станціи Никитовка, для переброски въ районъ станціи Неклиновка (20 верстъ сѣвернѣ Таганрога), гдѣ дивизія должна была принять подходящія пополненія.

Группа генерала Кальницкаго отошла въ районъ Казенно-Торское — Ивановка, имѣя Полтавскій отрядъ въ районѣ Добренькая — Александрополь.

Добровольческіе полки отходили въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, по колѣно въ снѣгу и грязи. Лошади артиллеріи и обозовъ выбивались изъ силъ и падали. Многочисленныя, орудовавшія въ тылу шайки возставшихъ крестьянъ, нападали на отсталыхъ и одиночныхъ людей.

На фронтѣ войскъ генерала Шиллинга нами взорваны были мосты у Кременчуга и Черкассь. На всемъ фронтѣ отъ Кременчуга до Триполья противникъ подошелъ къ Днѣпру, переправившись черезъ него у Переяслава.

15-го декабря Главнокомандующій отдалъ новую директиву № 016336:

«Противникъ продолжаетъ наступленіе, нанося главный ударъ въ разрѣзъ между Донской и Добровольческой арміями.

Имѣя въ виду сокращеніе фронта арміи и надежное прикрытіе наиболее важныхъ районовъ, впредь до сосредоточенія силъ и перехода въ наступленіе, приказываю:

1. генералу Покровскому, начавъ теперь же планомѣрную эвакуацію Царицына, отходить за линію рѣки Сала (Торговое — Цымлянская), для прикрытія Ставропольскаго и Тихорѣцкаго направленій.

Одну кубанскую конную дивизию выдѣлить въ мой резервъ, на правивъ ее въ районъ станицъ Хомутовской, Ольгинской, Манычской;

2. Донской и Добровольческой арміямъ прикрыть Ростовское и Новочеркасское направленія;

а) генералу Сидорину, поддерживая правымъ своимъ крыломъ связь съ Кавказской арміей и задерживаясь на удобныхъ оборонительныхъ рубежахъ, постепенно отойти на линію Цымлянская — Усть-Бѣлокалитвенская — Каменская — Ровеньки;

б) генералу Врангелю, продолжая отходъ на намѣченную линію (Ровеньки — Дьяково — Матвѣевъ Курганъ — Лиманъ Миусскій), сосредоточить главныя силы къ своему правому крылу, Возможно дольше удерживать, хотя бы бронепоездами съ десантами ж. д. узлы: Чистяково, Криничная, Доля;

в) начальнику инженерныхъ снабженій принять всѣ мѣры къ наискорѣйшему укрѣпленію Ростово-Новочеркасскаго плацдарма, линіи рѣкъ Тузловъ и Донской Чулекъ.

На этой позиціи въ случаѣ надобности будетъ данъ решительный отпоръ противнику.

3. генералу Шиллингу продолжать выполненіе прежней задачи, поставивъ главной цѣлью прикрытіе и оборону Крыма и Сѣверной Тавріи;

4. генераламъ Тяжельникову и Эрдели выполнять прежнія задачи.

5. Разграничительныя линіи: между Кавказской и Донской арміями — р. Донъ отъ ст. Трехъ-Островянская до ст. Романовской и далѣе слобода Мартыновка — ст. Батлаевская — Каменный мостъ (всѣ пункты для Кавказской арміи). Остальныя разграничительныя линіи прежнія.

6. О полученіи донесите».

Одновременно прибылъ изъ Таганрога ординарецъ, возившій генералу Деникину мое письмо отъ 10-го и рапортъ отъ 11-го декабря и привезъ мнѣ письмо генерала Деникина:

«Главнокомандующій Вооруженными Силами на Югѣ Россіи.

13 декабря 1919 года.

Глубокоуважаемый Петръ Николаевичъ,

Ваше письмо меня глубоко тронуло.

Въ такомъ содружествѣ и чувства и работы — источникъ силъ и на деждъ въ тяжкое время переменъ боевого счастья. Но оно вернется. Я въ это глубоко вѣрю.

А Вашъ душевный порывъ, повѣрьте, нашелъ самый искренній откликъ. Отъ души желаю Вамъ счастья и успѣха

А. Деникинъ.

Многія Ваши пожеланія частью были проведены, частью проводятся въ жизнь

А. Д.».

Казалось, Главнокомандующій въ полной мѣрѣ оцѣнивалъ мое побужденіе. Однако въ тотъ же день, несколькими часами позже, я получилъ телеграмму, адресованную всѣмъ командующимъ арміями, гдѣ указывалось, что нѣкоторые начальники позволяютъ себе предъявлять требованія въ недопустимой формѣ, грозя уходомъ, что подобныя обращенія недопустимы и Главнокомандующій требуетъ отъ подчиненныхъ непрекословнаго повиновенія.

Это былъ отвѣтъ на поданные мною рапорты.

Полтора мѣсяца позже, въ Новороссійскѣ, генераль Лукомскій говорилъ мнѣ, что, получивъ отъ меня копію рапорта моего Главнокомандующему отъ 9-го числа, онъ, во время очередного доклада генералу Деникину, заговорилъ о необходимости, въ виду приближенія къ Таганрогу и Ростову фронта, начать эвакуацію этихъ городовъ.

Генераль Деникипъ насторожился;

— «Видно вы также получили от генерала барона Врангеля копию того рапорта, который он подал мне; стоит только посмотреть на мой экземпляр, как убьдись, что с него снято несколько копий».

Генерал Деникин впоследствии не мог мне простить того, что рапорт мой, указывавший на ошибки главного командования, стал известен от меня, хотя бы его ближайшим помощникам. Он готов был подозревать меня в намеренном размножении этого рапорта с целью дискредитирования его стратегии и политики. Об этом впоследствии писал мне сам генерал Деникин...

По передаче в Донскую армию 4-го Донского корпуса, конная группа генерала Улагая была сведена в бригаду. Во главе последней оставался полковник Фистиков. Генералы Улагай и Науменко выехали в Екатеринодар. На фронт положение оставалось очень тревожным. Конница красных настойчиво продолжала продвигаться вперед. Часть этой конницы, численностью до дивизии большого состава обрушилась на 4-ый донской корпус генерала Мамонтова в район Илимия — Юрьевка и жестоко потрепала его. Остатки корпуса сосредоточились в район станции Ровеньки.

Одновременно, Буденный с шестью полками обрушился на части полковника Фостикова у станции Мануйловка и отбросил их к станции Депрерадовка, откуда полковник Фостиков перешел 16-го декабря к станции Чернухина. Оставив шесть конных полков действовать на фронт Городище — Чернухина, Буденный 4-мя полками двинулся в район Депрерадовка — Дебальцево, вытеснил отсюда Марковскую дивизию и продолжал движение с этими четырьмя полками на Ольховатку. Наши части отходили на юг. Одновременно еще одна бригада конницы Буденного была обнаружена в район Троицкое — Луганское (в 12 верстах к северу от станции Хацпетовка).

Чтобы прикрыть направление на станции Криничная и Ясиновая в район станции Еникеево (10 верст южнее Хацпетовки) спешно была направлена 2-ая дивизия с фронта Государев Буерак — Зайцево — Курдюмовка. Дроздовская дивизия перешла в район станции Скотоватое. Корниловцы (без 3-го полка, направленного в Амвросиевку) из района станции Горловка по железной дороге сосредотачивались в район станции Безчинская. Я переходил с моим поездом на станцию Матвеев Кургань.

Разчитывая оттуда проехать в Ростов, я, согласно уговора с генералом Сидориним, телеграфировал ему и генералу Покровскому, прося их прибыть для выяснения совместно ряда вопросов. В виду того, что генерал Покровский не мог оставить свою армию без разрешения Главнокомандующего, я копию с посланной ему телеграммы послал генералу Романовскому. Неожиданно в ответ я получил телеграмму последнего, адресованную всем командующим армиями, где, от имени Главнокомандующего, указывалось на «недопустимость» моего обращения к командующим Донской и Кавказской армиями и передавалось требование Главнокомандующего командующим армиями без его разрешения «предъявлять своих армий не оставлять».

Повидимому, генерал Деникин в моей телеграмме усмотрел подготовку какого то «заговора» его ближайших помощников.

По мере приближения фронта к Таганрогу и Ростову тревога и неудовольствие в тылу росли. Все громче раздавались голоса, обвинявшие Главнокомандующего в катастрофе. Враждебными элементами неудовольствие это усиленно муссировалось, распространялись слухи о «готовящемся перевороте». Информации «вверх» Освага спешили об этом донести. Я сознавал, что дальше так продолжаться не может, что, при отсутствии должного доверия между Главнокомандующим и его ближайшими сотрудниками, работа невозможна... Я решил со станции Матвеев Кургань проехать в Таганрог и там честно и прямо объясниться с генералом Деникиным.

16-го декабря мне была сообщена в копии телеграмма начальника штаба главнокомандующего № 016412 на имя генерала Топоркова. Генерал Романовский телеграфировал:

«Главком назначает вас начальником своего резерва, сосредотачиваемого в район Новочеркасск — Ростов — ст. Аксайская. Состав резерва: 1 конная казачья дивизия, 1 терская пластунская бригада, конная бригада 2-ой терской дивизии. Ейская и Ставропольская школы для подготовки офицеров. Главком возлагает на Вас следующие задачи:

1. Скорѣйшее пополненіе и приведеніе въ порядокъ всѣхъ прибывающихъ въ составъ резерва Главкома частей;
2. Общее наблюденіе за постройкой Новочеркасско-Ростовской позици;
3. Принятіе мѣръ, дабы въ случаѣ необходимости, войска резерва Главкома могли принять на этой позици отходящія войска Донарміи и Доброарміи.

Оріентировка дана генералу-лейтенанту Стогову, командированному въ ваше распоряженіе».

По даннымъ развѣдывательнаго отдѣленія къ этому времени Добровольческая армія имѣла передъ собой части трехъ Совѣтскихъ армій. Противъ конной группы и 1-го корпуса дѣйствовали части XIII-ой арміи (пять пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ дивизій, три кавалерійскихъ дивизіи Буденнаго, три конныхъ бригады, три конныхъ полка и два отдѣльныхъ пѣхотныхъ полка). На Харьковскомъ направленіи дѣйствовала XIV-ая армія въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ дивизій (около 8.000 штыковъ, 40 орудій и 500 сабель). На фронтѣ, Константиноградъ — Кобеляки дѣйствовали части Особой арміи — одна дивизія, два особыхъ революціонныхъ партизанскихъ отряда и одинъ кавалерійскій полкъ, примерно 4 000 штыковъ и 800 сабель.

Общая численность: 23 — 32 тысячи штыковъ, 9 — 10 тысячъ сабель и 122 — 153 орудія. Противъ этихъ силъ держалась горсть людей выбившихся изъ силъ многостерстнымъ отступленіемъ, жестокими непрерывными боями и всевозможными лишеніями.

Параллельно преслѣдуемые красной конницей отходили Добровольческіе полки, увозя съ собою своихъ раненыхъ. Артиллерія и обозы вязли въ непролазной грязи, ихъ съ трудомъ приходилось вытаскивать войскамъ. Люди сутками не спали и не ѣли, однако, несмотря на всѣ лишенія, руководимые желѣзной рукой генерала Кутепова, доблестные полки сохраняли свой высокій духъ.

Главкомандующій, видимо, обезпокоенный общей обстановкой, опасался, что я, вопреки полученному приказанію, буду все же отходить на Крымъ. Генераль Романовскій послѣдніе дни нѣсколько разъ вызывалъ меня и начальника штаба къ аппарату, передавая требованіе генерала Деникина, не взирая на всѣ препятствія, во что бы то ни стало Добровольческую армію отводить на соединеніе съ донцами.

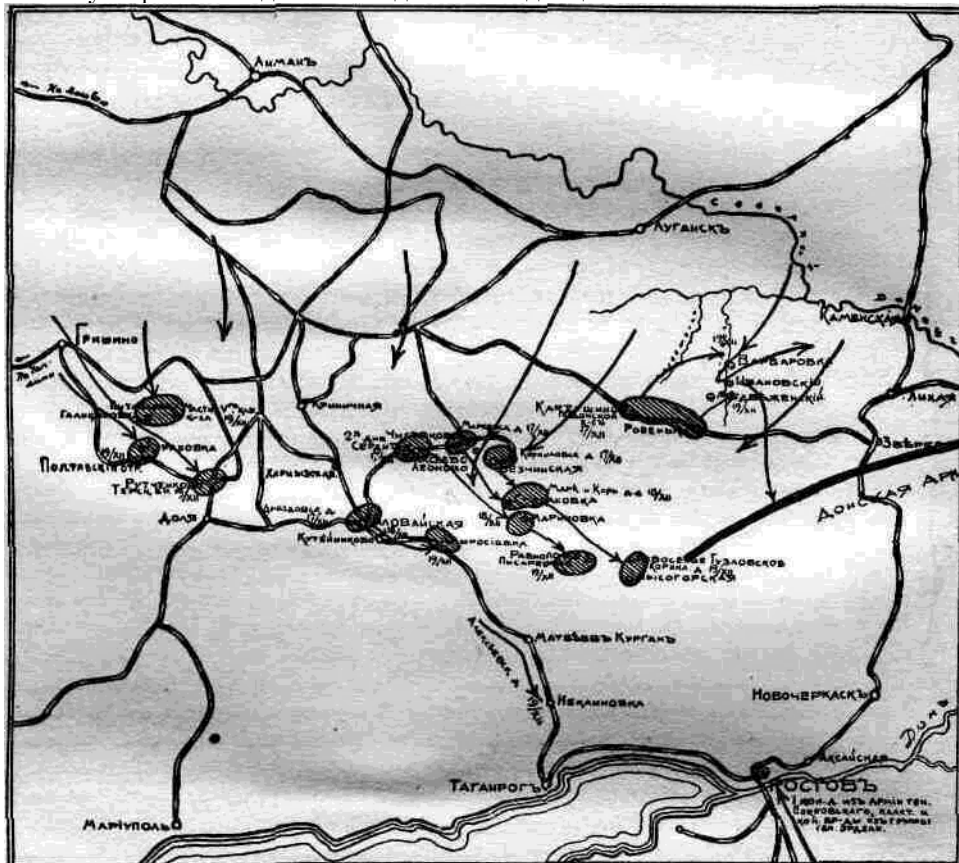

СХЕМА №28.

17-го декабря полковник Фостиковъ, оставивъ Чернухина (Схема № 28) продолжать отходить на юго-востокъ вдоль линии желѣзной дороги. Марковская дивизія, отходя съ боями изъ района Депрерадовка — Дебальцево, къ 17-ому декабря заняла 1-ымъ полкомъ районъ Чистяково, гдѣ съ утра начался бой. Красные наступали съ востока, запада и юга. 2-ой и 3-ий полки этой дивизіи и стрѣлковый полкъ 1-ой кавказской дивизіи были въ районѣ Иваново — Орловка, южнѣ Дебальцево, откуда 3-му полку приказано было двинуться на Разсыпную. 2-ая дивизія вела бой съ тремя пѣхотными и двумя конными полками красныхъ у Давидъ — Орловки (15 вѣрсть сѣверо-западнѣ станціи Сердитая) и къ вечеру отошла въ районъ Алексѣево-Орлово, откуда ей было приказано сосредоточиться въ районъ станціи Сердитая. Дроздовская дивизія получила приказаніе сосредоточиться въ районѣ станціи Харцыскъ.

Въ эти дни пріѣхалъ навѣстить меня начальникъ англійской миссіи генераль Хольманъ.

Я былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Очень доброжелательный и весьма порядочный человекъ, онъ былъ чрезвычайно смущенъ крупной переменной политики главы Англійскаго правительства. Въ газетахъ только что появилась рѣчь Ллойдъ-Джорджа, намъ явно враждебная. Я указалъ генералу Хольману на то тяжелое впечатлѣніе, которое рѣчь эта произвела въ арміи ее толковали, какъ измѣну намъ въ настоящіе тяжелые дни.

— «Позвольте говорить мнѣ съ вами, какъ съ другомъ. Все то, что ваше правительство сдѣлало для насъ, всю ту большую матеріальную и моральную помощь, которую Англія оказывала намъ послѣдніе мѣсяцы наша армія знала и симпатіи къ Англіи все болѣе росли. Теперь неизбѣжно должны наступить разочарованіе и естественное озлобленіе. Едва ли, независимо отъ внутренней политики Великобританіи, это въ вашихъ интересахъ. Наше положеніе весьма тяжело, однако, не безнадежно. Готовясь къ продолженію борьбы, мы въ то же время должны принять мѣры, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Я недавно писалъ генералу Деникину, что намъ необходимо войти въ соглашеніе съ союзниками объ эвакуаціи семей офицеровъ. Офицеръ не можетъ хорошо выполнять свой долгъ, когда онъ поглощенъ заботами объ участи своей жены и дѣтей.

Помощь семьямъ арміи со стороны англичанъ была бы высоко оцѣнена войсками и въ значительной мѣрѣ сгладила бы тяжелое впечатлѣніе отъ тѣхъ рѣчей англійскаго премьера, которыя извѣстны арміи изъ газетъ...».

Генераль Хольманъ чрезвычайно сочувственно отнесся къ моимъ словамъ. Онъ обѣщаль ходатайствовать въ этомъ направленіи передъ своимъ правительствомъ и переговорить по этому поводу съ командированнымъ для переговоровъ съ генераломъ Деникинымъ членомъ англійскаго парламента Макъ-Киндеромъ, пріѣздъ котораго ожидался со дня на день. Генераль Хольманъ впоследствии полностью выполнилъ свои обѣщанія.

Получивъ согласіе Главнокомандующаго, я выѣхалъ въ Таганрогъ. Генераль Деникинъ на этотъ разъ принялъ меня одинъ, генерала Романовскаго не было. Выслушавъ мой докладъ о положеніи на фронтѣ, генераль Деникинъ заговорилъ о томъ, что онъ намѣтилъ по соединеніи моей арміи съ Донской, Добровольческую армію свести въ корпусъ.

— «Въ дальнѣйшемъ придется объединить командованіе Донской арміей и Добровольческаго корпуса. Большинство частей будетъ донскихъ. Новочеркасскъ — столица Дона и донцы будутъ конечно настаивать, чтобы общее командованіе было ихъ, донское. Придется объединить командованіе въ рукахъ генерала Сидорина».

Генераль Деникинъ какъ будто искалъ доказательствъ необходимости такого рѣшенія. Я считалъ рѣшеніе это совершенно правильнымъ, о чемъ и сказалъ Главнокомандующему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ его вѣрить, что въ настоящіе тяжелые дни я готовъ принять на себя любую задачу, которую ему угодно было бы на меня возложить.

— «Если почему либо мнѣ въ арміи дѣла не найдется, то я, быть можетъ, могу быть полезнымъ въ тылу; наконецъ, ежели бы вы признали нужнымъ отправить кого либо въ Англію, то и тамъ...»

— «Ну, нѣтъ», сказалъ генераль Деникинъ, «конечно вамъ дѣло здѣсь найдется. Мы васъ не выпустимъ», улыбаясь добавилъ онъ.

— «Ваше превосходительство, разрѣшите мнѣ съ полной искренностью коснуться одного личнаго вопроса. Я ясно чувствую съ вашей стороны недоверіе и недоброжелательство...». Я бы хотѣлъ знать, чѣмъ оно вызвано».

— «Съ моей стороны? Помилуйте! Если оно есть, то, конечно, только съ вашей. Я со своей стороны, особенно въ началѣ, шелъ къ вамъ всей душой. Вы меня всячески старались

оттолкнуть. Ваши донесенія облекались въ такую форму, что я вынужденъ былъ скрывать ихъ отъ своихъ подчиненныхъ. Съ моей же стороны вы не можете указать ничего подобнаго».

— «Это не совсѣмъ такъ, ваше превосходительство; возьмите хотя бы вашу послѣднюю телеграмму о запрещеніи командующимъ арміями сѣхаться въ Ростовъ. Чѣмъ инымъ, кромѣ недовѣрія къ вашимъ помощникамъ, могу я ее объяснить; что же касается моихъ донесеній, то если они и были подчасъ рѣзкими, то это только отъ того, что я болѣзненно переживалъ всѣ горести моихъ войскъ».

Генераль Деникинъ всталъ:

— «Оставимъ все это», — сказала онъ, протягивая мнѣ руку. Мы расцѣловались. Однако, я ясно почувствовалъ, что наше объясненіе ничего не разъяснило. Генераль Деникинъ просто хотѣлъ скорѣе кончить тягостный для него разговоръ.

18-го декабря конница противника продолжала наступать. Части полковника Фостикова въ районѣ станціи Ровеньки соединились съ 4-ымъ донскимъ корпусомъ; послѣдній занималъ фронтъ Ровеньки — Картушино. Атаки красной конницы 4-ымъ донскимъ корпусомъ были отбиты. Корниловцы, въ районѣ станціи Безчинская, были атакованы конницей противника и стали отходить на югъ, но затѣмъ направлены были на село Степановку, куда отступали отъ Чистякова послѣ тяжелаго боя марковцы. При отходѣ три полка конницы противника отрѣзали и захватили обозъ корниловцевъ. 2-ая дивизія отходила отъ Сердитой на Степановку, дроздовцы, оставивъ полкъ для прикрытія эвакуаціи станціи Иловойская, отступали на станцію Кутейниково. Отходъ Марковской и 2-ой дивизіи совершался въ весьма тяжелыхъ условіяхъ. Марковцы, отступая отъ станціи Чистяково черезъ села Алексѣево — Леоново, были въ этомъ селеніи атакованы со всѣхъ сторонъ конницей красныхъ, потеряли всѣ обозы и артиллерию и часть пулеметовъ и едва пробилась къ селу Степановка, гдѣ расположились совмѣстно съ корниловцами. 2-ая дивизія, отступая отъ Сердитой на Степановку и Мариновку, проходя мимо Алексѣево — Леоново, также была атакована конницей красныхъ, и, отбивая ея атаки, отошла къ деревнѣ Мариновка, преслѣдуе мая частями 4-ой и 6-ой дивизій Буденнаго.

19-го декабря изъ района Степановки корниловцы были направлены въ районъ Новоселье Тузловское — Лысогорская. 2-ая дивизія выступила въ районъ Равнополье — Писаревка, что въ 20-ти верстахъ сѣверо-восточнѣе станціи Матвѣевъ Курганъ. Дроздовская дивизія сосредоточилась въ районѣ станціи Амвросіевка. Алексѣевская дивизія, не принимавшая участіе въ этихъ бояхъ, начала подходить къ станціи Неклиновка, куда она была направлена еще 14-го декабря.

Части группы генерала Кальницкаго къ этому времени отошли въ районъ станціи Рутченково (терская бригада) — станціи Кураховка (Полтавскій отрядъ) и селенія Питайловка — Голицыновка, (части 5-го кавалерійскаго корпуса).

По свѣдѣніямъ изъ другихъ армій⁵² — Кавказская армія закончила эвакуацію Царицына, Донская — оставила линію Сѣвернаго Донца. На лѣвомъ флангѣ 4-ый донской корпусъ, значительно пополненный и крутыми мѣрами командующаго Донской арміей приведенный въ нѣкоторый порядокъ⁵³, одержалъ побѣду, выбивъ противника изъ ряда хуторовъ, лежавшихъ въ балкахъ Должинъ и Медвѣженка, отбросивъ его на сѣверъ и занявъ хутора Ивановскій, Медвѣженскій и деревню Варваровку⁵⁴, при чемъ захвачено было 6 орудій и 12 пулеметовъ. Части войскъ Новороссіи на лѣвомъ берегу Днѣпра сосредоточились на линіи Покровское — Абазино; станціи Чаплино и Мечетная были заняты красными. На правомъ берегу Днѣпра у Кичкаса нашъ отрядъ велъ бой съ шайками Махно. Отъ Кременчуга наши части отошли на линію Александрія — Користовка. На Фастовскомъ направленіи мы отошли въ районъ Городище. На Винницкомъ и Жмеринскомъ направленіяхъ наши войска сосредоточились къ Зятковцы и Рахны.

Тяжелый, многосторонний фланговый маршъ моихъ войскъ былъ законченъ. Армія выполнила почти невыполнимую задачу и, отразивъ всѣ удары подавляющаго по численности

⁵² Схема № 26. Положеніе къ 20 декабря.

⁵³ Изъ однихъ только расформированныхъ огромныхъ обозовъ корпуса было отправлено въ строй 4 000 казаковъ.

⁵⁴ См. схему № 28.

врага, вышла на соединение съ донцами. Труднѣйшая операція эта рѣдкій примѣръ въ исторіи военного искусства. Выполнить ее могли лишь войска исключительной доблести.

19-го вечеромъ я выѣхалъ въ Ростовъ.

Я прибылъ въ Таганрогъ, когда стало уже совсѣмъ темно. Надъ городомъ стояло зарево пожара, горѣли какіе-то склады; на дебаркадерѣ вокзала стояла растерянная, объятая паникой толпа. Ставка оставляла городъ. Огромное число тыловыхъ учреждений и запасовъ не успѣли эвакуировать. Порядокъ въ городѣ совершенно отсутствовалъ. Объятые ужасомъ обыватели, ежеминутно ожидая прихода большевиковъ, бросились на вокзалъ и, узнавъ, что поѣздовъ не будетъ, въ отчаяніи метались по перрону. Многие пѣшкомъ и на подводахъ направлялись въ Ростовъ.

Ко мнѣ явился офицеръ Англійской миссіи. Онъ жаловался, что личный составъ миссіи, имущество и архивъ забыты штабомъ Главнокомандующаго; не смотря на рядъ обѣщаній предоставить для миссіи составъ, штабъ выѣхалъ, не исполнивъ даннаго обѣщанія. Я предложилъ миссіи размѣститься въ моемъ поѣздѣ, однако миссія не считала возможнымъ выѣхать, оставивъ на произволъ судьбы архивъ и служащихъ, помѣстить которыхъ въ поѣздѣ было нельзя.

Я обѣщалъ по пріѣздѣ въ Ростовъ сдѣлать все для срочной посылки за миссіей поѣзда. Впослѣдствіи мнѣ удалось это выполнить и англичане благополучно выѣхали. Помощи пришли просить также архимандритъ и нѣсколько монаховъ Курскаго Кореневскаго монастыря, сопровождавшихъ Чудотворную Икону Кореневской Божьей Матери, недавно торжественно перевезенную изъ Курска. Просьбы ихъ, обращенныя къ штабу Главнокомандующаго, оказались безплодны. Я помѣстил ихъ въ своемъ вагонѣ.

Поздно ночью я прибылъ въ Ростовъ. На утро Главнокомандующимъ на значено было совѣщаніе въ его поѣздѣ. Ждали пріѣзда изъ Новочеркаска генерала Сидорина. Вскорѣ поѣздъ командующаго Донской арміей прибылъ и я съ генераломъ Шатиловымъ зашелъ къ генералу Сидорину, чтобы вмѣстѣ идти къ Главнокомандующему. Я засталъ у него въ вагонѣ начальника его штаба генерала Келчевскаго. Генераль Сидоринъ возмущался дѣйствіями штаба Главнокомандующаго, жестоко обвиняя и генерала Деникина, и генерала Романовскаго. По его словамъ, со стороны ставки всякое руководство отсутствовало. Подходившіе со стороны Таганрога эшелоны совершенно забили желѣзнодорожный путь и эвакуація Новочеркаска пріостановилась. Весьма раздраженный, онъ выражался очень рѣзко. Возмущался и генераль Келчевскій:

— «Да что тутъ говорить. Достаточно посмотрѣть, до чего насъ довели. Разъ они съ дѣломъ справятся но могутъ, то остается одно — потребовать, чтобы они уступили мѣсто другимъ».

— «Сейчасъ ничего требовать нельзя», — возразилъ я, — «если сегодня что-либо потребуеете вы, то завтра всякій другой будетъ имѣть право предъявить свои требованья вамъ. Для меня какъ и для васъ очевидно, что генераль Деникинъ не въ силахъ остановить развалъ, справиться съ положеніемъ; но я считаю, что насильственное устраненіе главы арміи его подчиненными въ тѣ дни, когда на фронтѣ борьба, было бы гибельно. Спасти положеніе могъ бы только самъ генераль Деникинъ, если бы онъ созналъ, что съ дѣломъ справиться не въ силахъ и добровольно бы передалъ другому. Но объ этомъ нѣтъ рѣчи...»

Черезъ три мѣсяца генераль Деникинъ это сдѣлалъ. Но спасти дѣло уже было нельзя.

Намъ доложили, что Главнокомандующій насъ ждетъ.

У генерала Деникина мы застали генераловъ Романовскаго, Топоркова и Стогова. Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ начальникъ военныхъ сообщений генераль Тихменевъ. Мы только что сели, какъ Главнокомандующему доложили, что его желаетъ видѣть начальникъ Англійской миссіи генераль Хольманъ. Генераль Деникинъ приказалъ доложить, что у него совѣщаніе; однако генераль Хольманъ настаивалъ.

Главнокомандующій приказалъ его принять. Генераль Хольманъ только что получилъ телеграмму отъ прибывшаго въ Новороссійскъ г-на Макъ-Киндера. Послѣдній, отъ имени Великобританскаго правительства, уведомиль его о готовности Великобританіи оказать содѣйствіе по эвакуаціи и дать пріютъ семьямъ военнослужащихъ, больнымъ и раненымъ.

По уходѣ генерала Хольмана, Главнокомандующій ознакомилъ насъ съ общимъ положеніемъ и принятыми имъ рѣшеніями. Войска отводились на намѣченную

Главкомандующимъ позицію⁵⁵. Добровольческая армія сводилась въ корпусъ. Общее командованіе войсками на Новочеркасской и Ростовской позиціи вручалось генералу Сидорину. На меня возлагалась задача объявить «сполохъ» на Кубани и Терекѣ и спѣшно формировать тамъ казачью конницу. Тыловыя учрежденія Добровольческой арміи подлежали переформированію и передачѣ корпусу генерала Кутепова. Послѣдняя задача возлагалась на начальника штаба Добровольческой арміи. Я просилъ разрѣшенія Главкомандующаго взять съ собою генерала Шатилова, оставивъ замѣстителемъ его генерала Вильчевскаго. Главкомандующій согласился.

Отъѣздъ свой въ Екатеринодаръ я намѣтилъ на слѣдующій день. До вечера не прекращался потокъ посѣтителей, одни приходили справиться о положеніи, узнать причины оставленія мною командованія арміей, слухи о чемъ уже проникли въ городъ, другіе — съ просьбой оказать имъ содѣйствіе для выѣзда. Тревога, быстро возрастающая, начинала охватывать городъ. Росло и общее неудовольствіе, уже не стѣсняясь, громко обвиняли Главкомандующаго. Ползли темныя слухи о назрѣвающемъ «переворотѣ».

Слухамъ этимъ, ходившимъ уже давно, готовъ былъ вѣрить и самъ генералъ Деникинъ. 6-го декабря въ отдѣлѣ пропаганды государственной стражей былъ произведенъ неожиданный обыскъ и выемка документовъ, главнымъ образомъ «секретной информации». Былъ арестованъ рядъ лицъ, въ томъ числѣ корреспондентъ інформаціонной части при ставкѣ. Какъ оказалось, обыскъ и аресты произведены были по доносу, что будто бы противъ генераловъ Деникина и Романовскаго готовится покушеніе. Заговоръ, якобы, инспирировался крайними «монархическими» кругами. Негласнымъ руководителемъ заговора, будто бы, являлся самъ помощникъ Главкомандующаго генералъ Лукомскій. Конечно, по провѣркѣ, все дѣло оказалось чушью, однако, доносчикъ продолжалъ оставаться при генералѣ Романовскомъ для «информации».

Исторія эта какъ нельзя болѣе рисовала тотъ развалъ, который проникъ во всѣ отрасли государственнаго аппарата.

На ряду со шкурными, личными вопросами, поглотившими охваченнаго тревогой обывателя, Главкомандующій и ближайшіе къ нему общественные круги, какъ будто не замѣчая дѣйствительности, всецѣло казались поглощены были вопросами высшей политики. Только что генераломъ Деникинымъ данъ былъ Особомъ Совѣщанію наказъ отъ 15-го декабря, № 175, излагавшій основную программу политики Главкомандующаго:

1. Единая Великая и Недѣлимая Россія. Защита Вѣры. Установленіе порядка. Возстановленіе производительныхъ силъ страны и народнаго хозяйства. Поднятіе производительности труда.
2. Борьба съ большевизмомъ до конца.
3. Военная диктатура. Всякое давленіе политическихъ партій отменить. Всякое противодѣйствіе власти — справа и слѣва — карать. Вопросъ о формѣ правленія дѣло будущаго. Русскій народъ создастъ верховную власть безъ давленія и безъ навязыванія.

Единеніе съ народомъ.

Скорѣйшее соединеніе съ казачествомъ путемъ созданія Южно-Русской власти, отнюдь не растрчивая при этомъ правъ общегосударственной власти. Привлеченіе къ русской государственности Закавказья.

4. Внѣшняя политика — только національная, русская. Невзирая на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ — идти съ ними, ибо другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единеніе. «За помощь — ни пяди русской земли»

Далѣе слѣдовали еще рядъ пунктовъ.

15-го декабря былъ данъ наказъ Особому Совѣщанію, а 17-го само Совѣщаніе было упразднено. Оно замѣнялось «Правительствомъ при Главкомандующемъ», въ составѣ предсѣдателя и семи членовъ — начальниковъ управленій: военно-морского, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, торговли и промышленности, юстиціи и главныхъ начальниковъ сообщений и

⁵⁵ Укрѣпленная позиція эта существовала лишь на бумагѣ, значеніе ея было чисто «психологическое», какъ выразился Главкомандующій.

снабжений. Начальники управления иностранных дѣлъ и государственнаго контроля, не входя въ составъ правительства, подчинялись непосредственно Главнокомандующему. Начальники управленій земледѣлія, народнаго просвѣщенія и исповѣданій, не входя въ составъ правительства, подчинялись послѣднему.

Наконецъ, при правительствѣ учреждалось «Совѣщаніе по законодательнымъ предположеніямъ».

Изъ новыхъ людей въ правительство вошелъ статсъ-секретарь А. В. Кривошеинъ, назначенный начальникомъ управления снабженія; Н. В. Савичъ пошелъ къ нему въ помощники.

Созданіе Особаго Совѣщанія по законодательнымъ предположеніямъ доказывало, что, невзирая на тяжелое военное положеніе и утерю почти всей захваченной территоріи, готовились расширить государственное строительство. Особенно злбодневнымъ былъ «земельный вопросъ». Цѣлый рядъ земельныхъ проектовъ разрабатывался въ правительствѣ и обсуждался въ близкихъ къ нему политическихъ группахъ...

Я написалъ арміи прощальный приказъ. Въ немъ, дабы разсѣять нелѣпыя толкованія оставленія мною командованія арміей, я упоминалъ о томъ, что Главнокомандующій возложилъ на меня задачу собрать на помощь истекающимъ кровью войскамъ старыхъ моихъ соратниковъ — казаковъ. Я говорилъ о томъ, что я сталъ во главѣ арми въ грозные дни измѣны намъ боевого счастья: «Съ тѣхъ поръ», — писалъ я, — «вы шли по колѣно въ грязи, въ холодъ, въюгу и непогоду, отбивая удары во много разъ сильнѣйшаго врага». Въ заключеніе я благодарилъ начальниковъ и войска за проявленную стойкость и мужество.

Я рѣшилъ до объявленія приказа войскамъ, показать его Главнокомандующему и 21-го декабря проѣхалъ къ нему на станцію Нахичевань, гдѣ стоялъ его поѣздъ. Генералъ Деникинъ приказъ одобрилъ, ему лишь не понравилась фраза: «съ тѣхъ поръ вы шли...»

— «Вотъ, только это неладно, какъ будто до васъ они ничего не сдѣлали это можетъ имъ показаться обиднымъ».

Я тутъ же вычеркнулъ изъ приказа слова: «съ тѣхъ поръ...» Передъ отъѣздомъ я зашелъ въ вагонъ къ генералу Романовскому. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ, простужень. Казался усталымъ и угрюмымъ. Въ разговорѣ я между прочимъ спросилъ его:

— «Отдаетъ ли себѣ Главнокомаадующей ясный отчетъ въ томъ, насколько наше положеніе грозно».

— «Что же вы хотите, не можетъ же Главнокомандующій признаться въ томъ, что дѣло потеряно», — уклончиво отвѣтилъ онъ.

Среди паники, охватившей городъ, общаго неудовольствія, беспорядка и растерянности, я выѣхалъ въ Екатеринодаръ.

Послѣдніе дни въ арміи.

На вокзалѣ въ Екатеринодарѣ я былъ встрѣченъ генераломъ Науменко и чинами войскового штаба. Отпустивъ послѣднихъ, я пригласилъ генерала Науменко къ себѣ въ вагонъ. О возложенной на меня Главнокомандующимъ задачѣ было въ Екатеринодарѣ уже извѣстно. Военные круги моему назначенію весьма сочувствовали, что же касается кубанскихъ политиковъ, то, по словамъ генерала Науменко, самостійные круги уже начали враждебную мнѣ агитацию. Въ связи съ общимъ разваломъ, демагоги вновь подняли голову. Борьба между самостійниками и главнымъ командованіемъ снова разгоралась.

2-го января ожидалось открытіе въ Екатеринодарѣ Верховнаго казачьяго круга — казачьей думы, какъ его называли казаки. Въ кругъ входили около 150 предствителей отъ Дона, Кубани и Терека. Намѣчалось выработать конституцію «союзнаго казачьяго государства».

Новый атаманъ, генералъ Успенскій, тяжело заболѣлъ тифомъ⁵⁶ и отсутствіе атамана особенно способствовало борьбѣ политическихъ страстей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно неприятно поразили меня свѣдѣнія о работѣ на Кубани генерала Шкуро. Послѣдній, прибывъ изъ ставки, объявилъ по приказанію Главнокомандующаго «сполохъ», объѣзжалъ станицы, собиралъ станичные сборы. При генералѣ Шкуро состояли, командированный въ его распоряженіе начальникомъ военнаго управленія генераломъ Вязьмитиновымъ, генеральнаго штаба полковникъ Гонтаревъ, нѣсколько адъютантовъ и ординарцевъ. Въ составѣ его штаба

⁵⁶ Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

находились также два кубанских офицера — братья Карташевы. Последние, как мне было хорошо известно, были секретными агентами штаба Главнокомандующего. Об этом говорил мне в октябре генерал Романовский, предлагая воспользоваться услугами Карташевых при выполнении возложенной на меня Главнокомандующим задачи, по обузданию самостоятельной Рады, однако, я тогда не считал нужным этим предложением воспользоваться. Впоследствии один из Карташевых пытался весьма недвусмысленно уговорить состоящего при мне генералом для поручений полковника Артифехова быть через него, Карташева, осведомителем ставки.

Как я имел уже случай упомянуть, слезка за старшими командными лицами, включительно до ближайших помощников Главнокомандующего, велась ставкой систематически. Получив от полковника Артифехова должный отпор, Карташев попытался объяснить свои слова недоразумением и попыток своих не возобновлял. Теперь оба брата Карташевы, объезжая с генералом Шкуро станицы, вели против меня самую яркую агитацию, распространяя слухи о том, что я готовлю «переворот» с целью «провозгласить в России монархию» и «призвать немцев»⁵⁷. В основу этих бессмысленных инсинуаций ложился явно подлый расчет — произвести соответствующее впечатление с одной стороны на «демократическую» общественность, а с другой на англичан. Начальник штаба Английской миссии, выдающий дипломатическую часть, генерал Кийз находился как раз на Кубани и, надо думать, не без указаний из Лондона, ловил рыбу в мутной воде, усиленно за последнее время заигрывая с кубанскими самостоятельными. О данном Главнокомандующим генералу Шкуро поручений, мне ничего известно не было. Отношение мое к генералу Шкуро было известно генералу Деникину и не могло не быть известным и самому генералу Шкуро.

При создавшейся политической обстановке, выполнение возложенной на меня Главнокомандующим задачи, при отсутствии со стороны ставки должной поддержки, становилось, конечно, невозможным. Вместе с тем, учитывая грозное положение, я не считал возможным уклониться вовсе от работы. Я решил подробно ознакомиться с разработанными войсковыми штабами планами мобилизации и формирования кубанских и терских частей, дать соответствующие указания и необходимые инструкции командирам корпусов для дальнейшей работы их на местах, после чего, наладив дело, от него отойти. Я предупредил генерала Науменко, что на следующий день буду в войсковом штабе, где прошу начальника штаба сделать доклад по намеченным штабом мобилизации и формированиям, и что прошу к этому времени прибыть в штаб его, генерала Науменко, генерала Улагая и генерала Шкуро. Оказалось, что генерал Улагай также лежит в тифу. На другой день утром прибыл ко мне генерал Шкуро. Он с напускным добродушием и нарочитой простоватостью начал жаловаться на «строгое» мое к нему отношение:

— «Сам знаю, что виноват, грешный человек, люблю погулять и выпить. Каждому из нас палка нужна. Треснули бы меня по голове, я бы и гулять бросил, а то гляжу, командующий армией, наш Май, первый гуляет, ну нам, людям маленьким, и сам Бог велел...»

Мне стало мерзко и я поспешил закончить разговор.

В то же утро был у меня генерал Кийз. Он произвел на меня весьма неприятное впечатление, недоброжелательного и неискреннего человека. В разговор он весьма осторожно пытался критиковать действия главного командования, надеясь, вероятно, встретить во мне поддержку. Он обвинял генерала Деникина в недостаточной твердости, с одной стороны, и политической гибкости, с другой, указывая на то, что непримиримостью своей политики Главнокомандующий отталкивает готовых оказать нам всяческое содействие поляков, что будто бы и Балканские славяне готовы были бы, при известных шагах с нашей стороны, нас поддержать. Вскользь затронул он и вопрос о взаимоотношениях главного командования с казачеством, «справедливо желающем осуществить свои национальные чаяния».

Не встретив с моей стороны поддержки, он искусно перевел разговор на другую тему и стал сетовать на отсутствие единения между русской эмиграцией и на неудачный подбор наших дипломатических представителей, на которых, по его словам, в

⁵⁷ Генерал Науменко ознакомил меня с рядом донесений контр-разведывательного отделения кубанского войскового штаба, не оставлявших сомнений в ныне изложенном.

значительной мѣрѣ падала вина за безразличное или враждебное отношеніе къ бѣлому движенію за границей. Онъ, видимо, хотѣлъ переложить на насъ самихъ отвѣтственность за новый, открыто враждебный бѣлому движенію, курсъ англійской политики.

Разработанный войсковымъ штабомъ мобилизаціонный планъ я полностью одобрилъ, внеся лишь несущественныя поправки. По расчетамъ штаба, Кубань могла въ теченіе шести недѣль выставить до 20 000 конницы, намѣчалось формированіе трехъ корпусовъ. Казаками Ейскаго и Таманскаго отдѣловъ должны были быть укомплектованы полки корпуса генерала Топоркова. Генераль Науменко долженъ былъ собирать казаковъ линейцевъ и лабинцевъ. Генераль Шкуро — казаковъ Баталпашинскаго отдѣла. Мы намѣтили и обсудили совмѣстно главнѣйшіе вопросы, дальнѣйшая работа должна была вестись на мѣстахъ.

Вечеромъ я выѣхалъ въ Пятигорскъ, гдѣ, совмѣстно съ генераломъ Эрдели, войсковымъ атаманомъ генераломъ Вдовенко и начальникомъ терской дивизіи генераломъ Агоевымъ, также разработалъ мѣры по укомплектованію терскихъ частей.

Изъ разговоровъ съ казачьими правителями Терека и Кубани я вынесъ убѣжденіе, что и здѣсь не вѣрили въ возможность возстановленія генераломъ Деникинымъ нашего положенія. Но если и я, и другіе помощники Главнокомандующаго въ тревогѣ за участь нашего дѣла предлагали тѣ или иныя стратегическія рѣшенія, указывали на желательность тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, на необходимость замѣны оказавшихся не на мѣстѣ лицъ, то среди казачьихъ верховъ возможность спасти положеніе видѣли въ реорганизаціи самой власти. Съ отходомъ армій въ казачьи предѣлы выдвигались предположенія о созданіи общеказачьей власти, самостоятельной въ вопросахъ политики внутренней и внѣшней. За Главнокомандующимъ предполагалось оставить лишь оперативное руководство войсками.

Вечеромъ 24-го декабря я выѣхалъ въ Кисловодскъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день ѣхать въ Батайскъ, гдѣ въ поѣздѣ находился Главнокомандующій.

Мы собирались въ вагонѣ встрѣчать сочельникъ, когда къ дебаркадеру Кисловодскаго вокзала подошелъ ярко освѣщенный поѣздъ. Въ Кисловодскъ прибылъ навѣстить проживающую тамъ свою семью генераль Шкуро. Гремѣли трубачи, на площадкахъ и въ окнахъ вагоновъ мелькали волчьи папахи. Генераль Шкуро зашелъ ко мнѣ, чтобы просить меня съ женою отобѣдать у него 25-го. Мы пытались отказываться, однако, онъ настаивалъ, говоря, что сочтетъ себя обиженнымъ въ случаѣ нашего отказа. Пришлось согласиться. Отобѣдавъ у генерала Шкуро, я вечеромъ выѣхалъ въ Батайскъ.

На станціи Тихорѣцкая располагался въ поѣздѣ штабъ командующаго Кавказской арміей. Армія отходила вдоль желѣзной дороги Царицынъ — Великокняжеская, ведя все время тяжелые бои. Въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ жестоко пострадали гренадеры, причѣмъ убитъ былъ начальникъ гренадерской дивизіи полковникъ Чичинадзе, бывший командиръ стрѣлковаго полка 1-ой конной дивизіи, въ бытность мою ея командующимъ. Генераль Покровскій ѣхалъ къ Главнокомандующему и просилъ меня прицѣпить его вагонъ къ моему поѣзду.

На станціи Тихорѣцкая мнѣ вручили телеграмму генерала Романовскаго, адресованную старшимъ начальникамъ. Въ ней сообщалось о томъ, что «начальникъ штаба Добровольческой арміи генераль Шатиловъ, самовольно оставивъ фронтъ, выѣхалъ въ тылъ съ генераломъ Врангелемъ» и что Главнокомандующій приказалъ «о дѣйствіяхъ генерала Шатилова произвести разслѣдованіе». Телеграмма эта передавалась мнѣ въ поѣздѣ на всѣхъ послѣдующихъ станціяхъ по пути слѣдованія.

Разрѣшеніе генералу Шатилову выѣхать со мною на Кавказъ, было мною испрошено непосредственно у Главнокомандующаго, причѣмъ присутствовалъ и генераль Романовскій. Генераль Деникинъ тогда же на мою просьбу отвѣтилъ утвердительно, согласившись на мое предложеніе замѣстителемъ начальника штаба оставить генерала Вильчевскаго. Упомянутая телеграмма могла имѣть лишь одну цѣль — опорочить генерала Шатилова въ глазахъ арміи. Ударъ былъ косвенно направленъ на меня.

Я прибылъ въ Батайскъ 26-го утромъ и, въ сопровожденіи генераловъ Покровскаго и Шатилова, прошелъ къ Главнокомандующему. Въ вагонѣ послѣдняго мы застали генераловъ Романовскаго и Драгомирова. Въ районѣ Ростова съ утра шелъ жестокой бой. Конница «товарища» Думенко, потѣснивъ 10-ую донскую бригаду, обнажила флангъ нашихъ частей, занимавшихъ Новочеркасско Ростовскую позицію. Новочеркасскъ былъ оставленъ донцами. Противникъ продвигался въ тылъ добровольцамъ къ Нахичевани и Ростову. Генераль

Романовскій настаивалъ на томъ, чтобы поѣздъ Главнокомандующаго перешелъ въ Тихорѣцкую. Генераль Деникинъ не соглашался.

Я сдѣлалъ докладъ Главнокомандующему о томъ, что сдѣлано было мною во исполненіе даннаго мнѣ порученія въ Екатеринодарѣ и Пятигорскѣ и вручилъ рапортъ, въ коемъ описывалъ общую политическую обстановку въ казачьихъ областяхъ, въ связи съ которой разсчитывать на продолженіе казаками борьбы, по моему мнѣнію, было трудно. Въ настоящихъ условіяхъ мы могли разсчитывать для продолженія борьбы исключительно на коренныя русскія силы. Удержаніе въ нашихъ рукахъ при этихъ условіяхъ юга Новороссіи приобрѣтало, по моему мнѣнію, нынѣ особое значеніе:

«Состоящій въ распоряженіи
Главнокомандующаго
Вооруженными Силами Юга Россіи.
Генераль-Лейтенантъ
Баронъ П. Н. Врангель.
25-го декабря 1919 г.
№ 8.
Г. Кисловодскъ.

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга Россіи.

РАПОРТЪ.

Въ связи съ послѣдними нашими неудачами на фронтѣ и приближеніемъ врага къ предѣламъ казачьихъ земель, среди казачества ярко обозначилось съ одной стороны недовѣріе къ Высшему Командованію, съ другой — стремленіе къ обособленности. Вновь выдвинуты предположенія о созданіи общеказачьей власти, опирающейся на казачью армію. За Главнымъ Командованіемъ проектомъ признается право лишь общаго руководства военными операціями, во всѣхъ же вопросахъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, общеказачья власть должна быть вполнѣ самостоятельной. Собирающаяся 2-го января въ Екатеринодарѣ казачья дума, должна окончательно разрѣшить этотъ вопросъ, пока разсмотрѣнный лишь особой комиссіей изъ представителей Дона, Кубани и Терека. Работы комиссіи уже закончены и соглашеніе по всѣмъ подробностямъ достигнуто. Каково будетъ рѣшеніе думы, покажетъ будущее. Терекъ, въ связи съ горскимъ вопросомъ, надо думать, займетъ положеніе обособленное отъ прочихъ войскъ. Отношеніе Дона мнѣ неизвѣстно, но есть основаніе думать, что онъ будетъ единоклубенъ съ Кубанью. Послѣдняя же, учитывая свое настоящее значеніе, какъ послѣдняго резерва Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, при условіи, что всѣ донскія и терскія силы на фронтѣ, а кубанскія части полностью въ тылу — стала на непримиримую точку зрѣнія. Желая использовать въ партійныхъ и личныхъ интересахъ создавшееся выгодное для себя положеніе, объединились всѣ партіи и большая часть старшихъ начальниковъ, руководимые мелкимъ честолюбіемъ.

Большевицки настроенные и малодушные поговариваютъ о возможности для новой власти достигнуть соглашенія съ врагомъ, прочіе мечтаютъ стать у кормила правленія. Есть основанія думать, что англичане сочувствуютъ созданію общеказачьей власти, видя въ этомъ возможность разрѣшенія грузинскаго и азербейджанскаго вопросовъ, въ которыхъ мы до сего времени занимали непримиримую позицію.

На почвѣ вопроса о новой власти агитація въ тылу нашихъ вооруженныхъ силъ чрезвычайно усилилась.

Необходимо опередить событія и учесть создавшееся положеніе, дабы принять незамедлительно опредѣленное рѣшеніе.

Съ своей стороны, зная хорошо настроеніе казаковъ, считаю, что въ настоящее время продолженіе борьбы для насъ возможно, лишь опираясь на коренныя русскія силы. Разсчитывать на продолженіе казаками борьбы и участіе ихъ въ продвиженіи вторично вглубь Россіи нельзя. Бороться подъ знаменемъ «Великая, Единая и Недѣлимая Россія» они больше не будутъ и единственное знамя, которое, быть можетъ, еще соберетъ ихъ во кругъ себя, можетъ быть лишь борьба за «Права и вольности казачества» и эта борьба ограничится, въ лучшемъ случаѣ, очищеніемъ отъ врага казачьихъ земель...

При этих условиях главный очаг борьбы должен быть перенесен на Запад, куда должны быть сосредоточены все наши главные силы.

По сведениям, полученным мною от генерала английской службы Кийза, есть полное основание думать, что соглашение с поляками может быть достигнуто. Польская армия, в настоящее время, представляет собой третью по численности в Европе (большевики, англичане, поляки). Есть основание рассчитывать на помощь живой силой дружественных народов (болгары, сербы).

Имья на флангах русской армии (Съверо-Западную и Новороссийскую) и в центре поляков, противобольшевицкия силы займут фронт от Балтийского до Черного моря, имья прочный тыл и обеспеченныя снабженіемъ.

Въ связи съ изложеннымъ, казалось бы необходимымъ принять мѣры къ удержанію юга Новороссіи, перенесенію главной базы изъ Новороссійска въ Одессу, постепенной переброскѣ на западъ регулярныхъ частей, съ выдѣленіемъ нынѣ же части офицеровъ для укомплектованія Съверо-Западной арміи⁵⁸, гдѣ въ нихъ огромный недостатокъ.

Генераль-Лейтенантъ Баронъ Врангель».

Закончивъ докладъ, я сказалъ, что «при создавшейся на Кубани обстановкѣ и ведущейся противъ меня съ разныхъ сторонъ агитаціи, я не считаю возможнымъ объединить командованіе кубанскихъ частей».

За весь мой докладъ генераль Деникинъ не проронилъ ни слова. Прочтя рапортъ, онъ отложилъ его въ сторону и продолжалъ молча слушать.

— «Такъ, что вы, Петръ Николаевичъ, рѣшительно отказываетесь командовать кубанцами», — спросилъ генераль Романовскій.

— «Да, при настоящей обстановкѣ, я не въ состояніи буду что-либо сдѣлать». Затѣмъ я вновь подтвердилъ, что не считаю возможнымъ въ настоящіе трудные дни сидѣть сложа руки, готовъ приложить свои силы для любой работы; если въ арміи мнѣ этой работы не найдется, то готовъ выполнять любую задачу въ тылу, въ частности считаю своимъ долгомъ вновь обратить вниманіе Главнокомандующаго на необходимость немедленнаго укрѣпленія Новороссійскаго района, который нынѣ является нашей главной базой.

— «Ну нѣтъ», — прервалъ меня Главнокомандующій, — «начавъ теперь укрѣплять Новороссійскъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ возможность пораженія морально это недопустимо».

Я счелъ излишнимъ возражать.

Генераль Шатиловъ вынулъ изъ кармана телеграмму генерала Романовскаго и вслухъ прочелъ ее:

— «Разрѣшите узнать, что это значитъ?», — видимо съ трудомъ сдерживаясь, обратился онъ къ начальнику штаба Главнокомандующаго.

Генераль Романовскій молчалъ. Меня взорвало:

— «Что это значитъ? По моему, это значитъ одно, что интриги, благодаря которымъ мы оказались здѣсь, и нынѣ продолжаются...»

Наступило неловкое молчаніе. Наконецъ генераль Романовскій что-то пробормоталъ о недоразумѣніи:

— «Позвольте мнѣ эту телеграмму, я разберусь», — свазалъ онъ, кладя бумагу въ карманъ.

Главнокомандующій сталъ прощаться.

— «Ваше превосходительство, разрѣшите мнѣ просить генерала барона Врангеля остаться», — обратился къ генералу Деникину генераль Романовскій.

Мы остались втроемъ.

— «Я хотѣлъ спросить васъ, Петръ Николаевичъ, къ кому относите вы ваши слова объ интригахъ. Если ко мнѣ, то не откажите подтвердить это въ присутствіи Главнокомандующаго», — сказалъ генераль Романовскій.

— «Удивляюсь, что зная меня, вы могли сомнѣваться, что ежели бы я хотѣлъ назвать васъ, то не сдѣлалъ бы это прямо. Я не знаю и знать не хочу, кто занимается этими интригами,

⁵⁸ Объ интернированіи Съверо-Западной арміи еще извѣстно не было.

одно определенно мне известно: что эти интриги плетутся уже давно. Примѣровъ недалеко искать. Возьмите хотя бы вашу телеграмму командующимъ арміями, съ указаніемъ Главнокомандующаго о недопустимости моей телеграммы Сидорину и Покровскому, когда я просилъ ихъ прибыть въ Ростовъ».

— «Положимъ, что, пославъ такую телеграмму, вы тоже были не правы», — угрюмо замѣтилъ генераль Деникинъ. Онъ всталъ и протянулъ мнѣ руку. Я откланялся и вышелъ.

Послѣ обѣда я зашелъ къ генералу Покровскому, гдѣ засталъ Донского атамана А. П. Богаевского и предсѣдателя Донского круга В. А. Харламова.

— «Я очень радъ, что вы зашли, Петръ Николаевичъ», — обратился ко мнѣ генераль Покровскій, — «я какъ разъ убѣждаю Африкана Петровича⁵⁹ намъ помочь. Съ отходомъ за Донъ, мы будемъ всецѣло въ лапахъ кубанскихъ самостійниковъ, въ полной зависимости отъ казаковъ. Необходимо привлечь къ себѣ казачью массу, лучшую часть казачества. Долженъ быть сдѣланъ яркій шагъ, указывающій, что Главкомандующій казакамъ вѣрить и рѣшительно ставить крестъ на прошлое. Вы знаете, какой ненавистью пользуется у казаковъ Особое Совѣщаніе, которое считаютъ виновникомъ всѣхъ золъ. Хотя сейчасъ Особое Совѣщаніе и упразднено, но правительство осталось прежнее, вышедшее изъ состава этого совѣщанія. Надо убѣдить Главкомандующаго, что въ настоящихъ условіяхъ необходимо призвать въ составъ правительства такихъ лицъ, которымъ казаки довѣряютъ. Я считаю, что единственнымъ лицомъ, могущимъ въ настоящихъ условіяхъ быть главою правительства, какъ лицо пріемлемое для казаковъ и въ то же время близкое Главкомандующему и всему нашему дѣлу — это генераль Богаевскій».

Соображеніямъ генерала Покровскаго нельзя было отказать въ извѣстной основательности.

— «Что же дѣлать, если я могу быть полезнымъ дѣлу, то я согласенъ», — сказалъ генераль Богаевскій.

Нашъ разговоръ прервалъ вошедшій генераль Келчевскій. Съ фронта были получены тревожныя свѣдѣнія. Обойденные съ фланга и тыла Добровольцы отходили на лѣвый берегъ Дона. Дроздовцы и корниловцы проходили черезъ Ростовъ и Нахичевань, когда городъ уже былъ занятъ большевиками. Нашимъ частямъ приходилось пробиваться. Поѣздъ Главкомандующаго отходилъ въ Тихорѣцкую. Несколькими часами позже туда же выѣхали и мы.

27-го утромъ генераль Покровскій зашелъ за мной. Мы вмѣстѣ прошли къ Главкомандующему. У него находился уже генераль Романовскій. Генераль

Покровскій сталъ говорить тоже, что говорилъ мнѣ вчера. Не давъ ему окончить, генераль Деникинъ прервалъ его:

— «Этого никогда не будетъ», — рѣзко заявилъ онъ.

Генераль Романовскій, обратясь ко мнѣ, сказалъ, что Главкомандующій согласился съ необходимостью немедленно начать работы по укрѣпленію Новороссійскаго раіона, что организацію и наблюденіе за работами Главкомандующій возлагаетъ на меня, для чего въ мое распоряженіе командируется начальникъ инженерной части полковникъ Баумгартенъ со своими чинами.

Я просилъ разрѣшенія взять съ собой генерала Шатилова и личный мой штабъ, а также оставить въ моемъ распоряженіи извѣстное число вагоновъ изъ состава моего поѣзда, такъ какъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, помѣщенія въ Новороссійскѣ найти нельзя

— «Я полагаю, что со стороны Главкомандующаго препятствій не будетъ», сказалъ генераль Романовскій.

Генераль Деникинъ, молча, утвердительно кивнулъ головой. За все время общаго разговора, генераль Деникинъ не сказалъ мнѣ ни слова. Это была послѣдняя моя съ нимъ встрѣча.

28-го утромъ я прибылъ въ Екатеринодаръ и узналъ отъ генерала Покровскаго, что наканунѣ вечеромъ генераль Деникинъ предложилъ генералу Богаевскому стать во главѣ правительства, на что послѣдній согласился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Деникинъ пошелъ еще на одну уступку казакамъ, рѣшивъ изъ кубанскихъ частей сформировать отдѣльную Кубанскую армію. Въ Екатеринодарѣ оказался генераль Шкуро, направлявшійся въ Тихорѣцкую. Онъ

⁵⁹ Богаевского.

зашелъ ко мнѣ и сообщилъ, что получилъ телеграмму генерала Деникина, вызывающаго его къ себѣ. Вызовъ свой въ ставку онъ объяснялъ тѣмъ, что Главнокомандующій намѣчаетъ должность командующаго Кубанской арміи предложить ему.

Черезъ день назначенію генерала Шкуро состоялось.

Я прибылъ въ Новороссійскъ 29-го декабря. городъ въ эти дни, донельзя за битый многочисленными эвакуированными учреждениями, переполненный огромнымъ количествомъ бѣженцевъ, представлялъ собой жуткую картину. Безпрерывно дулъ обычный въ эту пору ледяной нордъ-остъ. Въ нетопленныхъ домахъ ютились среди жалкихъ спасенныхъ пожитковъ напуганные, лишившіеся своего имущества, выбитые изъ колеи бѣженцы. Свирѣпствовали тифъ, ежедневно унося сотни жертвъ. На забитой эшелонами станціи стояло большое число санитарныхъ поѣздовъ; больныхъ и раненыхъ не успѣвали разгружать. Благодаря спѣшной эвакуаціи въ условіяхъ крайне тяжелыхъ, смертность среди больныхъ чрезвычайно возросла. Приходящіе санитарные поѣзда привозили десятки мертвецовъ. Ихъ на вокзалѣ выносили изъ вагоновъ, складывали на тельги и, кое-какъ прикрывъ рогожей или брезентомъ, везли по городу. Изъ подъ покрышки торчали околѣнѣвшія руки, ноги, виднѣлись оскаленныя лица мертвецовъ. Невольно вспоминался оцѣпленный нашими войсками зимою 1918 года большевицкій Кисловодскъ.

Въ Новороссійскѣ собрались всѣ члены бывшаго Особата Совѣщанія и многочисленныя гражданскія и военныя управленія. Генераль Деникинъ, предложивъ генералу Богаевскому составить новое правительство, просилъ телеграммой генерала Лукомскаго временно продолжать выполнять обязанности предсѣдателя правительства. Власть въ городѣ осуществлялась военнымъ губернаторомъ генераломъ Тяжельниковымъ и комендантомъ города генераломъ Корвинъ-Круковскимъ... Многочисленное начальство отдавало каждый свои распоряженія, сплошь и рядомъ противорѣчивыя. Въ связи съ общимъ разваломъ, ощущалось безвластіе.

Въ день моего пріѣзда я былъ у генерала Лукомскаго и губернатора, общавшихъ мнѣ всяческое содѣйствіе въ выполненіи возложеннаго на меня порученія. Я собралъ совѣщаніе изъ представителей губернатора, комендатуры, Краснаго Креста, Земскаго и Городскаго союзовъ, имѣющее цѣлью организовать окопныя работы и наладить помѣщеніе и продовольствіе для рабочихъ командъ. Нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба высланы были на рекогносцировку намѣченной позиціи.

Рекогносцирующимъ партіямъ приходилось придавать конвой, такъ какъ кругомъ города уже дѣйствовали «зеленые». Конвой назначался отъ разнаго рода тыловыхъ командъ, такъ какъ войскъ въ городѣ не было. Съ большимъ трудомъ преодолевъ препятствія всякаго рода, все же удалось черезъ нѣсколько дней наладить работы. Для технического руководства работами былъ привлеченъ бывший начальникъ военно-инженернаго управленія генераль Милеантъ. Генераль Лукомскій обратился ко мнѣ съ просьбой помочь ему и въ вопросѣ эвакуаціи. Я выработалъ, совмѣстно съ генераломъ Кійзъ, общій порядокъ записи, точно установилъ категоріи лицъ, имѣющихъ на эвакуацію право, образовалъ особое смѣшанное англо-русское бюро по регистраціи и записи эвакуирующихся, назначивъ моимъ представителемъ въ составъ бюро исполняющаго обязанности генерала для порученій при мнѣ полковника Артифксова. Онъ отлично справился съ дѣломъ.

31-го декабря посѣтилъ меня прибывшій изъ Англіи по порученію Великобританскаго правительства членъ Англійскаго Парламента г-нъ Макъ-Киндеръ. Онъ прибылъ въ сопровожденіи генерала Кійзъ. Послѣ обмѣна нѣсколькими общими фразами, г-нъ Макъ-Киндеръ просилъ моего разрѣшенія обратиться ко мнѣ съ однимъ весьма, по его мнѣнію, важнымъ вопросомъ. Щекотливость этого вопроса онъ въ полной мѣрѣ учитывалъ и просилъ меня, буде я не сочту возможнымъ на него откровенно отвѣтить, опредѣленно это сказать. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ полученную имъ изъ Лондона телеграмму, въ коей сообщалось о полученныхъ въ Варшавѣ свѣдѣніяхъ о происшедшемъ, якобы, на Югѣ Россіи переворотѣ, имѣвшимъ цѣлью замѣну генерала Деникина другимъ лицомъ. Этимъ лицомъ, будто бы, являюсь я. Г-ну Макъ-Киндеру указывалось провѣрить достовѣрность этихъ свѣдѣній.

Г-нъ Макъ-Киндеръ спросилъ меня, насколько эти свѣдѣнія вѣрны и на чемъ они основаны. Я отвѣтилъ, что глубоко цѣню его открытое, прямое обращеніе ко мнѣ и что безъ всякаго затрудненія съ особымъ удовольствіемъ готовъ отвѣтить на его вопросъ. Сообщенныя ему свѣдѣнія для меня не новы. Наши враги, пытаясь сдѣять смуту въ умахъ, давно эти и

подобныя имъ свѣдѣнія распространяють. Я во многомъ не сочувствовалъ политикѣ и стратегіи Главнокомандующаго, однако, добровольно пойдя за нимъ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не пойду противъ начальника, въ добровольное подчиненіе которому сталъ. Г-нъ Макъ-Киндеръ горячо благодарилъ меня и просилъ разрѣшенія сослаться на меня въ своемъ отвѣтѣ Великобританскому правительству. Я вновь подтвердилъ сказанное, повторивъ, что порукой этому является мое слово и вся прежняя моя боевая служба. Въ тотъ же день я рапортомъ донесъ Главнокомандующему объ имѣвшемся у меня съ г-номъ Макъ-Киндеромъ разговорѣ.

«Состояшій въ распоряженіи
Главнокомандующаго
Вооруженными Силами Юга Россіи.

Главнокомандующему Вооруженными
Силами Юга Россіи.

Генераль-Лейтенантъ
Баронъ П. Н. Врангель.
31-го декабря 1919 г.
№ 95.
Г. Новороссійскъ.

РАПОРТЪ.

Сего числа меня посѣтилъ представитель Великобританскаго Правительства г-нъ Макъ-Киндеръ, пожелавшій имѣть со мной секретный разговоръ.

Въ виду того, что г-нъ Макъ-Киндеръ обратился ко мнѣ какъ представитель иностраннаго государства, я считаю своимъ долгомъ донести Вамъ въ порядкѣ подчиненности о сущности затронутого имъ вопроса.

Г-нъ Макъ-Киндеръ сообщилъ мнѣ, что имъ получена депеша его правительства, требующая объясненій по поводу полученныхъ въ Варшавѣ свѣдѣній о якобы произведенномъ мною переворотѣ, причемъ, будто бы, я возглавилъ Вооруженныя Силы Юга Россіи. Г-нъ Макъ-Киндеръ высказалъ предположеніе, что основаніемъ для этого слуха могли послужить тѣ, будто бы непріязненные отношенія, которыя установились между Вашимъ Превосходительствомъ и мною, ставшія широкимъ достояніемъ; онъ просилъ меня съ полной откровенностью, буде признано возможнымъ, высказаться по затронутому вопросу. Я отвѣтилъ, что мнѣ извѣстно о распространеніи подобныхъ слуховъ и въ предѣлахъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, что цѣль ихъ, повидимому, желаніе подорвать довѣріе къ начальникамъ въ арміи и внести разложеніе въ ея ряды, почему въ распространеніи ихъ надо подозрѣвать работу непріятельской развѣдки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сказалъ, что пойдя за Вами въ началѣ борьбы за освобожденіе родины, я, какъ честный человекъ и какъ солдатъ, не могу допустить мысли о какомъ бы то ни было выступленіи противъ начальника, въ подчиненіе котораго я добровольно сталъ.

Г-нъ Макъ-Киндеръ спросилъ меня, можетъ ли онъ телеграфировать своему правительству, ссылаясь на мои слова, на что я вновь подтвердилъ сказанное раньше, уполномочивъ его передать своему правительству, что достаточной порукой сказаннаго явится данное мною слово и вся предыдущая моя боевая служба.

Объ изложенномъ доношу.

Генераль-Лейтенантъ Баронъ В р а н г е л ь ».

Отвѣта на этотъ рапортъ не послѣдовало.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда въ Новороссійскъ генераль Лукомскій получилъ телеграмму о назначеніи его Генераль-Губернаторомъ Черноморья. Отъ него отнынѣ зависѣло разрѣшеніе всѣхъ мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ вопросовъ.

Въ числѣ прочихъ, вѣдѣнію его отнынѣ подлежали и вопросы по укрѣпленію Новороссійскаго плацдарма. Возложенная на меня задача отпадала сама собой.

Между тѣмъ положеніе на фронтѣ продолжало ухудшаться. Наши части занимали фронтъ по лѣвому берегу Дона и Маныча. 6-го — 7-го января мы имѣли временный успѣхъ,

наша конница подь начальствомъ генерала Топоркова нанесла краснымъ жестокое пораженіе, при чемъ мы захватили нѣсколько орудій и много пулеметовъ.

Борьба между главнымъ командованіемъ и казаками продолжалась. 5-го января открылся Верховный кругъ. Силою вещей доминирующее значеніе приобрѣтали кубанцы — они были хозяевами. Кубанская Краевая Рада, собравшись подь новый годъ, спѣшила раздѣлать все, что сдѣлано было въ ноябрьскіе дни. Законодательная рада была возстановлена, атаманомъ выбранъ генераль Букретовъ, стоявшій издавна въ оппозиціи Главнокомандующему. Верховный кругъ проводилъ идеи «широкаго народоправства» и соглашался лишь на оставленіе въ рукахъ генерала Деникина правъ Главнокомандующаго. Все яснѣе становилось, что на Сѣверномъ Кавказѣ намъ не удержаться.

Тѣмъ временемъ войска генерала Слащева отошли за перешейки въ Крымъ. Въ Новороссіи наши части удерживались на линіи станція Долинская — станція Чабановка — Елизаветградъ — Плетеный — Ташлыкъ — Кривое Озеро (около 40 верстъ къ юго-западу отъ Ольвіополя). Наши бронепоезда доходили до станціи Жмеринка.

Въ связи съ тяжелой обстановкой на Кавказѣ, взоры всѣхъ невольно обращались на западъ. Крымъ и Новороссія приобрѣтали особое знаніе, какъ послѣднее убѣжище.

Между тѣмъ оттуда поступали тревожныя свѣдѣнія. И въ Крыму и въ Новороссіи войска находились, видимо, въ ненадежныхъ рукахъ. По слухамъ, генераль Слащевъ, лично храбрый и рѣшительный, какъ самостоятельный начальникъ, былъ совершенно не на мѣстѣ. Его пристрастіе къ наркотикамъ и вину было хорошо извѣстно. Генераль Шиллингъ, какъ начальникъ, не пользовался должнымъ авторитетомъ. Въ арміи и обществѣ это отлично учитывали и все громче раздавались голоса о необходимости замѣны этихъ начальниковъ.

16-го января наша конница подь начальствомъ генерала Павлова имѣла крупный успѣхъ, разбивъ красную конницу товарища Буденнаго, причемъ нами за хвачено 40 орудій.

Генераль Деникинъ выступалъ на кругѣ, настаивая на сохраненіи въ рукахъ Главнокомандующаго полноты власти и предлагая образованіе законо-совѣщательной палаты и образованіе правительства съ включеніемъ казачьихъ представителей. Онъ заявилъ, что никакого «союзнаго казачьяго государства» онъ не признаетъ, и если таковое будетъ создано, то онъ съ добровольцами уйдетъ. Въ заключеніе онъ указалъ, что ставитъ себѣ цѣлью лишь возсозданіе Россіи, будущая форма правленія которой для него второстепенный вопросъ.

Какъ и можно было предвидѣть, предложенія Главнокомандующаго сочувствія не встрѣтили. Черезъ сутки генераль Деникинъ уступилъ и далъ согласіе на образованіе законодательной палаты и отвѣтственнаго министерства. Главнокомандующій отъ диктатуры отказывался. Въ послѣдующіе дни былъ сдѣланъ рядъ новыхъ уступокъ.

22-го января кругъ принялъ проектъ организациі новой власти. Отъ диктатуры не осталось и слѣда. Генераль Деникинъ признавался главой южно-русской власти — въ дальнѣйшемъ закономъ долженъ былъ быть установленъ порядокъ преемства власти. Сформированіе министерства поручено было предсѣдателю совѣта управляющихъ отдѣлами Донскаго правительства Н. М. Мельникову. Однако, послѣднему удалось сформировать правительство лишь къ двадцатымъ числамъ февраля. Пока продолжало дѣйствовать старое правительство генерала Лукомскаго.

Изъ Новороссіи продолжали поступать тревожныя свѣдѣнія. Наши части на всемъ фронтѣ отходили. Войска располагались въ трехъ группахъ: 1-ая — южнѣ Вознесенска, на линіи Новая Одесса — Ресилиново — Березовка, 11-ая — у Ольвіополя и III-ья — въ районѣ Гайворонъ — Рудница. Въ самой Одессѣ было безпокойно.

Неожиданно я получилъ телеграмму генерала Шиллинга.

«Если Вы согласны принять должность моего помощника по военной части, доложите Главкому и по полученіи разрѣшенія немедленно выѣзжайте. 14 января Нр 01025, Ш и л л и н г ъ».

Я немедленно проѣхалъ къ генералу Лукомскому и просилъ его снестись со ставкой. Будучи совершенно не ориентированъ въ положеніи на мѣстѣ, я просилъ дать мнѣ возможность прежде чѣмъ окончательно согласиться на предложеніе генерала Шиллинга, лично переговорить съ послѣднимъ и ознакомиться со всей обстановкой. 15-го января генераль Лукомскій телеграфировалъ Главнокомандующему:

«Генераль Врангель просилъ доложить Вашему Превосходительству что прежде чѣмъ дать окончательное согласіе на предложеніе Шиллинга ему хотѣлось бы

лично переговорить съ нимъ и ознакомиться со всей обстановкой Новороссіи почему онъ просить разрѣшенія теперъ же проѣхать къ генералу Шиллингу. Съ своей стороны присоединяюсь къ просьбѣ генерала Врангеля считаю полезной его поѣздку случаѣ Вашего принципиальнаго согласія на предложеніе Шиллинга. Если онъ съ Шиллингомъ сговорится то можетъ тамъ и остаться. 15 января 1920 года Нр 705/об. Лукомскій».

Отвѣтъ послѣдовалъ черезъ три дня:

«705/об. Главнокомандующій согласенъ назначеніе генерала Врангеля помощникомъ генерала Шиллинга, а также согласенъ на поѣздку генерала Врангеля для ознакомленія съ обстановкой съ тѣмъ что въ случаѣ согласія генерала Врангеля онъ тамъ остался.

Екатеринодаръ 18 января 1920 года Нр 001015 Романовскій».

Я хотѣлъ ѣхать немедленно, однако, правильнаго сообщенія съ Одессой не было, приходилось ждать до 27-го января, когда долженъ былъ отправиться въ Крымъ пароходъ Русско-Дунайскаго пароходства «Великій Князь Александръ Михайловичъ».

Съ 20-го стали поступать весьма тревожныя свѣдѣнія изъ Одессы. Борьба въ Новороссіи видимо подходила къ концу.

За три дня до отъѣзда я заѣхалъ къ генералу Лукомскому. Послѣднія свѣдѣнія сообщали объ угрожающемъ положеніи въ Одессѣ. Я просилъ генерала Лукомскаго справиться въ ставкѣ о положеніи и выяснить, стоитъ ли мнѣ ѣхать. Утромъ 25-го января генераль Лукомскій прислалъ мнѣ полученную имъ изъ штаба телеграмму:

«1091/об. Генералу Шиллингу даны указанія удерживать одесскій плацдармъ и только въ крайнемъ случаѣ войска могутъ быть переброшены въ Крымъ. Екатеринодаръ 25 января 1920 года Нр 702. Романовскій».

На подлинномъ резолюція генерала Лукомскаго: «Копію генералу Врангелю, начальнику штаба».

Между тѣмъ послѣднія свѣдѣнія ясно указывали, что паденіе Одессы слѣдуетъ ожидать съ часу на часъ. Одесса эвакуировалась, тыловыя учрежденія и войска направлялись въ Крымъ. Генераль Хольманъ, бывшій у меня въ этотъ день, показалъ мнѣ полученное имъ изъ Одессы радіо, сообщающее о томъ, что городъ черезъ нѣсколько часовъ будетъ сданъ. Генераль Хольманъ весьма рѣзко отзывался о дѣйствіяхъ генерала Шиллинга, указывая, что съ отходомъ войскъ Новороссіи въ Крымъ руководство обороной Перекопа перейдетъ въ руки генерала Шиллинга, а это знаменуетъ собой неминуемую потерю Крыма:

— «Я сообщилъ генералу Деникину полученныя мною свѣдѣнія, сказалъ генераль Хольманъ, «и написалъ ему, что, по моему мнѣнію, генераль Шиллингъ командовать войсками въ Крыму не можетъ и что единственный человекъ, который можетъ удержать Крымъ — это вы».

Генераль Лукомскій съ которымъ я видѣлся въ этотъ день, также говорилъ мнѣ, что послѣ всего того что происходило въ Одессѣ, поручить оборону Крыма генералу Шиллингу нельзя, и что онъ, генераль Лукомскій, настаиваетъ передъ Главнокомандующимъ на безотлагательной посылкѣ меня въ Крымъ, для принятія командованія.

Поздно вечеромъ я получилъ записку генерала Лукомскаго:

«25/1—20.

Многоуважаемый Петръ Николаевичъ,

Сейчасъ былъ у меня г. Хольманъ и сказалъ, что онъ получилъ телеграмму о томъ что главнокомандующій доволенъ дѣлами въ Крыму и Слащевымъ и поэтому не считаетъ необходимымъ чтобы Васъ направили въ Крымъ, а не въ Одессу. Будемъ надѣяться, что въ Одессѣ дѣла не такъ плохи и что Вамъ удастся ихъ совсѣмъ исправить. Глубоко Васъ уважающій и искренно преданный.

А Лукомскій»,

а черезъ нѣкоторое время и присланную имъ полученную отъ Главнокомандующаго телеграмму:

«1153/об. ГенеральСлащевъ исправно бьетъ большевиковъ и со своимъ дѣломъ справляется..Въ случаѣ отхода изъ Одессы въ командованіе войсками въ Крыму

вступить генераль Шиллингъ. Екатеринодаръ 25 января 1920 года Нр 00688 Деникинъ».

27-го января я получилъ телеграмму генерала Романовскаго:

«Въ виду оставленія нашими войсками Новороссіи и переѣзда генерала Шиллинга въ Крымъ, должность его помощника по военной части замѣщаться не будетъ о чемъ сообщаю по приказанію Главкома. Тихорѣцкая 27 января 20 года Нр 001793 Романовскій».

При этихъ условіяхъ, сознавая что мною воспользоваться не хотятъ и дѣла для меня ни въ арміи, ни въ тылу не находится, не желая оставаться связаннымъ службой и тяготясь той сѣтью жи которая безпрестанно плелась вокругъ меня, я рѣшилъ оставить армію.

27-го я подалъ прошеніе объ отставкѣ; одновременно возбудилъ ходатайство объ освобожденіи его от службы и генераль Шатиловъ. Я рѣшилъ, отправивъ семью въ Константинополь самому переѣхать въ Крымъ, гдѣ у насъ была дача.

При выходѣ изъ Новороссійска насъ слегка покачало, но при подходѣ къ Севастополю море было совсемъ спокойно. Мы едва успѣли бросить якорь, какъ подошелъ катеръ начальника штаба флота адмирала Бубнова. Поднявшись по трапу, адмираль Бубновъ прошелъ, прямо ко мнѣ. Онъ передалъ мнѣ просьбу пришедшаго наканунѣ на пароходѣ въ Севастополь генерала Шиллинга прибыть немедленно на квартиру командующаго флотомъ адмирала Ненюкова, гдѣ генераль Шиллингъ меня уже ждалъ.

Отъ адмирала Бубнова я узналъ кошмарныя подробности оставленія Одессы. Большое число войскъ и чиновъ гражданскихъ управленій не успѣли погрузиться. Въ порту происходили ужасныя сцены. Люди пытались спастись по льду, проваливались и тонули. Другіе, стоя на колѣняхъ, протягивали къ отходящимъ кораблямъ руки моля о помощи. Нѣсколько человекъ, предвидя неминуемую гибель, кончили самоубійствомъ. Часть арміи, во главѣ съ генераломъ Бредовымъ, не успѣвъ погрузиться, по имѣющимся свѣдѣніямъ, рѣшила пробиваться въ Румынію.

Въ связи съ вышеизложеннымъ, по словамъ адмирала Бубнова, въ арміи и въ тылу было большое озлобленіе противъ командующаго войсками Новороссіи. Общій развалъ не миноваль и Крыма. Сумбурныя, подчасъ совершенно бессмысленныя, самодурныя распоряженія генерала Слащева не могли внести успокоенія.

Въ Крыму скопилось огромное количество разрозненныхъ тыловыхъ войскъ, части управленій, громадное число бѣженцевъ. Запуганные, затерянные, потерявшіе связь со своими частями и управленіями, не знающіе кого слушаться, они вносили собой хаотическій беспорядокъ. Власти — комендантъ крѣпости генераль Субботинъ и губернаторъ Татищевъ, совсѣмъ растерялись. Всѣмъ этимъ искусно воспользовались темныя силы. Какой то авантюристъ, именовавшійся капитаномъ Орловымъ, собравъ вокругъ себя кучку проходимцевъ, объявилъ без пощадную борьбу подъ лозунгомъ «оздоровленіе тыла для плодотворной борьбы съ большевиками».

Присоединивъ укрывающихся отъ мобилизаціи въ горахъ татаръ, Орловъ безпрепятственно занялъ Симферополь, арестовавъ оказавшихся тамъ коменданта Севастопольской крѣпости генерала Субботина, начальника штаба войскъ Новороссіи генерала Чернавина и начальника мѣстнаго гарнизона. Растерявшіяся граждансеія власти, во главѣ съ губернаторомъ, безпрекословно подчинились не извѣстному проходимцу.

Конечно, такой порядокъ вещей долго продолжаться не могъ. Генераль Слащевъ направилъ въ Симферополь съ фронта войска, при приближеніи коихъ Орловъ съ своей шайкой бѣжалъ въ горы. Однако, спустя нѣсколько дней, онъ появился вновь. Изъ Ялты поступили свѣдѣнія о движеніи его отряда со стороны Алушты. Въ Ялтѣ войскъ не было, и занять городъ шайкѣ Орлова не представляло никакого затрудненія. Въ эти дни общаго развала, тревоги и неудовольствія, преступное выступленіе Орлова вызвало бурю страстей. Изстрадавшіеся отъ безвластія, возмущенные преступными дѣйствіями администраціи на мѣстахъ, извѣрившіеся въ выкинутые властью лозунги, потерявшіе голову обыватели увидѣли въ выступленіи Орлова возможность измѣнить существующій порядокъ. Среди обывателей и даже части арміи Орловъ вызывалъ къ себѣ со чувствіе...

На фронтѣ положеніе было тревожно. Малочисленныя, сборныя войска генерала Слащева, хотя и продолжали успѣшно удерживать Чонгарское и Перекопское дефиле, однако,

значительныя потери, усталость и недостатокъ снабженія и снаряженія заставляли опасаться, что сопротивление это продолжительнымъ быть не можетъ.

Я проѣхалъ съ адмираломъ Бубновымъ въ помещеніе штаба флота, гдѣ жилъ и адмиралъ Ненюковъ. Въ кабинетѣ послѣдняго я засталъ генерала Шиллинга. Высокій, плотный, съ открытымъ свѣжимъ лицомъ, онъ производилъ довольно пріятное впечатлѣніе.

— «Ваше превосходительство», обратился онъ ко мнѣ, «я буду говорить съ вами не какъ командующій арміей, а какъ старый гвардейскій офицеръ. Вы, вѣроятно, знаете, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ была оставлена Одесса. Мнѣ этого, конечно, не простятъ. Мнѣ хорошо извѣстно то неудовольствіе, которое существуетъ здѣсь противъ меня. Я прибылъ вчера и мнѣ сразу это стало ясно. При этихъ условіяхъ я не могу оставаться во главѣ войскъ. Я готовъ, если вы будете согласны, сдать вамъ командованіе».

Я отвѣтилъ, что вопросъ о назначеніи моемъ въ Крымъ уже подымался въ ставкѣ, что Главнокомандующій рѣшительно въ этомъ отказалъ, что оставшись не у дѣль, я, передъ самымъ отъѣздомъ, подалъ рапортъ объ увольненіи отъ службы, что хотя Крымскій театръ и является въ настоящее время стратегически почти независимымъ отъ Кавказскаго, однако я, стоя во главѣ крымскихъ войскъ, буду неизбежно сталкиваться въ цѣломъ рядѣ вопросовъ съ распоряженіями ставки и что, при существующемъ со стороны генерала Деникина ко мнѣ отношеніи, мое назначеніе едва ли будетъ полезнымъ для дѣла.

Генералъ Шиллингъ продолжалъ настаивать. Адмиралъ Ненюковъ его поддерживалъ.

Въ концѣ концовъ я согласился. Генералъ Шиллингъ хотѣлъ въ тотъ же день переговорить со ставкой.

Утромъ я сдѣлалъ визитъ генералу Субботину. Послѣдній, глубоко потрясенный исторіей своего ареста капитаномъ Орловымъ и сознававшій безсиліе свое справиться съ дѣломъ, возбудилъ ходатайство объ освобожденіи его отъ должности.

Заѣхалъ я и къ проживавшему въ Севастополѣ въ гостиницѣ «Кисть» генералу Май-Маевскому. Онъ былъ видимо, тронутъ моимъ визитомъ. Говоря о бывшей своей арміи и тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось ему оставить войска, онъ упомянулъ о приказѣ моемъ, отданномъ арміи по вступленіи въ командованіе.

— «Не скрою отъ васъ, мнѣ было очень больно читать этотъ приказъ». Я рѣшительно недоумѣвалъ, чѣмъ упомянутый приказъ могъ задѣть бывшаго командующаго арміей и спросилъ его объ этомъ.

— «Да какъ же, а ваша фраза о томъ, что вы будете безпощадно преслѣдовать за пьянство и грабежи, вѣдь это какъ никакъ, а камешекъ въ мой огородъ». Я продолжалъ недоумѣвать.

— «Помилуйте», пояснилъ генералъ Май-Маевскій, «на войнѣ начальникъ для достиженія успѣха долженъ использовать все, не только одни положительныя, но и отрицательныя побужденія подчиненныхъ. Настоящая война особенно тяжела. Если вы будете требовать отъ офицеровъ и солдатъ, чтобы они были аскетами, то они и воевать не будутъ».

Я возмутился.

— «Ваше превосходительство, какая же разница при этихъ условіяхъ будетъ между нами и большевиками?»

Генералъ Май-Маевскій сразу нашелся:

— «Ну, вотъ большевики и побѣждаютъ», видимо, въ сознаніи своей правоты заключилъ онъ.

Днемъ у командующаго флотомъ я встрѣтилъ генерала Шиллинга. Послѣдній имѣлъ нѣсколько смущенный видъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что за истекшія сутки получилъ рядъ свѣдѣній, въ значительной мѣрѣ разсѣявшихъ первыя его тяжелыя впечатлѣнія, что того общаго недовѣрія и неудовольствія въ войскахъ, котораго онъ опасался, видимо нѣтъ, и онъ не теряетъ надежды справиться съ дѣломъ. Я, со своей стороны, просилъ его считать нашъ вчерашшій разговоръ, какъ бы не имѣвшимъ мѣста.

Орловъ со своей шайкой продолжалъ приближаться къ Ялтѣ. Начальникъ Ялтинскаго гарнизона генералъ Зыковъ и уѣздный начальникъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ посылали одну

за другой телеграммы, прося помощи. 7-го февраля я получил телеграмму генерала Шиллинга⁶⁰.

«Севастополь и его районъ на осадномъ полдоженіи. Нр 2950 7/2 — 20 года Джанкой Генлейт. Ш и л л и н г ь ».

Черезъ нѣсколько часовъ я неожиданно получилъ вторую телеграмму генерала Шиллинга. Послѣдній просилъ меня принять начальство надъ всѣми сухопутными и морскими силами въ крѣпостномъ и побережномъ районѣ.

«Большевики готовятъ новую атаку на Крымъ между тѣмъ въ тылу происходятъ броженія среди офицерства и другихъ группъ а также продолжается движеніе группы капитана Орлова и все это можетъ окончательно разрушить тылъ и отдать большевикамъ Крымъ. Прошу Ваше Превосходительство принять на себя начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими силами находящимися въ районѣ Алушта, Бахчисарай, устье Альмы, всѣ пункты включительно, съ подчиненіемъ Вамъ Комкрѣпа Севастополь, флота, отряда полковника Ильина находящагося въ Алуштѣ и отряда полковника Головченко находящагося въ Бахчисараѣ. Ваша задача мѣрами какими вы признаете цѣлесообразными успокоить офицерство солдатъ и населеніе и превратить бунтарство капитана Орлова направивъ его отрядъ на фронтъ для пополненія рѣдѣющихъ частей генерала Слащева. Джанкой 7/11—20 года 11 часовъ Нр 0231483. Ш и л л и н г ь ».

Одновременно, генераль Шиллингъ увѣдомилъ о моемъ назначеніи всѣхъ старшихъ начальниковъ.

Я немедленно телеграфировалъ генералу Шиллингу:

«0231483. Всякое новое раздѣленіе власти въ Крыму при существующемъ здѣсь уже многовластїи лишь усложнитъ положеніе и увеличить развалъ тыла. Отъ Вашего предложенія вынужденъ отказаться. Объ изложенномъ прошу указать всѣмъ начальникамъ коимъ Вами посланъ номеръ 0231484 Нр 625 7 февраля 21 часъ. В р а н г е л ь ».

Копїи съ телеграммъ генерала Шиллинга и моей отвѣтной я отправилъ прибывшему наканунѣ въ Севастополь на похороны скончавшейся матери помощнику главнокомандующаго генералу Лукомскому, приложивъ полученную мною отъ одного изъ офицеровъ, направленного въ Ялту на пароходъ «Колхида» отряда, прокламацію капитана Орлова.

В о з з в а н і е .

Г. г. офицеры, казаки, солдаты и матросы.

Весь многочисленный гарнизонъ гор. Ялты и ея окрестностей и подошедшїй десантъ изъ Севастополя съ русскими судами, вмѣстѣ съ артиллерїей и пулеметами, сознавая правоту нашего общаго Святого Дѣла, перешли къ намъ по первому нашему зову со своими офицерами. Генераль Шиллингъ проситъ меня къ прямому проводу, но я съ нимъ буду говорить только тогда, когда онъ возвратитъ намъ тысячи жизней безвозвратно погибшихъ въ Одессѣ. По дошедшимъ до меня свѣдѣнїямъ нашъ молодой вождь генераль Врангель прибылъ въ Крымъ. Это тотъ, съ кѣмъ мы будемъ и должны говорить. Это тотъ, кому мы вѣримъ всѣ, всѣ, это тотъ, кто все отдастъ на борьбу съ большевиками и преступнымъ тыломъ.»

Да здраствуетъ генераль Врангель, нашъ могучїй и сильный духомъ, молодой офицеръ.

Капитанъ О р л о в ь .

Генераль Лукомскїй, встревоженный положеніемъ, учитывая растущее неудовольствїе противъ генерала Шиллинга, немедленно по прїѣздѣ телеграфировалъ Главнокомандующему, вновь настаивая на врученїи мнѣ командованїя въ Крыму. На необходимость сдѣлать это онъ указывалъ и генералу Шиллингу. Однородная телеграмма Главнокомандующему была послана и командующимъ флотомъ адмираломъ Ненюковымъ. По полученїи отъ меня пересланныхъ ему телеграммъ, генераль Лукомскїй вновь телеграфировалъ Главнокомандующему.

⁶⁰ Хотя я никакого официальнаго положенїя не занималъ, но всѣ телеграммы генерала Шиллинга старшимъ начальникамъ отчего-то адресовались и мнѣ.

«Въ дополнение к предыдущей телеграммѣ сообщаю, что положеніе осложняется тѣмъ, что все, что будетъ формироваться въ тылу и напра вляться противъ Орлова, будетъ переходить на его сторону. Распоряженіе Шиллинга о направленіи отрядовъ противъ Орлова, особенно если произойдетъ столкновение между офицерскими отрядами, поведетъ къ полному развалу и тыла, и фронта. Противъ Шиллинга большое возбужденіе. Выходъ одинъ — это немедленное назначеніе Врангеля на мѣсто Шиллинга. На себя это взять не считаю возможнымъ, но повторяю, это единственное рѣшеніе для ликвидаціи дѣла безъ кровопролитія и для сохраненія фронта. Медлить невозможно. Прошу дать срочное указаніе. 4 февраля 1920 года.

Генераль Лукомскій».

Утромъ я получилъ записку генерала Лукомскаго:

«Сейчасъ генераль Шиллингъ передалъ мнѣ по аппарату, что онъ просилъ Главкома о назначеніи Васъ на его мѣсто, или же о назначеніи Васъ помощникомъ къ нему — генералу Шиллингу. Главнокомандующій не согласился ни на то ни на другое и приказалъ Шиллингу, самому справиться съ тѣмъ, что происходитъ. Генераль Шиллингъ находитъ, что при создавшейся обстановкѣ Ваше присутствіе въ Крыму нежелательно. Очень грустно, что все такъ разрѣшается, боюсь, что это поведетъ къ катастрофѣ. Сегодня я уѣзжаю въ Новороссійскъ. Вашъ А. Лукомскій, 8/11—20 года».

Настояніе генерала Шиллинга на оставленіи мною Крыма меня глубоко возмутило. Я телеграфировалъ ему:

«Генераль Лукомскій письменно увѣдомилъ меня, что Вы находите пребываніе мое въ Крыму нежелательнымъ. Полагаю, что вся предыдущая моя служба не даетъ никому права дѣлать мнѣ подобныя заявленія. 8 февраля 6 часовъ Нр 626. Врангель».

Одновременно я послалъ ему копію моей телеграммы капитану Орлову:

«Мнѣ доставлено воззваніе за Вашей подписью, въ коемъ Вы заявляете о желаніи, минуя всѣхъ Вашихъ начальниковъ, подчиниться мнѣ, хотя я нынѣ не у дѣла. Еще недавно присяга, обязывая воина подчиненію старшимъ начальникамъ, дѣлала русскую армію непобѣдимой. Клятвopеступленіе привело Россію къ братоубійственной войнѣ. Въ настоящей борьбѣ мы связали себя вмѣсто присяги добровольнымъ подчиненіемъ, измѣнить которому безъ гибели нашего общаго дѣла не можете ни Вы, ни я. Какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ двадцать лѣтъ жизни, я горячо призываю Васъ, во имя блага ея, подчиниться требованіямъ Вашихъ начальниковъ. 8 февраля 1920 года. Нр 627. Врангель».

Черезъ нѣсколько часовъ я получилъ отвѣтъ генерала Шиллинга:

«626. Отнюдь не желалъ уронить Вашихъ заслугъ передъ Родиной, хо тѣлъ передать Вамъ власть въ Крыму, о чемъ дважды просилъ Главкома, но получивъ отказъ и будучи нравственно и юридически отвѣтственнымъ за многія жизни въ Крыму и въ виду создавшейся обстановки, полагалъ, что Вашъ отъѣздъ Крыма облегчитъ мнѣ привести тылъ къ повиновенію. Вѣрьте, что имѣю лишь въ мысляхъ благо общаго дѣла, а не личные интересы. Отнюдь не изгоняю Васъ изъ Крыма, дѣлайте такъ, какъ совѣсть и разумъ Вамъ подсказываютъ, а за призывъ, посланный Вами Орлову, приношу Вамъ мою сердечную благодарность. 8/2 — 20, 16 часовъ. Нр 0231504. Шиллингъ».

По мѣрѣ приближенія Орлова къ Ялтѣ, тревога и растерянность въ городѣ росли.

Къ голосамъ помощника Главнокомандующаго и командующаго флотомъ присоединили свой голосъ рядъ общественныхъ дѣятелей; ими была послана генералу Деникину, покрытая многочисленными подписями, телеграмма:

«Войска Крымскаго фронта подъ командой доблестнаго генерала Слащева геройски отражаютъ большевиковъ, но событія, разыгравшіяся въ тылу, грозятъ внести расколъ въ среду защитниковъ Крыма и Добровольческой арміи и неминуемо поведутъ къ гибели дѣла обороны Крыма, если во главѣ власти въ Крыму не будетъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ безотлагательно поставлено лицо,

заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверіе, какъ арміи, такъ и населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомое съ особенностями крымской жизни и обстановки. Таковымъ лицомъ по единодушному убѣжденію крымскихъ гражданскихъ и военныхъ круговъ является генераль Врангель, нынѣ находящійся въ Крыму. Преклоняясь передъ Вашимъ самоотверженнымъ служеніемъ дѣлу спасенія Родины, мы, государственные и общественные дѣятели, объединившіеся вокругъ провозглашенныхъ Вами лозунговъ и попрежнему неизменно вѣрящіе въ возрожденіе Россіи, почитаемъ долгомъ совѣсти о такомъ на шемъ убѣжденіи довести до Вашего свѣдѣнія, увѣренные, что серьезность положенія оправдаетъ въ Вашихъ глазахъ наше настоящее обращеніе.

Первоприсутствующій сенаторъ Ненарокомовъ, городской голова Ялты Ивановъ, уполномоченный Краснаго Креста Крыма Гучковъ, исполняющій обязанности оберъ-прокурора Правительствующаго Сената Рѣшетовскій, князь Борисъ Гагаринъ, членъ Государственной Думы Тесленко, предсѣдатель медицинскаго общества Зѣвакинъ, гласный Ялтинской думы Савичъ, предсѣдатель Ялтинской думы графъ Апраксинъ, гласный Московской думы и Московскаго земства Сергѣй Ижболдинъ, сенаторъ Александръ Невѣровъ, сенаторъ Григорій Глинка, Таврическій земскій гласный Владиміръ Келлеръ, членъ Государственнаго Совѣта Александръ Наумовъ».

Дѣло разрѣшилось совершенно неожиданно полученной комендантомъ Севастопольской крѣпости телеграммой, сообщающей выдержку изъ приказа Главнокомандующаго отъ 8-го февраля;

«Коменданту Севастопольской крѣпости.

По генеральному штабу увольняются отъ службы согласно прошенію: помощникъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи и начальникъ военно-морского управленія генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Лукомскій, состоящіе въ распоряженіи Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи генеральнаго штаба генераль-лейтенанты: баронъ Врангель и Шатиловъ. По морскому вѣдомству увольняются отъ службы командующій Черноморскимъ флотомъ вице-адмиралъ Ненюковъ и начальникъ штаба командующаго Черноморскимъ флотомъ контръ-адмиралъ Бубновъ. Главнокомандующій генераль-лейтенантъ Деникинъ. 8 февраля 1920 года. Нр 002531».

Если увольненіе меня и генерала Шатилова и являлось слѣдствіемъ поданныхъ нами прошеній объ увольненіи отъ службы, то массовое увольненіе всѣхъ прочихъ лицъ безъ прошеній однимъ съ нами приказомъ, могло быть объяснено лишь желаніемъ Главнокомандующаго пресѣчь новый мерещившійся ему «мятежъ. Послѣднее предположеніе не замедлило получить подтвержденіе. Въ полученномъ приказѣ генерала Деникина, упоминающаго о томъ, что «выступленіе капитана Орлова руководится лицами, затѣявшими подлюю политическую игру», генералу Шиллингу приказывалось арестовать виновныхъ «невзирая на ихъ высокій чинъ или положеніе. Упомянутая выписка изъ приказа объ увольненіи отъ службы ряда лицъ и приведенный приказъ Главнокомандующаго были, съ очевидной цѣлью подчеркнуть ихъ взаимную связь, расклеены рядомъ во всѣхъ витринахъ Крымскаго отдѣленія Освага.

Ударъ пришелся по тѣмъ кто собирался его нанести. Мое обращеніе къ капитану Орлову успѣло появиться уже въ мѣстныхъ газетахъ и для всѣхъ не могло быть сомнѣній, кто истинные руководители «подлой политической игры».

Наканунѣ подхода Орлова къ Ялтѣ, туда прибылъ генераль Покровскій. Послѣдній, по расформированіи Кавказской арміи, малочисленныя части которой были переданы въ Кубанскую армію, остался не у дѣль. Не чувствуя надъ собой сдерживающаго начала въ сознаніи полной безнаказанности, генераль Покровскій, находившій въ себѣ достаточную силу воли сдерживаться, когда это было необходимо, нынѣ, какъ говорится, «соскочилъ съ нарѣза», пилъ и самодурствовалъ. Прибывъ въ Ялту, онъ потребовалъ отъ мѣстныхъ властей полного себѣ подчиненія, объяснилъ мобилизацію всѣхъ способныхъ носить оружіе, заявивъ о рѣшеніи своемъ дать бой мятежнику Орлову. Обывателей хватили на улицахъ, вооружали чѣмъ попало. Орловъ подходилъ къ городу. Генераль Покровскій съ нѣсколькими десятками напуганныхъ,

неумѣющихъ стрѣлять «мобилизованныхъ» вышелъ его встрѣчать. «Мобилизованные» разбѣжались и Орловъ, арестовавъ генерала Покровскаго, безъ единого выстрѣла занялъ городъ. Прибывшій на «Колхидъ» отрядъ, составленный изъ какихъ-то тыловыхъ командъ, оставался безучастнымъ зрителемъ. Проведя нѣсколько дней въ Ялтѣ, произведя шумъ и ограбивъ кассу мѣстнаго отдѣленія Государственнаго банка, Орловъ ушелъ въ горы.

Въ эти дни Крымъ переживалъ тревогу. Красные, перейдя въ наступленіе, 13-го февраля овладѣли Тюпъ-Джанкойскимъ полуостровомъ, нанесли нашимъ частямъ значительныя потери и захватили 9 орудій. Въ городѣ росли угрожающіе слухи, въ витринахъ, Освага появились истерическіе, съ потугой на «Суворовскіе», приказы генерала Слащева. Черезъ день все успокоилось, противникъ отошелъ обратно на Чонгарскій полуостровъ.

Генераль Слащевъ, на нѣсколько часовъ пріѣзжавшій въ Севастополь, посѣтилъ меня.

Я видѣлъ его послѣдній разъ подъ Ставрополемъ, онъ поразилъ меня тогда своей молодостью и свѣжестью. Теперь его трудно было узнать. Блѣдно-землистый, съ беззубымъ ртомъ и облѣзлыми волосами, громкимъ ненормальнымъ смѣхомъ и беспорядочными порывистыми движеніями, онъ производилъ впечатлѣніе почти потерявшаго душевное равновѣсіе человѣка.

Одѣтъ онъ былъ въ какой-то фантастическій костюмъ, — черныя, съ серебряными лампасами брюки, обшитый куннымъ мѣхомъ ментикъ, низкую папаху «кубанку» и бѣлую бурку.

Перескакивая съ одного предмета на другой и неожиданно прерывая рассказъ громкимъ смѣхомъ, онъ говорилъ о тѣхъ тяжелыхъ бояхъ, которые довелось ему вести при отходѣ на Крымъ, о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть, чтобы собрать и сколотить сбившіяся въ Крыму отдѣльныя воинскія команды и запасныя части разныхъ полковъ, о томъ, какъ крутыми, безъ пощадными мѣрами удалось ему пресѣчь въ самомъ корнѣ подготавливавшееся севастопольскими рабочими возстаніе.

Черезъ день прибылъ изъ Ялты генераль Покровскій. По его словамъ, Главнокомандующій рѣшилъ убрать генерала Шиллинга и онъ, Покровскій, явится его замѣстителемъ. Дѣйствительно, въ теченіе дня Покровскій нѣсколько разъ по прямому проводу говорилъ со ставкой и вечеромъ выѣхалъ на фронтъ. Однако, черезъ день, не заѣзжая въ Севастополь, онъ вернулся въ Ялту. По слухамъ генераль Слащевъ донесъ Главнокомандующему, что въ случаѣ назначенія Покровскаго, онъ проситъ его отъ командованія корпусомъ уволить. Намѣчавшееся назначеніе генерала Покровскаго не состоялось.

Неожиданно я получилъ телеграмму генерала Хольмана, принятую радіо-станціей дредноута «Мальборо»:

„From R. A. 2nd in Command to „Marlborough”.

WIT Cypher.

Inform Wrangel destroyer will bring him to Novorossisk at once. Following from Holman: Holman guarantees his safety and will endeavour to arrange meeting between him and Denikin, but he should not come unless he is prepared to abide by Denikin's final decision regarding his future movements. Wrangel should understand the whole future of Russia is at stake. He must be prepared to state publicly his adherence to Denikin's new democratic policy and sternly discountenance reactionaries now using his name, Holman trusting to his loyalty as enough for length of coming to Novorossisk. If Wrangel desires send him in destroyer to arrive tomorrow Wednesday. Inform me time of arrival as soon as possible.”⁶¹

Телеграмма эта не мало меня изумила. Я не могъ допустить мысли, что она была послана безъ вѣдома генерала Деникина. Я рѣшилъ отъ всякихъ объясненій уклониться и просилъ генерала Шатилова проѣхать къ генералу Хольману и передать, что я чрезвычайно ему

⁶¹ «Сообщите Врангелю, что миноносецъ немедленно отвезетъ его въ Новороссійскъ. Нижеслѣдующее отъ Хольмана: Хольманъ гарантируетъ его безопасность и попытается устроить ему свиданіе съ Деникинымъ, но ему нечего пріѣзжать, если онъ не намѣренъ подчиниться окончательному рѣшенію Деникина относительно его будущаго направленія. Врангель долженъ понять, что вопросъ идетъ о всемъ будущемъ Россіи. Онъ долженъ быть готовъ открыто заявить о поддержкѣ имъ новой демократической политики Деникина и дать строгій отпоръ реакціонерамъ, нынѣ прикрыты вающимъ его именемъ. Хольманъ довѣряется его лойяльности во время его пребыванія въ Новороссійскѣ. Если Врангель пожелаетъ, отправьте его съ миноносцемъ, прибывающимъ завтра, въ среду. Сообщите мнѣ какъ можно скорѣе о времени прибытія».

благодаренъ за предложенное посредничество, но что, не чувствуя за собой никакой вины, не нахожу нужнымъ давать кому бы то ни было объясненія. Что же касается его обѣщанія гарантировать мнѣ неприкосновенность, то въ такихъ гарантіяхъ не нуждаюсь, такъ какъ преступникомъ ни передъ кѣмъ себя не чувствую и не вижу откуда мнѣ можетъ грозить опасность. Генераль Шатиловъ выѣхалъ въ Новороссійскъ на миноносцѣ. Черезъ день онъ вернулся и сообщилъ мнѣ о переданномъ ему командующимъ англійскимъ флотомъ адмираломъ Сеймуромъ, отъ имени генерала Хольмана, требованіи Главнокомандующаго, чтобы я немедленно выѣхалъ изъ предѣловъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Требованіе это было обусловлено тѣмъ, что будто бы вокругъ меня собираются всѣ недовольные генераломъ Деникинымъ. Адмираль Сеймуръ предупредилъ генерала Шатилова, что высадиться въ Новороссійскѣ ему запрещено.

Трудно передать то негованіе, которое вызвало во мнѣ, сообщеніе генерала Шатилова. Не говоря о томъ, что требованіе генерала Деникина было по существу незаслуженнымъ и обиднымъ, мнѣ было безконечно больно оставить близкую сердцу моему армію и покинуть въ такое тяжелое время Родину. Я не хотѣлъ быть среди тѣхъ, кто нынѣ, какъ крысы съ тонущаго корабля, бѣжали изъ Новороссійска, Севастополя, Ялты и Феодосіи. Въ то же время я не желалъ дать возможности бросить мнѣ хотя бы тѣнь упрека въ созданіи затрудненій Главнокомандующему въ эти грозные дни. Съ болью въ сердцѣ я рѣшилъ уѣхать. Я не хотѣлъ воспользоваться для отъѣзда иностраннымъ судномъ, правильныхъ же рейсовъ русскихъ судовъ въ Константинополь не было. Я написалъ командующему флотомъ адмиралу Саблину, замѣнившему адмирала Ненюкова, прося предоставить въ мое распоряженіе какое-либо судно.

Адмираль Саблинъ любезно предоставилъ мнѣ возможность воспользоваться отходившимъ черезъ нѣсколько дней въ Константинополь пароходомъ «Александръ Михайловичъ», на которомъ я продолжалъ все время жить. Душа кипѣла отъ боли за гибнувшее дѣло, отъ негодованія за незаслуженную обиду, отъ возмущенія той сѣтью несправедливыхъ подозрѣній, происковъ и лжи, которой столько мѣсяцевъ опутывали меня. Я написалъ генералу Деникину.

Написанное подъ вліяніемъ гнѣва письмо, точно излагая исторію создавшихся взаимоотношеній, грѣшило рѣзкостью, содержало мѣстами личные выпады:

«Англійскій адмираль Сеймуръ передалъ мнѣ отъ имени начальника Англійской миссіи при Вооруженныхъ Силахъ Юга Россіи генерала Хольмана, что Вы сдѣлали ему, генералу Хольману, заявленіе о Вашемъ требованіи оставленія мною, предѣловъ Россіи, причемъ Вы обусловили это заявленіе тѣмъ, что вокругъ имени моего, якобы, объединяются всѣ тѣ, кто недоволенъ Вами.

Адмираль Сеймуръ предложилъ мнѣ воспользоваться для отъѣзда за границу англійскимъ судномъ...»

«Моя армія освободила Сѣверный Кавказъ», — писалъ я далѣе. «На совѣщаніи въ Минеральныхъ Водахъ 6-го января 1919 года я предложилъ Вамъ перебросить ее на Царицынское направленіе, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, побѣдоносно подходившему къ Волгѣ...»

«Рапортомъ отъ 4-го апрѣля за № 82 вновь указывалъ на необходимость выбрать главнымъ операціоннымъ направленіемъ Царицынское, предупреждая, что въ противномъ случаѣ «противникъ самъ перейдетъ въ наступленіе отъ Царицына, причемъ создастся угроза нашей базѣ». Мои предсказанія пророчески сбылись и, въ серединѣ апрѣля, противникъ форсировалъ Манычъ и, выйдя въ тылъ Добровольческой арміи, подошелъ на 12 верстъ къ Батайску».

«... Предоставленный самому себѣ, адмираль Колчакъ былъ раздавленъ и началъ отходить на Востокъ. Тщетно Кавказская армія пыталась подать помощь его войскамъ. Истомленная походомъ по безводной степи, обезкровленная и слабо пополненная, она къ тому же ослаблялась выдѣленіемъ все новыхъ и новыхъ частей для переброски на фронтъ Добровольческой арміи...».

«... Письмомъ отъ 29-го іюля я обратился къ Вамъ, указывая на тяжелое положеніе моей арміи и на неизбѣжность, благодаря нашей ошибочной стратегіи, поворота боевого счастья. Я получилъ отвѣтъ, гдѣ Вы указывали, что «если бы я слѣдовалъ совѣтамъ моихъ помощниковъ, то Вооруженныя Силы Юга не достигли бы настоящаго положенія». Мои предсказанія, увы, сбылись и на сей разъ. Кавказская

армія подь ударами X-ой, II-ой, XI-ой и IV-ой армій красныхъ была отброшена къ югу и хотя съ безпримѣрной доблестью и разбила, упираясь на укрѣпленную Царицынскую позицію, всѣ четыре непріятельскихъ арміи, но сама потеряла окончательно возможность начать новую наступательную операцію. От бросивъ къ югу мою армію, противникъ сталъ спѣшно сосредотачивать свои силы для прикрытія Москвы и, перейдя въ наступленіе противъ арміи генерала Май-Маевского, растянувшейся на огромномъ фронтѣ, лишенной резервовъ и плохо организованной, легко заставилъ ее начать отходъ».

«17-го октября генераль Романовскій телеграммой запросилъ меня, какія силы могъ бы я выдѣлить изъ состава Кавказской арміи на помощь Добровольческой. Я, телеграммой отъ 18-го октября за № 03533, отвѣтилъ, что «при малочисленности конныхъ дивизій переброской 1 — 2 дивизій дѣла не рѣшить» и предложилъ принять крупное рѣшеніе «перебросить изъ вѣренной мнѣ арми 3¹/₂ кубанскихъ дивизій». Остающіяся части Кавказской арміи, въ виду ихъ малочисленности, я предлагалъ свести въ отдѣльный корпусъ, оставивъ во главѣ его генерала Покровскаго. Стратегическое рѣшеніе напрашивалось само собой — объединеніе сосредоточенныхъ уже въ районѣ Купянска 4-го донского, 3-го коннаго корпусовъ, Терской и отдѣльной Донской дивизій и вновь перебрасываемыхъ 3¹/₂ кубанскихъ дивизій и использование для управленія конной массой штаба Кавказской арміи...»

«... Изъ Кавказской арміи были взяты только двѣ дивизіи и хотя вполнѣдствіи сама обстановка и вынудила Васъ перебросить всѣ 3¹/₂ дивизіи, но время было упущено безвозвратно и вводимыя въ бой по частямъ войска терпѣли поочередно пораженія. Еще 11-го ноября Вы, въ отвѣтъ на мои повторныя настоянія, писали мнѣ, что «послѣ детальнаго обсужденія» отказываетесь отъ предложенной мною перегруппировки, а черезъ десять дней, 22-го, когда уже выяснилась потеря Харькова и неизбежный отходъ въ Донецкій бассейнъ. Вы телеграммой вызвали меня «для новаго назначенія» — принятія Добровольческой арміи, съ подчиненіемъ мнѣ конной группы. Объ оказаніи серьезнаго сопротивленія противнику думать уже не приходилось, единственно, что еще можно было сдѣлать, это попытаться вывести армію изъ подь ударовъ врага и, отведя ее на соединеніе съ Донской, прикрыть Ростовское направленіе. Я это сдѣлалъ, послѣ тягчайшаго 350-тиверстнаго фланговаго марша. По мѣрѣ того, какъ армія приближалась къ Ростову, Новочеркасску, тревога и неудовольствіе росли. Общество и армія отлично учитывали причины пораженія и упреки Высшему Командованію раздавались все громче и громче...»

«Вы стали искать кругомъ крамолу и мятежь. 9-го декабря я подаль Вамъ рапортъ, съ подробнымъ указаніемъ на причины постигшихъ насъ неудачъ и указаніемъ на необходимость принятія спѣшно ряда мѣръ для улучшенія нашего положенія.

Я указывалъ на необходимость немедленно начать эвакуацію Ростова и Новочеркаска, принять срочныя мѣры по укрѣпленію плацдарма на правомъ берегу Дона и т. д. Ничего сдѣлано не было, но зато въ отвѣтъ на рапортъ мой послѣдовала телеграмма всѣмъ командующимъ арміями, съ указаніемъ на то, что «нѣкоторые начальники позволяютъ себѣ дѣлать мнѣ заявленія въ недопустимой формѣ» и требованіемъ «безпрекословнаго повиновенія».

Въ серединѣ декабря, я, имѣя необходимость выяснитъ цѣлый рядъ вопросовъ (мобилизація населенія и коней въ занятомъ моей арміей Таганрогскомъ округѣ, разворачиваніе нѣкоторыхъ кубанскихъ частей и т. д.) съ генералами Сидоринимъ и Покровскимъ, просилъ ихъ прибыть въ Ростовъ для свиданія со мной. Телеграмма имъ — сообщена была мною въ копіи генералу Романовскому. На слѣдующій день я получилъ Вашу циркулярную телеграмму всѣмъ командующимъ арміями, въ коей указывалось на «недопустимость» моей телеграммы и запрещался командующимъ выѣздъ изъ предѣловъ ихъ армій. Повидимому, этими мѣрами Вы собирались пресѣчь возможность чудившагося Вамъ заговора Вашихъ ближайшихъ помощниковъ.

20-го декабря Добровольческая армія была расформирована и я получилъ отъ Васъ задачу отправиться на Кавказъ для формированія кубанской и терской конницы.

По приїзді въ Екатеринодаръ я узналъ, что нѣсколькими днями раньше прибылъ на Кубань генераль Шкуро, получившій отъ Васъ ту же задачу, хотя Вы это впослѣдствіи и пытались отрицать, намекая, что генераль Шкуро дѣйствовалъ самозванно. Между тѣмъ, въ печати генераль Шкуро совершенно опредѣленно объявилъ о данномъ ему Вами порученіи и заявленія его вашимъ штабомъ не опровергались; при генералѣ Шкуро состоялъ генеральнаго штаба полковникъ Гонтаревъ, командированный въ его распоряженіе генераломъ Вязьмитиновымъ, при немъ же состояли (неизвѣстно для меня, кѣмъ командированные) два агента контрразвѣдывательнаго отдѣленія Вашего штаба — братья Карташевы. Послѣдніе вели спеціально агитацію противъ меня среди казаковъ, распространяя слухи о моихъ намѣреніяхъ произвести переворотъ, опираясь на «монархистовъ» и желаніи принять «германскую оріентацію». Въ концѣ декабря генераль Шкуро былъ назначенъ командующимъ Кубанской арміей, а я, оставшись не у дѣль, прибылъ въ Новороссійскъ. Еще 25-го декабря я подалъ Вамъ рапортъ, указывая на неизбежность развала на Кубани и необходимость удержанія Новороссіи и Крыма, куда можно было бы перенести борьбу. Доходившіе изъ этихъ мѣстъ тревожные слухи, въ связи съ пребываніемъ моимъ, въ столь тяжелое для Родины время «не у дѣль», не могли не волновать общество. О необходимости использовать мои силы Вамъ указывалось неоднократно и старшими военачальниками, и государственными людьми, и общественными дѣятелями. Указывалось, что при полной самостоятельности Новороссійскаго и Крымскаго театровъ раздѣленіе командованія въ этихъ областяхъ необходимо. Подобная точка зрѣнія поддерживалась и англійскимъ командованіемъ. Лишь черезъ три недѣли, когда потеря Новороссіи стала почти очевидной, Вы согласились на назначеніе меня помощникомъ генерала Шиллинга по военной части, а 28-го января, въ день моего отъѣзда изъ Новороссійска, я уже получилъ телеграмму генерала Романовскаго, что, «въ виду оставленія Новороссіи, должность помощника главноначальствующаго замѣщена не будетъ».

Въ Новороссійскѣ за мной велась Вашимъ штабомъ самая недостойная слѣжка: въ официальныхъ донесеніяхъ Новороссійскихъ органовъ контрразвѣдывательнаго отдѣленія Вашего штаба, аккуратно сообщалось, кто и когда меня посѣтилъ, а генераль-квартирмейстеръ Вашего штаба позволялъ себѣ громкогласно, въ присутствіи постороннихъ офицеровъ, говорить о какомъ-то «внутреннемъ фронтѣ въ Новороссійскѣ, во главѣ съ генераломъ Врангелемъ».

Усиленно распространенные Вашимъ штабомъ слухи о намѣреніи моемъ «произвести переворотъ», достигли границы. Въ Новороссійскѣ посѣтилъ меня прибывшій изъ Англійи съ чрезвычайной миссіей г-нъ Макъ-Киндеръ, сообщившій мнѣ, что имъ получена депеша отъ его правительства, запрашивающая о справедливости слуховъ о произведенномъ мною «переворотѣ». При этомъ г-нъ Макъ-Киндеръ высказалъ предположенія, что поводомъ къ этому слуху могли послужить ставшія широкимъ достояніемъ Ваши со мною непріязненные отношенія; онъ просилъ меня, буде найду возможнымъ, съ полной откровенностью высказаться по затронутому имъ вопросу. Я отвѣтилъ ему, что не могу допустить мысли о какомъ бы то ни было выступленіи противъ начальника, въ добровольное подчиненіе которому сталъ самъ, и уполномочилъ его передать его правительству, что достаточной порукой сказанному является данное мною слово и вся прежняя моя боевая служба. Въ рапортѣ отъ 31-го декабря за №85 я подробно изложилъ Вамъ весь разговоръ, имѣвшій мѣсто между г-номъ Макъ-Киндеромъ и мною, предоставивъ въ Ваши руки документъ въ достаточной мѣрѣ, казалось бы, долженствовавшій разсѣять Ваши опасенія... Вы даже не отвѣтили мнѣ...».

«... Я подалъ въ отставку и выѣхалъ въ Крымъ, «на покой». Мой приїздъ въ Севастополь совпалъ съ выступленіемъ капитана Орлова. Выступленіе это, глупое и вредное, но выбросившее лозунгомъ «борьбу съ разрухой въ тылу и укрѣпленіе фронта», вызвало бурю страстей. Изстрадавшіяся отъ безвластія, извѣрившіяся въ выкинутые властью лозунги, возмущенныя преступными дѣйствіями ея представителей, армія и общество увидѣли въ выступленіи Орлова возможность измѣнить существующій порядокъ вещей. Во мнѣ увидѣли человѣка, способнаго дать

то, чего жаждали всѣ. Капитанъ Орловъ объявилъ, что подчинится лишь мнѣ. Прибывшій въ Крымъ послѣ паденія Одессы генераль Шиллингъ, учитывая положеніе, самъ просилъ Васъ о назначеніи меня на его мѣсто. Командующій флотомъ и помощникъ Вашъ, генераль Лукомскій, поддерживали его ходатайство. Цѣлый рядъ общественныхъ группъ, представители духовенства народовъ Крыма, просили Васъ о томъ же. На этомъ же настаивали и представители союзниковъ. Все было тщетно».

«... 8-го февраля Вы отдали приказъ, осуждающій выступленіе капитана Орлова, руководимое лицами, «затѣявшими подлую политическую игру», и предложили генералу Шиллингу арестовать виновныхъ, невзирая на ихъ «высокіе чинъ или положеніе». Одновременнымъ приказомъ были уволены въ отставку я и бывшій начальникъ штаба моей арміи генераль Шатиловъ, а равно и ходатайствовавшіе о моемъ назначеніи въ Крымъ — генераль Лукомскій и адмираль Ненюковъ. Оба приказа появились въ Крыму одновременно 10-го февраля, а за два дня въ мѣстной печати появилась телеграмма моя капитану Орлову, въ которой я убѣждалъ его, «какъ старый офицеръ, отдавшій Родинѣ 20 лѣтъ жизни, ради блага ея подчиниться требованіямъ начальниковъ...»

«... Теперь Вы предлагаете мнѣ покинуть Россію. Предложеніе это Вы передали мнѣ черезъ англичанъ.

Переданное такимъ образомъ подобное предложеніе можетъ быть истолковано, какъ сдѣланное по ихъ инициативѣ, въ связи съ моей «германской ориентаціей», свѣдѣнія о которой столь усердно распространялись Вашими агентами.

Въ послѣднемъ смыслѣ и истолковывался Вашимъ штабомъ Вашъ отказъ въ назначеніи меня въ Крымъ, противъ чего, будто бы, англичане протестовали.

Со времени увольненія меня въ отставку, я считаю себя отъ всякихъ обязательствъ по отношеніи Васъ свободнымъ и предложеніе Ваше для себя совершенно не обязательнымъ. Средствъ заставить меня его выполнить у Васъ нѣтъ и тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь оставить Россію, заглушивъ горестъ въ сердцѣ своемъ...».

«... Если мое пребываніе на Родинѣ можетъ хоть сколько-нибудь повредить Вамъ защитить ее и спасти тѣхъ, кто Вамъ довѣрился, я, ни минуты не колеблясь, оставляю Россію.

Баронъ Петръ Врангель».

Копію съ этого письма я послалъ тѣмъ, кто косвенно изъ-за меня пострадалъ: генералу Лукомскому, адмираламъ Ненюкову и Бубнову, и генералу Хольману, передавшему мнѣ требованіе генерала Деникина о выѣздѣ⁶².

Черезъ нѣсколько дней генераль Хольманъ отвѣтилъ мнѣ:

«Екатеринодарь, 7. 3. 1920 г.

Ваше Превосходительство!

Я глубоко увѣренъ, что Вашъ разрывъ съ генераломъ Деникинымъ явился слѣдствіемъ того, что Вы, какъ это часто бываетъ съ искренними патріотами во время смуты, недостаточно поняли другъ друга.

При такихъ отношеніяхъ служить вмѣстѣ бываетъ слишкомъ тяжело.

Мнѣ причинило глубокую боль просить Васъ оставить Крымъ, такъ какъ, искренно вѣря въ Ваши лучшія намѣренія и преданность Родинѣ, я все же счелъ правильнымъ, и полезнымъ для настоящаго положенія, сдѣлать это.

Я желаю Вашему Превосходительству всякаго благополучія и надѣюсь, что встрѣтимся гдѣ-либо въ болѣе благоприятной обстановкѣ, возможно опять братьями по оружію.

Прошу, Ваше Превосходительство, принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ и искреннемъ уваженіи.

А. Хольманъ».

Свѣдѣнія о моей высылкѣ быстро распространились. Извѣстіе объ этомъ было встрѣчено въ арміи и обществѣ весьма болѣзненно. Я ежедневно получалъ огромное число

⁶² Текстъ этого письма приведенъ полностью на стр. 82 — 90, книги: В. фонъ-Дрейеръ. «Крестный путь во имя родины». Берлинъ, 1921. (Ред.).

сочувственных писемъ и телеграммъ. Многіе приходили лично — соболъзновали, просили остаться. Это было очень тягостно. Отъездъ мой все откладывался. «Великому Князю Александру Михайловичу» негдѣ было принять угля. Всѣ угольщики направлялись въ Новороссійскъ, гдѣ шла послѣдняя эвакуація. Оттуда приходили тревожныя свѣдѣнія.

Успѣхъ добровольцевъ, овладѣвшихъ 7-го февраля Ростовымъ, былъ кратковременнымъ. 10-го числа подъ напоромъ противника, наши войска оставили городъ, отойдя на лѣвый берегъ Дона. Порѣдѣвшіе, истекавшіе кровью полки выбивались изъ силъ. Вновь сформированныя кубанскія части, подъ вліяніемъ агитаціи, отказывались драться и расходились по домамъ. Въ тылу повсемѣстно вспыхнули возстанія. Тѣснимыя красными, наши войска отошли къ самому Екатеринодару.

23-го февраля, красные, открывъ по Перекопскому участку сильный артиллерійскій огонь, перешли въ наступленіе и къ восьми часамъ 24-го овладѣли деревней Юшунь. Однако, въ десять часовъ 26-го, наши части, перейдя въ контръ-атаку, послѣ упорнаго боя вновь заняли Юшунь, отбросивъ противника въ исходное положеніе.

Наконецъ уголь прибылъ. «Александръ Михайловичъ» могъ уходить, однако, въ день отъезда оказались поврежденія въ машинѣ. Кѣмъ-то сняты были крышки съ клапановъ. Потерявъ надежду выѣхать на русскомъ суднѣ, я, скрѣпя сердце, сѣлъ на англійскій «слупъ».

Стояла легкая зыбь. Печально смотрѣлъ я на исчезающіе за горизонтомъ родные берега. Тамъ, на послѣднемъ клочкѣ родной земли, прижатая къ морю, умирала армія. То знамя, которое она такъ гордо несла, было повержено въ прахъ. Вокругъ этого знамени шла предсмертная борьба, борьба, роковой исходъ которой не оставлялъ сомнѣній...

Въ изгнаніи

Я много слышалъ и читалъ про Босфоръ, но не ожидалъ увидѣть его такимъ красивымъ. Утопающія въ зелени красивыя виллы, живописныя развалины, стройныя силуэты минаретовъ на фонѣ ярко голубого неба, пароходы, парусныя суда и ялики, бороздящіе по всѣмъ направлєніямъ ярко синія, прозрачныя воды, узкія, живописныя улицы, пестрая толпа — все было оригинально и ярко красочно.

Мы остановились съ генераломъ Шатиловымъ въ зданіи русскаго посольства, гдѣ военный представитель генераль Агапѣевъ любезно предоставилъ въ наше распоряженіе свой кабинетъ. Громадныя залы посольства были переполнены непрерывно прибывающими съ Юга Россіи многочисленными бѣженцами, ожидавшими возможности, по полученіи необходимыхъ визъ, проѣхать дальше. Тѣ, которымъ ѣхать было некуда, устраивались на Принцевыхъ островахъ, пользуясь помощью союзниковъ; американцы, англичане, французы и итальянцы брали на себя попеченіе о бѣженцахъ, распредѣливъ между собой помощь на Принцевыхъ островахъ. Моя семья пользовалась гостепріимствомъ англичанъ на о. Принкипо. Я и жена тяготились чужеземной помощью и рѣшили при первой возможности перебраться въ Сербію; остановка была за деньгами. Мы выѣхали изъ Россіи совсѣмъ безъ средствъ. Послѣ долгихъ хлопотъ, мнѣ, съ помощью оказавшагося въ Константинополь А. В. Кривошеина, удалось сдѣлать заемъ въ одномъ изъ банковъ и на первое, по крайней мѣрѣ, время, мы могли себя считать обеспеченными.

Отъездъ нашъ задерживался тяжелой болѣзнью матери моей жены.

Я сдѣлалъ визиты союзнымъ верховнымъ комиссарамъ. Французскаго и итальянскаго не засталъ и познакомился лишь съ американскимъ, жизнерадостнымъ, добродушнымъ адмираломъ Бристоль, и англійскимъ, адмираломъ де-Робекъ. У него я познакомился съ командующимъ окупаціонными Великобританскими войсками генераломъ Мильнъ. Красивый старикъ, совершенный типъ англійскаго джентельмена, адмиралъ де-Робекъ, видимо, мало интересовался политикой и негласнымъ руководителемъ послѣдней являлся генераль Мильнъ. Онъ проявилъ большой интересъ къ настоящимъ событіямъ на Югѣ Россіи, долго и подробно меня спрашивая. Коснулся онъ и вопроса о взаимоотношеніяхъ моихъ съ Главнокомандующимъ и дошедшихъ до него слуховъ о подготовлявшемся въ Крыму переворотѣ. Я могъ подтвердить ему лишь то же, что говорилъ ранѣе г-ну Макъ-Киндеру.

Изъ Новороссійска приходили тревожныя вѣсти. 7-го марта красные форсировали рѣку Кубань. Противникъ сталъ распространяться къ югу. Возстанія въ тылу охватывали новые раіоны.

Неожиданно я получилъ отъ генерала Деникина письмо — отвѣтъ на посланное мною ему передъ отъѣздомъ изъ Крыма:

«Генераль-Лейтенантъ Февраля мѣсяца, 25 дня, 1920 г. А. И. Деникинъ.

Милостивый Государь,
Петръ Николаевичъ!

Ваше письмо пришло какъ разъ во-время — въ наиболѣе тяжкій моментъ, когда мнѣ приходится напрягать всѣ духовныя силы, чтобы предотвратить паденіе фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнѣніе въ Вашей роли въ борьбѣ за власть, то письмо Ваше разсѣяло его окончательно. Въ немъ нѣтъ ни слова правды, Вы это знаете. Въ немъ приведены чудовищныя обвиненія, въ которыя Вы не вѣрите. Приведены, очевидно, для той же цѣли, для которой множились и распространялись предыдущіе рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала, Вы дѣлаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжелой болѣзни, постигшей Васъ, Вы говорили Юзефовичу, что Богъ караетъ Васъ за непомѣрное честолюбіе...

Пусть Онъ и теперь проститъ Васъ за сдѣланное Вами русскому дѣлу зло.

А. Деникинъ».

Генераль Деникинъ, видимо, пересталъ владѣть собой.

Мы стали готовиться къ отъѣзду. Несмотря на то, что въ Константинополь оказалась масса знакомыхъ, я мало кого видѣлъ, цѣлые дни проводя въ прогулкахъ по городу и его окрестностямъ, знакомясь съ многочисленными памятниками старины. Изрѣдка по вечерамъ собирались мы въ одномъ изъ безчисленныхъ кафэ и за чашкой турецкаго кофе бесѣдовали съ А. В. Кривошеинымъ и П. Б. Струве.

Наконецъ день нашего отъѣзда былъ окончательно установленъ. За нѣсколько дней до него я получилъ письмо генерала Слащева. Письмо это было совершенно сумбурное, Слащевъ убѣждалъ меня не уѣзжать изъ Константинополя и ожидать какой-то телеграммы отъ него и Сената⁶³.

Онъ просилъ меня вѣрить въ безкорыстность руководившихъ имъ чувствъ, «но», — писалъ онъ, — «учитывая въ арміи популярность Вашего и моего имени, необходимо ихъ связать, назначивъ меня Вашимъ начальникомъ штаба». Письмо было для меня загадкой. Черезъ нѣсколько дней она разъяснилась.

Прижатая къ морю армія заканчивала борьбу. Изъ Новороссійска одинъ за другимъ прибывали транспорты, переполненные обезумѣвшими отъ ужаса и лишениій бѣженцами. Армія отходила, почти не оказывая сопротивленія. Было очевидно, что транспортныхъ средствъ не хватить и большая часть войскъ останется не погруженной.

Главнокомандующій находился въ Новороссійскѣ на цементномъ заводѣ, подъ охраной англичанъ. Жена его прибыла въ Константинополь и остановилась въ русскомъ посольствѣ. Передавались слухи, что генераль Деникинъ, видя неминуемый развалъ и гибель арміи, заявилъ, что «Новороссійска не оставитъ и пуститъ себѣ пулю въ лобъ». Однако, вскорѣ стало извѣстно, что 14-го Главнокомандующій на миноносцѣ оставилъ Новороссійскъ. Ставка перешла въ Феодосію. Успѣли погрузиться для переброски въ Крымъ лишь добровольцы, за исключеніемъ одного изъ, Марковскихъ полковъ, сводная кубанская бригада, гвардейская бригада 1-ой донской дивизіи и нѣкоторыя другія части Донской арміи. Оставленные на побережьи части Кубанской и Донской арміи отходили на Туапсе. Войска Сѣвернаго Кавказа сосредотачивались въ Поті.

Эвакуація Новороссійска превосходила своей кошмарностью оставленіе Одессы. Стихійно катясь къ морю, войска совершенно забили городъ. Противникъ, идя по пятамъ, настигъ неуспѣвшія погрузиться части, разстрѣливая артиллеріей и пулеметами сбившихся въ кучу на пристани и молу людей. Прижатые къ морю, насѣдавшей толпой, люди падали въ воду и тонули. Стонъ и плачь стояли надъ городомъ. Въ темнотѣ наступавшей ночи вспыхивали въ городѣ пожары.

⁶³ Сенатъ изъ Ростова былъ эвакуированъ въ Ялту, гдѣ продолжало оставаться большинство сенаторовъ.

Вскорѣ пришло извѣстіе объ оставленіи генераломъ Романовскимъ должности начальника штаба Главнокомандующаго. Уступая требованію общественнаго мнѣнія, генераль Деникинъ рѣшилъ принести въ жертву ему своего ближайшаго сотрудника⁶⁴. Генерала Романовскаго замѣнилъ генераль Махровъ. 16-го марта генераль Деникинъ рѣшилъ упразднить Южно-Русское правительство. М. В. Бернацкому было поручено составить новое «дѣловое учрежденіе». Такъ именовалось въ приказѣ Главнокомандующаго новое правительство.

20-го марта, наканунѣ нашего отъѣзда, адмираль де-Робекъ пригласилъ меня завтракать на флагманскомъ кораблѣ «Аяксъ». Я выходилъ изъ посольства, когда мнѣ вручили принятую англійской радіо-станціей телеграмму изъ Феодосіи отъ генерала Хольмана. Послѣдній сообщалъ, что генераль Деникинъ рѣшилъ сложить съ себя званіе Главнокомандующаго и назначилъ военный совѣтъ для выбора себѣ преемника. На этотъ совѣтъ генераль Деникинъ просилъ прибыть меня. Телеграмма показалась мнѣ весьма странной. На службѣ я уже болѣе не состоялъ и приглашеніе генераломъ Деникинымъ меня, только что оставившаго предѣлы арміи по его требованію, трудно было объяснить. Обстоятельства, при которыхъ генераль Деникинъ принялъ это рѣшеніе, стали мнѣ извѣстны лишь впоследствии.

18-го марта Главнокомандующій разослалъ старшимъ начальникамъ секретную телеграмму такого содержанія:

«Предлагаю прибыть къ вечеру 21-го марта въ Севастополь на засѣданіе военнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-кавалеріи Драгомирова, для избранія преемника Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи. Составъ совѣта: командиры Добровольческаго и Крымскаго корпусовъ, ихъ начальники дивизій, изъ числа командировъ, бригадъ и полковъ — половина (отъ Крымскаго корпуса по боевой обстановкѣ норма можетъ быть меньше), коменданты крѣпостей, командующій флотомъ, его начальникъ штаба, начальники морскихъ управленій, четыре старшихъ строевыхъ начальника флота. Отъ Донскаго корпуса генералы: Сидоринъ, Келчевскій и шесть лицъ изъ состава генераловъ и командировъ полковъ. Отъ штаба Главнокомандующаго: начальникъ штаба, дежурный генераль, начальникъ военнаго управленія, а также генералы: Врангель, Богаевскій, Улагай, Шиллингъ, Покровскій, Боровскій, Ефимовъ, Юзефовичъ и Топорковъ».

Я завтракалъ на «Аяксъ». Съ большимъ трудомъ я поддерживалъ разговоръ. Мысли все время вертѣлись вокругъ полученной телеграммы. Я не сомнѣвался, что борьба проиграна, что гибель остатковъ арміи неизбежна. Отправляясь въ Крымъ, я оттуда, вѣроятно, уже не вернусь. Въ то же время долгъ подсказывалъ, что идя съ арміей столько времени ея крестнымъ путемъ, дѣля съ ней свѣтлые дни побѣды, я долженъ испытать съ ней и чашу униженія и раздѣлить съ ней участь ея до конца. Въ душѣ моей происходила тяжелая борьба.

Завтракъ кончился, адмираль де-Робекъ просилъ меня и генерала Мильна пройти къ нему въ кабинетъ.

— «Сегодня я отправилъ вамъ принятую моей радіо-станціей телеграмму генерала Хольмана. Если вамъ угодно будетъ отправиться въ Крымъ, я готовъ предоставить въ ваше распоряженіе судно. Я знаю положеніе въ Крыму и не сомнѣваюсь, что тотъ совѣтъ который рѣшилъ собрать генераль Деникинъ для указаній ему преемника остановитъ свой выборъ на васъ. Знаю, какъ тяжело положеніе арміи и не знаю возможно ли ее еще спасти... Мною только что получена телеграмма моего правительства. Телеграмма эта дѣлаетъ положеніе арміи еще болѣе тяжкимъ. Хотя она адресована генералу Деникину, но я не могу скрыть ее отъ васъ. Быть можетъ содержаніе ея повліяетъ на ваше рѣшеніе. Я повторяю, не считаю себя вправѣ скрыть ее отъ васъ и, зная ея содержаніе, поставитъ васъ въ положеніе узнать тяжелую истину тогда, когда будетъ уже поздно».

Онъ передалъ мнѣ адресованную генералу Деникину ноту:

«Secret.

Le Haut Commissaire de Grande Bretagne à Constantinople a été chargé par son Gouvernement de faire au Général Dénikine un communiqué dans le sens de ce qui suit:

Le Conseil Suprême est d'avis que la prolongation de la guerre civile en Russie est, à tout prendre, l'élément le plus inquiétant de la situation européenne actuelle.

⁶⁴ Общественное мнѣніе было весьма неблагоприятно генералу Романовскому. Его называли «злымъ гениемъ Главнокомандующаго», считали виновникомъ всѣхъ ошибокъ послѣдняго. Справедливость требуетъ отмѣтить, что обвиненія эти были, въ значительной степени, голословны.

Le Gouvernement de Sa Majesté Britannique désire soumettre à l'appréciation du Général Dénikine l'intérêt qu'il y aurait, dans la situation actuelle, qu'une démarche fut faite auprès du Gouvernement des Soviets en vue de demander une amnistie tant pour la population de la Crimée en général, que pour le personnel de l'armée volontaire en particulier. Pénétré de la conviction que l'abandon de la lutte inégale est ce qu'il y aurait de plus avantageux pour la Russie, le Gouvernement Britannique se chargerait de cette démarche, le consentement du Général Dénikine une fois obtenu, et mettrait à la disposition de celui-ci et de ses adhérents principaux un asile hospitalier dans la Grande Bretagne.

Le Gouvernement Britannique, qui lui a fourni par le passé une large mesure d'assistance, grâce à laquelle seule la continuation de la lutte a été possible jusqu'ici, se croit justifié dans son attente que cette proposition soit acceptée. Si cependant le Général Dénikine jugeait la devoir refuser, afin de prolonger un combat manifestement désespéré, le Gouvernement Britannique se verrait obligé à renoncer toute responsabilité de cette action et à cesser dorénavant de lui fournir aucune assistance ou subvention de quelle nature que ce fut.

British High Commission.

2 apr. 1920, Constantinople⁶⁵.»

Отказъ англичанъ отъ дальнѣйшей намъ помощи, отнималъ послѣднія нажды. Положеніе арміи становилось отчаяннымъ. Но я уже принялъ рѣшеніе.

— «Благодарю васъ, если у меня могли быть еще сомнѣнія, то послѣ того, какъ я узналъ содержаніе этой ноты, у меня ихъ болѣе быть не можетъ. Армія въ безвыходномъ положеніи. Если выборъ моихъ старыхъ соратниковъ падетъ на меня, я не имѣю права отъ него уклониться».

Адмиралъ де-Робекъ молча пожалъ мнѣ руку. Я рѣшилъ выѣхать немедленно.

Генералъ Шатиловъ, узнавъ о моемъ рѣшеніи, пришелъ въ ужасъ.

— «Ты знаешь, что дальнѣйшая борьба невозможна. Армія или погибнетъ, или вынуждена будетъ капитулировать и ты покроешь себя позоромъ. Вѣдь у тебя ничего кромѣ незапятнаннаго имени не осталось. Ъхать теперь, это безуміе», — убѣждалъ онъ меня. Однако, видя, что его доводы безсильны, онъ объявилъ, что ѣдетъ со мной, не рѣшаясь оставить меня въ этотъ грозный часъ.

21-го марта броненосецъ «Императоръ Индіи» вышелъ въ Крымъ. Море стихло. Мощно разсѣвая волны, уносилъ меня корабль къ роднымъ берегамъ. Тамъ готовился эпилогъ русской трагедіи. Надъ предпослѣднимъ актомъ ея готовъ былъ опуститься занавѣсъ исторіи.

31 іюля 1922 года.

Бѣлградъ.

⁶⁵ «Секретно.

Верховный Комиссаръ Великобританіи въ Константинополь получилъ отъ своего Правительства распоряженіе, сдѣлать слѣдующее заявленіе генералу Деникину.

Верховный Совѣтъ находитъ, что продолженіе гражданской войны въ Россіи представляетъ собой, въ общей сложности, наиболѣе озабочивающій факторъ въ настоящемъ положеніи Европы.

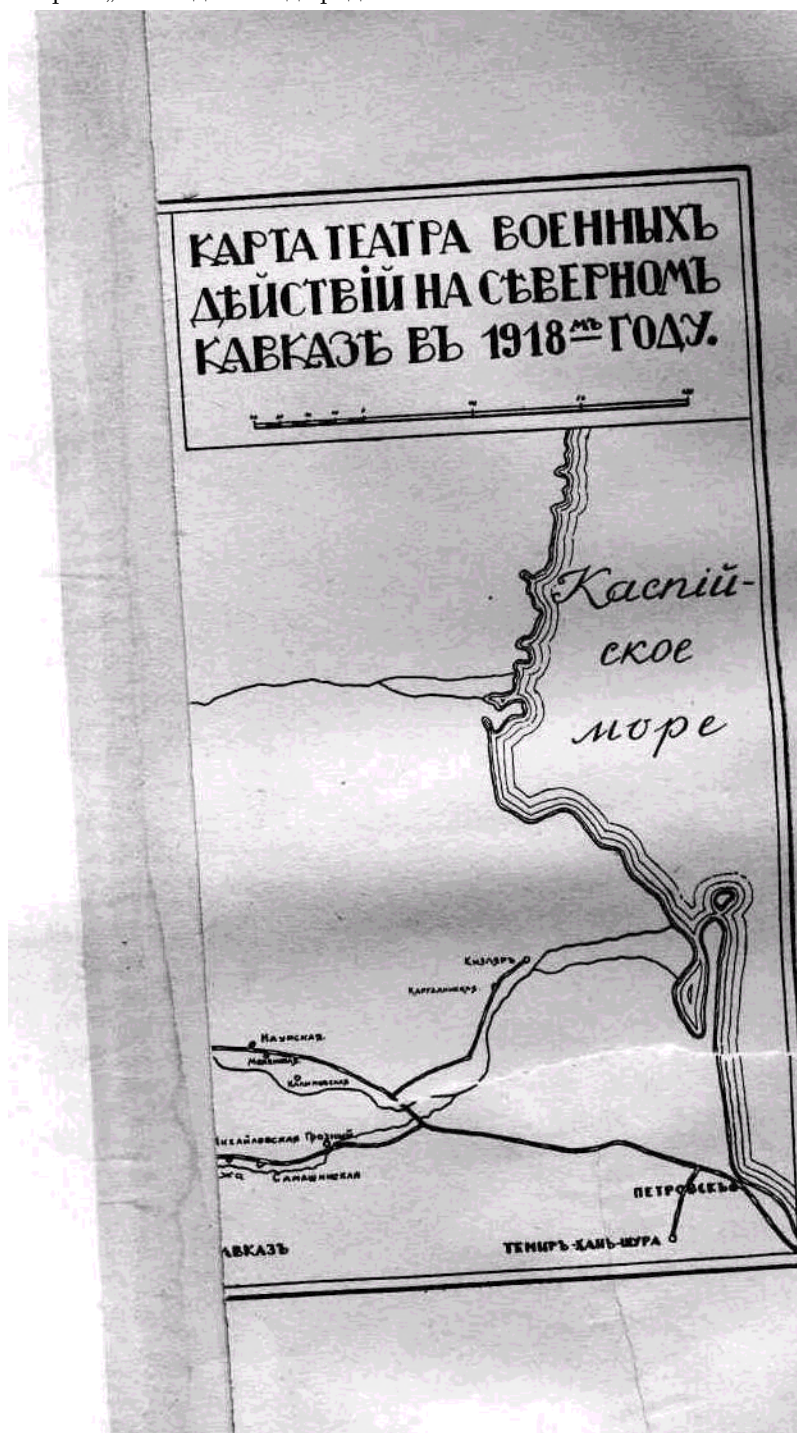
Правительство Его Величества желаетъ указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой, въ настоящемъ положеніи, обращеніе къ совѣтскому правительству, имѣя въ виду добиться амнистіи какъ для населенія Крыма вообще, такъ и для личнаго состава Добровольческой арміи въ частности. Проникнутое убѣжденіемъ, что прекращеніе неравной борьбы было бы наиболѣе благопріятно для Россіи, Британское Правительство взяло бы на себя инициативу означеннаго обращенія, по полученіи согласія на это генерала Деникина и предоставило бы въ его распоряженіе и въ распоряженіе его ближайшихъ сотрудниковъ, госгепримное убѣжище въ Великобританіи.

Британское Правительство, оказавшее генералу Деникину въ прошломъ значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящаго времени, полагаетъ, что оно имѣетъ право надѣяться на то, что означенное его предложеніе будетъ принято. Однако, если бы генералъ Деникинъ почелъ бы себя обязаннымъ его отклонить, дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то въ этомъ случаѣ Британское Правительство сочло бы себя обязаннымъ отказаться отъ какой бы то ни было отвѣтственности за этотъ шагъ и прекратить въ будущемъ всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину.

Британскій Верховный Комиссаріатъ.

3 апрѣля 1920. Константинополь.»

Часть вторая: „Послѣдняя пядь родной земли“ — въ книгѣ VI-й Лѣтописи.

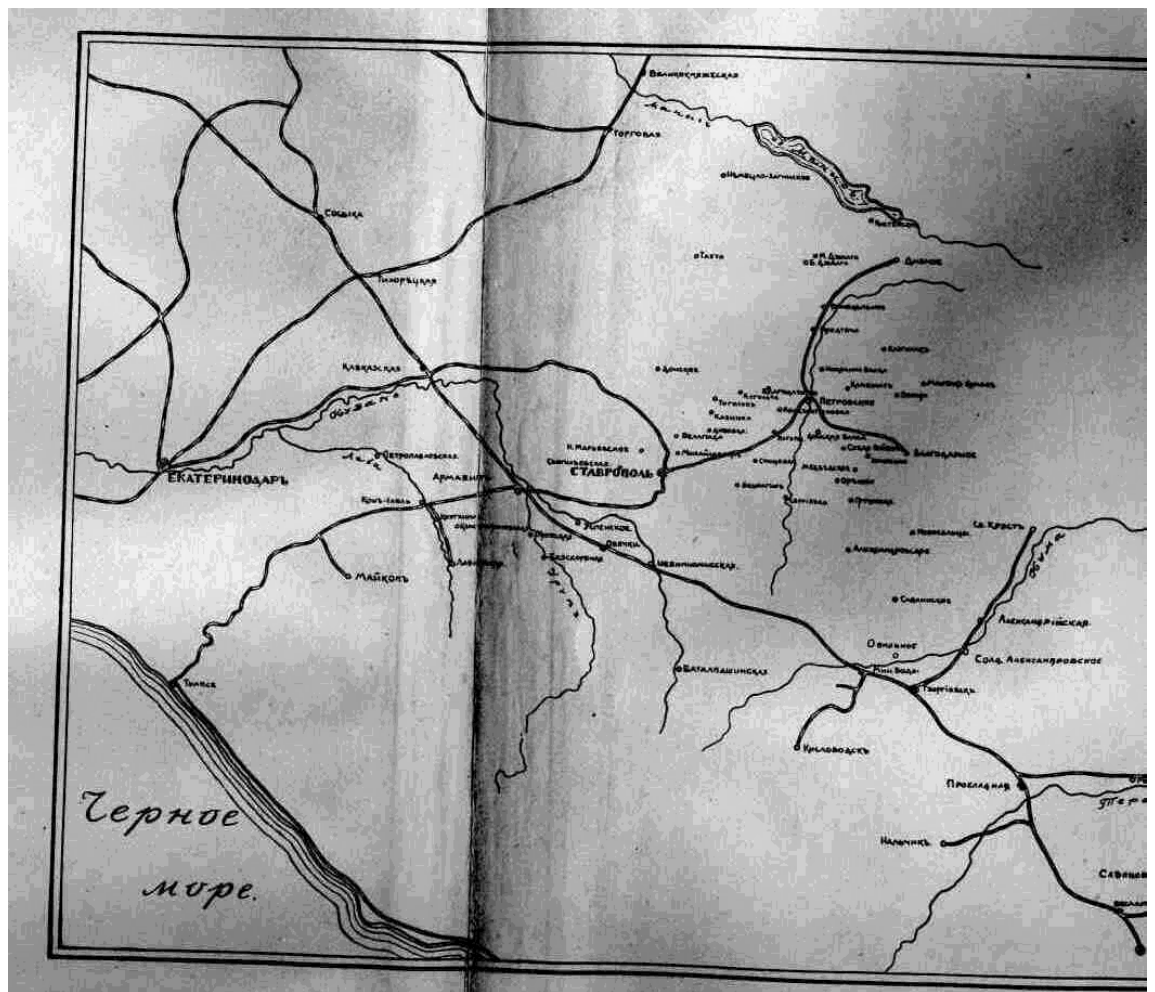
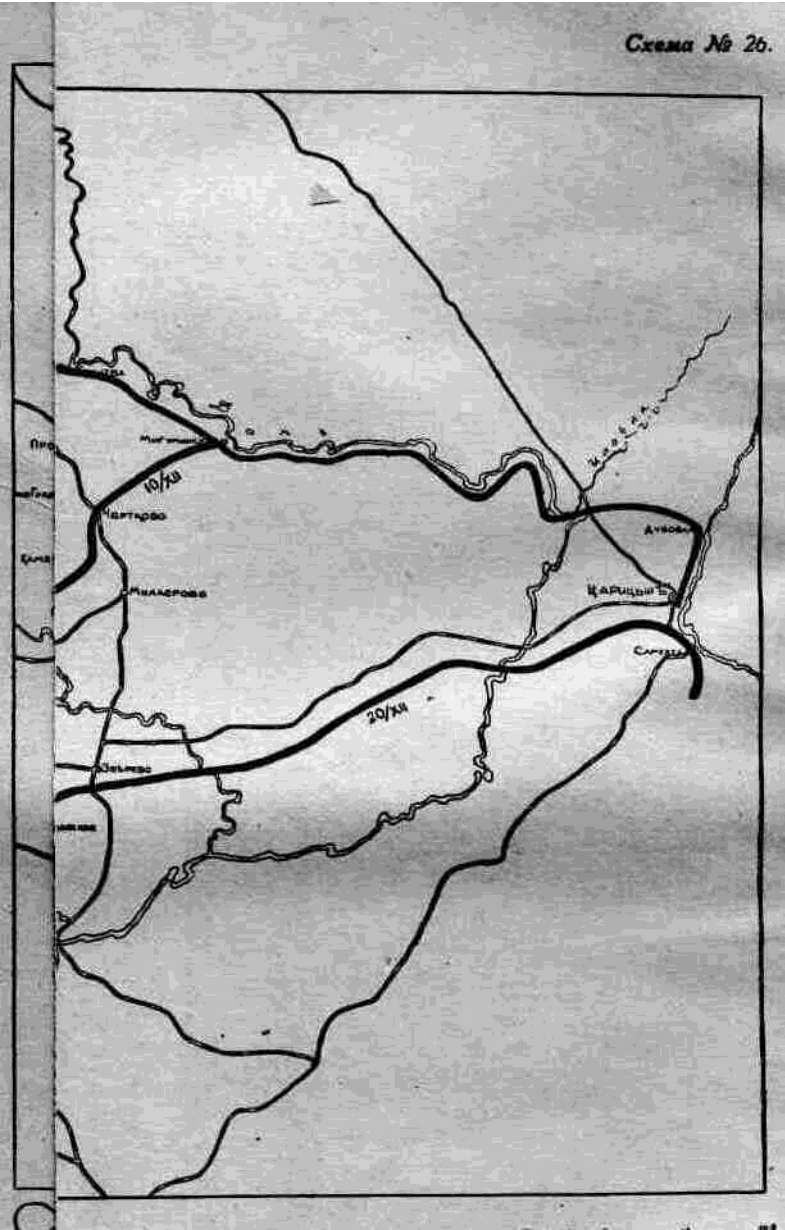

Схема № 26.

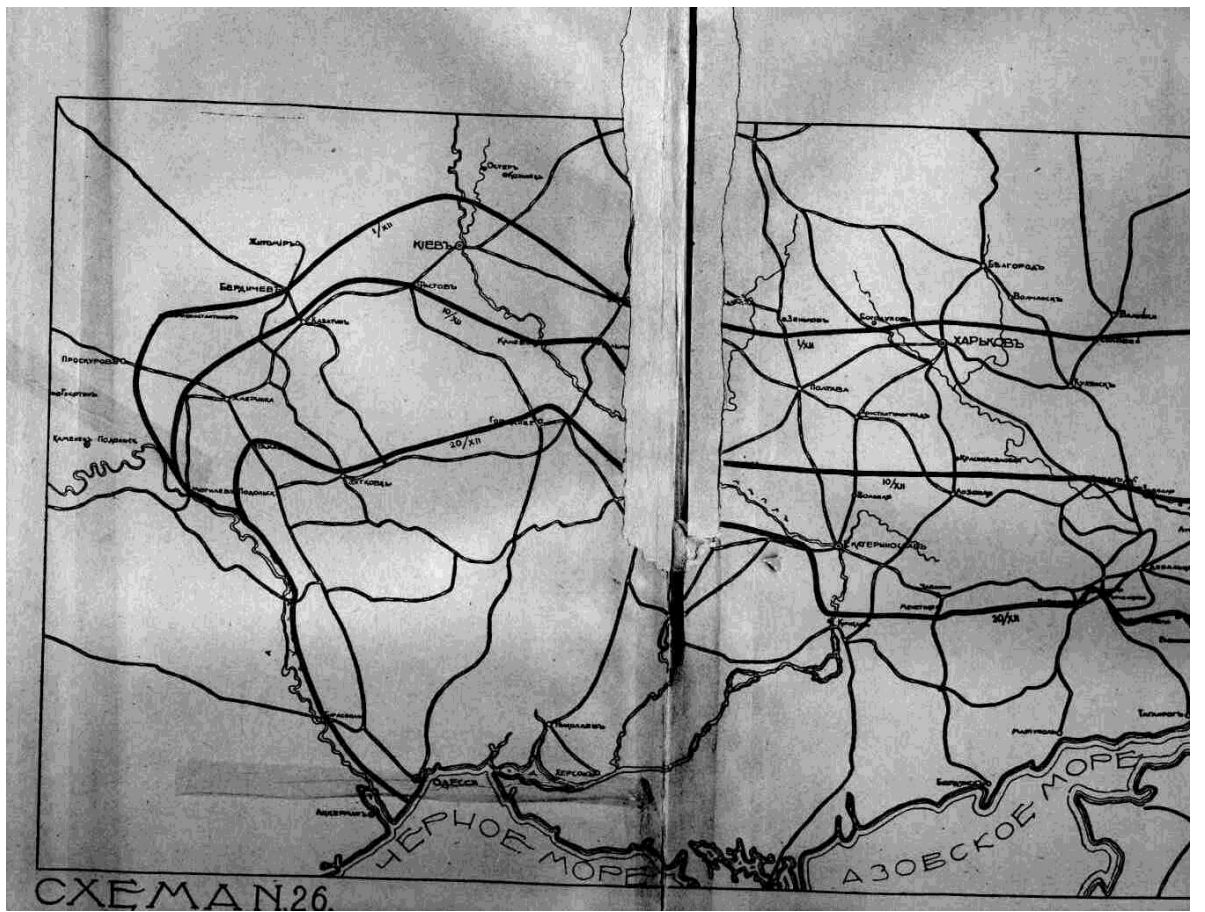

Схема № 27.

